

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

КОСМОС И ХАОС: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ ПОРЯДКА И БЕСПОРЯДКА

Составитель и ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2003

УДК 81
ББК 81
Л 69

0

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 02-04-16113)*

Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова — М.: Индрик, 2003. — 640 с.

ISBN 5-85759-245-3

В книге рассматривается отражение в языке — его грамматической структуре и лексической семантике, а также в обыденной речи и художественных текстах — явлений порядка и беспорядка, присутствующих в разных сферах природы и человеческой жизни — ментальной, эмоциональной и социальной, взятых в аспекте статики и динамики. Особое внимание уделено концептуализации феноменов порядка и беспорядка в разных национальных культурах, в мифологии и фольклоре.

Книга предназначена для широкого круга филологов.

ВСТУПЛЕНИЕ

Н. Д. АРУТЮНОВА

О ДВИЖЕНИИ, ЗАБЛУЖДЕНИИ И ВОСХОЖДЕНИИ

Хаос (от греч. *χάος*, имя от глагола *χάσσω* 'разверзаюсь, зияю, зеваю') — первичное бесформенное состояние материи. В греческой философии — начало всякого бытия, физическое вместилище вещей. Позднее хаос начинает пониматься как первозданное беспорядочное состояние элементов, способных к умножению и творению. Хаос становится как бы всепорождающим и всепоглощающим началом. Его основное свойство — движение. Хаос — это игра разнонаправленных сил. Хаос стихийен, динамичен и лишен образа. Хаос погружен во мглу, безвиден и безлик. В хаосе соединены два аспекта — пространственный и животворящий, место и жизненная потенция. В нем совпали начала и концы. Хаос диалектичен. В нем живут противоречия. В нем действуют несогласованные между собой силы.

Динамика приближает хаос к идее времени и вместе с тем к идее жизни, из которой он доселе не изжит. Неизжитый из жизни хаос не мешает человеку любить жизнь. Иван Карамазов говорит: «Разуверься я в порядке вещей, убедись даже, что всё — беспорядочный, проклятый и, может быть, бесовской хаос... и я все-таки захочу жить» (Достоевский). Хаос губит, но манит (см. статью Н. Б. Мечковской в настоящем сборнике). На смену хаосу приходит мифологический космос.

Космос (греч. *κόσμος*, первоначально значившее 'наряд', 'украшение') — целостная и гармоническая структура, ряд, строй, устройство, порядок. Космосом называли также сферическую часть Вселенной, окруженную хаосом. В отличие от хаоса, космос внутренне организован, упорядочен, уравновешен и статичен. Хаос безмерен, в космосе царят мера и пропорция. Хаос непрерывен, космос дискретен. Он обладает целостной формой. По вертикали ее составляют три «яруса»: небо, земля и подземное царство, хтонический мир или тартар, населенный демонами и иногда уравновешен и статичен. Хаос безмерен, в космосе царят мера и пропорция. Хаос непрерывен, космос дискретен. Он обладает целостной формой. По вертикали ее составляют три «яруса»: небо, земля и подземное царство, хтонический мир или тартар, населенный демонами и иногда отождествляемый с хаосом. Космос прекрасен, в нем царят мера и пропорция. Само слово *κόσμος* было наделено в греческом языке положительными эстетическими коннотациями. Платон говорит о космосе как о «прекраснейшей из возникших вещей» (Тимей, 29а, 37с). Но классически правильная красота его не жизненна: космос не развивается. Динамика кос-

моса предстает в виде кругооборота, неизменно повторяющихся и законосообразных циклов. Это своего рода динамика статики, вечного вращения или вечного возвращения, динамика, лишенная устремленности к цели, не направленная от начала к концу. Космос вечен и самодостаточен. Он — самоцель. Поэтому эстетическая оценка космоса допускает введение в него элементов хаоса. Так, в статье, посвященной красоте в природе Вл. Соловьев писал: «Хаос, т. е. само безобразие, есть необходимый фон всякой земной красоты, и эстетическая ценность таких явлений, как бурное море, зависит именно от того, что под ними хаос шевелится» [Соловьев 1988: 368]. Не случайно искусство, а в живописи даже натюрморт, т. е. «мертвая природа», так или иначе выражает динамику жизни.

Теперь обратимся к Библейской мифологии. Первая книга Библии — Бытие — начинается с акта творения. «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт 1: 1, 2). На шестой день завершается сотворение мира: в нем появляется человек — в образе Адама и Евы.

Библейская мифология заменила круговращение космоса линией, по которой мир совершает поступательное движение. «Если мир греческой философии и греческой поэзии — это „космос“, т. е. законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии — это „олам“, т. е. поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история. Внутри „космоса“ даже время дано в модусе пространственности. В самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени столь характерное для него свойство необратимости и придает ему мыслимое лишь в пространстве свойство симметрии. Внутри „олама“ даже пространство дано в модусе временной динамики — как „вместилище“ необратимых событий» [Аверинцев 1977: 88; разрядка автора]. *Олам* означало 'сокрытое', 'вечное', позднее 'век', 'вечность'. Оно представляло «мир как время и время как мир» (в немецком переводе *Weltzeit*). Древнееврейский термин *'ōlām* передавался греч. αἰών 'эон' и лат. *seculum* 'век' [Там же: 263]. Эон — это жизненный век, время жизни как некая самозамкнутая структура.

Новый Завет принял традицию библейского мистического историзма. Он придал миру целенаправленность, движение к концу, завершению, предложив учение о конечных судьбах мира — эсхатологию. Но он имел также своей целью упорядочить жизнь человека, подчинив ее новой вере и заповедям. Он имел своей целью установить в человеке и человеческом обществе нравственный порядок, изжить и искоренить пороки. Не случайно в текстах Нового Завета так часто перечисляются формы «нравственного беспорядка», ведущего к безнравственному поведению. Так, например, апостол Павел говорит в одном из своих посланий верующим: «Я опасюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю... чтобы не найти у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков...» (2 Кор 12: 20).

Сотворенный по образу и подобию Божию человек предназначен Богом владычествовать над землею и над всею тварью, ее населяющей (Быт

6: 26). Кто же установил законы, порядки и правила владения и правления и каков их характер? Природны они или условны, вечны или изменчивы, подвластны или неподвластны человеку? Где проходит граница, отделяющая природные, Богом данные, законы от установлений, исходящих от человека, который, «плодясь и размножаясь» по Божьему велению, населил землю существами, себе подобными, но распределенными по разным этносам, причем племена и народы имеют разный образ и следуют разному образу жизни.

По мысли Платона, человек, Бог и космос аналогичны по своей структуре. Но значит ли это, что все они подчинены одним правилам, принципам и порядкам? Значит ли это, что во всех них формы порядка и беспорядка одинаковы или хотя бы аналогичны? Значит ли это, что микрокосм повторяет структуру макрокосма? Очевидно, что нет. В человеке соединены душа и тело, дух и материя. В нем естественные, природные нормы постоянно взаимодействуют с этическими принципами и социальными конвенциями. Между теми и другими не проведена четкая линия. Более того, она не совпадает с границей между добром и злом.

Иисус Христос сказал ученикам своим, что «ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его. Потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища. Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека. Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Все это зло изнутри исходит и оскверняет человека» (Мк 7: 18–23). Но все эти злые помыслы не плод усилий разума. Они вошли в сердце человека через «яство», когда, согласно библейскому мифу, Адам и Ева вкусили запретный плод от дерева познания и стали «как боги, знающие добро и зло» (Быт 3: 5). Добро и зло внедрились в самую природу человека. Нравственное знание стало как бы плотью души, и оно скоро обнаружило себя в действии: Каин убил брата своего Авеля. Познание обернулось грехопадением.

Христианство стремилось вложить в самую природу человека этические принципы — Христовы заповеди, «записать их на плотных скрижалях сердца» (Евр 10: 16), заставить человека поступать не по долгу, а по велению сердца, соединить в сердце любовь и добро. Вторая по важности христианская заповедь — «Возлюби ближнего как самого себя» — принимает за эталон «природной» (не условной) любви — любовь человека к самому себе. Выполнить эту заповедь непросто. Человек склонен забывать о любви к ближнему и вновь обращать любовь на самого себя. Поэт спрашивает: *Кого ж любить? Кому же верить? Кто не изменит нам один?* И отвечает с серьезной шутливостью (или шутливой серьезностью): *Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! Предмет достойный: ничего Любезней верно нет его* (Пушкин).

В чувство любви к другому человеку — «ближнему» — постоянно вторгается социальный интерес. Так, говорят, что кто-то *заслуживает / не заслуживает любви*, превращая тем самым любовь в награду вышестоящего за службу, услугу и выслугу «соискателя». *Обожают* (в соот-

ветствующем этимологии смысле), напротив, того, кто социально возвышен и недосягаем, того, кого *боготворят*. Есть много видов любви, различающихся мерой присутствия в них социального и природного начала, диктующих разные правила поведения и разную меру единения и уединения.

Христова проповедь все же ввела любовь к ближнему в сердца тех, кто исповедует его вероучение. Левин — герой романа Л. Толстого «Анна Каренина» — спрашивает себя: «Разумом, что ли, дошел я до того, что надо любить ближнего и не душить его?» И продолжает: «Не разумом. Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы душить всех, мешающих удовлетворению моих желаний. Это вывод разума. А любить другого не мог открыть разум, потому что это не разумно». Далее Левин приходит к заключению, что «все теории философские путем мысли, странным и несвойственным человеку, приводят его к знанию того, что он давно знает, и так верно знает, что и без того и жить бы не мог» (Л. Толстой). Таким образом, предметом познания становится врожденное знание; см. пространные рассуждения Ф. Достоевского о глубинном нравственном знании и его познании в «Дневнике писателя» за июль-август 1877 г.

На этом простом примере мы хотели показать, что, если отвлечься от мифологических понятий космоса и хаоса и говорить о таких концептах, как порядок и беспорядок, закон, правило, кодекс, заповедь, запрет и всякого рода девиаций в разных областях жизни, в том числе во внутреннем мире человека, необходимо отличать естественные, природные порядки и установления от социальных конвенций, в разной мере с ними согласованных и в разной мере усвоенных природой человека. Заметим, что семантика самих «слов порядка» этого различия не проводит с необходимой четкостью. Так, могут быть, *законы природы, общества, религии (Закон Божий), науки, логики, законы племени, рода, семьи, личности и даже «воры в законе»*.

* * *

Хаос и космос, порядок и беспорядок одновременно неразлучны и враждебны друг к другу: хаос постоянно стремится к самоорганизации, а космос — к распаду и дезорганизации. Хаос и космос вездесущи. Они распределены по всем сферам Вселенной. Нет такой области, в которой нельзя было бы наблюдать самые разные формы порядка и беспорядка, существующие как в статике, так и в динамике, как в пространстве, так и во времени.

Борьба порядка и беспорядка есть основная форма существования Вселенной: природы — живой и неживой; человеческого общества, его малых и больших фрагментов; личного и социального взаимодействия людей, государств и народов; эмоциональной и рациональной сфер внутреннего мира человека; его поведения и деятельности; его физического организма, как и других организмов и механизмов, функционирующих согласно определенным правилам и ритмам; событиям и поступкам; че-

ловеческой речи и человеческому языку, как и всем прочим семиотическим системам; науке и разным видам искусства — поэзии, музыке и живописи; наконец, миру предметов — утилитарных и орнаментальных — и так далее и тому подобное до бесконечности, в которой тоже присутствуют и хаос и космос, и порядок и беспорядок, существующие синхронно или сменяющие друг друга.

Беспорядок как бы необходим человеку. Напомним слова подпольного парадоксалиста Достоевского: «Я нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной... физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного раза ногой прахом, единственно с той целью... чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!» (Ф. Достоевский. «Записки из подполья»).

Но у человека велика также воля к порядку. Она заставляет его упорядочивать наиболее опасные формы беспорядка — войны, сражения, битвы, поединки, разрабатывая для них целые системы правил и даже превратив их в искусство и спорт.

Обилие сфер порядка и беспорядка оборачивается обилием их форм, а обилие форм — избытком соответствующих им слов, причем лексическое пространство оккупировано преимущественно словами беспорядка, отмечающими разные виды отклонений от норм, специфических для каждой сферы. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки медицинскую энциклопедию, уголовный кодекс или даже историю государства Российского, полную смут и смутных времен. Лексика норм гораздо менее разнообразна и более универсальна.

Порядок и беспорядок, как упоминалось, проявляют себя и в статике и в динамике.

В статике понятия порядка и беспорядка сосуществуют в пространстве, динамика связывает их с временем.

Формы статического порядка/беспорядка определяются пространственными параметрами и их ориентацией. Они специфичны для одномерного, двумерного и трехмерного пространств. Они зафиксированы геометрией и стереометрией, заменившими, как и всякое теоретическое построение, понятия порядка и беспорядка понятиями правильности и неправильности. В одномерном пространстве мыслим только порядок — прямая линия.

Геометрические формы создают своего рода маршруты движения, переключающие порядок и беспорядок в сферу динамики. Движение происходит одновременно в пространстве и во времени — четвертом измерении, которое неизбежно присоединяет к линейности направленность. Одномерная фигура — прямая горизонтальная линия — задает правильный маршрут целенаправленного движения. Обратное движение по прямой, т. е. движение от цели, уже создает беспорядок, а всякое отклонение от прямой предполагает двумерность пространства. Прямая представляет собой кратчайший путь к пункту назначения, принимаемому за цель. «Цель» — одно из основных понятий, определяющих

порядок в любых формах динамического мира человека. Цель не допускает множественности. Только одна-единственная цель способна упорядочить беспорядок. Как только цель множится или постоянно меняется, движение становится беспорядочным. Человек *мечется, бросается из стороны в сторону, разбрасывается, сбивается с пути, теряет дорогу, блуждает*, становится *беспутным, непутевым, распутным*. В его жизни наступает распутица. Перекресток, на котором он стоит, превращается для него в крест. Не менее опасно для порядка отсутствие цели. Не случайно в русском языке так много глаголов, обозначающих бесцельное движение: *брести, бродить, метаться, слоняться, шататься, таскаться, шляться, шастать*. Их семантика проанализирована в [Левонтина, Шмелев 1999: 270–275]; см. также статью И. И. Макеевой о глаголах *саваться, мыкаться, метаться* в настоящем сборнике. К этой группе близки глаголы *скитаться, странствовать*, хотя не в своем первичном значении. О скитальчестве см. статью Е. М. Верещагина в настоящем сборнике. От глаголов беспорядочного движения образуются имена лиц. По просторам России бредут или едут *бродяги, шатуны, гуляки, скитальцы*, также *гуляющие люди*, как раньше на Руси называли бездельников и людей не нашедших себе пристанища или применения. Их сменили *бомжи*. Русские *скитальцы*, впрочем, часто предпочитали скитаться не по родной стране, а по Европе или Америке.

Если отправной пункт помещен в центре некоторого двухмерного пространства, то от него могут быть прочерчены прямые маршруты движения во всех возможных направлениях. Одновременное перемещение ряда объектов из одной точки в разные концы обозначается приставочными глаголами: *разбежаться, разлететься, разойтись, разбредтись, растащить* и пр.; см. о них статью Э. Киро-Хервилья в настоящем сборнике.

Небезынтересно отметить, что размышляя над чем-либо или решая какую-нибудь задачу, человек часто ходит по комнате, обычно их угла в угол. Если его мысль сосредоточенна и целенаправленна, то он движется по прямой. Если же мысль его обращается то к одному, то к другому решению или рассеивается, он начинает метаться из стороны в сторону, ходить вкривь и вкось, бродить по городу, как это делал, например, Раскольников и до, и после совершенного им преступления.

В трехмерном пространстве ситуация усложняется. Горизонтальная прямая становится наклонной или вертикалью. Движение получает еще один различительный признак. Оно может идти по восходящей или по нисходящей. Оно может быть взлетом или падением. Ориентация прямой на цель утрачивает свою эффективность. По прямой может быть проложен путь в бездну. По прямой отмеряется кратчайшее расстояние к гибели. Митя Карамазов говорит: «Если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх ногами, и даже доволен, что именно в унижительно-м таком положении падаю и считаю это для себя красотой» (Достоевский). Движение вниз связано с отрицательными коннотациями (ср.: *пасть, падение, грехопадение, падшая женщина, провал, провалиться, опуститься, унизиться*). Движение вверх требует затраты сил,

но приносит положительный результат. Вверх влечет вдохновение, духовный подъем, взлет, восхождение. Эти состояния духа часто стихийны и неупорядоченны. В них может присутствовать хаос. Но именно в них зарождается творческая энергия, создающая искусство; об иррациональном источнике движения см. [Лейвен-Турновцова 1999]. Искусство — это акт обращения хаоса в космос. Оно выявляет потенциальную космическую сущность хаоса и придает ей образы и формы. Оно делает безобразное прекрасным. Поэтому не случайно, что целый ряд статей в этой книге посвящен проблемам эстетики. Не случайно также то, что группа «Логического анализа языка» от изучения процессов, протекающих в динамическом мире, перешла к анализу концептов, связанных с космосом и хаосом, а от них — к понятийным полям прекрасного и безобразного, составившим тему конференции 2002 г.

Итак, простейшие формы порядка и беспорядка заданы пространством и его параметрами. Соединение пространства и времени создает динамический порядок и беспорядок. Движение прокладывает пути метафоризации слов, обозначающих соответствие и особенно несоответствие норме. Они ведут в сферы социальных, ментальных, эмоциональных, этических и др. значений. Так выстраивается общая модель лексикона порядка и беспорядка. Человек сначала *теряет путь* или *сбивается с пути* в лесу или городе, потом в своей деятельности, в своих воззрениях, рассуждениях и размышлениях, становясь *непутевым* или *беспутным*, и, наконец, в нравственных установках и поведении, становясь *распутным*. *Блуждание* по лесам сменяется *заблуждением*, *плутовством* и *блудом*. Вместо *заблудившегося* человека появляется *заблудший*, который легко может стать *плутоватым* или *блудливым*, *плутом* или *блудницей*. Точно так же *гулянье* и *прогулки* могут обернуться *прогулами*, *загулами* и *разгулом*, *ходьба* и *хождение* — *похождениями* и т. д.

Авторы настоящего сборника старались не сбиваться с выбранного ими пути, но иногда от него отклонялись или заблуждались, приглашая читателя к размышлениям и возражениям, а также к дальнейшей разработке предложенных тем и суждений.

* * *

Сборник начинается переводом статьи выдающегося логика, философа и культуролога современности — Георга Хенрика фон Вригта, посвященной психофизическому взаимодействию человека и внеположенной ему действительности, тем механизмам, которые обеспечивают и упорядочивают непосредственные реакции человека на поступающие извне стимулы и сигналы. Именно сбой этих механизмов создают беспорядок в отношениях человека с окружающей его средой.

Акад. Г. Х. фон Вригт — крупнейший логик и философ аналитического направления, автор блестящих работ по модальной логике, в которых большое место отведено почти не изучавшейся ранее деонтической модальности, приведшей его к обширным исследованиям в области тео-

рии оценки. Г. Х. фон Вригт — ученик и последователь Л. Витгенштейна. В 1948 г. он принял от него кафедру философии в Кембриджском университете, которую оставил в 1951 г., когда пришел к трудному для себя решению вернуться на родину — в Хельсинки. Научный путь Г. Х. фон Вригта освещен в предисловии В. А. Смирнова к книге избранных произведений фон Вригта [Вригт 1986], а также в автобиографической статье самого Г. Х. фон Вригта [Wright 1993].

В сферу интересов Г. Х. фон Вригта входят также гуманитарные дисциплины — литература, история, культурология. В 2000 г. в Санкт-Петербурге вышла его книга «Три мыслителя». В ней собраны очерки, посвященные Ф. Достоевскому, Л. Толстому и Н. Бердяеву, произведения которых автор читал в оригинале. В книгу включена также чрезвычайно интересная статья «Модернизация как псевдоморфоз», написанная в 1996 г. В ней предметом анализа является проблема заимствования и введения в русскую культуру европейских форм цивилизации, современных технологий, а также идеологических концепций и систем, начиная с эпохи Петра I.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1977 — Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

Концепт движения 1996 — Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Вригт 1986 — Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М., 1986.

Левонтина, Шмелев 1999 — Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. На своих двоих, лексика первого перемещения // Логический анализ языка 1999.

Лейвен-Турновоцова 1999 — Лейвен-Турновоцова И. ван. Динамическое и статическое на фоне противопоставления иррационального и рационального // Логический анализ языка 1999.

Лосев 1982 — Лосев А. Ф. Хаос // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2.

Лосев 1996 — Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.

Логический анализ языка 1999 — Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.

Смирнов 1986 — Смирнов В. А. Вклад Г. Х. фон Вригта в логику и философию науки / Вригт 1986.

Соловьев 1988 — Соловьев Вл. Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 2.

Топоров 1982а — Топоров В. Н. Космос // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2.

Топоров 1982б — Топоров В. Н. Хаос // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2.

Wright 1993 — Wright G. H. von. A Pilgrim's Progress // Wright G. H. von. The Tree of Knowledge and Other Essays. Leiden; N. Y.; Köln, 1993.

Г. Х. ФОН ВРИГТ

ПСИХО-ФИЗИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ЗАМКНУТОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО МИРОПОРЯДКА*

Введение

Текст

I.

Как известно, Декарт строго разделял дух и тело, ментальное и материальное (физическое), считая при этом, что обе эти сферы находятся в постоянном взаимодействии между собой. События в мире природы воздействуют на органы чувств тех, кто их воспринимает. Порождая чувственные ощущения, они являются факторами, вызывающими чувственные ощущения, или их причинами. А акты воли порождают телесные движения воспринимающих существ и вызывают изменения в материальном мире.

Декарт разработал детальную теорию того, как может осуществляться подобное психо-физическое взаимодействие, не вступая в конфликт с законами природы. Однако его теория была философской фантазией, и она не удовлетворила независимо мыслящих критиков. Были предложены различные способы разрешения дилеммы взаимодействия духа и материи: дуалистический окказионализм (Мальбранш), монистический параллелизм (Спиноза), редукционистский материализм (Гоббс), атомистический идеализм (Лейбниц).

Рассуждая с необходимой осторожностью, я попытаюсь показать в этой статье, что можно, не подрывая принципов физики, принять теорию психо-физического взаимодействия, основываясь на положении, которое я буду называть каузальной замкнутостью физического порядка вещей. Возможно, мою позицию можно было бы определить как вновь предпринятую защиту некоторых интуитивно выдвинутых картезианских положений.

* Первая публикация в [Wright 2001].

II.

Звуковые волны воздействуют на орган слуха некоего существа и порождают процессы во внутреннем ухе и в конце концов в слуховом нерве. Субъект испытывает акустическое ощущение. Я исхожу из того, что отношение между звуком (акустическим стимулом) и процессами в органе слуха, включая реакцию органа Корти (улитки), несомненно, является каузальным, в смысле, отвечающем физико-химическим понятиям. Однако каким является отношение между звуком и акустическим ощущением? Является ли оно также каузальным?

Звук и акустическое ощущение связаны отношением временной последовательности: *сначала* звуковые волны достигают уха и воздействуют на орган слуха, а *затем* субъект нечто слышит. Регулярность этой временной последовательности может быть проверена экспериментально. Когда царит тишина и мы «практически уверены», что субъект ничего не слышит, разве что мы нарушим тишину, вслед за звуком, произведенным в непосредственной близости от субъекта, у него появится акустическое ощущение, если и не каждый раз без исключения, то все же с высокой степенью регулярности. О том, что это ощущение существует, мы заключаем на основании «сообщения» или какой-либо другой реакции субъекта.

Данные факты последовательности «звук — слуховое ощущение» оправдывают высказывание, согласно которому звук, воздействующий на ухо, *является причиной* слухового ощущения (т. е. акустических реакций). Таким образом, физическая причина вызывает психическое (ментальное) действие. Как известно, существуют исключения из этого правила. Слух субъекта может быть поврежден, или его внимание может быть отвлечено какой-либо другой деятельностью [Wright 1998: 155].

III.

Мы выделили два вида каузальных отношений. Один — между двумя физическими событиями, звуком и нервными процессами. Другой — между физическим и ментальным событиями, между звуком и слуховой реакцией. Остается рассмотреть третий тип отношений. Речь идет об отношении между нервными процессами и акустическим ощущением, каузально связанным со звуком. Является ли это отношение каузальным? Является ли реакция в органе Корти *причиной* акустического ощущения? Необходимо ли,

чтобы реакция органа наступала *прежде*, а слуховая реакция *затем*? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ.

Оба события, физическое в нервной системе и ментальное «в духовной сфере», по крайней мере отчасти совпадают во времени. Зададимся в таком случае вопросом: может ли одно из событий быть *более продолжительным*, чем другое?

Очевидно, что нервные процессы могут длиться дольше, чем слуховые впечатления, причем «с обоих концов». Процессы в нервной системе могут начаться несколько ранее слухового впечатления, и они могут продолжаться некоторое время после того, как слуховое впечатление уже закончилось. По-видимому, часто именно так и происходит. Во всяком случае это вполне допустимо.

Поставим теперь вопрос наоборот: может ли слуховое впечатление длиться дольше, чем нервная реакция, возникшая в ответ на звук? И если да, то что бы это могло значить? Это могло бы значить *либо*, что в отрезок времени, предшествующий воздействию звука на орган Корти, субъект испытывает акустическое ощущение, *причиной которого является звук*. *Либо* это значит, что слуховое ощущение продолжается некоторое время после того, как нервное возбуждение закончилось, т. е. когда воздействие звука уже невозможно установить.

Возможны ли такие ситуации? Рассмотрим их по порядку. Может произойти следующее: слышащий субъект может в *предвосхищении* звука думать, представлять или, быть может, даже испытывать галлюцинацию, будто он слышит этот звук. Например, некто, боящийся грома, может при виде молнии вздрогнуть и *быть уверенным*, будто уже слышит раскаты грома, прежде чем он их *действительно* услышит, т. е. прежде чем звуковые волны «успеют» на него подействовать. Причина того, что он это «думает», может находиться также в мозгу или нервной системе, однако этой причиной не могут быть те звуковые волны, которые еще не подействовали на его орган слуха. Процесс слышания невозможно оторвать, таким образом, от его церебральной основы. Это, как мне представляется, понятийная констатация: то, что некто слышит звук, необходимо предполагает «каузальное опосредование» нервных процессов, вызванных этим звуком.

Может ли быть так, что слуховое впечатление, изначально обусловленное звуковыми волнами, оказавшими воздействие на орган Корти, продолжается некоторое время после того, как вызвавший его звук затих? Как определить в этом случае, *когда* он затих? Мне кажется, что до тех пор, пока можно утверждать,

что слуховое ощущение субъекта каузально обусловлено звуковыми волнами (а не только воображением), до тех пор должно продолжаться их воздействие на нервную систему. Иначе акустическое впечатление было бы подобно «ментальному облаку», парящему во времени без привязки к какому-либо церебральному процессу. Это также понятийная констатация, имеющая отношение к тому, что я назвал *эпистемическим приоритетом* ментального в отношении нервного [Ibid.: 143–144, 147]. Появление или непоявление ощущения является мерой времени каузального воздействия звука.

Если невозможно отделить во времени акустическое ощущение от его источника (его причины) в мозгу, то это значит, что ощущение должно быть строго симультанно по крайней мере с частью времени, если не со всем временем протекания определенных нервных процессов. Эти процессы, как уже говорилось ранее, могут «с обоих концов» выходить по времени за пределы ощущения. Однако обратное невозможно. Утверждать противоположное этому значило бы делать уступку «анимистическому» или «магическому» представлению об отношении духа и мозга.

IV.

За слуховым событием, за появлением акустического ощущения часто следуют действия-реакции. Например, раздается стук в дверь, и субъект поворачивает голову, отступает назад или прислушивается.

Если субъект является человеком и мы спрашиваем его, почему он повернул голову, в ответ он может сказать, что услышал стук в дверь. Таким образом, он соотносит свою реакцию, поворот головы, со своим акустическим ощущением, с тем, что услышал стук. *Сначала* ощущение, *затем* моторный отклик. Выглядит это как пример ментальной причины и физического (телесного) действия. При правильном понимании это корректный способ описания ситуации.

Физический стимул, стук, произвел звуковые волны, вызвавшие при попадании в ухо процессы в органе Корти. Эти направленные внутрь сенсорные процессы вызывают в свою очередь направленные во вне моторные процессы. Механизм этого перехода от сенсорики к моторике представляется, судя по всему, более сложным, чем механизм, через который звук вызывает направленную внутрь реакцию органа Корти [Ibid.: 140–141]. Однако у нас нет оснований сомневаться в его строго каузальном характере.

Ментальная реакция на стук состоит в том, что субъект слышит его. Эта реакция происходит одновременно с физической реакцией — в целом или с ее частью — на стимул, с направленными внутрь сенсорными процессами. И в этом случае может оказаться, что сенсорные процессы «с обоих концов» выходят по времени за пределы ментального эпизода, но не наоборот. Иными словами, слышание стука не имеет временного существования независимо от сенсорных церебральных процессов, вызванных звуковыми волнами при стуке. Если приписать акустическому восприятию подобное автономное существование, то это будет «анимизм», это будет противоречить научной картине вещей.

Правда, может случиться, что ментальная реакция на стук (слуховое ощущение) будет более длительной, чем моторная реакция на него. Слуховое впечатление может длиться, когда моторная реакция уже прекратилась. Моторная реакция может начинаться даже *прежде*, чем начнется реальная слуховая реакция [Ibid.: 152–153]. Такой случай — явление достаточно известное и представляющее собой хороший пример того факта, что ментальное недействительно в каузальном отношении, хотя и сосуществует с физической реакцией на акустический раздражитель. Если между моторной реакцией и слуховой есть задержка по времени, она все же не должна быть длительной, иначе не исключено, что моторная реакция вызовет удивление и даже недоумение субъекта, который не сможет понять ее «связи» с акустическим ощущением, со слуховым переживанием.

Можно было бы назвать слышание стука не *причиной* физической реакции, а ее *основанием*. Это соответствует привычному способу выражения. Тогда можно будет провести различие между причиной и основанием, так что причины будут представлять собой нечто физическое, а основания — нечто ментальное, и основания можно будет определить как ментальные эпизоды, представляющие собой временные сегменты физических (церебральных, нервных) причин телесных движений, о которых говорят, что они ими «мотивированы». Однако далеко не все основания действий удовлетворяют этому определению.

V.

Таким образом, оказывается возможным и *утверждать*, и *отрицать*, что нечто физическое может быть причиной чего-либо ментального, и наоборот. Я считаю важным допустить обе возможности и уяснить себе, что следует из этого утверждения и

отрицания. Утвердительное высказывание соответствует привычной и, при правильном понимании, не вызывающей возражений манере высказывания о причинах и их действиях. Отрицательное высказывание должно служить ручательством того, что можно было бы назвать каузальной замкнутостью физического миропорядка (природы). Я понимаю под этим следующее.

Во всех случаях, когда ментальное событие М может быть корректно названо причиной (действием) физического события Р, существует другое физическое событие F, такое, что длительность М включена в длительность F и F является причиной (действием) Р.

Эту идею не следует смешивать с универсальным законом каузальности или принципом детерминизма. Речь идет об идее, касающейся соединимости психо-физического взаимодействия с каузальностью в природе. Она сродни классической позиции, называемой *эпифеноменализмом*, однако отличается от нее тем, что принимает существование такого взаимодействия. Она также родственна современным представлениям о том, что ментальное *перекрывает* физическое. Используя модный в настоящее время жаргон, можно было бы сформулировать идею каузальной замкнутости следующим образом: каузальная связь между ментальным и физическим феноменами оказывается перекрывающей по времени каузальную связь двух физических событий, одно из которых является одновременным с целым или частью предполагаемой ментальной причины (предполагаемого ментального действия) другого.

VI.

Известная теория психо-физического тождества утверждает в своем самом грубом варианте, что ментальные состояния и события тождественны своим «эквивалентам» в нервной системе. Здесь обнаруживается глубокое заблуждение. Возможно все же, что в этой теории скрыта частичка истины [Ibid.: 139–141]. Ее также истолковывают в том духе, что ментальное и нервное являются двумя аспектами или двумя сторонами одного и того же (одной и той же реальности). Я полагаю, что это можно соотнести с идеей, согласно которой между некоторыми ментальными и некоторыми нейронными процессами существует *необходимая симультанность*. На ней основан тот факт, что ментальные явления *каузально недействительны*, т. е. что их можно не принимать в расчет и как причины, и как действия чего-либо физиче-

ского. Можно ли такую позицию считать признанием своего рода материализма? Возможно и так. Однако эта форма материализма не имеет редукционистского характера.

Как можно было бы удостовериться в правильности тезиса, согласно которому длительность ментальных состояний и процессов с необходимостью не выходит за пределы длительности соответствующих физических состояний и событий? В дополнение к эмпирическим свидетельствам, предоставляемым нейрофизиологией, появляется также *понятийный* выигрыш, так как при этом удастся избежать конфликта с хорошо укоренившимися представлениями о действии законов причинности в природе. Однако это еще не «доказательство» подвергаемой критическому рассмотрению симультанности. Неоспоримой она может стать лишь благодаря тому, что будет признана в качестве *постулата* [Ibid.: 135, 150], касающегося «конституирования мира» и вопроса о том, что следует считать «научным» взглядом на вещи.

ЛИТЕРАТУРА

- Wright 1998 — *Wright G. H. von. In the Shadow of Descartes. Dordrecht: Kluwer, 1998.*
- Wright 2001 — *Wright G. H. von. Die Psycho-physische Wechselwirkung und die Geschlossenheit der physikalischen Weltordnung // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 2001. Bd. 49. S. 647–651.*

Перевод С. Ромашко

Н. Г. БРАГИНА

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ХАОС (КУЛЬТУРНЫЙ СЛЕД В ЯЗЫКЕ)

Вступление

Толковые словари современного русского языка выделяют несколько значений у слова *хаос*. Первое отсылает к древнегреческой мифологии — к мифологическому хаосу, в остальных варьируется идея отрицательного порядка, т. е. беспорядка: в мыслях и чувствах; в вещах, в пространстве: *хаос красок, хаос звуков, в голове хаос и сумбур, хаос в делах, хаос вещей, в доме хаос и бардак*¹.

Если следовать логике дефиниций толковых словарей, то можно предположить, что в языке есть два омонима: *Хаос I* (значение 1) и *Хаос II* (значения 2–4).

Хаос I — ключевое понятие космогонических мифов, античного мифопоэтического мышления. Он противопоставлен *Космосу*. В отличие от *Хаоса I* *Хаос II* не имеет мифологических аллюзий. *Хаос II* вступает в антонимические отношения со словом *порядок*.

В значении 'беспорядок в помещении' у слова *хаос* ударение переходит с первой гласной на вторую — *ха́ос*. Таким образом, между *Ха́ос I* и *Ха́ос*, *Ха́ос II* обнаруживается семантический и фонетический разрыв, который, как можно думать, показывает стирание мифологического следа в производных значениях слова *хаос*. Действительно ли это так? Сохраняются ли следы мифологического хаоса в современном употреблении или же они окончательно стерлись?²

¹ ХА́ОС и ХАО́С 1. (ха́ос) В древнейших мифологических представлениях: беспорядочная материя, неорганизованная стихия, из к-рой образовалось впоследствии все существующее. *Первозданный х.* 2. (ха́ос) Отсутствие порядка, полная путаница. *Х. в делах. Х. в голове.* 3. (ха́ос) Нагромождение, скопление чего-н. *Х. камней. Х. льдов.* 4. (ха́ос) Беспорядок (в помещении, в жилье). *В комнатах Х. Как можно жить в таком хаосе?* [Ожегов, Шведова 1995].

² Очевидно, что толковые словари, дающие синхронное описание языковых единиц, не ставят своей задачей указание возможных, в том числе и мифологических аллюзий. Однако если одной из целей словаря станет интерпретация

Миф понимается большинством его исследователей как особый способ моделирования действительности, как универсалия сознания³. Мифологические формы мышления обнаруживаются и в традиционной, и в современной культуре и языке⁴. Язык играет одну из ключевых ролей в создании и воссоздании мифов. Он не только сохраняет в себе как некие мифопоэтические реликты слова-концепты: *хаос*, *Тартар*, *Медуза Горгона*, *Прометей*, но также присваивает их. Вступая с ними во взаимодействие, он цитирует, редуцирует, трансформирует их, облакает в новые образы.

Вопрос о включенности мифа в язык, о глубине его залегания в современном языке/языках, с одной стороны, интересен и актуален, а с другой, как это ни удивительно, мало изучен.

Слово-концепт *хаос*, у которого первое значение референциально связано с космогоническими мифами, а производные реализуются в современных употреблениях, удобно (если это слово уместно по отношению к *хаосу*) для анализа и описания процесса утраты (стирания) или, наоборот, сохранения (восстановления) мифологического компонента.

Языковые образы бесформенности и безликости

Заканчивая статью, посвященную античному хаосу, А. Ф. Лосев пишет: «...он [хаос] — принцип и источник всякого становления, вечно творящее живое лоно для всех жизненных оформлений. Античный хаос всемогущ и безлик, он все оформляет. Но сам бесформен. Он — мировое чудовище, сущность которого — пустота и ничто. Но это такое ничто, которое стало мировым чудовищем, это — бесконечность и нуль одновременно» [Лосев 1991: 581].

Такие атрибуты *хаоса*, как 'бесформенность и безликость', 'мировое чудовище', 'пустота и ничто', 'бесконечность', 'вечно творящее живое лоно', хотелось бы рассмотреть как культурно-языковые сюжеты, реализуемые или элиминируемые в современном употреблении⁵. Следует при этом оговориться, что каж-

культурного следа в языке, то вопрос о мифологической составляющей и способах ее лексикографического представления окажется одним из центральных. Эта задача сейчас решается на материале словарного описания фразеологических единиц, осуществляемого под руководством В. Н. Телия.

³ Об основных типах понимания мифа см. [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 32].

⁴ Об этом писали лингвисты, семиотики, философы, мифологи [Барт 1995; Cassirer 1925; Потебня 1905; Топоров 1995; Фрейд 1992; Элиаде 1994].

⁵ Вопрос, который хотелось бы здесь лишь обозначить, — это каким образом в языке и культуре, в том числе в культуре повседневности, *переживается* идея *Ничто*. Аб-

дый из этих атрибутов потенциально динамичен и содержит в себе возможность трансформироваться в иное или противоположное.

Онтологически *хаос* асемантичен и алингвистичен. Звуковое и смысловое оформление того, что мыслится как бесформенное, есть начало его упорядочивания. Нечто, осознаваемое как невидимое, лишённое физических свойств, бесформенное, получает имя *хаос*: 'зев', 'зевание', 'зияние', 'разверстое пространство', 'пустое протяжение'. Бесформенность, обретающая свойства, перестает быть *самой собой*. Она оформляется через *оговаривание* («Мы живем в оговоренном мире»), становится элементом *порядка языка*.

Хаос семантизируется в античной мифологии с помощью катафатических определений. Он уподоблен стихии: воде, влаге, разлитому воздуху, смеси стихий; пространству между небом и землей; мировому яйцу, породившему из себя весь мир; нерасчлененной и грубой глыбе; двуликому Янусу; страшной бездне; Аиду. *Хаос* определяется также как первопотенция; вместилище вещей; некоего рода вечность; беспорядочное состояние материи.

Хаос описывается посредством апофатических определений: «Не существовало еще небо и не существовала земля. Не было еще ни почвы, ни змей в этом месте...» Согласно им *хаос* — это отсутствие и одновременно возможность бытия: *не существовало еще...*; это нереализованные, но потенциально возможные бинарные оппозиции: *свет—тьма, земля—небо...* *Хаос* толкуется через то, что в нем еще не возникло. Он выступает как чистая потенциальность — «предпорядок», определяемый как бы изнутри своей реализованной потенциальности⁶.

Процессы оязыковлени (введения в *порядок* языка) и семантизации — наделение именем, осмысление через образы, интерпретации через отрицание — это процессы рождения вторичного, языкового *хаоса* в недрах *порядка*. Это отделение того, что по-

солютного Начала и Пустоты. *Хаос* и *Ничто* имеют частично совпадающие смысловые элементы. *Ничто* соотнесено с пустотой, *хаос* ('разверстое пространство', 'пустое протяжение') — также. *Ничто* — одно из обозначений начала, противоположного бытию (Горгий); *хаос* — абсолютное начало. В отношении чувственного мира *ничто* у Платона и Аристотеля — материя, *хаос* — первоматерия. Первое упоминание *хаоса* — в поэме Гесиода (VI–VII в. до н. э.) «Теогония». *Ничто* как самостоятельная категория впервые появляется в учении Демокрита (ок. 460 г. до н. э.). *Хаос* возник в поэтическом дискурсе, *ничто* — в философском. «Людам известно, конечно, многое об отношении философии к поэзии. Мы, однако, ничего не знаем о диалоге поэта и мыслителя, которые „на ближайших вершинах живут, разделенные бездной“» [Хайдеггер 1993: 41].

⁶ Примеры апофатического истолкования *хаоса* иллюстрируют также идею обратного движения времени [Флоренский 1922], отрицательного времени [Рейхенбах 1962].

именовано *хаосом*, осмыслено и истолковано⁷ от «неназванного» и в силу своей внеположенности языку не могущего быть осмысленным и истолкованным. Если в мифологии *космос*, *порядок* рождаются из *хаоса*, то в языке *хаос* рождается из *порядка*.

Языковой *хаос* встроен в оппозицию к *космосу*, *порядку* и приспособлен выполнять функции его антипода. Языковой *хаос* — это сконструированные внутри языкового *порядка* 'ничто и пустота', побежденная 'бесформенность и безликость'. Победа *космоса* над *хаосом*, описываемая в космогонических мифах, имеет семантическую природу. Языковые *хаос* и *ничто* являют собой упорядоченные *хаос* и *ничто*⁸.

Это очень близко к утверждению Ю. М. Лотмана о том, что «в самой основе идеи культуры лежит существование другого, противостоящего ей мира. <...> Культура постоянно ведет „игру“ с внекультурным пространством, то помещая туда свои страхи, то делая его вместилищем своих идеалов и постоянно созерцая себя в этом перевернутом зеркале» [Лотман 1992: 10].

Таким образом, ведя речь о *хаосе*, мы имеем в виду культурно-языковой конструкт. Онтологический вопрос здесь, по всей видимости, невозможен. К языковому концепту, или конструкту, могут предъявляться вопросы герменевтического характера: *Как сконструировано и как может быть истолковано?*

Хаос vs. Космос

В разных типах дискурса сформированы представления о постоянной опасной, угрожающей близости *хаоса* к *космосу*. Это тютчевское: *О, бурь заснувших не буди — / Под ними хаос шевелится!*..., высказывание З. Фрейда о тонком слое цивилизации, под которым скрывается грохочущее основание. Это образы фильмов ужасов, в которых лицо человека способно обретать черты

⁷ Согласно М. Фасмеру, слово *хаос* было, вероятно, заимствовано русским языком из немецкого [Фасмер 1987: 222]. *Хаос* также относится к ключевым концептам поэтики Ф. И. Тютчева, поэта, тесно связанного с немецкой культурой. Если иметь в виду, что один из основных стереотипов «немецкого», сложившихся в разных культурах, включая русскую, это — *немецкий порядок*, то появляется еще один образ *хаоса*, возникающего в недрах *порядка*, но уже в рамках межъязыкового и кросскультурного диалога. Это можно отнести к ряду курьезных иллюстраций мысли о вторичном рождении *хаоса* в лоне (из лона?) *порядка*.

⁸ «Что если вопрос о существовании Ничто даже еще не поставлен удовлетворительным образом?» — писал М. Хайдеггер [Хайдеггер 1993]. Вероятно, этот вопрос связан с невозможностью выйти за пределы языка при обсуждении существования Ничто.

монстра. Это согласующееся с законами термодинамики понятие увеличивающейся энтропии, означающего, что из порядка всегда рождается хаос. Наконец, ту же идею можно усмотреть в газетных заголовках типа: *Угрожает ли России хаос? Способны ли региональные власти противостоять угрозе хаоса? Грозит ли Удмуртии правовой хаос? Только вместе мы сможем справиться с угрозой хаоса и войны, которую несут в наше общество экстремисты, потерявшие все понятия человечности и добра...* (http://www.a-z.ru/nkoinfo/period/vestnic_blag/5-6/20.htm).

В современном языке беспорядок, хаос и ад находятся в синонимических отношениях: беспорядок, ад, содом, разгром, столпотворение (вавилонское), светопреставление, кавардак, шабаш, хаос [Абрамов 1994].

Отождествление *хаоса* с *Аидом* характерно для древнеримской литературы. Как отмечает А. Ф. Лосев, «римляне прибавили какой-то ужасающий аффект и трагический пафос перед этой всепоглощающей бездной» [Лосев 1991: 581]. У Сенеки *хаос* — общемировая бездна, в которой все разрушается и тонет. Этот след и этот трагический пафос также сохраняется в современном языке.

- (1) Да, — задумчиво сказал Кавабата, — а ведь, в сущности, этот рисунок страшен. От животных нас отличают только те правила и ритуалы, о которых мы договорились друг с другом. Нарушить их — хуже, чем умереть, потому что только они отделяют нас от бездны *хаоса*, начинающейся прямо у наших ног, — если, конечно, снять повязку с глаз (В. Пелевин. «Чапаев и пустота»).
- (2) Кровавый хаос в стране. Ночная армия Ваги, выходящая на поверхность, десять тысяч головорезов, отлученных всеми церквями, насильников, убийц, растлителей; орды меднокожих варваров, спускающиеся с гор и истребляющие все живое, от младенцев до стариков; громадные толпы слепых от ужаса крестьян и горожан, бегущих в леса, в горы, в пустыни; и твои сторонники — веселые люди, смелые люди! (А. и Б. Стругацкие. «Трудно быть богом»).
- (3) Франция погружается в пучину транспортного хаоса (http://www.autotransinfo.ru/tr_news.asp).

Мифологические представления о *космосе*, объятom *хаосом*, первозданным океаном, бездной находят продолжение: *И мы плывем, пылающею бездной / Со всех сторон окружены* (Тютчев).

В формах интерпретации некоторых фактов новейшей истории также угадываются структурные элементы мифологического противостояния *космоса* силам *хаоса*. Террористические акты

11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне комментировались в масс-медиа как *нарушение мирового порядка*. Международный терроризм оказался носителем свойств *хаоса*, а «все цивилизованное человечество» — свойств *мирового порядка*. Данная метафора может рассматриваться и в более широком контексте. Силы *хаоса* локализуются во внекультурном пространстве: за пределами цивилизации, на территории «стран-изгоев». Они прячутся и тайно, не объявляя своего имени, наносят удары. Борьба с международным терроризмом обретает черты мифологического противостояния *космоса хаосу*. К сказанному можно добавить, что и сам Центр международной торговли рождает ассоциации с мировым древом. Торговля — это одна из главных составляющих экономического развития любой страны. Центр международной торговли располагался в двух самых высоких небоскребах, занимавших центральное положение на Манхеттене. В нем работали люди разных национальностей, из разных стран мира. Он был своего рода символом респектабельности и могущества самой богатой страны мира. Ср.: Мировое древо «является доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенного пространства» [Топоров 1991: 399].

Языковые образы бесконечности: пред- и постпорядок

В современном употреблении слово *хаос* может иметь импликацию «еще не порядок» — *предпорядок*. Оно используется для обозначения доупорядоченной ситуации: еще не выстроенного порядка, не найденной гармонии. Это относится к мыслям, которые еще не обрели логической завершенности, чувствам, не согласованным гармонически.

Хаос также описывает состояние мира или души, которые постоянно находятся во власти деструктивных сил и в которых гармония в принципе недостижима. Так выражается пессимистический взгляд на устройство мира. В этом случае *хаос* обозначает реальность, настоящее, а *порядок* — область желания (мечты, иллюзии), вероятное будущее.

- (1) В голове какой-то хаос, никак не выстраивается логика рассуждений.
- (2) Но, по-моему, не время таким рискованным экспериментам среди нашего хаоса и развала, перед лицом напирającego врага. Надо дать стране прийти в себя и отдышаться от одного переворота, прежде чем отважиться на другой. Надо дожидаться какого-нибудь, хотя бы относительно-го успокоения и порядка (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).

- (3) Нью-Йорк был для Маруси происшествием, концертом, зрелищем. Городом он стал лишь месяц или два спустя. Постепенно из хаоса начали выступать фигуры, краски, звуки (С. Довлатов. «Иностранка»).
- (4) Как известно, мир несовершенен. Устоями общества являются корыстолюбие, страх и продажность. Конфликт мечты с действительностью не утихает тысячелетиями. Вместо желаемой гармонии на земле царят хаос и беспорядок. Более того, нечто подобное мы обнаружили в собственной душе. Мы жаждем совершенства, а вокруг торжествует пошлость (С. Довлатов. «Зона»).

В других употреблении слово *хаос* может иметь импликацию «уже не порядок» — *постпорядок*. Хаос обозначает состояние, ситуацию, возникающие в результате действия деструктивных дестабилизирующих сил, разрушающих порядок, гармонию.

- (1) Нашей ближайшей задачей становится теперь упразднение случайностей, производящих хаос, нарушающих единый ритм и вызывающих снижение темпов (А. и Б. Стругацкие. «Улитка на склоне»).
- (2) Гостиница производила впечатление желтого дома, покинутого сбежавшей администрацией. Пустота, хаос, власть случайности на лестницах и в коридорах (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).
- (3) Архангельск на пороге хаоса: энергетики отключают светофоры. Тем не менее, если в ближайшие дни деньги не будут перечислены на счет «Архэнерго», на основных магистралях Архангельска воцарится хаос (<http://www.ntv.ru/russia/15Sep2000>).
- (4) Снежные бури, разразившиеся в минувшие выходные, вызвали хаос в экономической жизни Европы, сообщает информационная служба ВВС. Мокрый снег ломает ветви деревьев, с которых еще не опала листва, рвет электрические провода, многие районы остались без электричества (<http://www.lenta.ru/world/1999/11/22/snow>).

Таким образом, в современном употреблении *хаос* может иметь импликации либо *еще*, либо *уже не порядок*, соединяя в себе смысловые компоненты 'пред- и постпорядка', что кореферентно идее неструктурированного времени, единства начала и конца, бесконечности, воплощением которой в античной философии является *хаос*. Порядок зарождается из хаоса, но хаос рождается из порядка.

Совмещение идеи начала и конца просматривается в одном из мифопоэтических образов *хаоса* — двуликом Янусе, обладающем способностью видеть все вперед и назад, могущем развернуть мир во всей его красоте или, наоборот, предать его уничтожению. Янус все закрывает и раскрывает, являясь как бы мировой дверью.

Языковые образы пустоты: овеществленная пустота

«Мифологическому» хаосу, мыслимому как пустота ('зев', 'зевание', 'зияние', 'пустое протяжение'), а также воздух, влага и т. д., противопоставлен хаос, обозначающий помещение со множеством неупорядоченных вещей. Например, риторический вопрос: *Как можно жить в таком хаосе?* — может быть понят как утверждение, что жить в неубранном помещении, в котором вещи разбросаны в беспорядке, невозможно, но не как утверждение, что невозможно жить в пустоте. Идея пустоты трансформировалась в идею беспорядочной заполненности пространства вещами — «овеществленной пустоты»⁹. В сопоставлении с античными представлениями о хаосе это значение можно рассматривать как результат культурно-языковой энантиосемии. Вероятно, оно возникло как антоним к одному из значений слова *порядок* 'Правильное, налаженное состояние, расположение чего-н.' *Держать вещи в порядке* [Ожегов, Шведова 1995].

- (1) Книги, рукописи, начатые листы, окурки и пепел завалили весь стол. Страшно было подсесть, — не только работать в таком хаосе (А. Н. Толстой. «Для чего снег идет»).
- (2) В холле царил хаос. Все было перевернуто, разбросано, заслякощено. Книги валялись вперемешку с пыльным бельем и свернутыми холстами. Под ногами хрустело стекло, валялись сморщенные тюбики из-под красок, телевизор смотрел пустым прямоугольником экрана, а стол был заставлен грязной посудой с тухлыми объедками. В общем, только что не было навалено в углах, а может быть и было навалено — в темноте не разберешь. Запах в доме стоял такой, что Виктор не вытерпел и распахнул окно (А. и Б. Стругацкие. «Гадкие лебеди»).
- (3) Комната также имела очень странный вид, и что-нибудь понять в хаосе ее было очень трудно. На ковре лежали рукописи, они же были и на диване. Валялась какая-то книжка горбом в кресле. А на круглом столе был накрыт обед, и среди закусок стояло несколько бутылок (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

На тенденцию к «овеществлению» хаоса указывает также активно идущий процесс именования вещей: *водопад Каменный Хаос, торт Хаос, магазин Белый Хаос, сайт Хаос, радио Хаос*,

⁹ Необходимо при этом отметить, что античному пониманию хаоса присуща определенная «вещность»: Аристотель определял хаос как физическое место, где находятся те или другие физические тела; Овидий мыслил хаос как 'нерасчлененную и грубую глыбу'.

современный стиль в одежде: «Самой экстравагантной за последние десятилетия обещает стать мода нынешнего года. Об этом свидетельствуют показы новых коллекций в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и Милане. Ведущие специалисты сходятся во мнении, что центральной темой одежды станет... хаос. Символом этого стало ношение нижнего белья поверх брюк» (23.03.2001, радио «Маяк»). Слово также используется модными направлениями современного искусства: журнал «Архитектура и хаос»¹⁰, альбом Б. Гребенщикова «Сестра Хаос»; Том-Хаос — псевдоним В. Занурова, солиста группы «Отпетые мошенники» и т. д.

У слова-концепта *хаос* возникла утилитарная функция. Это — частный случай общего процесса экстраполяции «материального» в область «идеального»¹¹. Вещь, становясь товаром и объектом рекламы, присваивает символический язык, созданный литературным, историческим, философским, мифологическим типами дискурса. Символический язык используется как товарный знак вещи, участвует в создании ее имиджа и влияет на ее стоимость. Ценностный смысл слова-концепта включается в стоимость товара. С другой стороны, вещь-товар оказывается введенной в дискурсивные практики мифологии, философии, литературы, что не выглядит удачным, особенно в тех случаях, когда объединение вещи с именем происходит не как факт осознанного именования, а чисто механически. Подобные ситуации имеют лингвистический диагноз: культурная глухота¹².

Образ хаоса как животворного начала

В мифологии *хаос* амбивалентен: он — и ядовитый отход миротворения, и энергетический источник мироздания. В языке и культуре *хаос* сохраняет смысловую амбивалентность. Она обнаруживается, например, в базовой метафоре чувств.

¹⁰ Создатель этого проекта А. Иванов определяет общее направление журнала следующим образом: «Архитектура — это то, чем мы занимаемся, хаос — это все, что нас окружает» (<http://www.archaia.ru>).

¹¹ Мощному овеществлению подверглось, например, слово *мир*: *Мир кожи*, *мир ковров*, *мир хрустала*, *мир обуви* и т. д.

¹² Признаком культурной глухоты является незнание или нечувствительность к культурному следу слова-концепта. Культурный след не осознается, слово как бы погружается в культурно-бессознательное. Примером культурной глухоты являют собой меню крымских ресторанов: *Джюльетта* — тушеное мясо в горшочках, *Ассоль* — отбивная. Название строительного кооператива *Вавилонская башня* может восприниматься только иронически, о чем его создатели, очевидно, не догадывались.

Несвободная метафорическая сочетаемость имен чувств проявляет связь чувств со стихиями, преимущественно со стихией воды: чувства текучи [Арутюнова 1999: 385–402], ср. *волна, всплеск, стихия чувств; чувства нахлынули*. Это свидетельствует в пользу того, что *хаос* является базовой метафорой чувств. Фразеологизмы *до дна души, в глубине души* также содержат «водную» аллюзию. (Согласно [СРЯ 1977] *глубина* имеет значение: 'пропасть, бездна, пучина' и употребляется, в первую очередь, как 'глубина морская', но также и 'речная, озерная'. Фразеологизм *глубинъ прѣдати* означал 'потопить'. Здесь также обращает на себя внимание смысловое пересечение с *хаосом* — 'зев', 'зевание' 'разверстое пространство', а также 'бездна'.) Характер воздействия чувств на душу человека, точнее, то, как это вербализуется в несвободной метафорической сочетаемости, имеет сходство с мифологическим мотивом деструктивного воздействия сил *хаоса* на *космос*¹³. Образ борьбы человека с отрицательными чувствами как с деструктивным, стихийным началом детально разработан в языке: нападение чувства на человека: *печаль напала на кого-л, тоска навалилась на кого-л.*; противостояние человека чувству: *бороться с тоской, превозмогать скуку*; победа чувства над человеком: *скука одолела, тоска извела*; победа человека над чувством: *пересилить, избыть тоску, одолеть грусть*.

Наряду с идеей опасного *хаоса*, угрожающего мировому порядку, также реализуется идея животворного начала *хаоса*. Можно, например, предположить, что строка О. Мандельштама: *Она еще не родилась, она и музыка и слово, / и потому всего живого / Ненарушаемая связь* — реминисценция к животворному началу *хаоса*.

Эстетически отмеченный *хаос* присутствует в романтическом дискурсе, проявляется как художественный прием в живописи, выражается в описании случайных комбинаций звуков, красок, чувств т. е. всего того, что изначально не предполагает упорядоченности.

- (1) Обрывки туч сталкивались в красивый хаос красок и форм (М. Горький).
- (2) Хаос чудных, неясных звуков вихрем носился перед вами (Н. Гоголь).
- (3) Свое настоящее мнение о его поэзии я скрывал от Александры Яковлевны, а те принужденные звуки нечленораздельного одобрения, которые я из приличия издавал, понимались ею как хаос восхищения (В. Набоков. «Дар»).

¹³ Подробнее см. [Брагина 1999]

- (4) Группе REM нравится хаос на выборах президента США. <...> В дискуссии о неясном исходе президентских выборов в США солист Майк Стайп уже успел заявить, что ему «этот хаос нравится...» (<http://www.delfi.ru/news/entertainment/music/article>).
- (5) Все новое: новые формации, новая ценная информация — может родиться только благодаря хаосу, без хаоса ничего нового в системе появиться не может... (humans.ru/humans/19028).

Некоторые природные явления также хорошо согласуются с идеей хаоса. Например, для того чтобы наглядно объяснить теорию математического хаоса, ученые часто используют образ облаков. Ставшая в последние годы очень популярной, эта теория может служить еще одной иллюстрацией упорядочивания хаоса. В современном употреблении хаос часто утрачивает отрицательные коннотации, чему в определенной степени способствует теория математического хаоса.

Языковые образы безвластия: анархия — мать порядка

Смысловые отношения: хаос — космос, порядок и анархия — власть присутствуют и в мифологии, и в языке. «Миф не спрашивает, как из хаоса возник упорядоченный мир, а отвечает на вопрос: кто есть суверенный бог; кто воцарился (*anassein*, *basileyein*) над миром? В этом смысле функцией мифа является... установление различия между хронологическим началом основания мира и тем, кто „руководит“ его настоящим упорядочением», — пишет Жан-Пьер Вернан [Вернан 1988: 138–139].

Генезис мира предполагает, в первую очередь, рождение власти. Это — одно из возможных объяснений квазисинонимических отношений, возникающих между парами: порядок — власть (порядок устанавливает тот, кто имеет власть) и хаос — анархия¹⁴. Хаос и анархия часто встречаются в одном контексте.

- (1) Она постоянно требует и жаждет богов, вождей, порядка, и каждый раз, когда она получает богов, вождей и порядок, она делается недовольной, потому что на самом деле ни черта ей не надо, ни богов, ни порядка, а надо ей хаоса, анархии, хлеба и зрелищ (А. и Б. Стругацкие. «Гадкие лебеди»).

¹⁴ Слово *анархия*, также как и *хаос*, восходит к греческому языку, обозначая «безначалие», «безвластие», «беспорядок» [Черных 1994: 43]. Беспорядок может относиться как ко времени (которое еще не началось), так и к социальной иерархии (которая еще не возникла).

- (2) Действительно ли шахтерские бунты, обострение обстановки в Дагестане, небывалый финансовый кризис подводят нас к хаосу и анархии? (<http://www.aif.ru/920/art005.html> — 15K).

Как социально-политическую аллюзию на космогонические мифы, описывающие рождение *космоса* из *хаоса*, можно рассматривать появившийся накануне революции лозунг: *Анархия — мать порядка*¹⁵. В идеологии анархистов присутствуют идеи, сохраняющиеся в «мифологическом» *хаосе*, например *хаос* как 'вечно творящее живое лоно'. Ср. высказывание М. Бакунина: «...позвольте нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть и неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть» (статья «Die Reaction in Deutschland»). Поэтому смысловое сближение *хаоса* с *анархизмом*, *анархистами* не выглядит случайным: «1 Мая анархисты намерены вызвать хаос на улицах Лондона» («Сегодня». Политика и власть).

В концептуальных построениях образа современной власти *хаос* также играет важную роль. *Хаос* и *порядок* противопоставлены, они находятся в антонимических отношениях. Вместе с тем, в политическом дискурсе *порядок* корелативно связан со временем правления И. Сталина, ср. клишированное высказывание сторонников сталинского режима: «При Сталине был порядок». Для противников режима этот *порядок* означает господство тоталитарной идеологии, полное, безраздельное и беспредельное торжество власти, устроившей для своих граждан кровавый *хаос*.

Возможно, концепция власти В. В. Путина была выстроена с учетом этих коннотаций и определялась не как *наведение порядка в стране*, но как *избавление страны от хаоса*.

- (1) Россия после выборов. Модель развития: хаос или стабильность. Путь Путина [палка о двух концах. — Н. Б.] ...правый конец палки, СПС, в результате приведет к уничтожению самого понятия государства Российского и как следствие к тотальному хаосу... конец палки КПРФ создаст господство тоталитарной системы, что приведет к экономическому, политическому и духовному кризису, фактически к тому же хаосу (<http://www.ipi.ru/Docs/3.htm>).
- (2) Опрос 22–25 сентября 2000: рейтинг Путина, диктатура или хаос, свобода слова. Что страшнее — диктатура или хаос.

¹⁵ Лозунг возник, вероятно, из высказывания П. Ж. Прудона: «...республика есть позитивная анархия... Это взаимная свобода... свобода не дочь, а мать порядка» («Решение социального вопроса», 1848) [Душенко 1997: 431].

Заключение

В заключение мне бы хотелось отметить, что тот очевидный разрыв между культурными смыслами и формой семантизации слов в толковых словарях может быть отчасти снят благодаря культурному комментарию, включающему в себя интерпретацию того культурного следа, который существует в современном употреблении слов, называемых культурными концептами, или культурными конструктами¹⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов 1994 — *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1994.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Барт 1995 — *Барт Р.* Мифологии. М., 1995.
- Брагина 1999 — *Брагина Н. Г.* «Во власти чувств»: мифологические мотивы в языке // Славянские этюды: Сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 85–102.
- Вернан 1988 — *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
- Душенко 1997 — *Душенко К. В.* Словарь современных цитат. М., 1997.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1.
- Лосев 1991 — *Лосев А. В.* Хаос // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991. Т. 2.
- Мамардашвили, Пятигорский 1997 — *Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / Под ред. Ю. П. Сенокосова. М., 1997.
- Ожегов, Шведова 1995 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.
- Потебня 1905 — *Потебня А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
- Рейхенбах 1962 — *Рейхенбах Г.* Направление времени. М., 1962.
- СРЯ 1977 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4.
- Топоров 1991 — *Топоров В. Н.* Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991. Т. 2.
- Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 4.

¹⁶ Я бы хотела выразить глубокую признательность И. И. Сандомирской и Д. И. Антонову за необычайно полезное обсуждение некоторых положений данной статьи.

- Флоренский 1922 — *Флоренский П. А.* Мнимости и геометрия. Расширение области двумерных образов геометрии: Опыт нового истолкования мнимостей. М., 1922.
- Фрейд 1992 — *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Психонализ. Религия. Культура. М., 1992.
- Черных 1994 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1.
- Хайдеггер 1993 — *Хайдеггер М.* Время и Бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
- Элиаде 1994 — *Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с франц., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М., 1994.
- Cassirer 1925 — *Cassirer E.* Sprache und Mythe. Leipzig; Berlin, 1925.

БЛАГОДАТЬ: ХАОТИЧНЫЙ КОСМОС? *

И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

(Ф. Тютчев)

В Каноне Иоанну Крестителю под 7 января (далее сокращенно: *КИ*) по древнейшему списку¹ содержится тропарь (113^v 1–7), три строки которого примечательны неординарным переводческим приемом, а именно²:

- (1) Χάρις τε καὶ νόμος μεσίτην σε σεπτὸν
Бл̑дть и законъ ходатаѣ тѣ| вѣрно
(2) σαφῶς προβάλλεται
с̑зматрающа положи|сте
(3) τὸν μὲν σφραγίζοντα τῆς δὲ ἀρχόμενον...
ова печатьл̑бующа а нова| начинающи...

Сосредоточимся на строке (3). Обычно греческие артикли в переводах на славянский опускаются; между тем здесь в соответствии артиклю τὸν, замещающему νόμος, поставлено местоимение овъ, а артиклю τῆς, замещающему χάρις, соответствует даже пол-

* Исследование выполнено в рамках проекта «Текстология и язык древнейших славяно-русских переводных источников. На материале гимнографии», поддержанного РГНФ (грант № 02-04-00356а).

¹ Имеется в виду *Ильина книга* (сокращенно: *Ил*), наиболее архаичная служебная минея на избранные праздники, хранящаяся в РГАДА (Ф. 381. № 131) и получившая название по имени писца. Ныне *Ил* содержит только минейные последования; триодная часть анонсирована, но изъята. Книга, в отличие от других миней, не подверглась правке по Студийско-Алексеевскому уставу. Источник подробно обсуждается в кн.: [Вереццагин 2001: 251–418].

² Следуем эдиционным правилам, принятым в российско-германском коллективе, осуществляющем издание Декабрьской служебной минеи по древнейшим рукописям; см. [Служебная минея 1996]. *Ил* воспроизводится буква в букву. Пунктуация и диакритика рукописи опущены; анахронистически вносим от себя только опоясывающие запятые (чтобы выделить обращения). Словоделение и стихометрия (счет стихов) привнесены нами (они отражают интерпретацию текста публикатором). Конец строки в рукописи обозначается одной вертикальной чертой (|), конец страницы — двумя (||), а сторона листа — поднятыми латинскими литерами (лицевая Γ и оборотная V). Для песнопений приисканы греческие соответствия (по изданию: [Μηγαλὰ 1888–1901]). Из синтаксически непоследовательной пунктуации греческого источника удерживаем только конечную точку; от себя вносим выделения вокативов в запятых.

нозначное слово — прилагательное *новъ*. В исходном греческом тексте, естественно, нет основания для того, чтобы ввести это прилагательное; по-гречески, собственно, сказано всего лишь: *тот* (закон) *запечатав* (т.е. закончив), *сию* (благодать) *начав*. Имеется в виду ветхий, т.е. ветхозаветный, закон и христианская благодать, пришедшая ему на смену³, причем Иоанн выступает как символическая фигура водораздела⁴.

В греческом тропаре, однако, эта фоновая информация эксплицитно не выражена. Славянский переводчик тем не менее посчитал нужным прояснить исходный текст: он от себя ввел именование благодати «*новым* законом», и ее отличие от ветхого еще усилено употреблением противительного союза *а*.

Таким образом, переводчик включил в славянский текст некоторую догадку, явной основы для которой, строго говоря, в исходном тексте нет. Основной механизм деятельности книжника в данном случае состоит в пополнении перевода, в прибавлении смыслов; соответственно рассматриваемый прием был нами (в другом месте) назван *ментализацией* [Верецагин 2001: 66–67, 600].

Итак, если наша интерпретация верна, то *благодать* — это *закон*, но не ветхо-, а новозаветный. Между тем в христианской книжности Древней Руси встречается мнение, по которому благодать — это не еще один вид закона, а отрицание концепта закона как такового (поскольку закон предполагает принуждение и ограничение воли, а благодать строится на пресуппозиции свободы воли). В таком случае, если использовать (в общепринятом смысле) термины, вынесенные в название конференции, и отрешиться от оценочных ассоциаций, то закон уподобляется *космосу*, а благодать — *хаосу*.

Действительно, в хорошо известном «Слове о законе и благодати» митр. Илариона⁵ немало предикаций, отрицающих отождествление закона и благодати⁶: (Бог) положи законъ на проѹготовление истинѣ и благодати (38); законъ бо предътеча бѣ и слѹ-

³ Ср. противопоставление Моисеева закона и Христовой благодати: законъ мѡѣсѣомъ данъ бѣи благодѣть и истина ѿ хмъ бѣише (Ин 1: 16). (Цитируется Зografское евангелие.)

⁴ При этом именно деятельность («ходатайство») Иоанна представляет собой разделительный рубеж: Законъ и пророци до иоана. отътоли цѣрствие бѣже благовѣствовоуцѣ сѧ (Лк 16: 16 по Мариинскому евангелию).

⁵ Источник датируется по-разному; обычная датировка — 50-е гг. XI в.

⁶ Научная публикация источника осуществлена А. М. Молдованом. Цитация осуществляется по реконструкции Л. П. Жуковской (см. [Иларион 1994]); в скобках указываются номера строк.

га благодѣти и истинѣ (44); истина же и благодать слѣга бѣдѣщемъ вѣкѣ (45); о законѣ моисѣемъ даннемъ и о благодѣти и истинѣ христосъмъ вывѣшнимъ повѣсть си естъ (61–62); прежде законъ, ти по томъ благодать, прежде стѣнь, ти по томъ истина (64–65); роди сѧ благодать истина, а не законъ (105). Эти суждения представляют собой вариации новозаветного учения, пространно изложенного в Свщ. Писании. Ограничимся показательными выписками из Апостола⁷: ...не во истѣ по^а закону. но по^а бл^агтью (Рим 6: 14); Не ѿмѣтаю сѧ бл^агдти бѣа. аще бо закономъ правда, оубо хс тоу не оумре (Гал 2: 21); П^ало же дхънынъ естъ. любз. радѡ. миръ. долготерпѣнье. бл^агсть. бл^агостъини. вѣра. кротость. въздержанье на таковы нѣ закона (Гал 5: 22–23). «На таковых нет закона» — речение стало крылатым словом.

Неужели догадка книжника, переводившего тропарь КИ и посчитавшего благодать новым законом, представляет собой богословский промах? Чтобы ответить на поставленный частный вопрос и в то же время получить возможность вообще судить о концептах закона и благодати на фоне древней славяно-русской гимнографии, этого распетого богословия, предпримем исчисление фоновых семантических долей соответствующих лексем. Применяется уже не раз опробованная нами методика⁸. Материал почерпнут из той же самой рукописи, в которой содержится и КИ, т. е. из *Ил*. Поскольку тексты *Ил* в своем большинстве представляют собой переводы с греческого, об их смысле мы судим с опорой на греческие оригиналы. Основной же метод выявления семантики — обычный, контекстный. Семантические доли (сокращенно: СД) пронумерованы, и номера заключены в квадратные скобки.

В одном из тропарей из Канона Крестовоздвижению (10^г 16–20, 10^в 1–5) читается:

- (1) 'Ο γήρρα χαμφθεῖς καὶ νόσω τρυχωθεῖς
Страростню* сѣлакъ сѧ и недѣ|гомъ тамавъ
- (2) ἀνωρθοῦτο Ἰακώβ χειρας ἀμείψας
въздвигъ сѧ на|ковъ ржцѣ прѣложивъ
- (3) τὴν ἐνέργειαν φαίνων τοῦ ζωηφόρου σταυροῦ
дѣи|ствіе павла живодателѧ|| крѣта

⁷ Выписки производятся из Нового Завета святителя Алексия, поскольку данный источник наиболее точно следует греческому оригиналу; см. [Чудовская рукопись 2001].

⁸ Последнее по времени изложение концепции лексического фона и методики исчисления семантических долей см.: [Верещагин, Костомаров 2000].

- (4) τὴν παλαιότητα καὶ γὰρ τοῦ νομικοῦ σκιδώδους γράμματος
ВЕТЪХОВАНИЕ БО ЗАКОНА| ВЕТЪХА ПИСАНИЯ
- (5) ἐκαينوγράφησεν ὁ ἐν τούτῳ σαρκὶ προσπαγεὶς Θεός...
НОВОПИСАЛЪ| РАСПАТЪИ НА НЕМЪ ХЪ БЪ...

* Описка: лишнее р.

Тропарь примечателен тем, что в нем особенно наглядно реализован прообразовательный принцип соотношения двух заветов — Ветхого и Нового⁹. Гимнограф в строках 1–2 аллюзирует известный ветхозаветный библейский эпизод, когда престарелый патриарх Иаков, благословляя двух внуков, с намерением положил правую руку на младшего (Ефрема), хотя он стоял против левой руки праотца, а левую на голову старшего (Манассии), стоявшего против правой (ибо Манассия был первенец) (Быт 48: 14). Таким образом руки Иакова образовали перекрестье; гимнограф увидел в этом прообраз креста, на котором в далекое новозаветное время будет распят Христос (строки 3, 5). Гимнограф, далее, усмотрел в эпизоде обетование ветхозаветного закона: праотец предсказал («новописал») новозаветное событие. Соответственно, здесь можно выделить две СД: [1] закон имеет прообразовательное (а не самоценное) значение; [2] он истинно исполняется только в Новом Завете.

Та же ветхозаветная аллюзия содержится и в другом тропаре на Крестовоздвижение (10^ν 6–5):

- (1) Νεαζούσαις θεῖς παλάμας ὁ θεῖος Ἰσραὴλ
На иѣнаѣ възложи длани сѣи| издранаѣ¹⁰
- (2) σταυροειδῶς χάραις ἐδήλου
крѣообразно гла|воу павлаше
- (3) ὡς πρεσβύτερον κλέος ὁ νομολάτρης λαός
тако старѣиши| слава законьнии людие
- (4) ὑποπτευθεὶς ὅθεν οὕτως ἐξηπατῆσθαι
мь|нѣвъ тѣмь сѣпрѣльстити
- (5) οὐκ ἠλλοίωσε τὸν ζωηφόρον τύπον
не| измѣнова живоноснѣ обра|зѣ
- (6) ὑπερέξει λαὸς γὰρ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ
прѣминоуѣтъ бо людие хѣ| ба
- (7) νεοπάγης ἀνεβόα σταυρῷ τειχιζόμενος.
обновлени въпниаху| крѣстомь оградими|

⁹ Novum Testamentum in Vetere latet (Новый Завет скрывается в Ветхом), Vetus in Novo patet (Ветхий открывается в Новом).

¹⁰ Напомним, что Израиль — это иное имя праотца Иакова.

«Законнии людие» (строка 3) — это иудеи, держащиеся ветхозаветного закона [3]; их олицетворяет первенец (Манассия). «Обновленнии людие» (6–7) — христиане, держащиеся благодати [4]; их олицетворяет младший внук (Ефрем), который и удостоился благословения первородства. Прообраз креста (усмотренный гимнографом в перекрещенных руках патриарха)¹¹ непреложно предсказал, что спасение более не заключается в исполнении буквы закона [5].

Рассмотрим еще и третий тропарь на Крестовоздвижение (9^г 15–19, 9^ч 1; греческое соответствие не приискано). В нем в уста Богородицы вложены слова:

- (1) законъ| кромѣ члѣвъ тѣ, чадѡ,| родихъ
- (2) то како| беззаконни|и въздвигоша тѣ на дрѣво
- (3) по|средѣ| беззаконноиѣ
- (4) едино|го закона| жизни| написающаа|го||...

К категории закона принадлежит природный порядок вещей [6]; соответственно, сверхъестественное рождество Иисуса Христа — изъято из закона [7]. Человек подлжит власти не только природного закона, действующаго принудительно, но и закона писаннаго (преподаннаго через Моисея), исполнение котораго оставлено на усмотрение людей [8]; отсюда, строго говоря, беззаконники — это нарушители Моисеева закона, действующие намеренно [9]. К их числу принадлежат «беззаконные» из строки 3, т. е. оба разбойника, распятые вместе со Христом. Примечательно, однако, что в другом месте (в строке 2) в один ряд с этими беззаконниками поставлены как раз приверженцы и исполнители Моисеева закона: они, действительно, «воздвигли Христа на древо» и, стало быть, преступили некий иной «закон жизни». Иными словами, исполнение ветхозаветнаго закона с новозаветной точки зрения может быть беззаконием [10].

В одной из стихир Сретению (123^ч 3–12) ветхозаветный закон уподоблен сети, от которой человек должен освободиться [11]¹²:
 приде ѿ сѣти| отатъ ѿ закона члѣвкы. Те же мысли представлены и в последовании первомученику Стефану (в тропаре 90^г 9–14): Стефан придерживался новозаветнаго закона, и соответственно убившие его иудеи (а они следовали букве ветхозаветнаго зако-

¹¹ Из свв. отцов усматривали образ креста в перемене рук Исидор Пелусиот, Нил Синайский, Иероним Стридонский и Ефрем Сирий; этот же образ нередко аллюзируется и в гимнографии (см. подробнее: [Поликарпов 1914: 40–41]).

¹² В дальнейшем, ради экономии места, иногда отказываемся от простран-ных цитат и ограничиваемся смысловыми фрагментами.

на) — это беззаконники: законно стефан на боубеница възпаль сѧ посрами законопрѣстѣльна вьсе хжльно стояние (τὴν βλάβημον αἵρεσιν). Ср. также в другом тропаре из того же канона (91^v 5–9): зжегы скръжьчюще жениствьно законопрѣстѣльници. Естественно, законопреступником назван и царь Ирод (в тропаре из последования на 29 января [93^r 15–19, 93^v 1–6]): Сѣкровища сѣкрываемаго ища законопрѣстѣльнѣ незлобивѣи дѣти дньсь пожре.

Тем не менее огульного отрицательного отношения к Моисееву закону в Новом Завете нет [12]. Так, в каноне на зачатие Иоанна Предтечи (15^v 2–7) явно похвывается ветхозаветная («законная», т. е. приносимая по закону) жертва, совершенная священником Захарием (иначе не явился бы ему ангел):

- (1) Иджю въноу|трьоудж црѣве
- (2) за|коннѣи твора|щю жрьтвю н| възноса|щю
- (3) гави сѧ прр|коу стѣ|и англѣ
- (4) проповѣда| прѣдѣ|ча стое| зачатие|

Во всяком случае — может быть, под воздействием инерции узуса, — христианское учение также именуется законом [13]; ср. ниже тропарь из последования евангелисту Луке (24^v 20, 25^r 1–4), который объявлен писателем (кодификатором) этого закона: ...сѣподобен сѧ на ржкоу законѣ его носити и бголюбецѣмъ иза|щю на|писати... В тропаре из канона св. Варваре (64^v 14–18) говорится о «похвалении закона» [14]: Похвалимъ вьси законѣ въ истинѣ прѣиде...

С другой стороны, ветхозаветные праотцы, как говорится, например, в последовании Недели свв. праотец (см. тропарь из IV песни канона: 73^r 7–12), уже имели предвидение благодати (даже и до Моисеева закона!) [15], причем закон назван прообразом-символом благодати [16]:

- (1) Дньсь сѣборѣ стѣхъ оцѣ
- (2) хѣа рожьства| прѣдѣ|празднѣють свѣтло
- (3) и напи|сають свѣтло блго|дати
- (4) аврамъ бо| образъ законѣ и триє| отроци|

В тропаре IX песни того же канона (75^v 3–9) данные предикации повторяются, но с модификациями; поскольку этот тропарь весьма показателен, он выписан целиком и с греческим соответствием:

- (1) Τῶν πρὸ τοῦ νόμου πατέρων ἐφορτὴν ἐκτελοῦντες
- Прѣдѣ законѣ оцѣ| праздни|ство тво|раще¹³

¹³ «Сотворяя празднество отцов, которые (жили) до закона...

- (2) τὸν ἐξ αὐτῶν θεοπρεπῶς τιμῶμεν Ἰησοῦν
с҃ица иж ниχъ іса бѣлѣпно по|чѣтѣмъ
- (3) Ἀβραάμ γὰρ ὁμοῦ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβη
авраама вѣкоупѣ исаака и іа|кова
- (4) προφητῶν καὶ τοῦ νόμου ἐδείχθησαν χρηπίς
прѣкѣи законѣу явиша сѧ твѣрь|дѣсть ¹⁴
- (5) καὶ τῆς χάριτος πίστει πνευματικαὶ ἀπαρχαί.
и бл҃годатью и вѣрою дѣхѣвно за|чало ¹⁵

Иисус Христос, основатель религии Нового Завета, имел генеалогические корни в Ветхом (соответственно в тропаре олицетворяется преемство двух заветов [17]), причем предки Иисуса (патриархи Авраам, Исаак, Иаков) жили еще до преподания письменного (= Моисеева) закона (что не помешало им сохранить праведность) [18]. Затем «дозаконные» праотцы стали как основателями закона [19], так и духовными зачинателями благодати [20].

Эта же СД представлена и в V песни того же канона (тропарь 74^г 5–10): Оцѣмъ начальнѣ тако зачало законѣ бл҃годати (ὡς ἀρχηγὸν νόμου καὶ τῆς χάριτος). Следует, пожалуй, обратить внимание на то, насколько последовательно проводится различие между законом, с одной стороны, и благодатью, с другой [21]. «Отцов начальник» Авраам — это «зачало» и закона и благодати (ср. СД [20]). Впрочем, устремленность именно к благодати также выражена в гимнографии: так, о «ветхозаветном евангелисте» пророке Исаие в другом тропаре того же последования (74^г 16–19) сказано, что пророк «законом» (= посредством закона) «соблюдал благодать» (ибо предсказал бессеменное зачатие Христа ¹⁶): вѣда вѣ бл҃годати и законѣ (ὑπηγόρων τῷ νόμῳ τῆς χάριτος). Следовательно, хотя закон и благодать строго различаются, они не противопоставлены друг другу [22].

За диалектикой отношения к ветхозаветному закону наиболее удобно проследить на примере самого Иисуса Христа. Будучи неподвластен не только Моисееву закону, но и закону природы, он тем не менее тщательно соблюдал и тот и другой. Гимнографы с особым удовольствием обыгрывают это (кажущееся) противоречие. Так, хотя христиане отвергли ветхозаветное обрезание, сам Христос тем не менее был обрезан; об этом в одном из тропарей на 1 января (98^г 18–20, 98^в 1–2) говорится так:

¹⁴ Авраам, Исаак и Иаков — «основание пророков и закона».

¹⁵ Морфология славянского текста нарушает смысловые связи: праотцы явились «по вере духовными зачинателями благодати».

¹⁶ Ср.: Ис 7:14.

- (1) Ὁ λόγος σαρκωθείς ὁ ὑπερούσιος
СЛОВО ВЪПЛЫШЬ СЯ ПРѢСЖИШЬНОЕ|
- (2) εἰς λῆξιν τοῦ νόμου περιθμήθη
НА КОНЕЦЬ ЖЕ ЗАКОНА¹⁷ ОБРѢЗАНЪ|| БЪИСТЬ
- (3) ἀπαρχὰς δὲ θείας χάριτος
НАЧАТЪКЪ ЖЕ БЛАГѢТИ
- (4) καὶ ζωῆς ἀκηράτου ἡμῖν δέδωκε.
И| ЖИЗНЬ НЕТЬЛѢННА НАМЪ ПОДАСТЬ.

Таким образом, законопослушание законодателя не стало препятствием для начала благодати [23]. Ср. также предикации о подчиненности Христа как закону естества, так и писаному закону (в тропаре 99^r 7–11; ср. выше СД [6]): Ты въ земьно не брѣговавъ облѣщи иестъство тако млада законъно законъ съвърши. Ср., наконец, еще одно парадоксальное сближение (100^r 3–7): законъ съвърши законъ твѣрьць плъть си хотѣниемъ обрѣзаетъ. Казалось бы, христианство всегда выступало против буквализма в исполнении закона, однако в последовании Обрезанию (тропарь 101^r 1–7) Христос похваляется именно за исполнение буквы закона [24]:

- (1) Прѣшъдъ оустава х̄с
(2) члѣча истинъ|на иестъства
(3) прѣвѣсьно раждае|тъ сѧ
(4) и писма законъно тако|же повелѣваетъ
(5) плътьж обрѣ|заетъ сѧ
(6) и съвършитель тави сѧ| законуу·|

Сдругой стороны, не менее настойчиво проводится мысль о том, что божественный законодатель вправе упразднить превзойденный закон, что он и исполнил [25]; см. из стихирь (101^v 4–15): Писма оупразни сѧ законъно, х̄е, законодавыць съ прѣвѣчынъи, бѣ.

Можно было бы и дальше умножать материал, но и приведенного хватит, чтобы судить о содержании концептов законъ и благодать в древнейшей церковнославянской (переводной) гимнографии. Исчисленных СД долей — их 25 числом — достаточно для обобщения (конечно, если при этом прочитаны показательные примеры). Следует помнить, что полученный список еще нуждается в упорядочении на логических принципах.

Вернемся к альтернативному вопросу, заданному в самом начале статьи в связи с тропарем, в котором переводчик осуществил акт ментализации и посчитал *благодать* новым законом. Является ли

¹⁷ То есть «ради исполнения закона».

благодать хотя и новым, но все же однопорядковым явлением по отношению к закону? Замену одной системы законодательства на другую (и третью) мы видим сплошь и рядом. Или же благодать совсем отрицает закон? Ответ зависит от терминологической конвенции.

Поскольку благодать не есть соблюдение некоторых внешних норм, которым человек следует вследствие известных опасений (например, наказания), — а внешний (писанный или устный [обиходный]) закон как раз таков, — благодать не есть закон. Принуждающий закон адресуется всем подзаконным людям без исключения.

Если же под законом понимать правильный нравственный выбор, совершаемый добровольно (что не исключает внушения со стороны божества), то благодать как регулятор жизни (в отшельничестве или в обществе) — это закон. Благодать невозможно кодифицировать, она — дух, не имеющий буквы, так что замена одной «системы» благодати на другую — невообразима. Кроме того, благодать дается и даруется индивидуально, она может возрастать и умаляться.

Как регулятор, не требующий порядка (но устанавливающий именно порядок) и действующий только на основах доброй воли, благодать не может быть отождествлена и с Кантовым категорическим императивом (ибо она не приводит к моральному ригоризму).

ЛИТЕРАТУРА

- Верецагин 2001 — Верецагин Е. М. Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.
- Верецагин, Костомаров 2000 — Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Хранитель и Творец русского языка и культуры: Опыт применения методик исчисления смыслов к произведениям А. С. Пушкина. М., 2000.
- Иларион 1994 — Иларион. Слово о законе и благодати. М., 1994.
- Поликарпов 1914 — Поликарпов Д. Толкования свв. отцов и учителей Церкви и богослужебные песнопения на мессианские места Библии. Книги законоположительные и исторические. СПб., 1914.
- Служебная минея 1996 — Служебная минея за декабрь в церковнославянском переводе по русским рукописям XII–XIII вв. Наборное издание. Последования дней декабря с 1-го по 8-ой / Подг. и прокомм. Е. М. Верецагин, А. Г. Кравецкий, Д. Кристианс, Л. П. Медведева, Г. Ротэ, Н. Трунтэ. Под ред. Е. М. Верецагина, Г. Ротэ // Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Opladen, 1996. Bd. 98.
- Чудовская рукопись 2001 — Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. Труд свт. Алексия, митрополита Киевского, Московского и всея Руси чудотворца. М., 2001.
- Μηναῖα 1888–1901 — Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.

О НЕДОВЕРИИ К КРАСОТЕ И ВЛЕЧЕНИИ К ХАОСУ (ПО ЛИНГВО-СЕМИОТИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

1. Язык и мифология по-разному видят антитезу космоса и хаоса

Оппозиция *космос-хаос* в этнических языках (т. е. в первичных моделирующих системах) не является ни изоморфной, ни пропорциональной по отношению к оппозиции *космос-хаос* во вторичных моделирующих системах (мифологических, мифопоэтических, философских).

1.1. В языке в привативной оппозиции *космос-хаос* значение 'космос' является немаркированным членом, соответственно 'хаос' — маркированный, что говорит об эгоцентрическом оптимизме наивного сознания. Маркированный характер значения 'хаос' сказывается, во-первых, в формально-семантической производности большинства слов с семантикой 'хаос' от обозначений порядка, лада, организованности, устроенности¹, ср. лексемы, с помощью которых русские словари толкуют слово ХАОС: *неустройство, беспорядок, безразличное смешение* [Даль 4: 542]; *крайний беспорядок, неразбериха; // беспорядочное смешение чего-л., отсутствие ясности, стройности, системы в чем-л.* [МАС 4: 592]; во-вторых, в относительно позднем времени появления слов со значением 'хаос'; в-третьих, в их относительно меньшей частотности (в сравнении со словами, обозначающими порядок, лад, красоту). В частности, греч. *χάος* (в концептуально-мифологическом смысле) известно Гесиоду, но его нет у Гомера, Пиндара, Эсхила, Софокла, хотя позже концепт и термин

¹ Исключение составляет греч. *χάος*, производное от *χάσχω* — 'зевать, зиять, раскрывать рот'; первоначально *χάος* — это 'расселина'; 'зев', 'зияние', 'разверстое пространство', 'пустое протяжение'; позже — 'пропасть, тьма; мрачное и беспредельное пространство подземного царства; первобытный мрак, предшествовавший сотворению мира' [Вейсман: 1338]. Однако греч. *χάος* — это не «просто слово», но один из ключевых концептов античного космологического мифа, оказавшего влияние на концептуальные системы в других культурах (что, в частности, обусловило повсеместное заимствование греч. *χάος* в языки Европы).

χάος становится важным в космогонии Аристофана, затем у Платона и Аристотеля [Топоров 1992: 579]. Слово со значением 'хаос' отсутствует в Ветхом и Новом Заветах², в то время как греч. κόσμος в значении 'мир, вселенная' появляется в Новом Завете: Ὑμεῖς ἐστε τὸ φῶς τοῦ κόσμου — *Вы — свет мира* (Мф 5: 14). Вместе с усвоением античной концепции хаоса европейские языки заимствуют и соответствующий греческий термин, однако в народные языки слово приходит поздно и остается достаточно книжным и, в сравнении со словами, обозначающими порядок, лад, красоту, — более редким³.

1.2. Как указывает В. Н. Топоров, мифопоэтические концепции хаоса складываются «в относительно поздние эпохи, предполагающие уже определенный уровень спекулятивной мысли об истоках и причинах сущего» [Топоров 1992а: 581]. Во всех космогонических системах оппозиция *космос*–*хаос* является эквиполентной и асимметричной. 'Хаос' мыслится как изначальное и бесконечное состояние; 'мир, космос', 'порядок', 'закон' — тварны, т.е. созданы, они имеют свое начало и конец и никогда полностью не вытесняют 'хаос', который пребывает «на периферии» космоса и в царстве смерти.

Несмотря на то что 'хаос' мыслится как первичный и в некоторых концепциях в определенном смысле как 'пустой' и/или как 'бесформенный', он предстает более содержательным и более богатым потенциями, чем 'космос'. «Античная концепция 'хаоса' выдвигала на первый план творческие и животворные моменты этого понятия... 'Хаос' есть принцип непрерывного, неразличимого и бесконечного становления» [Топоров 1992: 580]. Вместе с тем 'космос' структурирован и потому богаче проявлениями. В ряде космогонических традиций, в частности в античной, 'космос' красив. Благодаря античному наследию, в европейской культуре в оппозиции концептов 'космос' — 'хаос' содержатся как этическая, так и эстетическая характеристики-оценки явлений мира. При этом распределение этического и

² Наиболее близкий к нему концепт — это представление о бездне (водной — ?), которая была до света: *Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою* (Быт 1, 2).

³ В русском языке 70-х гг. на 1 млн словоупотреблений лексема *хаос* и ее дериваты *хаотичный*, *хаотично* встретились 20 раз, в то время как лексемы, связанные с выражением антонимичных в данной оппозиции значений — 'порядок', 'закон', 'красота', — все значительно более частотны и имеют большее число дериватов: лексема *порядок* встретилась 215 раз, *закон* — 315, *красота*, *краса*, *красивый*, *красиво* — 329 раз [Засорина].

эстетического в каждом из членов оппозиции асимметрично и конфликтно, что связано с их разнонаправленностью: эстетическое чувство стремится к удовольствию и остроте переживания, этическое — к покою и согласию. Этика рационалистична, поэтому для нее хаос плох, а красота — сомнительна; для эстетического чувства (всегда далекого от рационализма) красота выше добра, а хаос бывает красив.

2. Вершинность и уязвимость красоты

В оппозиции *космос-хаос* эстетическая компонента космоса (красота) предстает как его высшее проявление, однако красота оказывается внутренне конфликтной и потому чреватой саморазрушением. Вершинность и уязвимость красоты в том, что ее наличие констатируется чувством: с одной стороны, благодаря связи с эмоциями, красота затрагивает самые глубокие области психики человека, определяющие его мироощущение и поведение. Однако, с другой стороны, именно потому, что красота, во-первых, воспринимается чувствами — прежде всего глазами и слухом, а не более высокой, по представлениям наивного сознания, инстанцией — интеллектом⁴, и, во-вторых, адресуется чувству — она призвана вызвать чувство удовольствия (т.е. чувства радости, счастья или удовлетворения), и все это происходит вне контроля интеллекта, люди склонны не доверять красоте. Из «интеллектуальной бесконтрольности» красоты для истории концепта 'красота' важны два следствия: 1) у наивного «постороннего» (не ангажированного, не влюбленного) сознания красота всегда под подозрением; 2) в художественном мире (т.е. в мире профессиональных создателей эстетических объектов) представления о красоте исторически кардинально изменчивы.

3. О семах субъективности в генезисе обозначений красоты

3.1. В происхождении слов со значением 'красивый' преобладают этимоны со значением общей положительной оценки ('хороший'), а также слова, в которых значение 'хороший' или

⁴ Как показал Ю. Д. Апресян, в иерархии основных систем, из которых складывается человек, «вершиной иерархии является сознание (ум). В наивной картине мира именно ему отводится ключевая роль регулятора физического, эмоционального и речевого поведения человека» [Апресян 1995: 45].

ослаблено ('подходящий, соответствующий, приемлемый'), или, напротив, усилено ('дорогой, ценный'; 'приятный, угодный, желанный'), но в любом случае к мотивирующей семантике добавлена сема субъективно-эмоциональной положительной оценки. Так, лат. *belle* 'мило, прекрасно, прелестно' возникло в результате контаминации лат. *bene* 'хорошо' и его супплетивной формы компаратива *melius*; к лат. *belle* восходят итал., испан. *bello* 'красивый', франц. *beau* 'красивый', англ. *beauty* 'красивый'; лат. *decus* 'красота', *decor* 'прекрасный, красивый' от *deceo* — 'украшать', первоначально 'приличествовать, походить, соответствовать'; восходит к инд.-евр. **dek*- 'приемлемый' [Walde, Hofmann 1: 330]. Как вслед за Вайнахтом (Weinacht) указывает К. Бак, в древненемецком концепте 'schön, красивый' этический компонент был весомее, чем эстетический [Buck: 1191].

В элементарном и наглядном виде процесс представлен в паре *хороший* — *хорошенький* в значении 'приятной внешности, довольно красивый; миловидный' [МАС 4: 620]: налицо не только сужение значения 'хороший' (вследствие внесения семы эстетической оценки и утраты шифтерного и чисто прагматического характера исходного значения⁵), но и вследствие субъективизации и определенной специализации производного значения: *хорошенький* (как эстетическая и притом положительная, не ироническая оценка) может относиться к одушевленному существу или части его внешнего облика (названной уменьшительно: *хорошенькие глазки*, *хорошенькое платьице*), но не к пейзажу (невозможны **хорошенькое озеро*, **необычайно хорошенький закат*). Диминутивное оформление деривата сказывается, во-первых, в некоторой неполноте качества (поэтому *хорошенький* плохо сочетается с интенсификаторами: **исключительно красивенький малыш*), во-вторых, в референтных ограничениях: соответствующая оценка относится преимущественно к молодой женщине, девушке, а если к мужчине, то очень молодому или вообще ребенку, ср.: **хорошенький учитель*, **хорошенькая пожилая женщина*, **пожилая женщина с хорошеньким лицом*.

⁵ Черты значения, отмеченные Н. Д. Арутюновой. Цитируя характеристику семантики слова 'хороший', данную логиком А. А. Ивиным («Слово *хороший* является заместителем имен естественных свойств, но не именем особого естественного свойства»), Н. Д. Арутюнова замечает: «Лингвист, возможно, предпочел бы говорить в этом случае о шифтерном типе значения. Оно может быть охарактеризовано и как прагматическое значение в собственном смысле, поскольку его интерпретация всецело зависит от условий употребления» [Арутюнова 1998: 206–207].

3.2. Значение 'красивый' иногда развивается путем деривации от слов, указывающих на выделенность предмета по цвету, окраске. Так, инд.-евр. **perk-* (к которому восходит лат. *pulcher* 'красивый') означало 'пестрый, цветной, разнообразный' [Walde, Hofmann 2: 384]. К рассмотренному типу мотивации близки праслав. **krasa* и **lěpъjь* (ст.-слав. лѣпъ) 'красивый', однако в них представлены более сложные случаи.

Праслав. **krasa* мотивировано цветообозначением, воспринимаемым символически и в высшей степени позитивно: **krasa* родственно **kresati*/**krěsiti* — 'высекать огонь, искры; сечь, рубить'; **krěs* — первоначально 'оживание, оживление природы, человека' [ЭССЯ 12: 140] — обозначало «летний солнцеворот, т.е. прежде всего возрождение, и лишь побочно — связанный с ним купальский огонь» [Там же: 97]. «Семантически **krasa* убедительно реконструируется как 'цвет жизни', откуда затем — 'красный цвет, румянец (лица)', 'цветение, цвет (растений)' и, наконец, более общее — 'красота' [Там же]; по дополнению М. Сноя, праслав. **krasa* родственно инд.-евр. **ker(H)*/**k^her(H)* — 'гореть, тлеть, куриться' [Snoj: 168–269]. С этим же корнем, по-видимому, связано греч. χάρις 'прелесть, грация, красота, приятность, радость, удовольствие'.

Праслав. **lěpъjь* родственно инд.-евр. корню **leip-* 'мазать жиром, маслом, краской; клеить', однако, как указывает О. Н. Трубачев, «мотивационные отношения 'мазанный' → 'красивый' (хотя и таковые существуют) представляются излишним упрощением, впрочем, так же, как и отношения 'жирный' → 'красивый': следует принять во внимание наличие в гнезде значений 'богатый, обильный' и 'имеющий высокую степень качества' [ЭССЯ 14: 225–227].

3.3. Мотивация слов со значением 'красивый' иногда связана с семами 'готовый, заверченный' — применительно или к естественному созреванию, или к созданию (организации) артефакта. Так, греч. χαλός восходит к прилагательному со значением 'бодрый, готовый, снаряженный' [Frisk 1: 767]; англ. *fine* 'хороший, прекрасный' этимологически связано с лат. *finio*, *finire* 'оканчивать, завершать' [Skeat: 214]; рус. *ладный*, польск. *ładny* 'красивый' восходят к сложению **(o)lō+*dho-*, в котором инд.-евр. **dhē-* означало 'класть, ставить' [ЭССЯ 14: 11].

3.4. В деривации значения 'красота' с мотивами 'завершенный, готовый, (хорошо) сделанный' метонимически связаны значения 'умелый, знающий, умный, искусный'. Таково происхождение англ. *handsome* 'красивый, статный', производного от

hand 'easy to handle, handy (удобный для использования; ловкий, искусный)'; относительно англ. *pretty* допускается его связь с лат. *practica* (ср. современное значение англ. *practices* — 'происки, интриги'); др.-англ. *pretty* имело значение 'обманный, хитрый, ловкий, искусный' и, в отличие от *handsome*, «никогда не теряло полностью связи с женскостью» [Skeat: 474].

3.5. Мотив искусности, хитрости усилен в относительно поздних словах, в которых сема красоты ассоциируется со значениями 'колдовство, чары'. Ср. франц. *charmant* 'прелестный'; англ. *charming* 'очаровательный, прелестный'. Франц. *charmant*, англ. *charming*, как и рус. *прелестный*, и в еще большей мере *соблазнительный*, а также *соблазнить* ('прельстить собой, своей красотой, вызвать чувственное желание; обольстить' [МАС 4: 170 (один из оттенков значения)]) сохраняют амбивалентность семантики: это опасная, «чреватая грехом» красота.

Таким образом, в истории значения 'красота' достаточно рано присутствуют семы, которые, с одной стороны, конкретизируют абстрактные значения 'хороший' и 'отличающийся по окраске, цвету от прочих (в том числе 'чистый'), внешне заметный', а с другой стороны, вносят в содержание значения 'красота' семы субъективизма и амбивалентных в нравственном отношении характеристик человека ('хитрый', 'обманный', 'чреватый грехом'). Амбивалентность, внутренняя конфликтность концепта красоты усиливается в Новое время.

4. Обманчивость и опасность красоты

С полной трезвостью об этом говорят английские паремии: *Beauty is in the eye of the gazer* (или *of the beholder*) (дословн. «Красота — в глазах того, кто смотрит пристально» (или «в глазах зрителя»). Приоритет чувства и внешнего над трезвой оценкой и большей глубиной констатирует фольклорный русский хиазм *Не по-хорошему мил, а по-милу хорош*.

Красота — эфемерна, поверхностна, обманчива и потому двусмысленна; она противопоставляется глубине, содержанию, искренности и подлинности, а также добру, надежности и силе. Ср. неоднократно засвидетельствованные эпитеты к слову *краса*: *бесчувственная, надменная, недолговечная, сверхъестественная, угрюмая, хладная, чарующая*; к слову *красота*: *бесстыдная, выдуманная, вызывающая, вялая, грубая, демоническая, искусственная, коварная, кричащая, ледяная, ложная, манящая, минутная, навязчивая, обольстительная, опьяняю-*

щая, ошеломляющая, плакатная, поддельная, подложная, показная, приманчивая, приукрашенная, пьянящая, фальшивая, фантастическая, хладная, холодная [Горбачевич, Хабло: 197–200], а кроме того, страшная красота (А. Блок., В. Пастернак). Ср. также паремии: *На красивого глядеть хорошо, с умным жить легко; Красота приглядится, а ум вперед пригодится; Красота — прах, а воровство — ремесло*; англ. *Beauty lies in lover's eyes* (игра слов, использующая омонимию *to lie*^{1, 2} — 'лгать' и 'лежать; находиться, заключаться': «Красота лжет в глаза влюбленному» и «Красота заключается в глазах влюбленного» (подразумевается 'создается глазами влюбленного'))»; польск. *Urodą kapusty nie okrasisz* (дословн. «Красотой капусты (щей) не сдобришь», с игрой слов на почве двусмысленности *okraszać* — 'класть жир в пищу; заправлять (сметаной и т. п.)' и 'украшать'); *Urody dość, a serca mało* (дословн. «Красоты хватает, а сердца мало»); характерное противопоставление: *Не ради красоты, ради доброты* [Даль]. Красота не важна в повседневной жизни: *Живет урод и от красавца*; она не спасает от бедности и несчастья: *И красик, да обосел; и чернячок, да обут. Не родись красивый, а родись счастливый*; польск. *Uroda — rzecz nietrwała* («Красота — вещь непрочная»).

В разных языках для слов со значением 'красота', а также для их дериватов характерна денотативная энантиосемия и/или отрицательная коннотация. Так, рус. *красоваться* не содержит отрицательных коннотаций применительно к городу (*Красуйся, град Петров...*), зданию, кораблю, но иронично по отношению к человеку. В семантике слова *красивость* легко актуализируются семы 'поверхностность, обманчивость', ср.: *...есть в нем не только внешняя красивость, но подлинная красота* (Фадеев); *во всей (своей) красе* — 'со всеми недостатками, во всей своей неприглядности' [МАС 2: 120]; одно из значений слова *красивый* — 'рассчитанный на эффект, на внешнее впечатление': *красивый жест, красивая фраза*; *приукрасить* может означать 'представить в более красивом, интересном виде, чем в действительности' [МАС 3: 453], т. е. является вариацией по отношению к 'солгать, ввести в заблуждение'; ср. также *украшательство*. Формо- и словообразовательный формант мн. ч. в *красоты* не только превращает абстрактное значение в конкретное, но и вносит ироническую коннотацию; ср. дериваты с *красн-* в метаязыковой лексике: *краснобаить* 'говорить красно, широко и самоуверенно, не всегда основательно'; *краснобай, красноговорка* 'приказка, складное пустословие', *красноглаголанье* 'краснобайство' [Даль].

Ср. оценочную амбивалентность дериватов от основ со значением 'красота, красивый' в польск. *ślicznotka* 'красотка', *upiększenie* и особенно *koloryzowanie* — 'приукрашивание'; словенск. *lepotec* 'красавец, франт', *lepotica* 'красавица, красотка', англ. *to embellish* 'приукрашивать', *beauty* (в ирон. смысле), нем. *zieren* (в одном из значений) 'жеманиться, церемониться' (ср. отзвуки в рус. *цирлих-манирлих*), *Zieraffe* 'фат, щеголь, пижон'; в нем. *hübsch* нет иронических коннотаций, зато сохраняются внеэстетические (утилитарные) значения ('большой, порядочный, приличный'); ср. также приводимые Далем факты диалектной энантисемии: *красный* — 'дикий, полоумный' (о человеке): *Что тебе тутотка доспелось, красному?*; *красовитка* 'кокетка', *красава, красавка* 'женщина дурного поведения'; *красік* '(бранно) щеголь, кто красуется'.

Красота способна утешить, компенсировать неудачу, беду, катастрофу, искупить вину: *На миру и смерть красна*. Однако красота может и вызвать беду: *Ради красного словца не жалко и отца*. Красивое манит и обманывает, *прелесть льстит и прельщает*; польск. *Uroda każdego zniewoli* (дословн. «Красота любого приневолит»), англ. *Beauty is but skin deep* (дословн. «Красота не толще кожи»; т. е. 'красота поверхностна', 'наружность обманчива'; ср. более радикальное толкование данной паремии: «Нельзя судить по одной внешности. Под физической красотой может скрываться отвратительный характер» [Райдаут, Уиттинг 1997: 28]. Эстетически совершенное обладает внушающей, иногда фасцинирующей силой, ср. «метаафоризм» Ст. Леца: *Афоризм — это полуправда, сказанная так, что сторонников ее второй половины хватает кондрашка*. Красота подозрительна: *Что делать страшной красоте, присевшей на скамье сирени, когда и впрямь не красть детей?* (Б. Пастернак). Природа красоты загадочна и необъяснима: *Чего девка не знает, то ее и красит; Девка пляшет, сама себя красит*. Природа реагирует на красоту и на некрасивость: *Такая красава, что в окно глянет, конь прянет; на двор выйдет, три дня собаки лают* [Даль]. Как незаслуженный дар красота портит своего «носителя».

Амбивалентность красоты сказывается в том, что, по народным представлениям, это атрибут прежде всего женский (*красна девица, но добрый молодец*): недолгая красота невесты, и ее пик — канун свадьбы. В. И. Даль еще застал овеществленную красоту: *краса́* и *красо́та, девья красо́та* — род венца из лент и цветов, который ставится на девичник перед невестой; *крóсота*: обряжают деревцо лентами, свечами, как рождественскую елку; ее ставят на

стол в последнее сиденье, в девичник. Поэтому, по русской поговорке, Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут.

5. «Красивый хаос» (М. Горький)

Красота способна привести к хаосу, но в хаосе есть или возможна своя красота, ср.: *Вам, вероятно, случалось слышать где-то валяющийся отдаленный водопад, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаос чудных, неясных звуков вихрем носится перед вами* (Гоголь, пример из [ССРЛЯ 17: 3]); *Обрывки туч столпились в красивый хаос красок и форм* (М. Горький, пример из [СУ 4: 1133]). Во влечении человека к хаосу сказывается его подспудный протест против монотонности порядка, против цивилизации или усталость от нее: культуре и цивилизации противостоят природа и стихия, порядку — анархия, регламентированной «свободе» (как ценности нового времени) — «воля»⁶ и т. д. Конечно, это романтическая позиция — упоение стихией, бурей, бунтом, катастрофой, отчаянием и т. п. Однако такого рода психология поддерживается художественной практикой человечества. Ср. оборот *художественный беспорядок* 'красочный, картинный, прихотливый беспорядок; обычно шутол.', связанный с прилагательным *художественный* в значении 'содержащий в себе элементы искусства, артистичности', и выдержку из классика, говорящую о возможности влечения к такого рода хаосу: *Ему нравились его приятели — один в помятой широкополой шляпе с претензией на художественный беспорядок, другой в котиковой шапочке* (А. Чехов) [ССРЛЯ 17: 511].

6. Как художественная практика прививала людям влечение к хаосу

Может быть, именно прескриптивность европейских теорий искусств до XIX в. способствовала раннему осознанию неизбежности, полезности, а иногда и красоты отступления от художественной нормы. Уже у Горация в «Науке поэзии» (I в. до н. э.), затем у Сенеки в «Естественнонаучных вопросах» (I в. н. э.) складывается концепт «поэтической вольности» (*licentia poëtica*), позже унаследованный европейскими культурами и народными языками (франц. *licence poétique*, нем. *dichterische Freiheit*, рус.

⁶ Ср. слова Феди Протасова («Живой труп» Л. Толстого) о том, что его влечет в цыганах: *Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля.*

поэтические вольности и т. д.). В гуманитарной культуре XIX в. идея «поэтической вольности» легко выходила за пределы филологического определения⁷ — оборот известен и в более широком значении: «Шутл.-ирон. О каких-либо преувеличениях или передержках» [Бабкин, Шендецов 1987: 74].

Идея художественной свободы находила свою неброскую, но постоянную реализацию в бесчисленных европейских послеантичных риториках (которые в свое время были самыми массовыми путеводителями и руководствами по художественной практике). Несмотря на свою нормативность, старинные риторики учили речевой свободе: по сути, в них в систематизированном виде демонстрировались широчайшие возможности языка и при этом ничего не запрещалось. «Правил» «обоего красноречия» (т. е. оратории и поэзии) было так много, и они были настолько детальны, что почти любая конструкция, любой «солекизм» могли быть подведены под какое-нибудь «правило» или превратиться из речевой погрешности в стилистическую фигуру⁸. Кроме «правил», риторики формулировали допустимые, а иногда и рекомендуемые отступления от «правил» — тоже в деталях и в большом количестве (ср. разного рода «ненатуральное» расположение частей, «неполные» и «непорядочные хрии» или «неполные» и «сложенные» формы силлогизма в «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносова). При этом риторики нередко указывали на недостаточность (для красноречия) «правил» и подчеркивали приоритет примеров («образцов») и собственной практики («упражнений»). У Ломоносова, в частности, тезис о том, что риторике учатся больше из примеров, нежели из правил, повторяется неоднократно. Более того, завершая главу «О расположении описаний», он советует, чтобы «всяк, читая исторические и другие описаниями и повествованиями богатые книги, примечал в них то, что их особливо украшает. Кто сие наблюдать будет, тот много найдет, чего ни в каких риторических правилах нет...» [Ломоносов [1748] 1952: 370]. Понятно, что такая трактовка соотношения риторической практики, «примеров» и «правил» означа-

⁷ *Licentia poetica* — «допустимость в стихотворной речи ради сохранения ритма и рифмы некоторых отступлений от принятых литературных норм (грамматических или лексических); о тех или иных вольностях, позволятельных для поэта или поэтических произведений» [Бабкин, Шендецов 1987: 74].

⁸ Так, в знаменитой анонимной «Риторике к Герению» (80-е гг. до н. э.) «солекизм» — один из пороков речи, «мешающих ей быть хорошим латинским языком» [Античные теории 1936: 192], но уже у Квинтилиана (I в. н. э.) — это класс фигур [Там же: 262].

ла (в инвариантно-расширительном плане), что жизнь, в том числе наука-искусство, богаче и важнее «правил».

Принятие естественности и приоритета «хаоса жизни» по отношению к правилам и нормам коррелируют с представлениями, согласно которым художник не измеряется общей меркой. Уходя корнями в мифопоэтическую картину мира (безумие как предпосылка или обратная сторона всеведения; «надмирность», «не от мира сего» как знак «вхожести» в «оба мира» — жизни и смерти и т. п.), такого рода представления отчетливо формулируются уже в классической античности: *Как-то сказал Демокрит, что талант важнее ученья / и что закрыт Геликон для поэтов со здравым рассудком* (Гораций. «Наука поэзии», ст. 296–297). Жизнь искусства, протекая «бок о бок» с обычной жизнью, прививала обыденному сознанию представления о художнике как о человеке, которому позволен «малый хаос» — в его произведениях, в его быте, в нем самом.

История искусств предстает как непрерывная, бурная и все убыстряющаяся смена эстетических норм⁹. Это цепь бунтов нового (очередного) поколения против «порядка», установленного «отцами». Создавая новый художественный язык, новое поколение стремится к разрушению прежнего языка, иначе говоря, стремится к хаосу. В таком контексте имя *хаос* ощущается как эмфатический, с семой тревоги, синоним к слову *перемены*. Искусства сформировали в массовом культурном сознании нового времени своего рода привычку и даже вкус к смене художественных систем (языков), т. е. позитивно-любопытствующее отношение к художественному хаосу, чреватому эстетическим удовольствием. В XX в. «малые хаосы» художественных переворотов необычайно раздвинули границы эстетического, вплоть до «антикаллизма» — эстетического освоения «безобразного», когда, ломая границы эстетического, в сферу «прекрасного» включаются так называемые «жесткие» эстетические ценности — неприятное, грубое, гротескное, мрачное, шокирующее, агрессивное, отвратительное, безобразное, отталкивающее¹⁰. Таким образом,

⁹ История искусств предстает именно бурной — в сравнении с почти неподвижной историей этики: человечество на протяжении тысячелетий делало все, чтобы главные принципы этики пребывали на скрижалях религий в неизменности и ощущались как заветы Бога.

¹⁰ Термин *антикаллизм* возник в эстетике французского постмодернизма. О русском антикаллизме (текстов Виктора Ерофеева, Владимира Сорокина и др.) см. [Скоропанова 1999: 282].

художественный хаос, не затрагивая напрямую закон и порядок в повседневном быте массового потребителя искусства, оказывается источником новой красоты и изощренных форм эстетического наслаждения.

Влечение к хаосу — не мазохизм, но подспудное (подсознательное и/или не вполне осознаваемое) ощущение его необходимости, полезности, потенциальной ценности. Оно сопутствует молодости, здоровью, силе. В нем есть элемент вызова, спорта, самоутверждения, Игры (в высоком и общем смысле Й. Хейзинги) — испытания, которое докажет, что ты не лежащий камень, что ты способен принимать новое и вырабатывать индивидуальные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

- Античные теории 1936 — Античные теории языка и стиля / Под общ. ред. О. М. Фрейденберг. М.; Л., 1936.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Бабкин, Шендецов — *Бабкин А. М., Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов. А–Ж. Л., 1981; К–З. Л., 1987.
- Вейсман — *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. М., 1991.
- Горбачевич, Хабло — *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978 [факсимиле изд. 1880–1882 гг.]. Т. 1–4.
- Засорина — Частотный словарь русского языка: Ок. 40000 слов / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
- Ломоносов [1748] 1952 — *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию... // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758. М., 1952. С. 89–378.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. // Под. ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- Райдаут, Уиттинг — *Райдаут Р., Уиттинг К.* Толковый словарь английских пословиц. СПб., 1997.
- Скоропанова 1999 — *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература: Учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов. М., 1999.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1950–1965.

- СУ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Топоров 1992 — Топоров В. Н. Хаос / Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 579–581.
- Топоров 1992а — Топоров В. Н. Хаос первобытный / Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 581–582.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- Buck — Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. Chicago; Illinois, 1949.
- Frisk — Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. 1–2.
- Skeat — Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1961.
- Snoj — Snoj Ė. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.
- Walde, Hofmann — Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg, 1954. Bd. 1–2.

А. Д. ШМЕЛЕВ

В ПОИСКАХ МИРА И ЛАДА*

Ждановские либреттисты
Писали на сотни лет.
Не думали, что так быстро
Кончится их балет.
Что сталинская кувалда
Начнет понемногу трещать.
Пока не до мира да лада,
А все-таки легче дышать.

март 1989

(Дмитрий Шмелев. «Стихотворения»)

1. Вступительные замечания

Общепризнанным является представление, в соответствии с которым порядок, *Ordnung*, не входит в число базовых ценностей русской культуры. Мотив *Страна наша богата / Порядка только нет* — одна из постоянных составляющих самовосприятия русских¹. Действительно, русские представления о мире предполагают скорее влечение к *простору*, к *размаху*, к тому, чтобы *разгуляться*, даже к некоторой бесшабашности². Но при этом нельзя упускать из виду, что и для русской языковой картины мира определенную ценность представляет *обустроенность* и гармония, и это стремление к обустроенности и гармонии находит отражение в поисках *мира и лада*³.

* Работа написана при поддержке РФФИ (грант № 01-06-80401) и РГНФ (грант № 01-04-00201а).

¹ Иногда даже приводятся лингвистические аргументы в пользу представления о чуждости *порядка* русским традициям. Ср. совсем недавний пример — из статьи С. Новопрудского в газете «Известия» (2001, 16 мая): «Порядок у нас именно что наводят, а не устанавливают законодательно. Хотя наводить — русский язык не даст соврать — можно только ужас или порчу».

² Эти же мотивы: обширные пространства и отсутствие порядка — характерны и для представлений иностранцев о России; так, газета «International Herald Tribune» в номере от 1 июня 2001 г. в редакционной статье осуществляет референцию к России посредством дескрипции *this vast and chaotic country*.

³ Да и сам *порядок* не относится к числу безусловно чуждых ценностей; не случайно именно к этому слову восходит лингвоспецифичное прилагательное *порядочный*, которое в применении к человеку обозначает положительно оцениваемое качество.

Само по себе сочетание *мир и лад* является устойчивым и при этом лингвоспецифичным и трудно переводимым. При этом не вполне ясно, что общего в семантике слов *мир и лад* и что же их все-таки различает, почему в выражении *мир и лад* необходимы оба слова, чем *мир и лад* отличается от просто *мира* и просто *лада*⁴.

Для того чтобы выявить особенности отраженного в этом выражении миропонимания, полезно обратиться к другой паре слов, *мир и воля*, объединение которых в одно сочетание восходит к архаичным представлениям о мире.

1.1. *Мир vs. воля*

Специфическое русское понятие *воли* берет свое начало в архаическом противопоставлении *мира* как «своего», обжитого, устроенного пространства и *воли* как пространства «чужого», неустроенного (ср. сопоставление *мира* и *воли* в историческом аспекте в [Топоров 1989]).

В современном русском языке звуковому комплексу *мир* соответствует целый ряд значений ('отсутствие войны', 'вселенная', 'сельская община' и т. д.). Однако все указанное многообразие значений исторически можно рассматривать как модификацию некоего исходного значения, которое мы могли бы истолковать как 'гармония; обустройство; порядок' (ср. объединение значений 'мирная жизнь' и 'вселенная' в ряде германских языков

⁴ Можно, кстати, заметить, что слово *лад* в современном русском языке почти не употребляется, так что название книги Вас. Белова «Лад», повествующей о гармоничной жизни традиционной крестьянской общины, воспринимается как явная стилизация. Из выражений, используемых в современном языке, можно указать на устойчивое сочетание *не в ладу* или *не в ладах* (с кем-либо или чем-либо; ср. без отрицания в «Матренином дворе»: *У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей*), выражение *дело идет* (или *пошло*) *на лад*, клишированные формулы *не в склад*, *не в лад* и *ни складу, ни ладу*, а также на ряд выражений (*на новый лад*, *на все лады*, *на разные лады*), которые, очевидно, восходят к певческой метафоре (ср. оценку, данную пению Шалапина героиней «Матрениного двора»: *Не так. Ладу не нашего. И голосом балует*). В то же время *лад* — одно из самых любимых слов для авторов, эстетизирующих древнерусские представления о мире; ср. характерные утверждения из брошюры Валерия Демина «Тайны русского народа»: *Лад — исконно русский Космос. <...> Русский космос в древности... мыслился как единство порядка и любви. Но «лад» в понимании наших предков означал также и «красоту»... Все эти смыслы неизбежно вплывало в себя и понятие русского Космоса-Лада, которое распространялось на всю жизнь. Василий Белов совершенно справедливо и исключительно точно — в духе традиционного русского мирозерцания — назвал свою известную книгу очерков народной эстетики и исконных обычаев — Лад.*

[Топорова 1994: 105])⁵. Вселенная может рассматриваться как «миропорядок», противопоставленный хаосу, *космос*. Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, могла считаться сельская община, которая так и называлась — *мир*. Общинная жизнь строго регламентирована, и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается болезненно, как «непорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит «вырваться на волю»⁶.

Можно полагать, что в архаичной модели мира *мир* соответствовал привычной норме, а *воля* — непредсказуемым отклонениям от нормы. Этому противопоставлению в современной русской языковой картине мира отчасти соответствуют ассоциативные ряды, связанные с каждым из названных двух слов. Для *мира* это такие слова, как *лад*, *покой*, *уют*, «*обустройство*», тогда как с *волей* ассоциируется скорее *простор* и *раздолье*, которые побуждают человека проявлять *удаль* и могут повести к *разгулу*.

Существенно также, что *мир* часто ассоциируется с *домом*, где все *устроено*. Это касается и *мира* как вселенной (характерно само слово *мироздание*), и *мира* как метафорического обозначения общественного *стро*я (ср. выражение *строить новый мир*). Так понимаемому *миру* противостоит открытое пространство вне дома, т. е. опять-таки *простор* и *воля*.

Нам уже приходилось писать [Шмелев 2000а; Левонтина, Шмелев 2000] о стремлении вырваться на *волю*, на *простор*, где есть где *разгуляться*, отражаемом во многих русских текстах. В статье [Левонтина, Шмелев 2000] отмечалось также, что, наряду с тягой к большому открытому пространству, к *простору*, в русской культу-

⁵ Ср. также наблюдение Ю. С. Степанова: «...соединение двух рядов представлений — „Вселенная, внешний мир“ и „Согласие между людьми, мирная жизнь“ — в одном исходном концепте постоянно встречается в культуре... „Мир“ в древнейших культурах индоевропейцев — это то место, где живут люди „моего племени“, „моего рода“, „мы“, место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует „порядок“, „согласие между людьми“, „закон“; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще — от другого пространства... где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно» [Степанов 1997: 95]. Отчасти представление о связи значений 'покоя' и 'порядка' сохраняется и в наше время — ср. в этой связи интересное замечание, сделанное устно А. Жолковским по поводу «Иностранцев» Зоценко: «Для Зоценко высшая ценность — покой и порядок. По существу это две ипостаси одного и того же: покой — в субъективном аспекте, порядок — в объективном».

⁶ В современном языке связь *мира* именно со своим пространством утрачена — скорее, мы можем говорить о своем, знакомом и чужом, незнакомом *мире*.

ре представлена также, хотя и менее ярко выражена, любовь к небольшим закрытым пространствам, к *уюту*. Отгораживаясь от «холодного ветра простора», человек надеется обрести душевный мир и покой. В то же время романтическая линия русской культуры обычно осуждает стремление к уюту как проявление мещанства.

Иными словами, для русского языкового сознания ценность представляют как явления, ассоциируемые с *миром*, так и явления, ассоциируемые с *волей*. Более того, в современной языковой картине мира эти ряды причудливым и подчас парадоксальным образом переплетены, так что общая картина противопоставления двух рядов: *мира* и *воли* — оказывается смазанной (так, иногда для обретения *покоя* человеку бывают необходимы *простор* и *воля*).

1.2. Парадоксы покоя и простора

Некоторая смазанность противопоставления рассматриваемых двух рядов (*мира* и *воли*) в современном языковом сознании отчасти вызвана тем, что в современном русском языке этимологически единому звуковому комплексу *мир* соответствуют два омонима, каждый из которых в свою очередь многозначен (как известно, эти два омонима даже различались на письме в дореволюционной русской орфографии). И если *мир* как отсутствие войны, вражды, беспокойства (*миръ*) целиком остается в сфере *лада* и гармонии, то *мир* как Вселенная (*міръ*) или общественное устройство вовсе не обязательно связан с *покоем*. Более того, когда мы говорим о мироздании в целом, то скорее напрашивается ассоциация с *простором*. Так, например, говорят о *бескрайних просторах Вселенной*. И этот большой *мир*, как и все, что связано с *простором*, может казаться неуютным. Тем самым разрывается связь *мира* и *юта*⁷. Человек выходит на *простор* и попадает в

⁷ Обратим внимание на то, что разрывается и связь *мира* с *домом*, так что мир и дом оказываются противопоставленными. Приведем характерное журналистское рассуждение: *Но при этом вот он, второй трагический парадокс нашей истории — мы выходили из «дома» в «мир», требовали от «мира» участия в своей судьбе. <...> Смысл той, действительно принципиально новой для России истории, которую мы переживаем сейчас и будем переживать еще долго, — возвращение из «мира» в «дом». <...> Квартирный вопрос еще никого не портил — портила уверенность в том, что «наша крыша небо голубое, наше счастье жить такой судьбою». <...> От ветров истории можно защититься хотя бы на время только в крепком, на славу построенном доме. <...> В нашем доме еще не скоро будет тепло, светло и уютно. Но все это будет, если мы захотим. Мы предоставлены самим себе, мы уже можем хотеть. Это и есть свобода, другой не бывает. Мы гости в этом мире, но хозяева в доме — в том, который есть и который будет* (Семен Новопрудский в газете «Известия», 2001, 30 мая).

огромный *мир*, где его могут подстергать различные опасности. Человек стремится спрятаться, укрыться от них, найти *уютный угол*, где ему было бы спокойно и ничего не грозило. Ср.:

Знаете, вечерами, безо всякой грозы, иногда наплывают такие серо-черные толстые низкие тучи, прежде времени мрачнеет, темнеет, весь мир становится неуютным и хочется только спрятаться под крышу, поближе к огню и к родным (А. Солженицын. «Раковый корпус»).

В статье «Родные просторы» [Левонтина, Шмелев 2000] мы отмечали ряд характеристик, которые предъявляются к помещению, чтобы его можно было считать *уютным*. Помещение должно быть теплым, небольшим по размерам, отгороженным от остального мира. *Просторную* или *прохладную* комнату вполне можно назвать *комфортабельной*, но не *уютной*. Хорошо, чтобы в комнате топились печь или горел камин, — ср. характерное выражение *у домашнего очага*, сразу создающее ощущение *юта*. Полевые исследования, проведенные мною совместно с И. Б. Левонтиной в Иркутске в конце марта 2000 г., позволили выявить еще некоторые требования к *уютному* помещению. Там должно быть неяркое освещение (ни ярко освещенная, ни находящаяся в полной тьме комната не могут быть названы *уютными*), хорошо, если играет негромкая музыка (чрезмерно громкая музыка абсолютно несовместима с *уютом*).

Приведенный отрывок из «Ракового корпуса» иллюстрирует некоторые из названных характеристик *юта*: отгороженность (*спрятаться под крышу*), тепло и домашний очаг (*поближе к огню*). Кроме того, в нем отражено еще одно важное свойство *юта* — его связь с представлением о чем-то *родном*. В статье «Родные просторы» мы обращали внимание на то, что концепт *простора* в русской языковой картине мира естественным образом монтируется с лингвоспецифичным концептом *родного*, что находит отражение в сочетаемости соответствующих слов. Но оказывается, что с понятием *родного* связаны не только *просторы*, но и *уют*. Так, часто *уютным* кажется *родной угол*, где человека окружают *родные* (отсюда стремление *быть поближе к огню и к родным*).

Итак, мы видим, что в русской языковой картине мира противопоставляются большой неуютный *мир* и маленький *уютный мирок*. Именно последний ассоциируется с *покоем*, тогда как «большой» *мир* скорее может оказаться источником душевного беспокойства⁸.

⁸ Это различие ассоциативных полей *простора*, связываемого с беззащитностью перед лицом различных опасностей, и *юта*, дающего чувство защищенности, хоро-

Но в русской культуре издавна укоренена и ассоциация *покой* не с *миром и ладом* и не с *уютом*, а с *простором и волей*. Часто бывает так, что человек убегает из беспокойного, суматошного и неуютного мира *на волю* или *на простор* и там обретает желанный *покой*. Собственно об этом и говорят знаменитые пушкинские строки:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мне доля —
 Давно, усталый раб, замыслил я побег
 В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Простор тогда никак не мешает *покою*; наоборот, он служит своего рода гарантией, что *покой* не будет нарушен неожиданным вмешательством со стороны. Как известно, особенности характера Обломова были во многом обусловлены тем, что он «получил воспитание и приобретал манеры не в тесноте и полумраке роскошных, прихотливо убранных кабинетов и будуаров, где черт знает чего ни наставлено, а в деревне, на покое, просторе и вольном воздухе» [Левонтина, Шмелев 2000].

Поэтому по-русски вполне естественно звучит некрасовская формула *покой и простор*⁹, в настоящее время активно используемая при рекламировании дальних курортов, на которых человек может отвлечься от повседневных трудов и отдохнуть на *просторе*. Приведем лишь несколько примеров:

- (1) Если Вы всерьез устали от общества себе подобных, то... уединение и кристально-прозрачный океан, ненавязчивый (в смысле, неприлично качественный) пятизвездный сервис Вас и Ваших друзей ждет на Тиомане (тоже островной курорт). <...> Покой, простор, гольф, водные развлечения.
- (2) Сельская идиллия, покой и простор в обрамлении тихоокеанской волны и коралловых рифов, так же как и столица, создают особый настрой для влюбленных.

шо описано в эпизоде из повести В. Белоусовой «Тайная недоброжелательность», в котором описывается семинар по Пушкину в американском университете: «Девочка сравнивала стихотворения „Бесы“ и „Зимний вечер“». Сперва речь шла о сходстве — там зима и тут зима, там буря и тут буря. Потом пошли различия: там замкнутое пространство, здесь открытое; там защищенность и даже уют, здесь — беззащитность и опасность; там — реальность, здесь — мистика и так далее и тому подобное».

⁹ Ср. также использование аналогичной формулы при выражении сходного мотива в сонете К. Бальмонта «Предвещание»: *Судьба зовет, покой пустынь велик, / И стих в душе звучит ключом гремучим. / Туда, туда! За грани вечных гор! / Вершины спят. Лазурь, покой, простор.*

- (3) Лапландия — это самая северная часть Финляндии, где на бескрайних просторах царит тишина и покой заснеженных лесов, замерзших рек и озер. Снег здесь просто волшебный — белый-белый и удивительно пушистый, а воздух кристально чист.
- (4) Только на рыбалке можно ощутить настоящий простор и покой. <...> К вашим услугам морская, речная, озерная рыбалка. Отличный рыболовный сервис: гиды, готовые пакеты рыболовных услуг, замечательные дачные домики рядом с богатыми рыбой водоемами.
- (5) Чистые водоемы и чистая рыба
- разнообразные возможности для рыбной ловли: морская, речная и озерная рыбалка;
 - рыбную ловлю во время отпуска легко сочетать с приятным, семейным отдыхом в дачном домике;
 - хороший рыболовный сервис: обилие гидов, готовые пакеты рыболовных услуг, множество мест рыбной ловли;
 - простор и природный покой.

Такой *простор* вовсе не противоречит *уюту*: вдали от городской суеты можно наслаждаться *простором* и жить в *уютных* помещениях. Ср., например, следующее характерное рекламное объявление:

«Эдем» зимой — тишина, покой и необъятные просторы для катания на лыжах. И всегда чистая природа, вкусная рыба, уютные помещения для проживания и очень внимательное обслуживание, потому что мы работаем для Вас и ради Вас.

Таким образом, в современной русской языковой картине мира стремление к душевному *миру* вовсе не противоречит желанию наслаждаться *просторами*. Мы видим, что ассоциативные связи рассматриваемых слов оказываются причудливым образом переплетены, мир, космос сливается с хаосом, и даже такие сочетания, как, скажем, *гармоничный хаос* уже не воспринимаются как оксюморонные. Приведем в этой связи отрывок из статьи Григория Ревзина в газете «Коммерсантъ» от 25 мая 2001 г.:

Мысль о том, что русское крестьянство проживает в космосе, ясно прочитывается из крестьянского цикла Малевича... Никонов открыл не сам факт этого бытового космизма, а нечто совсем иное. Гармонию этого мира. <...> Уму трудно понять, как можно обнаружить гармонию... в космическом вихре... Никонов выработал некий ордер хаоса... Хаос бывает пугающим, грандиозным, слепящим — у Никонова гармоничный хаос.

2. Эпидигматика мира и лада

Установление ассоциативных связей рассматриваемых слов требует и анализа их «ассоциативно-derivационных», или «эпидигматических»¹⁰, отношений. Рассмотрим фрагменты словообразовательных гнезд с вершинами *мир*, *лад* и *строй*.

2.1. Примирение

Уже приходилось отмечать, что для русской языковой картины мира чрезвычайно характерна установка на «примирение с действительностью» [Шмелев 1997]¹¹. Но характерно и то, что ключевое слово, служащее для обозначения этой установки, *примирение*, так же, как и глагол *примириться*, входит в словообразовательное гнездо с вершиною *мир*. С точки зрения установки на «примирение с действительностью» достижение внутреннего мира (*умиротворенного* состояния духа) возможно лишь при условии *примирения* с внешним, окружающим *миром*, т. е. отказа от вражды с другими людьми и принятия всего, что вокруг происходит. При этом носитель такой установки сам для себя находит аргументы, почему «примирение с действительностью» возможно, разумно и необходимо.

Остальные обязанности лечащего врача требовали только методичности: вовремя назначать анализы, проверять их и делать записи в тридцати историях болезни. Никакой врач не любит исписывать разграфленные бланки, но Вера Корнильевна примирялась с ними за то, что эти три месяца у нее были свои больные — не бледное сплетение светов и теней на экране, а свои живые постоянные люди, которые верили ей, ждали ее голоса и взгляда (А. Солженицын. «Раковый корпус»).

Ср. также высказывания Солженицына о Пушкине (из эссе «Колеблет твой треножник»), показывающие, что «примирение с действительностью» в самом деле может рассматриваться в русской языковой картине мира как идеал:

Вера его высится в необходимом, и объясняющем, единстве с общим примиренным мирочувствием;

относился к смерти примиренно, спокойно, с возвышением мысли;

¹⁰ Термин Д. Н. Шмелева [1971].

¹¹ Иногда эта установка даже характеризуется как «беспомощность и покорность судьбе, превосходящая все границы, — вызывающая изумление и презрение всего мира» (А. Солженицын. «Россия в обвале»).

гармоничная цельность, в которой уравновешены все стороны бытия: через изведенные им, живо ощущаемые толщи мирового трагизма — всплытие в слой покоя, примиренности и света;

Горе и горечь освещаются высшим пониманием, печаль смягчена примирением.

Наличие в системе представлений и мире установки на «примирение с действительностью» привело к интересному переосмыслению слов *смириться* и *смирение* в русле «народной этимологии». Эти слова, соотносимые с одной из важнейших христианских добродетелей, предполагающей отсутствие гордости и *умерение* каких бы то ни было претензий, этимологически восходят к корню *мер*. Однако под влиянием созвучия со словами *примириться* и *примирение* и общей установки на «примирение с действительностью» они стали ассоциироваться с принятием окружающего мира таким, каков он есть, и эти новые обертоны в понимании *смирения* были усвоены даже русской церковной мыслью (ряд примеров такого усвоения приводятся в статье [Шмелев 2000б])¹².

В результате такого переосмысления глагол *смириться* приобрел, наряду с исходным абсолютным употреблением, не предполагающим сильно управляемого актанта, иную модель управления (*смириться с <чем-либо>*), аналогичную модели управления глагола *примириться*. Ср.:

И с умилением Олег почувствовал, что он вполне доволен своей долей, что он вполне смирен со ссылкой, и только здоровья одного он просит у неба, и не просит больших чудес (А. Солженицын. «Раковый корпус»).

Ср. также конструкцию *смириться, что...*:

Как это удивительно, что русский, какими-то лентами душевными припеленатый к русским перелескам и полям, к тихой замкнутости среднерусской природы, а сюда присланный помимо воли и навсегда, — вот он уже привязался к этой бедной открытости, то слишком жаркой, то слишком продуваемой, где тихий пасмурный день ощущается как отдых, а дождь — как праздник, и вполне уже, кажется, смирился, что будет жить здесь до смерти (А. Солженицын. «Раковый корпус»).

¹² При этом все же в «Словобразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [1985], вообще ориентированном не на этимологическую истину, а на восприятие словообразовательных связей, глагол *смирить(ся)* и его производные, в отличие от глагола *примирить(ся)*, не включены в гнездо с вершиною *мир*.

Установка на такое *смирение*, предполагающее, в числе прочего, *примирение* со своим положением, может вести к бездеятельности и нежеланию что-либо предпринимать. Не случайно она вызывает отталкивание у людей активных и деятельных. Таков Вадим Зацырко из «Ракового корпуса»:

Вадим... раздражался от этих разжигающих басенок о смирении. Такая водянистая блеклая правденка противоречила всему молодому напору, всему сжигающему нетерпению, которое был Вадим, всей его потребности разжаться, как выстрел, разжаться и отдать.

Но не только Вадим, на формирование взглядов которого решающую роль оказало советское воспитание, но и герои, вызывающие явную симпатию автора, считают, что *смирение* противоречит *делу*¹³. Так, мальчик Дема не видит в *смирении* ничего «дельного»:

Дёма ходил, прихрамывая, и всюду искал именно тетю Стёфу, которая и посоветовать-то ему ничего дельно не могла, кроме как смириться.

Олег Костоготов также очевидным образом противопоставляет *смирение* и *дельность*. Так, он размышляет по поводу разъяснений, которые ему дал Лев Леонидович, «хирург с волосатыми руками»:

Или просто, верный своему врачебному сословию, этот дельный человек тоже лишь склоняет больного к смирению?

Итак, в отношении повседневного языка в целом справедливым представляется мнение А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992: 194], полагающей, что, в отличие от западного христианского идеала *humility*, вполне допускающего активную борьбу за лучшее устройство жизни, «русский идеал *смирения*» предполагает покорность обстоятельствам¹⁴. В то же время при употреблении

¹³ Надобно заметить, что в «Раковом корпусе» *смирение* и вообще «примирение с действительностью» в целом оценивается невысоко, оно примыкает к конформизму и противопоставляется борьбе за правду. Так, перед Елизаветой Анатольевной, у которой растёт сын, встаёт вопрос, *скрывать правду, примирять его с жизнью или нагружать правдой*. Характерно также, что отрицательный Русанов именно апелляцию к *смирению* демагогически использует как аргумент против хрущёвской оттепели и начинающегося освобождения миллионов заключённых: *Какое это безумие! — возвращать их! Зачем? Они там привыкли, они там смирились — зачем же пускать их сюда, баламутить людям жизнь?..*

¹⁴ Поэтому он может вызывать отторжение у людей с активной жизненной позицией; ср. характерный призыв Солженицына: *...не будем смиряться с упокойными песнями, что-де, значит, миновал период нашей «пассионарности» и от нас уже нечего ждать. Не будем и уповать, что прикатит какое-то Чудо и «само собой» нас спасет. Все мы — и есть Россия. Мы ее — такую сделали, нам ее — и вытягивать («Россия в обвале»).*

слова *смирение* в религиозном контексте речь, как правило, идет именно об отсутствии гордости, а идея «примирения с действительностью» может уходить на задний план или вообще оказываться нерелевантной. Характерно, что некоторые носители русского языка считают спецификой именно русских представлений о *смирении*, непонятных западным людям, возможность совмещения *смирения* и активной творческой деятельности:

Тем более непонятны и загадочны для современного западного человека такие понятия, как «умиление» и «дерзновение». <...> Как объясняется дерзновение? Как смелость, основанная на смирении. Но для Запада смелость — антитеза смирению (Татьяна Горичева).

Эпидигматические связи с *миром* привели также к развитию представлений о *смирении* как об особом типе поведения — *мирного*, не буйного. Ср. такие выражения, как *присмиреть*, *усмирить*, *смирительная рубашка*, народное *смиранный* (в литературном языке *смирный*). Ср.:

Он охотно приказал бы им замолчать, и особенно этому надоедному буроволосому с бинтовым охватом по шее и защемленной головой — его просто Ефремом все звали, хотя был он не молод.

Но Ефрем никак не *усмирался*, не ложился и из палаты никуда не уходил, а беспокойно похаживал средним проходом вдоль комнаты (А. Солженицын. «Раковый корпус»).

Но существенно, что все разнообразные представления о *смирении* (как о христианском отсутствии гордости, как о *примирении* с окружающей действительностью, как о *смирном* поведении) могут сливаться в единый нерасчлененный идеал. Так, Солженицын в числе черт «русского характера» выделил

— *доверчивое смирение с судьбой*

и дал по этому поводу следующий комментарий:

любимые русские святые — смиренно-кроткие молитвенники (не спутаем смирение по убеждению — и безволие); русские всегда одобряли смирных, смиренных, юродивых («Россия в обвале»).

2.2. Лад и строй

2.2.1. Лад. В книге Вас. Белова «Лад» описана органичная простая жизнь старой русской деревни, имплицитно противопоставляемая вычурной, искусственной, механистичной жизни современного города. Но парадоксальным образом эпидигма-

тические связи слова *лад* указывают на несколько иной круг ассоциаций — *слаженную* работу различных частей единого механизма. Отсюда такие характерные глаголы, как *наладить*, *отладить*, *приладить*, название профессии *наладчик*, такие сложные слова, как *пусконаладочный*. Если какой-то механизм плохо работает (возникают *неполадки*), то, скорее всего, что-то в нем *разладилось*.

Иными словами, производные слова, входящие в словообразовательное гнездо с вершиной *лад*, скорее указывают не на природную, органическую жизнь, а на работу рук человеческих. Ср., может быть, несколько стилизованное, но в целом вполне отвечающее языковым нормам употребление глагола *ладить* у Солженицына:

Он свою работу выполнял без рывков, с долгами всеми был разочтен, и сейчас мирно ладил портсигар из прозрачной красной пластмассы, предназначенный на завтрашнее утро в подарок («В круге первом»).

Вообще многие из этих слов используются, когда речь идет о работе, которая может *ладиться* или не *ладиться* (бывает, что-то с самого начала *не заладится*), а также о делах, которые бывает необходимо *уладить*, после чего они *пойдут на лад*. И употребление слов данного гнезда, когда речь идет об отношениях между людьми (которые могут *ладить* или не *ладить* между собою), часто воспринимается как метафорическое развитие именно этой идеи (например, когда говорят о *слаженной* работе коллектива — ср. пример из «Ракового корпуса»: *Слаженно, в тех же дружеских отношениях, они работали дальше*).

Общая идея слов, принадлежащих словообразовательному гнезду с вершиной *лад*, состоит в том, что различные элементы некоторого целого не противодействуют и не мешают друг другу, а действуют согласованно, подобно частям единого механизма. Согласованность действий и создает ощущение гармонии — будь то музыкальная гармония, гармоничное телосложение (*ладный молодец*), гармония в отношениях между людьми, бесперебойная работа сложного механизма и т. п.

2.2.2. Строй. Выше уже говорилось, что для русской языковой картины мира характерно представление о *мире* как о здании, и это понимание поддерживается использованием по отношению к *миру* слов с корнем *строй*, вызывающих представление о *строительстве*. Так, скажем, в слове *перестройка* на первом плане представление об обществе как о доме, о здании, которое можно *пе-*

рестроить, т. е. изменить планировку здания, что-то разрушить и возвести заново и т. п.

Строй, в первую очередь, вызывает представления о чем-то *стройном* и упорядоченном, идет ли речь о *строении*, *обустройстве*, *строе* солдат, музыкальном *строе* или *строе* души. А в некоторых словах с корнем *строй* сплетаются представления сразу о нескольких видах упорядоченности. Общая идея слов, входящих в соответствующее словообразовательное гнездо, заключается во внесении порядка в нечто изначально неупорядоченное, создании порядка из хаоса. Солдаты могут стоять неорганизованной толпой, а могут *построиться* в каре. Чтобы *построить* здание, необходимо в соответствии с предварительным планом создать упорядоченную конструкцию из строительного материала, лежащего в относительно произвольном порядке: кирпичей, бревен, камней и т. п. *Строить* планы — значит заменять смутные и беспорядочные представления о будущем четкой программой действий.

Идея упорядочивания возникает и при обозначении душевного *мира* человека. Не случайно и здесь часто используются слова с корнем *строй* — *настроение*, *расстройство*. Когда должный порядок душе утрачен, человек испытывает неприятные эмоции, бывает *расстроен*. Положительные эмоции обозначаются словосочетанием *хорошее настроение*, предполагающем упорядоченность в желательном направлении.

3. Мир и воля в советскую эпоху

В начале данной статьи упоминалось архаичное противопоставление *мира* и *воли*, задавшее многие параметры восприятия «космоса» и «хаоса» в русской языковой картине мира. Поучительно проследить судьбу слов (и концептов) *мир* и *воля* в советское время, внесшее существенные модификации в соответствующий фрагмент русской языковой картины мира.

3.1. Мир в советском идеологическом языке

3.1.1. *Миролюбие vs. примиренчество*. Следует заметить, что идеал «примирения с действительностью» был абсолютно чужд советской идеологии; как следствие, советский идеологический язык имел определенные особенности в отношении использования соответствующих слов. Разумеется, *смирение* вообще в нем отсутствовало; А. Вежбицка заметила, что сочетание *смиранный коммунист* воспринимается как аномальное [Wierzbicka 1992: 194]. Если слово *смирение* и могло появиться в советском идеологическом

дискурсе, то только в качестве цитации (напр., *поповские сказочки о смирении*). Но любопытно, что и *примирение* не приветствовалось, и если слово *мир* и некоторые его производные могли употребляться с положительной оценкой (напр., *борьба за мир, мирное сосуществование*), то слово *примирение* практически вообще не употреблялось, а его аналогом в советском идеологическом языке было слово *примиренчество*, носящее яркую отрицательную окраску (ср. также отрицательно окрашенные слова *соглашатель* и *соглашательство*). Напротив того, положительно окрашенным было слово *непримиримость*¹⁵. С точки зрения советской идеологии человек должен быть *бескомпромиссным* и не должен *мириться* ни с врагами, ни с недостатками¹⁶.

В результате в советском политическом языке отчетливо различались и даже противопоставлялись *миролюбивая политика (советского правительства)* и *борьба за мир*, с одной стороны, и *примиренчество (или умиротворение)* — с другой.

Такое отрицательное отношение к *примирению* было пересмотрено в постсоветскую эпоху, когда в реестр государственных праздников был даже внесен «день национального согласия и примирения». Ср., впрочем, саркастический комментарий Солженицына:

И вершина Примирения достиглась в день 80-летия большевического переворота. В юбилейном обращении Президента даже не были вспомнены тюрьмы ЧК-ГПУ и лагеря ГУЛАГа, — но нашлось место

¹⁵ Слово *непримиримость* может использоваться с положительной окраской и вне советского идеологического языка, ср.: *С чеченами я был в казахстанской ссылке в 50-х годах. Там хорошо узнал и их непреклонный, горячий характер, их непримиримость к гнету и высокую боевую искусность и самостоятельность* (А. Солженицын. «Россия в обвале»). Но тогда положительная окраска у него контекстно обусловлена, и с тем же успехом может появляться и отрицательная, как, например, у Солженицына, когда он говорит о *стандартной дореволюционной «освобожденческой» непримиримости* («Колеблет твой треножник»).

¹⁶ Различие между русскими и англосаксонскими ценностными установками в отношении *компромиссов* отмечается многими наблюдателями. Характерен следующий комментарий Вячеслава Глазычева («Русский журнал», 1998, 14 сентября), обратившего внимание на отсутствие в русском языке глагола **компромиссировать*, который мог бы переводить английский глагол *to compromise*, и указавшего в связи с этим, что у русских *компромисс* «отнюдь не входит в стандартный свод национальных доблестей»: *Поздняя конструкция «идти на компромисс» самой своей природой выражает некий трагизм — на компромисс идут как на плаху. Большевистская специфическая эпоха, как известно, отнесла компромисс к числу смертных грехов, и уже советская эпоха отпечатала и гнев и презрение к всякого рода соглашению в сугубо позитивной трактовке прилагательного бескомпромиссный* (ср. также [Купина 1995: 35–36]).

«понять и простить тех, кто совершил роковую историческую ошибку» («Россия в обвале»).

3.1.2. Построение нового мира. В советском идеологическом языке определенной спецификой характеризовалось также и употребление слова *мир* в значении 'вселенная или общественный строй'. Речь идет о том, что в рамках советских дихотомий четко противопоставлялись *старый мир*, разрушенный большевиками (в России) или подлежащий разрушению (на Западе)¹⁷, и *новый мир*, который уже построен в СССР и будет построен во всем мире. Характерно связанное с этим изречение: *Два мира — две системы*.

Само противопоставление велось по двум осям: пространственной (*у них — у нас*) и временной (*раньше — теперь*)¹⁸. Поэтому *новый мир* противостоял как *старому миру*, так и *капиталистическому миру*.

С одной стороны, строящийся *новый мир* («свой») противостоит пережиткам *старого мира*, мелкобуржуазному миру, который проявляется стихийно, вопреки руководящим партийным указаниям и тем самым оказывается носителем хаоса. Недопустимость каких бы то ни было уступок этому хаосу остро ощущает номенклатурный работник Русанов из «Ракового корпуса»:

Уступка здесь была принципиальная, недопустимая уступка всему миру стихийного и мелкобуржуазного. Павел Николаевич волновался всякий раз, когда заходило об этом...

При этом указанное противопоставление касалось частных, пережитков и не представляло собою системного, упорядоченного явления. Напротив того, противопоставление советского и капиталистического мира являлось глобальным, распространяясь на весь мир. Отсюда особенности употребления слова *мир* (в рассматриваемом значении) и его производных в идеологически нагруженных текстах. *Мир чистогана*, *мир капитала*, *мир насилия*, а также *мировой капитал* противопоставлялся в них новому, советскому миру, с которым в первое советское десятилетие связывалась перспектива *мировой революции*. В дальнейшем словосо-

¹⁷ От *старого мира* не должно было остаться ничего (*Весь мир насилия мы разрушим / До основанья...*) или почти ничего — ср.: *Нами / оставляются / от старого мира / только — / папиросы «Ира»* (Маяковский).

¹⁸ Наряду с противопоставлением *было — есть*, противопоставление *старого и нового* могло представлять и как оппозиция *прошлого и будущего*. При этом «героическое настоящее» не противопоставлялось «светлому будущему», а ростки «светлого будущего» уже можно было обнаружить в настоящем.

четание *мировая революция* в качестве пропагандистского клише ушло на задний план; зато получило распространение словосочетание *всемирно-историческое* значение (Октябрьской революции, решений того или иного съезда КПСС и т. п.).

Существенно, что и *старый* (или *капиталистический*) мир, и *новый мир* концептуализовались как здания, отсюда метафоры *разрушения* и *строительства*. В дальнейшем именно представление о советском мире как о здании дало начало метафоре *перестройки* (ср. такое характерное выражение, как *архитектор перестройки*).

3.2. Воля в восприятии заключенных

Отдельного обсуждения заслуживает трансформация, которую концепт *воля* претерпел в языке советского времени. Это в первую очередь касается *воли* в ее противопоставлении миру ГУЛАГа, пронизывавшему всю советскую жизнь. Такое понимание *воли* было особенно характерно для мировосприятия заключенных. Проиллюстрируем особенности восприятия *воли* заключенными на материале произведений Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом».

3.2.1. Иллюзии. Для заключенных противопоставление *воли* и ГУЛАГа было не менее всеобъемлющим, нежели противопоставление советского и капиталистического мира в советском идеологическом языке. При этом их представления о *воле* могли быть далеки от реальности:

Из лагерного барака *воля* рисуется полной противоположностью бараку («Раковый корпус»).

В частности, как можно судить по рассматриваемым произведениям, распространенным было представление, согласно которому все мужчины уже находятся в заключении, так что *на воле* их вовсе не осталось, за исключением работников карательной системы. Этот мотив повторяется и в «Раковом корпусе», и в романе «В круге первом». Приведем несколько примеров:

Зэки были уверены, что на воле почти не осталось мужчин, кроме власти и МВД («В круге первом»).

Миллионам заключенных, им казалось, что жизнь на воле без них остановилась, что мужчин нет и женщины изнывают от избытка никем не разделенной, никому не нужной любви («В круге первом»).

Раньше, в лагере, прикидывая, скольких мужчин не достает на воле, уверены были арестанты, что только конвой от тебя отстанет — первая женщина уже твоя («Раковый корпус»).

Впрочем, и *на воле* никто не имеет представления о *лагерном мире*:

Ну вот, он четверть часа рассказывал ей — и что же рассказал? Она снова ничего не понимала. — Людмила Афанасьевна! — воззвал он. — Нет, чтоб тамошний мир вообразить... Ну, о нем совсем не распространено представление! («Раковый корпус»).

При столкновении с *волей* человек, привыкший к лагерным порядкам, теряется перед отсутствием жесткой регламентации и строгого распорядка. Даже ссылка представляет собою мир, более «просторный», чем лагерь, но это *простор*, который дает чувство облегчения и освобожденности от пут:

После лагеря нельзя было назвать ссыльный мир жестоким, хотя и здесь на поливе дрались кетменями за воду и рубали по ногам. Ссыльный мир был намного просторней, легче, разнообразней («Раковый корпус»).

А вот *простор*, связанный с *волей*, пугает, воспринимается не как освобождение, а как необходимость подчиняться другому, еще более сложному порядку. *Воля* предстает не как противоположность *миру*, а как особый, сложный, непонятный и «чужой» мир *воли*. «Зачем такая изошренная жизнь? Зачем в нее возвращаться?» — думает Олег Костоглотов в «Раковом корпусе»:

...какой еще контроль? кого проверять? Олег совсем забыл. О, как трудно было возвращаться в этот мир! <...> И сгустилась перед ним вся сложность этого мира, где надо знать женские моды, и уметь выбирать женские украшения, и прилично выглядеть перед зеркалом, и помнить номер своего воротничка...

И потому Олег Костоглотов хочет вернуться к жизни ссыльного, в которой он обрел освобождение от лагерных пут, но не связан по рукам и ногам регламентацией «вольной» жизни:

...наконец хотел он только в свою Прекрасную Ссылку, в свой милый Уш-Терек! Да, милый! — удивительно, но именно таким представлялся его ссыльный угол отсюда, из больницы, из крупного города, из этого сложно заведенного мира, к которому Олег не ощущал умения пристроиться, да пожалуй и желания тоже.

3.2.2. *Воля vs. свобода* («В круге первом»). С другой стороны, в советское время новую жизнь обрело противопоставление *воли* и *свободы*. Это противопоставление является одной из текстообразующих оппозиций для романа «В круге первом». Рассмотрим

наиболее существенные мотивы, связанные с эти противопоставлением.

Подлинной, духовной *свободы на воле* нет и быть не может. В частности, тюремщики сами несвободны:

Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самих.

Отсутствие свободы *на воле* связано с повсеместно господствующим страхом: человек боится лишиться свободы и сам себя ее лишает. Здесь действует общий закон: пока человеку есть что терять, он не может чувствовать себя свободным. Зато в заключении он снова обретает *свободу*, поскольку бояться ему больше нечего:

Да на воле — (глухо) — при наличии ЧК, кто с вами осмелится спорить? Когда же вы попадаете в тюрьму, вот сюда, — (звонко) — здесь вы встречаетесь с настоящими спорщиками...

особенный тюремный лютый спор, каких не могло быть на воле с господствующим единым мнением власти...

только в тюрьме, а не на семейной *воле*, мужчина так свободен в мыслях, не связан в поступках и готов к жертвам!

Но выясняется, что и в тюрьме, а особенно на привилегированной «шарашке» человеку есть что терять. А поскольку кругом стукачи, выясняется, что подлинной *свободы* нет и здесь. Отсюда недоумение:

Неужели и в тюрьме нет человеку свободы? Где ж она тогда есть?

Но остается надежда обрести *свободу* хотя бы в каторжном лагере, где терять будет уж точно нечего. Эта надежда жива и у Нержина, и у Хороброва:

В лагерь он ехал с простодушной радостью, что хоть здесь-то будет говорить от души.

...едучи в лагерь, Нержин и сам ощущал, что возвращается к важному элементу мужской свободы: каждое пятое слово ставить матерное.

В каторжный так в каторжный, драть его вперегреб, по крайней мере в веселую компанию попаду. Может, хоть там свобода слова, стукачей нет.

Здесь обнаруживается другая сторона упомянутого выше закона: да, пока человеку есть что терять, ~~он не может~~ чувствовать себя свободным, но:

з человек, у которого вы отобрали всё — уже не подвластен вам, он снова свободен.

Итак, мы видим, что для романа «В круге первом» чрезвычайно важным оказывается различие *воли* и *свободы*. *Воля* целиком относится к внешним обстоятельствам и противопоставлена заключению; *свобода* же по самому своему существу может быть только внутренней.

Литература

- Купина 1995 — *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- Левонтина, Шмелев 2000 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Родные просторы // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.
- Тихонов 1985 — *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. М., 1985.
- Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре. III. Мир и воля // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.
- Топорова 1994 — *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.
- Шмелев 1971 — *Шмелев Д. Н.* О третьем измерении лексики // Русский язык в школе. 1971. № 2.
- Шмелев 1997 — *Шмелев А. Д.* Парадоксы идентификации // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Шмелев 2000а — *Шмелев А. Д.* «Широта русской души» // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.
- Шмелев 2000б — *Шмелев А. Д.* Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.
- Wierzbicka 1992 — *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York, 1992.

Н. Д. АРУТЮНОВА

ВОЛЯ И СВОБОДА

И вперемешку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы.

(Г. Иванов)

Воля-свобода принадлежит к числу центральных для личной и социальной жизни человека понятий. Подобно другим мировоззренческим, этическим и социальным концептам, таким, как *правда-истина, судьба-доля, добро-благо*, концепт «воли-свободы» представлен в русском языке двумя соотносительными словами — *волей* и *свободой*, занятыми постоянным переделом семантического пространства. В большинстве европейских языков соответствующие этим словам понятия разграничены и практически не пересекаются: ср. лат. *voluntas — libertas*, нем. *Wille — Freiheit*, англ. *will — freedom, liberty*, франц. *volonté — liberté*, исп. *voluntad — libertad* и т. д. В русском языке на протяжении всей его истории эти понятия находились в постоянном взаимодействии, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга. Существенно то, что *воля* постоянно вторгалась в поле *свободы*, приобретая социальный смысл, а *свобода* стремилась сбросить путы законов и отождествить себя с незаконной *волей*. В заметках к «Дневнику писателя» Достоевский писал: «Две свободы. Есть две крайности этих двух идей, одна требовала *праздников, гетер...* другая требовала самообладания... Есть черта, где человек должен владеть собой» (Достоевский 23: 168; курсив автора)¹.

«Воля» и «свобода» являются основными концептами, определяющими динамику отношений между личностью и ее природным, духовным и социальным окружением. Но этим не ограничивается их функция. Они регулируют также внутриличностные отношения, взаимодействие разума и желаний или потребностей

¹ Здесь и далее отсылки к текстам Достоевского даются в круглых скобках с указанием тома и страницы по Полному собранию сочинений в 30 т. (Л., 1972–1990).

человека, его действий и норм — природных, традиционных, религиозных, этических, экономических, социальных, юридических. Оба понятия — свобода и воля — имеют статус социальных или личностных модальностей, т. е. могут рассматриваться как своего рода акциональный модус, координирующий желания (побуждения) и действия. Не случайно *воля* соотносится с латинским глаголом *volo* — *velle* 'хотеть'; ср. также ст.-слав. *волити* 'хотеть, предпочитать', гот. *wilian* 'хотеть', *waljan* 'выбирать', др.-в.-нем. *wellan* 'выбирать' и др. *Воля*, как и глагол *велеть*, восходит к и.-е. корню **uel-* 'хотеть, желать, выбирать'. Значение 'выбора' сохранилось в сочетании *свобода воли*, центральном термине философской антропологии и этических концепций. Слово *свобода* связано с церк.-слав. *свобѣство*, *собѣство* 'личность' и характеризовало «положение свободного, своего члена рода» [Фасмер 1971]. В др.-русск. языке слово *свобода* значило 'независимость', а также 'свободное (независимое) поселение' (ср. *слобода*) [Там же].

В церковнославянском языке слово *вольникъ* означало 'избранник', а *свободникъ* — 'пущенный на свободу раб' [Дьяченко 1993]. Сопоставление этих значений обращает внимание на то, что *воля* отвечает желанию субъекта, т. е. избирателя, а *свобода* — объекта, т. е. получателя: *вольник* нужен избравшему его, а *свободник*, обретя свободу, довольствуется собой и своей свободой. К этому можно добавить, что в русском фольклоре *волей* называют милого, любимого, того, кого выбрало сердце, т. е. тоже избранника [Гура 1995: 112].

Оба понятия — «воля» и «свобода» — сложны, подвижны и вариативны. Их общность ограничена социо-модальным значением. Их различие в этом значении связано с идеей модальности, понимаемой как отношение субъекта к действию. Концепт свободы соотносится с модальностью необходимости, признающей ограничения, тогда как понятие воли ассоциируется преимущественно с модальностью желания, их снимающей. Человек постоянно ощущает *волю к свободе*, которая часто оборачивается *свободой воли*, т. е. *исполнение желания свободы* таит в себе опасность *свободы исполнения желаний*.

Семантический комплекс желания и выбора придает «воле-свободе» положительную оценку, которая поддерживается тем, что «воля-свобода» составляет неизменную цель социальной борьбы и личных устремлений человека.

Содержание анализируемых понятий и ассоциируемые с ними модальности постоянно колеблются в зависимости от изменений состояния и структуры общества, а также национальной картины

мира. Меняется и предпочтение, отдаваемое тому или другому слову-понятию. Меняются также «партнеры» *свободы* и *воли* — состав тех конъюнктивных рядов, в которые вводятся эти слова. «Изменение значений слов, выражающих политические идеалы, — пишет Ф. Хайек, — происходит не однажды. <...> Единственное, что продолжает действовать, — это механизм эмоциональных ассоциаций» [Хайек 1990: 12, 106]. «Больше всего страдает слово *свобода*, которое в тоталитарных странах используется столь же часто, как в либеральных» [Там же: 105]. Однако оценочный ореол *свободы*, как отмечалось, довольно устойчив. Это слово редко входит в негативные контексты. Даже во времена войн избегают говорить о *свободе убийств (врага)*, а в периоды ликвидации частной собственности или, напротив, ее внедрения в социум не принято говорить о *свободе присвоения (чужого) имущества*.

Свободу градуирует закон. Волю градуирует сила и власть, которой наделен субъект действия. Свобода ограничена извне, воля — также и изнутри. Воля-свобода неотделима от воли-желания, составляющей энергетический центр человека [Апресян 1995: 352].

Сила воли-желания может проявляться в действии или в принуждении к действию другого. В этом последнем случае сила может быть обеспечена правом — традиционным или социальным. Таким образом, воля одного может подчинять себе волю других, т. е. диктовать действия: *Он людям в посмеяние. Над ним всяк волен* (Пушкин). Тем самым наряду с субъектом воли появляется исполнитель действия, нередко совершающий его вопреки собственной воли. *Воля-желание* приобретает социальный смысл. В ситуации раздвоения *воля* становится двумодальной, распределяясь между субъектом волеизъявления и субъектом действия. Субъект действия может противиться исполнению чужой воли. Неподчинение нередко оборачивается бунтом. Бунтовщики борются за *свободу* от чужой воли. Завоеванная *свобода*, однако, легко превращается в безграничную *волю*. Так в ходе истории борьбы за свободу идет постоянная смена *свободы* и *воли*, как состояний социума. Проблема взаимодействия высшей и низшей воли составляет одну из основных тем философской антропологии, о чем будет сказано ниже.

«Распад» воли имеет еще одно следствие. Не случайно слово *воля* одного корня с глаголом *велеть*, т. е. 'приказывать, отдавать распоряжения'. Воля может быть *предписана*. Изъявляя свою волю, человек должен ее выразить, т. е. перевести на язык слов или жестов. Воля получает пропозициональное содержание и одновременно придает ему иллюкативную установку побуждения или

принуждения. Воля тем самым реализуется в речевом акте, а имя *воля* (в субъективном смысле) соотносительно с ним по своей семантической структуре, сочетающей модальную установку и пропозицию. Это положение касается и тех случаев, когда субъект воли совпадает с субъектом действия, а речевой акт заменяется ментальным актом. *Воля* входит в один ряд с такими именами модального (субъективного) значения, как *желание, намерение, долг, просьба, приказ* и др., от которых *воля* отличается тем, что может выражать как *желание*, так и *побуждение*.

Когда воля человека ориентирована не на удовлетворение непосредственных нужд, а на дальнюю цель, достижение которой требует подавления насущных желаний, субъект воли как бы раздваивается, а его воля становится, подобно воле-велению, дву-модальной. Именно целеустремленная воля *закаляется* в борьбе, приобретает *силу* и становится *твердой* или, наоборот, обнаруживает *слабость*, а человек, соответственно, может характеризоваться как *волевой, слабовольный* или *безвольный*. У него может быть или не быть *сила воли*.

Таким образом, между *волей-желанием* и *волей-велением* может быть помещена *воля-целеустремленность*. Все три типа входят в разряд *субъективной воли*. Последние два значения — *воля-целеустремленность* и *воля-веление* — выводят волю в социальный контекст. Переход в социо-модальную сферу постепенно передвигает семантику *воли* в направлении к значению *свободы*, или *объективной воли*.

Итак, модальное (субъективное) значение *воли* имеет три варианта. Для всех них характерно присутствие пропозиционального содержания. Последнее может замещаться местоимением, а само слово *воля* — определяться притяжательным местоимением или именем лица — субъекта воли. Воля имеет «владельца»; ср. *такова моя воля; это — его воля; ваша воля; такова была воля императора; своя воля* противопоставит *чужой воле*.

Свобода в таких контекстах не употребляется. Свобода — объективна. Она конкретизируется через общее указание на область ее действия: *свобода книгопечатания, свобода слова* и др. Воля может быть «наполнена» и исполнена. Свобода потенциальна и «пуста». Ее валентности не заняты. Они часто только ожидают своего заполнения: *я свободен* значит «я ничем не занят» или «я не женат». Свобода — это общая предпосылка действия или деятельности, воля в своем первичном субъективном смысле — чаще относится к конкретным актам; ср.: *Я свободен (от дел) и могу тебе помочь* и *Я сделал это по своей воле; Калашников убил государе-*

ва опричника «вольной волею, а не нехотя». В основании семантики воли лежит модальность желания, в основании семантики свободы — наличие внешних условий для его реализации. Входя в социум, воля приобретает иерархичность. Она строит вертикаль власти, сталкивающую «воли». Борьба за волю становится борьбой против воли. Внутренняя воля-желание, побеждая волю-веле-ние и выходя во вне, преобразуется в волю-возможность исполнения желания. Так воля объективируется и становится синонимом свободы. Свобода социальна, демократична и «горизонтальна», воля личностна, деспотична и «вертикальна». Вертикаль воли-веле-ния направлена сверху вниз. Вертикаль воли к власти — снизу вверх.

* * *

Субъективная воля имеет выход не только в социум, но и в мир божественного предопределения. В обоих случаях воля ориентирована на вертикаль. Напомним, что Онегин был «*всевышней волею Зевеса* наследник всех своих родных». Вознесясь на небо, воля занимает высшую позицию во Вселенной. Она становится Божией волей — благой и абсолютной. *Благую волю* проявляет Бог, *добрую волю* — человек, уверовавший в Бога. В старославянском языке, как отмечает Т. И. Вендина, морфема *вол-* сочеталась преимущественно с *благ-*: *благоволити*, *благоизволение* и др. [Вендина 2002: 199]. В Новом Завете слово *воля* употребляется почти исключительно в применении к Богу; например, в молитве «Отче наш»: «Да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф 6: 10); см. другие примеры в [Словарь к Новому Завету]. Небезынтересно отметить, что в 1 Посл. ап. Петра *воле Божией* противопоставлена *воля языческая*, под которой понимаются похоти, т. е. желания плотского (природного) человека. Точно так же ап. Павел говорит о жизни «по воле плоти и помышлений» (Эфес 2: 3). В каноническом русском переводе слово *воля* (греч. *φύλημα*, лат. *voluntas*) заменено на слово *желание*: «мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева» (Эфес 2: 3). Преимущественное употребление сочетаний *воля Божия*, *по воле Божией*, *сотворить волю Божию* и др. не позволяло относить слово *воля* к желаниям природного человека, хотя именно это значение лежит в основе концепта «воли» (см. ниже).

Понятие высшей воли и ее отношения к воле человека вошло в контекст религиозной и классической философии. Воля Бога

рассматривалась как причина существования всех вещей: «Достоин Ты, Господи, приять славу и честь, и силу; ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено» (Откр 4: 11). Комментируя эти слова ап. Иоанна, средневековый богослов Петр Домиани (XI в.) обращает внимание на нарушение обычной последовательности событий, согласно которой *творение* должно предшествовать *существованию*. Домиани приходит к заключению, что это не случайно и свидетельствует о том, что «не созданное изначально есть», «то, что получило внешнее бытие в творении, уже имело внутреннее бытие в провидении и замысле Создателя» [Домиани 1995: 362]. Далее Домиани утверждает, что воля Бога есть также «причина того, что погибшее возвращается к своему прежнему укладу» [Там же]. Домиани соединил идею вечности бытия Бога с мыслью о вечном возвращении и с модальностью необходимости осуществления Божией воли.

Слово *свобода* (греч. ἐλευθερία; лат. *libertas*) в Новом Завете встречается преимущественно в апостольских посланиях, в которых оно используется применительно к сфере духовной жизни в противовес жизни плотской: «Господь есть Дух, а там, где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3: 17); ср. также: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти; но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: „любви ближнего твоего, как самого себя“» (Галат 5: 13, 14). И далее: «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти» (Галат 5: 16, 17). Границы христианской свободы определяются не формальными правилами, а любовью, верой и знанием Божией воли; см. (1 Кор 8: 9; Галат 5, 6).

Итак, согласно текстам Нового Завета воля пребывает на небесах, свобода — на земле. Высшая и благая Божия воля, спускаясь на землю, становится *правильной* или *доброй волей* человека. Сошлемся здесь на весьма софистический диалог о «правильности воли» в сочинении Ансельма Кентерберийского (XI в.) «О свободном выборе», который определяется как «воля, способная сохранять правильность воли ради самой правильности» [Кентерберийский 1995: 204], т. е. безотносительно к каким-либо практическим целям и интересам человека. Правильность воли есть свойство разумной природы, которую она не утратила после грехопадения, ибо в противном случае природа не была бы способна к праведности (*ad iustitiam*) [Там же]. *Правильная* воля, сохраняя правильность ради нее самой, означает для каждого «желать то-

го, чего Бог хочет, чтобы он желал» [Там же: 213]. Иными словами, свободный выбор подчинился модальности необходимости, а воля человека — высшей и благой воле. Диалог «О свободном выборе», как и диалог «Об истине», представляет большой интерес с точки зрения логики доказательства бытия Божия и его благой воли, осуществляемой через правильную, т. е. добрую, волю человека.

Добрая воля человека является одним из главных понятий этикотеологии И. Канта. «Основания метафизики нравов» начинаются следующими словами: «Нигде в мире, да и нигде вне его, невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничений, кроме одной только доброй воли» [Кант 2000: 229; выделено автором]. Понятие *воли* (нем. *der Wille*) употребляется у Канта, как и в других философских сочинениях, расширительно: в нем намерение объединено с его реализацией в действии. Человек, по Канту, будучи конечной целью творения, «действует, не в качестве части природы, а в *свободе* своей способности желания; следовательно, то, что только и может дать его существованию абсолютную ценность и по отношению к чему бытие мира может иметь *конечную цель*, есть добрая воля» [Кант 1994: 317]. Иначе говоря, «человек может быть конечной целью творения только как моральное существо» [Там же]. Этот вывод приводит Канта ко взгляду на мир как на «целесообразно связанное целое и как *систему* конечных причин» [Там же: 318]. Тем самым Бог, или первосущность, будучи «главой в моральном царстве целей», не может мыслиться иначе как *всеведущий, всемогущий, справедливый, вечный и вездесущий* [Там же: 319]. Таким образом, из понятия «доброй воли» последовательно выводится доказательство бытия Божия, как «*морального* творца мира» [Там же: 322–327], а *моральная* телеология преобразуется в моральную *теологию* [Там же: 319; везде курсив автора].

Но для нас важнее другое. Понятие доброй воли Кант вводит в состав более широкого понятия долга. Воля бывает доброй только тогда, когда человек действует не по склонности, а по долгу [Кант 2000: 232–233]. «Долг есть необходимость поступка из уважения к закону» [Там же: 234]. Добрая воля, таким образом, соединилась с модальностью необходимости и законом. Она подчинена велению *разума*, а формула веления называется *императивом*. «Если поступок представляется как хороший *сам по себе*, стало быть, как необходимый для воли, которая сама по себе сообразна с разумом как принципом ее, то императив — *категорический*» [Там же: 245; курсив автора]. Далее Кант приходит к следующе-

му категорическому выводу: человек должен совершать каждый поступок, следуя такой максиме, которая могла бы служить всеобщим законом [Там же: 260]. В автономности воли заключено абсолютное добро, выведенное из контекста и независимое от результата, создающих *гетерономию*, т. е. зависимость воли от случайных обстоятельств и мотивов. Тем самым добрая (правильная) воля человека как бы приравнивалась Кантом к воле Божией. Размежевание воли земной и воли небесной (см. выше) сменилось их воссоединением, разлад волей — их гармонией.

Итак, добрая воля это своего рода установка императива, вводящая некоторое пропозициональное содержание. Объективно она выражает модальность необходимости, а субъективно — долженствования. Более подробно об этике Канта см. [Гусейнов 2000]; там же см. библиографию по теме; см. также [Арутюнова 2000а: 68–69]. Соединение воли с модальностью необходимости сближает понятие воли с понятием свободы, но транспонирует закон из внешнего пространства во внутреннее. Напомним, что Гегель, а также Маркс и его последователи, понимали свободу как «осознанную необходимость», predetermined, впрочем, не волей Божией и не законом Божиим, а ходом исторического развития. Однако и там и тут имеет место акт объективации воли. Н. А. Бердяев, имея в виду прежде всего свободу творчества (свободу *для*, а не свободу *от*), придерживался противоположной точки зрения. Он писал: «Свобода есть сознанная необходимость, как учили германские идеалисты. <...> *Необходимость есть падшая свобода, свобода вражды и распада, свобода хаоса и анархии*» [Бердяев 1985: 183; курсив автора].

В этических, религиозных и философских сочинениях путь обретения воли обычно приводит к добровольной неволе. Иначе вырисовывается концепт воли в культуре русской интеллигенции и русского народа.

* * *

Ниже будет рассмотрено употребление русских слов *воля* и *свобода* в основном для них — социо-модальном — значении, подразумевающим меру ограничений — этических и социальных, налагаемых на выбор и принятие решений в сфере духовной, творческой и практической деятельности человека. Мера ограничений вариативна и обусловлена разными факторами — природными и социальными. Подавление этих факторов обещало «просвещенному» человечеству «прыжок из царства необходимости в

царство свободы», по выражению Энгельса. Таким образом, свобода то отождествлялась с необходимостью, то ей противопоставлялась. В последнем случае *свобода* освобождалась от пут и приближалась к *воле*.

Сделать прыжок из свободы как «осознанной необходимости» в сторону *воли* помогала обычно модальность *вседозволенности*, опирающейся на интересы человека или человечества в мире, из которого устранен Высший и Всеведущий Судия. «Вседозволенность», оправдываемая тем, что «нет добродетели, если нет бессмертия», или идеей общего блага, составляет сквозную тему этических, социальных и философских концепций, равно как и художественной литературы на протяжении последних веков. Она ярко выражена в произведениях Достоевского (ср. идеологию и судьбу Раскольникова, проект об устройстве мира Шигалева в «Бесах», рассуждения Петра Верховенского, Смердякова, мысли Ивана Карамазова и др.) и в философии Ницше. И Достоевский, и Ницше ассоциировали вседозволенность с миром, в котором место Богочеловека занял человек — *сверхчеловек* (у Ницше) и *человекобог* (по выражению Кириллова, у Достоевского); ср. ключевую формулу Раскольникова, повторяемую и другими героями Достоевского: «Если Бога нет, то все позволено» и ключевую формулу Ницше «Бог умер»; см. ее возможные интерпретации в [Хайдеггер 1990].

Примечание

Здесь можно обратить внимание на то, что нравственная дилемма, стоявшая перед Раскольниковым, Иваном Карамазовым и другими персонажами Достоевского, выражена у Бальзака в романе «Отец Горио» формулой *tuer le mandarin* 'убить мандарина', ставшей во французском языке фразеологизмом. Приведенное выражение расшифровывается следующим образом: решившись убить одним усилием воли старого мандарина в Китае, человек, даже не обагрив кровью рук своих, обретает богатство; см. об этом [Будагов 2002: 97–100]. «Добрая воля» человека, отпав от воли Божией, неизбежно имеет обратную сторону: добрая для агенса, она может стать злой для Другого. Признается неизбежность оплаты человеком своего благополучия. Вопрос лишь в том, из чьего кармана он его оплачивает. В подготовительном тексте к Пушкинской речи, а также в наборной рукописи, касаясь нравственного выбора, стоявшего перед Татьяной Лариной и этических рассуждений Ивана Карамазова, Достоевский ссылается на разговор между Растиньяком и Бьяншоном — героями романа Бальзака: «У Бальзака в одном романе один молодой

человек в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к другу своему, студенту тоже, и спрашивает его: „Послушай, представь себе, ты нищий, у тебя ни гроша, и вдруг где-то там в Китае есть дряхлый, больной мандарин, и тебе стоит только здесь в Париже сказать про себя „Умри, мандарин“, и он умрет, и за смерть его какой-нибудь там волшебник принесет тебе твое счастье на всю твою жизнь, и никто этого не узнает, а главное все это в Китае, значит все равно, что на луне или на Сириусе — ну что, захотел бы ты сказать — „Умри, мандарин!“? Студент ему отвечает: *Est'il bien vieux, ton mandarin? Eh bien non, je ne veux pas!*» (Достоевский 26: 336; см. также вариант текста на с. 288).

Нельзя исключить, что нравственная позиция Раскольникова и особенно Ивана Карамазова в какой-то мере подсказана параболой о мандарине.

Итак, воля согласно изложенным концепциям не может быть доброй для всех. В своих действиях человек руководствуется исключительно рациональным и как бы объективным принципом «весов», на которых взвешиваются жертвы и приобретения и которые допускают оплату человеком своего счастья «из чужого кармана».

* * *

Социо-модальный концепт «воли» изначален и чрезвычайно характерен для русского традиционного сознания. При этом он вполне совместим с верой в Бога и Божию волю. Как писал Г. П. Федотов, о воле «мечтает и поет народ, на нее откликается каждое русское сердце. <...> Никто не может оспаривать русскости *воли*» [Федотов 1994: 187]. Достаточно заглянуть в словарь Даля, чтобы убедиться в необычайной продуктивности *воли* в фольклоре, фразеологии и словообразовании. Однако поле воли в современном языке сократилось. Оно больше не возделывается. В современном мире *воля*, дойдя до предела и преступив предел, получила название *беспредела*.

Слово же *свобода*, писал далее Федотов, «до сих пор кажется переводом с французского *liberté*» [Там же]. Оно вошло в широкий обиход в языке дворянской интеллигенции, в частности в поэзии декабристов, боровшихся против самодержавия за конституционный режим: *Дай просвещенные уставы, Свободу в мыслях и словах* (Рылеев), *У добрых людей две радости: Правда в суде, да свобода везде* (Рылеев, Бестужев). Законным супругом *свободы* стал *закон*: *закон* гарантирует *свободу*, но не *волю*. *Воля* же в языке

декабристов стала *вольностью*, приблизившейся по значению к *свободе*. Ср. у Рылеева: *За вольность, правду и закон*; и в другом месте: *Пережить нельзя мысли горестной, Что не мог купить кровью вольности*. Точно так же ода Пушкина «Вольность» посвящена свободе. Ср.: *Лишь там над царскою главой Народов не легло страданье, Где крепко с вольностью святой Законов мощных сочетание*. Не случайно в письме к Пушкину В. А. Жуковский ошибочно дал его оде название «Свобода». Это значение закрепилось за словом *вольность* в польском языке [Вежбицкая 2001: 247–253]. Образовался конъюнктивный ряд, обозначающий цели борьбы: *свобода, закон, справедливость*. Воля в этом ряду неуместна, а *вольность* постепенно самоустранилась.

Следует отметить, что во времена декабристов и Пушкина популярность слова *свобода* вела к его проникновению в поле *воли*. Так, оно характеризовало не только человека, но и животных: *Забыв и рощу и свободу, Невольный чижик надо мной Зерно клюет и брызжет воду. И песнью тешится живой* (Пушкин), *Так в сетке птичка, друг свободы, Чем больше бьется, тем сильнее, Тем крепче путается в ней* (Пушкин); ср. также включение *воли* в дефиницию *свободы*: Он. *Что такое свобода? Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле* (пример из «Словаря языка Пушкина»). «Свобода», подобно «воле», часто мыслилась вне каких-либо ограничений, о чем свидетельствует ее конъюнктивный ряд: *Здорово, рыцари лихие Любви, Свободы и вина!* (Пушкин). Вот еще чрезвычайно актуальный для нашего времени пример: *Один из великих наших сограждан сказал однажды мне... что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женою и детьми уехал бы в Константинополь. Все имеет свою злую сторону — и неуважение к чести граждан и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения* (пример из «Словаря языка Пушкина»). Итак, свобода тиснения угрожала тиснением без стеснения.

Оба понятия — «воля» и «свобода» — непосредственно связаны с человеком — его внутренним миром и его поведением в среде обитания. В чем же главное различие между этими понятиями, рассматриваемыми с антропологической точки зрения? Если отвлечься от взаимных нарушений границ, оно состоит в следующем. Воля характеризует *природного (естественного)* человека, живущего в среде природы, свобода — *социального* человека, живущего в социальной среде. Таким образом, различие между анализируемыми понятиями связано как с тем аспектом личности,

удовлетворение которого нуждается в воле-свободе, так и с контр-агентом личности — той средой, в которой протекает его жизнь. Это различие обнаруживается в синтаксическом поведении соответствующих слов; ср.: *свобода от чего / для чего, воля к чему*. Иначе говоря, *свобода* предполагает *освобождение от* диктата власти и социальных ограничений *для* осуществления созидательной деятельности. *Воля* же, подобно *желанию*, направлена на объект, овладение которым удовлетворяет тем или иным потребностям человека. Поскольку природа человека не исключает его гражданских устремлений, воля, как упоминалось, получает выход в социальную жизнь. Не случайно, Ницше говорит о *воле к власти* (*der Wille zur Macht*) как о движущей силе, толкающей личность человека к экспансии. *Воля к власти* эквивалентна *воле к жизни*, а идея Ницше, как хорошо известно, послужила толчком для последующего развития философии жизни. Современный человек, впрочем, любит направлять свою волю на интеллектуальные объекты. Так, Д. С. Мережковский пишет о *воле к мысли*, с которой «борется тайная, темная, но очень упорная и жадная *воля к безмыслию*» [Мережковский 1994: 381; курсив автора]. Возможно, последняя более естественна для естественного человека.

Итак, «воля» соотносится, прежде всего, с природным человеком — индивидом, его желаниями, естественными потребностями, удовольствиями, побуждениями, импульсами, порывами и инстинктами. Не случайно слова *удовольствие, довольство* одного корня с *волей-желанием*. В природном человеке дух и тело образуют единое целое. Такие выражения, как *наесться, напиться, нагуляться, надышаться в волю, наговориться (вдоволь, в свое удовольствие)*, относятся к естественному человеку и вместе с тем указывают на естественный предел его действий, обозначаемый словом *довольно*. Воля-желание не знает колебаний, избегает контроля и устремлена к ближней цели. Она диктует поведение природного человека (*l'homme de la nature*). Воля все вместе вольна и невольна. Она ведет к прогулкам, прогулам, гулянью, разгулу и загулу. Внутренняя воля-желание — это в известной мере «стихийное Я». Воля царя — *произвол*, воля народа — *вольница*, воля индивида — *своеволие*. Воля — это «вольное и свободное хотенье». Она не любит спрашивать разрешения у рассудка. Подпольный парадоксалист Достоевского восклицает: «А что, господа, не столкнись ли нам все это благоразумие с одного разу ногой... чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!» И далее: «Эх, господа, какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и до арифметики, когда будет одно дважды два четыре в ходу? Дваж-

ды два и без моей воли четыре будет. Такая ли своя воля бывает?» (Достоевский 5: 113). См. подробнее [Арутюнова 1998: 812–814].

Стихийность «вольных действий» не предполагает их неосознанности, снимающей ответственность за поступок. Действуя «по вольному хотению», человек часто поступает безрассудно, но в его безрассудстве участвует рассудок (сознание): не случайно слова *невольный, невольно, произвольно*, характеризующие нечаянные, спонтанные действия, включают отрицание, т. е. отстраняют участие воли, имплицитующей наличие сознания и даже намерения. Здесь позволим себе напомнить о той полемике, которая велась в середине XIX в. относительно оправдания или осуждения судом присяжных подсудимых, совершавших преступления в состоянии аффекта; см. об этом (Достоевский 22: 50–62; 23: 7–20, 136–141, 355–362; 24: 36–43). Достоевский полагал, что состояние аффекта не исключает присутствия воли. Поэтому, оправдываясь, человек нередко ссылается не на неосознанность (невольность) действий, а на влияние чужой воли: — *Да как же все это сделалось? — Пожелала злое, только совсем уж тут не моя как бы воля была, а чья-то чужая* (24: 39). Достоевский считал необходимым различать этическую оценку преступления и смягчение участи преступника (23: 137–138). Достоевский, однако, допускал неведение человека о собственных преступных намерениях, но, возможно, не в самую минуту совершения преступления; ср. рассуждения Вельчанинова о покушении на его жизнь Труссоцкого в повести «Вечный муж» (9: 100–103). Таким образом, воля к действию возникает в сознании героев Достоевского вдруг, внезапно и неожиданно для них самих.

Итак, оправдание преступлений, совершенных в состоянии невменяемости, как бы приравнивает *homo sapiens* к *homo naturalis*, к которому мы сейчас вернемся.

Наиболее адекватной средой *природного* человека является *природа*, ее живая жизнь, взаимодействующая с внутренним состоянием человека. Напомним стихотворение Лермонтова «Воля», в котором *воля* прямо отождествляется с природой. В нем мальчик, оставленный людьми, которым «стыдно с бедным сиротой обняться», говорит:

Но мне Богом дана
Молодая жена —
Воля-волюшка,
Вольность милая, несравненная.
С ней нашлись другие у меня —
Мать, отец и семья.

А моя мать — степь широкая,
 А мой отец — небо далекое.
 Они меня воспитали, кормили, поили, ласкали.
 Мои братья в лесах — березы, да сосны.
 Несусь ли на коне,
 Степь отвечает мне;
 Брожу ли поздней порой,
 Небо светит мне луной;
 Мои братья в летний день,
 Призывая под тень,
 Машут издали руками, кивают мне головами,
 И вольность мне гнездо свила,
 Как мир необъятное!

Воля часто ассоциируется с дикой, необжитой природой. Ср. название стихотворения М. Цветаевой «Дикая воля». Сочетание же *дикая свобода* едва ли возможно, хотя в социуме подчас больше дикости, чем в природе.

Напомним также, что Пушкин в своей поэме называет цыган *природы бедными сынами*, а в другом месте *смиренной вольности детьми*, т. е. прямо соотносит вольность с природой и диким бытом вне социальных установлений: *Мы дики, нет у нас законов*, — говорит старый цыган.

Воля, как отмечалось, не входит в конъюнкцию с *законом*. Она бывает безудержна в своем стремлении выйти за пределы внутреннего человека. Волю-желание человек как бы передает природе, внешнему миру. Воля начинает ассоциироваться с пространством: простором, привольем, вольным воздухом и движением [Бердяев 1994; Арутюнова 1998: 813–814; Шмелев 2002: 70 и след.]. Различие внутренней и внешней воли отражается на употреблении предлогов, ср.: *в вашей воле; я у матушки жила во своей воле и на воле: надо бы было немножко больше денег иметь, чтобы переезжать с места на место на всей воле* (Достоевский 28, 2: 222). *На воле* значит вне стен дома, на природе. Воля не может быть зажата в тиски. Закрытое или ограниченное пространство несовместимо с волей; ср.: *Я пропал как зверь в загоне. Где-то воля, люди, свет. А за мною шум погони, Мне наружу ходу нет* (Пастернак). Даже применительно к городской (не тюремной) жизни едва ли уместны такие выражения как *выйти (вырваться) на волю*. Положение в ограниченном пространстве обозначается предлогом *в*, который с именем *воля* в пространственном значении не сочетается даже тогда, когда речь идет о направлении

движения; ср. *выйти на волю* и *выйти в коридор*. Воля-пространство (в отличие от воли-веления) мыслится *горизонтально*: *На просторе, на приволье И лавр и темный кипарис На воле пышно разрослись* (Пушкин). В этом пушкинском примере сочетание *на воле* (сравнительно с *на приволье*) подчеркивает отсутствие помех, возможность полного осуществления природной силы.

Воля ассоциируется с равниной, долиной, полем, степью. Ср.: *Бегите на волю, в долины, в поля* (Цветаева). В горах человек обычно зажат меж скал и склонов. Его движение идет по вертикали и требует усилия, тогда как динамика воли горизонтальна и легка. Воля более всего нужна ветреной младости, для которой естественно быстрое движение, свобода — зрелому уму, стремящемуся реализовать себя в динамике мысли и творчестве, устремленном ввысь. Здесь позволим себе привести рассуждение О. Шпенглера о влиянии равнинного пейзажа на русскую духовную жизнь: «Мистическая русская любовь, — писал О. Шпенглер, — это любовь равнины, любовь к таким же угнетенным братьям, и все понизу, по земле; любовь к бедным мучимым животным, которые по ней блуждают, к растениям, и никогда — к птицам, облакам и звездам. Русская *воля*, наша *Wille*, значит прежде всего отсутствие долженствования, состояние свободы, причем не для чего-то, а *от чего-то*, и прежде всего от обязанности личного деяния. Свобода воли представляется здесь таким состоянием, в котором никакое другое „оно“ не отдает приказаний, так что можно отдаться собственной прихоти. Geist, esprit, spirit — все это „*с*“, русское же „дух“ — „*д*“» [Шпенглер 1998: 307].

Напомним, что высшая воля, а также воля в социальном контексте (воля-веление) имеет вертикальную ориентацию и направлена сверху вниз (см. выше), творческая воля также вертикальна, но направлена снизу вверх, тогда как на фоне природы воля — это горизонт, открытый для движения в любом направлении.

На воле-приволье не проложены ни пути, ни дороги. Достоевский называет *вольной степью* неосвоенное людьми пространство (Достоевский 4: 173, 178). В таком осмыслении воли проявляется общая пространственная ориентация русского языка. Достоевский так описывает бегство каторжников на волю — в леса, поля и степи: «...бродят они *по всей своей воле*, где захотят... а по ночам мирно засыпают где-нибудь в лесу или в поле... как лесные птицы, прощаясь на ночь с одними звездами небесными, под Божьим оком» (Там же: 174; курсив мой. — Н.А.). Заметим попутно, что Шпенглер, как показывает этот и другие тексты, не совсем справедливо утверждал, что в мироощущении русского человека отсутствует

устремленность ввысь — «к птицам, облакам и звездам» (см. выше). Дух человека, находящегося на воле, на приволье устремляется ввысь, к небу. Не случайно в минуты вдохновения поэт бежит «на берега пустынных волн, в широкошумные дубравы».

Бывшие каторжане, как пишет Достоевский, бегут на волю, даже отбыв срок заключения. Они бегут, оставив благополучное поселение и семью. Их «всё куда-то тянет, куда-то отзывает их. Жизнь по лесам, жизнь бедная и ужасная, но вольная и полная приключений имеет что-то соблазнительное, какую-то таинственную прелесть для тех, кто уже раз испытал ее» (Там же). Бегство на волю означает, таким образом, не только побег из заключения — тюрьмы или лагеря, но также уход из мира людей в мир природы. На воле человека не тяготит одиночество.

Ассоциация воли с природным пространством, раздольем, привольем и простором очень устойчива; см. об этом подробно [Шмелев 2002: 75–82]. Протасов — герой «Живого трупа» Л. Толстого — говорит, вырвавшись из городской жизни: «Это больше, чем свобода, это — воля».

Характерно также, что *вольницей* назывались выброшенные из общества шайки разбойников, а *вольноплясами* и даже *вольнотумами* (слова из «Словаря» Даля) — бродяги, беглые и шатуны. «Воля на природе» — понятие асоциальное, но допускающее объединение в шайки. «Воля, — писал Г. П. Федотов, — есть прежде всего возможность жить, или пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе, воля всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо. Разбойник — это идеал московской воли, как Грозный — идеал царя. Так как воля, подобно анархии, невозможна в культурном общежитии, то русский идеал воли находит себе выражение в культе пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина, разгула, самозабвения страсти, — разбойничества, бунта и тирании» [Федотов 1994: 187]. К списку Федотова теперь можно добавить *бомжуанство*. Продолжим цитату: «Как в лесковском рассказе „Чертогон“ суровый патриархальный купец должен раз в году перебежаться, „выгнать черта“ в диком разгуле, так московский народ раз в столетие справляет свой праздник „дикой воли“, после которой возвращается, покорный, в свою тюрьму. Так было после Болотникова, Разина, Пугачева, Ленина» [Там же: 188].

Примечание

Здесь небезынтересно отметить колебания в оценке понятия свободы в зависимости от целенаправленности развития общества. Г. П. Федотов отмечает, что свобода, в отличие от воли, в традиционной русской жизни воспринималась отрицательно. Имея в виду борьбу партии Иосифа Волоцкого с учениками Нила Сорского за централизацию власти в Московском царстве в XIV в., он пишет: «Послушание в школе Иосифа было высшей монашеской добродетелью. Отсюда его распространение через Домострой в жизнь мирянского общества. Свобода для москвича — понятие отрицательное: синоним распущенности, „ненаказанности“, безобразия» [Федотов 1994: 187]. Иначе говоря, социальная *свобода* в Московском царстве сохраняла черты *воли*.

Связь воли с природой и особенно землей, как отмечалось, устойчива. Поэтому и в цивилизованном обществе, как только поэт обращается к миру природы, он пользуется словом *воля*. Это хорошо видно в стихотворении Блока «Осенняя воля»: *Не мани меня ты, воля, Не зови в поля! Пировать нам вместе, что ли, Матушка земля?* Слово *воля* очень охотно рифмуется с *полем*: *В поле своя воля; Ваша воля, а наше поле: биться не хотим, а поля не отдадим* (пословицы из «Словаря» Даля); *Мать и сын теперь на воле; Видят холм в широком поле* (Пушкин), *Я стремлюсь к роскошной воле, Мчусь в прекрасной стороне, Где в широком чистом поле Хорошо, как в чудном сне* (Блок). Ср., впрочем, в контексте отрицательной оценки: *Жить по воле, умереть в поле*. Другая стандартная рифма *воли* — *доля*. Причем в этом случае обычно речь идет о том, что злоупотребление «волей к воле» не приводит к добру: *Волька моя, волюшка, горькая долюшка; Боле воли — хуже доля; Своя волюшка доводит до горькой долюшки* (примеры из «Словаря» Даля). Но в системе народных ценностей *воля* берет верх над *горькой долюшкой*: *Хоть тяжелая доля, да всё своя воля*.

«Воля» — это не только потенциальная возможность движения, но и особое внутреннее — физическое и духовное — состояние: *ощущение* пребывания на воле, особенно в среде дикой природы. Воля извне как бы вновь возвращается во внутреннее пространство человека. Сначала *воля-желание* (прежде всего желание динамики) была экстериоризирована и стала *привольем*, а затем *приволье* подарило человеку особое чувство воли, гармонически соединяющее его с природой и как бы сближающее с живущим на воле животным. Даль отмечает диалектное употребление слова *воля* в значении «выгон, пастбище», т. е. место, где скот пасется на воле [Даль 1978]. Приведем в подтверждение сказанного слова современного

автора: «Просторы, дали. И еще воля вольная. Не свобода, нет, а особое чувство, которое возникает у вас на Севере. Парение над землей. Особое ощущение жизни, простора, свободы. Чувство полета, крыла. И не за этим ли летят сюда птицы с юга, чтобы ощутить эту волю, изначальность мира» (Ф. Абрамов). В этом ощущении пребывания на воле постепенно зарождается эстетическое чувство.

Однако если в цивилизованном человеке нет душевного покоя, или он утратил чувство единения с природой, он не ощутит радости воли; ср. у А. Белого: *И в раздолье, на воле — неволя*.

Воля ощущается как естественное состояние живого существа, особенно склонного к передвижению. Даже вольность внутреннего человека ассоциируется с движением: *Твоя душа уже в цепях; Ее коснулись вихрь и бури; Моя вольна: так тонкий прах По ветру носится в лазури* (Блок). Позднее Блок, впрочем, чувствовал иначе: *«Я с Тобой — навсегда, Не уйду никогда И осеннюю волю отдам»*.

Воля, как категория тесно связанная с природой, входит не только в мир человека, но и в мир живой природы — животных и даже растений: *Волк на воле, да и воет доволе* (пример Даля); *...А конь, весь в пене и пыли, почуя волю, дико мчался, Скрываясь в огненной дали* (Пушкин), *Добрый конь в зеленом поле Без узды, один, по воле Скачет весел и игрив, Хвост по ветру распустив* (Лермонтов). Ср. также диалог садовника с последователем Мичурина: — *Нет, — твердо ответил садовник, — ничего уж тут не придумаешь, вот шампиньоны, те, пожалуйста, те вырастим, где прикажете, а боровики, подберезовики, подосиновики и даже маслята — это грибы вольные, чистые, лесные, они где вздумается, там и растут. — Да что же они себе такие вольные? Где вздумают, так там, значит, и растут? Это же ведь непорядок, а?* (Домбровский; выделено мною. — Н.А.).

Движение на воле, или *по воле*, если оно продиктовано внутренним ощущением воли, обычно беспорядочно, хаотично: *По вольному распутью моря Когда ж начну я вольный бег?* (Пушкин). Воля не влечет за собой порядка. В пространстве воли не проложены пути-дороги.

Антоним воли — неволя — ассоциируется, прежде всего, с лишением свободы передвижения. Из мира физического насилия, ограничивающего движение живых существ — животных и рабов, почерпнуты основные образы неволи: *ярмо, узда, клетка, оковы, иго, загон*; ср.: *К мечам рванулись наши руки, Но лишь оковы обрели* (Одоевский), *Рабства цепь народ слепой теснит* (Раевский); *И клирный глас и псалмопенье Ярм позорный не*

сотрут (Раевский); Едва дошел с далеких берегов Небесный звук спадающих оков, И вздрогнули в сердцах живые струны (Одоевский); Рогдай: Вадим, надежда есть, народ нетерпеливый, старинной вольности питомец горделивый, досадуя, влачит позорный свой ярем. Вадим: Безумные! Давно ль они в глазах моих встречали торжеством властителей чужих и вольные главы под иго преклоняли (Пушкин). Приведенные выше образы использовались и применительно к отсутствию свободы, в частности в языке декабристов и позднее народовольцев.

Пара *воля — неволя* образует эквиполентную оппозицию, в которой отрицание сигнализирует не только об отсутствии воли, но о специфических ситуациях неволи. «Неволя», наряду с уже упомянутыми метафорами, охотно принимает образы *темницы, застенка, тюрьмы, загона*. Это метафоры социальной изоляции.

Свобода и воля имеют разные гендерные ассоциации. Так, свобода, в отличие от воли, охотно персонифицируется, принимая женский облик (ср. статуи свободы). Воля же скорее ассоциируется с мужчиной: *вольница* может характеризовать только мужское сообщество, а *вольноплясы* и *вольнодумы* — только мужчин. Мужчина олицетворяет власть и силу, часто направленную на подавление свободы. Поэтому, сколько бы он ни боролся за свободу, его образ ассоциируется не с идеей свободы, а скорее, напротив, раба. Мужчине «от природы» дана (и нужна) *воля* во всех значениях этого слова, выражающего силу желания, силу характера (волю к достижению цели), силу власти и природный простор, который он покоряет трудом, завоеванием или быстротой движения. Символом воли, впрочем, может служить и женский образ; ср. пушкинскую «беззаконную комету в кругу расчисленных светил».

* * *

Итак, первичное содержание понятия «воли» в той мере, в какой оно может считаться аналогом понятия «свободы», относится к взаимодействию естественного человека (шире, живого организма) с миром природы. Это, с одной стороны, условия его существования в естественной среде, и — с другой — ощущение внутренней с ней гармонии.

В сочетании *мир и воля* можно видеть соединение людского (крестьянского, традиционного) сообщества и природы (земли). В. Н. Топоров соотносит эту пару с основной парой индо-иранских богов — Митрой и Варуной, в которой «Митра — организация, структура, конструкция, Варуна — аморфность, переработан-

ный полностью хаос... Митра — определенная социальная дисциплина, соотнесение себя с другими, их требованиями и возможностями, Варуна — освобождение от всяких уз, стихийность» [Топоров 1993: 111, сн. 119; выделено автором]. В. Н. Топоров подчеркивает важную роль в контексте крестьянской жизни понятий мира и воли «как того, что вне мира, в дружбе с ним — *Божья воля*, или во вражде — *воля*, как разрыв с миром, бегство от него» [Там же].

Когда человек или социальный класс реализует свою *волю к власти*, *воля* становится *произволом*, а борьба против *произвола* — борьбой за *волю* для одних социальных слоев и борьбой за *свободу* — для других. Так, если борьба за освобождение крестьян от крепостного права, т. е. рабства, была борьбой за *волю*, то борьба декабристов против царя и имперского режима была борьбой за *свободу*. И действительно в их языке на первое место, как уже отмечалось, постепенно выдвигается именно это слово. Н. С. Авилова пишет: «Для выражения понятия свободы они [декабристы] употребляют слова: *свобода*, *вольность* и *воля*. Слово *свобода* наиболее распространено. Оно употребляется в значении общественной независимости как высшего общественного блага. Это идеал, к которому стремятся декабристы, который они воспевают и за который они борются» [Авилова 1953: 277].

Воля нужна человеку для себя, свобода — для всех: для себя и для других. Ср. пример из современного автора: «Быть свободным среди несвободных не только бестактно, но и невозможно. Только стараясь освободить других от несвободы, человек самосуществляется как свободная личность» (Ф. Искандер). Ради свободы других, человек готов принести себя в жертву. Ср.: *Но где, скажи, когда была Без жертв искуплена свобода?* (Рылеев), *Да паду же за свободу, За любовь души моей, Жертва славному народу, Гордость плачущих друзей* (В. Кюхельбекер).

Под *свободой* может иметься в виду не только свобода мысли, мнения и слова, но и внутренняя независимость личности. Можно говорить о *внутренней свободе*, но не о *внутренней воле*. Хотя воля исконно принадлежит внутреннему миру человека, она тесно связана с внешним миром и реализуется во взаимодействии с ним.

Внутренняя (личная) свобода — это общая предпосылка взглядов, действий и поведения человека. Для человека искусства внутренняя свобода — это необходимое условие творчества. Пушкин называл ее *тайной свободой*: *Любовь и тайная свобода Внушали сердцу гимн простой, И неподкупный голос мой Был эхо русского народа* (Н. Плюсковой). А. Блок откликнулся на слова Пушкина стихотворением «Пушкинскому Дому»: *Пушкин! Тайную свобо-*

ду Пели мы вослед тебе. Дай нам руку в непогоду, Защити в немой борьбе. В речи «О назначении поэта», произнесенной в начале 1921 г. на собрании, посвященном памяти Пушкина, Блок интерпретировал *тайную свободу* как *творческую волю* [Блок 1962: 167]. По мысли Блока на поэта возложены три задачи: «во-первых — освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых — привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих — ввести эту гармонию во внешний мир» [Там же: 162]. *Тайная свобода* подразумевает, прежде всего, выполнение первых двух задач, первая из которых требует обращения к вольной природе, а вторая — придания звучанию гармонической и адекватной смыслу формы, т. е. подчинения звуков правилам. Творческий акт творит космос из хаоса, представляя собой как бы синтез воли и свободы, или низшей и высшей свободы. «Искусство не есть хаос, но есть космос, т. е. красота, и она создается из хаоса, из стихийной игры сил» [Вышеславцев 1994: 531]. И несколько ниже: «Творческая свобода есть преодоление хаоса, противоречия, случайности. Из противоборствующих природных сил создается гармония космоса» [Там же: 533]. О *тайной свободе* творчества, его недетерминированности писал также Н. А. Бердяев: «Творчество — необъяснимо. Творчество — тайна. Тайна творчества есть тайна свободы» [Бердяев 1985: 177].

Характерно, что *свобода поэтического творчества* относится к содержанию поэзии, тогда как под *поэтическими вольностями* и *вольным стихом* имеют в виду форму поэтического произведения, в которой нарушены правила стихосложения. *Свободный стих* (калька с франц. *vers libre*) также подразумевает отход от правил версификации.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Воля — категория мира природы и естественного человека (*homo naturalis*), свобода — категория цивилизованного, институционального общества и разумного человека (*homo sapiens*). Воля противостоит тюрьме и рабству, свобода — самодержавию и диктатуре.

Если воля стремится переступить все границы, в том числе этические заповеди, то свобода, как состояние социума, ограничена правилами и законом. Если воля имеет ближнюю цель — удовлетворение непосредственных, преимущественно физических потребностей (*Жил на воле, спал подоле*), то свобода ставит перед собой дальние — социальные, экономические, научные и творческие за-

дачи. Воля нужна природному человеку, свобода — личности. Воля нужна, чтобы жить, свобода — чтобы творить. Воля нужна потребителю, свобода — созидателю. Воля нужна для исполнения желания, свобода — для исполнения призвания. Воля изнутри человека устремлена вовне, свобода — извне вовнутрь. Для воли характерна экстериоризация, для свободы — интериоризация.

Если воля во внутреннем человеке связана с эмоциями (ср. *дать волю страсти, чувствам, слезам*), то свобода — с разумом (ср. *свобода слова, мнений, мыслей*); волю дают рукам, ногам и языку, свободу — мыслям, перу и слову. Воля склонна вторгаться в личную сферу Другого: воля родителей подчиняет себе поведение детей, воля правителей угнетает подданных, даже переводчик любит делать вольный перевод, далеко отступающий от авторского оригинала, а толкователь и толмач — вольную интерпретацию чужих слов и концепций. Воля глобальна, свобода расчленена на виды: *свобода слова, печати, радиовещания, совести, мысли, воли, выбора пути, передвижения* в совокупности образуют *демократические свободы*. Воля влечет за собой хаос, свобода — порядок. Воля не исключает вседозволенности, свобода, принесенная в мир Христом, давшим человеку свободный выбор в познании добра и зла, с ней не совместима. Воля — выбор беспутья, свобода — пути; ср. у Пушкина: *Вольному воля, а дорога — мирская*.

* * *

Теперь поставим вопрос так: всякое ли общество подготовлено к тому, чтобы стать свободным? Всякий ли член социума способен соблюдать интересы и права Другого, а главное, делать разумный выбор?

Здесь уместно напомнить «Легенду о Великом инквизиторе» Достоевского (14: 224–240), в которой как бы выведены наружу парадоксы свободы. В «Легенде», действие которой происходит в XV в. в Севилье в разгар инквизиции, на улице около храма является Христос. Центральное место в «Легенде» занимает свидание в темнице, в которую был заключен Христос, с Великим инквизитором. Говорит Инквизитор, Христос молчит. Инквизитор упрекает Христа в том, что он отверг в пустыне предложения страшного «духа самоуничтожения и небытия» (14: 229). Дух говорил Христу: «Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, — ибо ничего и никогда не было для человека и чело-

веческого общества невыносимее свободы!» (14: 230). «Вместо того, чтобы овладеть людской свободой, — говорит далее Христу Великий инквизитор, — ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека навеки. <...> Вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою, — но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и Твой образ, и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора». И ниже: «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться» (14: 232). При этом человек хочет, «чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно *все вместе*. Вот эта потребность *общности* преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков. Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. <...> Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее» (14: 231–232; курсив автора).

Здесь Достоевским выведены наружу социальные парадоксы свободы: борьба за свободу объединяет и в то же время разъединяет людей. Свобода совести, объединяя одних, противопоставляет их другим. Общность преклонения единоверцев побуждает их к истреблению иноверцев. В век атеизма свобода личности ведет к распаду социума: на смену целому приходит множество отдельных «единиц». Общество, однако, не может существовать только как совокупность одиноких личностей. Поэтому завоевание свободы, купленной жертвами, нередко ведет к диктатуре. Прогресс общества связан с необходимостью единения, о чем многократно писал Достоевский. Старец Зосима так характеризовал состояние русского общества: «Все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отделяется, прячется и что имеет прячет и кончает тем, что сам от людей отталкивается, и сам людей от себя отталкивает» (Там же: 275). Тема одиночества и социального разобщения проходит через все творчество Достоевского. Здесь не место на этом останавливаться; о символике уединения и единения в текстах Достоевского см. [Арутюнова 2000б].

Об одиночестве человека в современном демократическом обществе говорили также русские религиозные мыслители, в частности Н. А. Бердяев [Бердяев 1994; Бердяев 1985: 185–191].

В статье «Свобода» Бердяев пишет о новом понимании свободы в коммунистическом (советском) обществе: «Рассказывают

такой случай. Один советский молодой человек приехал на несколько месяцев во Францию. К концу его пребывания его спросили, какое у него осталось впечатление от Франции. Он ответил: „В этой стране нет свободы“. Его собеседник с удивлением ему возражает: „Что вы говорите? Франция — страна свободы, каждый свободен думать и делать, что хочет. Это у вас нет никакой свободы“. Тогда молодой человек изложил свое понимание свободы: во Франции нет свободы и советский молодой человек задыхается потому, что в ней невозможно изменять жизнь, строить новую жизнь; так называемая свобода в ней такова, что все в ней остается неизменным. <...> В советской же, коммунистической России есть настоящая свобода, потому что каждый день можно изменять жизнь России и даже всего мира, можно всё перестраивать, один день не походит на другой». «Тут свобода понимается, — пишет далее Бердяев, — не как свобода выбора... а как активное изменение жизни, как акт, совершаемый не индивидуальным, а социальным человеком, после того, как выбор сделан. <...> Но если исключительно так понимать свободу и не видеть того, что внутренне предшествует творческому акту, то неизбежно отрицание свободы совести, свободы мысли. <...> Свобода совести — и, прежде всего, религиозной совести — предполагает, что в личности есть духовное начало, не зависящее от общества. Этого коммунизм, конечно, не признает. Воинствующий духоборческий материализм коммунизма есть явление духа, а не материи, есть ложная направленность духа», — так заключает Бердяев свое рассуждение о свободе [Бердяев 1989: 90].

Таким образом «свобода» в социальном смысле — понятие неоднозначное, как неоднозначны и последствия победы в борьбе за свободу. Поэтому в современном мире больше говорят не о свободе и борьбе за нее, а о демократии, правовом государстве, правах человека и о законе, *законно* ограничивающем права и свободы человека или дающем ему *незаконные* права. Слово *свобода* ушло в сферу риторики. Сначала свобода поколебала волю, потом демократия поколебала свободу, создав другие типы ограничений. Но это уже другая — чисто социальная — тема.

* * *

Подведем краткий итог. Оба понятия — «свобода» и «воля» — определяют возможные пределы динамических отношений между человеком и миром. В этом смысле оба понятия, хотя и в разной степени, являются социо-модальными.

Смысловая основа слова *воля* — модальность желания. Действие воли предполагает определенную степень спонтанности, но не исключает сознания. Воля составляет энергетический центр человека. Ей сопутствует сила, и она направлена на некоторую, обычно ближнюю, цель, достижение которой должно удовлетворить желание. Воля имеет преимущественно природные ограничения. Активное желание побуждает человека к движению и действию, которые выводят «волю» из внутреннего мира человека во внешнее пространство — природное или социальное.

Природное, преимущественно дикое и необжитое, пространство становится для человека *волей, раздольем или привольем*. Природная *воля* мыслится *горизонтально*. Связь *воли* с природой и ее стихийными силами вводит ее в круг животных и растений.

Включаясь в социальное пространство, имеющее иерархическую организацию, *воля* увеличивает свою силу и приобретает *вертикальную* ориентацию. Воля устремлена к власти, достигнув которой она воздействует на подчиненное ей общество. Направленность ввысь сменяется направленностью вниз. В социальном пространстве воля раздваивается: субъект воли может не совпадать с исполнителем действия. Воля становится двумодальной. Воля, исходящая от субъекта воли, получает пропозициональное содержание, сопровождаемое иллюкутивной силой побуждения или принуждения. *Воля*, будучи стимулом действия, является объектом этической оценки: она может быть *доброй и злой*.

Существительное *воля* семантически синкретично. Оно в разных контекстах может означать: желание, устремленность к дальней цели, веление, Божественное предопределение, возможность претворения в жизнь желаний и намерений, наконец, внешнее пространство (*приволье*).

Смысловая основа слова *свобода* — модальность необходимости.

Для *свободы* характерно движение извне вовнутрь, из социального пространства во внутренний мир человека. Слово *свобода* получает значение ограниченных законом прав человека в разных социальных и личных сферах: *свобода передвижения, свобода печати, свобода предпринимательства, свобода слова* и др. В конечном счете *свобода* вводится во внутренний мир человека, обеспечивая *свободу выбора, мысли, слова и творчества*. В сфере творчества свобода преодолевает детерминированность.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова 1952 — *Авилова Н. С.* К изучению языка поэтов-декабристов (лексика и словообразование) // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка.* М., Л., 1953. Т. 3.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Арутюнова 2000а — *Арутюнова Н. Д.* О стыде и совести // *Логический анализ языка: Языки этики.* М., 2000.
- Арутюнова 2000б — *Арутюнова Н. Д.* Символика единения и уединения // *Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию акад. Ю. С. Степанова.* М., 2000.
- Бердяев 1985 — *Бердяев Н. А.* Собрание сочинений. Т. 2: Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Paris, 1985.
- Бердяев 1989 — *Бердяев Н. А.* Свобода // *Юность.* 1989. № 11.
- Бердяев 1994 — *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // *Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья.* М., 1994. Т. 2.
- Блок 1962 — *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6.
- Будагов 2002 — *Будагов Р. А.* Язык и культура: Хрестоматия. Ч. 3: Социолингвистика и стилистика. М., 2002.
- Вежбицкая 2001 — *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Вендина 2002 — *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- Вышеславцев 1994 — *Вышеславцев Б. П.* Вольность Пушкина (Индивидуальная свобода) // *Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья.* М., 1994. Т. 2.
- Гура 1995 — *Гура А. В.* Воля // *Славянские древности.* М., 1995. Т. 1 (то же в: *Славянская мифология.* М., 1995).
- Гусейнов 2000 — *Гусейнов А. А.* Этика доброй воли // *Кант И.* Лекции по этике. М., 2000.
- Даль 1978 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.
- Домиани 1995 — *Домиани П.* О божественном всемогуществе // *Кентерберийский Ансельм. Сочинения.* М., 1995.
- Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Дьяченко 1993 — *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
- Кант 1994 — *Кант И.* Критика способности суждения. М., 1994.

- Кант 2000 — *Кант И.* Основание метафизики нравов // *Кант И.* Лекции по этике. М., 2000.
- Кентерберийский 1995 — *Кентерберийский Ансельм.* Сочинения М., 1995.
- Мережковский 1994 — *Мережковский Д. С.* О мудром жале // *Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья.* М., 1994. Т. 2.
- Словарь к Новому Завету — *Словарь к Новому Завету.* СПб., 1882–1884.
- Словарь языка Пушкина — *Словарь языка Пушкина:* В 4 т. М., 2000.
- Топоров 1993 — *Топоров В. Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен. Элемент *mir* // XI Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1993.
- Фасмер 1971 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3.
- Федотов 1994 — *Федотов Г.* Россия и свобода // *Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья.* М., 1994. Т. 2.
- Франк 1994 — *Франк С.* Из размышлений о русской революции // *Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья.* М., 1994. Т. 2.
- Хайдеггер 1990 — *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // *Вопросы философии.* 1990. № 7. С. 143–176.
- Хайек 1990 — *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству // *Вопросы философии.* 1990. № 10, 11, 12.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира. М., 2002.
- Шпенглер 1998 — *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1998. Т. 2.

Н. В. ГАТИНСКАЯ

ГРАММАТИКА ЭМОЦИЙ В «РУССКОМ КОСМОСЕ»

Он ощущал все в какой-то удесятенной полноте.

Ф. Достоевский. «Вечный муж».

В статье рассматривается комплекс синтаксических и риторических средств субъективной интерпретации, эмоциональной оценки в русском художественном тексте.

I. Русский художественный текст часто наполнен обжигающими эмоциями, как и весь русский дискурс. Среди русских выражать чувства не считается зазорным. По справедливому замечанию Анны Вежбицкой, русским стереотипом, в отличие от англосаксонского, можно считать следующее предписание, относящееся к эмоциям: *хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует* [Вежбицка 1999: 542]. Столкновение национальных стереотипов можно показать на примере: (1) *Говоришь, бывало, с товарищем о том, о сем, о стачках, о скачках, да и сболтнешь по простоте душевной, что вот, кажется, всю кровь отдал бы, чтобы снова увидеть какое-нибудь болотце под Петербургом, — но высказывать мысли такие непристойно; он на тебя так взглянет, словно ты в церкви рассвистался». Разнеженный воспоминаниями русский юноша Набоков и сдерживаемые приличиями, зажатые англичане* (Б. Носик. «Мир и дар Набокова»).

В русском «космосе» неэмоциональность, сухость, отсутствие воображения признается серьезным дефектом. Так, Николай Степаныч, герой «Скучной истории» А. Чехова, профессор, ученый-естествоиспытатель своего ассистента Петра Игнатьевича характеризует так: (2) *Кажется, запой у него под самым ухом Патти, напади на Россию полчища китайцев, случись землетрясение, он не пошевелинется ни одним членом и преспокойно будет смотреть прищуренным глазом в свой микроскоп.*

При этом герой-повествователь называет Петра Игнатьевича трудолюбивым, но бесталанным, ученым тупицей. Итак, судьба отказала прозектору во многих талантах. Но всплеск эмоций у героя-повествователя вызывает именно бесчувственность, бесстрастность коллеги. Николай Степаныч с изумлением наблюдает невиданный экземпляр, существо иной породы — человека без чувств. Такие персонажи довольно редки в русской литературе.

Быть «сухарем», лишенным эмоций, — это недостаток, своего рода ущербность. Плохо также, когда человек лишается способности мечтать, мысленно уходить в другие миры, ощущать красоту мира. (3) *В половине девятого утра выехали из города. Шоссе было сухо, прекрасное апрельское солнце сильно грело, но в канавах и в лесу лежал еще снег. Зима, злая, темная, длинная, была еще так недавно, весна пришла вдруг, но для Марьи Васильевны, которая сидела теперь в телеге, не представляли ничего нового и интересного ни тепло, ни томные, согретые дыханием весны прозрачные леса, ни черные стаи, летавшие в поле над громадными лужами, похожими на озера, ни это небо, чудное, бездонное, куда, кажется, ушел бы с такою радостью* (А. Чехов. «На подводе»).

Показательна дистанция от персонажа, которую выстраивает Чехов-рассказчик. Модально-оценочным словом *кажется* маркируется ирреальное событие — неосуществимое желание, выраженное конструкцией с *-л бы*. Несбыточное желание уйти в бездонное небо — это поэзия, которая находится вне персонажа, учительницы, — здесь используется форма мужского рода *ушел бы*. Выражая чувства, повествователь в этом рассказе проявляет себя только в этом маленьком лирическом отступлении. Дать оценку, «высунуться» из-за персонажа для творческой манеры Чехова — большая редкость.

В этом рассказе А. Чехова учительница Марья Васильевна, как и прозектор Петр Игнатьевич из «Скучной истории», сравнивается с ломовой лошадью, которая везет тяжелый воз: *Жизнь трудная, неинтересная, и выносили ее подолгу только молчаливые ломовые кони, вроде этой Марьи Васильевны; те же живые, нервные, впечатлительные, которые говорили о своем призвании, об идейном служении, скоро утомлялись и бросали дело*.

Чехов все же оставляет своей героине маленький островок воображения: это воспоминания о семье и жажда любви: (4) *Марье Васильевне стало жаль этого человека, погибающего неизвестно для чего и почему, и ей пришло на мысль, что если бы она была его женой или сестрой, то всю жизнь, кажется, отдала бы за то, чтобы спасти его от гибели* (А. Чехов. «На подводе»).

II. А. Вежбицка призывает изучать межкультурные различия, исходя из объективных данных, например языковых [Вежбицка 1999: 545]. В связи с этим интересно рассмотреть некоторые риторические и синтаксические средства эмоциональной оценки, которые используются в русской прозе XIX–XX вв.

Показатели кажимости, о которых впервые написала Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1996; 1998], к классу которых автором будут отнесены модально-оценочные слова (МОС) *как будто, как бы, будто, будто бы, как будто бы, словно, точно, кажется, казалось, вроде бы (вроде), вроде как* и др., маркируют субъективную интерпретацию говорящим того положения дел, которое обозначается в высказывании. Такая интерпретация может выражаться в образной форме: например, говорящий выражает свое эмоциональное отношение к ситуации, приписывая свои чувства неживым объектам, о которых идет речь, — льдинам (5), луне (6): (5) *Поверхность реки взрыта и взбудоражена... Воды не видно ни капли, а только лед, лед и лед. Вид у льдин грустный, унылый. Они как будто сознают, что их гонят из родных мест куда-то далеко, в страшную Волгу, где, насмотревшись ужасов, они умрут, обратятся в ничто* (А. Чехов. «На реке»). (6) *Дорогу освещает маленькая, тусклая луна. Озябшая, жалкая, она, кажется, ждет не дождется конца своего дежурства* (А. Вампилов. «Сугробы»).

Эмоциональное отношение говорящего к ситуации выражается здесь с помощью такого вида метафоры, как олицетворение, — моделируется вымышленное событие, в которое в качестве субъекта, вместо человека, подставляется неживой объект. Модальный показатель кажимости в высказывании предупреждает адресата о том, что сообщаемое не имеет отношения к реальности.

Формируя высказывание со знаком кажимости, говорящий (автор) апеллирует к воображению, к интуиции, поэтому можно сказать, что знаки кажимости сигнализируют об эмоциональной оценке.

III. МОС *кажется* часто маркирует усиленную эмоциональную оценку, которую говорящий дает положению дел.

Эмоциональная окрашенность высказывания за счет грамматики может достигаться иногда транспозицией морфологических форм и синтаксических конструкций [Barnetová и др. 1979: 875–876], или же выбирается экспрессивный вариант конструкции, но в зонах субъективной интерпретации для усиленной эмоциональной оценки используется целый арсенал риторических и лингвистических средств. Здесь говорящий удваивает и утраивает средства своей «риторики». (7) *На Мадере я чувствовал ту же свежесть и прохладу волжского воздуха, который пьешь, как чистойшую воду. Кажется, ни за что не умрешь в этом целебном, полном неги воздухе...* (И. Гончаров. «Фрегат „Паллада“»).

Транспозиция обобщенно-личной конструкции сочетается с двойным отрицанием. Результат — нереферентное высказывание

со смыслом «В этом климате я не умру, буду жить вечно»; «Здесь все будут жить вечно, не умрут», в нем говорящий достигает патетического эффекта, выражая пик эмоций.

Таким же образом говорящий использует уступительные и противительные структуры. МОС *кажется*, являясь элементом первой части таких структур, прогнозирует контрастивное развертывание высказывания, при этом МОС маркирует кажущееся, опровергаемое. (8) *Кажется, еще целую жизнь проживи, не забудешь вкуса и запаха и уюта накрошенных в блюдечке теплого молока, калача или булки* (А. Цветаева. «Воспоминания»). (9) *О шапках я не упоминаю, потому что здесь (в Японии) эта часть одежды не существует. Едет иногда лодка с несколькими человеками: любо смотреть, как солнце жарит их прямо в головы... Как бы, кажется, не умереть или, по крайней мере не сойти с ума от такой прогулки, под солнечными лучами, а им ничего, да еще под здешними лучами, которые, как медные спицы, вонзаются в головы* (И. Гончаров. «Фрегат „Паллада“»).

Апеллируя к адресату-читателю, автор переходит как бы на диалог с самим собой, строит полемически острое высказывание: первая часть — риторический вопрос, эмоциональная оценка в нем выражена инфинитивной конструкцией в значении предопределенности, ожидаемости действия; вторая часть рассуждений говорящего — это ответ, противоположный ожидаемому. Ср.: (10) *Кулигин. Вот какой, сударь, у нас городишко! Бульвар сделали, а не гуляют. А богатые-то что делают! Ну что бы, кажется, им не гулять, не дышать свежим воздухом? Так нет. У всех давно ворота заперты и собаки спущены. И не от воров они запираются, а чтоб люди не видели, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят* (А. Н. Островский. «Гроза»).

Об эмоциональной оценке положения дел сигнализируют и грамматические показатели ирреальности. Такие употребления МОС *кажется* можно отнести к связанным, они близки к синтаксической фразеологизации: (11) *Если бы я был стомиллионный богач, я бы, кажется, находил удовольствие именно ходить в самом стареньком платье и чтоб меня принимали за человека самого мизерного, толкали и презирали меня; с меня было бы довольно одного сознания* (Ф. Достоевский. «Подросток»).

(12) ...— *Вы меня не поняли, — прошептала она [Одинцова] с торопливым испугом. Казалось, шагни он еще раз, она бы вскрикнула... Базаров закусил губы и вышел* (И. Тургенев. «Отцы и дети»).

Показательно, что и конструкции реального условия в сочетании с МОС *кажется* служат оболочкой для ирреальных выска-

званий, поскольку их наполнение содержит преувеличение. (13) *Это, конечно, была балерина. Их всегда можно узнать по какой-то прозрачности. Кажется, дунь — и ее не станет* (А. Эфрос. «Продолжение театрального рассказа»). (14) *Это была красота мотыльковая, к которой так идут вальс, порханье по саду, смех, веселье и которая не вяжется с серьезной мыслью, печалью и покоем; и, кажется, стоит только пробежать по платформе хорошему ветру или пойти дождю, чтобы хрупкое тело вдруг поблекло и капризная красота осыпалась, как цветочная пыль* (А. Чехов. «Красавицы»).

Модальный показатель *кажется* может маркировать как желательность (15), (16), так и нежелательность событий (17), (18).

(15) — *Господи, дай, чтобы мне было здесь хорошо.*

А на душе покойно, сладко, и, кажется, согласилась бы всю жизнь ехать так и смотреть на степь (А. Чехов. «В родном углу»).

(16) *От всех этих разговоров Анне Акимовне почему-то вдруг захотелось замуж, захотелось сильно до тоски; кажется, полжизни и все состояние отдала бы, только знать бы, что в верхнем этаже есть человек, который для нее ближе всех на свете, что он крепко любит ее и скучает о ней...* (А. Чехов. «Бабье царство»).

Иногда реальное положение дел представляется настолько нежелательным, что человек в мыслях предпочитает ему ирреальную ситуацию, которая предполагает крайности, например:

(17) — *Фелисатка-то, мерзавка, слышал, убежала, — встретила Мавра Исаевна меня. Дома я нашел письмо от Фелисаты Ивановны, которым она хотела объяснить мне свой поступок: «Мне, батюшка, Алексей Феофилактыч, легче бы, кажется, удавиться, чем слушать хвастанье и наставленья вашей тетиньки»* (А. Писемский. «Русские лгуны»). (18) *Коваленко схватил его сзади за воротник и пихнул, и Беликов покатился по лестнице. ...в это время вошла Варенька и дамы, они стояли внизу и глядели — и для Беликова это было ужаснее всего. Лучше бы, кажется, сломать себе шею, обе ноги, чем стать посмешищем... кончится все это тем, что прикажут подать в отставку* (А. Чехов. «Человек в футляре»).

Другой вариант оформления значения нежелательности можно увидеть в знаменитом диалоге Раскольникова с девицами:

(19) — *Подарите мне, приятный кавалер, шесть копеек на выпивку!*

Раскольников вынул, сколько вынулось: три пятака.

— *Ах, какой добреющий барин!*

— *Как тебя зовут?*

— А Дуклиду спросите.

— Нет уж, это что же, вдруг заметила одна из группы, качая головой на Дуклиду. — Это уж я и не знаю, как это так просить! Я бы, кажется, от одной только совести провалилась. Это была рябая девка, лет тридцати, вся в синяках, с припухшею верхнею губой. Говорила и осуждала она спокойно и серьезно (Ф. Достоевский. «Преступление и наказание»).

Реальную наблюдаемую ситуацию, когда Дуклида просит денег, она считает для себя настолько неприемлемой, невозможной, что оформляет высказывание как ирреальное:

— Просить нельзя, нехорошо, я бы от одной совести провалилась. Это по смыслу эквивалентно высказыванию: — Лучше, мне кажется, от стыда провалиться, чем просить.

Таким образом, в комплекс средств на службе субъективной интерпретации, эмоциональной оценки входят: 1) категорические высказывания, в том числе, с двойным отрицанием; 2) различные структуры с показателем ирреальности *бы*: ирреально условные конструкции, предложения со значением желательности/нежелательности, а также конструкции со значением ирреального предпочтения; 3) уступительные и противительные структуры; 4) сложные сравнительные конструкции с модальными союзами и 5) местоименно-соотносительные конструкции «меры и степени»: (20) *Сувенир щурит свои косые глазки да смеется дрянно, точно бутылку полощет* (И. Тургенев. «Степной король Лир»).

Иногда в высказывании можно видеть комбинацию разных конструктивных черт: (21) *Воздух так ясен и прозрачен, что если взобраться на голубятню или на колокольню, то, кажется, увидишь всю вселенную от края до края* (А. Чехов. «Весной»).

В оценочную местоименно-соотносительную конструкцию вставлено и условие, и обобщенно-личная конструкция со значением преувеличения, о чем сигнализирует МОС *кажется*.

Наряду с использованием усложненных структур в художественных текстах можно найти и противоположную тенденцию: упростить форму экспрессивных высказываний, элиминировать в них некоторые элементы и этим достичь большего эффекта.

Так, А. С. Пушкин в тех редких случаях, когда он использует эти структуры, не воспроизводит клишированные синтаксические построения целиком, а усекает их до неузнаваемости, сводя до минимума: (22) *Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного добродетельства и мудрости; вторые жестоки, своенравны и, ка-*

жется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика (А. Пушкин. Заметки на полях «Истории Петра, подготовительные тексты», цит. по: [Фейнберг 1981: 390–391]).

Ср.: — Временные указы так жестоки и своенравны, что *кажется, писаны не пером, а кнутом.*

IV. Средства, которые входят в арсенал субъективной интерпретации, эмоциональной оценки, используют все русские писатели XIX–XX вв., создавая в художественном тексте насыщенную эмоциями атмосферу. Думается, что лингвисты не вполне осознали эту особенность русской языковой картины мира. А вот в драматическом театре самые чуткие из режиссеров увидели и показали эмоциональность русского сознания. В некоторых известных театральных постановках воссоздана раскаленная атмосфера русской жизни. Это «Братья и сестры» Ф. Абрамова в постановке Л. Додина и «Гроза» А. Н. Островского (режиссер Г. Яновская). В них театральными средствами явно показана эмоциональность русского сознания. О ее истоках Г. Яновская в одном из интервью роняет такое замечание: «Дикой говорит: „Гроза нам в наказание посылается, за грехи наши, чтобы мы чувствовали...“. И он каждую грозу так переживает... (Дикой, молясь христианскому Богу, ждет и боится грозы как язычник. — Н. Г.) У меня, — говорит Яновская, — странное ощущение дуализма, дикой муки, которая все равно есть в России. Никуда от этого не деться. При всем многостолетнем христианском способе — думать, языческий способ — чувствовать (выделение наше. — Н. Г.). И вот это раздирающее — есть основа всего в „Грозе“. Основа трагедии. И в Катерине это тоже есть» («Независимая газета». 2000. 7 июля).

Эмоциональность в русском художественном тексте важна не сама по себе, а как показатель самопознания персонажей. Так, Вельчанинов в «Вечном муже» Достоевского не может жить спокойно, его что-то гложет, неудовлетворенность мешает ему жить. Попадая в трагические обстоятельства, он наконец обретает полноту жизни. Он как будто сам идет навстречу гибельным обстоятельствам, проверяется ими. Русская гиперэмоциональность — это черта самоорганизации, порядка в русском космосе, странного порядка, внутреннего, которая может опрокинуть любой внешний порядок, любой Ordnung.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1996 — *Арутюнова Н. Д.* Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Вежбицка 1999 — *Вежбицка А.* Выражение эмоций в русском языке // *Вежбицка А.* Семантические универсалии. М., 1999.
- Фейнберг 1981 — *Фейнберг И.* Читая тетради Пушкина. М., 1981.
- Barnetová и др. 1979 — *Barnetová V., Běličová-Křížková H., Leška Oldřich, Skoumalová Z., Straková V.* Русская грамматика. 2. Синтаксис. Praha, 1979.

КОНЦЕПТ «БЕЗУМИЕ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКА

1. *Безумие* есть одно из проявлений хаоса, хаоса внутри человека. Некоторое своеобразие этого концепта заключается в неопределенности его денотата. Дело здесь не только в том, что видов безумия очень много (медицина, разумеется, как-то классифицирует это явление), но и в том, что для бытового сознания не существует резких границ между безумием и небезумием, безумие нередко отождествляют с глупостью и с разными проявлениями того, что получило название антиповедения [Успенский 1994: 320]. Не случайно, пишет Мишель Фуко: «Нет ничего удивительного в том, что классическая эпоха не стремилась установить строгие границы между безумием и заблуждением, между сумасшествием и злонамеренностью. Для людей XVII–XVIII вв. фактически не существовало эквивалента современного понятия психически больного. Существовало общее понятие о неразумии, объединяющее все виды отклонения в поведении: бродяжничество, попрошайничество, венерические заболевания, колдовство и т. д.» [Фуко 1997: 507].

Конечно, дело тут не только в самом явлении, но и в обществе. Далее Фуко, рассуждая о природе безумия, утверждает, что о безумии того или иного поступка можно судить по его беспричинному характеру: «Чем более беспричинны поступки, тем больше вероятности, что он порожден самим безумием» [Там же].

Но установление мотивированности поступков — дело простое. Мы часто не видим, не понимаем мотивов действий другого человека и в таких случаях относим это к проявлениям сумасшествия, особенно там, где человек действует вопреки собственным интересам¹.

В повседневной жизни люди склонны всё необъяснимое, с их точки зрения, относить к психическим сдвигам — это объясняет, иногда утешает: чаще всего для оценки необъяснимой, непонятной для кого-то ситуации используется слово *ненормальность*, а по отношению к человеку — *ненормальный*: *Так любить кошек и собак нельзя — это ненормальность; Такие люди — со сдвигом* и т. п.

¹ См., например, манипуляцию понятием безумия в советское время. Когда диссидентов помещали насильственно в психбольницы, некоторые врачи говорили: «Конечно, он ненормальный. У него подавлен инстинкт самосохранения».

Так, генерал Епанчин высказывает предположение о возможном безумии Настасьи Филипповны после того, как она возвращает ему подарки, а Тощкому — 75 тысяч, и когда сообщают о приходе Рогожина: «Как вы думаете, Афанасий Иванович... *не сошла ли она с ума?* То есть без аллегорий, а настоящим медицинским манером?» (Ф. Достоевский. «Идиот»).

Итак, на уровне бытового сознания концепт «безумие» характеризуется неопределенностью денотата, из-за размытости границ безумия и безумия.

2. В основе названий, относящихся к полю безумия, можно отметить несколько разных образов, объединенных общей семей беспорядка.

1. Движение в сторону от ума, отделение, отсоединение.
2. Помеха, то что мешает установлению порядка, или смесь — что разрушает норму (ср. смесь пород).
3. Образ мрака, темноты в сознании человека.
4. Отсутствие нормы в человеческом поведении.
5. Особый, иной, на первый взгляд, непосредственно не связанный с идеей беспорядка, — это образ счастья, блаженства, запечатленный в слове *блаженный* (он же *юродивый*).

Хотя к беспорядку это тоже имеет отношение: юродивый как бы отталкивается от грешного мира, от его беспорядка и обращается к высшему, где царит гармония.

Центральным и самым продуктивным для русского языка является образ движения в сторону от ума: *сойти с ума, выйти из ума* (ср. устаревшие значения у слов *изумление, исступление, рехнуться*). О последнем глаголе есть замечание Г. А. Ильинского, которое приводит В. В. Виноградов: «В центре значения глагола *rehati se* лежало понятие „тронуться, двинуться с места“ — откуда в переносном значении „сойти с ума“...» [Виноградов 1994: 797]. Он приводит пример из письма Державина: «Вы удивитесь и верно скажете про себя, что я под старость *рехнулся с ума*» [Там же]. Ср. также: «Или бес в тебя ввернулся? Или ты *с ума рехнулся?*» (А. Пушкин. «Сказка о золотом петушке»).

Глагол *сойти* втягивает в поле безумия другие глаголы из той же лексической парадигмы — *спятить, своротить, съехать, спрыгнуть, тронуться, сдвинуться* и др. В XIX в. они еще, как правило, употребляются с зависимой словоформой *с ума*: *спятить с ума, своротить с ума, спрыгнуть с ума* и т. д. *Тронуться* обычно *в уме* или *в рассудке* (а также *умом* или *рассудком*):

В его лета с ума прыгнул (Грибоедов);

Чуть с ума не своротил (Пушкин);

Ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул (А. Островский).

В дальнейшем наблюдается семантическая конденсация: глаголы начинают употребляться абсолютно, включая компонент с ума в свою семантику. При этом ум представляется чем-то материальным, неким вместилищем, из которого можно выйти, с которого можно сойти, прыгнуть и т. п.

Идея раздельного существования человека и ума отражается в выражениях: *В уме ли? В своем ли уме? Не в своем уме?* и др.

Образ движения в сторону от ума встречается в названиях безумия и в некоторых других славянских языках. Ср. чешское выражение *pótinouti se* — 'сойти с ума', 'помешаться' — буквальное значение *pótinouti* — 'пройти мимо', 'миновать'. Независимо от того, была ли в основе выражения *сойти с ума* идея движения сверху вниз, в народном сознании это, очевидно, осознается именно так и выражено употреблением глагола *спрыгнуть* вместо *сойти*:

Ты слишком горд, Шекспир, друзей забыл советы:

Тебе б всё древний мир, старинных хроник тьма,

Где лишь какие-то Отелло и Макбеты,

Иль датский принц, *спрыгнувший вдруг с ума*

(Д. Миняев. «Вильяму Шекспиру
от Михаила Бурбонова»).

В связи с этим безумный представляется в наивной картине мира человеком примитивного низкого ума (как способности мыслить, связывать мысли и т. д.). Ср. выражение *высокий ум*:

Что *ум высокий* можно скрыть

Безумной шалости под легким покрывалом

(Пушкин).

Осмысление движения в сторону от ума как «сверху вниз» совсем не каждому представляется убедительным². Для нас важно только то, что такое осмысление не исключено и, очевидно, существует. Так, возможно, идея движения сверху вниз преобразуется в падение (как в яму) в синонимических сочетаниях *впасть в безумие*, *впасть в слабоумие*. Неконтролируемость движения *впасть*

² Против возможности такого толкования при обсуждении доклада категорически возражала Р. И. Розина.

подчеркивает безнадежность печального состояния и степень примитивности ума при этом.

Интересно в связи с этим высказывание Мишеля Фуко: «Безумец срывает покров с элементарной, первичной истины человека, той истины, которая сводит его к примитивным желаниям, простейшим механизмам, к его самой насущной телесной детерминированности. Безумие есть разновидность детства — временного и социального, психологического и органического» [Фуко 1997: 458]. Этой мысли как нельзя более соответствует то, что в русском языке выражение *впасть в детство* входит в синонимический ряд с *впасть в безумие*, *впасть в слабоумие*. Есть такое выражение и в других славянских языках: например, в чешском *upadnout do dětinskosti*, и в польском *wpadać w dzieciństwo*.

В разных некодифицированных сферах языка также укрепился образ безумия и безумного на основе семы движения: *сдвинулся*, *тронулся*, *поехал*, *поплыл*, *шарахнулся*, *стебанулся* и т. д. Кроме того, как это часто бывает, в бытовом сознании ищется причина необычного состояния. Эту причину связывают с разрушительными внешними воздействиями на голову человека: безумие возникает от удара по голове, в результате которого ум покидает голову. Ср.: *отбить*, *отшибить*, *вышибить ум*.

А с третьего щелчка
вышибло ум у старика

(Пушкин).

Ср. выражение *головой ушиблен*, *на голову ушиблен* (в просторечии). В связи с таким обозначением причины безумия в просторечии существуют и названия лиц по этому признаку: *стукнутый*, *тукнутый*, *долбанутый*, *бабахнутый*, *шарахнутый* (от одного из значений *шарахнуть* — ‘стукнуть’), *чокнутый*, *притыркнутый* и целый ряд неприличных слов, образованных по этой модели.

Второй образ, лежащий в основе концепта «безумие» — помеха, ‘то, что мешает установлению порядка, порядку’. Но очевидно, что в слове *помешательство* произошло наложение двух значений корня ‘помеха’, ‘смесь’ [Виноградов 1994: 510].

Со значением ‘расстройство, повреждение ума’, ‘сумасшествие’, слово *помешательство* отмечено уже в словаре 1847 г., но остается связанным только с глаголом *помешаться* и с существительным *помешанный*. Здесь очевидна деэтимологизация, хотя отзвуки идеи беспорядочного смешения находят отражение в выражениях *мысли мои смешались*; *я чувствовал, что теряю рассудок*. Этот образ не получил дальнейшего развития.

Третий образ — образ мрака, темноты в сознании, в голове человека. Ср. *помрачение рассудка, помрачение ума (уму) — антоним просветление ума, прояснение ума*. Ср. *светлый ум, ясный ум*. Сюда же входит, очевидно, и выражение *рассудок в нем угас*, поскольку огонь, горение дает свет, а угасание тьму. Ср. также:

Когда из *мрака заблужденья*... (Н. Некрасов).

В эту группу входят и глаголы — *помутиться, затуманиться, затмиться* (об уме, рассудке). Ср.:

Так я был поражен этим неожиданным случаем, что даже *ум* во мне *помутился* (Достоевский);

И чем больше *затмевался ее рассудок*, тем больше раскипалось в ней сердце (Салтыков-Щедрин).

Образ *помрачения ума, погружения сознания во мрак* тесно связан с понятием *умственной слепоты*. И слово *ослепление* также входит в семантическое поле безумия. Ср.:

Он не понимал, каким образом нашло на него *ослепление* и что было тогда с его разумом (Пушкин);

В порывах буйной *слепоты*, / В презренном бешенстве народа, / Сокрылась ты... (Пушкин);

О как *слепа*, безумна злоба (Пушкин).

Ослепление при этом не всегда предстает как полное невидение, а нередко, как искаженное видение:

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!
Тот зрит бесов, каких и в аде нет.
(Безумец, то есть). Сей равно безумный
Любовник страстный, видит, очарован
Елены красоту в цыганке смуглой!

(Ф. Тютчев. «Из Шекспира»)

Образ погружения сознания во *мрак* и отражающая его лексика — больше всего утвердились в художественной литературе, где этот образ нередко ассоциируется с образом *ночи, страшных снов*. Но не только в художественной литературе. *Ночной мрак ослепления. Темная бездна сна* — это выражения из философских работ. Мишель Фуко писал: «Ослепление — слово это из тех, что ближе всего подводит к сущности безумия в классическую эпоху» [Фуко 1997: 249].

Связь хаоса, безумия и ночи ощущал Тютчев:

О чем так воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь *безумно*?

О страшных песен сих не пой.
Про древний *хаос*, про родимый!
Как жадно мир *души* ночной
Внимает повести любимой.

Ночная душа родственна хаосу. Несоответствие норме человеческого поведения — *ненормальность* — это, пожалуй, наиболее общее обозначение безумия. Под эту категорию подходят и различного рода странности поведения, что в современном жаргоне обозначается предикативами: *с закидонами, с приветом, с прибабахом, со сдвигом* и др.

Пятый образ — образ счастья, блаженства. Слово *блаженный* в словаре 1847 года дается с пометой «церк.» и толкуется как «благополучный, счастливый» и «юродивый». А *юродство* определяется в том же словаре как «глупость», «безумие». По-видимому, только в русском языке слово *блаженный* могло означать и «сумасшедший» и «святой». Ср. в польском *błązen* (очевидно, от того же корня, хотя не все этимологи это отмечают) — «шут», «паяц»; в чешском *blázen* «сумасшедший», «дурак», «шут».

Б. А. Успенский называет *юродство* одним из видов «антиповедения»: «Образ действия юродивого внешне может быть не отличным от магического (колдовского) поведения; не случайно юродивых нередко принимали за колдунов и только впоследствии стали считать их святыми [Успенский 1994: 327]. Религиозные философы, в частности С. Булгаков, пишут о юродстве как о пределе самоотречения, к которому должно стремиться истинно верующему [Булгаков 1996]. В то же время и в церковном значении *юродивый* иногда — «глупый, неразумный, безрассудный». Даль приводит пример из Евангелия от Матфея: «Пять же бе от них мудры, и пять *юродивы*».

Что же касается этимона «счастье» в одном из обозначений безумного, то это как раз может отражать положение вещей, поскольку определенная категория безумных живет в иллюзорном и нередко счастливом мире. Об этом писал Пушкин:

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим

Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:
Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.
И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

(«Не дай мне бог...»)

В русской художественной литературе существовала тенденция опоэтизирования блаженных как средоточия особой нравственной чуткости. В этом утверждался приоритет души, а не ума как органа логизирования. Ср. опоэтизированность царя Федора как блаженного. Он говорил о себе:

Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить, и обмануть не трудно,
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело или черно,
Избрать я должен — я не обманусь.

(А. Толстой. «Царь Федор Иоаннович»)

Интересно, что в русском и в других славянских языках выражение *сумасшедший дом* имеет значение 'неразбериха', 'балаган', 'беспорядок'. Ср., например, в чешском *blázinec* — 'дом умалишенных'. *Hotový blázinec* — 'какая неразбериха'. Так, от идеи нарушения порядка в сознании человека рождается значение беспорядка в окружающей среде и даже в мире. Мы говорим: «Всюду какое-то безумие».

3. Слова из поля безумия характеризуются однотипностью переносных значений.

Во-первых, все существительные и прилагательные из этого семантического поля могут выражать значение 'крайнее безрассудство', 'крайне безрассудный'. Ср.: *Строить дом в таком месте* — *безумие*, (*сумасшествие, ненормальность, помешательство*). *Все его идеи (намерения, поступки) безумные* (*сумасшедшие, ненормальные*) — *я не одобрял*. В этом случае переносные значения

недалеко отходят от прямого, исходного. Они остаются в пределах неразумия: 'крайне неразумный', 'крайне безрассудный'. При этом все прилагательные этой группы могут выражать оценку и со знаком плюс, и со знаком минус. Ср.: *Ты сумасшедший!* (безумный, ненормальный, помешанный) — разве можно давать ребенку управлять машиной? И — Он ненормальный (безумный и т. д.) может ползарплаты истратить на книги (говорится с восхищением).

Во-вторых, все прилагательные и образованные от них наречия в разных контекстах выражают значение высокой степени проявления признака.

Таким образом, во всех переносных значениях слов, составляющих семантическое поле безумия, присутствует компонент 'крайне', 'очень'.

Очевидно, что это значение опирается на коннотацию, связанную не с самим безумием, а лишь с его возможным внешним проявлением: эта коннотация — 'неистовство'. Чаще всего в одни контексты попадают *безумный* и *сумасшедший*: Им овладела *безумная* (*сумасшедшая*) *ревность* (злора, ненависть, зависть); Он *безумно* (*сумасшедше*) *обрадовался*. В других случаях «партнерствуют» *безумно* и *ненормально*. Он *безумно* долго *собирается*; Он *ненормально* долго *объясняет*; Он *безумно* *худой*; Он *ненормально* *толстый*; *Ненормально* *завышенные требования*; *Цены ненормально занижены* и т. п. Разумеется, взаимозаменяемость «безумных» слов в роли интенсификаторов не абсолютна. Не всегда совпадают контексты даже у наиболее близких друг другу *безумный* — *сумасшедший* (см. [Плунгян, Рахилина 1993]). Коннотации у слов этой группы, обусловленные отчасти внутренней формой, имеют некоторые тонкие отличия, хотя, на мой взгляд, некоторые утверждения авторов упомянутой статьи представляются несколько категоричными. В частности, требует проверки существование дополнительного распределения *безумный* и *сумасшедший*: *безумный* сочетается с оценочными именами лиц, а *сумасшедший* с функциональными [Там же: 124]. На мой взгляд, сомнительны примеры *безумный невежда* (*неуч*) и т. п. А с функциональными именами, для выражения интенсификации, как показывают тексты, свободно сочетаются оба прилагательных, а часто и слово *ненормальный*. Ср. Его *безумные* (*сумасшедшие, ненормальные*) *родители готовы взрослого балбеса на руках носить*. Неполная взаимозаменяемость характерна для всех синонимов. В данном случае для нас важно то, что, несмотря на различие образов, лежащих в основе наименования концепта, слова, входящие в семантическое поле безумия, совпадают в своих пере-

носных значениях. Можно также сказать, что все они одинаково достигли своего семантического предела: значение степени — это предельное значение, оно не порождает других.

Слово *юродивый* в развитии переносных значений стоит обособленно от других обозначений безумия. Оно приобрело значение 'чудаковатый', 'чудак', но чудак, вызывающие осуждение, подозрение в притворстве. Ср.: *Юродивый* — 1. Психически больной, помешанный, сумасшедший // *Перен.* О неприспособленном к жизни чудеке, фантазере.

Он будет за нее платить. От него можно ждать. Он *юродивый* (Писемский) [БАС].

Примечание

Названия лиц по тому или иному психическому заболеванию в просторечии и отчасти в разговорной речи используются как грубые бранные слова либо с общим значением 'дурак', 'слабоумный', либо со значением 'проявляющий неумеренность в выражении чувств', 'крайне неуравновешенный'. Ср.: *Кретин! Идиот! Придурок! Полоумный! Юродивый! Шизик! Псих! Долбанутый! Съехавший! Стукнутый!* и т. д.

Ни одна другая болезнь, отраженная в названиях лиц, не породила столько бранных слов. В литературном языке их вообще нет. В просторечии есть *рахитик, паралитик*, но таких слов немного.

То, что слова из поля безумие употребляются как бранные, — говорит о презрении к людям с психическими отклонениями у определенной части населения. Они, психически больные, — не как все. А толерантность основана на всеобщности, а не на исключительности. Отчасти это явление объясняется и тем, что безумие не всегда отграничивается от глупости, тупоумия.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. М., 1965. Т. 17.
 Булгаков 1996 — *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний. М., 1996.
 Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.
 Плунгян, Рахилина 1993 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* «Безумие» как лексикографическая проблема (к анализу прилагательных *безумный* и *сумасшедший*) // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
 Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Анти-поведение в культуре Древней Руси // *Успенский Б. А.* Избр. труды. М., 1994. Т. 1.
 Фуко 1997 — *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху: СПб., 1997.

Г. Е. КРЕЙДЛИН, М. В. САМОХИН

СЛУХИ, СПЛЕТНИ, МОЛВА — ГАРМОНИЯ И БЕСПОРЯДОК

Подобно многим другим социальным действиям, коммуникативная деятельность человека бывает в разной степени формализованной и ритуализованной. На одном полюсе ее находится полностью регламентированное общение, подчиненное достаточно строгим правилам, на другом — спонтанное и неподготовленное речевое или неречевое взаимодействие.

Среди коллективных социальных трансакций такие устные речевые акты, как слухи, молва, пересуды, рассказы, разговоры, толки, треп, болтовня и сплетни, которые составили основной предмет настоящего исследования, занимают совершенно особое место (далее для краткости, пока мы не проводим внутренних различий между ними, они будут называться просто *слухами*). Настоящая работа состоит из двух частей. В первой части речь пойдет об общих, т. е. присущих всем указанным речевым актам и обозначающим эти акты словам, свойствах. Вторая часть посвящена концептуальному анализу различных видов слухов, а также смысловым и прагматическим различиям между их естественно-языковыми номинациями.

Часть I

§1. Слухи и их свойства

Прежде всего слухи как социальные акты отличает (1) комплексный характер, проявляющийся в множественности активных участников процесса порождения и интерпретации самого речевого акта или отдельных высказываний, из которых он состоит. Кроме того, для слухов характерны (2) возможное <относительно> большое пространство распространения и (3) возможная <относительно> высокая скорость распространения по различным информационным каналам.

К свойствам слухов как к текстам, или к **текстовым свойствам слухов**, относятся¹: (4) особое отношение к истинности пере-

¹ О текстовых свойствах слухов существует довольно большая литература; см., в частности, [Allport, Postman 1947; Buckner 1965; Fine, Rosnow 1978; Yerkovich 1977].

даваемой информации (о чем подробнее будет идти речь ниже), (5) вербальность (каждый из видов слухов и каждый конкретный акт в отдельности представляют собой высказывания), (6) краткость (слухи представляют собой относительно небольшие по величине тексты), (7) нарративность (по форме слухи являются текстами, передаваемыми в режиме повествования), (8) монотемность (обычно каждый слух посвящен одной-двум главным темам; см. о этом подробно, например, в работах [Allport, Postman 1947; Rosnow 1974; Shibutani 1966]) и (9) устность.

Ввиду важности последней характеристики остановимся на ней несколько подробнее. Областью бытования слухов является устный текст; слухи указывают на устную форму передачи информации (см. об этом в [Почепцов 1990: 134–136]). Именно по этой причине неправильными являются сочетания **записанный слух*, **опубликовать молву*, **написать сплетню*; ср. также сомнительные *??прочитать слух*, *?опубликовать сплетню*. Виды письменных текстов, по содержанию и по функциям эквивалентные слухам, называются обычно не *слухи*, а как-то иначе. Как правило, такие тексты получают названия по жанру или по месту их публикации. В этой связи можно вспомнить такие имена текстов, как *газетная утка*, *бульварная хроника* или *светская хроника* (заметим, что на английский язык сочетание *светская хроника* обычно переводится тем же словом, что и *сплетня*, а именно *gossip*), и имена классов текстов: *желтая пресса*, *желтая газета*. Даже прилагательное *закулисный* применительно к *новостям* обозначает не простую бытовую тайну, а некие тайные, общественно важные новости, не имеющие ясного источника.

Слухи как разновидность речевых актов отличает еще одно свойство, а именно (10) принадлежность к чужой речи. С самого начала люди относятся к слухам как к тому, что им не принадлежит, как к высказываниям, которые они сами не могли бы породить. И это происходит вовсе не из-за того, что они плохо владеют языком, а из-за того, что они не владеют необходимой информацией. Услышав некоторую, не известно от кого исходящую и ничем не подтвержденную важную новость, т. е. получив сообщение, именуемое слухом, люди ассимилируют его, присваивают себе и далее обращаются со слухом как с объектом, находящимся в их распоряжении. Иными словами, чужая прежде речь становится своей.

Здесь важно подчеркнуть один момент. Казалось бы, зачем вообще говорить о том, что сообщение, получаемое от другого лица, является чужим, — ведь «экспроприация» чужой речи явля-

ется основным свойством процесса коммуникации, поскольку без передачи другому новой информации нет общения? Дело, однако, в том, что рассматриваемое свойство слухов — «быть чужой речью» — является семантическим. Это означает, что оно присуще языковым единицам, а именно всем словам, называющим разновидности слухов: информация о том, что передаваемое сообщение является чужой речью, входит в толкование этих слов на правах отдельного смыслового компонента.

Вместе с тем конкретное смысловое наполнение и организация высказываний, которые в совокупности образуют данные акты, процедуры верификации и эмоциональной оценки их содержания, использование паралингвистических и кинетических средств при передаче слухов в русской культуре (но не во всех культурах вообще, см., например, [Gilmore 1978; Hanners 1967; London I., London M. 1975; Szwed 1966]) не знают жестких ограничений, а конвенциональные нормы, которые задают значения основных параметров описываемых коммуникативных актов и обуславливают их функционирование, являются весьма ослабленными. Отсюда возникает впечатление о непринужденности, а иногда и кажущейся самопроизвольности и беспричинности возникновения и распространения слухов, ср. выражения *на пустом месте, из ничего*; говорят также, что *слухи возникают*, создавая для слушающего иллюзию неожиданности, что слухи <свободно> *циркулируют, идут, проходят, разносятся, прекращаются* (как бы сами по себе) и т. п.

Отсюда и (11) относительно жесткая привязанность слухов к актуальным событиям и ко времени, в течение которого эти события происходят, а также возможность импровизации и кооперативного участия многих людей в производстве и распространении слухов. Слухи направлены на удовлетворение потребности людей в оперативной информации, относящейся к сфере их интересов, но умалчиваемой официальными источниками, такими как, например, средства массовой информации.

В норме общение людей состоит в обмене информацией, которая оценивается ими как истинная, а потому вопрос об истинности передаваемых сообщений самими участниками коммуникации обычно никогда не ставится и не обсуждается. Если же в тексте отсутствуют специальные вербальные или невербальные показатели того, что сообщаемая в нем информация не заслуживает доверия, или если у людей имеются какие-то сомнения в ее надежности (например, есть прямые или косвенные свидетельства того, что на сообщаемые им сведения нельзя полностью и безус-

ловно полагаться), то люди обычно считают полученную информацию априорно истинной. Когда произносят высказывание *Он передал сообщение*, то подразумевают, что сообщение было истинным. Неправильным является предложение **Он передал истинное (верное, правдивое и т. п.) сообщение*, а при необходимости подчеркнуть ложность информации обычно так и говорят *Это ложное сообщение (ложь, неверные сведения и пр.)*. Возгласы *Это правда?* или *Не может быть!* означают только, что произносящий их человек крайне удивлен услышанному, что только что полученные им сведения являются для него неожиданными, но они не означают, что человек ставит под сомнение их правдивость.

Намеренное сообщение партнеру заведомо ложных сведений (например, говорят, что *сплетни и слухи фабрикуются*, подчеркивая намеренность создания и передачи ложного, предосудительного, а также участие в создании и распространении сплетен и слухов большого количества людей), равно как и неумышленное искажение информации, нарушают существующие в обществе культурные и коммуникативные нормы и, как следствие, вызывают в обществе некое движение и беспорядок. Однако истинность или ложность информации — это внутреннее, имманентное свойство самих сообщений, а доверие к сообщениям, убежденность в их правдивости или, напротив, скептицизм являются характеристиками людей. Люди действуют часто, опираясь на свои представления, чувства и убеждения, которые вовсе не обязательно являются истинными.

§2. Внутреннее строение и содержание слухов.

Особенности функционирования слухов

Слухи представляют собой совершенно особые речевые акты во многих отношениях. Во-первых, они обычно складываются из серии отдельных высказываний, причем не из истинных, а из правдоподобных, т. е. только внешне выглядящих как истинные и даже, как в случае, например, сплетен, по большей части неточных или ложных. Ср., например, абсолютно нормальный вопрос, который не содержит никакого внутреннего противоречия: *Это слух или правда?* С самого начала люди склонны принимать слухи на веру, если, разумеется, у них нет оснований сразу же усомниться в истинности сообщения. *Ложные, беспочвенные, нелепые, недостоверные, необоснованные или неподтвержденные слухи* могут курсировать в обществе одновременно и вместе с истинными сообщениями, но мы не говорим **истинные, правдивые слухи (молва, сплетни)*, так как изначально всегда верим в ис-

тинность сообщений и нам нет особой необходимости это подчеркивать. Однако есть много ситуаций, когда человек не доверяет неожиданно появившемуся слуху и потому требует дополнительного подтверждения правдивости услышанного или проверки надежности источника. Он пытается найти того, кто *пустил данный слух*, т. е., как нередко говорят, *докопаться до источника слуха*, или, по крайней мере, хочет узнать, является ли предполагаемый источник слуха достаточно авторитетным. Кстати, в этом отношении виды слухов существенно разнятся: молва отличается и от собственно слуха, и от сплетни.

Во-вторых, участниками речевого акта слуха являются, как правило, не два человека, а группа лиц. Обычно один член этой группы является источником, а остальные исполняют одновременно роль слушателей и/или распространителей слуха.

В-третьих, каждый слух имеет свою историю рождения, жизни и смерти. Область возникновения и распространения слухов, в отличие от многих других социальных речевых актов, не ограничена жесткими рамками коллективов, которые уже существуют в данном обществе. Слухи сами создают и организуют людей в общественную группу; вовлеченные в них люди такую группу формируют одним лишь своим участием. По этой причине слухи не знают жестких конвенциональных межгрупповых барьеров.

В-четвертых, в процессе функционирования внутри данного социума слухи всегда осуществляют частичное упорядочивание людей, разделяя их на «осведомленных» и «неосведомленных». Осведомленный человек выступает при этом в роли обладателя некоего тайного знания, которым владеет далеко не каждый, а только особые, «посвященные» лица. Поэтому разговор осведомленного человека с неосведомленным происходит как диалог лица более высокого социального статуса с лицом более низкого статуса, т. е. автоматически возникает определенная социальная иерархия. Знающий содержание слуха может приобщить собеседника к тайне, тем самым переводя его в группу себе подобных, а может и ничего не сказать ему, оставив неосведомленным. Адресатом слуха не может быть первый встречный; источник или распространитель слуха никогда не выбирает себе адресата случайным образом. Чаще всего адресатом слуха оказывается человек, к кому отправитель сообщения относится нейтрально или положительно и кто, по мнению отправителя, разделяет его жизненные взгляды, позиции и оценки. На основе представления об общности презумпций понимания и оценок у рассказчика может сложиться впечатление, что и в данном конкретном случае между

ним и адресатом достигнуто взаимопонимание по поводу содержания слуха, например, как нужно оценивать заключенную в слухе информацию или как следует вести себя в соответствии с ней, в частности стоит или не стоит ее дальше передавать, а если стоит, то кому. Однако распространитель слуха может намеренно исказить содержание, например первоначальную модальность, исходного высказывания, поменять исходную эпистемическую оценку слуха или подвергнуть ревизии общую коммуникативную установку, и слушающий, который слепо доверяет собеседнику и полагается на безусловную всегдашнюю идентичность указанных презумпций, совершает ошибку.

В-пятых, вербальное коммуникативное поведение человека, рассказывающего слух, обладает достаточно отчетливыми признаками и регулируется специфическими механизмами, действующими при передаче чужой речи. В целом это поведение может быть охарактеризовано как поведение заговорщика. И текст слуха, и способ, каким он рассказывается, свидетельствует о тайне, недосказанности. Слухи полны намеков и гипербол (в особенности это касается так называемых «грязных сплетен», см. о них во второй части статьи), не мотивированных языком акцентов и обобщений, смысловых эллипсисов и имплицатур, а потому интерпретация слуха требует глубокого семантического анализа, в частности проведения целого ряда смысловых и когнитивных операций. Среди них смысловой катализ текста, т. е. восполнение недостающих смысловых элементов, поиск и выявление имплицатур, устранение смысловых несоответствий, восстановление необходимых причинно-следственных связей, поиск скрытых оценок и др.; ср. *...сплетни создаются так: всякий человек воспринимает из слов другого не то, что другой говорит, а только то, что он, слушающий, способен понять* (Л. К. Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой»). Подобные операции над текстом слуха и над его смыслом часто бывают осуществимы единственно благодаря наличию общих для говорящего и слушающего знаний, представлений и оценок.

Излишняя вера в абсолютную идентичность презумпций общности понимания, недооценка намеренных или невольных искажений при недословной передаче чужой речи, неумение слышать текстовые обертоны и видеть, как рассказывается слух, как правило, приводят к коммуникативным неудачам и провалам, см. об этом подробно в статье [Гловинская 1998]. Развивая идеи, изложенные в работе [Raffler-Engel 1981], М. Я. Гловинская обращает внимание на явление, которое называет коммуникативным эго-

центризмом говорящего и слушающего и пишет [Гловинская 1998: 18], что у говорящего коммуникативный эгоцентризм может проявиться «в излишнем лаконизме и отсутствии пояснений, как оказывается, необходимых, а адресат, предполагая у говорящего такое же представление о мире, как у себя, может сформировать ошибочную импликатуру».

В-шестых, воспроизведение слуха имеет также ряд отличительных невербальных особенностей, о чем, кажется, еще не писали исследователи в области невербальной семиотики. На лице человека, рассказывающего слух, появляется специфическая мимика, ср. выражения *заговорщическое лицо*, *улыбка заговорщика* или *конспиратора*, *безмятежный*, *<видимо> безучастный*, *беззаботный вид*. Речь человека, воспроизводящего слух, характеризуется особыми тембром, тональностью и фонациями. Например, о людях, которые в настоящий момент рассказывают и слушают сплетни, часто говорят, что они *перешептываются*; см. также русское существительное *шепоток* и английское существительное *buzz*, обозначающее в одном из значений 'молву, слухи и сплетни', а в другом — 'звук вибрирующего голоса, звук вибрации голосовых связок', а также омонимичный ему глагол, который означает не только 'распространять сплетни', но и 'петь с закрытым (sic!) ртом'. Рассказываемые сплетни и слухи, как правило, сопровождаются выразительными жестами — иллюстраторами и эмблемами. Поза рассказчика закрытая, голова обычно наклонена в сторону собеседника, глаза с интересом смотрят на слушающего, физическая и психологическая коммуникативные дистанции уменьшены по сравнению с обычными (об эмблемах и иллюстраторах как семиотических разновидностях жестов и поз см., например, [Крейдли 2001]; о понятиях физической и коммуникативной дистанции см. [Крейдли 1999]).

В-седьмых, слух — это не простое распространение в обществе информации от одних лиц к другим. Это коммуникативный процесс, целью которого является формирование коллективного, хотя и необязательно в точности единого, мнения о сложившейся ситуации или каких-то ее аспектах, выявление общего отношения к ситуации и ее участникам, а иногда и определение некой программы возможных коллективных действий, выработанной на основе этого мнения и отношения. Слухи представляют собой «циркулирующую в обществе форму коммуникации, посредством которой люди, находясь в неопределенной ситуации, объединяются с целью разобраться в этой ситуации и дать ей разумную интерпретацию, сообщая используя при этом свои интеллектуальные

возможности» [Shibutani 1966: 17]. Слух, таким образом, это совместная коммуникативная деятельность людей по производству и интерпретации сообщений, которые содержат какие-то новости, имеющие общественный резонанс. Но это также и процесс распространения таких сообщений, т. е. передача информации о важных новых событиях.

Когда деятельность по производству слуха начинается, говорят о *зарождении слуха*, о том, что *слух пущен, распушен, возник, прошел, прокатился, пронесся*; что *пошли сплетни*; *поползла молва*, говорят о том, что *слухом земля полнится*. Ср. *Стало известно, что приехал из морга Желдыбин. Он поместился в кабинете покойного наверху, и тут же прокатился слух, что он и будет замещать Берлиоза* (М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»); *И вдруг — исчез Ткач навсегда. И пронесся по лагерю слух* (проверить точно мы его не могли, но такие упорные слухи обычно верны), *что он разоблачен как фашистский палач с оккупированной территории, арестован и получил четвертную* (А. И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»); *За какой-то срок до открытия музея в доме прошел слух, что отцу за музей дают почетного опекуна. Слух подтвердился, и начались разговоры о мундире...* (М. И. Цветаева. «Лавровый венок» (памяти проф. И. В. Цветаева)).

Когда эта деятельность в разгаре, то, судя по имеющемуся в нашем распоряжении обширному иллюстративному материалу, очень часто используется выражение *идет упорный слух*. *Упорные слухи* навязываются группе как бы извне и, как правило, несут с собой зло и неприятности. Поэтому *упорные слухи* составляют основу для более решительных действий и противодействий со стороны тех, кому эти слухи стали известны. Люди говорят также о *<широком> хождении* и *<повсеместном> распространении слуха* или *сплетни*, о том, что *слух подтвердился, разнесся* или *носится в воздухе*, что кто-то *распускает сплетни*, что *идут толки, пошли, ведутся разговоры*, что *некто стал постоянной мишенью для пересудов* или что *сплетня идет <полным ходом>*, употребляют метафоры типа *Воздух наполнен сплетнями*; *Слухами земля полнится*. О *молве* обычно говорят, что она *распространяется, подтверждается, разносится, разошлась, покатила, полетела*. Ср. *Постепенно молва о галилейском Наставнике и Учителе распространилась по всей округе* (Прот. А. Мень. «Сын Человеческий»); *В первые дни после 9 апреля получил распространение слух, что Горбачев якобы звонил в Москву из Англии и настаивал на мирном разрешении конфликтной ситуации в Тбилиси* (А. Д. Сахаров. «Воспоминания»); *Я и*

прежде не раз слышал от сельчан рассказ о нем: как он голыми руками задушил волка. Иван Петрович подтвердил народную молву, а еще рассказал, что его картины демонстрируются даже на Огненной Земле, но к себе в деревню не пригласил, сказав, что во дворе у него злая собака (М. Костров. «По реке Мсте от Новгорода»); Свекровь опять зашла на кухню, прислушивалась к каждому слову, и Ольга Васильевна стала нарочно рассказывать ему какую-то чепуховую сплетню, услышанную на работе (Ю. В. Трифонов. «Другая жизнь»).

Когда же деятельность по производству и распространению слухов заканчивается, то об этом сообщают так: *слух затихает, угасает, умирает* или говорят, что *слух смолк, молва затихла, загасла, слухи пресечены*, а сплетням положен конец. Ср. Брыкин был щелью, сквозь которую вытекали известия о барсуках в уезд. Но щель заткнули, и даже слухи смолкли (Л. М. Леонов. «Барсуки»); ...когда по лагерю пущен был слух, что ожидается еврейский погром, Слученков предупредил, что переносчиков будет публично [сечь]; *Слух угас* (А. И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»); Мистер Шерлок Холмс всегда придерживался того мнения, что мне следует опубликовать поразительные факты, связанные с делом профессора Пресбери, для того хотя бы, чтобы раз и навсегда положить конец темным слухам, которые лет двадцать назад всколыхнули университет и до сих пор повторялись на все лады в лондонских научных кругах (А. Конан-Дойль. «Человек на четвереньках»).

Слухи нельзя рассматривать как некую социальную патологию. Порождение и распространение слухов — это не болезнь, а скорее средство защиты членов общества от нестабильности положения и от недостатка информации. Слухи возникают как компенсация за хаотический мир, в котором вынуждены жить и живут люди. Есть, по-видимому, обстоятельства, когда появление слухов кажется неизбежным или ожидается с очень большой вероятностью, а потому слухи являются коммуникативными процессами, возникновение которых можно в известной степени прогнозировать.

В целом закономерность относительно возможного появления и распространения слухов такова: чем более нестабильной, неуправляемой или хаотичной является общественная или частная ситуация, т. е. чем ближе положение дел к тому, что можно было бы назвать социальным катаклизмом или личными неприятностями, тем более вероятным является появление и распространение собственно слухов, разговоров и сплетен. Во время войн, го-

лода, массовых болезней и других социальных бедствий и катастроф слухи появляются едва ли не со стопроцентной обязательностью: каким бы ни был социальный кризис, он вызывает общественное возбуждение, беспорядок и появление слухов. Интересно, что и в противоположной ситуации постоянной стабильности и жизненного однообразия, когда людям скучно и неинтересно общаться друг с другом, появление сплетен, слухов и т. п. будоражит данный коллектив, приводит его в движение, и жизнь в нем становится более содержательной и наполненной.

В критических социальных ситуациях распространение правдивой информации бывает затруднено по чисто объективным причинам, и в этих случаях слух, правдивость которого трудно проверить, может принести серьезный вред. Но слухи неизбежно возникают также и в тех обществах, властные структуры которых крайне заинтересованы в контроле и управлении информацией и информационными потоками. Можно указать, например, на положение дел в тоталитарных государствах, где имеется огромное число общественных групп, закрытых для гражданского контроля. Закрытость группы порождает разнообразные слухи о происходящих внутри нее процессах.

Таким образом, слухи составляют речевые события, которые ломают привычное течение общественной или частной жизни и которые с обязательностью влекут за собой последствия, изменяющие эту жизнь. Люди, образующие социальную среду, в которой происходит циркуляция слуха, вполне осознают возможность влияния на них мнений и интересов других людей из той же среды. В какой-то мере пассивная роль, на которую с полным пониманием и внутренним согласием идет каждый из участников этих событий, компенсируется созданием общего фокуса внимания на определенных аспектах текущих дел и выработки консенсуса по поводу эмоционального или ментального отношения к ним, а также совместных действий, направленных на решение неотложных задач.

Слухи, тем самым, по своей природе амбивалентны. С одной стороны, слухи могут порождать движение и хаос в той или иной общественной группе. С другой стороны, они же вносят порядок и гармонию в мир, уменьшая существующую в нем энтропию. Действительно, благодаря слухам определенная часть членов общества получает недостающую информацию; слухи нацелены и ориентированы на достижение внутригруппового согласия, на образование системы групповых ценностей и оценок. В центре этих речевых актов, о чем еще в 1926 г. писал Джон Дьюи [Dewey 1926: 166–207],

находится не многократно повторенное выражение общественных чувств, желаний, мыслей или идей, а **взаимодействие людей в коммуникативной деятельности**, которое направлено не только на самоидентификацию всех лиц, вовлеченных в этот процесс, и на реализацию ими определенных целей, но также на достижение общего понимания сложившегося на данный момент в обществе положения дел, условий человеческого существования и общественных устремлений. Вклад каждого из участников в осуществление намеченных целей может быть не одинаковым и в каком-то смысле регулируется самостоятельно — в зависимости от содержания и значимости слуха, от социальной дистанции и степени достигнутого взаимодействия между его участниками.

В самом общем виде функционирование слуха происходит следующим образом. Каждый участник этого процесса, если он сам не является источником слуха, сначала выполняет роль адресата, или слушателя. Адресат анализирует сообщение, принятое от другого человека — отправителя сообщения, определяет место, роль и относительную ценность заключенной в нем информации и после этого либо включает новое знание в свою базу знаний, ассимилируя его как свое, либо отвергает его. Затем человек, до этого исполнявший роль адресата, берет на себя функции говорящего, или отправителя сообщения. На основе имеющейся теперь у него информации он синтезирует свое, новое, сообщение, однако делает это не произвольным образом, пользуясь лишь языковыми правилами и образцами, а существенно опираясь на старое. Чаще всего он лишь незначительно трансформирует ранее полученное сообщение: добавляет в него что-то или кое-что из него опускает и далее транслирует таким способом синтезированное сообщение другому или другим. Он становится распространителем слуха.

До сих пор мы большей частью вели речь о слухах как о коммуникативных процессах, но *слухами* называют также и результаты этих процессов. В этом случае слухи напоминают предметы, передаваемые от одного лица к другому, с той лишь разницей, что слух может возвращаться, пусть и в несколько измененном виде, к его автору, т. е. к самому источнику.

Часть II

Ниже речь пойдет о семантических, синтаксических и прагматических признаках трех слов-синонимов *молва*, *слух* и *сплетня*, а также о концептуальных свойствах обозначаемых ими речевых актов. Мы опишем значение и особенности сочетаемости этих

слов, укажем типовые контексты их правильного употребления, отдельно выделяя те контексты, в которых возможна или неизбежна нейтрализация смысловых различий между рассматриваемыми словами.

§3. Слова молва, слух и сплетня — данные толковых словарей

Сначала обратимся к материалам современных толковых словарей русского языка. В четырех основных словарях — словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [далее СОШ 1992], словаре современного русского литературного языка [БАС 1948–1956], словаре под ред. Д. Н. Ушакова [СУш 1935–1940] и словаре В. В. Лопатина [ТСРЯ 1999] — толкования соответствующих слов содержат неприятные логические круги.

Так, [СОШ 1992], например, описывает слово *слух* (точнее, лексему *слух 2* в интересующем нас значении²) через 'молву', а слова *сплетня* и *молва* через 'слух'; ср.: *молва* 'слухи, толки', *слух 2* 'молва, известие о ком-/чем-н., обычно еще ничем не подтвержденное', *сплетня* 'слух о ком-/чем-н., основанный на неточных или заведомо неверных сведениях'.

В [БАС 1948–1956] у слова *сплетня* выделяется еще одно значение, а в остальном семантическое описание слов из нашего синонимического ряда мало чем отличается от приводимого выше: *молва* толкуется как 'слух, весть, толки в народе, обществе о ком-, чем-либо', *слух 2* — как 'молва, толки' (с пометой «чаще мн.»), *сплетня 1* — как 'слух, известие о ком-, чем-либо, основанное на неточных или заведомо неверных, ложных сведениях', а *сплетня 2* — как 'распространение таких слухов, известий'.

В [СУш 1935–1940] *молва* определяется как 'мнение общества о чем-нибудь, общественная оценка чего-нибудь', *слух 3* — это 'известие, сообщение о чем-нибудь прошедшем или предстоящем, нуждающимся в проверке', а *сплетня* уже толкуется через 'слух', а именно, *сплетня* — это 'недоброжелательный или порочащий слух о ком-нибудь, распространяемый на основании неверных, неточных и измышленных сведений'. Обратим внимание на то, что, по данным этого словаря, слова *молва* и *слух/сплетня* принадлежат к разным семантическим типам, поскольку первое обозначает мнение, т. е. акт мысли, а два других являются именами сообщений, т. е. представляют речевые акты. *Молву* и *слух*

² Другие значения того же слова, такие как, например, *слух 1* 'способность человека слышать' или *слух 2* 'способность воспринимать и воспроизводить музыкальную мелодию', мы здесь не рассматриваем.

объединяет внутри словаря то, что оба они относятся к чему-то, т. е. к какому-то событию, выражая, соответственно, оценку события и сообщение о нем, в то время как *сплетня* — это сообщение о ком-то, о каком-то человеке.

Наконец, в сравнительно недавно появившемся словаре В. В. Лопатина [ТСРЯ 1999] слово *молва* просто приравнивается по смыслу к слову *слух*, т. е. *молва* — это 'слухи, толки', а *слух* предстает как 'известие о ком-/чем-л., обычно еще ничем не подтвержденное'. Смысл слова *сплетня* представлен в этом словаре как 'слух (о ком-/чем-л.), основанный на неточных или заведомо неверных сведениях'.

Хотя недостатки толкований интересующих нас слов очевидны, нельзя не отметить и их достоинства. Все рассмотренные словари совершенно правильно выделили слово *слух* в качестве доминанты синонимического ряда и верно указали очень многие из свойств лексических единиц, составляющих данный ряд. Среди них, например, «недостоверность, неточность или заведомая лживость сообщаемой информации», «негативная оценка» и «выделение процессного значения» (для *сплетни*); «представление о слухе как сообщении, истинность которого нуждается в проверке и подтверждении», «народ и общество как пространство, в котором циркулируют слух и молва», «социальный характер» (для *молвы* и *слуха*).

§4. Смысловой инвариант

Смысловым инвариантом рассматриваемого ряда лексем (все эти слова берутся нами только в значении названий речевых актов) является следующий текст: '(1) распространяемое в обществе от одних людей к другим устное сообщение, содержащее информацию о каком-либо объекте или актуальном событии; (2) это сообщение имеет цель изменить состояние общества и вызвать более тесное социальное и коммуникативное взаимодействие людей; (3) эту информацию люди считают для себя важной, но неожиданной и недостоверной и поэтому нуждающейся в подтверждении ее истинности; (4) между тем эта информация ничем не подтверждена (= 'не существует ничего, кроме слов сообщения, что говорило бы о ее истинности или соответствии фактам') и поэтому сомнительная'.

Прокомментируем это толкование.

1. *Сообщение* — это то, что сообщается, а *сообщать* — это передавать адресату информацию о событиях и объектах, которые, по мнению субъекта речи, тому неизвестны, или, как предлагает толковать этот глагол М. Я. Гловинская [Гловинская 1993], *X со-*

общает $Y P o Z-e =$ '(1) X имеет информацию P о Z-e; (2) X предполагает, что Y не имеет этой информации; (3) X говорит Y-у, что P; (4) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y имел информацию P'. Таким образом, все слова из нашего синонимического ряда могут обозначать только информативные высказывания, т. е. включают в себя обязательный смысловой компонент — вербальность.

2. В определение пересекающейся части значений слов из описываемого ряда включен семантический элемент 'подтвердить'. В свою очередь, в смысловое представление лексемы *подтвердить* 1 входит отсылка к чужим словам; иными словами, *подтвердить* можно лишь высказывания другого, «чужого» лица (говорящий, который считается человеком, знающим правду, сообщает об истинности чужих слов). Таким образом, в значение всех рассматриваемых слов вводится элемент отсылки к еще одному субъекту, который может дать оценку истинности сообщения и которому для этого надо быть «над ситуацией»; этот субъект должен обладать определенными знаниями, авторитетом или властью, чтобы подтвердить или опровергнуть сообщение.

3. Все толкуемые нами синонимичные лексемы характеризуют содержание речевого акта (с точки зрения его соответствия истине), а не само действие — его произнесение. Хотя говорящий своим высказыванием обычно всегда преследует какие-то цели, у пущенных слухов, молвы или сплетен эта цель является вполне определенной, и потому мы решили включить целевой компонент непосредственно в определение смыслового инварианта.

Цель слухов, молвы и сплетен состоит в изменении состояния отдельных людей и общества в целом. Сплетни, слухи и молва возникают и распространяются людьми в надежде изменить общественное настроение, установить и упорядочить отношения с другими людьми, найти с ними контакт или наладить коммуникативное взаимодействие, улучшить или укрепить свой социальный статус или престиж, оказать косвенное воздействие на существующее в обществе положение дел. Часто при этом субъект — источник или распространитель слуха, молвы или сплетни — не бескорыстен: он хочет получить для себя какую-то выгоду. Манипулируя адресатом, он стремится обеспечить для себя контроль над ситуацией или доминантную позицию, хочет услышать от адресата благоприятное мнение по поводу сообщенной ему информации, узнать у него тоже что-нибудь «интересное» или, наконец, своим сообщением просто «всколыхнуть» человека или общество, вызывая в нем социальное брожение, и от этого получить удовольствие.

4. Об устной форме передачи информации, характерной для рассматриваемых речевых актов, уже говорилось. Здесь добавим только, что, помимо запрета на сочетаемость типа **записать молву*, ??*прочитать слух*, **написать слух*, ??*прочитать сплетню* (например, фраза *Прочитав где-то сплетню, что автор «Трех мушкетеров» писал свои многочисленные романы не один, а занимал несколько талантливых литературных поделщиков...* из повести В. П. Катаева «Алмазный мой венец», не кажется нам вполне удачной), об их исконно устной форме свидетельствует также следующий факт: слово *слух* в своем исходном значении является не только формальным, но и смысловым дериватом глагола *слушать*, а для слова *молва* характерна семантическая и формальная связь с глаголом *молвить*, и при этом глаголы *слушать* и *молвить* несомненно относятся к сфере устной речи.

§5. Сходства и различия синонимов

Опишем теперь содержательные (смысловые и концептуальные) сходства и различия между словами *слух*, *молва* и *сплетня* и обозначаемыми ими речевыми актами.

Синонимы различаются следующими признаками:

А. По характеристике актантов:

1) наличие и тип субъекта-источника и субъекта-распространителя (у *молвы* — субъект-источник коллективный, 'народ', а субъекта-распространителя нет; у *слуха* — источником может быть и индивидуум, и коллектив, т. е. 'народ', а распространители слухов всегда индивидуализированы, у *сплетни* — как источником, так и распространителем является отдельный человек);

2) наличие и тип адресата (для *молвы* и *слуха* — это 'общество', некий социум, для *сплетни* адресат — конкретное лицо или группа лиц);

Б. По характеристике речевых актов.

Б1. Внутренняя характеристика:

1) выделенность фазы процесса коммуникации (*молва* соотносится с фазой говорения, *слух* — с получением и восприятием услышанной информации, а *сплетня* — с тканью повествования, т. е. с самим коммуникативным актом);

2) соотношение с истинностью/достоверностью информации, передаваемой в речевом акте (*сплетня* — это внешне правдоподобная, но часто намеренно искажаемая, ложная информация, *слух* — это правдоподобная информация, нуждающаяся в подтверждении, *молва* указывает на изначально достоверную информацию, которой склонны верить большинство членов общества);

3) содержание передаваемой информации (*сплетня* обычно затрагивает личные и интимные детали частной жизни отдельного человека или некоторой группы лиц, содержанием *слуха* и *молвы* является как частная, так и общественная жизнь людей);

4) степень объективизации и интимности речевого акта (*сплетня* — более субъективный и интимный акт, *слух* занимает нейтральное положение на шкале, а *молва* — наименее субъективный и в наименьшей степени интимный акт);

5) субъективная оценка передаваемой в речевом акте информации (*молва* тяготеет к положительной оценке человека или события, которые являются предметом молвы, *сплетня* содержит отрицательную оценку предмета сплетни, а *слух* может оцениваться и положительно, и нейтрально, и отрицательно).

Б2. Внешняя характеристика:

1) процесс создания речевого акта (*сплетня* предполагает заранее спланированные передачу <ложной> информации или сознательное искажение истинной информации, *слух* может допускать такое планирование, а *молве* такое намерение со стороны субъекта-источника не присуще);

2) мотивы/цели создания и распространения речевого акта (для *сплетни* цели обычно негативные — ввести в заблуждение адресата, оклеветать третье лицо, испортить отношения между людьми и пр., цели *слуха* могут быть негативными, позитивными и нейтральными, к *молве* данный признак очевидным образом не применим);

3) область распространения речевого акта (*сплетня* предполагает ограниченную локализацию, *слух* может распространяться как на большом, так и малом пространстве, а *молва* предполагает значительную область распространения);

4) характер распространения речевого акта (*молва* не предполагает изменения первоначально содержащейся в ней информации при переходе от одного субъекта-распространителя к другому, а содержание *сплетни* и *слуха* на пути их распространения, вообще говоря, меняется);

5) местоположение субъекта-источника и расстояние между ним и областью распространения речевого акта (источник *молвы* находится вне области распространения на довольно значительном от нее расстоянии; источник *слуха* может быть как вне, так и внутри области распространения, а источник *сплетни* всегда находится внутри области ее распространения);

6) метафорические ассоциации (*молва* ассоциируется с бурным потоком, лавиной, широкой, мощной волной; *слухи* — со снежным комом).

Остановимся более подробно на выделенных признаках и прокомментируем языковое поведение рассматриваемых синонимов.

А. 1. Как уже говорилось, все три лексемы являются именами речевых актов с множественными субъектами (и, вообще говоря, с множественными адресатами, см. об этом ниже), причем семантические роли субъектов этих актов могут быть двоякими. Выше было предложено отличать субъект-источник от субъекта-распространителя. У каждого из описываемых речевых актов есть свой источник. У *молвы* он всегда коллективный и всегда определенный, условно названный нами 'народ' (в отличие, кстати, от глагола *молвить*, у которого субъект — конкретное лицо). *Молва* — это 'то, что все говорят'. Собирательное существительное *молва*, в противоположность *слухам* и *сплетням*, не имеет формы множественного числа.

Доказательством известности и определенности субъекта-источника для речевого акта молвы может служить неправильность сочетаний типа **Петина молва*, **его молва* при правильных *его сплетни*, *пущенные им слухи*, а также фраз **От кого идет* (или: *исходит*) *эта молва?*, **Кто пустил эту молву?* при абсолютно корректных фразах *От кого исходит этот слух?*, *Кто пустил эту сплетню?*. Сама *молва* поэтому может выступать субъектом-источником информации, ср.:

- (1) Наконец, в последнее время, когда белые стали наседать с севера и положение было признано угрожающим, на Стрельникова возложили новые задачи, непосредственно военные, стратегические и оперативные. Результаты его вмешательства не замедлили сказаться. Стрельников знал, что *молва давала* ему прозвище Расстрельникова. Он спокойно перешагнул через это, он ничего не боялся (Б. Л. Пастернак. «Доктор Живаго»);
- (2) Но когда и как все-таки определили первого? Ответов на этот вопрос *молва преподносила* немало. От более или менее правдоподобных («Он с первого взгляда понравился Королеву») до совершенно фантастических («Накануне старта положили спать трех кандидатов в космонавты, и у кого наутро оказался самый ровный пульс, тот и полетел») (М. Галлай. «Я думал — это давно забыто»).

Относительно *молвы* можно добавить, что обычно это *народная, людская молва* (хотя, например, в Ветхом Завете в Чис 13:

32–33 и Вт 22: 13–14 можно встретить, соответственно, выражения *те, которые ходили с ним... распускали худую молву* и *Если кто возьмет жену... и пустит о ней худую молву...*, которые сегодня воспринимаются как не характерные для повседневной бытовой речи). В словаре пословиц В. И. Даля [СД 1957] приводятся следующие речения *Ветром море колышет, молвою — народ; Молва (а также слух, речи) не по лесу ходят, по людям; Молва людская, что волна морская. Молва*, таким образом, и в народной культуре (фольклоре) принадлежит людям; она живет в людях и распространяется среди людей.

Субъектом-источником *сплетни* является конкретное лицо, а источник *слуха* может быть неопределенным: им может быть как конкретное лицо, так и коллектив лиц. Примеры (3)–(5) иллюстрируют употребления слова *сплетня*, в которых источником является конкретное лицо (*я, они, друзья большевиков*). Пример (6) демонстрирует ситуацию, когда имя *слух* употреблено в неопределенно-личной конструкции (предполагаемый субъект — ‘источник слухов’). В примере (7) слух исходит от неизвестного субъекта-источника (*кто-то*). В примерах (8) и (9) в качестве источника слуха выступает конкретный человек, а в примере (10) — множество лиц:

- (3) Один раз *я распустил сплетню*, что Петровна совсем плоха. Так пришлось взять свои слова обратно, ибо Петровна настояла, чтоб я при другой старушке опроверг домыслы. И показала ей язык. Я плюнул и не стал принимать в их смерти большого участия. Но знаю — момент придет сам собой (Ю. Мамлеев. «Избранное. Центральный цикл: Дневник молодого человека»);
- (4) *Они распустили* о нем такие *сплетни*, что он молил бога о скорейшем окончании учебного сезона, лишь бы выбраться живьем отсюда (Шолом-Алейхем. «С ярмарки»);
- (5) Вернувшись к себе домой... я был сильно удивлен, когда услышал от моих симпатичных хозяев вопрос — правда ли, что завтра штаб уходит и город будет сдан большевикам? Полагая, что это — очередная *сплетня, пущенная друзьями большевиков* с провокационной целью, я стал категорически отрицать, утверждая, что если бы эти сведения хотя немного соответствовали истине, то я, находясь в штабе, наверное бы знал обо всем скорее, чем они (И. А. Поляков. «Донские казаки в борьбе с большевиками»);
- (6) В 34-м году молодой рабочий поэт, обласканный самим Бабелем, заметил по поводу убийства Кирова: — Теперь пойдут аресты и, наверно, пострадает много невинных людей. Этого оказалось достаточно. Ярославу дали три года. И немедленно *распустили слух*, будто по-

- сажен он за то, что стрелял в портрет Кирова (В. С. Фрид. «58 с половиной, или Записки лагерного придурка»);
- (7) Так, обо мне *кто-то пустил слух*, что я — жена Пятакова, и мне трудно было разубеждать людей в этом (Е. С. Гинзбург. «Крутой маршрут»);
- (8) А время идет и этому аферисту чины кладет на плечи. Был старший лейтенант, а теперь майор. И я уверен, что *слух* о том, что у меня два сердца, *он пустил*. Чтобы перед кем-то оправдать себя за неудачное покушение (Ф. А. Искандер. «Сандро из Чегема»);
- (9) Однажды накануне пасхи *он* [Шимеле] откуда-то явился и *пустил слух*, что уезжает из Воронки. Куда? О, далеко! Очень далеко! В самую Одессу! (Шолом-Алейхем. «С ярмарки»);
- (10) — Надобно знать, что *яицкие бунтовщики*, в опровержение общей молвы, *распустили слух*, что между ими действительно находился некто Пугачев, но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет (А. С. Пушкин. «История Пугачева»).

Распространителями слухов и сплетен выступают конкретные лица (примеры (11)–(15)), хотя и не всегда известные (пример (16)). Молва, а также слух и сплетня могут распространяться как бы сами по себе, независимо от воли какого-то конкретного лица или группы лиц (примеры (17)–(22)):

- (11) *Пильн[як]* ненавидит, но и *распространяет* обо мне самые мрачные *слухи*, так что у меня с ним не может быть никаких дел кроме членовредительских (И. Г. Эренбург. «Письма к Елизавете Полонской»);
- (12) Они друзья с домовою прислугой — *она выкладывает* им все *сплетни* про своих хозяев... Они знают все новости и всю подноготную своих клиентов и умеют учесть, что кому рассказать можно, с кем и как себя вести (В. А. Гиляровский. «Москва и москвичи»);
- (13) Он покачал головой и ничего не сказал. Омлет был готов. Он потыкал вилкой, отставил. Свекровь опять зашла на кухню, прислушивалась к каждому слову, и *Ольга Васильевна* стала нарочно *рассказывать* ему какую-то чепуховую *сплетню*, услышанную на работе (Ю. В. Трифонов. «Другая жизнь»);
- (14) Также за неделю до наступления специально подобранные *офицеры и женщины-военнослужащие* по единому согласованному плану *займутся распространением* среди местного населения ложных *слухов* о сосредоточении войск и предстоящих действиях (В. О. Богомолов. «Момент истины (в августе сорок четвертого...)»);

- (15) Часто, кроме старых *бабок, шамкающих сплетни*, и детей, играющих в прятки, мы находили в церквях кошек, собак, даже кур. Мы видели немало любопытных церемоний (И. Г. Эренбург. «Необычайные похождения Хулио Хуренито»);
- (16) А наивный Хрущев... топал ногами и кричал на художников и поэтов, при этом делал страшные гримасы, дескать, не к вам это относится, а к номенклатуре: вы не бойтесь, а только делайте вид, что испугались. Ничего себе — делайте вид! А тут еще *кто-то стал распространять слух*, что пять-шесть человек повесят. — Но не больше! — оптимистично добавлял он. — Хрущев покричит, потопает ногами, а потом пять-шесть интеллигентов повесит. — Кого именно? — пытались дознаться представители художественной интеллигенции у того, кто эту весть принес (Ф. А. Искандер. «Поэт»);
- (17) Постепенно *молва* о галилейском Наставнике и Учителе *распространилась* по всей округе. За Иисусом постоянно следовали толпы (Прот. А. Мень. «Сын Человеческий»);
- (18) Несколько дней появление Пугачева было тайною для оренбургских жителей; но *молва* о взятии крепостей вскоре *разошлась* по городу, а поспешное выступление Билова подтвердило справедливые слухи (А. С. Пушкин. «История Пугачева»);
- (19) ...очень скоро *молва* о чудесном монастырском хоре «самоваров» из Гориц, что на Шексне, *облетела* всю Мариинскую систему, и Василию к питерскому титулу прибавили новый, местный. Теперь он стал зваться Василием Петроградским и Горицким (Э. Кочергин. «Рассказы питерских островов»);
- (20) Хотя в то время ему было не больше четырнадцати, *ходили сплетни*, естественно, запущенные кем-то из прислуги, будто он связан с Фотини, одной из греческих служанок (Йен Воррес. «Последняя Великая Княгиня»);
- (21) Натурально, рояль закрыли на ключ, джаз разошелся, несколько журналистов уехали в свои редакции писать некрологи. Стало известно, что приехал из морга Желдыбин. Он поместился в кабинете покойного наверху, и тут же *прокатился слух*, что он и будет замещать Берлиоза (М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»);
- (22) — Ой, — сказал Аслан... Если я не женюсь, *пойдет сплетня*, что я не смог умыкнуть девушку... — В том-то и дело... согласился дядя Сандро. — Это запятнает мою честь, — сказал Аслан и снова оглядел свою белоснежную черкеску. — В том-то и дело, — снова согласился дядя Сандро (Ф. А. Искандер. «Сандро из Чегема»).

В русской культуре роль создателя, носителя и распространителя сплетен ассоциировалась (а иногда и сейчас ассоциируется) с

бабой или кумушкой (словом *кумушка* называют женщину, занимающуюся пересудами и сплетнями). При этом если замена слов *баба* и *кумушка* на нейтральное *женщина* раньше воспринималось как разрушение клише, то теперь, в современном языке, подобная замена допускается, но, конечно, не в устойчивых сочетаниях *бабы сплетни* или *досужие кумушки*. См.:

- (23) — Слушайте, по всем волжским городам тогда стояли тысячные очереди... — Какой-нибудь местный незавоз. А скорей всего вам изменяет память. — Да и сейчас не хватает! — *Бабы сплетни*. У нас 7–8 миллиардов пудов зерна (А. И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»);
- (24) Где утка (т. е. баба), тут и *смутка* (т. е. сплетня) [СД 1957];
- (25) Женщины восхищались ее нарядами, конечно, — не всегда искренно, но всегда очень громко, они завидовали ей, и, помню, одна из них печально сказала: — Мое платье вдвое дороже вашего и в десять раз хуже, — мне даже больно и обидно смотреть на вас. Конечно, женщины не любили ее, разумеется, сочиняли *сплетни* о нас (М. Горький. «О первой любви»);
- (26) А в то же время сколько нелестных отзывов, сколько совершенно ненужных донесений, основанных скорее на *базарных сплетнях*, чем на реальных данных, было послано ген. Эльснером в Екатеринодар, что, конечно, не умиротворяло, а только разжигало страсти (И. А. Поляков. «Донские казаки в борьбе с большевиками»). (Очевидно, что *базар* воспринималось как место, где обычно собираются женщины.)

С другой стороны, считалось (да и сейчас вообще-то считается), что настоящий мужчина не должен заниматься праздною болтовней и распусканием сплетен; ср.:

- (27) Про нее, про Верочку, все эти рыцари болтали без удержу. Друг другу, как бы невзначай (ведь знали, что я слышу). И неизменно вызывали во мне неприязнь — не к Верочке, нет, а к ним самим, рассказчикам. И правильно она делала, что почти всех их за мужчин не считала. Это там я уяснил: *сплетничающие мужчины* хуже самой грязной проститутки (Т. Вульфович. «Три главы про Матвея»).

Между тем как распространитель *сплетни*, как человек, пересказывающий *сплетню*, мужчина обычно в этой роли не оценивался отрицательно; ср.

- (28) — В декабрьскую стужу собрались в контору *бригадиры и десятичники* греться, рассказывали разные лагерные *сплетни*. Вошел Орачев-

ский, снял варезку и торжественно, осторожно высвободил оттуда на стол замершую, но живую оранжево-черную красавицу-бабочку: «Вот вам бабочка, пережившая 19-ти градусный мороз! Сидела на балке перекрытия». Все сошлись вокруг бабочки и замолчали (А. И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»).

И сегодня русский язык тоже легко отводит роль источника сплетни мужчине:

(29) = (3) Один раз я *распустил сплетню*, что Петровна совсем плоха. Так пришлось взять свои слова обратно, ибо Петровна настояла, чтоб я при другой старушке опроверг домыслы. И показала ей язык. Я плюнул и не стал принимать в их смерти большого участия. Но знаю — момент придет сам собой (Ю. Мамлеев. «Избранное. Центральный цикл: Дневник молодого человека»).

А. 2. Наиболее четко выраженный адресат у *сплетни*: им является всегда конкретное лицо или группа лиц. *Сплетня* всегда *рассказывается*, *выкладывается* или *передается* одному лицу или нескольким конкретным лицам, ср.:

(30) Я все думал, что женщины наконец поссорятся из-за моего брата. Этого не случилось. Наоборот, они становились все более дружными, как жены престарелого мусульманина. Боря *рассказывал [нам] сплетни* про киноактеров. Напевал блатные песенки (С. Д. Довлатов. «Чемодан»);

(31) = (12) Они друзья с домовою прислугой — она *выкладывает им все сплетни* про своих хозяев. Они знают все новости и всю подноготную своих клиентов и умеют учесть, что кому рассказать можно, с кем и как себя вести (В. А. Гиляровский. «Москва и москвичи»);

(32) Он ежедневно подтягивал князю морщины, прилаживал паричок на совершенно лысую голову и подклеивал волосок к волоску... Во время сеанса он тешил князя, болтая без умолку обо всем, *передавая [князю] все столичные сплетни*, и в то же время успевал проводить разные крупные дела, почему и слыл влиятельным человеком в Москве (В. А. Гиляровский. «Москва и москвичи»).

Человек, *запускающий* или *пускающий* некий слух, несомненно, хочет, чтобы этот слух получил распространение в обществе, а потому субъект-источник слуха предполагает, что будет много людей, до которых *слух дойдет* или *докатится*. Указанное обстоятельство напрямую связано с внутренним содержанием

и функцией слуха, а также с его социальным назначением (см. об этом ниже). Между тем у субъекта-распространителя слуха адресатом может быть как одно лицо (пример (33)), так и группа лиц (пример (34)):

- (33) *Слух об апельсинах уже докатился до Петрова* (В. П. Аксенов. «Апельсины из Марокко»);
- (34) На фронте Настя встретила полотера, и болтливый этот человек рассказал бойцам из своей части о девушке северянке, ищущей на фронте любимого человека. *Слух об этой девушке... переходил из части в часть, с одной батареи на другую*. Его разносили мотоциклисты, водители машин, санитары, связисты... *Слух о Насте дошел и до береговой батареи, где служил Балашов* (К. Г. Паустовский. «Кружевница Настя»).

Адресат молвы — это обычно большое множество лиц, ср. пример (18), хотя она может дойти и до одного лица:

- (35) *Соседка, слышала ль ты добрую молву? — / Вбежавши, Крысе Мышь сказала, — / Ведь кошка, говорят, попала в когти льву? / Вот отдохнуть и нам пора настала* (И. А. Крылов. «Мышь и Крыса»).

Б. 1.1. Сама внутренняя форма описываемых слов-синонимов говорит о их тяготении к разным фрагментам разворачивающейся коммуникативной ситуации. *Молва* связана с фазой говорения и говорящим, *слух* — с фазой восприятия информации и со слушающим, а *сплетня*, формальное и семантическое производное глагола *плести*, — с формой текста, тканью повествования текста, т. е. с самим локутивным актом сообщения информации.

Сказанное объясняет некоторые специфические синтаксические свойства рассматриваемых слов. В частности, отсюда следует возможность образования для слова *сплетня* определительной конструкции с прилагательным, которое передает оценку внешней формы построенного текста. Речь идет, например, о выражении при слове *сплетня* эстетической оценки данного речевого акта, ср. сочетание *красивая сплетня*, оценки степени занимательности текста сплетни, ср. сочетание *забавная сплетня* (так, В. В. Набоков в «Даре» иронически характеризует «*отвлеченный и длинный анекдот из прошлого*» как «*предисловие к забавной сплетне*»), или оценки сложности внутренней организации сплетни и ее восприятия адресатом, ср. *витиеватая сплетня*, *запутанная сплетня*. По той же причине слову *сплетня* присуща

сочетаемость с глаголами создания текста (*сочинять*, *плести*, *придумывать*), которая для слова *слух* менее характерна, хотя все же и возможна, а для слова *молва* — совсем не допустима.

Вот как представляет себе процесс создания *сплетен* Л. К. Чуковская:

- (36) Я сказала, что, по-моему, *сплетни* нередко создаются так: всякий человек воспринимает из слов другого не то, что другой говорит, а только то, что он, слушающий, способен понять. Стараясь пересказать вашу мысль третьему лицу, даже стараясь добросовестно, он переводит вашу мысль на свой язык. Ведь не только иностранцы говорят «на разных языках», а и люди одной родины, одного языка, но разных поколений, разных социальных слоев, разного личного опыта. И вы, в пересказе собеседника, собственной своей мысли не узнаете... Другое словоупотребление делает и вашу мысль другой. Оттенок мысли, интонации. Наизусть же чужую речь редко кто способен запомнить. Так что *сплетни* иногда произрастают невинно (Л. К. Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой»).

Важный и сравнительно часто встречающийся в текстах круг употреблений слова *сплетня*, о котором мы говорим, демонстрируют следующие примеры:

- (37) Дважды — весной и осенью — соседки приходили большой компанией, чтобы помочь бабке по-настоящему прибраться в доме, покрасить-побелить, выскоблить-оттереть. После чего откупоривалась бутылка-другая красного вина, пелись протяжные песни и *плелись* свежие *сплетни* (Ю. Буйда. «Старуха Це-це»);
- (38) = (25) Женщины восхищались ее нарядами, конечно, — не всегда искренно, но всегда очень громко, они завидовали ей, и, помню, одна из них печально сказала: — Мое платье втрое дороже вашего и в десять раз хуже, — мне даже больно и обидно смотреть на вас. Конечно, женщины не любили ее, разумеется, *сочиняли сплетни* о нас (М. Горький. «О первой любви»);
- (39) Посмеиваясь, пытливо поглядывая на меня, он рассказал несколько *неплохо сделанных сплетен* обо мне (М. Горький. «В. Г. Короленко». Очерк).

Молва в представлении носителей языка уже существует как готовый текст, ранее уже созданный, и известно кем ('народом'), а потому о создании *молвы* нет смысла даже говорить. И потому это слово, как уже говорилось выше, не сочетается с глаголами

создания текста, ср. **создать* (**сочинить*, **произвести на свет* и под.) *молву*. Зато сам факт существования и распространения молвы отмечается в текстах довольно широко:

- (40) *Есть молва*, что отличались жестокостью пыток Ростов н/Д и Краснодар, но это не доказано (А. И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»);
- (41) *Ходила бойкая молва*, / Что несправедлив к нему закон / За тайну темную рождения, / И что другой судьбы права (В. Хлебников. «Сельская дружба»);
- (42) В то время как над маленькой общиной впервые нависла реальная угроза со стороны властей, проповедь Иисуса достигла наибольшего успеха... *Молва о Нем* «прошла по всей Сирии» (Прот. А. Мень. «Сын Человеческий»);
- (43) Вы ведь тоже были мне враг. Впереди вас *бежит молва*: неподкупный, глазастый, глубокий, непонятный (В. Д. Дудинцев. «Белые одежды»).

А вот о создании и возникновении слуха речь вестись может, поэтому, если судить по нашим материалам, сочетания типа *пускать слух*, *сочинять слух* или *слух возникает* хотя и редко, но встречаются, ср.:

- (44) *Кто-то пустил слух*, что диспетчер запил. Выдумке, конечно, не поверили. В семье что-то неладно, решили тогда в цехе. Но жившие в одном доме с Шелагиным утверждали обратное: в семье тишь и благодать, а если жена и приходит домой поздно, так это потому, что учится (А. А. Азольский. «Степан Сергеич»);
- (45) Случай подрывал его репутацию. Надо было любой ценой, пока не поздно, предупредить, пресечь сплетни, а если весть уже распространилась, замять, затушить *слухи при самом возникновении* (Б. Л. Пастернак. «Доктор Живаго»).

Смысловой акцент, если оставить в стороне раскрытие внутреннего содержания слуха ('в чем он состоит'), обычно делается на внешних характеристиках слуха. Подчеркивается скорость движения слуха, см. (46), время или пространство его распространения, см. (47), а также различные обстоятельства, касающиеся адресата слуха. В последнем случае, например, фиксируется тот факт, что слух до адресата дошел, как в (48), отмечается то, как именно было воспринято адресатом полученное сообщение, в частности, что адресат не верит в истинность сообщения, как в (49), указывается на увеличение числа реальных или потенциальных адресатов за счет роста интенсивности слуха или слухов, как в (50), и др.:

- (46) Тут лето наскочило, и *пронесся слух*, что Герасим Николаевич скончался (М. А. Булгаков. «Театральный роман»);
- (47) А в один прекрасный день вернулся в камеру с большой торбой, набитой яствами — даже фрукты там были! Это в военное-то время... *Слух* об этом происшествии *разнесся по всей тюрьме* (В. С. Фрид. «58 с половиной, или Записки лагерного придурка»);
- (48) А потому, в Москве, память не хотела держать в себе совхоз, и куда делся Ланкин, жив ли вообще — желания не было узнавать. Иногда, впрочем, *доходили слухи*: технолог на Павлодарском заводе, инженер на «Ташсельмаше» (А. А. Азольский. «Лопушок»);
- (49) Кто-то когда-то пустил слух, что дно в ней [канаве] — это вовсе и не дно, а обман, что за ним пустота, ведущая чуть ли не в преисподнюю, и слух этот помнили. Может быть, не очень и верили, но помнили (В. Г. Распутин. «Последний срок»);
- (50) Где-то я услышал, что Муся ездила в советское посольство. Просилась якобы домой. Сначала я, конечно, *не поверил*. Но *слухи* все усиливались (С. Д. Довлатов. «Иностранка»).

Б. 1.2. Что касается соотношения рассматриваемых речевых актов и обозначающих их слов с истинностью/ложностью передаваемой информации, то можно отметить следующее: *сплетня* часто, по крайней мере чаще, чем *слух*, содержит ложную, намеренно искажаемую информацию или информацию вымышленную, фантастическую; *слух* не включает в себя строго определенную оценку истинности исходной информации: он может заключать в себе как ложную, так и истинную информацию, а *молва* несет, как правило, истинную информацию.

Между тем и *сплетня*, и *слух* не должны выглядеть как ложные высказывания: они должны быть правдоподобны, т. е. внешне походить на правдивые сообщения, чтобы люди, которым сообщается данная информация, могли сразу принять ее, поверить ей хотя бы вначале. *Слух*, однако, в отличие от *бытовой сплетни*, обычно требует в дальнейшем проверки и подтверждения, поскольку содержит слишком важную, затрагивающую существенные моменты жизни людей и общества и вместе с тем неожиданную для адресата информацию, которая часто не соответствует его представлениям о действительности. См. предложения *Нам пришлось проверить информацию, содержащуюся в этом слухе*; *Слух подтвердился*, а также (51):

- (51) Нашлись и такие, что, желая *проверить слухи*, дошедшие из Капернаума, предложили Ему совершить какое-нибудь чудо (Прот. А. Мень. «Сын Человеческий»).

Молва — это результат речевых действий целого общества, 'народа' или очень большого числа людей. Поэтому в языке *молва* выступает всегда как носитель истинной информации, даже если она реально таковой не является. Истинность *молвы* основана на том, что *молва* — это то, что все говорят (ср. *Все говорят, что... = Идет молва, что*); она здесь как бы навязана адресату. В попытках опровергнуть *молву*, представив ее как ложь, люди могут распускать слухи или сплетни, ср.:

(52) = (10) Надобно знать, что яицкие бунтовщики, в опровержение общей *молвы*, *распустили слух*, что между ими действительно находился некто Пугачев, но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет (А. С. Пушкин. «История Пугачева»).

Слух — наиболее нейтральное слово из рассматриваемых синонимов в отношении к истинности. Искажение сообщений при передаче слуха может происходить из-за того, что субъект-распространитель сплетни, получив информацию из «чужих рук», либо ошибочно ее интерпретирует, либо при дальнейшей передаче добавляет к ней собственную информацию, чаще всего оценочного типа. Однако распространитель слуха может также намеренно и осознанно трансформировать исходное сообщение, превращая его в ложное. *Слухи* обладают свойством *обрастать подробностями*, их можно характеризовать как *правдивые, верные* или *ложные, нехорошие, недостоверные*. Ср. абсолютно нормальные предложения:

(53) Также за неделю до наступления специально подобранные офицеры и женщины-военнослужащие по единому согласованному плану займутся распространением среди местного населения *ложных слухов* о сосредоточении войск и предстоящих действиях (В. О. Богомолов. «Момент истины (в августе сорок четвертого...)»);

(54) Я распространил по городу *нехороший слух*. Вам этот слух доподлинно известен. Я говорил всякому: «Жена моя Алена находится в сожительстве с нашим полицмейстером Иваном Алексеичем Залихватским». Этих слов было достаточно. Ни один человек не осмеливался ухаживать за Аленой, ибо боялся полицмейстерского гнева (А. П. Чехов. «В почтовом отделении»).

(55) И вдруг — исчез Ткач навсегда. И пронесся по лагерю *слух* (проверить точно мы его не могли, но такие *упорные слухи* обычно *верны*), что он разоблачен как фашистский палач с оккупированной территории, арестован и получил [четвертную]. Это было в 1952 году (А. И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»),

а также неправильные сочетания **истинная* (или: *ложная*) *сплетня*, **истинная* (или: *ложная*) *молва*. *Ложные слухи* сближаются со *сплетнями*.

Сплетня — это сообщение, оцениваемое многими (но не всеми!) как ложное, как сознательно искажающее реальную картину или как нечто вымышленное, почти фантастическое; см.:

- (56) — Неужели ты ничего не слышал? — Слышал, — сказал Данилов. — Случайно и совсем недавно. Но это были сведения невнятные и, возможно, *отдаленные от истины*. Может, это просто *сплетня* (В. В. Орлов. «Альтист Данилов»);
- (57) Интересно, что подлые завистники Марата сам этот его античный подвиг попытались объяснить в духе своей *старой сплетни* о связи Зейнаб с удавом. Они говорили, что Марат, якобы неожиданно придя в номер, застал Зейнаб, возлежащей на диване в объятиях удава. Увидев такое, Марат якобы вскочил на диван и, выхватив свой кинжал из ножен, стал полосовать разнеженного, совершенно неподготовленного к борьбе удава (Ф. А. Искандер. «Сандро из Чегема»);
- (58) Ахматова, в шутку говорившая, что напишет книгу о *сплетне* с эпиграфом «Ничто так не похоже на правду, как неправда», но имевшая при этом в виду сплетню не только как *клевету*, а и как — по определению Анненского — «реальный *субстрат фантастического*», в «Поэме без героя» передала «петербургскую историю» с поправкой на «петербургскую молву» о ней. Или, если угодно, с поправкой на ход времени, который неизбежно превратит всякую историю, в том числе и Историю с большой буквы, в легенду (А. Г. Найман. «Поэма без героя»);
- (59) Я до сих пор отмахиваюсь руками и ногами от всевозможных *сплетен*, которые вокруг меня распространяются, как облака пыли, и постоянно нахожусь под огнем всех этих разговоров. Несколько раз я уже похоронен, несколько раз «уехал», несколько раз отсидел, причем такие сроки, что еще лет сто надо прожить. Какие-то страшные казни мне придумывали (В. С. Высоцкий. «У меня все время идет борьба с магнитофонщиками»).

Б. 1.3. Различаются синонимы и по содержанию передаваемой информации. *Сплетня* представляет собой сравнительно краткий рассказ об эпизодах из частной жизни других людей, известных обоим собеседникам и входящих в их личную сферу. Она обычно концентрируется вокруг лиц ближайшего круга — родственников, друзей, знакомых, соседей, сослуживцев — или известных людей — киноактеров, писателей, ученых, спортсме-

нов, политиков и пр. *Сплетня* рассчитана на эффект неожиданности и занимательности, а потому в центре ее внимания обычно оказываются яркие личные и интимные детали частной жизни третьего лица или группы лиц: неизвестные биографические подробности, скрытые черты характера, бытовые события, эпизоды жизни, например любовные приключения, неординарные поступки, необычные истории.

Рассказывая сплетню, субъект, будь то источник или распространитель сплетни, обычно незаконным образом вторгается в личную жизнь героя своего повествования, сообщая сведения, не подлежащие распространению, а адресат, как правило, готов слушать и принять к сведению то, что ему рассказывают. Ср.:

- (60) В качестве причины, почему она не хочет бывать в обществе, она представляла давнишнюю ссору с одной своей *приятельницей*, которая, чтобы отомстить ей, стала распускать о ней *сплетни* (М. Пруст. «По направлению к Свану»);
- (61) Они [Меламеды] забросали его грязью с головы до ног. Послушать их, так это был уголовный преступник, вор, убийца — все, что есть самого худшего на свете. Они распустили о нем такие *сплетни*, что он молил бога о скорейшем окончании учебного сезона, лишь бы выбраться живьем отсюда (Шолом-Алейхем. «С ярмарки»);
- (62) «Прихожу в гости, — рассказывала мне одна дама о знакомстве с Довлатовым, — а там много опасных кавказцев. И ботинки в прихожей — каждый на две ноги!» Не исключено, что Сергей эту историю сам придумал и сам внедрил в местный фольклор. Он любил предупреждать дурные *слухи о себе*, облагораживая их за счет формы, но не содержания (А. А. Генис. «Довлатов и окрестности»);
- (63) В скученных человеческих популяциях жизнь оживляется тем, что все друг про друга все знают. Ведь *сплетня* — это роман, который пишется на твоих глазах, и ты имеешь возможность быть его соавтором или персонажем (Е. А. Попов. «Подлинная история „Зеленых музыкантов“»).

Содержанием *молвы* и *слуха* является социальная или частная жизнь человека или его окружения. См. (64)–(67):

- (64) И вот по просьбе Рыбакова его принял на Старой площади секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Яковлев, второй после Горбачева человек в партии, о котором шла *молва*, что он инициатор и теоретик перестройки (С. И. Липкин. «Собственная жизнь — это клад»);

- (65) Свое название Атамановка получила от другого, еще более громкого и пугающего — от Разбойниково. Когда-то в старые годы здешние мужички не брезговали одним тихим и прибыльным промыслом: проверяли идущих с Лены золотишников... В самом узком месте возле речки отчаянные головы и караулили ленских старателей — слава такая о деревне держалась прочно. От устной молвы название «Разбойниково» перекочевало в бумаги, но еще до советской власти кому-то в волости оно показалось неприличным, и его заменили «Атамановкой» (В. Г. Распутин. «Живи и помни»);
- (66) Прошел *слух*, что механик внезапно заболел сыпным тифом (М. А. Булгаков. «Белая гвардия»);
- (67) Там интриги — у всех свои кандидаты. Там, говорят, дают взятки, но я не уверен. Это *слухи*. Я не знаю, кто берет, сколько и когда нужно дать (С. Юрский. «Сеюки»).

Б. 1.4. Относительно степени объективизации и интимности содержания описываемых речевых актов можно сказать следующее. Из рассматриваемых нами слов-синонимов *сплетня* — благодаря своему содержанию — предстает как наиболее субъективный и интимный речевой акт, *слух* занимает в этом отношении нейтральное положение на шкале, а *молва*, в силу истинности содержащейся в ней информации, отображается языком как носитель наименее интимной и наиболее объективной информации.

В примере (68) слово *слух* преподносится как носитель объективного содержания, между тем как в примере (69) *слух* представляет субъективную информацию. Примеры (70) и (71) иллюстрируют сформулированный выше тезис применительно, соответственно, к словам *сплетня* и *молва*:

- (68) Не знаю, верить ли деревенским *сплетням*, но говорят, Федя-баночка наладил у себя производство спирта из краденого сахара и гонит его в лесу возле деревни Гробовщина (О. Ларин. «Блудное лето»);
- (69) Сейчас я расскажу про знаменитые огурцы Сандро. На следующий год Сандро взялся возле своего дома выращивать для колхоза огурцы. И он получил неслыханный урожай огурцов. Сколько ни шарили в кустах колхозники, проходившие мимо его бахчи, огурцов оставалась тьма-тьмуцкая. *Слух* об этих огурцах прошел по всему району... (Ф. А. Искандер. «Сандро из Чегема»);
- (70) Однако в изображении автора книги «Время нашей доброты» получается, что классовой борьбы в молдавской деревне по существу не было, а советские органы преднамеренно создавали обстановку необоснованной подозрительности, распускали панические слухи, раз-

жигали страх среди населения (Ион Друцэ. «О мужестве и достоинстве человека»);

- (71) = (1) Наконец, в последнее время, когда белые стали наседать с севера и положение было признано угрожающим, на Стрельникова возложили новые задачи, непосредственно военные, стратегические и оперативные. Результаты его вмешательства не замедлили сказаться. Стрельников знал, что *молва* давала ему прозвище Расстрельникова. Он спокойно перешагнул через это, он ничего не боялся (Б. Л. Пастернак. «Доктор Живаго»).

О характере передаваемой информации свидетельствует также атрибутивная сочетаемость рассматриваемых слов. Слово *молва* способно довольно легко присоединять к себе прилагательные объективной или общей оценки, такие как *дальновидная, благотворительная, добрая, злая, бойкая, пугливая, настойчивая* и под., а сочетаемость этого слова с прилагательными субъективной оценки затруднена или вообще невозможна, ср. **скандальная молва, *гадкая молва, *подлая молва, *приятная молва, *кошмарная молва, *злостная молва, *чепуховая молва, *безобразная молва, *нелепая молва, *злободневная молва*. В то же время слова *слух* и особенно *сплетня* с такими прилагательными вполне сочетаются, ср. *скандальный слух, нелепый слух, безобразный слух, панический слух; гадкая сплетня, гнусная сплетня, злостная сплетня, зловонная сплетня, дрянная сплетня, чепуховая сплетня*.

Б. 1.5. Относительно субъективной оценки информации, которая передается в рассматриваемых нами речевых актах можно утверждать, что *молва* тяготеет к положительной оценке человека или события, которые являются предметом сообщения, *сплетня* содержит отрицательную оценку предмета сплетни, а *слух* может передавать как ту, так и другую оценки, а также нейтральную оценку (ср., впрочем, текст (76), автор которого с нами не согласен):

- (72) Король с королевой благословили счастливую пару, одарили ее богатыми подарками и отправили в путь... А спустя еще месяц принц Шарль уже въезжал с невестой в столицу своих предков. Известно уже давно, что добрая *молва* опережает самых быстрых лошадей. Все население великого города Парижа вышло навстречу наследному принцу, которого все любили за доброту, простоту и щедрость (А. И. Куприн. «Синяя звезда»);
- (73) Время от времени в нашу камеру попадал кто-то прямо после суда. К таким сразу кидались, выпрашивали новости: что там на фронте?

Что вообще слышать? Шел май 1945-го, ясно было, что война вот-вот кончится. Всей камерой обсуждали настойчивый *слух*: Сталин сказал, вот окончится война и будет амнистия, которая удивит мир. *Слух* этот сбился, и амнистия сорок пятого года действительно удивила мир: уголовников повыпускали, пятьдесят восьмую оставили в лагерях. Между прочим, эта параша широко ходила по лагерям, каждый год возникая в той же редакции (В. С. Фрид. «58 с половиной, или Записки лагерного придурка»);

(74) Она, как мы думаем, просто скучающая молодая женщина. Она приехала из Индии с братом и приятелем брата; один — журналист, другой, кажется, археолог. Вы знаете, что представляет дворец Ганнувера. О нем пошел далеко *слух*, и эти люди явились взглянуть на чудо архитектуры (А. С. Грин. «Золотая цепь»);

(75) К этому времени я уже не нуждался в каком-либо надзоре, учебной же помощи он не мог мне оказать никакой, ибо был безнадежный неуч... Все, что от него я получил (кроме кастета), были рассказы, которыми я сначала заслушивался, о его похождениях с женщинами — рассказы, вскоре сменившиеся неприличными *сплетнями* о нашей семье: он их добывал у одной моложавой нашей родственницы, на которой впоследствии женился (В. В. Набоков. «Другие берега»);

(76) Мне говорят: «Но ведь бывают и хорошие слухи!» Я думаю: «Нет. Если хорошие — это сведения, сообщения или сюрпризы. *Слухи* и *сплетни* бывают только *плохие*, только чтобы гадость сказать». Раньше меня часто спрашивали в письмах: «Сколько лет вы сидели?» Наверное, многие люди, услышав мои уличные песни и разные под них подделки, считали, что родился я в лагере и долго там жил, что здесь вот у меня — нож, вот тут — струйка крови, гитара сбоку растет и вообще — это «громадный, рыжего цвета человек». Сейчас вроде этот *слух* прошел: поняли, что не сидел, или, во всяком случае, немного. Многие *сплетни* и разговоры кончились, когда я начал работать в Театре на Таганке, но иногда я такого про себя наслушаюсь, что уши вянут (В. С. Высоцкий. «У меня все время идет борьба с магнитофонщиками»).

Ср. также:

(77) И поют друг другу — шепотом ли, в крик ли / — *Слух дурной* всегда звучит в устах кликуш. / А к *хорошим слухам* люди не привыкли, / Говорят, что это выдумки и чушь (В. С. Высоцкий. «О слухах»).

Б. 2.1. В процессе создания речевого акта *сплетни* субъект-источник и субъект-распространитель заранее предполагают передачу адресату ложной или вымышленной информации: в их

намерение входит искажение истины. *Слух* только допускает такое искажение, а у *молвы* подобное намерение со стороны субъекта-источника обычно отсутствует: распространение *молвы* не предполагает сознательного искажения информации.

Б. 2.2. Что касается целей и мотивов создания и распространения *слуха*, то к ним относятся, например, формирование коллективного, хотя и необязательно единого, мнения о сложившейся ситуации или каких-то ее аспектах, выявление общего отношения к какой-либо общественной проблеме, а иногда и определение некой программы возможных коллективных действий, выработанной на основе этого мнения и отношения. Даже в тех случаях, когда содержанием слуха являются интимные подробности жизни какого-то человека или когда в нем описываются события, носящие на первый взгляд сугубо частный характер, это делается обычно с целью подчеркнуть (или: указать на) те изменения в обществе или в социальной группе, в которую включено данное лицо.

Мотивы для создания и распространения *сплетни* тоже могут быть разными, но их объединяет другое: желание рассказывающего сплетню получить для себя какую-то выгоду и повысить свой статус за счет принижения героя повествования, появившейся возможности обсудить его поведение и посмеяться над ним, обретения (в лице адресата) союзника и единомышленника, установления с адресатом новых отношений и пр.

Наиболее частыми общими целями для *слуха* и для *сплетни* являются следующие (со всеми теми указанными выше смысловыми и прагматическими отличительными оттенками, которые присущи этим словам): (а) оклеветать некоторого человека, скомпрометировать или унижить его (см. примеры (78)–(83)) и (б) оказать воздействие на адресата, например, чтобы тот, выслушав говорящего, сделал впоследствии нечто, что нужно говорящему или какому-то третьему лицу, за которого субъект ходатайствует, или чтобы тот начал думать так, как хочет говорящий (скажем, говорящий пытается убедить адресата в том, что он сам или кто-то третий находится (или отсутствует) в некотором месте, притом, что говорящего (или этого третьего лица) там в действительности нет (или, наоборот, что он там есть), см. примеры (84)–(86):

(78) А мне родных жалко, потому и не могу убить его и уйти в лес, как наши предки. И я горю меж двух огней, но до конца не сгораю. А время идет и этому аферисту чины кладет на плечи. Был старший лей-

- тенант, а теперь майор. И я уверен, что *слух* о том, что у меня два сердца, он пустил. Чтобы перед кем-то оправдать себя за неудачное покушение (Ф. А. Искандер. «Сандро из Чегема»);
- (79) Каклюгин говорит следующее: «Эта литературная работа [„Ответ перед историей“] сопровождалась быстро распространившимися слухами о том, что М. П. Богаевский, будучи арестован, под угрозой смерти, сдал все свои позиции, которые защищал во время своей последней деятельности на Дону, покаялся в своих прегрешениях перед советской властью и признал советскую власть законной и подлинной народной властью, изъявив полную готовность подчиниться ей. Такой *слух* нужен был для успеха большевистского дела в среде казачества» (И. А. Поляков. «Донские казаки в борьбе с большевиками»);
- (80) = (11) Против Шолохова подбирались ложные материалы и распускались провокационные *слухи* с единственной целью его скомпрометировать (В. Шенталинский. «Охота в ревзаповеднике»);
- (81) Пильн[як] меня не только ненавидит, но и распространяет обо мне самые мрачные *слухи*, так что у меня с ним не может быть никаких дел кроме членовредительских (И. Г. Эренбург. «Письма к Елизавете Полонской. 1922–1966»);
- (82) = (60) В качестве причины, почему она не хочет бывать в обществе, она выставляла давнишнюю ссору с одной своей приятельницей, которая, чтобы отомстить ей, стала распускать о ней *сплетни* (М. Пруст. «По направлению к Свану»);
- (83) «Мой муж меня и так очень любит», говорила она, никогда не обращая внимания на *сплетни*. Ей постоянно жужжали в уши об его изменах, — кто знает, быть может, он и не был святым, — но ее это не затрагивало, ревность была не существовавшим для нее чувством (С. И. Аллилуева. «Двадцать писем к другу»);
- (84) Я нарочно распространил *слух*, что уехал, а сам остался еще на несколько дней, чтобы дать вам и Ларисе Федоровне время по-новому передумать затронутые нами вопросы, и по зрелом размышлении прийти, может быть, к менее опрометчивому решению (Б. Л. Пастернак. «Доктор Живаго»);
- (85) Распространяй по городу *слухи*, что я все еще нахожусь у одра теньки в Воронеже. Твой вечно муж Федя (И. А. Ильф и Е. П. Петров. «Двенадцать стульев»);
- (86) Вернувшись к себе домой (в это время я занимал комнату в частном доме у врача Х. на Ямской улице), я был сильно удивлен, когда услышал от моих симпатичных хозяев вопрос — правда ли, что завтра штаб уходит и город будет сдан большевикам? Полагая, что это — очередная *сплетня*, пущенная друзьями большевиков с провокационной целью, я стал категорически отрицать, утверждая, что если

бы эти сведения, хотя немного соответствовали истине, то я, находясь в штабе, наверное бы знал обо всем скорее, чем они (И. А. Поляков. «Донские казаки в борьбе с большевиками»).

Молву отличают позитивные цели — положительно охарактеризовать человека, животное или какой-то предмет, объективно описать существующее положение дел (пусть и не всегда очень приятное для героя повествования) для адекватного восприятия текущей ситуации и формирования к ней должного отношения, укрепить индивидуальные и общественные связи и под. См. примеры (87)–(90):

- (87) *Молва* о бегемоте достигла аравийских пустынь, где его образ был изменен и возвеличен. Жители Аравии превратили его из слона или гиппопотама в рыбу, плавающую в бездонном море (Х.-Л. Борхес. «Книга вымышленных существ». Пер. с исп. В. Кулагина-Ярцева);
- (88) Конец официальной карьеры великого Фрэнсиса Бэкона напоминает назидательную иллюстрацию к лживому изречению: «Злом добра не наживешь». Верховный судья государства, он был уличен во взяточничестве и заключен в тюрьму. Годы его лорд-канцлерства, ознаменованные казнями, раздачей пагубных монополий, противозаконными арестами, вынесением лицеприятных приговоров, относятся к самым темным и позорным страницам английской истории. Когда же он был изобличен в этих злодеяниях и во всем сознался, его всемирная известность гуманиста и философа способствовала тому, что *молва* об этом распространилась далеко за пределы государства (Б. Брехт. «Опыт». Пер. с нем. Э. Львова);
- (89) И вот последний из парадоксов Карсавина — здесь, в лагерной больнице, умирая от туберкулеза, он пережил мощный взрыв творчества, написал еще десяток сочинений: венок сонетов и цикл терцин, несколько теологических трактатов и медитаций. Отрезанный от внешнего мира колючей проволокой, сторожевыми собаками и винтовками охраны, он нашел прямой вертикальный путь в небо — для разговора с Богом. И записывал, и говорил вслух, что только в непосредственном общении с Богом человек из раба становится свободным. Пошла *молва* о лагерном мудреце, многие незнакомые ему люди приходили для беседы (В. Шенталинский. «Осколки Серебряного века»);
- (90) Давно вошедший в разряд лучших международных игроков, очень известный, цитируемый во всех шахматных учебниках, кандидат, среди пяти-шести других, на звание чемпиона мира, он [Лужин] этой *благожелательной молвой* был обязан ранним своим выступлениям, оставившим вокруг него какой-то смутный свет, венчик избранности, поволоку славы (В. В. Набоков. «Защита Лужина»).

Б. 2.3. Область распространения у *слухов*, *сплетен* и *молвы* тоже разная. *Сплетня* распространяется на малом, ограниченном, пространстве; чаще всего передается в разговоре с глазу на глаз. *Молва* предполагает значительную область распространения, а *слух* может существовать как на большом (ср. *Слухами земля полнится*), так и на малом пространстве. Разумеется, речь идет не о реальном, физическом, большом или малом пространстве, а о том, каким видит пространство говорящий, употребляющий данные слова, т. е. имеется в виду языковая концептуализация соответствующего пространства.

О характеристике размера пространства говорит, прежде всего, непосредственная или опосредованная сочетаемость в предложении слов-синонимов с другими словами, главным образом с дополнениями, обстоятельствами места и прилагательными. Ср. правильные сочетания *людская молвь* (*молва*), *мирская молва*, *народная молва*, *вселенский слух* (при аномальных **народная сплетня*, **мирская сплетня*). См также ниже следующие примеры (91)–(96):

- (91) Согласно древним документам, в то время *по Востоку* ходила *молва*, что именно оттуда придет Избавитель народов (Прот. А. Мень. «Рождество»);
- (92) Возликовала Высоко-Владычня обитель, и пошла *молва по всей округе*, и стали неистощимо притекать к Неупиваемой Чаше, многое множество: в болезнях и скорбях, в унынии и печали, в обидах ищущие утешения (И. С. Шмелев. «Неупиваемая Чаша»);
- (93) Тем временем уже *по всему залу* распространился *слух*, что, мол, только что Григорий Петрович приходил сюда сам, живой... и в этих похоронах что-то не то (Ю. Мамлеев. «Конец века (5-й цикл): Происшествие»);
- (94) *Слух* обо мне пройдет *по всей Руси* великой (А. С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»);
- (95) В Москве же Толины дела еще ухудшились, ибо в Тарусе *земля слухом* полнилась: *слухи* доходили водою, сама Ока рассказывала жениху, с кем вчера на дырявой лодке каталась его тринадцатилетняя невеста, с кем на песках до трех часов утра и полной хрипоты орала: «Трансваль, Трансваль, страна моя» (М. И. Цветаева. «Жених»);
- (96) ≈ (74) Вы знаете, что представляет дворец Ганувера. О нем пошел *далеко слух*, и эти люди явились взглянуть на чудо архитектуры (А. С. Грин. «Золотая цепь»).

Б. 2.4. Говоря о характере распространения речевого акта, отметим, что *молва* не предполагает изменения первоначально содержащейся в ней информации при переходе от одного субъек-

та-распространителя к другому, а содержание *сплетни* и *слуха* на пути их распространения, вообще говоря, существенно меняется. Слухи и сплетни разрастаются «подробностями»: в изначально чужую речь субъекты-распространители сплетни и слуха добавляют что-то свое.

Молва распространяется, как бурный поток или лавина. В некоторой социальной среде каждый индивид передает сообщение другому (а субъектом-источником, как мы уже говорили, является 'народ'), и, поскольку люди волей-неволей вовлечены в процесс передачи информации, молва ассоциируется с лавиной, которая растет и растет и вовлекает в этот процесс все большее количество людей; ср.:

(97) Впрочем, он принадлежал к тем счастливицам, которым не приходится гоняться за славой. Слава сама гонялась за ними. Я и глазом не успел моргнуть, как имя птицелова громко прозвучало на московском Парнасе. *Молва о нем покатилась широкой волной*. И моя слабенькая известность сразу же померкла рядом со славой птицелова. Однако, когда мы сидели на бронзовой цепи возле памятника Пушкину и сочиняли сонеты, *молва о птицелове еще не дошла до ушей знаменитого королевича* (В. П. Катаев. «Алмазный мой венец»).

Распространение *слуха* — это еще один процесс, который в социальной антропологии называется самотрансляционным. Кто-то сообщает что-то кому-то, затем каждый адресат сам становится говорящим и передает сообщение дальше, а так как слух рассказывается другому человеку, как правило, лишь один раз (второй раз одному и тому же лицу слух не передается), слух как бы сам собой распространяется по миру (см. об этом в первой части статьи). Приведем пример:

(98) АК (Антон Кузнецов): То есть слухи об умственной неполноценности писателя Владимира Войновича распускались по всему свету? // ВВ (Владимир Войнович): Конечно. Эти люди просто бегали везде и везде толковали: «Войнович врет, Войновичу нельзя верить» и т. д. Вы же знаете, как быстро распространяются *слухи*, буквально в геометрической прогрессии (В. Войнович. «Я не хочу „тише, тише“ я хочу „громче, громче“». Интервью проводил Антон Кузнецов; опубликовано в журнале «Вопросы литературы». 1997. №1).

Как было отмечено ранее, из рассматриваемых речевых актов этап создания могут включать только *слух* и *сплетня*, причем для *сплетни* — это обязательный компонент. Однако если созда-

ние и распространение *слуха* — это только некоторое (возможное) искажение истинной информации, то механизм создания и характер распространения сплетни выглядят сложнее.

Прежде всего можно выделить намеренные и непреднамеренные сплетни. Последние представляют собой результат невольных и неизбежных искажений, которым подвергается смысл чужих слов при их передаче. Именно о них пишет Л. К. Чуковская (см. ранее уже приводившийся пример, который мы здесь воспроизводим еще раз для удобства):

- (99) = (36) Я сказала, что, по-моему, сплетни нередко создаются так: всякий человек воспринимает из слов другого не то, что другой говорит, а только то, что он, слушающий, способен понять. Стараясь пересказать вашу мысль третьему лицу, даже стараясь добросовестно, он переводит вашу мысль на свой язык. Ведь не только иностранцы говорят «на разных языках», а и люди одной родины, одного языка, но разных поколений, разных социальных слоев, разного личного опыта. И вы, в пересказе собеседника, собственной своей мысли не узнаете... Другое словоупотребление делает и вашу мысль другой. Оттенок мысли, интонации. Наизусть же чужую речь редко кто способен запомнить. Так что *сплетни иногда произрастают невинно* (Л. К. Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой»).

См. также примеры (100) и (101):

- (100) Однажды в кофейне до его слуха случайно долетел обрывок разговора об этом фантастическом любовном треугольнике, в котором якобы очутился Марат. Причем на этот раз рассказчик *сплетни* роль Марата свел до позорного минимума. — Кто-то же должен был ей таскать чемодан с удавом, а тут Марат и подвернулся, — заключил рассказчик свой гнусный рассказ (Ф. А. Искандер. «Сандро из Чегема»);
- (101) В 1956 году после относительной реабилитации Мандельштама Анна Андреевна мне сказала: «Теперь мы все должны написать о нем свои воспоминания. А то, знаете, какие польются рассказы: „хохол... маленького роста... суетливый... скандалист...“». Она имела в виду издавна бытующие в литературной среде анекдоты о Мандельштаме. Надежда Яковлевна тоже считала важным предварить поток *сплетен* живыми рассказами людей, близко знавших и любивших Осипа Эмильевича. К их числу она справедливо причисляла и меня (Э. Герштейн. «Надежда Яковлевна»).

Каждая из сплетен в приведенных примерах является, скорее всего, результатом неверного восприятия и анализа чужих слов.

Человек осмысляет чужие слова сквозь призму собственной картины мира, отчего нередко возникают расхождения с исходной информацией. Наиболее вероятные причины появления такого рода текстов сплетен — это вставка собственной оценки в исходную информацию, как в примере (100), или ошибочная импликация, выводимая из чужих слов, как в примере (101) (подробное обсуждение разнообразных причин и механизмов искажения чужих слов можно найти в статье [Гловинская 1998]).

Другой вид сплетни — намеренная сплетня — строится и распространяется несколько иначе. Говорящий обладает некоторой исходной информацией, которая вполне может быть истинной, однако Говорящий осознанно и намеренно трансформирует ее, перемешивает (переплетает) исходную, возможно истинную, информацию с заведомо ложной, давая, что называется, «волю своей фантазии». В результате появляется новое сообщение, информация в котором зачастую прямо противоположна реальности. См. следующие примеры:

(102) = (20) Хотя в то время ему было не больше четырнадцати, ходили *сплетни*, естественно, запущенные кем-то из прислуги, будто он связан с Фотины, одной из греческих служанок (Йен Воррес. «Последняя Великая Княгиня»). (Природа сплетни здесь — желание выдать нечто невозможное за действительное.)

(103) = (37) Дважды — весной и осенью — соседки приходили большой компанией, чтобы помочь бабке по-настоящему прибраться в доме, покрасить-побелить, выскоблить-оттереть. После чего откупоривалась бутылка-другая красного вина, пелись протяжные песни и плелись свежие *сплетни* (Ю. Буйда. «Старуха Це-це»).

Б. 2.5. Распространение молвы, слухов и сплетен имеет одну отличительную особенность, связанную с местоположением субъекта-источника и расстоянием между ним и областью распространения соответствующего речевого акта. А именно, источник *молвы* находится вне области распространения на довольно значительной от нее дистанции; источник *слуха* может быть как вне, так и внутри области распространения, а источник *сплетни* всегда находится внутри области ее распространения. Это ясно видно из глагольных сочетаний с данными словами.

Молва доходит, приходит к человеку издалека, *выходя из* какого-то далекого места. *Слухи распространяются внутри* какого-то социума или *в* каком-то социальном, географическом и т. п. пространстве, в пределах какой-то группы, или, как и *молва*,

идут из какой-то точки; сплетня рассказывается обычно одному лицу или группе лиц в непосредственной беседе, диалоге:

- (104) От Людмилы Михайловны никаких вестей не приходило... Из жилищного совета тоже никаких слухов не было (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Мелочи жизни». Цит. по [МАС 1984: 145]);
- (105) Правда, слух о нем [Ариэле] доходил и до Америки, но над заметкой посмеялись, как над газетной уткой. В лицо же никто Ариэля не знал (А. Р. Беляев. «Ариэль»);
- (106) Арсений Николаевич что-то мычал в ответ на эти приглашения, он и не думал ими воспользоваться, тем более что островные сплетни донесли, что дамочки Нессельроде нацелились на холостяка Андрея (В. П. Аксенов. «Остров Крым»);
- (107) Лаврентий остановился на минуту в передней. Лиза вошла в гостиную, где раздавался голос и хохот Паншина; он сообщал какую-то городскую сплетню Марье Дмитриевне и Геденовскому, уже успевшим вернуться из сада, и сам громко смеялся тому, что рассказывал (И. С. Тургенев. «Дворянское гнездо»).

и

ЛИТЕРАТУРА

- Гловинская 1998 — Гловинская М. Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской: Сб. науч. работ. М., 1998. С. 14–30.
- Крейдлин 1999 — Крейдлин Г. Е. Проксемика и поведение человека в диалоге // Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1: Теоретические проблемы. Таруса, 1999. С. 144–150.
- Крейдлин 2001 — Крейдлин Г. Е. Кинесика // Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001 (= Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 49). С. 166–254.
- Почепцов 1990 — Почепцов Г. Г. (мл.) Слухи как семиотический феномен // Логика, психология и семиотика: Аспекты взаимодействия. Киев, 1990. С. 131–139.
- Allport, Postman 1947 — Allport G. W., Postman L. The Psychology of Rumor. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1947.
- Buckner 1965 — Buckner H. I. A Theory of Rumor Transmission // Public Opinion Quarterly. 1965. 29. P. 54–70.
- Dewey 1926 — Dewey J. Experience and Nature. Chicago: Open Court, 1926.
- Fine, Rosnow 1978 — Fine G. A., Rosnow R. L. Gossip, Gossipers, Gossiping // Personality and Social Psychology Bulletin. 1978. 4. P. 161–168.
- Gilmore 1978 — Gilmore D. Varieties of Gossip in a Spanish Rural Community // Ethnology. 1978. 17. P. 89–99.

- Hanners 1967 — *Hanners U.* Gossip, Nnetworks, and Culture in a Black American Ghetto // *Ethnos*. 1967. 32. P. 35-60.
- London I., London M. 1975 — *London I. D., London M. B.* Rumor as a Footnote to Chinese National Character // *Psychological Reports*. 1975. 37. P. 343-349.
- Rosnow 1974 — *Rosnow R. L.* On Rumor // *Journal of Communication*. 1974. 24 (3). P. 26-38.
- Shibutani 1966 — *Shibutani T.* Improvised News: A Sociological Study of Rumor. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.
- Raffler-Engel 1981 — *Raffler-Engel W.* The Implications of Hearer Background on the Perception of the Message // *Angewandte Soziolinguistik*. Tübingen, 1981.
- Szwed 1966 — *Szwed J. F.* Gossip, Drinking, and Social Control: Consensus and Communication in a Newfoundland Parish // *Ethnology*. 1966. 5. P. 434-441.
- Yerkovich 1977 — *Yerkovich S.* Gossiping as a Way of Speaking // *Journal of Communication*. 1977. 27. P. 192-196.

Н. К. РЯБЦЕВА

ЛЮБОПЫТСТВО КАК ОРГАНИЗУЮЩАЯ И КАК ДЕЗОРГАНИЗУЮЩАЯ СИЛА *

Самым главным достоянием человека разумного, homo sapiens, по определению, являются знания: они упорядочивают внутренний мир человека, задают его поведение и направляют его отношения с другими людьми. Поэтому потребность в знаниях более чем естественна для человека, она обязательна, так как обеспечивает его разумность, рациональность и самосохранение. Соответственно, «желание знать» — особо выделенное состояние человека: самостоятельное, активное, самоценное, разнообразно проявляющееся и, что самое главное, — упорядочивающее его поведение и задающее программу его действий. Желание знать проявляется в первую очередь в виде любопытства.

Любопытство как явление амбивалентно. С одной стороны, это состояние сознания, с другой — социально маркированное поведение. В первом случае оно выступает как организующая сила: лежащее в его основе желание знать вынуждает человека действовать, поступать определенным образом, добиваться своей цели, т. е. мобилизует его, направляет и упорядочивает его поведение и тем самым сказывается на его устремлениях и наклонностях. В социальном плане любопытство выступает как дезорганизующая и деструктивная сила: своим любопытством субъект нарушает личную сферу другого человека, вторгается в нее, делает ее «своим достоянием», чем может нанести ей урон, в частности, использованием полученных сведений в своих (корыстных) интересах, ср.: *выспрашивать, подглядывать, подслушивать, следить, разузнать — шантаж, сплетни, кривотолки*. Тем самым он вынуждает другого человека изменить свое интенциональное состояние и поведение: побуждает скрыть или изменить свои планы, прервать свои занятия, перестать делать то, что ему надо, и вынуждает перейти «в оборону», ср.: *следить — скрывать, тайна, секрет — обман, ложь* и пр.

Любопытство как понятие, как способ выражения смысла «желание знать», напротив, позитивно, конструктивно, активно и занимает особое положение в языковой понятийной системе.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 99-04-00350а, и Фонда «Открытое общество», проект RSS, грант № 462/1999.

В русском языке «желание знать» зафиксировано не только в слове *любопытство*, но и *любопытность*. Они неравнозначны. *Любопытность* более периферийна, коммуникативно менее активна — редко используется в речи и только в ограниченном количестве контекстов, семантически «непродуктивна» — имеет всего лишь одно родственное слово — прилагательное *любопытный*, и совершенно однозначна — означает положительную оценку — характеристику субъекта, в основном ребенка или ученика, который стремится к глубоким предметным знаниям, ср. название детского киножурнала «Хочу все знать».

Любопытство, напротив, семантически активно — имеет целый круг производных и родственных слов, связано с большим количеством смежных понятий, а также грамматических, синтаксических конструкций и выражений, в частности определительных и фразеологически устойчивых, прагматически нагружено и активно используется в речи, что в совокупности отражает его выделенное положение в характеристике ментальной сферы человека. Оно объединяет и организует вокруг себя конкретизирующие его и смежные понятия и выступает их системоорганизующим звеном: организует, связывает, упорядочивает, противопоставляет, проявляя тем самым непреходящую роль знания в жизни человека: его значимость в объяснении поведения человека, его связь с внутренними психологическими состояниями и его место в ценностной картине мира.

Одним из подтверждений выделенного положения *любопытства* в ряду сходных интенциональных состояний разумного субъекта выступает его синтагматическая «продуктивность»: обладание большим количеством — более семидесяти, по данным словаря эпитетов [Горбачевич, Хабло 1979], определений и эпитетов, тогда как в среднем существительное в русском языке обычно имеет примерно одиннадцать достаточно устойчивых определений-прилагательных [Большаков, Гельбух 2000: 26]. Для сравнения: *любопытность* почти не имеет эпитетов и устойчивых определений, ср., однако: *В школьные годы Митрофанов славился так называемой «зеркальной памятью». С легкостью заучивал наизусть целые главы из учебников. Его демонстрировали как чудо-ребенка. Мало того, Бог одарил его неутолимой жадой знаний. В нем сочетались безграничная любознательность и феноменальная память* (Довлатов). Как известно, в английском языке этим двум понятиям соответствует слово *curiosity*.

В зарубежной науке проблема «Curiosity about curiosity» давно считается интересной, перспективной, актуальной, важной в прак-

тическом отношении и — не имеющей ясного решения. Curiosity — одно из наиболее загадочных свойств, причем не только человеческой натуры, но даже и животных; это наиболее яркое сочетание чувства и разума: ощущение отсутствия знания и внутренне обусловленное стремление получить новую информацию, своего рода жажда нового, особая форма и свойство интеллектуального поведения. Этой проблемой занимаются, в основном, психологи — давно, долго, напряженно и, к сожалению, не так успешно, как даже им самим хотелось бы. Проблема «Curiosity about curiosity» встала особенно остро в связи с общим интересом к когнитивным явлениям; ее первыми исследователями были Хебб, Пиаже, Хант и др. Ей посвящено большое количество и современных исследований, в том числе экспериментальных, но ни одно из них не приближает нас к пониманию этого феномена, см., например, программную статью [Loenwenstein 1994] и библиографию к ней.

В психологическом отношении исходное и самое главное свойство любопытства — его ситуативность. Оно складывается из целого ряда факторов. Ситуативность любопытства связана в первую очередь с тем, что оно проявляется в данной конкретной — текущей, актуальной — ситуации, «здесь и сейчас», вызывается «нарушающим» эпистемическое состояние субъекта внешним — воспринимаемым органами чувств фактором, активизирует его внутреннее — психологическое, эмоциональное — состояние и эпистемическую деятельность: заставляет «переживать» происходящее и направляет и организует его «познавательное» поведение и действия, словом, воздействует на него так, что он слабо осознает и контролирует свое поведение, которое приобретает свойства импульсивности, спонтанности, сиюминутности, напоминает «приступ», при этом потребность знать и невозможность удовлетворить свое любопытство лишает спокойствия; ср.: *Иной человек от одного пустого любопытства соскочит с трамвая, чтобы вмешаться в какой-нибудь скандал на улице* (Л. Толстой); *Людей привело в эту несусветную рань к Верховному суду <США> не чувство истории, даже не любопытство, а желание подзаработать* (из газет).

Любопытство по данным русского языка

Если психологически любопытство амбивалентно и противоречно, то в лингвистическом отношении представление о любопытстве интересно тем, что позволяет выявить и систематизировать явления, на основе которых то или иное поведение или состояние квалифицируется как любопытство, и из которых, собственно, и

складывается само представление о любопытстве, и которые с его помощью упорядочиваются в систему взаимосвязанных интенциональных, эпистемических, аксиологических, психологических, социальных, этических, межличностных и коммуникативных понятий и явлений.

Любопытство — это интерпретативный предикат (в смысле [Апресян и др. 2000: XXV]). Интерпретативность *любопытства* в том, что с его помощью устанавливается связь между наблюдаемым и ненаблюдаемым. Ее помогают установить смежные явления — внешние проявления, что и отразилось на особенностях использования этого понятия в речи и присущих ему характеристиках-определениях. Так, выражение *безотчетное любопытство* показывает, что субъект может не отдавать себе отчета в том, что он находится в «состоянии любопытства», не осознает своего интенционального состояния. К тому же еще и сам субъект не говорит о себе *слушаю/смотрю с любопытством*: «самоотчет» воспринимается как аномалия, ср.: *Я с (жадным) любопытством рассматриваю происходящее*. Поэтому чаще всего фиксирует состояние любопытства у субъекта и описывает его — наблюдатель: повествователь, «судья», «комментатор», третье лицо. Он и интерпретирует поведение субъекта, прежде всего, исходя из внешних проявлений его внутреннего состояния.

При этом наиболее ярко о состоянии субъекта говорит его внешний вид, текущее состояние, особенно выражение лица, поза, поведение, действия, которые, собственно, наблюдатель и интерпретирует как любопытство, поэтому чаще всего говорят *смотреть/разглядывать/рассматривать/заглядывать/оглядывать/следить с любопытством*; ср.: *Все танцующие остановились и с любопытством устремили глаза на новую пару* (Куприн). При этом важнейшим внешним признаком любопытства выступает то, как субъект *смотрит*, его глаза и взгляд. Соответственно, наблюдая за субъектом и его реакцией на текущую ситуацию, говорящий не столько описывает его состояние, сколько квалифицирует, основываясь на делаемом им выводе о «ненаблюдаемом» компоненте — внутреннем психологическом состоянии субъекта, исходя из его «внешнего» поведения: «если человек (достаточно долго и внимательно) смотрит на что-либо или наблюдает за чем-либо, то это (скорее всего) значит, что происходящее ему интересно, любопытно и т. д., поскольку именно так обычно и проявляется любопытство; при этом сопутствующие обстоятельства — взгляд, поза, действия и т. п. — подтверждают такой вывод», ср.: *В большую уборную из коридора, где уже трещали сигнальные звонки, под разными*

предложениями заглядывали любопытные...; Все окна были открыты, и всюду слышалась в окнах радиомызыка. Из любопытства Маргарита заглянула в одно из них (Булгаков).

Сам же субъект чаще всего лишь «задним числом», ретроспективно может осознать — интерпретировать — свое состояние как любопытство, и дать ему соответствующую квалификацию, ср.: *Мы с Наташей с боязливым любопытством заглядывали вглубь и ждали (Достоевский); Замирая от любопытства и интереса, я заглянул в клеенчатую тетрадь Людмилы Сильвестровны и увидел, что она пишет детским почерком: «Влюбленный все делает для своей любимой...» (Булгаков); — А что взорвалось-то? — попробовал полюбопытствовать я. — Бомба, конечно, — спокойно ответил разговорчивый («Новая газета»).* Или же в процессе общения, когда от говорящего требуется эксплицировать свои намерения и потому произвести рефлексию над своим состоянием, ср.: *Чай, все-таки не чужой я вам человек, не из праздного любопытства спрашиваю (Куприн).*

Немаловажную роль в интерпретации состояния субъекта как любопытства играет его текущее эмоциональное состояние, его переживания и чувства, которые также проявляются внешне, ср.: *смотреть с беспокойным/тревожным/напряженным/настороженным/жадным vs. спокойным/холодным любопытством — смотреть напряженно/настороженно/жадно/спокойно/холодно: Подгорная смотрела на Балую со спокойным любопытством (Кожевников); [Нехлюдов] с напряженным любопытством глядел вокруг себя (Л. Толстой).* Состояние любопытства может также смешиваться и с другими чувствами и состояниями, ср. *смотреть с ужасом и любопытством.*

В соответствии со степенью глубины и интенсивности переживаемых чувств, состояние любопытства оказывается градуируемым и имеющим интенсивность, ср. эпитеты, приближающиеся по значению к параметру Magn: *горячее, жаркое, жадное, жгучее, иступленное, глубокое, огромное, острое, прожорливое, ужасное, фанатическое любопытство: У него был редкий дар общения и жаркое любопытство к работающему рядом (Бражнин); Сказав это, Накатов приблизился к толпе молодых людей, следивших с иступленным, жадным любопытством за всеми его движениями (Григорович).* Причем чем оно сильнее, тем труднее с ним справиться, тем оно неприятнее, тем больше потребность его удовлетворить, ср.: *непреодолимое/нестерпимое/неудовлетворенное любопытство; мучить чье-л. любопытство: Но сильное, беспокойное любопытство взяло верх над сомнениями (Чехов).*

Поскольку любопытство часто вызывает у субъекта внутренний психологический дискомфорт, то он также проявляется внешне, ср.: *мучительное, томительное, щекочущее, сосущее любопытство*, и потому наблюдаем — со стороны, но плохо поддается идентификации — «изнутри», ср.: *Катя со жгучим любопытством уставилась вдруг на новую свою соседку* (Бедный). Ясно, что сам субъект не может наблюдать за собой со стороны и квалифицировать свое поведение. Так что любопытство легко идентифицировать в поведении другого человека, но трудно контролировать у себя, ср.: *В темных, до мнительности пытливых глазах Василия Тихоновича было нескрываемое любопытство* (Тендряков).

Как показывает язык, определенная доля любопытства считается необходимо присущей любому человеку, она заложена в его природе и нормальна, ненормально его «повышенное» или «пониженное» количество/проявление: *здоровое vs. болезненное, нездоровое любопытство: Женщины будили в ней нездоровое любопытство* (Шолохов); ср. также выражение: *страдать излишним любопытством*, показывающее, что любопытство свойственно человеческой природе, и пример — *Капитан Плешко, трижды отрекшийся, заплатил за свое любопытство к парадом* («Литературная газета»), свидетельствующий, что за него порой приходится расплачиваться. Отклонения от нормы разнообразны, сама же норма неодинакова для разных людей. Так, «степень (проявления) любопытства» должна соответствовать возрастному, гендерному или социальному статусу субъекта, свойственной для каждого из них манере поведения, ср.: *бабье* (разг.), *дамское, детское, женское, мещанское, ребяческое, ребячье любопытство: смотреть с детским любопытством — по-детски*. Считается, что наибольшим любопытством характеризуются женщины и дети, ср.: *Гавриил Петрович оживился, заулыбался и с ребяческим любопытством стал заглядывать в его тетрадки* (Чехов); *Ребятишки дни напролет неотступно торчали над плетнями, с беззастенчивым любопытством разглядывая чужого человека* (Шолохов); *Эта тайна мучила ее дамское любопытство* (Пушкин). Кроме того, «количество» испытываемого субъектом или заложенного в нем от природы любопытства может быть очень большим, ср.: *неиссякаемое любопытство*.

Определения и эпитеты *любопытства* показывают, что его проявление связано с настроением и даже характером субъекта, а также с тем, как он относится к другим людям, ср.: *веселое/живое/проказливое/изумленное vs. тупое/угрюмое/хмурое/злое/звери-*

ное любопытство: С простодушным любопытством новые гости разглядывали нарядный большой ледокол (Соколов-Микитов); Крошечная девочка в голубом сарафанчике с детским упрямым любопытством смотрела на Алексея (Шолохов-Синявский); Он с доброжелательным любопытством оглядывает письменный стол, лампу на стуле, заваленном книгами (Кнорре); Он прикурив и не сразу потушил зажигалку, с почтительным любопытством разглядывая Тосю (Бедный).

Особо проявляется любопытство в речи — в виде взгляда, интонации, вопроса и целого ряда лексических и грамматических средств и операторов (об этом см. ниже), и часто ее сопровождает и направляет, ср.: — *Значит, меня бы били, если бы я им [полицейским] попалась?* — с живейшим любопытством спросила Надя (Сергеев-Ценский); *Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства: — Вы атеисты?!* (Булгаков); *Абадонна стоял неподвижно. — А можно, чтобы он снял очки на секунду?* — спросила Маргарита, прижимаясь к Воланду и вздрагивая, но уже от любопытства. — *А вот этого нельзя,* — серьезно сказал Воланд (Булгаков).

Итак, любопытство отражает имманентное стремление разумного субъекта — «желание знать», оно не всегда осознаваемо, но часто наблюдаемо, поэтому слово *любопытство* относится к числу интерпретационных: с его помощью чаще всего квалифицируется чужое поведение, ср.: *Он/²Я с любопытством следил за происходящим / слушал рассказ.* В языке любопытство как состояние сознания уподобляется голоду как состоянию тела, ср. *жадное/ненасытное/брезгливое любопытство, умирать от любопытства, насытить свое любопытство: Только по глазам его можно было видеть, что он с телесным удовольствием и досыта кормит, насыщает свое прожорливое любопытство* (Федин), а также жару, ср. *сгорать от любопытства.*

Это свидетельствует, в частности, о том, что ментальное состояние «любопытство» в принципе осознаваемо. Субъект вынужден произвести рефлексию над своим состоянием и эксплицировать — назвать его, в первую очередь тогда, когда удовлетворение его желания зависит от другого человека — адресата. Так, часто запрос информации осуществляется при помощи выражения *Я сгораю от любопытства*, побуждающего адресата сообщить интересующие сведения, ср.: — *Я теперь успокоился, — сказал я после того, как мой гость утолил первый голод, — и желаю только одного — знать, что это было? Меня просто терзает любопытство. Таких удивительных вещей я еще никогда*

не видал (Булгаков); — *Позвольте полюбопытствовать, о чем ваш сценарий? — Он называется «Все ушли» («Новая газета»).* Но, в отличие от голода, «удовлетворение любопытства» далеко не всегда приносит аналогичное ощущение «сытости»: то, что субъект узнал, может его разочаровать, расстроить, оказаться уже ему известным и т. п.

Таким образом, представление о любопытстве устанавливает связь между желанием знать, смежными психологическими состояниями и их внешними проявлениями: восприятием, настроением, поведением и даже характером субъекта, т. е. с его аффективной и акциональной сферой. Но не менее значима отмечаемая в языке связь любопытства со смежными интенциональными и эпистемическими понятиями.

Любопытство vs. интерес

В эпистемическом отношении наиболее близким по смыслу и употреблению в языке к слову любопытство является *интерес*, ср.: *смотреть с любопытством/интересом, возбуждать/проявить любопытство/интерес, любопытно узнать — интересно знать, Можно полюбопытствовать/поинтересоваться? Любопытно/Интересно, куда они пошли?* При этом любопытство, как и интерес, вызывают факты или текущее положение вещей, особенно ненаблюдаемое, ср.: *Интересно, зачем он ходил домой / почему вернулся?* (причина/цель) vs. *Интересно/Любопытно, что он ходил в кино.* По отношению к ним прилагательное *любопытный* теряет свои этические коннотации и превращается в чисто эпистемический показатель: *любопытные факты / явления / поворот дела / книги* и т. п. означают, в первом приближении, «требующие дальнейшего осмысления, интерпретации, обдумывания, обсуждения» и т. п., ср.: *Параллельно я слушал чужие экскурсии. В каждой находил что-то любопытное для себя* (Довлатов).

Интерес, как и любопытство, связан в первую очередь со зрительным восприятием, внешним выражением и проявлением отношения к происходящему, ср. *смотреть с (пожирющим/саркастическим) интересом: Лица в зале глядели на него с пожирющим интересом* (Трифонов); *Англичане и американцы с саркастическим интересом смотрят на происходящее с террас ресторанов и гостиниц* (Кольцов). Сходство любопытства и интереса проявляется и в том, что интерес также может быть охарактеризован как *излишний, бестактный*, ср.: *Х интересуется У-ом беззастенчиво; ненавязчиво интересоваться vs. ненасытный*

интерес: Охладел к нему бабий ненасытный интерес (Шолохов). Он тоже сопровождается наблюдаемой со стороны реакцией на происходящее, ср.: напряженный, настороженный, пристальный интерес: Удивлял меня этот их напряженный интерес к болезням, к боли и ко всему неприятному (Горький); проявляет «накал страстей»: прохладный — горячий, жгучий, острый, животрепещущий, неистовый, безудержный интерес; ему не чужда этическая составляющая, ср. естественный — нездоровый интерес, и потому он не всегда подлежит демонстрации, ср.: явный, явственный, нескрываемый интерес. Он также, как и любопытство, уподобляется голоду и может быть неутоленным.

Интерес градуируется, имеет свою «норму»: «всякое новое явление/сообщение способно вызвать интерес», ср.: легкий, слабый — большой, повышенный, громадный, колоссальный, огромный, усиленный, необыкновенный интерес. Интерес измеряется не только глубиной, но и интенсивностью, ср.: захватывающий, лихорадочный, всепоглощающий, жадный, ненасытный, яростный интерес: Рассказы о кражах возбуждали в нем жгучий интерес: он покупал газету, внимательно читал о подробностях (Горький). Эволюция интереса предполагает его возрастание или ослабление и затухание: живой — увядший интерес, ср.: Пьеса всегда горячо принималась публикой с начала до конца с неослабевающим интересом (Смирнов).

Однако по данным языка, любопытство отличается от интереса в нескольких существенных отношениях, позволяющих проследить связь эпистемических состояний субъекта с его интенциональной сферой.

Так, интерес более рационален и содержателен, ср.: целенаправленный интерес vs. *целенаправленное любопытство, поверхностный — глубокий интерес vs. *поверхностное любопытство, а любопытство более «естественно» и «искренне». Как внезапно появляющееся «стихийное чувство» [Булыгина, Шмелев 2000: 284], оно овладевает субъектом и потому дорационально. Его обычно не имитируют, тогда как интерес может быть неискренним — наигранным, ср.: живой/неподдельный/искренний интерес vs. *искреннее любопытство. Поэтому интерес легче контролировать и имитировать, ср.: концентрированный, сконцентрированный, сфокусированный интерес; внешний/преувеличенный/подчеркнутый интерес vs. *внешнее/*напускное/*преувеличенное/*подчеркнутое любопытство: Они возбудили к себе легкий внешний интерес рассказами о местах, где они работали (Горький). Интерес этически более «нейтрален», поэтому о себе субъект

ект часто и без ущерба для своего лица может сказать *мне это (очень) интересно*.

Однако главное отличие любопытства от интереса состоит в том, что первое определяется преимущественно внутренним, причем текущим состоянием субъекта, тогда как второе — скорее внешними обстоятельствами — свойствами привлекавшего внимание объекта, причем чаще всего достаточно постоянными. То, что *интересно, вызывает интерес*, обладает какими-то особенными, привлекающими внимание и мысль, свойствами — новизной, необычностью, неожиданностью, эстетическими качествами или какими-то другими *достоинствами* и т. п., т. е. тем, что *достойно интереса, привлекательно*. Так что состояние *мне интересно*, в отличие от любопытства, характеризует не только, а может быть, и не столько субъекта восприятия, сколько его объект, подразумевает его положительные качества и положительную оценку, ср.: *интересные книги/фильмы/данные/сведения*. Контакт с ними и сам факт их восприятия доставляют субъекту удовольствие, наслаждение, увлекают его, характеризуют сам процесс их восприятия и познания, изучения и т. д., ср.: *любопытно узнать/посмотреть/услышать vs. интересно смотреть/наблюдать/читать/слушать*. Соответственно, интерес становится условием формирования сознательной деятельности субъекта: *интересно — занимательно, занятно, увлекательно — развлечение, увлечение, занятие* — то, что занимает, увлекает; ср.: *С глубоким интересом осматривал я Заполярье (Каверин) — видимо, не один день, «без потрясений» и узнавая много нового о необычном, непривычном, незнакомом объекте, и получая при этом удовольствие*.

Хотя и говорят «*просто интересно и все*», интерес напрямую связан с *пользой*, которую может принести знакомство с объектом: его восприятие, «узнавание», его положительные качества; ср.: *...и по мере того, как Михаил Александрович забирался в дебри... поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного...* (Булгаков). То, чем — и потому — в чем человек *заинтересован*, должно принести ему пользу; не случайно важным значением слова *интерес* выступает «выгода» (ср. *личные интересы* и англ. *interest* 'доход', 'проценты'). Так что интерес еще и более постоянен, менее «преходящ» и ситуативен, чем любопытство, ср.: *временный — вечный, длительный, долговременный, неизменный, постоянный, непреходящий, незатухающий, неослабевающий, неослабный, неистребимый интерес*; ср.: *Все слушали его с неистребимым интересом* (Гладков). Сиюминутный интерес оценивается как *дешевый, грошовый, копеечный*, ср.: *Все преданы копеечным интересам*

минуты и не умеют ценить того, что заключает в себе вечный, непреходящий интерес (Добролюбов).

Любопытство же прямо связано с новой информацией: интересно то, что принесет пользу, поможет понять, доставляет удовольствие; любопытно то, что неизвестно, неожиданно, непредсказуемо. Когда проявление интереса не связано с получением пользы, то он становится пустым, ср.: *Только встречные, — одни иронически, другие сердито, третьи с пустым интересом — окидывали нас взглядами (Л. Успенский); Из праздного интереса к родине весь этот месяц, проведенный на островах и материках, я мониторил в отелях местные и глобальные телеканалы, выуживая информацию, прямо или косвенно касающуюся Российской Федерации («Новая газета»).* Так что любопытство еще и более «бескорыстно», ср.: *из чистого любопытства vs. корыстные интересы.* Объектом любопытства как этически маркированного состояния выступают чаще всего другие люди и сведения о них; объектом интереса могут быть не только люди, но и более широкий круг объектов, ср. *интерес к жизни: Ее ненасытный интерес к жизни распространялся на события в других деревнях (Марков),* причем не только в данный момент наблюдаемые, ср.: *Ее удивил его пристальный и почти жадный интерес к ней, ее мужу, ее детям, ее дневным заботам (Казакевич).*

Любопытство направлено извне, интерес может быть направлен и «внутри»: с интересом можно не только *осматривать, слушать, взглянуть / окидывать взглядом,* но и *говорить*, ср. **говорить с любопытством.* Поэтому интерес допускает непосредственное участие в ситуации, тогда как любопытство — только ее восприятие, ср.: *А тут, где мораль, где быт, практика, — сразу яростный интерес, клочкотанье мнений (Трифонов), ср.: яростное обсуждение; шумный интерес: По деревне с шумным интересом бабы много говорят такого... (Исаковский).* Благодаря этому слово *интерес* развивает значения 'запросы, потребности', ср.: *великие, государственные, долговременные, духовные, жизненные, коренные, научные, разносторонние, широкие интересы: Реалисты хотят только, чтобы благосостояние отдельных семейств было в строгом согласии с великими интересами общества (Писарев); В жертву мелкому тщеславию приносятся государственные интересы (Овечкин).* И, кроме того, как указывалось выше, и значение 'расчет, выгода, надобность', ср.: *вещественный, грошовый, дешевый, имущественный интерес.*

Большой автоматизм любопытства, его «врожденность», в отличие от «приобретенного» интереса (ср.: *врожденное любопыт-*

ство vs. *врожденный интерес*), проявляются, в частности, в том, что субъект может «любопытствовать», так сказать, автоматически, по привычке, тогда как интересоваться можно только осознавая и контролируя свои поступки. Показательно, что чужое любопытство обычно отрицательно воздействует на человека, ср.: *раздражать/нервировать/надоедать своим любопытством кому-л.*, тогда как интерес со стороны другого скорее льстит, приятен, не в последнюю очередь потому, что означает проявление *внимания* и подразумеваемую положительную оценку качеств объекта интереса, ср.: *Пожалуй, только жираф пронзил нас своей неземной красотой и безразличием к нашему любопытству. Он несколько раз прошел мимо нас, видя и ведая то, что соответствует его росту* («Новая газета»); *И чаще всего именно у взрослых Врубель, как и его странная фамилия, означавшая по-польски «воробей», вызывали уже не любопытство или интерес, а раздражение, некий душевный дискомфорт, какой характерен для вдруг попавшегося на глаза «сложного» текста* («Литературная газетата»).

Любопытство не только сходно с интересом, но и связано с ним через другие внутренние состояния: склонность, увлечение, наклонность и др., ср.: *увлеченно наблюдать/слушать — увлечение, увлеченность*. Так, связь любопытства со склонностью проявляется в том, что объект любопытства — восприятия, наблюдения, может стать объектом увлечения, любви, обожания или напротив — злоупотребления, ср. *вредные привычки*. Это происходит тогда, когда в результате или в процессе любопытства субъекту «нравится» контакт с объектом, когда он ощущает, что это доставляет ему удовольствие, ср.: *манить, тянуть, влечь, привлекать, отведать, изведать — полюбить, любить/обожать vs. втянуться, пристраститься — наркоман, алкоголик, одержимый, слабовольный* — показывающие «увлечение» отрицательными явлениями или неспособность преодолеть тягу к ним, и влекущие плачевные последствия. В результате любопытство превращается — преобразуется, эволюционирует — в интерес, а интерес — в особое отношение, во *вкусы, привязанности, склонности и наклонности* субъекта, его *хобби*, или же в *пристрастие, страсть, манию, фанатизм*, ср.: *он предпочитает детективы / отдает предпочтение астрономии*. Ср.: Бродский говорил, что *любит метафизику и сплетни* (Довлатов).

Об этом же свидетельствуют, в частности, способы описания различных ситуаций восприятия. Так, *смотреть* можно не только с *любопытством* или *интересом*, но и с *удовольствием, удивлением, ужасом, отвращением* и пр., ср.: *заглядеться, любоваться,*

отвернуться. При этом любоваться, заглядеться подразумевают в качестве объекта более или менее статичную ситуацию, постоянную и неизменную, такую, которая нравится, потому что внешне привлекательна, созерцание которой доставляет в первую очередь эстетическое удовольствие, ср.: заглядеться на лебедей, любоваться тонким профилем девушки, или радость: Славная расцветка, глаз радуется; Зрелище это было привычное, радующее хозяйственный глаз (Стругацкие). В результате человек восторгается или восхищается тем, что видит. Смотреть с любопытством подразумевает своим объектом ситуацию в динамике, эволюции, развитии, когда процесс происходящих изменений — их содержание или их результат, не безразличен субъекту, или когда объект отличается чем-то от стандарта, нормы, необычен, не соответствует ожидаемому, и главное здесь — узнать: увидеть, услышать, понять что-то новое для себя, получить «интеллектуальное» удовольствие от процесса приобретения или осознания знания, от превращения незнания в знание, ср.: Замыкалась процессия солдатской цепью, а за нею уже около двух тысяч любопытных, не испугавшихся адской жары и желавших присутствовать при интересном зрелище (Булгаков).

Итак, любопытство «локализовано» в субъекте и связано с достаточно естественным, как часто говорят, врожденным (и потому искренним, «автоматическим»), желанием узнать что-то новое об объекте в результате контакта с ним, оно *проявляется* и может превратиться в привычку, манеру поведения, способ общения и т. п. Интерес — *вызывается* свойствами объекта, его особенностями и связан с процессом их намеренного восприятия, доставляющим удовольствие; он возникает и формируется постепенно, не является «врожденным», перспективен — перерастает в увлечение или пропадает (ср. *потерять всякий интерес*) и в конце концов сказывается на духовной жизни субъекта или его устремлениях, ср.: *духовные/высшие/общечеловеческие/широкие vs. меркантильные интересы*. Любопытство может проявляться не только по отношению к текущей — актуальной ситуации, но и к тому, что было в прошлом или что будет в будущем. Любопытствуя, субъект раздвигает временные рамки настоящего и включает в актуальную для него «текущую» ситуацию ту, что его интересует, расширяя тем самым свой кругозор — показывая, что он хочет «видеть» больше, ср. *круг интересов*.

Таким образом, в отличие от интереса, любопытство более импульсивно, быстротечно, мимолетно. Это сиюминутный, слабоосознаваемый и малоконтролируемый интерес к объекту, кото-

рый, возможно, не обладает теми качествами, которые субъект у него предполагает, но отсутствие знаний о которых он переживает как лишение или дискомфорт. Главным связующим звеном между любопытством и интересом является внимание.

Внимание — любопытство — интерес

Исходным пунктом, условием и импульсом для проявления любопытства и появления интереса, их центральным звеном, а также объединяющим их интенциональным состоянием выступает внимание: интересно / вызывает любопытство то, что привлекает, удерживает и приковывает *внимание*, останавливает на себе чье-л. *внимание*, что обращает на себя *внимание*: замечается, отмечается, останавливает и приковывает взгляды, что слушается и заставляет заслушаться и т. п. То, что субъект не замечает, на что не обращает внимания: не смотрит, не слушает и т. п., по определению не может вызвать любопытства и интереса, ср.: *В зале Верховного суда присутствовали, привлекая всеобщее внимание, четыре дочери Альберта Гора (из газет).* Связи между вниманием, любопытством и интересом проявляются в общих для них конструкциях и определениях, ср.: *слушать / смотреть с вниманием / с любопытством / с интересом, проявить внимание / любопытство / интерес; живое / жадное / напряженное любопытство / внимание — живой / жадный / напряженный интерес.*

Так, в языке отмечается связь внимания и интереса, как и любопытства, со зрительным восприятием, внешним выражением и проявлением эмоционального отношения к происходящему, градуируемостью, глубиной, интенсивностью и пр. В частности, внимание так же, как любопытство и интерес, проявляется внешне (ср.: *молчаливое, заинтересованное, вопросительное внимание: До половины речи рот его был полуоткрыт, взгляд немного озабочен — признаки напряженного внимания (Гончаров)*); и также сопровождается переживанием происходящего — наблюдаемого, воспринимаемого и пр. (ср.: *живое, жадное, острое, восторженное, напряженное, строгое, тревожное внимание: В черных глазах ее светилось живое внимание к каждому услышанному слову (Соколов-Микитов)*), или выражением отношения к происходящему, ср.: *ледяное, снисходительное — подчеркнутое, почти-тельное внимание: Все слушали с почтительным вниманием (Л. Толстой).* Внимание также может быть выше или ниже нормы, ср. *ослабленное — усиленное внимание*, отличаться своим проявлением или продолжительностью, ср.: *особенное, пристальное,*

постоянное внимание. Оно может достигать большой глубины (ср. *глубокое внимание*) и интенсивности, ср. *Магн* (внимание) — *исключительное, необыкновенное, чрезвычайное, огромное внимание*: *Говорил он, а она с чрезвычайным и предупредительным вниманием его слушала* (Достоевский).

Внимание отличается тем, что оно более всего связано с восприятием текущей ситуации, ср.: *внимать* 'воспринимать (органами чувств)'. Оно рационально, ситуативно «вынужденно» и намеренно, ср.: *внимательно смотреть/слушать — вслушиваться, вглядываться/разглядывать* vs. *упустить из виду; сосредоточить внимание — сосредоточиться*. Оно обязательно сопровождает работу, деятельность и выполнение обязанностей, тогда как интерес и тем более любопытство в большей или меньшей степени факультативны, необязательны: не всякую работу человек делает с интересом, не всякую речь слушает с интересом или любопытством, но обязательно — с вниманием, *внимательно: слушать невнимательно* — все равно, что не слышать. Несмотря на то, что в языке отмечается сходство между вниманием и интересом с точки зрения их контролируемости, ср.: *пристальное/целенаправленное внимание — интерес*, тем не менее именно внимание требует особого и обязательного сознательного контроля.

Контроль над ним может усиливаться или ослабляться, ср.: *рассеянное* vs. *неослабевающее, неослабное, неусыпное, сосредоточенное, концентрированное, сконцентрированное внимание*. При этом разные люди в разной степени обладают способностью концентрировать и контролировать свое внимание, ср.: *обостренное внимание, полный внимания, я весь внимание, сосредоточить свое внимание на чем-л. — сосредоточиться* vs. *рассеянный, невнимательный*. Поэтому внимание как состояние сознания и особенность поведения входит в аксиологические характеристики разумного субъекта, ср.: *внимательный (читатель), сосредоточить внимание — сосредоточенный (на своем деле), вдумчивый (студент)*, так как внимание — это не просто контроль над собственным поведением, но и способность концентрироваться, особое эпистемическое усилие. При этом повышенное внимание к определенному объекту может сказаться на характеристике стиля жизни субъекта, ср.: *уделять слишком много внимания (и потому времени) здоровью/работе/развлечениям/мелочам / чужим проблемам* и пр.

Внимание естественно развивает значение 'психологическое отношение к другому человеку' — 'заботливое, чуткое отношение; участие, расположение к кому-либо', в отличие от потенци-

ально меркантильного интереса, ср.: *знаки внимания, материнское, отцовское, дружеское, дружественное, товарищеское, заботливое, душевное, сердечное, сочувственное, теплое, трогательное, поощрительное, почтительное, приветливое, человеческое, чуткое, подобострастное внимание*: Она легонько прижала к себе локоть Зины в знак благодарности и дружеского внимания (Нагипшин).

Учитывая роль восприятия, особенно зрительного, в жизни человека, можно предположить, что желание знать происходит от желания видеть/воспринимать, точнее, потребности видеть (и потому знать) то, что окружает, особенно происходящие вокруг изменения, и особенно те, что препятствуют или способствуют достижению жизненных целей. Естественная потребность преобразуется в естественный *интерес*, который, благодаря своей связи с жизненными ценностями, приобретает черты индивидуальности, ср.: *личные интересы ~ цели*. При этом условием и средством получения знания выступает *внимание*.

Выражение, описание и обозначение ситуации «желание внимать/знать» воплощено в языке в целом ряде лексических единиц, устойчивых выражений и синтаксических конструкций, показывающих, как, чем и почему интересуется человек, что способно привлечь его внимание, какие знания для него важны и пр. Так, основным маркером осознания желания знать выступает предикат *интересно*, ср. англ. *I wonder*. Его употребление показывает, что *интересно* не *обычное, ожидаемое, предсказуемое, а необычное, неожиданное, странное* (ср.: *Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее... не оказалось ни одного человека* (Булгаков)), не *одинаковое, однотипное, типичное, монотонное, а разное, разнообразное, непохожее (ни на что)*. *Привлекает внимание* то, что *ново, неизвестно, непонятно*, ср. англ. *wonderful, queer, strange, unusual, funny, fantastic*.

То, что интересно, способно *удивлять* и даже *изумлять*, ср.: *удивление (вне себя от удивления), на удивление (крепкий), удивительный, диву даваться, на диво, дивиться 'приходить в удивление', заинтриговать, а затем увлечь, захватить, занять и превратиться в занятие или в развлечение*, ср.: *увлечение, увлечь(ся), увлекательный, увлеченность, привлекательный, занятный, его заняла мысль «заинтересовала», интересоваться/увлечься живописью; интересный/любопытный/занимательный/занятный/увлекательный/забавный 'интересный' (рассказ)*, ср. англ. *involved*. «Увлеченность» при этом может выражаться грамматически и по-

казывать «интенсивность» процесса, ср.: *заиграться, зачитаться, засмотреться, заслушаться, разбегаться, рассказаться, разыграться, размяться* и т. п.

Интерес обычно проявляется в поведении и речи: *недоумевать, беспокоиться, не удержаться (от вопроса), любитель острых ощущений* (ср.: *Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?* (Булгаков)), а также в обозначении объектов, вызвавших/вызывающих интерес, ср.: *диковинка* 'странная, удивительная вещь, явление', *курьез* (ср. франц. *sigieux*), *сюприз, загадка (природы), достопримечательность, интригующий, притягательный*. Другими знаками проявления интереса выступают *любопытно, удивительно, завлекательно, странно, необычно, поразительно, занято*, тогда как *скучно, занудно, нудно, однообразно, неинтересно* — знаки его отсутствия, ср.: *слушать/смотреть с интересом / с любопытством, будить/возбуждать/вызывать/зажечь/разжечь повышенный интерес/любопытство, любопытный экземпляр vs. рутина, повседневность, обыденность, оскомина* (перен. 'сильно надоесть'), *надоело, приелось, опротивело, устать от чего-л.* При этом считается, что есть вещи, которым свойственно вызывать интерес, и что проявление любопытства неудивительно, ср.: *удивить кого-л. своим интересом* (но не *любопытством*) *к чему-л.*

Грамматически «желание знать» зафиксировано в языке в виде вопроса — особой — вопросительной формы предложения, особых вопросительных местоимений, наречий, частиц и выражений (ср.: *ли, неужели, разве, как же, да* и мн. др.), особого знака препинания и особой — вопросительной интонации. При этом сам *вопрос* концептуализируется как помеха, препятствие, как констатация отсутствия знания, выражение желания его получить и обращение к адресату за помощью — преодолеть незнание (ср. [Рябцева 1990; 1999]). В семиотическом отношении это состояние выражается взглядом, ср.: *вопросительный взгляд, смотреть с любопытством / вопросительно/недоуменно*. Кроме того, идея «интеррогативности» присутствует в семантике «ментально-дискурсивной» лексики, имеющей валентность на содержание, и др., ср.: *проблема, вопрос, задача, идея, мысль, гипотеза, предположение, предложение, убеждение, взгляд* и т. п. — *состоящие в чем?* (подробнее см. [Рябцева 1989]).

Таким образом, любопытство характеризует происходящее с точки зрения вовлеченного в него, но достаточно пассивного субъекта, который тем не менее обращает внимание на интерес-

ные для него явления. Внимание активизирует и организует его поведение и тем самым создает у него предпосылки к дальнейшему эпистемическому контакту с соответствующим объектом или явлением — более меркантильному интересу. Сравнение внимания, любопытства и интереса с точки зрения их интенциональности показывает, что они в разной степени контролируемы. Так, только внимание обязательно требует сознательных усилий и намеренного контроля и потому непосредственно связано с мыслительными способностями.

Любопытство как захватывающее субъекта стихийное, «дорациональное», «преходящее» чувство, как естественная и «бескорыстная» эпистемическая реакция на ситуацию, лишь порождается тем, что субъект обратил на что-то внимание, но дальше оно уже не требует специальных сознательных усилий, оно уже само организует поведение субъекта, превращается в «самоподдерживающееся и самоорганизующееся текущее состояние», организующую самостоятельно поведение субъекта силу, которая, в свою очередь, способна формировать интересы. Интерес как более устойчивое отношение к явлениям, осознание их пользы и избирательность к ним, направляет и ориентирует более долговременное и внеситуативное внимание субъекта и его устремления, формирует его избирательность в системе ценностей и связывает с аксиологическими и телеологическими аспектами восприятия мира.

Поэтому можно сказать, что в эпистемической сфере любопытство — это важный и своеобразный «преобразующий оператор», связывающий внимание с интересом, наклонностями, увлечением, целью, ценностями и устремлениями и в конечном счете — с «избирательностью» в отношении к жизни. Оно не просто занимает промежуточное положение между ними, а показывает главное, центральное место в эпистемической цепи, в котором вынужденное внимание преобразуется в добровольный и активный интерес.

Не менее значима и зафиксированная в языке связь любопытства с когнитивными явлениями — знанием, неопределенностью и новизной: любопытство *пробуждается*, когда субъект испытывает потребность *узнать* что-то *новое* об объекте — снять *неопределенность*. Когнитивное состояние неопределенности — *незнание, неизвестность* — является причиной нарушения эмоционального равновесия субъекта, чем доставляет ему неприятные ощущения, ср.: *томиться/мучиться неизвестностью/неопределенностью, мучительное/жгучее любопытство*, и побуждают к действию — снятию неопределенности, добыванию знания и информации, «узнаванию» нового.

Неопределенность/незнание *vs.* новизна/новости

Связь любопытства с когнитивными явлениями показывает, что в языке запечатлена не только теоретическая и практическая ценность знаний, их утилитарность, сила и возможности, «знания как средство достижения цели, контроль, власть над ситуацией, инструмент» и т. п., но и их «самоценность».

Как отмечается в психологии, любопытство парадоксально в первую очередь потому, что, по определению, обозначает не просто осознание незнания и желание его восполнить, но еще и получить такие знания, которые данному человеку в данной конкретной ситуации или даже в более отдаленном временном интервале не нужны. Не случайно *любопытство* чаще всего определяется как *праздное*, а *толпа любопытствующих* и *толпа зевак* — это в принципе одно и то же. Тем не менее само осознание неопределенности или незнания переживается как лишение, недостаток чего-то важного, а новая информация — как обязательное условие полноценной жизнедеятельности, даже если она и не нужна для какой-то практической цели. Соответственно, новая информация — это не только жизненно необходимая пища для ума: сведения, которые нужны в текущей ситуации или в перспективе, но и не менее важная и необходимая пища для души и сердца — впечатления, ощущения — воспоминания и пр.

Так, выражения *оставить след*, *оставить/произвести хорошее/плохое/незабываемое впечатление*, *оставить память / в памяти* — связаны не со случайно увиденным или услышанным, а полученным в процессе намеренного восприятия, ср.: *Поэт, для которого все, сообщаемое редактором, являлось новостью, внимательно слушал Михаила Александровича, уставив на него свои бойкие зеленые глаза* (Булгаков). Люди путешествуют, читают, ходят в кино, театр, на выставки и пр., чтобы «запечатлеть» увиденное. Впечатления складываются в представления, которые становятся жизненным опытом, ср.: — *Это очень важное сведение, которое мне, как путешественнику, чрезвычайно интересно*, — ...пояснил *заграничный чужак* (Булгаков). Проявление любопытства отчасти сродни естественной потребности в новостях, которая, в свою очередь, объясняется ценностью знания вообще: оно необходимо не только утилитарно, но и духовно.

Именно поэтому не вызывает удивления постоянный интерес человека к новостям. Новость — это известие, сообщение о происходящих или только что происшедших изменениях в мире и жизни людей, ср.: *горячие/свежие новости, последние известия*.

Чем «больше» изменение, тем «больше» новость, ср.: *важная, исключительная, крупная новость — сенсация*; ср.: *Поделиться любопытной новостью — все равно что поделиться маленькой радостью* (Тендряков). Причем чем неожиданней новость, тем она интереснее, тем большее впечатление она производит, ср.: *интересная, любопытная — удивительная, поразительная, потрясающая, волнующая, небывалая, неслыханная, ошеломительная* (разг.), *ошеломляющая* (разг.), *головокружительная* (разг.), *сногшибательная* (разг.), *животрепещущая, пикантная, фантастическая, сенсационная новость: Старик принес новость сногшибательную* (Марков). Главное в новостях — то, что они могут непосредственно касаться жизни людей, ср.: *хорошая, добрая, приятная, радостная, утешительная — плохая, худая, неприятная, печальная, прискорбная, скверная, тяжелая, малоутешительная, неутешительная, удручающая, тревожная, чудовищная, грозная, мрачная, страшная новость*.

Таким образом, новости, информация, знание — не только ментальное и когнитивное явление, но и эмоционально-психологическое, а любопытство — это не только желание узнать что-то новое, но при этом еще и «пережить» эту новость: вписать ее в личную — эпистемическую — сферу и оценить, эмоционально «прочувствовать» и дополнить ею свои представления о мире, сделать их более определенными, осознать ее воздействие на себя и свою жизнь, проявить *безразличие* к ней. Отсюда связь и противопоставление любопытства с противоположными явлениями и состояниями, в первую очередь с безразличием.

Причиной желания знать выступает неопределенность и потребность ее снять, а причиной отсутствия такого желания — безразличие к происходящим изменениям, ср.: *томиться неизвестностью/неопределенностью, с нетерпением ждать результатов/исхода голосования vs. индифферентный*. Не случайно любопытство противопоставляется *скуке, безразличию, равнодушию, апатии* как более естественное состояние менее естественному и желательному, ср. также: *безделье, праздность, пресыщение, уныние, хандра, лень, надоесть: А может, сыграло роль старинное: мы «ленивы и нелюбопытны»?* («Литературная газета»). При этом безразличию и равнодушию противостоит не только интерес, но и беспокойство, волнение и т. п., ср. толкование *беспокоиться, тревожиться* в [Апресян и др. 1997: 3]: «вызывать неприятное чувство, какое обычно бывает, когда человеку *неизвестно* что-то важное о ситуации, которая его касается, и когда он опасается, что эта ситуация изменилась или может измениться

к худшему». То, что не интересно, — то безразлично, не беспокоит, не тревожит и не волнует, ср.: *Он не интересуется делами в лаборатории / равнодушен к ним — Положение в лаборатории его не беспокоит / не волнует / не тревожит vs. Этот вопрос/загадка/тайна меня беспокоит/волнует/интересует.*

Так что желание снять неопределенность — не единственная причина любопытства. Его первопричиной становится также не менее свойственное природе человека стремление к новизне, разнообразию и даже развлечению, ср.: игра, спорт, соревнование, — т. е. ко всему тому, что противостоит скуке. Скука — неприятное и угнетающее ощущение и состояние, реакция души на окружающую действительность, на собственное состояние бездеятельности, на отсутствие свежих впечатлений и новой информации — того, что делает жизнь живой и интересной, ср.: *невыносимая/нестерпимая/адская скука vs. оживиться, ожить, заинтересоваться.* Любопытство мобилизует, скука же — разлаживающая сила: это неудовлетворенная потребность в новизне, незанятость ума, отсутствие цели [Урысон 1997: 370–372], ср.: *занять себя, найти себе занятие, занимательный*; она связана с пустотой и однообразием.

Скука притупляет реакцию человека на окружающую действительность, сковывает, парализует, угнетает и усыпляет, любопытство, напротив, активизирует его состояние и поведение, мобилизует, стимулирует и оживляет: поиск, запрос, получение и «переживание» новой информации ощущаются как естественное, обязательное — и вносящее необходимое разнообразие — явление жизни, ср.: *сгорать/умирать от любопытства vs. тупеть/засыпать/умирать от скуки*, ср.: *Разумеется, злословие и сплетни шли своим чередом, так как без них и свет не стоит, и миллионы бы особ перемерли бы от тоски, как мухи* (Достоевский). Градуируемость скуки сходна с любопытством, ср.: *она слушала с некоторой / тяжелой / все возрастающей скукой — с некоторым / большим / все возрастающим любопытством.* Точный антоним слова *сучный* — *интересный*, интерес — это «часть» любопытства: то, что интересно, вызывает любопытство, не дает скучать, «наполняет жизнь», делает ее «полно-ценной», ср.: *Ее до сих пор интересует все на свете, она не знает скуки* (пример из [Урысон 1997: 370]). *Интересный* — такая же вызывающая положительные эмоции характеристика объекта, как и *красивый, привлекательный, умный, веселый, необычный, ценный* и т. п.

Так что оказывается, что самооценность знания — в том, что сам факт его получения небезразличен субъекту и в каком-то

смысле похож на занятие и даже развлечение — *занимает, увлекает* и пр. При этом «перцептивная» направленность любопытства роднит его с такими «развлечениями», как путешествие, экскурсия, концерт, цирк и пр. Как наиболее яркое сочетание чувства и разума в текущем сознании субъекта, любопытство заключается в ощущении и переживании отсутствия знания и внутренне — эмоционально — обусловленное стремление узнать, получить новую информацию, своего рода жажда или голод нового — но сама по себе, особая — слабоконтролируемая форма и свойство интеллектуально-аффективного поведения. Любопытствуя, субъект ищет не только, а может быть, и не столько знания, сколько новизны ощущений и переживаний. Это важное интеллектуальное и в то же время эмоциональное состояние и стремление изведать новые *впечатления*, их синтез, ср.: *Так интересно, что дух захватывает*, своего рода самосохранение и самоподдержание жизненного тонуса. Поэтому психологически любопытство — скорее стремление к *переживанию* нового, а не к его *познанию*.

Таким образом, концептуальные связи любопытства со смежными когнитивными понятиями и явлениями позволяет предположить следующее. Центральное для любопытства состояние — «вовлеченность в текущую ситуацию и интерес к ней» — весьма положительное: оно доставляет удовольствие, вносит в текущее состояние и вообще в жизнь необходимое и обязательное разнообразие, делает ее содержательной и приятной, противостоит неприятным и тягостным ощущениям скуки и тоски. Это то, к чему человек осознанно или неосознанно, интуитивно стремится — путешествуя, посещая выставки, театры, концерты, развлекаясь, играя и т. п. Это то, что оправдывает внимание, не обманывает ожидания, развлекает, доставляет радость и потому в равной степени рационально и эмоционально.

В результате в системе когнитивных понятий любопытство занимает выделенное положение между потребностью в практических знаниях и естественным стремлением к разнообразию, новизне ощущений и переживаний, — благодаря тому, что по сравнению с осознаваемой потребностью в новостях, оно проявляет подсознательное стремление к получению знаний и их самодостаточную в этом отношении ценность для человека. Однако получение далеко не всякой информации поощряется: общество ограничивает эпистемические потребности личности этическими предписаниями.

Прагматика любопытства:

социально-этические запреты, предписания и наставления

Любопытство становится этически маркированным и социально осуждаемым поведением, когда оно направлено на другого человека. Именно в этом месте значения слов *любопытство* и *любознательность* в русском языке расходятся, противопоставляются и «тимнологически ранжируются», ср. типичную, проявляющую этот факт ситуацию «тимнологического ранжирования» [Пеньковский 1995]: — *Почему ты спрашиваешь?* — *Так, из любопытства*, но не **Так, из любознательности*. В результате по отношению к окружающим людям никогда не говорят *проявлять любознательность*, только *любопытство*, которое в более категоричной форме звучит как *совать свой нос не в свои дела* — *to have one's finger in every pie*, ср.: *Внешне героического в Жанне Оболдиной мало. Она забавна и нелепа в своем переднике и чепчике. Она простодушно плачет, если обидно, робеет, если страшно, сует свой нос, если любопытно, и когда думает идти на войну, то зовет с собой чуть ли не всю деревню, даже чужака-лекаря* («Литературная газета»).

Не случайно внутренняя форма слова *любо-пытство* связана с «пыткой»: пытаться другого человека с тем, чтобы он предоставил интересующие сведения. Именно поэтому автоквалификация своего состояния как любопытства часто вынуждается правилами вежливости, сопровождается извинениями или сама звучит как извинение, ср.: *Извините за любопытство, Можно/Нельзя ли полюбопытствовать?* Квалификация поведения второго лица, адресата, как любопытство обычно означает осуждение. Так, известные выражения *Любопытной Варваре...; Много будешь знать...; Curiosity killed the cat; Mind your own business* и др. звучат чаще всего в лицо, перформативно, как предупреждение или пресечение; ср.: *Его зовут Шполянский. — Он здесь? — Нет, он уехал... В Москву. Какой вы любопытный* (Булгаков).

Именно поэтому в языке так много понятий, устойчивых оборотов и выражений с явно отрицательной оценкой соответствующего поведения: *подсматривать, подглядывать, подслушивать, выслеживать, вынюхивать, шпионить, следить, выуживать, выпрашивать, выпытывать, допытываться, вызнать, выведать, дознаться, прознать, разузнать, совать нос не в свои дела, лезть не в свое дело / в душу, приставать с расспросами, быть к каждой бочке затычка*, ср.: *В это время Тимофей Кондратьевич Квасцов на площадке лестницы припадал к замочной скважине*

в дверях квартиры председателя то ухом, то глазом, изнывая от любопытства (Булгаков). Социально институированные или регламентированные действия соответствующего характера получают специальное название, ср.: *допрос, опрос, анкетирование, дознание, но пытки, допрос с пристрастием, слежка*.

Чрезмерный, повышенный интерес к подробностям чужой личной жизни осуждается в культуре, так как наносит моральный ущерб личности (ср. *интимные подробности*, англ. *privacy*). Поэтому, в частности, считается плохим тоном задавать соответствующие прямые вопросы и рекомендуется прибегать к «наводящим», ср.: *Куда вы идете? vs. Далеко ли путь держите?* (см. [Булыгина, Шмелев 1997: 269]). Кроме того, выражения *праздное/пустое любопытство, из чистого любопытства* (но не **из чистой любознательности*) показывают, что в норме «любопытство» должно быть мотивировано какой-то практической целью, потребностью, необходимостью, а *любознательность* уже сама по себе содержит такую причину. Она подразумевает интерес не к людям, а к устройству мира и потому никогда не осуждается. Нельзя **чрезмерно интересоваться живописью*, но можно *чрезмерно интересоваться подробностями чужой жизни/скандала* и т. п.

Поскольку любопытство к личности другого человека может оказаться бестактным, его не принято демонстрировать, и субъект часто боится (ср. *трусливое любопытство*) быть осужденным за любопытство и потому его скрывает, что, правда, далеко не всегда ему удастся, иногда оно бывает настолько сильно, что он даже не пытается его скрыть, ср.: *затаенное, тайное — неприкрытое, нескрываемое, откровенное — привязчивое, беззастенчивое, дерзкое, назойливое, нетерпеливое любопытство*, ср.: *В пытливых глазах Василия Тихоновича было нескрываемое любопытство* (Куприн). С другой стороны, социальное взаимодействие вообще и общение в частности предполагает выражение положительного, благожелательного и т. п. отношения к адресату и потому предписывает *интересоваться* делами другого человека — это часть этикета, вежливого и правильного поведения, ср. в этой связи шутку-предостережение: *How are you? is not a question, it's a greeting*.

Поскольку любопытство часто связано с поведением, затрагивающим интересы другого человека и «направленным» на него, то чужое любопытство вызывает естественную реакцию дать ему отпор — перейти в самооборону, самозащиту, оградить себя от посторонних взглядов, ушей, расспросов и т. п., ср.: *ширма, занавески, забор* и пр. В этом отношении любопытство сродни наси-

лию, вызывающему естественную ответную реакцию — контрмеры. Так, один из способов «самообороны» и ответной реакции — обман, ложь: нередко человек вынужден прибегать к обману, чтобы скрыть истинное положение вещей, интересующее окружающих его людей, ср.: *Оказалось, что все это вранье, это он просто в письмах сочинял, чтоб мать спокойной была* (Ю. Гончаров). В результате получается, что чужое любопытство вносит разлад в жизнь и действия субъекта: он вынужден переключаться, перестраиваться, изменять планы или заменять выбранные им способы достижения цели или вовсе отказаться от нее и заняться вынужденным делом — самозащитой, защитой своих интересов, поиском, выработкой или принятием контрмер. Так рождаются тайны и секреты.

Итак, в социальной сфере присущее природе человека естественное «желание знать» — любопытство, порождает у другого человека не менее естественную потребность что-то скрыть: сведения о частной жизни одного лица могут стать инструментом манипуляций другого лица. Их можно использовать в корыстных целях, в частности с целью контроля за чужим поведением (ср. *шантаж*), для его дискредитации, как повод для *пересуд* и потому искажений, *передергиваний* и *клеветы*, или *издевательств*, *насмешек* и пр., ср. *сыграть на чьих-л. чувствах*. Так что боязнь или страх быть уязвленным или опасение за свои планы — вполне разумное основание не менее естественного желания субъекта держать подробности своей жизни, в частности свои намерения и цели, в тайне, секрете, и т. п., ср. *тайна/секрет* — «нечто важное и интересное, чего человек не знает о каком-либо предмете, так как это от него скрыто и узнать трудно» [Апресян и др. 1997: 432].

Кроме того, часто скрывается то, что неблагоприятно, преступно и сведения о чем могут стать причиной юридического преследования, что может нанести тяжелую травму и т. п., ср.: *тревожная, грустная, тяжкая, темная — гибельная, гробовая, зловещая, смертная, убийственная, беспощадная тайна: Тяжких тайн не выдаст мой язык* (Пушкин). С другой стороны, именно тайны и секреты вызывают особенно острое любопытство, стремление узнать то, что скрывается, ср.: *неведомая — влекущая, заманчивая, манящая, соблазнительная, пленительная — необъяснимая, непостижимая, непроницаемая, неразгаданная — раскрытая тайна: Как неразгаданная тайна / Живая прелесть дышит в ней* (Тютчев). Поэтому, вопреки этическим предписаниям, человек старается раскрыть или вывести тайну: *Она кликнула Ивана Игнатьевича, с твердым намерением вывести от него тайну, которая мучила ее*

дамское любопытство (Пушкин). Поскольку секрет — то, что скрывается, то выражение *если не секрет* используется говорящим, «когда он боится показаться бесцеремонным» [Апресян и др. 1997: 433], ср.: *Да, мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?* (Булгаков).

В межличностном плане любопытство сближается также с такими явлениями и понятиями, как *гордиться, хвастаться, сознаваться, признаваться, скромничать, стесняться, стыдиться, смущаться* и др., ср.: *Съезжу в Нижний на ярмарку и оттуда домой, — как бы стыдясь ничтожности своих планов, сознался Ваня* (М. Кузьмин). Так, все они во многом обусловлены воспитанием; то, чем обычно хвастаются или гордятся и чего стыдятся, часто и выступает объектом любопытства или сокрытия, ср. характерный диалог: — *Как дела? / Что новенького/хорошего? — Да похвастаться нечем.* Ср. также: *страх разоблачения, уличить, стыдить* и т. п. О том, что на первый взгляд праздное любопытство может нанести серьезный урон личности, говорит то, что вызывающие повышенное любопытство известные люди, в частности в мире шоу бизнеса, предпринимают огромные усилия, чтобы подробности их жизни не стали достоянием публики, и которые, что показательно, называются *мерами безопасности*.

Социальный смысл тайны состоит в том, что она разделяет людей на своих, близких, друзей и на посторонних, чужих, врагов. Так, социальная, экономическая и политическая роль тайны и секрета в обществе подчеркивается их институционализированностью, ср.: *государственные секреты, конспирация, конфиденциальный; тайна вкладов/переписки/исповеди, военная/государственная/производственная/врачебная/коммерческая тайна vs. неофициально/нелегально/подпольно/келейно/конспирация, разведка, шпионаж.*

Если сохранение в тайне подробностей личной жизни позволяет сохранить лицо, оградить свою личную жизнь от посягательств и контроля со стороны посторонних, то социальный и политический смысл тайны говорит о том, что содержание тайны может означать силу, власть, преимущество, превосходство или, напротив, слабость, страх, уязвимость. Раскрытие государственной и пр. тайны может нанести экономический урон или ущерб, влечет утрату преимущества или превосходства и потому дает импульс для развития мощных средств противостояния, ср.: технические средства защиты информации или создания дезинформации, специальные каналы секретной связи, грифы секретности, разведка vs. контрразведка и т. п. Интересно в этой связи на-

звание разведки в англ. языке — intelligence services, CIA — Central Intelligence Agency — ЦРУ. Таким образом, «любопытство» на внутри- и внешнегосударственном уровне является стимулом для развития средств тайного, секретного, специального «добывания» интересующих стратегических и тактических сведений — с одной стороны, и средств противостояния, защиты от них — с другой.

При этом самым необычным в ситуации любопытства представляется то, что, квалифицируя чье-либо поведение как любопытство, а значит — как желание получить по сути ненужные сведения, — субъект тем самым признает, что оно заключается в желании знать то, что заведомо не будет использовано против него. Тем не менее он отказывается удовлетворить это желание. Встает вопрос — почему? Поскольку психологически любопытство — скорее стремление к *переживанию* нового, а не к его *познанию*, то реакция на такое «желание» — нежелание быть объектом чужих впечатлений (ср.: *перемывать косточки кому-л., смаковать подробности чужой жизни, злословие, злопыхательство, злорадство* и пр.) и потому — отпор чужому любопытству.

Иначе говоря, если в личном плане любопытство сходно с развлечением или игрой, то в межличностном отношении — с психологическим давлением и насилием, с посягательством на личную независимость, с нарушением самостоятельности, с контролем, властью и т. п. (ср.: *вынудить признаться*). Одновременно при этом как бы признается, что всякая информация — это не только особая ценность, сила и «богатство», но еще и потенциальное оружие, которое даже друга может превратить во врага.

Интеллектуальная сфера: связь с любознательностью, умом, фантазией

В интеллектуальном отношении в языке зафиксирована связь любопытства с любознательностью, складом ума, фантазией, увлечением загадками, головоломками, кроссвордами и т. п. Соответственно любопытство можно разделить на перцептивное и дискурсивное. Первое ближе к осмотру достопримечательностей, второе — к любознательности. Его наиболее яркое проявление — любовь к кроссвордам, загадкам, головоломкам, требующим, как известно, умственных усилий: решая их, человек получает удовольствие от процесса поиска решения. Взаимодополнительность любопытства и любознательности в том, что первое служит первотолчком ко второму, ср. итал. *La curiosità è la madre della scienza*. Породить его можно, показав важность, практическую и теоретическую

пользу, культурную значимость дискурсивного — предметного и научного — знания, и тем самым направить любопытство в конструктивное, «культурное» русло. Для того чтобы «любить получать предметные/научные знания», нужен первотолчок: вопрос, заинтересованность, желание узнать нечто новое, ср.: *занятый — заняться — занятие — занят: Начался ислам для Игоря с любопытства и острой духовной драмы, завершившейся бегством из части. Стал присматриваться к чеченцам, читать книжки. Потом Коран («Новая газета»).*

Любознательность, по данным русского языка, подразумевает интерес не к людям, а к устройству мира и потому никогда не осуждается. Она пробуждается тайнами и загадками бытия и устройства мира, а не чужой личной жизни: *нераскрытые, необъяснимые, непонятные, неразгаданные, странные тайны и загадки влекущи, заманчивы, мучительны: Цель жизни нашей для него / Была заманчивой загадкой; / Над ней он голову ломал / И чудеса подозревал (Пушкин); Старайся постигнуть высокую тайну созданья (Гоголь).* Они могут оказаться неразрешимыми, часто носят суровый характер, ср.: *Пропитанная запахом гниения, окутанная ужаса покровом, бесстрастная, безличная, немая, суровую и черною загадкой всегда стоит пред человеком смерть (Горький).* В загадке важен и привлекателен способ организации и умственные усилия, необходимые для ее решения: *головоломная, замысловатая, мудреная, мудрая, сложная, трудная, хитрая, хитроумная, умная — легкая, простая загадка: Мудреную загадку отгадывали все. Бились с ней полчаса (Седых); Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки (Л. Толстой).*

Любопытство вынуждает к сокрытию, скрыванию, утаиванию, обману — особому социальному поведению, любознательность влечет занятость интеллекта и толкает к развитию познавательных способностей, развивающихся в процессе раскрытия, познания, разгадывания, постижения и т. п. тайны или загадки бытия. Так что и то и другое сказывается на характеристике ума субъекта. Так, связь любопытства с состоянием и свойствами ума как способности мыслить, как сознания проявляется в общих для них или взаимоподразумевающих определениях, ср.: *взедливый, жадный, беспокойный, зоркий, пытливый, резвый, бойкий ум — жадное любопытство: Юноша отличался пытливым умом (Леонов); Все жизнью вокруг меня дышало, / Все резвый ум обворожало (Пушкин); в обусловленности способа действия субъекта и объекта любопытства выбранными ими средствами достижения цели, ср.:*

разузнать — скрыть — зацепиться — изворотливый, изобретательный, изощренный, ловкий, подвижный, сметливый (разг.), хваткий (разг.), цепкий ум: Но ум ее, и сметливый, и здравый, / Отгадывал все мигом сам собой (Лермонтов); Ибрагим отличался умом точным и наблюдательным (Пушкин).

Связь любознательности со складом ума, жизненными интересами и увлечениями фиксируется и проявляется в следующих определениях: *восприимчивый, глубокий, вдумчивый, начитанный, образованный, разносторонний, обширный, широкий, энциклопедический, энциклопедичный ум.* Свойства ума, «необходимые» как для любопытства, так и для любознательности, общие для них и их объединяющие, показывают взаимосвязь между ними: *живой, наблюдательный, острый, прозорливый, проникновенный (ср. проникнуть в тайну), тонкий, природный ум.* Так что в любом случае желание знать отражает не только отношение к миру и к жизни, но и склад ума, ср. «небезразличный» к окружающему миру ум: *веселый, восторженный, горячий, неистощимый, пламенный, порывистый, пылкий, смелый, страстный, энергичный vs. апатичный, близорукий, вялый, ленивый, неподвижный, пассивный, праздный, равнодушный, сонливый, тупой, унылый, усталый ум: Этот бойкий господин одарен таким неподвижным и ленивым умом, который никогда не усвоит себе и не поймет ни одной дельной мысли (Писарев).*

Любопытство больше связано с характером субъекта, любознательность — с занятиями и профессиональной деятельностью, ср.: *знающий, сведущий, эрудированный, начитанный, осведомленный, образованный vs. невежественный, несведущий: Втайне гордясь знатностью своего рода, он занимался геральдикой и до смешного был сведущ в ней (Бунин).* Так что любознательность это устойчивая, характерная черта личности; она подразумевает глубокий, постоянный интерес к некоторым «постоянным» объектам: предметному — специальному, научному, теоретическому и потому культурно значимому — знанию, не имеющему прямого отношения к текущей практической ситуации. Ср.: *Наука любознательна, невежество любопытно (В. Даль).*

Факт, что русский язык, в отличие от других европейских языков, различает любопытство и любознательность, можно объяснить, видимо, тем, что А. Вежбицкая [1996: 79–84] назвала склонностью русского характера к моральным и этическим суждениям и оценкам, хотя есть и другие соображения по этому поводу, ср. [Рябцева 1998]. Здесь же следует отметить, что это на первый взгляд всего лишь этическое разграничение повлекло за

собой множество побочных эффектов, в частности то, что по отношению к подробностям чужой жизни никогда не говорят «проявлять любознательность», только любопытство. Интересно также, что для достижения особого иронического эффекта *любознательность* может использоваться как эвфемизм для *любопытства*: *К чести Аннушки надо сказать, что она была любознательна и решила еще подождать, не будет ли каких новых чудес* (Булгаков).

О том, что свойства ума, склад характера, склонности и поведение человека — его занятия и «способ действия», тесно между собой связаны, говорят определения практического ума, которые включают в себя такие свойства, как *быстрый, боевой, всеобъемлющий, гибкий, дальновидный, житейский, здоровый, здравый, зрелый, конструктивный, крепкий, ловкий, меткий, непобедимый, основательный, рассудительный, спокойный, трезвый, четкий ум*; *Полевой был человек необыкновенно ловкого ума* (Герцен). Ср.: «Поскольку разным типам людей свойственны разные способы восприятия нового, ум оказывается одной из важнейших особенностей конкретного человека, причем он может нести на себе отпечаток характера, ср.: *У нее был ясный ум и легкий характер* (Пастернак)» [Апресян и др. 1997: 448].

Ум, в свою очередь, связан с фантазией — творческим воображением, способностью воображать или результатом воображения. Так, у них имеются показательные в этом отношении общие определения: *богатый, творческий, пылкий ум — фантазия*. Прибегая, в целях самообороны, к вымыслу, обману, субъект напрягает ум и использует свою фантазию, ср.: *давать волю своей богатой фантазии*. С другой стороны, интерес, вызванный объектом или ситуацией, вынуждает субъекта восприятия и любопытства прогнозировать содержание отсутствующих у него и интересующих его знаний, т. е. заниматься гаданием, строить гипотезы, предположения, обосновывать свои сомнения и т. п., т. е. вовлекает в разного рода ментальные действия.

Таким образом, в собственно ментальной сфере любопытство выступает оператором переключения из субъективного, перцептивно наблюдаемого, преходящего, текущего, мелочного в объективное, дискурсивное, культурно значимое, творческое.

Заключение

Итак, «желание знать» естественно, врожденно, активно, акционально, аффективно, эмоционально и этически маркированно, проспективно, слабо контролируемо, переживается как жизненная

необходимость, проявляется в поведении — направляет и организует его, участвует в формировании характера, проявляет жизненные установки и ценности, имеет в языке прямое выражение и воплощение в виде специальных конструкций и особых лексических средств, обозначающих, описывающих и выражающих проявление этого жизненно важного эпистемического состояния.

«Желание знать» предполагает некоторый импульс, стимул, объект, привлекающий и останавливающий внимание. Его замечают благодаря тому, что он *контрастирует* с фоном. Так, «если фон в целом знакомый и обычный, то замечается незнакомое, яркое и необычное» или неожиданное, ср.: *заметить в классе нового ученика / в волосах первую седину*. «Если же фон в целом незнакомый или необычный, то замечается, наоборот, хорошо знакомое; ср.: *заметить в толпе своего одноклассника*. С этим связана фактивность *замечать*» и *обратить внимание*: «то, что замечено, реально существует» [Апресян и др. 1997: 31]. В результате внимание стимулируется контрастом фона и фигуры: неизвестное на фоне известного или известное на фоне неизвестного. Ситуативный толчок здесь подразумевает вещественный или семиотический знак новизны — значимое изменение ситуации, его непрогнозируемость; фокусирование внимания сопровождается установкой на перспективность: ожиданием, «гаданием» (например, чем все закончится?) или запросом информации. В результате естественное желание знать, стремление к новым знаниям и ощущениям проявляется в отделении фона и фигуры — нового и старого, известного и неизвестного, в фокусировании внимания на фигуре и выливается в любопытство, интерес или любознательность.

Прототипически любопытство как наиболее ситуативно связанное эпистемическое состояние и ощущение заключается в стремлении получить ситуативные, в основном недискурсивные знания. Оно проявляется в поведении, обусловлено характером субъекта (и воспитанием), проявляет склад ума и свидетельствует об активном переживании происходящего — эпистемической вовлеченности в него. И хотя этически проявление и демонстрация любопытства не поощряется, оно имеет положительную сторону — способно служить первотолчком к любознательности — благодаря своей связи с активным восприятием мира, живостью ума и поведения. Любопытство и любознательность, таким образом, взаимодополнительны. В первом случае преобладают чувства, во втором — внутренняя рациональная потребность.

Отмеченное в русском языке противопоставление любопытства и любознательности позволяет выделить в нем две стороны — чув-

ства-переживания и потребности-стремления. Семантически *любопытство* отличается пресуппозицией внутреннего отрицания («не знать»), богатыми прагматическими импликациями и коннотациями, интерпретативностью значения и его эпистемичностью и аксиологичностью. Любопытство — это больше желание получить новые ощущения, тогда как любознательность — потребность в жизненно важной — культурно значимой информации.

Парадоксальность любопытства вызвана его психологической, эпистемической и этической неоднозначностью, которая, с одной стороны, делает его организующей поведение субъекта силой, а с другой — дезаргонизирующим действия адресата воздействием. Кроме того, любопытство, как никакое другое явление показывает, что перцептивная, когнитивно-когитативная, аффективная и акциональная сфера психики человека постоянно взаимодействуют на сознательном и подсознательном уровне. Оно раздвигает рамки собственно ментальной сферы и включает в нее систему взаимосвязанных с ней явлений. В результате *настроение, внимание, любопытство, увлечение, интерес, любознательность, поведение, воспитание, ум, знания, характер, устремления, ценности* оказываются взаимодействующими понятиями. Чем упорядоченнее это взаимодействие, тем уравновешеннее сама система.

Активизация одного из ее компонентов сказывается на остальных, отсюда — многообразие способов стимулирования развития гармонично организованной в эпистемическом отношении личности. Тем не менее любопытство занимает в этой интенциональной системе выделенное положение, которое предопределено его интерпретативностью, особым отношением с вниманием, умом, интеллектом, социальным поведением и с представлением о новом, которое, как известно, эпистемически ценно, привлекательно отношением к необычному, интересному, удивительному и т. п., аксиологически направленно и потому «фундаментально для всех сфер жизни: стремление к новизне и обновлению является одним из мощных стимулов в личной, социальной, познавательной, творческой и любой иной деятельности человека» [Арутюнова 1999: 721–725].

Зафиксированные в русском языке концептуальные связи любопытства со смежными психологическими, интенциональными, эпистемическими, аксиологическими, когнитивными и социальными понятиями и явлениями показывают его особую роль в становлении, развитии, характеристике и свойствах личности, объединяют соответствующие понятия в единую систему, упорядочивают ее и придают ей свойство самоорганизующейся системы. Таким образом, любопытство, как ощущение, что «отсутствие знания — это не-

порядок», вносит порядок в наши представления о роли знаний в личной сфере и показывает, что внутренний мир человека, как и его язык, — стремятся к самоорганизации, равновесию и гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян и др. 1997 — *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В., Гловинская М. Я., Крылова Т. В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997. Вып. 1.
- Апресян и др. 2000 — *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Урысон Е. В. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2000. Вып. 2.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999.
- Большаков, Гельбух 2000 — *Большаков И. А., Гельбух А. Ф.* Рубрикация словосочетаний в базах данных по элементам толкования сочетаемых слов // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2000. № 6.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Булыгина, Шмелев 2000 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.
- Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Горбачевич, Хабло 1979 — *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
- Пеньковский 1995 — *Пеньковский А. Б.* Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
- Рябцева 1989 — *Рябцева Н. К.* Интеррогативность научного текста // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Рябцева 1990 — *Рябцева Н. К.* Вопрос как препятствие // Концептуальный анализ: Методы, результаты, перспективы: Тезисы конф. М., 1990.
- Рябцева 1998 — *Рябцева Н. К.* Русский характер в свете отношения к родному языку // Филология: Международный сб. науч. тр.: К 70-летию А. Б. Пеньковского. Владимир, 1998.
- Рябцева 1999 — *Рябцева Н. К.* Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // Логический анализ языка: Языки динамического мира. М., 1999.
- Урысон 1997 — *Урысон Е. В.* Ум. Скука // *Апресян и др.* 1997.
- Loenwenstein 1994 — *Loenwenstein G.* The Psychology of Curiosity: A Review and Reinterpretation // *Psychological Bulletin.* 1994. Vol. 116. № 1. P. 75–98.

Е. Я. ШМЕЛЕВА

СЕМЕЙНЫЙ МИРОПОРЯДОК СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОГО АНЕКДОТА *

Наряду с представлениями об устройстве мира, диктуемыми свойствами языка, которым они пользуются, и реконструируемыми на основе анализа языковых единиц: ключевых слов или синтаксических конструкций [Wierzbicka 1997; Шмелев 2002; Зализняк, Левонтина 1996], — в сознании носителей языка содержатся и представления, которые формируются бытующими в их среде популярными текстами, в частности фольклорными: пословицами, поговорками, крылатыми словами. В настоящей статье делается попытка реконструировать представление о семейном миропорядке, бытующее в русской культуре, на основе анализа широко распространенного фольклорного жанра — анекдота. При этом, безусловно, не стоит делать выводы о реальной жизни, отношениях в обществе и в семье на основе бытующих в данной культурной среде анекдотов, как это делается в диссертации Ольги Лебедь «Анекдот как отражение кризиса семьи». Приведем лишь некоторые выводы этого исследования (в изложении газеты «Известия»): «...семейные отношения в России находятся в кризисе. Измена является наиболее распространенной темой — 20 процентов анекдотов! Жена изменяет втрое чаще, чем муж. В половине анекдотов жена чуть ли не исчадие ада, тогда как муж выставлен в таком свете лишь в 15 процентах. „Пришел к жене любовник“ — самая популярная тема, причем семейный статус визитера никогда не указывается, что говорит о двойной морали общества. Брак по расчету становится нормальным явлением и для жениха, и для невесты, а разочарование наступает едва ли не на следующий день после свадьбы» («Известия». 2000. 15 апреля). Однако несмотря на анекдотичность серьезных социологических заключений, сделанных только на основе анализа анекдотов, неверным было бы и представление о полной независимости «анекдотического пространства» и реального мира. Культурные стереотипы, бытующие в обществе, включают в себя и знание стереотипного поведения героев анекдотов, и наоборот, представления о поведении, манере речи и «менталитете» персонажей анекдотов скла-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 02-04-00188а).

дывается под влиянием бытующих в обществе представлений о поведении той или иной этнической или социальной группы.

Итак, каким же предстает семейный уклад, мир семейных отношений сквозь призму русских анекдотов второй половины XX века? Постоянными персонажами этих анекдотов являются *муж, жена, любовник, любовница (секретарша или аспирантка), теща, сын или дочь*. Герои этого типа анекдотов обладают целым рядом специфических черт. Во-первых, это, как правило, безымянные представители соответствующих социальных ролей. Во-вторых, поскольку стереотипы моногамного брака и семейных ценностей складывались в русской культуре под влиянием христианских представлений о браке и семье, они в целом соответствуют стереотипам других европейских народов. Не случайно в других культурах существуют серии «*семейных*» анекдотов с теми же героями. Однако именно сравнение этих анекдотов показывает, что, совпадая в общих чертах, многие стереотипы поведения в семье, бытующие в российском (и ранее советском) обществе, не совпадают со стереотипами других европейских народов.

Так, постоянной темой как русских, так и западноевропейских «*семейных*» анекдотов являются финансовые отношения мужа и жены. И здесь очевидно различие. В русских анекдотах семейными деньгами распоряжается *жена*, она и сама зарабатывает деньги (причем часто больше мужа), и забирает зарплату у *мужа*. Муж давно смирился с таким положением дел, он только пытается отдать *жене* не все деньги, а пропить, спрятать «*заначку*», ср. типичное начало русского анекдота:

Получил мужик зарплату, ну и дай, думает, куплю выпить, а то жена деньги заберет. Заходит в магазин, а там ни водки, ни вина, только шампанское. Купил шампанского...

или анекдот:

«Послала вчера жена за хлебом». — «Ну и что?» — «Пришел в магазин — ни белого, ни черного!» — «А ты что?» — «Что-что, взял две красного».

В анекдотах западных жена сидит дома, а муж зарабатывает деньги. При этом цель жены — добраться до его банковского счета, кредитной карты или чековой книжки, чтобы выпросить деньги на шубу, машины или бриллианты. Ср. типично русский и типично западный анекдот:

Муж собирается на работу и спрашивает жену: «Ты мой пиджак почистила?» — «Да, дорогой». — «А брюки?» — «Разумеется, дорогой». — «А ботинки?» — «А у тебя и там карманы есть?»

— Я отдала тебе лучшие годы своей жизни.

— Зато ты получила взамен лучшие страницы моей чековой книжки!

При этом, конечно, неверно утверждение, что жены в русских анекдотах никогда не просят денег у мужей, ср.

Встречаются два друга. Один у другого поинтересовался, как дела. Второй отвечает: «Да жена замучила. Каждый день деньги просит — то сто рублей, то пятьдесят». Первый: «Интересно, что она с такими деньгами делает?» Второй: «Да откуда я знаю? Я ей ни разу не давал!»

Любопытно, что в последние годы некоторые очевидно переводные анекдоты с несвойственной русским анекдотам моделью финансовых отношений в семье рассказывают как анекдоты о женах «новых русских».

Любовник в русских анекдотах в финансовом отношении ничуть не более самостоятелен, чем *муж*, и это не случайно: по-видимому, он отдает все деньги своей жене, поэтому у него нет денег на любовницу. Отличие русских и западноевропейских стереотипов, касающихся финансовых взаимоотношений *жены* и *любовника*, осознается носителями языка, что обыгрывается в известном анекдоте:

Жена перед смертью сознается мужу в том, что у нее был любовник. На вопрос мужа: «А когда это было?» француженка отвечает: «Помнишь, когда у меня вдруг появилась норковая шуба?», американка: «Помнишь, когда у меня появился новый „Кадиллак“?», а русская: «Помнишь, когда у тебя пропала ондатровая шапка?»

Вообще мужчина в русских анекдотах мало что решает в семье, находится под башмаком у жены (и давно с этим смирился), жена его ругает, встречает со скалкой, бьет. Жены тоже, конечно, бывают разные: «злая» жена указывает мужу его место, а «добрая» жена позволяет мужу пребывать в приятном заблуждении относительно своей роли в семье.

Муж: «Кто в доме хозяин?» — Жена (с угрозой в голосе): «Что-о-о?» — Муж: «А что и спросить нельзя?»

Разговаривают двое приятелей: «Представляешь, мне предложили стать президентом Общества мужей-подкаблучников». — «Ты согласился?» — «Нет, жена не разрешила».

Муж: «У нас в семье я решаю все важные проблемы: есть ли жизнь на Марсе, кто будет следующим главой правительства, договорятся ли Китай с Гонконгом. А жена решает все неважные проблемы:

сколько у нас будет детей, в какой квартире мы будем жить, где учить детей».

Любопытно, что этот явно появившийся в советское время стереотип, женщина — глава семьи, выдается за исконно русский стереотип семьи, ср.:

Илья Муромец на распутье, перед ним камень. Надпись: «Прямо пойдешь — коня потеряешь, направо пойдешь — голову потеряешь, налево пойдешь — дома прибьешь. Твоя Василиса».

С другой стороны, женщины забрали всю власть в семье, поскольку именно они выполняют все семейные обязанности: зарабатывают деньги, убирают, готовят, воспитывают детей. Типичным стереотипом анекдотов (особенно анекдотов советского времени — времени трудного быта, дефицита и очередей) является замотанная жена и лежащий на диване с газетой или смотрящий по телевизору футбол муж (муж, как известно из советских анекдотов, занимается домашней работой только раз в год на 8 марта):

Жалуеться одна подруга другой: «Я так устаю, так устаю. Приду с работы, пока все сготовлю, Васькины уроки проверю, постираю, уберу, помою». — «А как же муж?» — «Ну, это уж слишком, пусть сам моется».

Очень характерно сравнение с анекдотом из американского журнала:

«Моя жена — прелесть! Вечером, когда я прихожу с работы, она целует меня, подает домашние тапочки и резиновые перчатки...» — «А перчатки зачем?» — «В них удобнее мыть посуду».

Вообще в русских анекдотах любые попытки жены заставить мужа что-либо делать воспринимаются как посягательство на его свободу, занудство, ненужные придирки:

— Жена у меня зануда! Вечно пристает с какими-то домашними делами. Сижу вчера, смотрю по телевизору первомайскую демонстрацию, а она меня пилит и пилит: «Убери елку, убери елку!»

Так же муж в анекдотах относится к воспитанию детей: отца, как правило, нет дома, он не знает, в каком классе учится его ребенок, дома отец или читает газету, или выпивает, ср.:

Отец сидит за столом и пьет водку. Ребенок просит: «Папа, папа, надуй шарик!» Папа выпивает, закусывает, возмущенно смотрит на сына и говорит: «Ну сейчас, я все брошу и буду тебе шарик надувать!»

В контекст нежелания мужа выполнять дома какие бы то ни было обязанности встраиваются и «супружеские обязанности» —

интимные отношения мужа и жены. Муж в большинстве анекдотов воспринимает их как еще одну навязанную женой семейную работу, причем одну из наиболее трудных и неприятных, ср.:

Муж лежит на диване с газетой, а жена пристает: «Сходи за кефиром, сходи за кефиром!» Муж: «Не мужское это дело за кефиром ходить». Жена, распахивая халат: «Ну тогда займись мужским делом!» Муж, хватая авоську: «Все-все, я пошел за кефиром!»

Врач говорит мужу пациентки: «Если вы не будете спать с женой хотя бы раз в неделю, то она умрет». Муж заходит в палату к жене. «Дорогой, что сказал врач?» — «Что, что... Умрешь ты, вот что!»

Вообще, в анекдотах муж мало обращает внимания на жену, скажем, никогда не замечает ее новое платье или новую прическу, ср. анекдот про жену, которая жаловалась подруге, что муж совсем не обращает на нее внимания:

Ну, она надела противогаз, встречает мужа, подает ему обед — а он молчит. Жена не выдержала, говорит: «Посмотри на меня, неужели ты ничего не замечаешь?» Муж оторвался от газеты, смотрит-смотрит, потом говорит: «Брови, что ли, подобрала?»

Заметим, впрочем, что в этом отношении «иностранцы» мужья ничем не отличаются от русских:

Жена Джорджа Буша пришла к психотерапевту и говорит, что муж так занят политикой, что совсем не обращает на нее внимания. Психотерапевт говорит ей: «Вам надо сменить имидж, купите какое-нибудь сексуальное белье». Ну она купила черное прозрачное белье в кружевах. Ложатся Буши спать, снимает жена платье, муж смотрит на ее белье, хлопает себя по лбу и говорит: «Надо срочно позвонить Нельсону Манделле!»

Стандартной темой «семейных» анекдотов является измена жены (мужа). Любопытно, что анекдоты об измене жены и анекдоты об измене мужа устроены несимметрично, причем это отличие наблюдается как в русских анекдотах, так и в анекдотах других народов.

В анекдотах об измене жены третьим персонажем любовного треугольника является любовник. Этот персонаж не имеет никакой другой социальной роли: неважно, где он работает, есть ли у него своя семья и др. Любовник приходит к жене домой, пока муж ушел на работу, рыбалку или уехал в командировку. Затем муж неожиданно возвращается — и вот тут-то и происходит некая смешная ситуация: любовник прячется в какое-то укромное

место (под кровать, в тумбочку или шкаф, в холодильник, на балкон), где его находит (или не находит) *муж*, становится большим другом *мужа*, выпив с ним, или *муж* его вовсе не замечает (последних два случая — это высмеивание «анекдотических» стереотипов. Стандартное поведение *мужа* в анекдоте — выкинуть *любовника* с балкона, застрелить, а в этих анекдотах *мужа* волнует только то, что *любовник* может выпить его водку или (в «компьютерном» варианте того же анекдота — сменить пароль Интернета), ср.:

Два друга возвращаются из командировки. «Давай зайдем ко мне выпить!» Хозяин открывает дверь и замечает в квартире чужие мужские ботинки. «Тихо, — говорит он другу, — пойдем на кухню. На троих нам бутылки не хватит!»

Один компьютерщик рассказывает другому: «Представляешь, вчера возвращаюсь с работы чуть раньше обычного, а у жены в постели — незнакомый мужик. И глаза у обоих хитрые-хитрые... Я сразу неладное заподозрил, кинулся к компу, пытаюсь выйти в Интернет — а они, гады, пароль сменили...»

Также в целом ряде анекдотов обыгрывается «анекдотический» стереотип поведения жены в отсутствие мужа, ср., например:

Возвращается муж как-то из командировки специально пораньше. Врывается в квартиру, смотрит в шкаф — никого, под кроватью — никого, на балконе — никого. Смотрит с жалостью на жену и говорит: «Стареешь, мать!»

В случае измены *мужа* в любовном треугольнике, как правило, появляется не *любовница*, а некая подчиненная мужа (*секретарша*, *аспирантка* и т. п.). Муж изменяет жене, как правило, на работе, причем с женщиной, имеющей более низкий, чем он, социальный статус (в немногочисленных анекдотах муж изменяет жене дома, но тоже с женщиной, имеющей более низкий социальный статус — с *домработницей* или с *гувернанткой*). Если рассматривать анекдоты как некое косвенное отражение существующих в обществе культурных стереотипов, то можно констатировать, что в сознании как русских, так и других европейских народов, есть стереотип более высокого социального положения мужчины в обществе и использования им этого положения.

«Семейные» анекдоты охватывают все стороны семейной жизни. Существуют серии анекдотов про взаимоотношения выросших *детей* и *родителей*, ср., например, серию анекдотов — «мужской» разговор отца и выросшего сына:

«Сын, ты уже взрослый, можешь, если хочешь, закурить». — «Спасибо, папа. Я уже два года, как бросил»

или:

«Сын, ты уже вырос, пора поговорить с тобой о сексе». — «Да, папа, что ты хочешь знать?»

а также многочисленные анекдоты про взаимоотношения *мужа (зятя)* с матерью *жены (с тещей)*. Заметим, что практически нет анекдотов о взаимоотношениях *жены (невестки)* с матерью мужа (*свекровью*), а также анекдотов о *тесте и свекре*. По-видимому, в русском фольклоре эти отношения не считаются существенным элементом семейного мироустройства.

В сознании носителей русского языка существуют не только стереотипы семейного мироустройства в русской семье, но и стереотипы семейных отношений в иностранных семьях, в семьях народов-соседей или в «новорусских» семьях. При этом иностранцы, как правило, появляются лишь в «многонациональных» анекдотах, где одним из персонажей является «русский», т. е. на самом деле это анекдоты о русских. Такие анекдоты лишь подтверждают стереотипы о русских мужьях-пьяницах, о том, что все дела в доме должна делать жена, о том, что жена, в свою очередь, только и думает что о хозяйственных делах, ср.:

Если у англичанина есть жена и любовница, то любит он жену; если у немца есть жена и любовница, то любит он любовницу; если у француза есть жена и любовница, то любит он обеих. У русского тоже есть жена и любовница, но любит он водку.

Встречаются француженка, англичанка и русская. Француженка говорит: «Я, когда замуж выходила, своему жениху сказала, что стирать и убирать не буду. День после свадьбы его не вижу, два не вижу, на третий день привел домработницу». Англичанка рассказывает: «Я своему тоже условие поставила, что на кухне работать не буду. День его не вижу, два не вижу, на третий понавез он мне всякой кухонной техники». Русская говорит: «И я своему тоже условие поставила, что ни стирать, ни убирать, ни готовить не буду. Так вот, день не вижу, два не вижу, на третий день глаз немного приоткрылся».

О чем думают женщины во время исполнения супружеских обязанностей? Немка думает: «Мой Ганс все всегда делает правильно, как положено». Француженка думает: «Пьер, конечно, ничего, но Жан все-таки лучше!» Русская думает: «Потолок что ли побелить?»

Что касается анекдотов о народах-соседах, то отношения, например, чукчи с женой или поведение украинской жены соответ-

ствуется русским стереотипам отношений в семье, а отношения в еврейских семьях выбиваются из общих стереотипов, ср., с одной стороны, анекдоты:

По реке плывет лодка. На корме сидит чукча и курит трубку. Его жена гребет против течения. «Хорошо ей, греби себе и греби. А мне думать надо, как дальше жить».

Женился татарин на хохлушке и говорит ей: «Если, когда я домой возвращаюсь, у меня тубетейка на правое ухо надета, я тебя любить буду, целовать буду. А если на левое ухо надета, лучше не подходи, а то неприятности будут». А хохлушка ему говорит: «Если ты домой придешь, у меня руки на фартуке сложены, борщ будет, сало будет, любить буду. А если у меня руки в боки — то все равно на каком у тебя ухе тубетейка...»

и, с другой стороны, анекдот о том, как представители разных народов ходят в гости и возвращаются из гостей (еврей приходит в гости с женой, детьми, братом, сестрой и бабушкой, а возвращается из гостей со всем семейством и с куском пирога для бабушки), или анекдот о том, что можно сделать с тонной яблок (еврей отдает яблоки прежде всего жене, потом детям, а потом и другим многочисленным родственникам). Стереотипом анекдотического поведения еврея в анекдоте является утрированная ценность семейных отношений. Приверженность семейным связям подчеркивается средствами, при помощи которых герои еврейских анекдотов осуществляют референцию к жене: «моя Сарочка» или к мужу: «мой Моня». При том что, конечно, и в еврейских анекдотах мужья мечтают избавиться от растолстевших и постаревших жен, а жены изменяют мужьям, семья, семейные отношения рассматриваются как главная ценность, ср.:

Стук в дверь. «Рабинович, у вас золото есть?» — «Сто десять килограммов вас устроят?» — «Да, да, конечно!» — «Сарочка, золотце, выходи!»

Встречаются Бетя и Сара. Сара спрашивает: «Слушай, Бетя, что ты такая нервная, что случилось?» — «Ой, ты знаешь, — отвечает Бетя, — я так волнуюсь, так волнуюсь. В прошлый понедельник красивый молодой человек постучал в мою дверь и спрашивает: „Ваш муж Моня дома?“ И когда я ответила, что мужа нету, он схватил меня на руки, понес наверх в спальню, положил на кровать и жарил меня три часа... Вторник, стук в дверь. Тот же молодой человек. Спрашивает, или Моня дома, и когда я ответила, что Мони нет, хватает меня на руки, тащит наверх в спальню, ложит на кровать и жарит меня че-

тыре часа... Вчера — то же самое. Стук в дверь. „Моня дома?“ Я отвечаю — нету. Он хватает меня на руки, тащит наверх, жарит ПЯТЬ часов!!!» — «Я так переживаю, так волнуюсь», — жалуется Бетя. — «И что ты волнуешься?» — спрашивает Сара. — «Шо он хочет от моего Мони?...»

Интересно, что в русских анекдотах о евреях, в отличие от американских анекдотов, *дети* не являются персонажами анекдотов, ср. американскую серию «Jewish American Princess» — анекдотов об избалованных еврейских дочках. Но во многих еврейских анекдотах, причем как в русских, так и в западных, в качестве действующего анекдотического персонажа выступает *мама взрослого сына*, ср. продолжение приведенного выше анекдота о том, кто кого любит: *И у еврея есть и жена, и любовница, но любит еврей маму*. Ср. также:

Еврейский юноша решил жениться, и рассказывает об этом своей матери: «Мам, я решил сделать тебе сюрприз. Я приведу в дом сразу трех девушек, а ты попробуешь догадаться, какая из них моя невеста...» На следующий день он приводит домой трех девушек, блондинку, брюнетку и рыженькую. Вечер проходит превосходно, все довольны. Когда гости разошлись по домам, он спрашивает у матери: «Мам, ну как ты думаешь, кто она?» — «Рыжая, без сомнения!» — говорит мать. — «Мамочка, — расплывается в улыбке сын, — но как ты догадалась?» — «А она мне сразу не понравилась...»

Абрамович встречает Рабиновича: «Мойша, шо такое? Я слышал, что ты развелся уже в четвертый раз. Неужели все женщины такие привередливые?» — «Нет... только мама».

Поскольку анекдоты о новых русских во многом построены по типу этнических анекдотов («новые русские» — это не совсем русские), то и отношения в семьях «новых русских» устроены не так, как отношения в обычных русских семьях. Мы уже отмечали, что анекдоты о женах «новых русских» — это, как правило, переведенные западные анекдоты о женах богатых людей, ср.:

Приехали муж с женой — «новые русские» — отдыхать на Канары. Жена рано утром выходит на балкон, видит рассвет, голубое небо, синее море — и вдруг на небе появляется радуга! «Да, — говорит жена обиженно, — как мне новую шубу купить — у него денег нет, а на иллюминацию потратиться — это он может!»

Но и отношение к детям у «новых русских» тоже особое — «новорусский» отец готов для сына на все:

К новому русскому подбегает сын: «Папа, папа, а у Вовки Петрова — воспаление легких!» — «О чем речь? Завтра у тебя будет такое же... Нет, еще круче!»

«Папа, я влюбился, но моя девушка говорит, что выйдет замуж только за того, у кого есть трехэтажный особняк, „Мерседес“ и папа-миллионер!» — «Ну, сынок, дом наш мы на два этажа укоротим, твой „Ролс-ройс“ на „Мерседес“ поменяем, но что мне делать с моим миллиардом — ума не приложу!»

Так каким же представляется семейный миропорядок, если посмотреть на него сквозь призму русских (советских) анекдотов второй половины XX — начала XXI века? *Мир* семьи — это *мир* женщины. *Жена* является главой семьи и хранительницей домашнего очага, она распоряжается семейным бюджетом, выполняет все домашние обязанности, воспитывает детей. *Мужу* скучно в душном *мирке* семьи, он рвется на волю, к друзьям, с которыми можно выпить и обсудить серьезные *мировые* проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк, Левонтина 1996 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: A. Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics. 1996. Vol. 20.
- Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
- Wierzbicka 1997 — Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese. Oxford Univ. Press, 1997.

Е. Г. ВЕДЕНОВА

РОЛЬ БЕСКОНЕЧНОСТИ
В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТА ПОРЯДКА
(В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ)

1. Путь Запада и «коллективное» сознание

...греческая философия открыла и методически строго определила новые инструменты чисто теоретического познания мира, новые понятийные и мыслительные формы.

Э. Кассирер

Одной из целей междисциплинарных контактов является попытка преодоления вавилонского смешения предметных языков, подходов и идеологий, неустанно генерируемых нашей сегодняшней культурой. Возможно ли изнутри во многом хаотичного состояния нашего взаимного сосуществования увидеть некий общий Порядок, или архитектуру *миро-здания*, который обнаруживает (или выстраивает?) сегодня европейское сознание? Западный путь обычно по разным параметрам противопоставляется «традиционному» восточному. Однако, возможно, наиболее значимой и уникальной его особенностью является выработка «*коллективного*» сознания — беспрецедентного явления, с помощью которого сооружается колоссальное здание современной науки, а заодно и невиданными темпами меняется вся окружающая реальность; экспансия этого процесса захватывает уже и практически все традиционные культуры.

Можно предположить, что главным мировоззренческим достижением коллективного сознания, своеобразным аналогом космогонического мифа, явилось структурирование представлений об Универсуме в виде «расслоенной реальности». Главной же

движущей силой процесса этого структурирования явились принципиально неустранимый гносеологический парадокс и порожденная им проблема бесконечности.

Уникальность феномена европейского («западного») теоретического знания не всегда осознается — за деревьями не видно леса, когда мы смотрим на него изнутри. Хотя развилка, с которой начался путь Запада, и хорошо обозначена: «...для описания науки достаточно сказать, что это „размышление о мире подобно грекам“». Поэтому наука существовала исключительно среди тех людей, кто оказался под влиянием Греции». Заметим, что эти слова Джона Барнета как «самое сжатое объяснение» характера нашего мышления и мировоззрения приводит авторитетнейший физик XX в. Эрвин Шредингер в качестве оправдания необходимости снова и снова к этой развилке обращаться. Завершает аргументацию мнение Теодора Гомперца: «Совершенное знание этих истоков является необходимым предварительным условием для освобождения себя от их непреодолимого влияния... Вам не нужно знать учения и труды великих мастеров античности... тем не менее вы зачарованы их авторитетом. Их влияние передалось не только тем, кто учился у них в древности и современности; все наше мышление, логические категории, в которых оно осуществляется, используемые им лингвистические образцы (поэтому они властвуют над ним) — все это ни в малейшей степени не является артефактом, а в основном плодами великих мыслителей античности. Конечно, мы должны исследовать этот процесс становления со всей основательностью, чтобы не принять за примитивное то, что является результатом развития и расширения, а за естественное то, что в действительности оказывается искусственным» [Шредингер 2001: 19].

К этим словам Гомперца, сказанным в начале прошлого века, Шредингер присоединился почти полвека спустя. И вот прошло еще полвека — а они все так же (или еще более) актуальны. Потому что научная картина мира, экспансия которой усилена процессом глобализации, хотя и «...дает много фактической информации, приводит наш жизненный опыт в замечательно непротиворечивый порядок» — но при этом «...не содержит в себе ни этических ценностей, ни эстетических ценностей, ни слова о наших собственных бесконечных возможностях или предназначении...» [Там же: 77]. Ситуация эта приводила Шредингера (да и его ли одного!) в замешательство; причина же, по его мнению, «в том, что в целях построения картины внешнего мира мы использовали весьма упрощающий прием исключения нашей собственной личности из нее, устранения ее; следовательно, она ушла, она испа-

рилась, в ней, судя по всему, нет необходимости» [Там же]. Эмоциональность одного из самых проницательных мыслителей прошлого века вполне понятна. Однако проблема в том, что именно элиминация *отдельной личности* является условием функционирования *коллективного сознания* и той самой науки, которая все же «представляет лучший уровень, который мы смогли установить в области надежного и неопровержимого знания» [Там же]. И в то же время прорыв на новый уровень понимания и представлений всегда совершается *индивидуальным* сознанием в процессе *индивидуального* творческого акта.

Попробуем разобраться в сути этого противоречия.

2. От «откровения» к «Бытию»

Независимо от того, как относиться к концепции семантических примитивов А. Вежбицкой [Вежбицкая 2001], выделенное ею на основании большого эмпирического материала универсальное «ядро» естественных языков выглядит достаточно убедительно уже потому, что оно, по сути, сводимо к именованию «знания» инстинкта, т. е. знания, обусловленного биологической необходимостью. При этом набор «элементарных концептов» (их около шестидесяти), как и набор сигналов в коммуникативной системе животных, весьма ограничен. С другой стороны, система инстинктов человека, в отличие от животного, не является замкнуто-определенной, а обладает рядом «степеней свободы». Однако, несмотря на возможные преимущества «свободного», а не строго детерминированного инстинктом поведения, все свидетельствует о том, что с самого начала «архаический» человек стремится закрыть непонятно как приобретенные «степени свободы» искусственным аналогом инстинкта — детерминантами культуры. Тривиальное предположение о естественной фиксации паттернов оправдавшей себя биологически целесообразной повседневной деятельности опровергают два обстоятельства: явная избыточность по отношению к этой самой биологической целесообразности любого естественного языка [Бенвенист 1974] и любых, даже самых архаичных, форм человеческой культуры [Лобок 1997]. К этим проблемам непосредственно примыкает и проблема трансляции «дополнительного» к обусловленному инстинктом «знания культуры».

Не вполне устоявшимся термином «традиция» часто обозначают ядро так называемых «традиционных» культур, обеспечивавшее устойчивость сложившихся культурных форм. «Знание» традиционных культур было прежде всего индивидуально-лич-

ностным, а способ трансляции традиции, основанной на сакральном тексте, предусматривал индивида — носителя традиции: ведь полная семантика сакрального текста отнюдь не ограничивалась вербальным уровнем [Семенцов 1988].

Качественные изменения относят к эпохе «осевого» времени [Ясперс 1991]: нарушается замкнутость культурных систем и появляются принципиально новые характеристики знания, важнейшая из которых — поиск универсальности. При этом осознается и доминирует проблема выразимости «абсолютной» (универсальной) истины средствами естественного языка. Пути «восточной» и «западной» культур расходятся во многом вследствие *разного* решения этой проблемы.

Для первой окончательно признается вербальная невыразимость истинного знания и формируется путь поэтапного, многоступенчатого расширения сознания, конечным итогом которого должно быть непосредственное индивидуальное приобщение к Истине [Буддизм... 1990]. И если на Востоке зарождающаяся рефлексия все же осталась в поле притяжения сохранившегося мифоритуального конгломерата (восточная философия в конечном итоге вновь замкнулась на восточную мудрость [Шохин 1997]), то в Греции главным критерием истинности («другой путь» Парменида) становится развивающаяся из «протологики» классическая логика.

Формулируя точно так же исходную проблему, Парменид делает шаг к ее положительному решению с помощью нескольких принципиальных новаций (смысл и последствия которых едва ли им вполне осознавались):

- 1) Намечает *возможность* специализированного (т. е. *отличного* от естественного) языка, в котором становится возможным абсолютно (универсально) истинное утверждение.
- 2) Обозначает *необходимые* условия *формирования* такого языка: жесткую границу имени-признака и образование *нового* языкового объекта через конечный набор таких признаков.
- 3) Принимает *возможность* последовательного приближения не к постижению, а к выражению Истины.

Однако, намечая «Другой путь», свой собственный шаг Парменид делает, скорее всего, еще на территории «откровения» — если исходить из тех «дополнительных» предикатов Бытия и Истины, которые им явно указаны, но логически уже никак не выводимы.

Заметим, что существуют самые разные оценки роли и деятельности Парменида. Но кажется принципиальным провести некоторую демаркационную линию: с определенного времени мы начинаем встречать феномен (философское понятие), до этого

времени нигде не обнаруживавшийся. Условием существования этого феномена является достаточно осознанное соблюдение закона тождества и возможность очертить *границу* имени. Дело в том, что структурируя Универсум при помощи космогонического мифа, архаическое сознание как бы «разводит» явления или «выделяет» их — т. е. как бы деформирует целостность мира, не нарушая при этом его «связности». Классические оппозиции *свет-тьма, добро-зло* и т. д. часто допускают очевидные переходные состояния. Но даже если размежевание представляется радикальным, связь сохраняется в виде брачных отношений оппозиционных персонажей или посредника-медиатора, маркирующего собой третье, промежуточное состояние [Леви-Стросс 1994]. Подобный способ структурирования Универсума нашел наиболее рафинированное выражение в китайском принципе инь-ян, когда оппозиции и противопологаются, и проникают друг в друга.

Начальная стадия оформления греческих философских категорий явно сохраняла признаки мифологического мышления, что отразилось и в пифагорейской, и в гераклитовской трактовке оппозиций-противоположностей. И хотя неоценима роль пифагореизма в формировании основных объектов надличностного открытого знания — «чистого» числа, т. е. «отвязанного» от его носителя количественного признака, и «чистой» геометрической фигуры, не подразумевающей напрямую ее материального аналога, — но даже оппозиция числа и фигуры как идеальных математических объектов еще не была окончательно выявлена.

Решающий шаг на пути теоретического, т. е. «доказательного», поиска истины и сделал Парменид, как бы «разорвав» целостность мифологического пространства «жестким», исключаящим отрицанием. Именно у Парменида тождество и отрицание фактически становятся законами; Зенон дополнит их законом исключенного третьего.

При этом само проведение границы является уникальным и беспрецедентным действием с очень далеко идущими последствиями, главным из которых является формирование специфической рациональности.

Фундаментом этой рациональности являются: а) признание целостного Единства (порожденного единственным предикатом — «бытийственности»); б) возможность разбиения целого с помощью жесткой, нуль-размерной и нуль-значимой семантической границы, которая *не влияет* на получаемые разделением объекты (именно изучение таких границ и является *предметом* геометрии Евклида); в) самотождественность объекта деления (которую и гаранти-

рует упомянутая граница): однажды зафиксированный, при дальнейших с ним операциях (мысленных!), он в точности накладывается сам на себя — лишь при этом условии абсолютно (т.е. без исключений!) применим принцип исключенного третьего. Таким образом, именно с Парменида начинается процесс формирования новых (языковых!) объектов — феноменов, не имеющих прямых аналогов в «Действительности» (но и не «кентавров»), несущих потенцию отчуждения от человеческой психики. Строгая однозначность этих объектов делает возможной «внеличностную» их трансляцию и возможность практически неограниченного накопления полученного на их основе «дедуктивного» знания. Конечно, творческий прорыв реализуется на уровне индивида. Но все его последствия развертывает несоизмеримая с ним мощь коллективного сознания. Однако при этом «Порядок» мира не просто отчужден от индивида из-за отсутствия способствующей личностному «присвоению» знания ритуальной деятельности — барьеры специализации делают его катастрофически недоступным.

Своеобразие оформившейся на этом пути *формальной* двузначной логики подчеркивает сопоставление с «естественной» двузначной логикой естественного языка. Казалось бы, принцип исключенного третьего лежит в основе *именования* и естественного языка: разные имена в общем соответствуют разным объектам (совпадения — исключение, при котором различие производится контекстуально). Однако *граница* имени здесь не является «парменидовой», что выясняется при попытке ее фиксации с помощью дефиниций — мы обнаруживаем ее неустранимую размытость. Таким образом, закон исключенного третьего в естественном языке не тотален, а работает лишь на некотором отступлении от границ имен (как *всегда* и бывает в обыденном употреблении языка).

Еще один пример, подчеркивающий своеобразие заложенной Парменидом рациональности, предоставляет рациональность, возникшая в недрах средневековой арабской культуры [Смирнов 2001]. Как и любая другая, она, в конечном итоге, базируется на дихотомической процедуре. Однако граница, структурирующая этот тип рациональности, качественно отлична от парменидовой. Граница здесь не только и не столько дихотомически *разделяющая*, сколько *сопрягающая* два рожденных дихотомией объекта. Это — территория, на которой один объект проникает в другой, а семантически она генерирует нечто качественно новое, «третье».

Итак, смыслообразование, по Пармениду, — «набирание» жестко выделенных признаков (что в далекой перспективе обеспечит возможность гильбертова формализма). По арабам же, это возмож-

ность генерирования из «атомарного ничто» (границы) нечто третье с качественно иными признаками — т. е. смыслообразующая структура *принципиально* открыта, но принцип исключенного третьего утрачивает *тотальную* значимость, что *необходимо* для математического вывода.

Представляется, что на указанном Парменидом пути «предикативного» конструирования объектов уже с самого начала (т. е. в деятельности Зенона) формируются те чисто идеальные феномены (с означаемым, на которое невозможно указать), предопределившие все будущее развитие математики. И именно в размышлениях Зенона осознается проблема бесконечности, возникающая тогда, когда взаимно исключающие, концептуальные противоположности непрерывного и дискретного сталкиваются в виде принципиально неустранимого гносеологического парадокса — окончательно неразрешимого противоречия. По мнению великого математика Г. Вейля, именно бесконечность является главным предметом математики — вероятно, прежде всего потому, что именно временное преодоление ее противоречий является основной «движущей силой», определяющей качественные скачки развития математики и связанных с нею естественных наук.

3. Бесконечность и реальность

Я утверждаю, что каждому конечному восприятию сопутствует восприятие, или если это слово представляется слишком сильным, чувство или предчувствие бесконечного...

М. Мюллер

В рассуждениях древнегреческих мыслителей возникали парадоксы дискретного и непрерывного, конечного и бесконечного, движения и покоя. Эти парадоксы в той или иной мере возникают во всех теориях строения материи.

Я. Б. Зельдович

Архетипический образ Единого, начиная с Парменида, постепенно оформляется в идею непрерывности. Одновременно вызревает и формируется идея «чистой», однородной протяженности — идеального математического пространства, независимого от вре-

мени (что невозможно в рамках *любой* традиционной культуры, для которой пространство принципиально неоднородно и в той или иной степени «завязано» со временем). Аксиомы непрерывности Евклида по сути и оформляют это абсолютное математическое пространство одного, двух и трех измерений. При этом точка, лежащая на линии, не является ее составной частью, а лишь меткой, «наводящей» на непрерывное дискретную структуру.

Первым логическим следствием противоречия непрерывного — дискретного при допущении бесконечного деления явился вывод о невозможности всякого движения. Очевидное же многообразие феноменов Мира, к тому же, как особо подчеркивал Гераклит, находящихся в непрестанном движении — изменении, допускало единственный *логически* оправданный вывод: существование двух реальностей. Одна — подлинная реальность Единого, другая — иллюзорная реальность феноменального мира. Эта линия, приводящая к логически неизбежному расслоению реальности, идет от Парменида к Платону, от неоплатоников к схоластам и прослеживается в нашем времени по крайней мере в философских концепциях феномена теоретической математики (математический платонизм).

Отголоском философской интуиции «расслоенной реальности» явились концепции «трех миров» Фреге и Поппера: мира физических объектов, мира психических состояний и мира абстрактных объектов науки (либо информации в целом).

Менее осознаваемое философией влияние теоретического знания на сферу «умений» обусловило переход (в терминологии А. Койре) «от мира приблизительности к универсуму прецизионности» [Койре 1985]. Так, голландские изготовители подзорных труб не изобрели телескопа лишь оттого, что у них не было и мысли об изготовлении *инструмента* — инструмента испытания-пытания (по В. Морову) природы — которая вдохновляла и вела за собой Галилея. «Пытание» природы выявило расслоение уже самого физического мира, с феноменологией, совершенно отличной от «естественной». *Порядок* этого мира таков, что физики «работают» с объектами, которые сами не в состоянии вообразить; а новые технологии создают трубки с толщиной стенок в одну молекулу. Но чтобы как-то сохранить связь с миром естественных феноменов, кварки надеются «цветом» и «очарованием». Однако при этом высокий полет сегодняшней физической мысли — концепция суперсилы — формирует абстрактные образы, странно напоминающие древние силуэты космогонического мифа.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Буддизм... 1990 — Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока. Новосибирск, 1990
- Вежбицкая 2001 — *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Койре 1985 — *Койре А.* Очерки истории философской мысли. М., 1985.
- Леви-Стросс 1994 — *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
- Лобок 1997 — *Лобок А.* Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.
- Семенцов 1988 — *Семенцов В. С.* Проблемы трансляции традиционной культуры на примерах судьбы Бхагавадгиты // Восток — Запад. М., 1988.
- Смирнов 2001 — *Смирнов А. В.* Логика смысла. М., 2001.
- Шохин 1997 — *Шохин В. К.* Первые философы Индии. М., 1997.
- Шредингер 2001 — *Шредингер Э.* Природа и греки. М.; Ижевск, 2001.
- Ясперс 1991 — *Ясперс К.* Смысл и назначение истории М., 1991.

И. А. ГЕРАСИМОВА

«ОБРАЗЦЫ ПОРЯДКА» В ТВОРЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

«Умо-порядок» и когнитивная эволюция

Термин «логичность» ввел в употребление Демокрит для обозначения правильности, связности, последовательности и доказательности речи. На логичность как связь понятий обращали внимание и в школе пифагорейцев, и в школах индийцев, и в школах китайцев. Идея логичности как связи суждений в доказательство привела Аристотеля к изобретению первой полуформальной логической теории — силлогистики, которую Стагирит мыслил в качестве «образца порядка» в рассуждениях. Идея «образца порядка» в мышлении не ограничивается порядком в доказательной цепочке рассуждений. Представления о том, что такое «образец порядка» в мысли, каковы способы его порождения; что воспринимается как порядок, а что как хаос, варьируются в зависимости от исторического времени и культурных традиций, и даже более того, сами представления во многом обусловлены когнитивной эволюцией человека. Согласно эволюционным идеям в эпистемологии, когнитивная система человека претерпевает постоянные изменения. Многие исследователи считают началом научно-технической революции изобретение звукового линейного письма, благодаря чему резко возросли возможности для развития абстрактного логико-вербального мышления. По видимому, имеются многочисленные способы упорядочивания информации, характерные для логико-временных и пространственно-образных когнитивных стратегий. Таким образом, сама логика, мыслимая как искусство создания порядка и правильности в мышлении, эволюционировала вместе с когнитивной системой человека.

Поясним данную мысль на некоторых примерах. Исследователь когнитивной эволюции Меркулов на основании изучения мифологических моделей понимания показывает, что уже архаическое мышление логически упорядочивало движение мысли: «Архаическое, преимущественно образное мышление потенциально располагало (и располагает, если речь идет о современных первобытных популяциях) достаточными когнитивными ресурсами, позволяющими успешно овладеть элементарными приемами аргументации и доказательства (и иными интеллектуальными

инструментами познания), хотя оно и неспособно выявить и представить в эксплицитной форме предпосылочные знания, составляющие основу этих приемов» [Меркулов 1999: 145]. Вероятно, целесообразно говорить о культурно-когнитивных образцах, предопределявших мышление в различных сферах деятельности. Так, в истории искусств XIII в. до н. э., время Гомера, известен как век геометрического стиля. Само название возникло в ходе исследования геометрических орнаментов, украшавших древнегреческие вазы. Благодаря точному математическому анализу установлено, что, например, композиции ваз, обнаруженных на Дипилонском кладбище в Афинах, подчинены законам зеркальной и переносной симметрии. Более того, не только роспись, но и стихосложение подчинено тем же математическим законам симметрии: «закон зеркальной и переносной симметрии выделяет в „Илиаде“ и „Одиссее“ Гомера по крайней мере пять уровней симметричных самоподобий: уровень всей поэмы, уровень смысловых блоков (песен) поэмы, уровень крупных частей песен, уровень мелких частей песен и уровень монологов. Все эти уровни гомеровских поэм объединены единым формообразующим принципом — *принципом симметрии*. Значит, структуры всех уровней гомеровских поэм подобны структуре всей поэмы, т. е. самоподобны. Значит, „Илиада“ и „Одиссея“ есть симметричные фракталы поэзии.

Симметрия отдельных монологов и сцен в „Илиаде“ и „Одиссее“ была замечена еще античными исследователями Гомера. Однако потребовалось более 2000 лет для того, чтобы обнаружить подлинную симметричную фрактальность бессмертных творений Гомера» [Волошинов 2002: 227–228].

Эллины воспринимали мир через идеалы красоты и совершенства. Критерием истины служила красота, которая порождалась порядком идеальных форм. Современный математик усматривает в них симметричную фрактальность. Геометрически-идеальный порядок-образец направлял не только мысль живописца, архитектора, но и поэта. Древние пространственно-образные стратегии оказывали влияние и на становление первых форм логико-вербального доказывающего мышления. В математике — это геометрическая алгебра, а в логике — силлогистика. Научная силлогистика Аристотеля (отношение классов) легко поддается геометрическому представлению¹. Заметим, что не только логи-

¹ В настоящее время имеется ряд геометрически-пространственных представлений силлогистики. Одна из наиболее интересных — силлогистика Льюиса Кэролла [Кэролл 1991].

ко-вербальное, но и знаково-символическое, перцептивное мышление в древних цивилизациях ориентировалось на образцы порядка. Так, например, музыкальная практика в устных традициях передачи знания соотносила определенные комплексы ощущений с ритмо-звуковыми вибрациями. В Древней Греции было распространено учение об этосе ладов, согласно которому каждый лад настраивает на определенное эмоциональное состояние, а в китайской и индийской системах каждый тон способен был создавать подобный настрой.

Традиционное китайское мышление относят к образно-символическому типу, часто определяя его как интуитивно-бессознательное. На осознанную логичность и математичность философских конструкций китайцев указывают реконструкции текстов, проведенные современными логико-математическими методами. В частности, Крушинский доказывает факт «существования жестких математических структур (нумерология!), управляющих рассуждениями — якобы по чистой аналогии — китайских мудрецов» [Крушинский 1999: 103]. Математическая структурированность древнекитайского философского дискурса, по его мнению, с одной стороны, свидетельствует о наличии формальных дедуктивных схем в древнекитайской аргументации, а с другой, дает основание квалифицировать «И цзинь» как теорию подобной дедукции. Древнекитайские каноны «И цзина» служили образцом рассужденческих схем многим поколениям мудрецов.

С эволюцией западноевропейской науки происходили смены представлений о логике как порядке-правильности, включая и логику научного познания. Проследим изменения представлений о «правильной» логике на основе классификации важнейших периодов в истории науки, предложенной В.С. Степиным [Степин 1992]. Периоду классического естествознания (результат революции Нового времени) соответствует *классическая парадигма* в науке, с конца XIX в. формируется и развивается *неклассическая парадигма*, а с конца XX в. возникает *постнеклассика*. Классическая парадигма: *человек задает вопрос природе (объекту), природа отвечает*. В классике в рассмотрении предполагается только объект, а субъект и средства познания игнорируются. Классике соответствуют идеалы классической рациональности, объективности научного знания, незыблемости открываемых законов природы, которые в полной мере реализованы в ньютоновской механике, имеющей дело с макротелами. Классической парадигме вполне соответствует классическая логика с двумя значениями «истинно» и «ложно», впервые теоретически осмысленная Аристотелем.

Неклассическая парадигма: *человек задает вопрос природе, природа отвечает, но ответ теперь зависит от способа вопрошания, от контекста вопроса* (не только от средств наблюдения при проведении эксперимента, но и от возможности проведения совместных наблюдений различных величин). Возникает принцип относительности результата к средствам наблюдения, принципиальная неустранимость влияния наблюдения на систему. Понятие объективности в единичном эксперименте размывается. Этот подход впервые возникает в теории относительности, где пространственно-временные интервалы зависят от системы отсчета наблюдателя, и в квантовой механике, где невозможно подсматривать за микрочастицей, неустранимо не искажая ее характеристики. Аналогичные свойства проявляют живые системы и психика. В человеческих отношениях форма вопроса и тон его в большой степени определяют ответ. Не-классике соответствует неклассическая логика с ее вниманием к многозначным и модальным контекстам, к семантикам возможных миров. Строятся формальные модели, включающие оценки «неопределенно» (пока нельзя проверить), «бессмысленно» (в принципе нельзя проверить), модальности «возможно», «субъект знает, что», «разрешено» и др.

В постнеклассической парадигме *человек задает вопрос природе, природа отвечает, но ответ теперь зависит и от способа вопрошания, и от способности понимания вопрошающего*. В рассмотрение приходится вводить культурный уровень субъекта, его психологические, профессиональные и социальные установки, которые ранее наука не рассматривала. Возникает многократное прочтение текста природы, изменение в повторных опытах представлений о ней, появляются эволюционные взгляды на природу. Методологии отмечают, что постнеклассика становится гуманитарной наукой. Подчеркнем, что речь идет только о становлении постнеклассической парадигмы. На вопрос о том, соответствуют ли какие-либо формально-логические исследования постнеклассической парадигме, пока ответить затруднительно. Просматриваются лишь некоторые тенденции изучения динамических систем, сложно структурированных объектов, развития когнитивного подхода. В то же время заметно возрастают исследования по теории аргументации, создаваемой на базе логической методологии. Под аргументацией понимают искусство подведения оснований под какую-либо мысль или действие (обоснование их), способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов с целью их публичной защиты, побуждения к определенному мнению о

них, признания или разъяснения [Герасимова, Новоселов 2002]. Понятие аргументации гораздо шире понятия формального доказательства, поскольку соединяет логичность в мышлении с убедительностью в коммуникативном диалоге.

Относительность представлений о логическом порядке в научном мышлении очевидна: с точки зрения классики современная постнеклассика выглядит хаосом мнений, а с точки зрения постнеклассики классика может показаться идеализированным сверхпорядком, редуцированной схемой. Мнения о периоде постнеклассики неоднозначны: одни методологи науки видят в ней будущее, а другие усматривают отражение сложнейших процессов кризиса современной цивилизации. В измерении когнитивной эволюции, можно сказать, и отражение когнитивного кризиса, что проявляется в неспособности разума справиться с ставшими уже глобальными проблемами. В наиболее яркой форме идею эпистемологического релятивизма в отношении современных научных «образцов порядка» выразил Фейерабенд, указавший на противоречия современной рациональной науки: считается, что успех науки определяется особыми правилами, нормами, которые, однако, не всегда явно формулируются и тем более часто оказываются несоизмеримыми. Рациональная наука в своей основе оказывается иррациональной, а диктуемый ее жесткими теориями порядок в действительности оказывается сверхпорядком и смыкается со своей противоположностью — хаосом. Согласно установкам эпистемологического релятивизма, теоретический анархизм более гуманен и прогрессивен, чем его альтернативы, опирающиеся на закон и порядок, единственным принципом, не препятствующим прогрессу, является принцип «допустимо все» [Фейерабенд 1986].

«Порядок-хаос» в творческом мышлении

Перманентность научно-технической революции в XX в., необычайная динамичность научной, культурной и политической жизни требуют повышения гибкости мышления. Думается, что для лучшего понимания процессов творческого мышления лучше использовать синтетическое понятие «порядка-хаоса».

В целостной системе культуры порядок-хаос можно рассматривать как понятие, отражающее разные аспекты единого механизма, управляющего процессами созидания нового и одновременно разрушения отжившего-старого. В жизни культуры логика (или логико-рациональная методология) представляет измерение порядка, изучая и определяя нормы мышления. Эта деятель-

ность имеет одно из важнейших следствий — зная, что такое норма, можно определить и аномалию, отклонение от нормы, нарушения нормы, выход за пределы нормы. В культуре как целостной системе логики и пародисты являются антиподами, дополняющими друг друга: многие пародии строятся именно на нарушениях логических норм. Основу нормотворчества и норморазрушения предопределяет глубинный механизм познания через противоположное (как считают когнитологи, он заложен генетически). Прав Аверинцев, утверждая, что «человек способен к юмору в том случае и в той мере, в которой он остается способным к соблюдению заветов и запретов» [Аверинцев 2000: 138]. В мышлении оппозиция *порядок*–*хаос* проявляется через разные диалектические пары: дисциплинированность — критичность, логичность — парадоксальность, рациональность — иррациональность, доказательность — убедительность (или показательность). Отсутствие оппозиции таит угрозу образовать негативное качество. Например, относительно способности к юмору Аверинцев пишет: «если диалектическую предпосылку юмора и комического составляет неуступчивая, неподатливая серьезность, то, напротив, столь типичная для нынешнего времени вездесущая, монотонная, всеми принятая и никого больше не шокирующая, даже и не привлекающая к себе ничьего внимания фривольность, в сфере которой ничто не бело и не черно, а только серо, означает и конец юмора» [Там же]. Неспособность к дисциплине (порядку) ведет и к неспособности к критике (разрушению порядка), «голая» рациональность (логический схематизм) оборачивается неразумностью (не узнав иррационального, нельзя постигнуть и достигнуть рационального).

Рассмотрим типичные ситуации хаоса-разрушения и хаоса-созидания. Алогичность как непреднамеренное нарушение нормы (там, где требуется логичный порядок) в логике именуют *паралогизмом*. Паралогизм — свидетельство низкой культуры мышления, примеры тому многочисленны: «Лифт вниз не поднимает. Требуется приемщица для выдачи готовой продукции. Продаются дрова, бывшие в употреблении... Вы его хорошо знаете, и его автобиографию я рассказывать не буду...» [Сидоренко 1999].

Неспособность к системному логическому мышлению оборачивается *эклектикой*. Преднамеренное нарушение логических норм называют *софизмом*. Следует оговориться, что в теории доказательства софизмы недопустимы, а в теории аргументации, наоборот, сама *преднамеренность нарушения нормы* может найти вполне объяснимое применение: она помогает избавиться от

пут привычных схем рассуждения, мешающих адекватной оценке ситуации или решению проблемы. В других ситуациях софизмы-подвохи часто используют опытные учителя в обучении для того, чтобы не приучать учеников к задачам с готовыми решениями, как это обычно делается. Тогда софистические задачи с неполной информацией, искаженными условиями или задачи, вовсе не имеющие решения, приучают ученика мыслить как бы в далеко не идеальных условиях реальной жизни. Приведем пример. «Одной итальянской студентке на экзамене был задан следующий вопрос: „Как вам известно, точка кипения прованского масла выше, чем точка плавления олова. Как вы объясните, почему можно жарить пищу на прованском масле в луженой оловом кастрюле?“ (Лучшая посуда в Италии — медная с оловянной полудой.) <...> Хотя студентка и робела (ведь среди экзаменаторов был сам великий Э. Ферми), она все же сообразила и ответила правильно: „Когда жарят, кипит не масло, а вода, содержащаяся в пище“. И действительно, пока не выкипит вся вода, температура не поднимется выше 100°C. По этой же причине можно вскипятить воду в бумажной воронке» [Ланге 1963: 30, 86].

В стратегиях творческого, созидającego хаоса первостепенную роль играют парадоксы. Имеются специальные методики создания нелогичных, парадоксальных ситуаций во многих философских школах. В практике дзен-буддизма специально используется логическая непоследовательность для того, чтобы указать на ограниченность рационального (да и других типов мышления). Мастера дзен стремятся вести учеников к просветлению через преодоление любого рода догм. Традиционно одним из обучающих упражнений философии дзен является коан — нелогичная история, ставящая ученика в тупик и сталкивающая его лицом к лицу с другим уровнем реальности. Приведем пример. «Два ученика, последователи дзен, смотрели на флаг, развевающийся на ветру, и обсуждали, что происходит. „Этот флаг движется“, — сказал один ученик. „Нет, ты ошибаешься, — заявил другой. — Это ветер движется“. Учитель, слышавший их спор, приблизился к ученикам и сказал: „Вы оба заблуждаетесь. Это ваш ум движется“» [Вьюжек 2001: 156].

Особую роль играют парадоксы в аргументации мистиков. «...Мастера дзэнской традиции, пытаясь инициировать пробуждение ученика, не только не адаптируют свое обучение к его уровню знания, но зачастую преднамеренно выбирают максимально шокирующие, травмирующие и парадоксальные формы воздействия, чтобы „выбить почву из-под ног“ привычного мировосприятия.

Чаще всего для этого используется практика коанов (кит.: гунъа-ней), текстов, имеющих своей целью непосредственно столкнуть ученика с какими-то аспектами запредельной (в другой терминологии, конечной) реальности. При этом применяются оригинальные методы „вроде задавания нелепых вопросов, окриков и даже ударов, и все для того, чтобы застигнутое врасплох сознание постигло свою истинную природу“ [Вон Кью Кит 2000] (цит. по: [Бескова 2002]).

В суфизме имеется специальный прием — обучение шоком. Делаются вызывающие утверждения, чтобы произвести многостороннее воздействие на слушающего. Реакция некоторых может быть положительной и, возможно, заставит человека, поразмыслив о ситуации, что-то приобрести для себя. Другие станут испытывать раздражение и негодование. В таком случае интеллектуальный шок сможет эффективно отсеять поверхностных и узкомыслящих людей, не способных продвигаться по суфийскому пути. Идрис Шах пишет: «Именно этот прием иногда использовался Омаром Хайямом и его школой. Пока это не понятно, Хайяма, нельзя понять, потому, что некоторые ученые берут его слова в их буквальном значении. Когда он говорит: „Каждая фиалка была родинкой на щеке чьей-то возлюбленной“, они должны быть воображают, что это перевоплощение или поэтический образ, в то время как, в действительности, это 'шок'. В современной Хайяму культуре теория перевоплощения была ересью» [Шах 1999]. Обучая людей, суфии нередко бесстрашно шли против устоявшихся обычаев и многие из них не уклонялись от риска подвергнуться всеобщему позору.

Если суфии могли себе позволить отвергнуть такими простыми приемами негодных учеников, то в западной традиции ситуация иная. Увлечение парадоксами, противоречиями на уроках или в беседах может создать конфликтную ситуацию, ввести ученика или собеседника в состояние стресса. Замечу, что люди с неразвитым логическим мышлением вообще с трудом воспринимают парадоксы. Все методики, связанные с удивлением, неожиданностью, «встряской мозгов» лучше использовать как приемы перехода к знанию или приемы разрушения с последующей организацией. Следующие два вопроса обычно используются в целях демонстрации логически противоречивых понятий и уловок многозначности: (1) *Существует ли вечный двигатель?* (2) *Существует ли неработающий вечный двигатель?* Рационально мыслящий человек сразу же обнаруживает подвохи либо с точки зрения логики, либо с точки зрения законов термодинамики. А что скажет читатель,

если предложить его вниманию следующий текст: «Пусть А — двигатель некоего вечного движения. Я утверждаю, что и сам он вечен. Если нет, то он не будет приводить в движение, когда его не будет. Но если он не движет, то нет и движения, которое он прежде вызывал. Однако, по предположению, оноечно. Поэтому, если не появится другого двигателя, вечнодвижущееся будет неподвижно, если же двигателем станет что-то другое, то движение не будет непрерывным, что невозможно. Следовательно, двигатель вечного движения и сам вечен»? Перед нами пример доказательства от противного, которое использовал неоплатоник Прокл при систематизации физики Аристотеля [Прокл 2000: 309]. В натурфилософской физике Аристотеля понятие вечного двигателя входит в концептуальную систему. Если же попытаться выйти за пределы рационального опыта науки, то вопрос о вечном двигателе в смысле первоначала (или субстанции) всего мыслимого движения окажется далеко не простым.

Специалист по логике и информатике Бахтияров считает, что взлеты математической мысли порой были возможны именно благодаря парадоксам. Например, введение привычно используемых теперь отрицательных чисел было нелегким качественным скачком в мышлении. Отрицательные числа возникли в результате обобщения операции вычитания на случай, когда она невозможна (попробуйте со стола, где лежат пять яблок, взять семь яблок). Средневековые математики их использовали с отвращением, да и то потому, что получался верный ответ, Декарт называл их «ложными числами», Кардано рассматривал их как просто символы, не имеющие реального смысла, и называл фиктивными корнями [Бахтияров 2002]. Вероятно, математика очень схожа с мистикой: мир математических объектов кажется обыденному сознанию запредельным, и для восприятия ее истин требуется парадоксальная аргументация.

Логические нарушения используются специально в целях создания эмоционально насыщенного образа. Метод сравнения признается одним из эффективных приемов, особенно в тех случаях, когда нужно разъяснять неизвестное через известное в данной аудитории. Как правило, это лучше всего сделать, обращаясь к вещам простым и понятным, даже если само сравнение связывает воедино вещи логически разнородные. Примеры древнейших познавательных сравнений можно найти в индийской афористике: «Яд — знание без упражнения, яд — пища для неспособного переварить, яд — приятели для бедняка, яд — старик для молодой жены»; «Само собой разрастаются масляное пятно на воде, чужой

секрет в устах сплетника, малый дар у достойного и знание у разумного — такова природа вещей»; «Цемент, глупец, женщина, рак, рыба, индиго и пьяница, пристав однажды, уже не отстают» [Древнеиндийские афоризмы 1999].

В противовес требованию логической совместимости признаков в понятии противоречивость оксюморонов пытается передать насыщенность эмоциональных состояний: «*живой труп*», «*грустное веселье*», «*логичная алогичность*».

Многозначность в логических доказательствах запрещается (принцип тождества классической логики). Изысканность следующего софизма Диогена-киника именно в ней: «Все находится во власти богов, мудрецы — друзья богов; но у друзей все общее; следовательно, все на свете принадлежит мудрецам».

Логические союзы связывают вещи (имена, высказывания), входящие в один универсум рассуждения (дискурс), — это требование формальной логики. Традиционная логика учит, что деление понятий должно проходить по одному основанию, в противном случае возможны логические ошибки. Следующие примеры демонстрируют нарушения этих норм: «От соснового бора веет вечностью и смолой»; «Лес для человека не только хвойный, лиственный или смешанный, он для него и радостный, вдохновляющий, удивительный, наводящий на размышления. Даже страшный! Но всегда притягательный и красивый... Самое удивительное явление на земле. Самое прекрасное и самое уязвимое» (Ник. Ив. Сладков).

В представлении о том, что «жизнь опровергает сухую логику», имплицитно содержится предпосылка о некоей одной правильной логике, тогда как логические системы множатся в соответствии с темпами НТР. Вопрос об использовании логических средств — сугубо прагматический: средство должно быть релевантно контексту. Логичное и парадоксальное образуют ось оппозиции, проявление одного или другого начала определяется потребностями ситуации и, разумеется, развитостью чувства меры.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 2000 — Аверинцев С. С. О духе времени и чувстве юмора // Новый мир. 2000. № 1.
- Бахтияров 2002 — Бахтияров К. И. Логика с точки зрения информатики. Бестселлер в духе Льюиса Кэрролла. 12 этюдов. М., 2002. Этюд 2. Парадоксальная эффективность математики (с точки зрения информатики).

- Бескова 2002 — *Бескова И. А.* Аргументация мистиков (опыт когнитивного анализа) // Мысль и искусство аргументации. М., 2002.
- Волошинов 2002 — *Волошинов А. В.* Об эстетике фракталов и фрактальности искусства // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.
- Вон Кью Кит 2000 — *Вон Кью Кит.* Энциклопедия дзэн. М., 2000.
- Вьюжек 2001 — *Вьюжек Т.* Логические игры, тесты и упражнения. М., 2001.
- Герасимова, Новоселов 2002 — *Герасимова И. А., Новоселов М. М.* Искусство убеждения в традициях логической науки // Мысль и искусство аргументации. М., 2002.
- Древнеиндийские афоризмы 1999 — Древнеиндийские афоризмы / Сост., пер. и предисл. А. Я. Сыркина. М., 1999.
- Крушинский 1999 — *Крушинский А. А.* Логика «И цзина»: дедукция в древнем Китае. М., 1999.
- Кэролл 1991 — *Кэролл Л.* Логическая игра. М., 1991.
- Ланге 1963 — *Ланге В. Н.* Физические парадоксы, софизмы. М., 1963.
- Меркулов 1999 — *Меркулов И. П.* Когнитивная эволюция. М., 1999.
- Прокл 2000 — *Прокл.* Элементы физики // Философия природы в античности и в средние века. М., 2000.
- Сидоренко 1999 — *Сидоренко Е. А.* О парадоксах и о том, как Ахиллу догнать черепаху // Философские исследования. 1999. № 3.
- Степин 1992 — *Степин В. С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992.
- Фейерабенд 1986 — *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Шах 1999 — *Шах Идрис.* Учиться как учиться. Психология и духовность на суфийском пути. М., 1999.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О МЕТОДОЛОГИИ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ «КАРТИНЫ МИРА»
(НА ПРИМЕРЕ СТЕРЕОТИПОВ
«ПОРЯДОК-ORDNUNG»
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ)

Каждый исследователь, занимающийся так называемой картиной мира и в том числе стереотипами как отрицательного, так и положительного рода в отношении к другим этносам, знает, что в данном дискурсе концепты «порядок — непорядок» играют немаловажную роль. Выражения типа «у Х-ов царит порядок», а «у Y-ов порядок не очень соблюдается» и т. п. у всех из нас, как мне думается, на слуху или, может быть, иногда даже на устах.

В этой связи мне нередко завидуют, потому что я принадлежу этносу, у представителей которого якобы «порядок заложен в генах». А я, разбираясь неплохо в ситуации как в Германии, так и в других странах, расположенных к востоку от нее, лишь с большим трудом могу понять, на каком основании у людей создается такого рода мнение, которое нередко очень далеко от действительности и, наоборот, довольно близко бытующим среди этносов мифам «о других», возникшим на основе незнания друг друга и истинного положения вещей.

В то время как, например, 74% опрошенных в 1993 г. польских студентов оценили немцев как аккуратных, а 58% русских — как неряшливых [Bartmiński 1998: 323], немецкий культуролог Баузингер [Bausinger 2000] не считает 'порядок' «основной добродетелью» немцев, а указывает на необходимость дифференцирования этого понятия в зависимости от сфер его употребления, см. также [Бартминский 1995]. В связи с вышесказанным остро встает вопрос об определении значения слова *порядок*, что нередко забывается при подготовке соответствующих опросов, см. ниже.

Не вдаваясь в детали о сущности стереотипов, констатирую следующее: ни в одной отрасли общественных наук на сегодняшний день не существует надежной методологии, с помощью которой возможно было бы определить «картину мира» как в ее многочисленных составных частях, так и в целом. Нельзя даже с уверенностью утверждать, что есть некий средний коэффициент психологических состояний членов определенного этноса, отличающийся

специфическими чертами от такого же коэффициента других этносов. Несомненно, всякое выдвинутое в этом отношении правило обнаруживает исключения: или представители определенного этноса не ведут себя так, как это предписывается данным коэффициентом, или обнаруживаются другие явления, которых нельзя было бы ожидать по собранным данным [Eismann 1994].

Все сказанное можно отнести и к лингвистике, в рамках которой то и дело употребляется термин «языковая картина мира». Проверим возникновение и функционирование этого термина на примере стереотипов «порядок — беспорядок» в немецком и русском языках в трех направлениях, а именно:

- 1) во фразеологии;
- 2) относительно парадигматических отношений, в которые входят данные слова;
- 3) в связи с формулировкой запретительных знаков в обоих языках по сравнению с английским.

В центр внимания данного исследования мне хотелось бы в первую очередь поставить проблему о путях формирования специфического фрагмента языковой картины мира и доказать, что в некоторых случаях при другом подходе мы получим результаты явно противоположного характера.

1. Фразеология

Известным фактом в рамках культурологических и социолингвистических исследований с описанной выше целью служит такой подход, при котором «типичную языковую картину мира» выводят из существующих в любом языке корпусов пословиц и поговорок. Часто уже само знание представителями данного этноса фразеологических единиц, содержащих слово, которое служит семантическим стимулом, или их число как таковое являются решающим для того, чтобы определить, как данная языковая общность относится к отраженному в них фрагменту экстралингвистической действительности. Рассмотрим с данной точки зрения следующие «типичные» для русского и немецкого языков пословицы:

**русские пословицы
с компонентом «порядок»**

- Порядок города/ряд держит [Граф 1997].

**немецкие пословицы
с компонентом «Ordnung»**

- Ordnung regiert die Welt — «Порядок управляет миром».

- Если одежда в порядке, тогда и мысли в порядке.
- Порядком стоит дом, непорядок — содом [Цвиллинг 1984].
- Излишние порядки — те же беспорядки [Там же].
- От беспорядка/непорядка и сильная рать погибает [Там же].
- Порядок есть душа общежития, дисциплина — душа службы [Михельсон 1997].
- На всё есть свой порядок [Там же].
- Ordnung ist das halbe Leben — «Порядок — это половина жизни».
- Ordnung hilft haushalten — «Порядок помогает вести хозяйство».
- Ordnung hat Gott lieb — «Бог любит порядок».
- Ordnung erhält die Welt — «Порядок сохраняет свет».
- Wer Ordnung liebt, ist nur zu faul zu suchen — «Кто любит порядок, тот лишь ленится искать».
- Ordnung muß sein — «Должен быть порядок».

Если исходить из того, что показанный выше корпус русских пословиц¹ по числу равен корпусу немецких единиц и что в немецком языке лишь пословицы *Ordnung regiert die Welt* «Порядок управляет миром», *Ordnung ist das halbe Leben* «Порядок — это половина жизни» и *Ordnung muß sein* «Должен быть порядок» считаются общеизвестными, то уже в этом отношении все наше представление о соответствующих стереотипах поставлено с ног на голову. А если идти дальше, то становится очевидным, что одно знание этих единиц не означает, что употребляющий их человек и действует по этим правилам. Оказывается, таким образом, что наличие величины «А» не автоматически предполагает наличие величины «Б» и наоборот.

Взглянув с лингвистической точки зрения на данные пословицы, нельзя не заметить, что в них как сам компонент *порядок*, так и словарный состав в целом могут выражать разные значения, которые иногда трудно привести к одому семантическому знаменателю. Так, к примеру, пословица *Порядок города держит* затрагивает узкую социальную сферу значения, в то время как единица *Если одежда в порядке, тогда и мысли в порядке* сочетает эстетическую сферу и внутренний мир человека и т. д. Следует обратить внимание и на то, что значения пословиц в большинстве случаев независимо от наличия компонентов *порядок* и *непорядок/беспорядок* связаны с данными концептами, ср. пословицы типа *На двор через забор, а в тюрьму дверьми*; *Закон — что*

¹ Правда, неизвестных большинству носителей языка.

дышло: куда повернул, туда и вышло или Обычай старше закона, в которых речь идет о соблюдении/нарушении неких общественных норм и пословицы, собранные Далем под заглавными словами *воровство*, *беспутство*, *пьянство*, *ссора*, *опрятность* и т. п., которые все без исключения затрагивают самые разнообразные семантические признаки слов *порядок* и *непорядок/беспорядок*. Таким образом, отсутствие самих дескрипторов в Словаре пословиц русского народа не означает, что обозначаемые ими концепты не отражаются в данном корпусе.

С другой стороны, имеются также такие случаи, когда семантику данной единицы определяет прагматическая сторона в виде ситуации употребления. Немецкая пословица *Wer Ordnung liebt, ist nur zu faul zu suchen* «Кто любит порядок, тот лишь ленится искать», например, по правилу употребляется в таких речевых актах, как «комментарий», «упрек», «выговор», «издевательство» и т. д., из чего можно заключить, что ее значение, вопреки дословному прочтению, нельзя передать при помощи дескриптора 'непорядок'.

В итоге проведенного рассмотрения все результаты, которые переносимы и на другие виды устойчивых единиц, сводятся к тому, что необоснованно говорить о существовании фразеологической картины мира и что попытка выведения из подобного рода корпусов сведений о специфическом образе мышления определенного этноса с самого начала обречена на неудачу.

2. Парадигматические отношения

Одна из причин трудности сбора и описания фразеологизмов на данную тему состоит в том, что толкование значения самого слова *порядок*, оставляя в стороне связанные с ним представления о последовательном ходе чего-либо, образе протекания чего-либо, числовой характеристике и т. п., зависит от конкретной жизненной сферы, к которой оно применяется. Приведенных в словаре [Ожегов, Шведова 1993] двух значений 1-го и частично 3-го, оценивающих отношения человека к разным, созданным им самим системам, явно недостаточно, чтобы дать приблизительное представление об объеме данного значения.

Осознавая полностью необходимость отвлеченного изображения такого рода значений в словарях, мне в данном случае все-таки представляется возможным и желательным разбиение значения на 3–4 подзначения в толковых словарях и даже на большее количество подзначений в таких специальных словарях, как синонимические. На сегодняшний день в них дается лишь краткая

информация о значении данного слова [Александрова 1989], или она совсем отсутствует [Горбачевич 1996; НОСС 1997; 2000].

Настоящая конференция, как я поняла ее задачу, поставила своей целью исправить эту картину, заполняя существующие лакуны. В этой связи мне хочется указать на одно наблюдение, на которое, по моему мнению, следует обязательно обратить внимание. Дело в том, что в немецком языке во множестве случаев слово *порядок* выступает вместе со словом *чистота*. Применительно к состоянию помещений, окружающей среде или внешности самого человека понятия «*Ordnung und Sauberkeit*» в немецком просто неделимы. Это проявляется в парадигматических отношениях данных слов. Оказывается, что в немецком языке слова *Ordnung* и *Sauberkeit*, с одной стороны, являются синонимами, а с другой, могут вступать и в такое отношение, в котором 'порядок' выполняет функцию гиперонима. А это, в свою очередь, означает, что 'чистота' в данном случае представляет собой лишь один семантический признак значения слова 'порядок'. Семантическое переплетение данного рода отражается по-разному в толковых или синонимических словарях немецкого языка.

Положение, вырисовывающееся в данном пункте в отношении русского языка, совсем иное. Здесь в связи с толкованием значения слова *порядок* слово *чистота* ни в одном словаре, в том числе и в «Идеографическом словаре» [Баранов 1995], не упоминается. Поэтому встает вопрос, имеем ли мы дело со специфической чертой русской языковой картины мира, в чем я сомневаюсь, или с недоработкой в лексикографическом плане.

В русском языке, в отличие от немецкого, где оба слова часто выступают «в одной упряжке» и их семантическая взаимосвязь таким образом бросается в глаза, проблема состоит в том, что отношение между ними возможно установить исключительно на уровне текста, а не на основе образуемых одним или другим словом коллокаций. В результате анализа текстов разных жанров и эпох мне удалось установить в полной мере сравнимые с немецкой организацией лексикона отношения и в русском языке. Как показывают приводимые ниже тексты, понимание значения слов *порядок* и *чистота*, особенно в отношении домашней обстановки, настолько тесно связаны друг с другом, что значение слова *порядок* не поддается определению без использования слова *чистота*, ср.:

Женя заметила, что он исподволь обводит глазами ее комнату, изучает корешки книг на стеллаже, и порадовалась, что отец с малолетства приучил ее к *порядку* и к тому, чтобы поддерживать в своем

жилище безупречную *чистоту*. Доходило до того, что в сырую погоду или зимой он требовал от Жени мыть подошву обуви под краном, чтобы на полу в прихожей не оставалось следов и мокрых подтеков грязи. Нечего и говорить о том, что во всей квартире трудно было найти хотя бы одну пылинку или лежащую не на месте вещь (А. Маринина. «Когда боги смеются»).

Пустяковые записки, заметки на полях, подчеркивания, наброски планов... Все собрано под синюю обложку сочинений или «Ленинских сборников». Например, инструкция «*Санитарные правила для жителей Кремля*», подписанная Лениным, в числе его трудов... «Всем приезжающим (по железным дорогам) до занятия помещения — вымыться в бане и сдать свои носильные вещи дезинфектору (при бане)... Уклоняющиеся от выполнения санитарных правил будут немедленно выселяться из Кремля и предаваться суду за нанесение общественного вреда» (Волкогонов. «Ленин»).

А в горнице, и в комнате, и сенях, и на крыльце, и на лестнице всегда было бы *чисто*, будь рано или поздно, а стол и посуду всякую мыть *чисто*, и скатерть чтоб была *чистая*... А белье, и одежда, и полотенца, рубашки и простыни по полкам, и в сундуках, и в коробьях — все было бы *хорошенько*, и *чистенько*, и *беленько завернуто* и *уложено*, и не *перемято*, не *замарано* (Домострой: поучает, наставляет, вразумляет / Ред.-сост. Т. Г. Тетенькина. Калининград, 1999).

Важность учета конкретной жизненной сферы при определении значения слов *порядок/непорядок* становится особенно очевидной в связи с проведением опросов, при помощи которых пытаются определить так называемую языковую картину мира или «культурно обусловленные символы» [Fleischer 1995; 1996; 1997]. В случае неподачи такого рода дополнительного стимула не может не вызывать удивления следующая реакция опрошенных русских: они связывают слово *порядок* в первую очередь с политическими отношениями, а не с *чистотой* в домашней обстановке, ср. также соответствующие результаты в «Русском ассоциативном словаре» [Русский ассоциативный словарь 1994], или то, что данное слово, когда просили испытуемых «назвать важные для них слова или выражения», совсем не упоминается [Fleischer 1997]. Намерение М. Флайшера определить опросами подобного рода «культурно обусловленные символы» я считаю в известной степени опасным, потому что они служат средством для усугубления и без этого существующих многочисленных стереотипов о других этносах.

3. Запретительные знаки

В данной части мы возвращаемся к некоторым положениям, высказанным в начале работы в связи с прагматической стороной, которая известным образом влияет на значение устойчивых словосочетаний. Но в этот раз мне хочется сделать особый акцент на культурно обусловленном образе мышления, который, по мнению Вежбицкой, может непосредственно обнаруживаться в формах языковых единиц. Подчеркнем мысль, высказанную Вежбицкой в ее книге «Cross-Cultural Pragmatics» в отношении специфического для австралийской языковой общности выражения «Silly old bugger!», что «необходимо знать культуру и общество, чтобы правильно истолковать его коммуникативное значение» [Wierzbicka 1991: 2]. Однако, при написании статьи «Немецкие „культурные сценарии“» [Вежбицкая 1999], вошедшей в сборник «Семантические универсалии...», автор однозначно руководствовалась стереотипами типа «немцы... дисциплинированны, организованны, помешаны на порядке...» [Там же: 139], в свете которых она оценила способ формулирования запретительных знаков в немецком. Вежбицкая сама, наверное, не смогла бы отрицать роль стереотипов, которую они играют в интерпретации, потому «что они нередко содержат долю истины» [Там же: 688].

При поездках по Германии Вежбицкой бросалось в глаза «обилие... запретительных знаков со словом *verboten* ('запрещено')», которые, несомненно, отличаются резким тоном, толкуемым как невежливость [House, Kasper 1981: 182], и потому вызывают и исторически обусловленные неприятные чувства не только у иностранцев, но иногда и у самих немцев.

Вопреки существующим отрицательным ассоциациям, которые вызываются подобного рода запретительными знаками и у немцев (о чем Вежбицкой не раз сообщали немецкие информанты), ее истолкования указывают «прежде всего на постоянно испытываемую потребность [немцев] в *Ordnung* 'порядок'» [Вежбицкая 1999: 691], так как «слово *verboten* призвано контролировать поведение людей со ссылкой на чью-то законную власть» [Там же: 694]. Мысль об осуществляемой неким лицом властью, с одной стороны, и о подчинении ему людей, не обладающих такой властью, с другой, прослеживается от начала до конца данной статьи и служит доказательством особенного в этом пункте менталитета немцев. Вызывает в этой связи удивление тот факт, что Вежбицкая ни одним словом не обмолвилась о русском языке, в котором до недавней поры доминировала совсем похожая манера

формулировать запреты, т. е. при помощи слова *запрещено*, ср. в том числе и роль отрицательного инфинитива и восклицательного знака в обоих языках и т. п.

Нельзя, конечно, не согласиться с тем, что тексты данного жанра дают некую информацию и о лице, которое их написало. С. Г. Тер-Минасова в этой связи справедливо констатирует, что «...бесчисленные объявления, указатели, призывы, инструкции... не только регулируют наше поведение, определяют каждый наш шаг... но и определяют наш образ жизни, культуру, менталитет, национальный характер, то есть формируют как определенный социальный мир, так и нас как личность, представляющую этот мир» [Тер-Минасова 2000: 229 и след.]. Но о чем именно, т. е. о какой черте личности или упомянутого выше национального характера, они говорят, можно установить лишь при условии, что исследователь точно знает другой этнос и потому разбирается в деталях совместной жизни его членов.

Прежде чем обсудить значения отдельных запретительных знаков, мне хочется напомнить о всеобщей функции запрета. По словам С. Г. Тер-Минасовой, запрет — это «тот вид информации, который сообщает, что категорически не надо делать» [Там же: 233]. Думается, что в данном отношении нет различий между отдельными языками, так что обратимся к конкретному языковому материалу.

Сказанное С. Г. Тер-Минасовой о функции запрета можно отнести как к следующему объявлению в немецком, так и к объявлениям в английском, польском и русском языках, ср.: *Parken verboten*, *No parking*, *Parkowanie wzbronione* или *Парковка запрещена*. Аналогичного истолкования требуют эквивалентные по значению запреты типа *Rauchen verboten*, *No smoking*, *Palenie wzbronione* и *Не курить*. Во всех случаях по определенным, более или менее обоснованным причинам категорически запрещается совершать названное действие. Предположим, мы имеем дело с менее обоснованной причиной поставить такого рода запретительный знак, тогда одно его существование ни в коем случае не доведет до желаемого результата в форме стопроцентного соблюдения данного запрета, а значит, до выполнения воли его инициатора. За это отвечает исполнительная власть, меры которой против несоблюдения каких-либо запретов в демократическом государстве, в Германии в том числе или, можно даже сказать, особенно в Германии наших дней, подчиняется жестким правилам. Запретительные знаки со словом *verboten* 'запрещено' в немецком, таким образом, сами собой не олицетворяют власть. Они или сигнализируют о готовности инициатора запрета добиться его соблюдения при помощи исполнительной власти (если это необходимо или возможно), или просто преследуют цель резким тоном от-

пугнуть потенциальных нарушителей от совершения данного действия. Другими словами: «оказать все большее воздействие на адресата, то есть заставить людей делать именно то, что требует современная культура, идеология, социальные условия» [Там же: 239].

Возьмем другой пример из частной жизни. Каждому из нас знакомы до отказа набитые рекламой почтовые ящики. Единственный способ сопротивления этому явлению в Германии состоит в том, чтобы наклеить на него объявление следующего содержания: *Reklame einwerfen verboten* «Бросать рекламу запрещено», ср. [Вежбицкая 1999: 692], ибо только так можно добиться своего, в данном случае принять меры против распространителей рекламы. Для усиления эмоционального воздействия, для большего эффекта [Тер-Минасова 2000: 252, 255] следовало бы поставить восклицательный знак. В случае, когда я, наоборот, ограничиваюсь выражением просьбы типа *Bitte keine Reklame* «Просьба не бросать рекламу», я предоставляю возможность выбора выполнения или не выполнения данную просьбу.

Из сказанного можно, следовательно, сделать совсем другой вывод, чем делает А. Вежбицкая [Вежбицкая 1999: 697]. В отличие от А. Вежбицкой, я вижу причину обилия запретительных знаков со словом *verboten* 'запрещено' в том, что каждый пытается соблюсти во что бы то ни стало свои собственные интересы, не принимая во внимание интересы или желания других. В итоге инициатор запретительных знаков также все больше вынужден подробно объяснять свои мотивы, с одной стороны, и предостерегать от последствий их несоблюдения, с другой, в результате чего нередко возникают объявления и знаки внушительного размера [Там же: 704]. Разумеется, тот, кто воспитывался в уважении к общим ценностям и чужим интересам, уже адекватно реагирует на просьбы или вывески типа *Privatgrundstück, Private* «Частное землевладение».

Из этого следует далее, что склонность того или иного этноса к «порядку» нельзя определить по количеству объявлений или запретительных знаков, но можно определить по тому, как его представители соблюдают порядок в самых разных жизненных сферах, обходясь без напоминаний об этом.

В заключение еще несколько слов об оценке А. Вежбицкой запретительных знаков в англоязычном мире, которые она в данной статье противопоставляет так называемым традициям немецкоязычного мира.

Во-первых, точка зрения, выраженная ею, что фразы типа *No smoking* или *No parking* представляют собой правила, а не запрещения [Там же: 692], которые могут не соблюдаться [Там же: 698],

мало кем разделяется [Quirk et al. 1991: 851; Swan 1995: 279; House, Kasper 1981: 233]. Навязывается невольно мысль, что при интерпретации значения знака *No smoking except in designated areas* «как информации о месте, которая не содержит указания людям»² [Fleischer 1997: 693], установка данного объявления делается совсем излишней, потому что и без него, как мне кажется, все, зная, что нельзя бросать пепел и окурки куда попало, «добровольно» шли бы к специально обозначенным местам...

Во-вторых, не выдерживает проверки выдвинутый Вежбицкой тезис о том, что английское слово *prohibited* применимо только «к антиобщественному или представляющему опасность проведению, но не к таким 'нормальным' действиям, как курение или парковка машин» [Вежбицкая 1999: 692], ср. обнаруженные С. Г. Тер-Минасовой примеры его применения:

Tobacco fumes are strictly prohibited «Запах табака строго запрещен» [Тер-Минасова 2000: 253].

Smoking in this area is prohibited by law «Курение запрещено, за исключением специально обозначенных мест» [Там же: 254].

Несмотря на то, что употребление слова *prohibited* наблюдается гораздо реже в английском языке австралийцев, чем в других местах, контрпримеры, приведенные выше, показывают, что попытка вывести из одной формы определенных языковых единиц сведения о менталитете этноса, не учитывая при этом многообразные и тончайшие мотивы узуса, обречена на провал.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова 1989 — Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М., 1989.
- Баранов 1995 — Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М., 1995.
- Бартминьский 1995 — Бартминьский Е. Этноцентризм стереотипов: Результаты исследования немецких и польских студентов в 1993–1994 гг. // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тезисы конференции Института славяноведения и балканистики РАН. 14–16 ноября 1995 г. М., 1995.
- Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. Немецкие «культурные сценарии»: Общественные знаки как ключ к пониманию общественных отноше-

² В отличие от С. Г. Тер-Минасовой, интерпретирующей его значение следующим образом: «Курение запрещено, за исключением специально обозначенных мест» [Тер-Минасова 2000: 233].

ний и культурных ценностей // *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 682–729.

Горбачевич 1996 — *Горбачевич К. С.* Русский синонимический словарь. СПб., 1996.

Граф 1997 — *Граф А. Е.* Словарь немецких и русских пословиц. СПб., 1997.

Михельсон 1997 — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. М., 1997. Т. 1–2.

НОСС 1997; 2000 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997. Вып. 1; М., 2000. Вып. 2.

Ожегов, Шведова 1993 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Русский ассоциативный словарь 1994 — Русский ассоциативный словарь. М., 1994.

Тер-Минасова 2000 — *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Цвиллинг 1984 — *Цвиллинг М. А.* Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. М., 1984.

Bartmiński 1998 — *Bartmiński J.* Unsere Nachbarn aus der Sicht der Studenten (Aus Untersuchungen über nationale Stereotype) // Stereotypen und Nationen. Krakau, 1998. S. 311–323.

Bausinger 2000 — *Bausinger H.* Typisch deutsch: Wie deutsch sind die Deutschen? München, 2000.

Eismann 1994 — *Eismann W.* Nationales Stereotyp und sprachliches Klischee. Deutsche und Slawen im Lichte ihrer Phraseologie und Parömiologie // Tendenzen in der Phraseologieforschung (Europhras 1992) / Hrsg. B. Sandig. Bochum, 1994. S. 81–107.

Fleischer 1995 — *Fleischer M.* Das System der polnischen Kollektivsymbolik. München, 1995.

Fleischer 1996 — *Fleischer M.* Das System der deutschen Kollektivsymbolik. Bochum, 1996.

Fleischer 1997 — *Fleischer M.* Das System der russischen Kollektivsymbolik. München, 1997.

House, Kasper 1981 — *House J., Kasper G.* Politeness Markers in English and German // Conversational Routine / Ed. F. Coulmas. The Hague, 1981. P. 157–185.

Quirk et al. 1991 — *Quirk R. et al.* A Comprehensive Grammar of the English Language. London; New York, 1991.

Swan 1995 — *Swan M.* Practical English Usage. Oxford, 1995.

Wierzbicka 1991 — *Wierzbicka A.* Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin; New York, 1991.

ЛОГИКА И ПОРЯДОК В МЕНТАЛЬНОМ МИРЕ*

И в обыденном мышлении, и, в особенности, в научном познании мы имеем дело с миром ментальных сущностей. Каков же порядок в этом мире и какова при этом роль логики? Проблема эта имеет много аспектов, постараемся выделить некоторые из них.

Говоря о порядке, который вносит логика в наш ментальный мир, мир идеальных сущностей (конструктов), приходится говорить о взаимодействии логики, языка и онтологии. Порядок определяется их взаимодействием.

Во-первых, следует осознать, что в нашей ментальной познавательной деятельности языки выступают не только как средство общения, но также являются *аналитическими методами*. Это осознавалось уже классиками науки и логиками. «Если бы люди заметили, что языки также являются аналитическими методами, — писал еще Кондильяк в своей работе «Логика, или Начала искусства мыслить», — было бы нетрудно найти правила искусства рассуждать» [Кондильяк 1983: 259, 240]. Эту идею Кондильяка развивает Лавуазье в «Элементах химии»: «Занимаясь этим трудом, я лучше, чем прежде, сознал очевидность принципов, изложенных аббатом Кондильяком в его „Логике“... Он утверждает, что мы мыслим при помощи слов и языки суть истинные аналитические методы; алгебра, которая есть более простой, более точный и лучше приспособленный к своему предмету способ выражения, есть вместе язык и аналитический метод; наконец, искусство умозаключения сводится к хорошо обработанному языку (цит. по: [Зеленогорский 1877: 202]).

Иногда полагают, что всё отличие искусственных, формализованных языков от естественных состоит, в принципе, в замене обычных слов и выражений специальными символами. Таким путем достигается определенный эффект краткости, сжатости и однозначности сообщений — как бы некоторая их стенограмма. Но дело не в этом. Существенную роль при создании искусственных языков прежде всего играют вопросы эффективности. Построение искусственных, формализованных языков есть прежде всего развитие идеи использования языка как аналитиче-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 03-03-00071а.

ского метода, как более тонкого инструмента исследования содержательных процедур и понятий. Как отмечал Г. Фреге, искусственный язык вовсе не противостоит естественному, их отношение «лучше всего можно пояснить, если сравнить его с отношением микроскопа к глазу. Глаз, в силу широкой сферы его применения, в силу его способности приспосабливаться к различным обстоятельствам, обладает большим преимуществом по сравнению с микроскопом... Но как только научные задачи предъявляют более сильные требования к остроте различения, оказывается, что глаз не в состоянии с ними справиться. Напротив, микроскоп самым совершенным образом подходит для решения именно таких задач и как раз поэтому непригоден для решения всех иных» [Frege 1879: 5].

Так, искусственные языки логики, логические системы строятся таким образом, чтобы выявлять и репрезентировать адекватным образом логические структуры и отношения — порой даже «в ущерб краткости и легкости общения». Задача состоит не в том, чтобы заменить выражения естественного языка специальными символами, представить логику в виде формул, подобных формулам алгебры или арифметики, и применить математические, алгебраические методы к логике, а в том, чтобы в построенном языке правила оперирования с комбинациями символов, выражениями языка, воспроизводили логические связи, логическое следование, логическую дедукцию. Так, наведя «порядок» в языке, построив язык по строго установленным правилам — наподобие исчисления, мы наводим порядок в самом репрезентируемом — логических понятиях, логической дедукции. В этом смысле язык — инструмент исследования, аналитический метод. Но не только в этом смысле.

Уточнив понятия *выразимости*, *определимости* в точным образом построенных языках, мы получаем важные *характеристики репрезентируемого*. Выразимость, определимость (в уточненном смысле этих понятий) в языке становится неожиданно важной характеристикой выразимого — свойств, отношений, операций, структур. Так, известная теорема Тарского говорит, что для достаточно богатого языка понятие истинности (свойство истинности предложений этого языка) не выразимо (не является семантически определимым) в этом языке. Возникает, во-первых, вопрос, в каком же языке оно выразимо, какие средства для этого требуются. С другой стороны, такая невыразимость в языке дает важнейшую информацию о самом понятии истинности. Предмет (свойство) истинности высказываний, в

силу указанной теоремы, не является эффективным: он не только не рекурсивен, но даже не рекурсивно перечислим (нет, например, в принципе эффективной процедуры перечисления множества истинных предложений элементарной арифметики). Соответственно, класс истинных утверждений элементарной, первопорядковой арифметики в принципе неаксиоматизируем. Тогда как любой эффективно порождаемый (рекурсивно перечислимый) предикат *семантически определим* в первопорядковой арифметике. Так, предикат «быть доказуемой формулой (теоремой) первопорядковой арифметики» выразим (семантически определим) в ее же языке. Известные теоремы об ограниченностях формализмов (формализованных языков) связаны именно с этим кругом вопросов — с анализом выразительных и дедуктивных возможностей языков и теорий. Следует отметить, что само название «теоремы об ограниченностях формализмов» не совсем адекватно передает их смысл и значение. Теоремы не говорят о какой-то «ущербности» искусственных, формализованных языков: они выявляют, как отмечалось, важные характеристики и особенности содержательных понятий, таких, как истинность, доказуемость, логическое следование, через их выразимость (невыразимость) в языках с точно заданной структурой (конечно, в точном смысле понятий выразимости).

Далее следует иметь в виду, что логические связи и отношения реализуются только в языке, только в языке получают свою «действительность». Если бы даже естественные языки как средство общения попытались существовать «независимо от логики», логическое все равно «внедряется» в них, получает в них свою реализацию, создавая в языке тот рациональный аспект, о котором говорили уже представители школы Пор-Рояля. «Пожалуй, самое основное и характерное положение собственно грамматической концепции Пор-Рояля состоит в том, что язык расчленяется на два «слоя», или «уровня»: высший — логически упорядоченный, ясный и доступный разумному анализу (собственно, этот слой и *есть сама мысль*, которая выражается в языке); низший — слой языковых выражений, логически неупорядоченный, противоречивый, управляемый лишь обычаем (*l'usage*)...» (курсив мой. — Е. С.) [Арно, Лансло 1990: 32]¹.

¹ Из вступительной статьи Ю. С. Степанова к [Арно, Лансло 1990]. Автор отмечает, что «между обоими слоями — рациональным и обиходным — сложные отношения». Рациональный аспект языка отражает, по мнению авторов

Логика в этом плане «наполняет» язык, во многом детерминируя его грамматические структуры и семантику. Скажем, силлогистические способы рассуждения предполагают посылки и заключение, выраженные в четкой форме категорических атрибутивных суждений вида А, Е, I, O.

Все участники прогулки взяли с собой бутерброды.

Иванов — участник прогулки.

Следовательно, Иванов взял с собой бутерброд.

Большая посылка этого силлогизма выражает категорическое суждение логической структуры Asp (Все S суть P), где А — определенное отношение между терминами (объемами соответствующих понятий) S и P . Кванторное слово языка «все» вместе со связкой выражает в языке это отношение — А. Но

Все участник прогулки разбрелись в разные стороны.

Иванов — участник прогулки.

?

В этом случае аналогичное утверждение вовсе не имеет указанной логической структуры, не выражает суждения типа А. Соответственно, слово «все» имеет в языке совершенно иную семантику.

Если погода хорошая, он идет на прогулку.

Структура этого высказывания: $p \supset q$.

Только если погода хорошая, он идет на прогулку.

Логическая структура этого высказывания: $q \supset p$ (что эквивалентно $\neg p \supset \neg q$). Этим определяется семантическая интерпретация слова «только» в этом контексте. И совсем иная в контекстах: *Только некоторые студенты сдали зачет*, *Только некоторые металлы не тонут в воде* и т. п., где «только» уточняет, какая часть объема субъекта суждения берется в рассмотрение (ср. *По крайней мере некоторые студенты сдали зачет* — и вывод строится по-иному). Аналогично: *Все члены редколлегии прочитали эту рукопись* (Все S суть P) и *Только члены редколлегии прочитали эту рукопись*. Последнее выражает иную мысль, иной логической структуры (Все P суть S) с теми же тер-

Пор-Рояля, общее в строении всех языков. Обычный же складывается вне рациональных норм — под воздействием культуры, истории, норм общения и даже моды.

минами. Подобного рода примеры можно продолжать нескончаемо, ибо логика действительно «наполняет» язык, задавая его рациональный, упорядоченный, зависящий от логической структуры выражаемых мыслей аспект. Логика же разрабатывает методы анализа, выявления и описания такого рода структур.

Еще один аспект «порядка», детерминируемого языком и логикой, связан с построением теоретических картин мира, с теми принципами, которым такое построение подчиняется. Так, язык вместе с логикой задают ту познавательную «сетку», которая определяет онтологию Трактата Л. Витгенштейна. Почему мир — совокупность фактов, а не вещей [Витгенштейн 1957: 1.1]? И каков характер этих фактов, положений дел (*der Sachverhalt*)? Почему и в каком смысле «мир есть мой мир», «границы языка... означают границы моего мира» [Там же: 5.62]? Атомарные факты Трактата (неудачный перевод «*Sachverhalt*», кстати) — вовсе не эмпирические данные, это конструкции, те положения дел, которые «проецируются» логической структурой атомарных предложений, способом прочтения пропозиционального знака [Там же: 4.021].

Логика, в отличие от научных теорий, задает *общую сетку* описания мира и в этом смысле она — «отображение мира». Именно логика детерминирует «строительные леса», которые определяют общие принципы построения картин мира. Логика априори устанавливает границы «возможных положений дел» (*Sachverhalten*). Ситуацию, нарушающую логическую сетку нельзя помыслить. И то, что мыслимо, также возможно. Предложению принадлежит возможность соответствующего положения вещей. «Изобразить в языке нечто «противоречащее логике» так же невозможно, как нельзя в геометрии посредством ее координат изобразить фигуру, противоречащую законам пространства...» [Там же: 3.032]. Таким путем мы приходим к идее общей картины мира, детерминируемой логикой.

Можно только поставить вопрос (важный вопрос!) о единственности «сетки», налагаемой языком — тем идеализированным, «единственным» языком с определенной логикой, о котором шла речь выше. С нашей точки зрения, в принципе возможны иные сетки, детерминирующие иные способы конструирования картины мира. Возможно, принятие иных методов анализа языка и логических структур детерминирует иную «сетку» и тем самым иной способ конструирования картины мира. Мы получаем не единственный, а различные идеализированные языки с различными языковыми каркасами и речь пойдет об онтологиях,

связанных с ними. Важнейшим вопросом в этом случае становится вопрос о предпосылках принятия того или иного языкового каркаса. Однако сам Витгенштейн не поднимал вопроса о возможности иных логических «сеток»².

Посредством какой же «сетки» осуществляется описание мира с помощью логических «строительных лесов»? Трактату присуща совершенно своеобразная, отличная от общепринятой трактовка структуры простых (атомарных) предложений как структуры, проецирующей положения вещей (факты)³.

Только уяснение витгенштейновской трактовки отношения отображения позволяет отойти от общепринятого упрощенного понимания изобразительной, «картинной» концепции языка. Только учет «следования определенному правилу» — уже здесь в Трактате — и, следовательно, «проективной» концепции образа позволяют понять отношение языка и онтологии в Трактате. Предложение — не имя истинностного значения или даже ситуации. Правила, относящиеся к пропозициональному знаку (языковому выражению предложения) таковы, что предложение должно порождать то, что он называет связью вещей (*der Sachverhalt*). Таким образом, онтология, к которой принуждает трактовка предложений, — это онтология наличия или отсутствия положений вещей, фактов (*Sachverhalten*).

Соответственно характеру правил, относящихся к пропозициональному знаку, атомарный факт трактуется своеобразно — как связь, сцепление, конфигурация вещей⁴. Метод Витгенштейна тем самым исключает обычный анализ по схеме: предметы, свойства, отношения. Семантика Витгенштейна, в отличие от традиционной, носит не теоретико-множественный, а необычный, «проективный», «топологический» характер. Вещи не наделены свойствами; аргументное место, в отличие от обычного понимания, означает совсем иное — определенную точку, например, в цветовом пространстве. Соответственно, отношения между высказываниями «Красен(а)», «Бел(а)» и т. д. определяются логической структурой этого пространства. Это совсем иная трак-

² Подробнее поднимаемый круг вопросов см.: [Смирнова 1996: гл. IV; 2000].

³ В отличие от Г. Фреге предложение не рассматривается как десигнативное выражение и также не членится по схеме: функтор и его аргументы. «Предложение конструирует мир с помощью логических строительных лесов, поэтому можно в предложении фактически видеть все логические черты, присущие действительности, если оно истинно» [Витгенштейн 1957: 4.023].

⁴ В атомарном факте объекты примыкают друг к другу как звенья цепи [Там же: 2.03].

товка предикатных знаков, связанная с идеей показа в языке положений вещей в соответствующих «пространствах».

Таким образом, необычная трактовка пропозициональных знаков, логических структур, обозначающих выражений, самой логики порождает совершенно необычную онтологию, необычный мир Трактата Витгенштейна. Без понимания этого невозможно «войти» в философию Трактата Витгенштейна. Язык не создает мир, но он задает ту сетку, которая определяет принципы конструирования картины мира.

Еще один аспект исследования роли логики в мире ментальных сущностей связан с анализом логических и семантических парадоксов. В познавательной деятельности парадоксы играют особую роль. Дело не в том, чтобы, как говорят, «преодолеть», устранить парадоксы, поставить на пути парадокса «барьер». В теоретических построениях они играют роль того «звоночка», роль которого в эмпирических исследованиях выполняет опыт, несогласованность с данными эмпирической проверки. Как окошко в доменной печи, парадоксы позволяют заглянуть в те глубины нашей познавательной деятельности, где «плавится», формируется теоретическое знание, увидеть принципы его формирования. Возникновение парадоксов свидетельствует о серьезной несогласованности сложившегося концептуального аппарата, принимаемых (зачастую неявно) предпосылок и логики. «...содержательные логические выводы, — писал Д. Гильберт, анализируя причины возникновения парадоксов в такой строгой и точной науке, как математика, — разве они нас где-либо обманывали и где-либо нам изменяли? Нет — содержательное логическое мышление необходимо. Оно нас обманывало только тогда, когда мы принимали произвольные абстрактные способы образования понятий; мы в этом случае как раз недозволенно применяли содержательные выводы...» [Гильберт 1948: 350]

Коренным вопросом является вопрос о том, что вносит в наше познание, с одной стороны, — опыт, а с другой, — мышление. И. Кант указывал на «склонность разума к расширению за узкие границы возможного опыта», где ни эмпирическое, ни чистое созерцание не держат разум в видимых рамках. Именно в силу этого необходимы строгие «заградительные меры», которые удерживали бы его от крайностей и заблуждений, так что вся философия чистого разума имеет дело только с этой негативной пользой» [Кант 1964].

В языке понятия выражаются общими или сингулярными терминами (существительными — *металл*, *число* или словосочетаниями вида *земная ось*, *литературное произведение*, *вечный*

двигатель и т. д.). Денотаты этих терминов разного типа. В мире языка происходит умножение сущностей: золотые горы — в духе Мейнонга, круглые квадраты, идеальный газ, нынешний король Франции и т. д. Одно дело — термины, относящиеся к реально существующим объектам, событиям или к несуществующим, но в принципе эмпирически реализуемым (*человек, живущий на Луне*), другое — к идеальным объектам типа мысленных конструкторов: *линия экватора, меридианы и параллели*, к идеальным объектам типа *идеальный газ, абсолютно черное тело*, $\sqrt{-1}$ и, наконец, к мысленным «построениям», нереализуемым в принципе, выходящим за рамки всякого возможного опыта — *бесконечно удаленная точка, множество всех множеств, причина всех причин* и т. д. Такого рода термины живут в нашем языке («идеальные элементы» в терминологии Д. Гильберта, «идеи разума» по Канту). Мы говорим о такого рода сущностях, делаем утверждения о них. Но осмысленны ли такого рода утверждения? Могут ли они в принципе оцениваться как истинные или ложные? Вот круг логико-семантических проблем, связанных с миром ментальных сущностей, порождаемых разумом. Такое умножение сущностей требует контроля, «заградительных мер» по Канту и об этом сигнализируют парадоксы. И логика здесь нередко выступает судьей, лакмусовой бумажкой. Ибо она наводит порядок в этом «хозяйстве» осмысленных предложений языка, заставляя задумываться о типах вводимых идеальных сущностей, о критериях осмысленности наших утверждений и условиях их истинностной оценки. Язык терпелив ко всему, но какие его высказывания можно считать осмысленными и по каким параметрам? Высказывание обо всех высказываниях, что они истинны или ложны, Б. Рассел, например, считает лишенным смысла (*sinnlos*), ибо оно говорит о множестве высказываний, в которое оно само должно включаться, как о завершенном.

Логика ставит барьер на пути произвольного образования понятий, умножения сущностей, порождая из несогласованных оснований, неконтролируемых пресуппозиций парадоксы. Казалось бы, формальная логика занимается структурой и формой наших суждений и рассуждений и не касается их содержания, содержания познания. Но нет, она действительно отвлекается от конкретного содержания посылок (применяем ли мы силлогизм в рассуждениях о звездах или слонах — структура силлогизма та же). Но она отнюдь не «безразлична» к вводимым абстракциям и идеализациям, принимаемым теоретико-познавательным предпосылкам.

Далее, логика вносит и определенный порядок в семантический анализ высказываний естественного языка, выявляя логическую структуру и своеобразие контекстов различного типа. Рассмотрим это подробнее на примере анализа известного семантического «парадокса» — антиномии отношения именования, возникающей в контекстах естественного языка. С. Крипке назвал это явление загадкой контекстов мнения (belief-контекстов). Действительно, антиномия говорит о принципиальных отличиях интенциональных контекстов. Действуют обычные законы логики (в том числе принцип замены равного равным, замены тождественных выражений), но из истинных посылок получаем ложные заключения.

9 с необходимостью больше 7

Число планет = 9

Число планет с необходимостью больше 7

Георг IV хотел знать, является ли В. Скотт автором «Веверлея»

Автор Веверлея является автором «Айвенго»

Георг IV хотел знать, является ли В. Скотт автором «Айвенго»

(Известные примеры В. Куайна и Б. Рассела.)

С особенностями интенциональных контекстов столкнулись Г. Фреге, Б. Рассел, В. Куайн, Р. Карнап. Особенности этих контекстов обсуждали А. Смольян, Я. Хинтиikka, Т. Парсонс, А. Черч и многие другие. Но именно как загадку вопрос ставит С. Крипке в статье «A puzzle about belief» [Крипке 1986]. «В настоящей статье речь пойдет об одной загадке, связанной с употреблением в языке собственных имен и контекстов мнения (belief)... Загадка, о которой пойдет речь, является действительной загадкой, и как следствие этого любая попытка объяснить, что представляет собой мнение, должна в конце концов неизбежно с ней столкнуться». «Как философская загадка она имеет самостоятельную ценность, и я даже думаю, что ее фундаментальное значение для решения проблемы мнения важнее значения тех предпосылок, которые ее породили. В действительности... проблема эта затрагивает не только те предложения, в которых контексты мнения выражены именами, но и значительно более широкий класс предложений мнения» [Там же: 194].

Фактически речь идет о широком классе интенциональных контекстов, которые отличаются прежде всего наличием особых интенциональных предикатных знаков (выражений) и интен-

сиональных операторов (типа *верит, что...*, *знает, что...*, *полагает, что...* и т. д.).

Крипке отмечает: «Подобно тому, как всякой теории истинности приходится сталкиваться с парадоксом лжеца, так и всякая теория контекстов мнения и имен собственных непременно должна столкнуться с этой загадкой... загадка представляет проблему для любой схемы (решения. — Е.С.) — Куайна или чьей-то еще, — то есть всех тех, кто пытается иметь дело с «логикой мнения» на разных уровнях анализа» [Там же: 236].

Отметим, что, как правило, анализ и решение проблемы интенциональных контекстов связывают с трактовкой и семантической интерпретацией собственных имен (десигнативных выражений), их смысла и значения, с принципом предметности и, соответственно, с принципом взаимозаменяемости кодесигнативных выражений. Именно с этих позиций рассматривается известная антиномия отношения именования и предлагаются ее решения.

Если собственные имена трактовать как жесткие десигнаторы, как это делает С. Крипке, то в любых возможных «мирах», при любых обстоятельствах, имя привязано к своему объекту самым способом введения имен (они «ярлыки»). Как бы мы ни называли объект, высказывание с этим именем говорит об этом объекте (принцип предметности); замена одного имени объекта другим его именем (например, *Наполеон*, *Бонапарт*) не меняет дела — речь идет о том же объекте, как бы он ни был назван. С невозможностью замены таких имен в контекстах мнения как с загадкой (этих контекстов) сталкивается С. Крипке.

В случае жестких десигнаторов нет речи о *способе указания на объект*. Объекту в разных условиях («мирах») могут приписываться разные предикаты — он может быть или не быть философом, написать или не написать Веверлея, быть инженером и т. д., но это тот же объект. С нашей точки зрения, в трактовке имен как жестких десигнаторов С. Крипке зеркально следует концепции подлинных собственных имен (*proper name*) Б. Рассела.

При любых подходах — не только в случае жестких десигнаторов, но и у Фреге, Рассела, Карнапа и др. — нарушение принципа взаимозаменяемости связывают именно с трактовкой заменяемых десигнативных выражений⁵. При этом в центре рассмотрения — принцип предметности. Если верен этот принцип, замена одного

⁵ См., например, решения антиномии отношения именования [Карнап 1959: гл. III, § 32].

имени объекта a на другое его имя b в любом предложении не может изменить истинностное значение предложения. В этом загадка контекстов мнения и вообще интенциональных контекстов. Действует ли в этих контекстах принцип предметности?

Г. Фреге, решая проблему, стремится сохранить принцип предметности, но с его точки зрения, в косвенном контексте меняется денотат имени. Денотатом имени a в косвенном контексте становится смысл этого имени в его прямом употреблении, косвенный контекст как бы говорит о смысле имени a , т. е. о способе указания на объект, об информации об объекте. Соответственно, происходит умножение смыслов, см. напр. [Карнап 1959: гл. III, § 39]. Но дело не только в этом. Стал ли именно смысл имени a денотатом этого имени в косвенном контексте? Тогда для этого требуется специальное имя.

Г. Фреге верно заметил зависимость истинностного значения интенционального высказывания от *смысла* имени (в его интенциональном вхождении), т. е. от способа указания на денотат. Но это не значит, что высказывание стало утверждением о смысле.

Б. Рассел идет по пути пересмотра концепции десигнативных выражений. Принципиальную роль для него играет способ задания референта — способ данности нам объекта в самой познавательной деятельности. Отсюда одни сингулярные термы являются подлинными собственными именами, десигнативными выражениями, другие — лишь «способ речи», они не именуют объекты. Вопрос по-прежнему фактически упирается в принцип предметности. Если объект дан, является объектом непосредственного рассмотрения, возможно введение подлинных собственных имен (Сократ, Париж и т. п.). Такого рода имена связаны со своими объектами правилами обозначения. Аспект смысла исчезает, но жесткая десигнация остается. В случае подлинных собственных имен (a и b) тождества вида $a = b$ (Наполеон = Бонапарт, Туллий = Цицерон) превращаются в аналитические, типа $a = a$. По крайней мере, мы можем устанавливать их истинность на основании семантических правил. Для такого рода имен действует принцип предметности.

Другое дело, если объекты нам не даны в «опыте», мы сами их задаем, описываем. Они могут существовать, а могут не существовать — как нынешний король Франции или круглый квадрат. Относящиеся к ним выражения не являются обозначающими, они — нецолные символы. Таковыми являются, например, определенные дескрипции. Соответственно, совершенно по-иному трактуется *логическая структура* предложений с такого рода выражениями. Когда мы в пропозициональную форму вида $B(x)$ подстав-

ляем дескрипцию $(1x)A(x)$, полученное выражение $B((1x)A(x))$ — лишь «способ речи», а не утверждение о соответствующем объекте. Логическая структура такого рода утверждений совершенно иная. Вводятся они с помощью контекстуальных определений (и репрезентируют фактически конъюнкцию трех утверждений), где справа, в определяющей части, нет дескриптивных имен, они элиминируются из контекста с помощью контекстуального определения. Сказанное относится и к тождествам вида $a = (1x)A(x)$ (В. Скотт — автор «Веверлея») или $(1x)A(x) = (1x)B(x)$ (Утренняя Звезда суть Вечерняя Звезда), эти тождества, соответственно, не являются тавтологиями (аналитически истинными), как в случае подлинных собственных имен. Вопрос о взаимозаменяемости усложняется.

В случае референциального употребления дескрипций последние могут *выполнять роль* собственных имен — выполняют условия непустоты и единственности. Разграничение подлинных собственных имен и дескрипций решает целый ряд проблем, с которыми сталкивается теория именования. (Например, неограниченное умножение сущностей в духе Мейнонга: золотые горы, круглые квадраты и т. д.) Но ни в случае референциального употребления дескрипций, ни даже в случае подлинных собственных имен замена в интенциональных контекстах не гарантирована. С этим как с загадкой такого рода контекстов и столкнулся в дальнейшем С. Крипке.

Еще одна линия решения проблемы — усиление условий тождества заменяемых дескриптивных выражений (тождество интенционалов, интенциональный изоморфизм, синонимия). Особо интересен метод экстенционала и интенционала, опирающийся на семантику возможных миров. Но и он не проясняет «загадки» belief-контекстов.

Во-первых, понятие интенционала не охватывает понятие смысла выражения, не может рассматриваться как его экспликат. Возможно поэтому замена десигнативных выражений, имеющих тот же интенционал не проходит в пропозициональных установках и belief-контекстах. Но не только поэтому. Интенционал «сохраняет» референт имени по мирам (обстоятельствам), он и вводится как функция $f: W \rightarrow U$, сопоставляющая миру значение (экстенционал) выражения в этом мире (W — множество возможных миров, U — универсум рассмотрения). Таким образом, интенционал выполняет функцию указания на объект имени, но *релятивизирует это указание относительно миров*. В этом плане он выполняет функцию смысла имени, но не через способ указания на объект, не через информацию об объекте, как у Г. Фреге.

Соответственно, мы не можем говорить о тождестве выражений по смыслу, если тождество вида $a = b$ (или $p \equiv q$) является логически (или необходимо) истинным. Замена в этих случаях проходит в модальных контекстах, поскольку сохраняется тождество денотатов (экстенционалов) выражений a и b во всех выделенных возможных мирах W . Если бы выражения *число планет* и 9 имели бы один и тот же интенционал, т. е. были бы L -эквивалентны (как выражения 9 и 3^2), замена проходила бы в известном примере Куайна. Регулярность, сохранение значения по мирам — вот что дает интенционал, и этого достаточно в семантиках возможных миров для замены в модальных контекстах.

Но в случае контекстов мнения или пропозициональных установок этого недостаточно — включается субъект установки и важна его роль. Обстоятельства («миры») должны согласовываться с «мирами» его знания, веры и т. д. Однако принцип выделения таких миров неясен.

Тогда в случае имен, трактуемых как жесткие десигнаторы, субъект должен знать семантические правила системы, правила введения десигнативных выражений (то же самое в случае выражений, имеющих один и тот же интенционал.) Допустим, во всех мирах a и b обозначают один и тот же объект «объективно», в силу семантических правил, но субъект контекста не имеет этой информации, для него замена не проходит. Вот в чем, с нашей точки зрения, суть объяснения «загадки» С. Крипке в случае его концепции имен как жестких десигнаторов.

Введение понятия интенционала играет решающую роль, как было сказано выше, в анализе неэкстенциональных контекстов, в которых *проходит замена L-эквивалентных выражений*. Возникает вопрос, какова роль этого понятия в существенно интенциональных контекстах, в которых не действует этот принцип замены L -эквивалентных выражений. Такого рода контексты отличаются, как отмечалось, наличием особых интенциональных предикатных выражений (знаков) и операторов. Естественно, особую роль приобретает *семантическая интерпретация такого рода знаков*, методы выявления их смысла и значения. Можно ли приписывать им значения в изоляции, какого рода сущности могут им тогда сопоставляться? Или же они выступают как определенного типа синкатегорематические знаки; смыслом, значением наделяются не они сами, а контексты определенного вида, их содержащие? Каков тогда способ интерпретации такого рода контекстов и каким образом в них смысл

сложного зависит от смысла составляющих? Все эти вопросы касаются принципиальных особенностей интенциональных контекстов, и уже это говорит об определенных существенных отличиях их семантик.

Ниже мы развиваем собственную концепцию анализа интенциональных контекстов, в которой разрабатываются идеи семантик возможных миров.

Предлагается нестандартный подход к трактовке интенциональных контекстов. Суть его в анализе логической структуры этих контекстов. Именно в этом, а не в трактовке собственных имен (сингулярных термов) видим мы ключ к «загадке» интенциональных контекстов. Соответственно, ведущую роль в нашем анализе играют конструирующие операции.

Строится семантика интенциональной прикладной первопорядковой логики — ИПЛ. Ее особенностью является, во-первых, то, что: 1. Каждому осмысленному выражению языка сопоставляются как экстенционал, так и интенционал, и при этом не вводятся особые обозначения для интенционалов. 2. Семантика строится таким образом, что интенциональным предикатным знакам и операторам также сопоставляются как интенционал, так и экстенционал и при этом отличные от интенционалов и экстенционалов обычных предикатных и операторных знаков. Таким образом, интенциональные языки отличаются наличием двух типов предикатных знаков и операторов, и при этом разного типа предикатным знакам (аналогично — операторам) приписываются разного типа интенционалы и разного типа экстенционалы.

Однако принципиальное отличие предлагаемой семантики состоит не в выделении двух типов предикатных и операторных знаков, а в выявлении существенно *иного способа связи интенциональных функторов с их аргументами*; разрабатывается идея двух семантически различных способов приложения функторов к аргументам: экстенциональные и интенциональные функторы сочленяются со своими аргументами *разными способами*.

Синтаксически два способа сочленения можно представить как $P(a)$, если P — экстенциональный знак, и $Q[a]$, если Q — интенциональный функтор. В этих случаях на семантическом уровне вычисления экстенционалов и интенционалов сложных выражений различны. Для экстенциональных контекстов:

(I) способ установления интенционала $(A^B)^W \times B^W \Rightarrow A^W$; так, $(2^U)^W \times U^W \Rightarrow 2^W$, где 2^W (пропозициональный концепт) — интен-

сионал $P(a)$. Интенционал сложного экстенционального выражения есть функция интенционалов составляющих.

(I) $A^B \times B \Rightarrow A$ — способ установления экстенционала.

Для интенциональных контекстов схема иная:

(II) $(A^{(B^W)})^W * B^W \Rightarrow A^W$; так, $(2^{(U^W)})^W * U^W \Rightarrow 2^W$, где 2^W — интенционал $Q[a]$.

(II') $A^{(B^W)} * B^W \Rightarrow A$ — способ установления экстенционала: $2^{(U^W)} * U^W \Rightarrow 2$, где $2 = \{1, 0\}$ — истина, ложь.

Иными словами, экстенционал сложного интенционального выражения является функцией экстенционала функтора и интенционала аргументного выражения.

Таким образом, дело не просто в «усилении» условий тождества взаимозаменяемых выражений в интенциональных контекстах, а в учете логического способа связи составляющих в них. Способ связи составляющих в случае установления экстенционалов и в случае установления интенционалов в экстенциональных контекстах, как видно из схем, тот же. Только установление интенционала релятивизируется к мирам W . Не так обстоит дело в интенциональных контекстах — опять же, как видно из схем.

Принцип замены равного равным вида $b = c \supset A(b) \equiv A(c)$ проходит в рассматриваемой системе ИПЛ, а принцип $b = c \supset A[b] \equiv A[c]$ не общезначим, т. е. замена с сохранением истинности не гарантирована.

Предлагаемый подход вскрывает особенности семантики интенциональных контекстов и разъясняет истоки нарушения принципа взаимозаменяемости. Он дает ключ к пониманию крипкевской «загадки контекстов мнения» [Крипке 1986].

ЛИТЕРАТУРА

- Арно, Лансло 1990 — Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная. М.: Прогресс, 1990.
- Витгенштейн 1957 — Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1957.
- Гильберт 1948 — Гильберт Д. О бесконечном // Основания геометрии. М.; Л., 1948.
- Зеленогорский 1877 — Зеленогорский Ф. Л. О математическом, метафизическом и критическом методах исследования и доказательства. Харьков, 1877.
- Кант 1964 — Кант И. Критика чистого разума. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.

- Карнап 1959 — *Карнап Р.* Значение и необходимость. М., 1959.
- Кондильяк 1983 — *Кондильяк Э.Б.* Логика, или Начала искусства мыслить. Соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 3.
- Крипке 1986 — *Крипке С.* Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 194–242.
- Смирнова 1996 — *Смирнова Е.Д.* Логика и философия. М., 1996.
- Смирнова 2000 — *Смирнова Е.Д.* Логика и философия // Вопросы философии. 2000. № 12.
- Frege 1879 — *Frege G.* Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens. Halle, 1879.

А. В. ВДОВИЧЕНКО

ХАОС В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ КАК ПРОБЛЕМА МЕТОДА. АКТУАЛИЗАЦИЯ ВЕРБАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

В предлагаемой статье оппозиция *хаос vs. космос* рассматриваются не в аспекте *красота vs. безобразность*, а — *порядок vs. беспорядок*, в приложении к лингвистическому материалу.

Согласно Платону, одному из интерпретаторов понятия беспорядка, неупорядоченная материя («хаос») «чрезвычайно странным образом участвует в мыслимом и до крайности неуловима» (Тимей 51b), по-видимому, потому, что в ней невозможно установить причинность и взаимообусловленность, — хаос невозможно обычным, «простым», способом помыслить, поскольку сами законы мышления созиждены на принципе *причинности и тождества*, что само по себе уже предполагает упорядоченность, нехаотичность, т. е. отрицание хаоса в мыслимом. При этом в приведенных суждениях Платона о неупорядоченной материи имеется в виду то принципиально иное, нежели нынешнее, состояние мира, в котором свойственно находится всему, «чего еще не коснулся бог» (Тимей 53b). Заметим здесь, во-первых, «позицию наблюдателя», которому непросто помыслить хаос, и, во-вторых, оппозицию «доисторического» беспорядка и ныне существующего порядка, космоса.

Именно этот существующий ныне порядок, очевидный космос, делает всецело невозможным рассуждение о каком бы то ни было *объективном* хаосе. Хаоса в ныне созерцаемом мире со всей очевидностью не существует. Так, даже в случае «неуправляемой», «неконтролируемой», т. е. хаотичной, химической реакции (например, термоядерной) следует полагать, что поведение каждой частицы вещества, хотя и неуловимо для наблюдателя, в действительности обусловлено соответствующими параметрами — весом, начальным положением, температурой, рядом внешних условий и т. п. Здесь становится очевидным, что констатируемая в термо-

ядерной реакции «неуправляемость», «хаотичность» есть в действительности невозможность *созерцать* упорядоченность и сам принцип организации, но никак не *фактическое* отсутствие упорядоченности.

Соответственно, сама констатация хаоса (или космоса) находится в прямой зависимости от субъекта созерцания, или субъекта рефлексии, (не)обнаруживающего *организующий принцип* (вспомним платоновскую «субъектность», предполагаемую в «мыслимом» и «неуловимом»). Это со всей определенностью переводит рассуждение о хаосе и космосе в область того, как *воспринимаются* хаос и космос, каковы *критерии* их выявления. Другими словами, в рассмотрение хаоса (космоса) необходимо ввести *субъект восприятия*, без которого и вне которого самого хаоса просто не существует.

Лингвистическое исследование призвано преодолеть хаос, изначально созерцаемый исследователем в вербальном материале; оно стремится к обретению порядка, космоса, т. е. к констатации принципа упорядоченности лингвистических элементов. Преодолеть первоначальный созерцаемый хаос лингвистического материала значит найти *систему координат*, в которой данные элементы образуют созерцаемый порядок, и построить адекватную модель описания этого материала. Это — одновременно преодоление собственной, исследовательской, проблемы зрения, поиск сетки, при наложении которой на материал возникает концептуальный «космос» (так, например, Хомский требовал иметь всеобщую стройную концепцию языка прежде работы над лингвистическим материалом любого уровня). Ввиду того что вербальные феномены очевидным образом встроены, интегрированы в организованную гуманитарную действительность («которой коснулся Бог») и сами по себе четко «работают» в ней, образуя порядок, лингвистическая проблематика, как видно, состоит в адекватном *методе описания* вербальных феноменов, в преодолении проблемы исследовательского зрения, — хаос в лингвистическом материале есть исключительно проблема *метода* описания лингвистического материала.

Здесь в качестве примера я хотел бы проследить одну из причинно-следственных цепочек, создающих или поддерживающих (или даже усугубляющих) концептуальный хаос в процессе лингвистического анализа, т. е. указать на некоторые изъяны определенной методологической сетки, часто накладываемой на лингвистический, нехаотичный «в себе» материал. Благодаря этому адекватное «моделирование» вербальных феноменов в рамках данной методологической парадигмы становится заведомо невозможным.

Речь идет о попытках описать лингвистический материал с той точки зрения, которая постулирует *слово в качестве минимальной единицы речевой структуры*. Как известно, слово (первоначально «имя») было выбрано главным составляющим элементом «языка» еще античными грамматиками и на века стало в традиции европейского языкознания своего рода лингвистической «монадой». Именно оно в антично-средневековой парадигме описания языка является «частью речи», «имеет значение», «вступает в связи», «имеет синтаксические функции», «составляет предложения», занимает соответствующие места в логических пропозициях и т. д. Такой подход приводит к тому, что все элементарные категории, прилагаемые к лингвистическому материалу, ориентированы на слово, объемлются словом. Само описание «языка» становится описанием слов. Здесь, оставляя в стороне все прочие дискуссионные аспекты, уже обсужденные и еще не затронутые, я хотел бы указать всего на одну практику лингвистического анализа, а именно на описание слова самого по себе, т. е. слова, обладающего «лексическим значением», являющегося объектом семантического анализа (совершенно естественно, что в самой практике анализа отдельных слов уже содержится признание их элементарными единицами, из которых получается некая «сумма»). Практическим выражением этого метода исследования является коллекционирование «различных значений слов» и отслеживание тождеств или отличий значений на основе некоего глубинного единства или различия сем.

Как уже было замечено, теоретизирование лингвистического феномена возможно только как вписывание его в единую систему координат, которая сама по себе есть по возможности адекватная всеобщая модель описания лингвистического материала. Какое место занимает *отдельное слово* со своим «значением» в реальной устной или письменной речи? Насколько соответствует его реальное положение тому, что подспудно вводится практикой компонентного анализа?

Здесь, на мой взгляд, вполне достаточно указать на одно фундаментальное *caveat*, которое длительное время оставалось вне поля зрения лингвистической теории, присутствуя при этом реально в гуманитарной действительности и тем самым давно претендуя на включение в теоретическую модель описания языка (грозив в случае отказа пущей неадекватностью описательной модели). Речь идет об *актуальности*, или *актуализованности*, вербального феномена, т. е. о реальном очевидном процессе пользования «языком», в котором тексты — устные или письменные — всегда предципиру-

ют конкретный момент конкретной прагматической (дектической, в концепции Ю.С. Степанова) ситуации, являются *предикатами конкретной коммуникативной ситуации*. Говорящий (пишущий) в любой момент текстовой последовательности идентифицирует данный момент коммуникативной ситуации и соответствующим образом встраивает вербальные феномены («модели») в идентифицируемую прагматическую реальность. Вне прагматического (дектического) синтаксиса «слова» естественного языка не производятся, и соответственно, естественный лингвистический материал не существует вне прагматической (дектической) синтагмы, в которой реализуются его наиболее значимые аутентичные признаки — коммуникативность («любое использование естественного языка есть коммуникация»), ситуативность («любое использование естественного языка осуществляется в определенных условиях, мыслимых говорящим/пишущим»), действительность («любое использование естественного языка есть действие в мыслимом коммуникативном пространстве»). Вполне очевидно, что вне данных признаков использования языка в гуманитарной действительности нет — нигде, кроме случаев лингвистической экземплификации в русле «слово-изолирующей» парадигмы. Именно при таком подходе лингвистический материал искусственно лишается аутентичных свойств и создается собственно *не-лингвистический* материал, факт которого невозможно констатировать в реальном речевом процессе.

Другой пример лингвистического теоретизирования вне актуализации лингвистических феноменов — описание текстов корпуса Септуагинты и Нового Завета.

Наиболее авторитетный исследователь языка этих источников А. Дайссманн конституирует язык Септуагинты и новозаветных текстов по преимуществу и почти исключительно предметным элементом [Deissmann 1908] — т. е. самым словесным текстом, непосредственно «данным в ощущении», который, согласно его логике, организован сам в себе и лингвистический анализ которого заключается в констатации составляющих элементов, т. е. наблюдаемых слов. Вольно или невольно при таком не-синтезирующем подходе реализуется описательная модель «от слова к тексту», с использованием единственно известных (а потому не обсуждаемых) лингвистических методов и категорий, которые, благодаря своей «точности» и «очевидности», получают право создавать теоретическую картину ситуации¹. Согласно иници-

¹ В результате получается следующая схема: язык Септуагинты представляет собой *регулярное греческое койне*, на котором говорили в то время в Египте;

рованной Дайссманном схеме, если в тексте со всей определенностью присутствуют греческие лексемы («слова»), а также — чужеродные греческому языку *выражения*, и если сам перевод (в случае Септуагинты и двух первых Евангелий) и оригинальные тексты (остальные Евангелия) были созданы для *грекоговорящих* иудеев (а их разговорным языком было *койне*), то для описываемого языка следует констатировать факт *регулярного койне*, с отступлениями в сторону *нерегулярности* (или наоборот, — *нерегулярного койне с островками регулярности*). При этом можно ли представить себе «нерегулярный язык» в священном тексте? Можно ли предположить, что тексты такой значимости создавались безграмотными переводчиками и писателями для аудитории, которая, несомненно, была в состоянии оценить достоинства созданного для нее текста? С чьей же тогда точки зрения текст Септуагинты и Евангелий был неправильным? По-видимому, лишь с точки зрения лингвиста, отдаленного от актуальной лингвистической ситуации, заведомо *вторичное* знание анализируемого «языка» в сравнении с реальными участниками лингвистической ситуации, но не сомневающегося в правоте своей теоретической схемы. Вполне очевидно, что Дайссманн и его школа беспощадно навязали материалу черты своего «слово-ориентированного» лингвистического метода, не имея иного. Актуальность описываемых текстов, имевшая место в конкретной прагматической (дектической) синтагме и вводящая в теоретическую схему описания *Субъекта* лингвистической ситуации и его аутентичную систему координат, оказалась всецело вне теоретизирования². Само описание источников обернулось фактической констатацией хаоса («неправильного языка»), что, как видно, изобличает в действительности проблемы самого метода, но не материала.

В самом деле, теоретические инструменты, имеющиеся в арсенале «слово-изолирующей», «слово-ориентированной» парадигмы лингвистического описания, всецело предопределяют сам результат описания, по схеме *what you have is what you get*: если предметом лингвистической работы считать только *слова*, то *на уровне словесных моделей* путем сопоставления «единиц» греко-лексемного текста и его (возможного) семитского оригинала возни-

одновременно признается непротиворечащим этому тот факт, что в тексте присутствуют *гсбраизмы* (т. е. по определению *нарушения нормы*) и что в целом язык имеет *характер переводного греческого* (т. е. *неправильного греческого*), ср. [Silva 1980: 200]; см. также [Horsley 1989].

² Так, получается, что участники ситуации в здравом уме и твердой памяти создавали главные тексты на «неправильном» языке, ср., например, [Rabin 1968: 21].

кает естественная необходимость констатировать *повсеместные факты интерференции* (нарушений аутентичной греческой нормы), что, очевидно, и предпринято Дайссманном и его последователями. Недостаточность слово-изолирующей модели заключается в том, что на этой стадии исследования она исчерпывается, оставаясь, поскольку с очевидностью выясняется, что в языке (конституированном, как считается, словесными *моделями*) *нет законченной системы*. Другими словами, с точки зрения слово-изолирующей парадигмы в исследуемом тексте нельзя констатировать *систему* какого-то уже известного и описанного языка, на котором были созданы *тексты Септуагинты и новозаветного корпуса* (текст, как считается, не может создаваться на не существующем дотоле «языке»). Это знаменует конец поисков точной структуры и логики в материале.

Если же встать на иную — дискурсивную, не-словоизолирующую — точку зрения и изначально признать факт актуальности рассматриваемых текстов (а не сделать этого невозможно), то придется признать и факт их *нормализации*. Соответственно, следующая теоретическая задача состоит в том, чтобы найти *критерии* актуализации и нормализации. При таком подходе языковые модели суть *подчиненные*, а не «подчиняющие» элементы, не определяющие коммуникативную ситуацию, а *определяемые* коммуникативной ситуацией, бессмысленные и хаотичные вне организующей их прагматической (дектической) синтагмы. Соответственно, теоретическая задача состоит в том, чтобы найти *новую систему координат*, с новыми параметрами, в рамках которой данные («неправильные», по Дайссманну) модели осознавались бы и исчислялись как правильные. Другими словами, речь идет о теоретическом описании процесса *создания «языка» прагматической (дектической) синтагмой* или, в конечном счете, — о создании лингвистического материала, адекватного той *коммуникативной ситуации*, которая в качестве субъекта и создает себе текст (и его «язык») как свои предикаты.

При таком актуализирующем подходе описание вербального материала необходимо начать с описания коммуникативной ситуации — соответственно, с той роли, какую текст Писания играл в жизни греко- или арамеоязычной иудейской общины. Именно это обстоятельство обусловило необходимость создания версии Торы для грекоговорящих иудеев. Как существовавшая практика чтения Закона в синагогах, так и сам способ перевода, по-видимому, свидетельствуют о том, что грекоподобный текст Септуагинты был по сути функцией самого древнееврейского текста,

возможностью древнееврейского текста быть распознаваемым в своих элементах по греколексемному тексту. Именно в этом следует полагать критерий актуализации Септуагинты: она создавалась не как текст на целевом (греческом) «языке», а как подстрочник, озвучивавший каждое слово священного оригинала (ср. [Тов 1976: 538]). Правильность Септуагинты состояла не в следовании аутентичным греческим языковым моделям, а в передаче слова древнееврейского священного текста, вне которого он не имел оправдания, — также как и вне самой иудейской религиозной традиции. В такой ситуации, пожалуй, очевидно, что *норма устанавливается как отношение к тексту субъектов лингвистической ситуации*, которые воспринимают и нормализуют лингвистический материал в своем восприятии и тем самым образуют аутентичную дектико-прагматическую синтагму функционирования текстов и их конкретных феноменов. Соответственно, оказывается невозможным наложение на материал внешних для ситуации критериев правильности и неправильности, проистекающих из дефицитарной модели описания лингвистического материала. Другими словами, особый статус Септуагинты в иудейской грекоговорящей общине обусловил особое восприятие языковых моделей, которыми пользовался текст. Последние воспринимались и оценивались не в обширном контексте, создаваемом неким общим для всех «языком», а в контексте замкнутой в себе иудейской общины, которая, безусловно, представляла собой сугубо специальный обособленный контекст, фиксирующий и нормализующий особую лингвистическую практику в сфере функционирования письменного священного текста. Нормализованные в данной коммуникативной ситуации языковые модели, содержащиеся в священном тексте, используются затем при создании других текстов пророческого содержания (корпус Нового Завета), что становится возможным в рамках той же традиции, т.е. в рамках аутентичного дискурса (дектико-прагматической синтагмы).

Таким образом, актуализация лингвистического феномена является неременным условием общей теоретической модели описания лингвистического материала любого уровня. Вне актуализации как принципа функционирования лингвистического феномена, т.е. вне прагматического (дектического) синтаксиса, вербальный материал теряет свои аутентичные свойства (мыслимые коммуникативность, ситуативность, действенность), становится искусственным и допускает применение произвольных теоретических схем. Презумпция актуальности текста, по существу, вводит син-

тезирующий принцип лингвистического описания, корректирующий результаты неизбежной аналитической работы. Актуализация, таким образом, является одним из главных условий методологического космоса.

ЛИТЕРАТУРА

- Deissmann 1908 — *Deissmann A.* The Philology of the Greek Bible. London, 1908.
- Horsley 1989 — *Horsley G. H. R.* The fiction of «Jewish Greek» // New Documents Illustrating Early Christianity. 1989. Vol. 5.
- Rabin 1968 — *Rabin Ch.* The Translation Process and the Character of the Septuagint // *Textus*. 6. (1968).
- Silva 1980 — *Silva M.* Bilingualism and the Character of Palestinian Greek // *Biblica*. 61. (1980).
- Tov 1976 — *Tov E.* Three dementions of LXX Words // *Revue biblique*. 83. (1976).

В. И. ГАВРИЛОВА

КВАЗИПАССИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКИХ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЗАКОНОМЕРНОГО, ИЗВЕЧНО ДАННОГО ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ

Все прорастающее в мире давно
завершено внутри.

(М. Волошин)

Введение

А. А. Любищев предлагает различать два рода упорядоченности — первичную и вторичную. Первичная упорядоченность имеет место тогда, когда некую систему элементов рассматривают как имеющую исходный план расположения, т. е. как обладающую имманентной гармонией. Первичную упорядоченность А. А. Любищев называет космосом, гармонизмом. Вторичная упорядоченность имеет место тогда, когда некую систему рассматривают как изначально хаотическую, обретающую упорядоченность лишь в результате столкновения, взаимодействия входящих в систему элементов. Вторичную упорядоченность А. А. Любищев называет хаосом, полемизмом [Любищев 1977: 136].

В работах [Гаврилова 1979; 1986] мы предлагали считать, что в русском языке в случае использования квазипассивных конструкций (КВПК) изменения, происходящие с предметом (пациенсом), выраженным подлежащим, трактуются как результат обнаружения имманентных свойств системы, включающей этот предмет (пациенс). Если же процесс изменения выражен с помощью пассивной конструкции (ПК), то изменения предмета (пациенса), обозначенного подлежащим этой ПК, трактуются как установление некоторого нового порядка вещей в результате взаимодействия этого предмета (пациенса) и некоторого лица (агенса). При этом это лицо в случае трехчленной ПК бывает выражено либо агентивным дополнением в творительном падеже, либо более широким контекстом; а в случае двучленной ПК агентс подразумевается¹.

¹ В указанных работах мы предлагаем различать отсутствие-неполноту и отсутствие-запрет агентивного дополнения, соответственно в ПК и КВПК [Гаврилова 1979: 31; 1986: 8–9].

Например, в предложении (1) описывается осуществляемая людьми очистка реки, и описывающая эту денотативную ситуацию конструкция с возвратным глаголом должна быть охарактеризована как ПК. В то время как в предложении (2) описывается самопроизвольная очистка реки во время наводнения и описывающая эту денотативную ситуацию конструкция с возвратным глаголом должна быть охарактеризована как КВПК:

- (1) *За счет средств, выделяемых местными властями, река в нашем городе ежегодно очищается;*
(2) *Река в нашем городе ежегодно очищается во время наводнения.*

То, что в (1) и (2) использованы два разных типа конструкции, становится очевидным, когда мы попробуем описать эту денотативную ситуацию в ее результитивной фазе:

- (3) *Река была очищена за счет средств, выделенных местными властями;*
(4) *Река очистилась во время наводнения.*

В предлагаемом Вашему вниманию исследовании представлено более детальное и углубленное сравнение свойств возвратных глаголов при описании явлений первичной упорядоченности (в составе КВПК) и вторичной упорядоченности (в составе ПК).

Преобразующий и иницирующий тип переходности и типология денотативных ситуаций преобразования неодушевленного предмета

При описании понятия «действие» в качестве единицы словаря русской культуры Ю. С. Степанов указывает на необходимость введения в лингвистическое описание таких подролей агенса как агенс-исполнитель и агенс-инициатор: «Представленная в самом общем и суммарном виде структура действия по данным языка такова: Агенс (производитель) — Действие — Объект. Этой суммарной схемы совершенно недостаточно. Так агенс может быть и инициатором, и исполнителем, и даже инструментом действия» [Степанов 1997: 210–221].

Мы пришли к выводу, что понятия «агенс-инициатор» и «агенс-исполнитель» оказываются востребованными при языковом оформлении двух следующих типов денотативных ситуаций:

- Денотативная ситуация, при языковом оформлении которой агент должен быть охарактеризован как агент-инициатор, такова, что изменения некоторого неодушевленного предмета всецело определяются некоторыми не антропогенными внешними факторами (некоторым смещением тел неживой природы, некоторым стечением обстоятельств). Другими словами, для осуществления изменений, соответствующих данной ситуации, существуют необходимые и достаточные условия, всецело состоящие из природных факторов. Произвольная деятельность человека может быть внешним фактором, помогающим сформировать эти необходимые и достаточные условия, но само изменение, как скоро эти условия созданы, происходит самопроизвольно без участия человека. Поясним, что мы имеем в виду на примере процессов приготовления пищи. Продукты питания варятся, жарятся, пекутся в результате того, что они оказываются в определенной среде (водной, масляной, воздушной) и при определенной достаточно высокой температуре. В эти условия продукты питания помещает человек, т. е. человек инициирует этот процесс приготовления пищи, но в самом процессе варки, жарки, печения человек участвует не как исполнитель, а всего лишь как наблюдатель, способный лишь варьировать условия, в которых находитсяготавливаемый продукт.
- Денотативная ситуация, при языковом оформлении которой агент должен быть охарактеризован как агент-производитель, такова, что изменения некоторого неодушевленного предмета всецело определяются непосредственным антропогенным воздействием. Денотативные ситуации носят такой характер, например, тогда, когда создаются какие-либо объекты ноосферы по В. И. Вернадскому [Вернадский 1977], т. е. строятся дома, конструируются и производятся машины, пишутся книги и т. п. Такие процессы могут происходить только при непосредственном воздействии человека на изменяемый предмет, поэтому во время осуществления изменения изменяемый предмет и изменяющий его человек находятся в контакте. Если изменение производится с помощью некоторого инструмента, то этот контакт осуществляется через посредство этого инструмента. В этой связи напомним, что А. Вежбицка считает, что универсальную модель «инструментальности» («орудийности») демонстрируют «предложения, обозначающие сознательное действие,

которое осуществляется с помощью «механического приспособления», входящего в контакт и с агенсом, и с пациентом [Вежбицка 1985: 317].

В нашей работе [Гаврилова 2001] мы высказали гипотезу, согласно которой различия в актантной структуре переходных глаголов, а именно то обстоятельство, что агенс может быть либо агенсом-исполнителем, либо агенсом-инициатором, определяет два разных типа переходности глагола, сказывающихся на результате залоговых трансформаций конструкций, в которых эти переходные глаголы являются сказуемыми. А именно, мы тогда говорили о непосредственной (прямой) и опосредованной переходности (квазипереходности). В настоящем исследовании, а также в работе [Гаврилова (в печати)] мы изменили терминологию и говорим уже о переходности преобразующего типа и переходности иницирующего типа. Выделение этих двух типов переходности обусловлено разной степенью непосредственного участия агенса в преобразованиях, которым подвергается пациент:

- Если преобразование пациента на всем его протяжении осуществляется непосредственно за счет приложения энергии, которая является мускульной и/или интеллектуальной энергией агенса, то мы будем называть такой агенс агенсом-исполнителем. Например: (5) *Иван строит дом*; (6) *Иван построил дом*; (7) *Петя ремонтирует компьютер*; (8) *Петя отремонтировал компьютер*; (9) *Маша красит забор*; (10) *Маша покрасила забор*.
- Если агенс тратит свою энергию на создание условий необходимых и достаточных для самопроизвольного осуществления изменений в пациенте, обозначенном прямым дополнением, то мы будем называть такой агенс агенсом-инициатором. Например: (11) *Отец заваривает чай*; (12) *Отец заварил чай*; (13) *Маша жарит картошку*; (14) *Маша пожарила картошку*; (15) *Маша красит пасхальные яйца*; (16) *Маша покрасила пасхальные яйца*.

При этом в тех случаях, когда подлежащее при переходном глаголе характеризуется как агенс-исполнитель, мы имеем дело с преобразующей (непосредственной) переходностью (примеры (5)–(10)). А в тех случаях, когда подлежащее при переходном глаголе характеризуется как агенс-инициатор, мы имеем дело с иницирующей (опосредованной) переходностью (примеры (11)–(16)).

Тип переходности находит отражение в различии залоговых трансформаций конструкций с переходными глаголами в качестве сказуемых.

Залоговую трансформацию, при которой прямое дополнение активной конструкции переходит в подлежащее при парном возвратном глаголе, мы будем называть объектной конверсивной трансформацией, а ее результирующую конструкцию объектной конверсивной конструкцией. Объектная конверсивная трансформация может быть описана в виде структурной формулы (17):

$$(17) N_{1\text{им}} V N_{2\text{вин}} ? N_{2\text{им}} V_{\text{ся}}$$

В данном исследовании мы будем рассматривать только такие действительные конструкции, в которых прямое дополнение $N_{2\text{вин}}$ выражено неодушевленным существительным, и, соответственно, только такие объектные конверсивные конструкции, в которых подлежащее $N_{2\text{им}}$ выражено неодушевленным существительным. Значение возвратного глагола в объектной конверсивной конструкции мы будем называть объектным (конверсивным) значением.

Объектную конверсивную трансформацию в тех случаях, когда она применяется к конструкциям с переходными глаголами преобразующего типа, принято называть пассивной трансформацией, а ее результат пассивной конструкцией (сокращенно ПК). Пассивные конструкции допускают в качестве сказуемого только возвратные глаголы несовершенного вида. Например, конструкции (5конв), (7конв) и (9конв) являются допустимыми: (5конв) *Дом строится*; (7конв) *Компьютер ремонтируется*; (9конв) *Забор красится*. Однако конструкции (6конв), (8конв) и (10конв) неприемлемы: (6конв) **Дом построился*; (8конв) **Компьютер отремонтировался*; (10конв) **Забор покрасился*.

Результатом применения той же самой объектной конверсивной трансформации к конструкциям с переходными глаголами иницирующего типа являются квазипассивные конструкции (сокращенно КВПК), например (11конв) *Чай заваривается*; (12конв) *Чай заварился*; (13конв) *Картошка жарится*; (14конв) *Картошка пожарилась*; (15конв) *Пасхальные яйца красятся*; (16конв) *Пасхальные яйца покрасились*. Сказуемые квазипассивных конструкций имеют значение самопроизвольно разворачивающегося процесса. При этом в КВПК в качестве сказуемых регулярным образом употребляются личные формы возвратных глаголов совершенного вида [Гаврилова 1986].

Из сопоставления трансформационной судьбы примеров (10) и (16) становится понятным, что тип переходности приписывается не вокабуле в целом, а отдельному лексическому значению. В случае с «краситься» в составе (10) и (16) разница значений глагола определяется свойствами денотата лексемы, заполняющей позицию актанта с ролью «пациенс». Так, когда окрашивается забор, то плоскость забора может быть покрыта краской, только если в этом процессе на всей его протяженности в качестве исполнителя участвует человек, и в данном случае агентс является агентом-исполнителем. В то же время, если речь идет об окрашивании пасхальных яиц или ткани, то человек создает красящую среду и помещает в нее на какое-то время предназначенный для перемены цвета объект, который с неизбежностью приобретет новый цвет, и в данном случае агентс является агентом-инициатором. Объектная конверсивная конструкция (10конв), выводимая из (10), имеет пассивный характер, и в ней невозможно употребление личных форм глагола совершенного вида; а объектная конверсивная конструкция (16конв), выводимая из (16), имеет квазипассивный характер и для употребления в ее составе личных форм глагола совершенного вида не возникает никаких препятствий.

Прототипическое и периферийные значения возвратных глаголов в ПК и КВПК

Как мы показали, объектными конверсивными конструкциями будут как пассивные конструкции (ПК), так и квазипассивные конструкции (КВПК). Поэтому ПК мы будем называть пассивной разновидностью объектной конверсивной конструкции, или пассивным конверсивом, а КВПК — квазипассивной разновидностью объектной конверсивной конструкции, или квазипассивным конверсивом.

Как мы уже говорили, выбор между пассивным и квазипассивным конверсивом определяется тем, какой — преобразующей или инициирующей, соответственно, — является переходность глагола в исходной конструкции. Точнее, тип переходности глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет прототипическое значение формы глагола в конверсивной конструкции. Прототипическим значением мы будем называть значение глагола-сказуемого, проявляющееся в двухчленной объектной конверсивной конструкции, т.е. значение, которое свойственно возвратному глаголу-сказуемому при отсутствии влияния какого-либо контекста.

Преобразующий тип переходности глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет прототипическое пассивное значение возвратной формы глагола — примеры (18)–(22), — и поскольку в ПК невозможно употребление личных форм возвратных глаголов совершенного вида, то, например, очень неестественны и едва ли допустимы конструкции (23)–(27):

(18) <i>Белье гладится</i>	(23) * <i>Белье погладилось</i>
(19) <i>Прибор конструируется</i>	(24) * <i>Прибор сконструировался</i>
(20) <i>Платье шьется</i>	(25) * <i>Платье сшилось</i>
(21) <i>Деталь вытачивается</i>	(26) * <i>Деталь выточилась</i>
(22) <i>Документы оформляются</i>	(27) * <i>Документы оформились.</i>

Иницирующий тип переходности глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет прототипическое квазипассивное значение формы глагола, например, в конструкциях (28)–(37):

(28) <i>Белье сушится</i>	(33) <i>Белье высушилось</i>
(29) <i>Прибор ломается</i>	(34) <i>Прибор сломался</i>
(30) <i>Ботинки пачкаются</i>	(35) <i>Ботинки испачкались</i>
(31) <i>Деталь деформируется</i>	(36) <i>Деталь деформировалась</i>
(32) <i>Дворец разрушается</i>	(37) <i>Дворец разрушился.</i>

При этом необходимо отметить, что двучленные нераспространенные объектные конверсивные конструкции, по существу, являются грамматической абстракцией, а в реальном языковом употреблении мы практически всегда имеем дело с распространенными конструкциями. Поэтому, если выражаться точнее, то следует сказать, что отсутствию контекста двучленной конверсивной конструкции, т.е. конструкции в которой значение возвратного глагола не зависит от контекста, функционально равны распространенные конструкции, включающие такие контексты, которые не входят в противоречие с прототипическим значением и являются избыточными для его проявления.

В то же время существуют контексты другого рода, значение которых входит в противоречие с прототипическим значением возвратного глагола. Попадая в такой контекст, словоформа глагола с прототипическим пассивным значением приобретает периферийное квазипассивное значение. И, наоборот, глагол с прототипическим квазипассивным значением под влиянием специальных контекстов приобретает периферийное пассивное значение.

Итак, периферийное значение возвратного глагола в конверсивной конструкции следует определить как значение обусловленного контекстом, противоречащим и преодолевающим прототипическое значение этого глагола.

Восходящие к переходным глаголам преобразующего типа возвратные глаголы, которые имеют пассивное прототипическое значение, могут иметь также и квазипассивное значение, но в качестве периферийного, обусловленное контекстом значения, например в конструкциях (38)–(47):

(38) <i>Белье гладится
как бы само собой</i>	↔	(43) <i>Белье погладилось
как бы само собой</i>
(39) <i>Прибор конструируется
как бы сам собой</i>	↔	(44) <i>Прибор сконструировался
как бы сам собой</i>
(40) <i>Платье шьется
как бы само собой</i>	↔	(45) <i>Платье сшилось
как бы само собой</i>
(41) <i>Деталь вытачивается
как бы сама собой</i>	↔	(46) <i>Деталь выточилась
как бы сама собой</i>
(42) <i>Документы оформляются
как бы сами собой</i>	↔	(47) <i>Документы оформились
как бы сами собой.</i>

За счет вставления слов *как бы сам собой* статус конструкций (38)–(42) становится уже не пассивным, как у конструкций (18)–(22), а квазипассивным. Поэтому в конструкциях (43)–(47) возможно употребление личных форм возвратных глаголов совершенного вида, которое не было возможным в конструкциях (23)–(27), но узаконено в составе КВПК (33)–(37).

И наоборот, восходящие к переходным глаголам иницирующего типа возвратные глаголы, которые имеют квазипассивное прототипическое значение, могут иметь также и пассивное значение, но только в качестве периферийного, обусловленного контекстом значения, например в конструкциях (48)–(52); при этом необходимо обратить внимание на то, что конструкция (53) сомнительна (что мы обозначим знаком [?]), а конструкции (54)–(57) неприемлемы, так как личные формы возвратных глаголов совершенного вида не могут выступать в качестве сказуемых в ПК ²:

² Грамматики указывают на спорадический характер оформления сказуемого пассивной конструкции с помощью возвратного глагола совершенного вида. Так, например, в Академической грамматике 1980 года сказано, что «постфикс *-ся* в страдательном значении иногда имеют и глаголы совершенного вида... Такое употребление редко» [АГ 1980: 616]. При этом все приводимые примеры являются распространенными конструкциями и очень часто семантика с этих конструкций скорее квазипассивная, чем пассивная.

(48) <i>Белье сушится утюгом</i>	↔	(53) <i>*Белье высушилось утюгом</i>
(49) <i>Прибор специально ломается</i>	↔	(54) <i>*Прибор специально сломался</i>
(50) <i>Ботинки специально пачкаются</i>	↔	(55) <i>*Ботинки специально испачкались</i>
(51) <i>Деталь специально деформируется</i>	↔	(56) <i>*Деталь специально деформировалась</i>
(52) <i>Дворец специально разрушается</i>	↔	(57) <i>*Дворец специально разрушился.</i>

Итак, факт употребления возвратного глагола совершенного вида в качестве сказуемого объектной двучленной нераспространенной конверсивной конструкции свидетельствует о выражении с помощью этого сказуемого прототипического квазипассивного значения. Следовательно, парный переходный глагол является переходным глаголом иницирующего типа.

Поэтому удобной диагностической операцией, определяющей тип переходности в соответствующей активной конструкции, является проверка на существование двучленной нераспространенной конструкции со словоформой возвратного глагола совершенного вида в качестве сказуемого. Так, например, конструкции (58) *Сено высушилось*; (59) *Стакан разбился*; (60) *Вода расплескалась* безупречны и, следовательно, глаголы *сушить/высушить*, *разбивать/разбить*, *расплескивать/расплескаться* являются иницирующими переходными глаголами. Глаголы *косить/скосить*, *ремонттировать/отремонттировать*, *обстругивать/обстругать* являются преобразующими переходными глаголами, поскольку двучленные конструкции (61) **Трава скосилась*, (62) **Прибор отремонтировался*; (63) **Рейка обстругалась* воспринимаются как аномальные, что мы обозначили знаком «*», предваряющим эти конструкции.

Приведем примеры реальных текстовых употреблений периферического пассивного и квазипассивного значений.

Так, например, в газетном заголовке из примера (64) у глагола *разрушаться* с прототипическим квазипассивным значением под влиянием контекста, а именно вопросительного местоимения *где*, развивается периферическое пассивное значение: (64) *Если браки заключаются на небесах, то где они разрушаются?* А в примере (65) имеет место словесная игра, причем игра, которая построена на разнице пассивного и квазипассивного прочтения глагола: (65) *Армия у нас разлагается и весьма искусно*. Пока произнесено только начало фразы *Армия у нас разлагается*, конструкция по-

нимается как квазипассивная и описанный в ней процесс осознается как развивающийся вне волевых усилий человека. Но после добавления обстоятельственной группы *и весьма искусно* предложение переосмысливается как пассивное, и описываемый в этом предложении процесс начинает интерпретироваться как обусловленный волей человека и развертывающийся благодаря его сознательному постоянному участию.

В примерах (66)–(68) мы встречаемся с периферийными квазипассивными значениями *создаться, делаться, писаться, дописаться*. При этом в примерах (66) и (68) возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов преобразующего типа, употребляются в форме совершенного вида:

(66) *Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создастся сама собой, внезапно, создастся, когда появится писатель, который сочтет несовершенной текущую жизнь и, негодуя, приступит к художественному обличению ее* (М. Булгаков);

(67) *Глаголы — это слова, которые обозначают, что делает предмет или что делается с предметом (происходит с предметом)* (Определение из школьного учебника по русскому языку);

(68) *Осовский повернул картины к белой холодной стене.*

— *Картины, которые стоят у стены, все равно пишутся дальше. Время их пишет. Вот я их поставил, а они пишутся и допишутся, может лет через сто. Картины пишутся без нас, без творцов* (Из газет).

А во встретившемся в монографии Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995: 263] примере (69) присутствуют как прототипическое пассивное, так и периферийное квазипассивное значение глаголов *строиться и считаться*:

(69) *Однако, в большинстве случаев лишь один из участвующих в ситуации предметов может рассматриваться как инициатор, источник действия. Дома не сами строятся, а их строят; вещи не сами считаются хорошими или плохими, а кто-то считает их таковыми и т. д. Поэтому слова *строиться, считаться* и т. п. не могут быть истолкованы сами по себе; единственный способ дать им определение состоит в том, чтобы свести их к исходному, семантически, т. е. к предикату приписанному инициатору ситуации. Исходный конверсив получает независимое истолкование... которое затем переносится, с соблюдением ряда условий... на семантически несамостоятельный конверсив: *В строится X-ом = X строит В; В считается хорошим = Некоторые люди считают В хорошим.**

Прототипическое пассивное значение проявляется во фрагментах (70) *В строится X-ом* и (71) *В считается хорошим*; а во фрагментах (72) *Дома не сами строятся* и (73) *Вещи не сами считаются хорошими или плохими* под влиянием контекста «местоимение сам с отрицанием» проявляется периферийное квазипассивное значение.

Представление в толковых словарях возвратных глаголов с пассивным и квазипассивным прототипическим значением

В словарях отсутствуют толкования и примеры как пассивного, так и квазипассивного периферических значений. Это, впрочем, не создает никаких препятствий для понимания носителями языка конструкций, в которых эти значения реализуются (см. примеры (64)–(69)).

Но в данном разделе мы будем абстрагироваться от факта существования периферийных пассивного и квазипассивного значений и обсудим функционирование в КВПК заведомо регулярных личных словоформ возвратных глаголов с прототипическим пассивным и квазипассивным значениями.

Нововведением, отстаиваемым в данном исследовании, является выделение среди русских переходных глаголов, с одной стороны, **переходных глаголов преобразующего типа** (парными к ним являются возвратные глаголы с пассивным прототипическим значением) и, с другой стороны, **переходных глаголов иницирующего типа** (парными к ним являются возвратные глаголы с квазипассивным прототипическим значением). Правомерность и значимость введения этих двух типов переходности, а следовательно, и сопутствующего выделения двух типов прототипических значений у парных возвратных глаголов подтверждается тем, что пары «переходный глагол — возвратный глагол» каждого из этих двух типов по-разному представлены в русских толковых словарях. А именно, в случае переходных глаголов преобразующего типа парные возвратные глаголы не имеют специального толкования и их значение, если оно вообще приводится, имеет форму отсылки к соответствующему значению переходного глагола. В то время как в случае переходных глаголов иницирующего типа в толковых словарях приводятся самостоятельные толкования как переходных, так и парных возвратных глаголов.

Рассмотрим более подробно случай с переходностью преобразующего типа. В примере (69) говорится, что у парных возвратно-

го и переходного глаголов *строить/строиться* и *считать/считаться*, удовлетворяющих определению конверсивов, один из глаголов, а именно переходный глагол, приписанный инициатору ситуации, следует считать исходным. Этот исходный глагол следует снабдить самостоятельным толкованием, и это толкование с соблюдением ряда условий следует перенести на парный возвратный глагол. Утверждается равенство значения переходного глагола преобразующего типа *строить* и прототипического пассивного значения парного возвратного глагола: *В строится X-ом = X строит В; В считается хорошим = Некоторые люди считают В хорошим*.

Собственно, именно так и поступают составители толковых словарей, которые в случае глаголов с пассивным прототипическим конверсивным значением, таких как глаголы *строить/строиться* и *считать/считаться*, дают самостоятельное толкование лишь переходному глаголу, а при возвратном глаголе дают помету «*страд.* от парного переходного глагола».

В случае переходных глаголов иницирующего типа парные возвратные глаголы имеют прототипическое квазипассивное значение, как правило, в толковых словарях и переходные и возвратные глаголы имеют самостоятельную словарную статью. Примерами возвратных глаголов с прототипическим квазипассивным значением могут служить глаголы двух лексико-семантических групп (ЛСГ): «глаголы со значением деструктивных изменений» и «глаголы со значением нейтральных физико-химических изменений»:

Глаголы деструктивных изменений (например, разрушения и деформации неодушевленного предмета, нежелательного привнесения в предмет посторонней субстанции и т. п.): *выбиться, оббиться, разбиться; загрязниться, изгрязниться; продавиться; деформироваться, изодраться, ободраться, продраться, раздробиться; вздуться, раздуться; продымиться; издыраться, продыраться; вызубриться, иззубриться; искривиться; исковеркаться; надколоться, отколоться, проколоться, расколоться, искорежиться, покорежиться, скорежиться, закоробиться, покоробиться; закоптиться; перекоситься; перекрутиться, скрутиться; запутаться, перепутаться, спутаться; вспучиться; запылиться, пропылиться; изорваться, оборваться, оторваться, порваться, прорваться, разорваться; разрушиться; засалиться, просалиться; засориться; рассыпаться; истончиться; затупиться, обесцветиться*.

Глаголы нейтральных физико-химических преобразований: *выбродиться, сбродиться; разбросаться; обезводиться; нагреть-*

ся; желатинизоваться; взъерошиться; ионизироваться; прокваситься, скваситься; сковаться; конденсироваться; сконцентрироваться; кристаллизироваться; намагнититься, размагнититься; минерализоваться; размягчиться; нейтрализоваться; выпариться; напластоваться; поляризоваться, пропитаться, спрессоваться; прорезиниться; засахариться; наслоиться, отслоиться, расслоиться, субстанциализироваться; высушиться, подсушиться, досушиться, просушиться, усушиться; стабилизироваться; створожиться, оттопиться, затормозиться, затуманиться; убыстриться; увлажниться; обуглиться; сфокусироваться; сцентрироваться; наэлектризоваться; эмульсироваться³.

Нами был проведен анализ формы представления значений возвратных глаголов этих ЛСГ и парных переходных глаголов в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и «Комплексном словаре русского языка» под редакцией А. Н. Тихонова [Ожегов 1972; Ушаков 1935–1940; Тихонов 2001]. Анализ показал, что значения такого рода возвратного и парного переходного глаголов совпадают в основной своей части. При этом сдвиг, происходящий при переходе от возвратного глагола к парному переходному глаголу, можно описать без обращения к конкретной семантике отдельных глаголов. Но во всех трех проанализированных словарях словарные статьи возвратного глагола и парного переходного глаголов из этих ЛСГ никак между собой не сопряжены. Представляется, что если описать этот сдвиг в грамматиках, то самостоятельную словарную статью в толковых словарях можно будет давать только возвратным глаголам этих ЛСГ, а значение переходных глаголов может быть представлено в виде ссылки «*действ. залог* от соответствующего возвратного глагола».

В случае инициирующей переходности толкование в словаре следует давать именно возвратному корреляту этого переходного глагола, поскольку отношения семантической деривации в парах «переходный глагол» ↔ «возвратный глагол» имеют разную направленность в зависимости от типа переходности глагола (или типа прототипического значения возвратного глагола). Так, возвратные глаголы с прототипическим квазипассивным значением являются более простыми семантически, чем парные переходным глаголам инициирующего типа. В то время прототипическое пас-

³ Более полный список глаголов этих ЛСГ приводится в работе [Гаврилова 1979], с которым во многом пересекается список, приводимый в работе [Падучева 2001: 67–68] в качестве списка глаголов со значением декаузатива.

сивное значение возвратных глаголов является производным от значения парных переходных глаголов преобразующего типа.

А именно, у переходных глаголов преобразующего типа семантически более простым является переходный глагол, а возвратный глагол означает «подвергаться действию, обозначенному переходным глаголом», например:

«коситься» = подвергаться действию «косить»;

«строиться» = подвергаться действию «строить»;

«обстругиваться» = подвергаться действию «обстругивать».

В то время как у переходных глаголов иницирующего типа семантически более простым является возвратный глагол, а переходный глагол означает «создавать условия для того, чтобы осуществился процесс, обозначенный возвратным глаголом, например:

«сушить» = создавать условия для того, чтобы «сушилось»;

«греть» = создавать условия для того, чтобы «грелось»;

«растворять» = создавать условия для того, чтобы «растворялось»;

«разбивать» = создавать условия для того, чтобы «разбивалось»⁴.

⁴ Ситуации, описываемые переходными глаголами преобразующего типа, различаясь в деталях, совпадают по своему основному содержанию. Так, косьба всегда будет состоять в отделении травяных побегов от корня; строительство дома всегда будет состоять в возведении фундамента стен и крыши, а обстругивание — в отделении щепок от основного массива доски. Совсем по-другому обстоит дело с переходными глаголами иницирующего типа. Например, с помощью переходного глагола иницирующего типа деструктивной семантики «разбить» могут быть описаны денотативные ситуации, которые сильно разнятся по своему содержанию, но все их объединяет то, что каждая из них обеспечивает возникновение удара, приводящего к тому, что хрупкий по природе предмет рассыпается на части. При этом обеспечение возникновения такого удара может быть как спонтанным нецеленаправленным (случайно осуществившийся удар), так и преднамеренным целенаправленным (намеренно предпринятый удар). При этом способы нанесения удара могут быть самыми различными. Можно случайно уронить стакан (случайно осуществившийся удар), можно преднамеренно его бросить (намеренно предпринятый удар), можно ударить по стакану молотком или попасть в него камнем, или случайно свалившиеся сверху молоток или камень могут ударить по стакану, можно опрокинуть преднамеренно или случайно (если стол имеет неустойчивую конструкцию) стол, на котором стоял стакан. Важно лишь одно: имевшее место действие обеспечило удар, вследствие которого стакан разбился. Поэтому во всех вышеперечисленных случаях, если искомый удар имел место, мы скажем: *Х разбил стакан*. Вопрос о первичности квазипассивного значения у возвратных глаголов, парных переходным глаголам иницирующего типа, подробно рассматривается в нашей работе «Возвратные глаголы со-

Местоименные составляющие *сам* и *сам собой* в сочетании с возвратными глаголами с периферическим и прототипическим и периферическим квазипассивным значениями

Местоименная группа *сам собой* является одним из контекстов, обеспечивающих возникновение квазипассивного значения у возвратных глаголов, восходящих к переходным глаголам преобразующего типа — примеры (38)–(47), (66). Кроме того, в функции такого контекста может выступать и одиночное местоимение *сам* — таким является *сам*, например, в тексте (69), точнее в его фрагментах (72) и (73)⁵. При этом местоименная группа *сам собой* и одиночное местоимение *сам* в составе конверсивных объектных конструкций выступают в качестве свободных вариантов, т. е. они взаимозаменяемы.

Итак, местоименные составляющие *сам* / *сам собой* является одним из контекстов, за счет которого становится возможным квазипассивное периферийное значение, т. е. квазипассивное осмысление возвратных глаголов с прототипическим пассивным значением, например:

- (74) *Прежде всего надо держать в вечной памяти, что во всех делах и действиях в жизни большее нужно предпочитать меньшему. Иначе затеряется непременно и не выполнит ни большего, ни меньшего. Если же он выполнит большее, то меньшее выполнится уже само собою* (Н. В. Гоголь);
- (75) *Обломову и хотелось бы, чтоб было чисто, да он желал, чтобы это сделалось как-нибудь так, незаметно, само собой* (И. А. Гончаров);
- (76) *Дурашливость архитектуры Василия Блаженного в ее непрактичности. И сколько в ней украшений без практических целей, просто так: вздумалось зодчему, и сделал (чуть-чуть не сказал «сделалось», в церкви, в самом деле, много такого, что получилось как бы само собой)* (Д. С. Лихачев);

вершенного вида с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола». Эта работа должна быть опубликована в четвертом томе Трудов аспектологического семинара МГУ под руководством М. Ю. Чертковой.

⁵ Во фрагментах (72) и (73), во-первых, без потери смысловой адекватности не может быть элиминировано отрицание: (72в)² **Дома сами строятся*; (73в)² **Вещи сами считаются хорошими или плохими*. Во вторых, исключение местоимения *сам* с отрицанием приводит к тому, что в случае, если в качестве сказуемого КВПК выступает возвратный глагол несовершенного вида, конструкция теряет квазипассивный характер и воспринимается как пассивная: (73д) *Дома строятся* и (73д) *Вещи считаются хорошими или плохими*.

- (77) — *Ах, если бы кто этот виноград рвал и нам в рот клал!..*
 — *Не, если бы этот виноград сам рвался и нам в рот клался* (Из народной сказки о трех лентяях);
- (78) *Сама собою жизнь ведь не построи́тся, вода под камушек не потечет;*
- (79) *Цель была одна: очистить свою землю от нашествия. Цель эта достигалась, во-первых, сама собою, так как французы бежали, и поэтому следовало только не останавливать этого движения. Во-вторых, цель эта достигалась действиями народной войны, уничтожавшей французов* (Л. Н. Толстой. «Война и мир») ⁶.

Можно утверждать, что на основе любой ПК с личной формой возвратного глагола несовершенного вида в качестве сказуемого может быть построена квазипассивная конструкция, в которой сказуемое является возвратным глаголом совершенного вида в форме прошедшего времени в сопровождении местоименной группы *сам собой* с отрицанием:

- (80) *Замок отремонтировался не сам собой*
 (81) *Белье постиралось не само собой*
 (82) *Хлеб испекся не сам собой*
 (83) *Смета составила́сь не сама собой*
 (84) *Жизнь построила́сь не сама собой.*

Кроме того, любая пассивная конструкция может быть преобразована в квазипассивную конструкцию с подлежащим, совпадающим с подлежащим пассивной конструкции, и личной формой будущего времени от глагола совершенного вида одноосновного сказуемому пассивной конструкции в качестве сказуемого. При этом при этой форме возвратного сказуемого стоит отрицание и местоименная группа *сам собой* ⁷, например:

- (85) *Сам собою замок не отремонтируется*
 (86) *Само собою белье не постирается*
 (87) *Сам собою хлеб не испечется*
 (88) *Сама собою смета не составится*
 (89) *Сама собою жизнь не построится.*

⁶ Пример взят из монографии Н. А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1962].

⁷ Интересным представляется то, что местоименная группа *сам собой* с отрицанием стилистически весьма неудачна, а скорее и просто невозможна, если глагол стоит в форме будущего: [?]**Жизнь построится не сама собой*. И наоборот, если форма глагола стоит в прошедшем времени, то стилистически неудачной оказывается КВПК с отрицанием при глаголе: [?]**Сама собою жизнь не построилась*.

В приведенных выше примерах (72)–(89) *сам / сам собой* являются контекстом, противоречащим прототипическому пассивному значению возвратного глагола сказуемого. Перейдем к примерам КВПК с глаголами с прототипическим квазипассивным значением. Рассмотрим следующий диалог:

(90) Мать: — Как ты умудрился *разорвать рубашку*?

Сын: — Она *сама разорвалась*.

Сын в ответе на вопрос матери утверждает, что рубашка престала быть целой не в результате каких-либо его преднамеренных действий, а вследствие выявления имманентных свойств рубашки. В русском языке эта ситуация может быть отражена тремя способами, представленными в примерах (91), (92) и (93):

(91) *Рубашка разорвалась*

(92) *Рубашка разорвалась сама*

(93) *Рубашка разорвалась сама собой.*

Итак, в русском языке процесс изменения предмета может быть осознан как спонтанное проявление свойств этого предмета в определенных условиях, т. е. в качестве процесса, лежащего вне волевого поля какой-либо личности. И как нам явствуют примеры (91)–(93), такое значение может быть выражено, по крайней мере, тремя способами:

- с помощью возвратного глагола без какой-либо местоименной поддержки (пример (91));
- с помощью возвратного глагола в сопровождении местоимения *сам* (пример (92));
- с помощью возвратного глагола в сопровождении местоименной группы *сам / сам собой* (пример (93)).

Если активной конструкции (94) *Мальчик разорвал рубашку* сопоставить структурную формулу (95) $N_{1\text{им}} V_{\text{сов}} N_{2\text{вин}}$, то конструкциям (91), (92) и (93) следует сопоставить, соответственно, структурные формулы (96), (97) и (98):

(96) $\checkmark N_{2\text{им}} V_{\text{сов-ся}}$

(97) $N_{2\text{им}} V_{\text{сов-ся}} \text{сам}$

(98) $N_{2\text{им}} V_{\text{сов-ся}} \text{сам собой.}$

Таким образом, местоименная группа *сам собой* или эквивалентное этой группе изолированное местоимение *сам*, сопровождающие возвратный глагол со значением изменения свойств подлежащего, являются анафорами. Эти анафоры указывают на то,

что подлежащее-контроллер является не только предметом, терпящим изменение, но и включает в себе свойства, обеспечивающие неотвратимое спонтанное осуществление своих собственных изменений при наличии определенных внешних условий. Но в то же время, например, в конструкции (91) подлежащее обозначает предмет, в котором при определенных внешних условиях с неотвратимостью спонтанно начинается осуществляться обозначенное возвратным глаголом изменение, хотя в данном случае при этом глаголе отсутствует какое-либо анафорическое возвратное местоимение.

Заметившая это явление Н. А. Янко-Триницкая считает, что слово *сам* нейтрализует пассивность возвратного глагола и устраняет возможность содействующего объекта и что иногда слово *сам* сопровождается «формой *собой* (*собою*), усиливающей указанное значение и функцию слова *сам*» [Янко-Триницкая 1962: 127–128]. Кроме того, Н. А. Янко-Триницкая говорит, что в ряде случаев глагол не выражает «пассивности действия и без содействующего ему слова *сам* (*сам собой*)» [Там же: 129]. Такие конструкции Н. А. Янко-Триницкая характеризует как конструкции с нейтрализованным пассивным значением.

Интерпретацию Н. А. Янко-Триницкой нельзя признать правильной, поскольку трехчленная конструкция (99) **Рубашка разорвалась мальчиком* является грамматически неправильной, а двучленная конструкция (91) имеет не пассивный, а квазипассивный характер. Таким образом, по крайней мере спорным является сделанное Н. А. Янко-Триницкой утверждение о нейтрализации пассивного значения у возвратных глаголов совершенного вида, поскольку они в пассивном значении практически не употребляются.

Поскольку приводимые Н. А. Янко-Триницкой конструкции, используя предлагаемую нами терминологию, следует назвать квазипассивными, то утверждение, согласно которому в конструкциях с использованием этих местоимений происходит нейтрализация пассивного значения, равносильно признанию квазипассивного значения нейтрализованным пассивным значением.

Необходимо отметить, что не во всякой КВПК можно элиминировать местоименные рефлексивные составляющие *сам* / *сам собой*, т. е. не для любой КВПК возможна реализация всех трех структурных формул (96)–(98). А именно, структурная формула (96) не может быть реализована в тех случаях, когда в качестве сказуемого КВПК выступают возвратные глаголы с прототипическим пассивным значением. Это происходит от того, что, как мы показали выше, глаголы с прототипическим пассивным значением

для реализации квазипассивного значения нуждаются в контекстной поддержке. Так обстоит дело, например, в КВПК (74)–(89).

Рассмотренный материал, как нам представляется, убедительно свидетельствует в пользу того, что понять природу местоименной группы *сам собой* можно, лишь изучив особенности употребления возвратных глаголов в качестве сказуемых в КВПК.

Несогласованное *сам* в группе *сам* / *сам собой* и в группах с местоимением *себя* в других косвенных падежах

В последнее десятилетие были опубликованы результаты исследований, посвященных употреблению в текстах как изолированного местоимения *сам*, так и *сам* в сочетании с различными падежными формами местоимения *себя* (связанное *сам* по терминологии А. Е. Кибрика) [Борисова 1990; Кибрик, Богданова 1995; Кибрик 1996; Лютикова 1998; Урысон 1995; Янко 1999].

Среди употреблений связанного *сам* может быть выделено согласованное *сам* и несогласованное *сам* [Кибрик 1996: 497].

Согласованное *сам* встречается, по крайней мере, в двух типах конструкций:

- 1) тип *самого себя* с препозитивным вариантом согласуемого *сам*, например:

(100) *Мальчик обвинял во всем случившемся самого себя;*

- 2) тип *самого себя* с постпозитивным вариантом согласуемого *сам*, например:

(101) *Мальчик обвинял во всем случившемся себя самого.*

Несогласованное *сам* встречается в таких конструкциях, в которых местоимение *сам* копирует падеж контроллера рефлексивизации, а не повторяет падеж местоимения *себя*:

- 3) тип *сам себя*, с несогласуемым *сам*, например:

(102) *Мальчик обвинял во всем случившемся сам себя.*

В настоящей работе исследовано поведение несогласованного *сам* в составе местоименной группы *сам собой*⁸ в составе КВПК.

⁸ Записи *сам* и *сам собой* являются сокращенной записью для, соответственно, *сам* (-а, -о, -и) и *сам* (-а, -о, -и) *собой* (-ою), так как это местоимение, стоящее отдельно или в составе приведенной местоименной группы, должно быть согласо-

Мы уже отмечали, что личные формы возвратных глаголов несовершенного вида являются общим морфологическим средством оформления предикатов как в КВПК, так и в пассивных конструкциях. В то же время личные формы возвратных глаголов совершенного вида являются регулярным средством оформления лишь предикатов в КВПК. Поэтому, чтобы полностью исключить синтаксическую омонимию, в дальнейшем изложении мы будем предпочитать в качестве примеров КВПК, в которых сказуемое выражено возвратным глаголом совершенного вида:

(103) *Ботинок разорвался сам собой*

(104) *Стакан разбился сам собой*

(105) *Варенье засахарилось само собой*⁹.

Сопоставим примеры конструкций с переходными глаголами (103)–(105), с одной стороны, и примеры конструкций с парными возвратными глаголами (106)–(108), с другой стороны:

(106) *Мальчик увидел сам себя в зеркальной витрине*

(107) *Мальчик сам себе подарил подарок*

(108) *Мальчик сам о себе все рассказал.*

В примерах (106)–(108) мы сталкиваемся с несогласованным *сам* в сопровождении винительного, дательного и предложного падежа местоимения *себя* в составе активной конструкции; а в примерах (103)–(105) — с несогласованным *сам* в сопровождении творительного падежа местоимения *себя* в составе КВПК.

При элиминации *сам* в конструкциях (106)–(108) не только сохраняется грамматическая правильность конструкции, но и содержание высказывания, в котором *сам* элиминировано, совпадает с содержанием исходного высказывания с точностью до степени подчеркивания рефлексивизации:

(106а) *Мальчик увидел себя в зеркальной витрине*

(107а) *Мальчик себе подарил подарок*

(108а) *Мальчик о себе все рассказал.*

вано с подлежащим по роду и числу, а местоимения *собой* и *собою* в данном случае являются свободными вариантами.

⁹ Группа *сам собой* может употребляться только в КВПК с возвратными глаголами в качестве сказуемых и не может входить в состав КВПК с причастиями на *-н/-т* в качестве сказуемого. Например, конструкции (103)–(105) безупречны, в то время как приводимые далее аналогичные конструкции с причастиями на *-н/-т* являются грамматически неправильными: **Ботинок разорван сам собой*; **Стакан разбит сам собой*; **Варенье засахарено само собой*.

В то же время упразднение местоимения *сам* из состава местоименной группы *сам собой* в примерах (103)–(105) приводит совсем к другому результату, а именно к грамматически неправильным конструкциям (103а)–(105а):

(103а) **Ботинок разорвался собой*

(104а) **Стакан разбился собой*

(105а) **Варенье засахарилось собой.*

Упразднение из состава конструкций (106)–(108), соответственно, местоимений *себя* (вин.), *себе*, *о себе* приводит либо к потере грамматической правильности конструкции (106б), либо к изменению содержания высказывания (107б)–(108б):

(106б) **Мальчик увидел сам в зеркальной витрине*

(107б) *Мальчик сам подарил подарок*

(108б) *Мальчик сам все рассказал.*

В то же время местоименная группа *сам собой* может быть сокращена до одного элемента *сам* и при этом содержание высказывания останется таким же с точностью до степени подчеркивания рефлексивизации, например:

(103б) *Ботинок разорвался сам;*

(104б) *Стакан разбился сам;*

(105б) *Варенье засахарилось само.*

Сравнение групп примеров (103а)–(108а) и (106а)–(108а), а также (103б)–(108б) и (106б)–(108б) показывает, что трансформационные характеристики конструкций, в которых *сам* входит в местоименную группу *сам собой*, отличаются от трансформационных характеристик конструкций, включающих в свой состав сочетания несогласованного *сам* с другими косвенными падежами возвратного местоимения. Причины такого различия трансформационного поведения конструкций (103)–(105) и (106)–(108), как нам представляется, кроются именно в том, что группа *сам собой* в рассмотренных выше примерах (103)–(105) входит в состав КВПК, а местоименные группы *сам себя*, *сам себе* и *сам о себе* в примерах (106)–(108) входят в состав активных конструкций (сокращенно АК).

Не возникает сомнения, что в активных конструкциях (106)–(108) местоимениями *себя*, *себе* и *о себе* управляет глагол-сказуемое. Что касается КВПК (103)–(105), то без специального исследования не представляется возможным однозначно ответить на вопрос: управляет ли глагол-сказуемое КВПК местоимением со-

бой, входящим в местоименную группу *сам собой* или же группа *сам собой* не расчленяется на составляющие и является атрибутом КВПК, рассматриваемой как единое целое. Поскольку, с одной стороны, эта группа может быть сокращена до элемента *сам*, но, с другой стороны, в ряде случаев в реальных текстовых употреблениях в качестве синонима местоименной группе *сам собой* выступает местоименная группа *сам по себе*: (109) *Мысль Достоевского развивалась сама собой, сама по себе противоречила и «сводила все концы со всеми концами» (по выражению Розанова)* [Арутюнова 1998: 869]. Е. В. Урысон указывает также на синонимичность *сам / сам собой* и наречий *стихийно, самопроизвольно, спонтанно* в тех случаях, когда речь идет о неодушевленных предметах [Урысон 1995: 102].

Н. Д. Арутюнова также, разбирая пример (110) — *Ты что такой злой? — напрямую спросил Чижов. — Вырвалось. Не соби-рался спрашивать, а спросилось*, говорит, что «оба глагола — *вырвалось* и *спросилось* — принимают местоименную форму *само собой*, сочетающую именительный и творительный падежи, и это как бы приводит их к общему знаменателю: замыкает конструкцию и делает ее самодостаточной. Иногда значение самодостаточности выражается местоимением *само: само думается*» [Арутюнова 1998: 811].

Различия в поведении несогласованного связанного *сам* в составе АК, с одной стороны, и в составе КВПК, с другой стороны, объясняется, по-видимому, тем, что в этих двух залоговых типах конструкций связанное *сам* употребляется в качестве анафоры к подлежащим с разными ролевыми характеристиками. А именно, подлежащее в АК принято характеризовать как агенс, в то время как подлежащее в КВПК, как нам представляется, должно быть охарактеризовано как пациенс. Функция *сам / сам собой* в КВПК состоит именно в том, чтобы показать, что в данном случае вопреки инертности, связанной с ролевой сущностью пациенса, в пациенсе происходит самопроизвольное развитие заложенных в нем при сотворении мира свойств.

Заключение

Глагольные формы, выступающие в качестве сказуемых ПК, принято считать формами страдательного залога. А как классифицировать с точки зрения залоговой принадлежности сказуемые КВПК? Прямой ответ на этот вопрос грамматики, как правило, не содержат. Однако в КВПК регулярный характер носит оформле-

ние сказуемых с помощью возвратных форм глагола совершенного вида, а составители грамматик указывают на спорадический характер такого оформления страдательного залога [АГ 1980: 616]. Такие указания на случайный характер присутствия возвратных форм глагола совершенного вида в парадигме страдательного залога можно считать косвенным указанием на то, что грамматисты не причисляют сказуемые КВПК к формам страдательного залога.

Мы уже ставили под сомнение последовательность и внутреннюю непротиворечивость такой трактовки глагольных форм, выступающих в качестве сказуемых в ПК и в КВПК [Гаврилова 1998; 2001]. Продолжим это обсуждение. В настоящее время наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой грамматической залоговой оппозицией признается лишь оппозиция «актив» — «пассив», например: *Рабочие строят дом* ↔ *Дом строится рабочими*¹⁰. Т. е. общепризнанным является, что возвратный и производящий невозвратный глагол связаны между собой грамматическими залоговыми отношениями лишь в том случае, когда возвратный глагол имеет пассивное значение. В то время как все глаголы на *-ся*, оппозиции которых с производящими переходными глаголами наполнены другим содержанием, рассматриваются как входящие с этими производящими глаголами в словообразовательные отношения в рамках действительного залога. Поэтому все возвратные глаголы не пассивного значения объединяются в различные лексико-семантические группы соответственно характеру взаимоотношения значений возвратного и невозвратного глаголов и объявляются глаголами действительного залога. Такое описание представлено, например, в последней версии академической грамматики [АГ 1980].

С этой же точкой зрения, но высказанной в более эксплицитной форме, мы встречаемся у Э. Ш. Генюшене: «все классы рефлексивных глаголов, например в русском языке, кроме пассива, ограничены по объему и потому являются словообразовательны-

¹⁰ Рассмотрим следующий пример, который прозвучал в радиоэфире: *Деревня не умирает, деревня строится. Строятся новые дома*. По нашему мнению, в этом примере словоформа *строятся* в сочетании с подлежащим *дома* имеет прототипическое пассивное значение, в то время как словоформа *строится* в сочетании с подлежащим *деревня* имеет периферийное квазипассивное значение, поддерживаемое контекстом *деревня не умирает*. По принятой в настоящее время залоговой теории они должны быть проинтерпретированы по-разному. Подробно этот вопрос рассматривается в нашей работе «Возвратные глаголы совершенного вида с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола». Эта работа должна быть опубликована в четвертом томе Трудов аспектологического семинара МГУ под руководством М. Ю. Чертковой.

ми классами» [Генюшене 1983: 9]. Но и авторы раздела «Залог» из академической грамматики, и Э. Ш. Генюшене не учитывают продемонстрированное в этом исследовании разделение пассивного значения на прототипическое пассивное значение и периферийное (обусловленное контекстом) пассивное значение.

В данном исследовании мы показали, что в русском языке имеет место разделение на два подкласса класса парных переходного и возвратного глаголов, соотносимых с переходными глаголами по модели объектной конверсивной трансформации (17). А именно, в первый из этих двух подклассов входят глаголы, которые имеют прототипическое пассивное значение, а квазипассивное значение у глаголов этого класса всегда носит периферийный характер. Условно назовем этот класс глаголов глаголами типа *строиться*, или глаголами с пассивным типом результирующей конверсивной конструкции. Во второй из этих двух подклассов входят глаголы, которые имеют прототипическое квазипассивное значение, а пассивное значение у глаголов этого класса всегда носит периферийный характер. Назовем этот класс глаголов глаголами типа *разрушаться* или глаголами квазипассивным типом результирующей конверсивной конструкции.

У возвратных глаголов, парных переходным глаголам иницирующего типа, возможно только периферийное пассивное значение, другими словами, у этих глаголов пассивное значение возникает только за счет контекстной поддержки, например: (111) *В последнее десятилетие разрушаются моральные устои общества, и весьма успешно.*

В свою очередь, у возвратных глаголов, парных переходным глаголам иницирующего типа, возможно только периферийное квазипассивное значение, другими словами, у этих глаголов квазипассивное значение возникает только за счет контекстной поддержки, например: (112) *У тебя дача как будто сама собой строится.*

Можно принять два разных решения:

- 1) признать периферийные, вызванные к жизни только контекстом, пассивное и квазипассивное значения равноправными с прототипическим пассивным и квазипассивным значениями возвратного глагола;
- 2) признавать периферийные, вызванные к жизни только контекстом, пассивное и квазипассивное значения окказиональными формами, т. е. не считать их равноправными с прототипическим пассивным и квазипассивным значениями возвратного глагола.

Независимо от того, какое из этих двух решений будет принято, остается неверным процитированное выше утверждение Э. Ш. Генюшене относительно того, что все классы русских возвратных глаголов, кроме пассива, ограничены по объему. Но превращение этого утверждения в правильное утверждение уже будет зависеть от того, первое или второе решение мы примем:

1. Если принято первое решение, то правильная редакция будет выглядеть следующим образом: «Одни и те же парные возвратные глаголы в составе объектных конверсивных конструкций в русском языке всегда включают как словоупотребления с пассивным значением, так и словоупотребления с квазипассивным значением, поэтому следует говорить о грамматикализованности не пассивного, а пассивно-квазипассивного значения».
2. Если принято второе решение, то правильная редакция будет выглядеть следующим образом: «Парные возвратные глаголы в составе объектных конверсивных конструкций в русском языке распадаются на два класса. Одни возвратные глаголы в составе объектных конверсивных конструкций в русском языке всегда включают только словоупотребления с пассивным значением (глаголы типа *строиться*), другие возвратные глаголы в составе объектных конверсивных конструкций в русском языке всегда включают только словоупотребления с квазипассивным значением (глаголы типа *разрушаться*). Поэтому для глаголов типа *строиться* следует говорить о существовании пассивного залога, а для глаголов типа *разрушаться* следует говорить о существовании квазипассивного залога».

Мы склоняемся к первому решению по той причине, что введение в рассмотрение переходности преобразующего и инициирующего типа позволяют нам увидеть, что семантические и морфологические различия ПК и КВПК являются следствием семантических различий исходных активных конструкций. Существование этих семантических различий не мешает рассматривать как формы единого действительного залога личные формы переходных глаголов. По аналогии мы предлагаем совокупное множество, состоящее из сказуемых ПК и сказуемых КВПК, рассматривать как множество форм единого страдательного залога. При этом мы будем вынуждены отказаться от синонимии терминов, содержащих прилагательные *пассивный* и *страдательный*, и

употреблять эти термины таким образом, чтобы в объем понятия **страдательная конструкция** входили объемы понятий **пассивная конструкция** и **квазипассивная конструкция** [Гаврилова 1998; 1999].

ПК и **КВПК** противостоят **АК** как некоторое единство, так как в **АК** представлено событие, в котором активный субъект вызывает возникновение, становление или развитие какого-либо изменения в некоторой субстанции, а в **ПК** и в **КВПК** центром события является субстанция, испытывающая это изменение. Благодаря наличию такой общности и целесообразно объединение **ПК** и **КВПК** под общим названием **страдательная конструкция**. Семантика слова «страдательный» не противоречит присвоению этого эпитета взятым как совокупность **АК** и **КВПК**, так как в совокупность они объединены по признаку претерпевания изменения, а «страдающий», «страдательный» это именно претерпевающий.

Сказуемые **ПК** и **КВПК** объединяются таким общим свойством, как отсутствие в протекании обозначаемых ими изменений фазы намерения. Итак, переходные глаголы употребляются для обозначения произвольных действий, т.е. действий, которые в одних и тех же условиях можно совершать, а можно и не совершать в зависимости от намерений и желаний субъектов этих действий; а возвратные глаголы в составе объектных конверсивных конструкций (как пассивных, так и квазипассивных) употребляются для обозначения изменений, которые не могут не происходить при стечении определенных обстоятельств, т.е. для осуществления которых существуют определенные необходимые и достаточные условия. При этом либо человек создает и варьирует условия, при которых этот процесс с неизбежностью осуществляется (**КВПК**), либо человек своими физическими и интеллектуальными силами непосредственно воздействует на предмет с помощью различных орудий (**ПК**), что также можно трактовать как наличие необходимых и достаточных условий для изменения предмета. Таким образом, возвратные глаголы в составе объектных конверсивных конструкций (как **КВПК**, так и **ПК**) описывают закономерные изменения, т.е. изменения, которые не могут не наступить в определенных условиях вследствие действия физических, химических, биологических и социальных законов.

В предложенную нами систему противопоставления действительного и страдательного залога может быть непротиворечиво встроен и новый тип объектных конверсивных конструкций, описывающих изменения, происходящие в предмете в результате инициируемой человеком работы им же созданных технических агрегатов. Если эти агрегаты работают в полностью автоматизированном ре-

жине, при котором участие человека сводится к запуску этих агрегатов и обеспечению их электропитанием, то можно говорить, что эти агрегаты моделируют процессы специфически антропогенного воздействия на предмет. Для обозначения таких полностью автоматизированных процессов, моделирующих специфически антропогенные процессы, в русском языке используются возвратные глаголы, восходящие к переходным глаголам преобразующего типа, в составе КВПК: (112) *Посуда вымылась* (о мытье в посудомоечной машине); (113) *Белье постиралось* (о стирке в стиральной машине); (114) *Текст перевелся* (о переводе в автоматизированной системе перевода).

Такое употребление возвратных глаголов возникло на наших глазах преимущественно в сфере разговорной речи. В грамматических и лексикографических описаниях конструкции, подобные (111)–(114), пока не фиксируются. Периферийное для этих глаголов квазипассивное значение в таких конструкциях поддерживается не лингвистическим, а экстралингвистическим контекстом: существованием агрегатов, выполняющих действия, которые ранее могли осуществляться лишь за счет непосредственного участия в этом процессе человека.

Если в ряду других рассматривать и процессы, осуществляющиеся в режиме полной автоматизации, которые в настоящее время активно проникают в нашу жизнь, то придется выделить не два, а три типа денотативных ситуаций, а именно:

- 1) моделирование природных процессов;
- 2) специфически антропогенное воздействие на окружающую среду;
- 3) моделирование специфически антропогенного воздействия на окружающую среду.

Эти три типа денотативных конструкций в русском языке могут быть описаны с помощью объектных конверсивных конструкций либо пассивного, либо квазипассивного типа:

1. Ситуация моделирования природных процессов, когда изменения осуществляются благодаря тому, что человек тратит свою энергию на создание условий, необходимых и достаточных для инициации природного саморазвертывающегося процесса, например: (115) *Белье сушится*; (116) *Белье высушилось*, описываются с помощью КВПК.
2. Ситуация специфически антропогенного воздействия, когда изменения, осуществляются за счет непосредственного энергетического участия человека, например: (11) *Белье сти-*

рается (но недопустимо (117) **Белье постиралось* (в ситуации ручной стирки)), описываются с помощью ПК.

3. Ситуация моделирования изменения специфически антропогенного воздействия, когда изменения осуществляются техническим устройством, которое запускает человек, например: (118) *Белье стирается*; (119) *Белье постиралось* (в ситуации машинной стирки), описываются с помощью КВПК.

В ситуации машинной стирки человек становится уже не агентом-исполнителем, а агентом-инициатором. При этом не до конца ясно, какую роль в ситуации полной автоматизации специфически антропогенного воздействия получает словоформа *машина*, например в предложении: (120) *Машина стирает сразу 5 килограммов белья*. Если исходить из того очень удачного и точного определения инструмента, которое мы цитировали в начале этой работы [Вежбицка 1985: 317], то в ситуации, описанной с помощью предложения (10), стиральная машина (устройство, с помощью которого моделируется специфически антропогенные процессы) перестает быть инструментом. Но мы до проведения специального исследования не беремся утверждать, что в подобных ситуациях машина обретает роль агента-исполнителя.

Если же вернуться к тому, с чего мы начали наше изложение, а именно к первичной и вторичной упорядоченности по А. А. Любичеву, то к первичной упорядоченности (КВПК, описывающие инициируемые закономерные природные процессы) и вторичной упорядоченности (ПК, описывающие специфически антропогенное воздействие) добавляется новый вид упорядоченности, а именно упорядоченность техносферы, этой рукотворной природы планеты Земля. Эта форма упорядоченности, с одной стороны, создается в процессах вторичного упорядочивания изначально хаотической материи, но с другой стороны, предстает перед нами как новая форма созданной человеком космической (первичной) упорядоченности. Мы предлагаем называть ее первичной упорядоченностью второго порядка. Правда, — увы! — далеко не всегда эта первичная упорядоченность второго порядка, демиургом которой является человек, достойна звания Гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

АГ 1980 — Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Апресян 1995 — *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 256–283.

- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Безличность и неопределенность // *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998. С. 711–873.
- Борисова 1990 — *Борисова Е. Г.* Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 113–120.
- Вежбицка 1985 — *Вежбицка А.* Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15: Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 303–341.
- Вернадский 1977 — *Вернадский В. И.* Переход биосферы в ноосферу и наука о жизни // *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Научная мысль как планетарное явление. М., 1977. С. 85–142.
- Гаврилова 1979 — *Гаврилова В. И.* К семантике некоторой разновидности конвертированной конструкции // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1979. № 3. С. 30–37.
- Гаврилова 1986 — *Гаврилова В. И.* Квазипассивные конструкции в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Гаврилова 1998 — *Гаврилова В. И.* Краткое причастие на -н/-т как форма стательного вида страдательного залога // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 99–114.
- Гаврилова 1999 — *Гаврилова В. И.* Сознательные действия, стихийные процессы и ситуация создания и снятия преграды // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 153–174.
- Гаврилова 2001 — *Гаврилова В. И.* Возвратные глаголы совершенного вида как средство выражения стихийных процессов и их место залоговой системе // Русский язык и современность: Международный конгресс. Москва, МГУ: Материалы и труды. М., 2001. С. 162–163.
- Гаврилова (в печати) — *Гаврилова В. И.* Возвратные глаголы совершенного вида с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 4. (В печати.)
- Генюшене 1983 — *Генюшене Э. Ш.* Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: Уч. пособие. Вильнюс, 1983.
- Кибрик 1996 — *Кибрик А. Е.* Связанные употребления лексемы сам (системно-когнитивный анализ) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 494–509.
- Кибрик, Богданова 1995 — *Кибрик А. Е., Богданова Е. А.* САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28–43.
- Любищев 1977 — *Любищев А. А.* Понятие системности и организменности // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Т. 9. (= Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 422).
- Лютикова 1998 — *Лютикова Е. А.* Интенсификаторы и типология рефлексива: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

- Падучева 2001 — *Падучева Е. В.* Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Действие. Ремесло // *Степанов Ю. С.* Словарь русской культуры. М., 1997. С. 209–245.
- Урысон 1995 — *Урысон Е. В.* Словарная статья местоимения САМ: проблемы описания лексической многозначности // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики. М., 1995. С. 82–125.
- Янко 1999 — *Янко Т. Е.* Еще раз о слове САМ: инвариант и коммуникативные особенности // Типология и теория языка от описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999. С. 340–361.
- Янко-Триницкая 1962 — *Янко-Триницкая Н. А.* Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

СЛОВАРИ

- Ожегов 1972 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972.
- Тихонов 2001 — *Тихонов А. Н.* Комплексный словарь русского языка. М., 2001.
- Ушаков 1935–1940 — *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1935–1940. Т. 1–4.

ОТ ХАОСА К ПОРЯДКУ И ОТ ПОРЯДКА К ХАОСУ («АНАРХИЯ МАТЬ ПОРЯДКА, ПОРЯДОК ОТЕЦ АНАРХИИ»)

При обсуждении этой проблемы было бы, наверное, соблазнительно опереться на идеи И. Пригожина, изложенные, в частности, в книге И. Пригожин и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» [Пригожин, Стенгерс 1986], привлечь положения его теории о диссипативных процессах, о флуктуации и т. п. Разумеется, язык развивается и функционирует по тем же самым общим законам, что и все сущее в мире. Все те два века, что развивается языкознание, не прекращались попытки «сочетать его браком» с какой-нибудь другой наукой, и многие ученые полагали, что можно найти ответ на лингвистические задачи, если выйти за пределы лингвистики. Конечно, в языкознании можно найти явления и процессы, аналогичные тем, что рассматриваются в биологии (вариативность, изменчивость), химии (валентность), кристаллографии (вопросы симметрии), математики (теория множеств). Были опыты сближения языкознания с физикой (отношения частицы и поля), генетикой и другими дисциплинами. Конечно, лингвистика обменивалась понятиями и идеями с другими науками. Например, понятие Соссюра о значимости (ценности — *valeur*) было подсказано ему экономической наукой, с другой стороны, Маркс в своей «К критике политической экономии», желая показать разницу между всеобщим, общим и особенным, обратился к примерам из языка. В середине XX века лингвистика превратилась, по словам французских науковедов, в «науку-лоцман» (*science-pilote*). Разработанные в ней положения о знаке, парадигматике и синтагматике, системе и реализации и др. стали прилагаться к другим гуманитарным наукам (истории, антропологии), а Р. Барт понятия парадигматики (системы) и синтагматики применил к анализу моды, меню, меблировки и архитектуры [Barthes 1964: 135].

Но к «взаимодействию» лингвистики с другими науками следует относиться критически, с осторожностью. Так, например, в связи с развитием теории информации ее стали усердно применять в лингвистике, в частности в теории перевода, подчеркивая, что избыточность в речи нужна для поддержания канала связи. В отдельных случаях это так, но в общем это неверно. Семантическая избыточность присутствует почти в каждом высказывании, и она

выполняет в языке иные задачи. Семантически избыточные элементы участвуют в осуществлении двух важнейших для языка функций: структурной, позволяя строить оптимальные для данного языка конструкции, и стилистической: многие стилистические потребности — вежливость, выразительность, стилистические приемы — осуществляются с помощью форм избыточности. То же касается и языковой экономии, которая лежит в основе многих грамматических форм и стилистических явлений.

Специфика языка, требующая осторожности в применении к его исследованию методов, которые вырабатывают науки, изучающие иные объекты, заключается, прежде всего, в двух моментах. В отличие от физических частиц, которые движутся бессознательно, в основе любого изменения языка лежат процессы, происходящие в сознании человека, даже если они не осознаны самим субъектом. Элементарной единицей изменения в языке является изменение отношения номинации, на уровне формы или на уровне референта, а иногда одновременно обоих. А это изменение не является чисто произвольным, но зависит всякий раз от человеческого сознания, от интенции говорящего, либо от допущения, согласия горящего. Ш. Балли даже писал в одной из своих работ, что укоренение новшества в языке больше зависит от слушающего, чем от говорящего, поскольку именно слушающий дает согласие на усвоение и дальнейшее распространение языковой инновации [Bally 1929]. Второй специфический момент — это социальная координата языковых явлений, которая превращает языковое движение в разнородное и многослойное.

Но некоторые положения теории Пригожина можно взять на вооружение и в нашем случае, в частности то, что вследствие диссипативных (рассеянных) процессов хаос на одном уровне может породить новый порядок, новые системные отношения на другом.

Порядок — это системность, униформность, симметрия; хаос — противоположность этим качествам. В языке постоянно борются эти две тенденции, хаос переходит в порядок, но внутри порядка создается снова беспорядок, который все же, пусть в ограниченном материале, образует свою систему, свой порядок, но на другом уровне, в другой сфере.

Рассмотрим пример из французского языка. В старофранцузском языке в силу определенных фонетических законов спряжение глагола характеризовалось во многих случаях разнообразием основ, различались, в частности, безударные и ударные основы: *trouver*, но *je treuve*, *amons*, но *j'aime*. В дальнейшем прошел процесс унификации парадигмы по одной из основ, по безударной: *je*

trouve или ударной: *aimer*. Прежнее разнообразие сохранилось лишь в нескольких глаголах, которые включаются в группу нерегулярных: *mourir* — *je meurs*. И в наше время в разговорной речи и особенно в просторечии продолжается тенденция к унификации основы, принимающая различные формы. Например, глаголы на *-eler*, *-eter* имеют также две формы основы в парадигме спряжения: безударную *décach(e)ter* и ударную *je décachète*. В некодифицированных регистрах речи отмечается стремление сохранить только безударную форму основы: *je décachte* [Martinet 1969]. Тенденция к избавлению от нефункционального варьирования основ проявляется и в том, что из языка устраняются сохранившиеся нерегулярные глаголы. Они заменяются регулярными, или от них остаются отдельные формы (например, инфинитив). Дело доходит до того, что во французском арго вообще вся парадигма заменяется одной формой с нестандартным суффиксом, например, *marida* 'жениться' и 'женатый', *envelopparès* 'обмануть' может выступать как инфинитив, причастие, будущее время и т. п. [Calvet 1993: 193]. Таким образом, система спряжения французских глаголов стремится стать менее хаотичной, более униформной, вплоть до ликвидации форм спряжения. Но наряду с этим вдруг возникают новые нарушения униформности основы в спряжении, новые неправильные глаголы. Причиной этого часто становятся некоторые фонетические процессы. Рассмотрим один случай.

Общезыковой трудностью является произнесение некоторых групп согласных в исходе слова, например таких, как *muta cum liquida*: *-tr*, *-bl* и т. д. Существует целая типология способов для преодоления этой трудности: два способа без изменения количества звуков в слове и три способа с изменением числа звуков. При этом всякий язык выбирает из них предпочтительные приемы. Возьмем в качестве примера русский язык (Р) и французский (Ф).

Без изменения количества звуков (меняется их качество):

- 1) оглушение конечного согласного (Р, Ф): *рубль*, *quatre*;
- 2) превращение сонантов в слоговые (Р): [rubl̩].

С изменением количества, что позволяет в ряде случаев сохранить качество звука:

1) эпитеза, добавление в конце слова гласного, обычно редуцированного (Ф): *quatrə livrəs*;

2) эпентеза, включение между двумя согласными гласного, обычно редуцированного (Р): *театр̩, цикл̩*;

3) апокопа, усечение конечного согласного (Р, Ф): *quat'*, *руб'*,

Синкопа — опущение первого согласного звуко сочетания — в данном случае языками не используется.

Апокопа во французской разговорной речи обнаруживается в некоторых формах глаголов. У глаголов III группы в инфинитиве отбрасывается после согласной конечное *-re*, так что образуется новая форма инфинитива с окончанием на согласный [Sauvageot 1962:185]: *mettre* — *mett'*; *rendre* — *rend'*; *vivre* — *viv'* и т. д., которая употребляется перед словом, начинающимся с согласного или в абсолютном исходе фразы. Таким образом французский язык получает новую модель спряжения в дополнение к тем семи моделям, что он уже имеет. В свою очередь, глаголы типа *ouvrir* теряют *-r* в единственном числе настоящего времени *j'ouv'* (вместо *j'ouvre*), так что они переходят в подгруппу глаголов типа *dormir*: *j'ouv'* — *nous ouvrons* как *je dors* — *nous dormons*. Здесь не создается новый тип спряжения, но происходит увеличение числа глаголов с двумя основами, т. е. перегруппировка внутри существующих типов — явление, хорошо известное в истории языков.

Упрощение групп согласных может иметь место и в начале слова, причем оно принимает те же формы: отпадение первого звука (афerezис), включение разделяющего звука (эпентеза), добавление вначале гласного звука (протеза).

В русском языке упрощение групп согласных приводит к появлению новых типов именных парадигм (здесь и далее примеры взяты из книги [Земская 1987]). Возникают своеобразные типы неравносложного склонения, вроде тех, что были в латинском языке (*pons* — *pontis*). (Впрочем, некоторые примеры неравносложной парадигмы можно видеть и в современном кодифицированном русском языке: *мать* — *матери*, *знамя* — *знамени*.) Таковы слова на *-сть*: *шесть* — *шести*, *десь* — *дести* (*десяти*), *мудрость* — *мудрости* (в разговорной речи конечное *-ть* выпадает). Также: *теат* — *театра*. В других случаях образуется иной тип неравносложного склонения, где усеченная форма представлена не в именительном падеже единственного, но в родительном множественного числа: *чу(в)ство* — *чувства* — *чуст* — *чувствам* и т. д. Здесь возможен и вариант с эпентезой: *чувства* — *чустѣф* — *чувствам*. Характерно, что изменения затронули форму род. падежа множ. числа: это самая специфическая, нерегулярная форма в парадигме существительного.

Согласно теории Пригожина, при беспорядочном движении наблюдается притяжение к одной частице другой, затем третьей. Появляется феномен нуклеаризации: создаются скопления, на базе которых формируется новая система. В рассмотренных случаях имеют место факты подобной нуклеаризации, но элементы новой системы создаются и система реформируется на другом

языковом уровне — в разговорной речи, где из хаоса образуется свой особый порядок. Фонетические изменения в разговорной речи разрушают или изменяют словообразовательные связи между словами. *Паи с'уа* [Елистратов 2000: 679] «пойди сюда» не связывается с основой *иди*, *чаезк* — с *чело* и *век*; *деушка* может быть соотнесено и с *дедушка*, и с *девушка*. В словах типа (в)зрывает, (в)скипеть возникает новый вариант префикса *воз*. Теперь их не четыре, а шесть: *воз-*, *вос-*, *вз-*, *вс-*, *з-*, *с-*. Перестраиваются уменьшительные формы прилагательных цвета. Кодифицированная модель их образования проста и равномерна — основа + *еньк* + *ий*: *бел-енький*, *желт-енький*, *красн-енький*, *черн-енький*, *син-енький*, *зелен-енький*. В разговорной речи из этих шести прилагательных нетронутыми остаются первые два (хотя и в *беленький* может подвергаться редукции второе *е*). Следующие два образуют новую микропарадигму, теряя вставное *-н-*: *крас-енький*, *чер-енький*. (Кстати, здесь они возвращаются к своим далеким индоевропейским корням.) В двух последних суффикс сливается с основой, оканчивающейся на *-н'*, образуя геминату этого звука: *син'н'кий*. Таким образом, первичное множество разделилось на три подмножества.

Преобразовываются модели с суффиксом *-н(а)* разных значений. При прибавлении этого суффикса устраняется последняя согласная в конечной группе согласных основы: *езда* — *поеска* (вместо *поездка*). При образовании существительных женск. рода это стало почти правилом: *артист* — *артистка*; *аспирант* — *аспиранка*.

Фонетические процессы оказывают воздействие на общий облик фонологической системы языка. Не только создаются новые варианты и реализации фонем, но можно говорить о формировании новых элементов системы. Вследствие выпадения интервокальных согласных (эта фонетическая фреквенталия существует во многих языках), образуются дифтонги (или дифтонгоиды), не свойственные кодифицированной речи: *баушк*; *вы схоите?*; *дяинька*; *приет!* (тут возникает звук, похожий на прежний «ять»); *на лекцию паёшь?* Опускание интервокального согласного приводит к появлению долгих гласных, где долгота несет смысловоразличительную функцию, ср.: *вишь* (*видишь*) и *вишь* (частица, образовавшаяся некогда от того же глагола), *скаал* (*сказал*) и *скал* (от *скала*); *виил* (*видел*) и *вил* (от *вилы*).

С другой стороны, вследствие выпадения гласных образуются долгие согласные или геминаты. Иногда они просто преобразуют форму слова: *ккой-то* (*какой-то*); *можш* (*можешь*). Но иногда они тоже начинают участвовать в смысловых оппозициях, ср.: *что ты наделла?* (*наделала*) и *что ты надела?* (об одежде); *слышь*

(частица, образовавшаяся от той же формы) и *слышишь* (*слышишь*). Отмеченные фонетические процессы могут приводить к созданию новых парадигм: *пишу, пишешь, пишут, пишѐм, пишете пишут*. Здесь три из шести форм имеют неканонический облик. Сходным образом спрягаются в разговорном русском и глаголы *слышать, дышать* (кроме шестой формы). Происходит очередная нуклеаризация, создание новых парадигм внутри и без того сложной системы спряжения глагола.

В целом, рассмотренные факты позволяют различать три уровня или этапа в развитии:

1) порядок:	<i>видишь</i>	<i>говорит;</i>
2) разрушение порядка, хаос:	<i>вишишь</i>	<i>г(ѐ)рит;</i>
3) восстановление порядка:	<i>вишь</i>	<i>грит, гыт.</i>

Возвращение к порядку выражается в этих случаях в формировании новых парадигм, охватывающих ряд глаголов, и в переходе языковых элементов в другую категорию: элементы *вишь, гыт* переходят в разряд частиц. Так глагольная парадигма «очищается» от слишком «далеко зашедших» форм, и вместе с тем образуется микросистема на другом уровне, на уровне частиц.

Переход от порядка к хаосу и от хаоса к новому порядку всегда по сути дела интересовал лингвистов, изучавших пути и причины исторического развития языка. Закономерности этого перехода проявляются в сходных формах и при сходных причинах как в диахронном плане (в истории языка), так и в синхронном (при переходе от одного стилевого уровня языка к другому и др.). В заключение мы остановимся кратко на факторах подобных изменений. Общая теория языковых изменений глубоко разработана в классическом труде Г. Пауля «Принципы истории языка». В частности, в качестве важнейших факторов изменений Пауль рассматривает аналогию и контаминацию. Он разрабатывает понятие об аналогической пропорции или пропорциональном уравнении [Пауль 1960: 139], показывая как одна форма притягивает к себе другую. Считая, что крупные группы подчиняют себе более мелкие (например, нерегулярные глаголы превращаются в регулярные), он видит в изменении по аналогии путь преодоления разнообразия. Но это не совсем так: переход по аналогии может приводить, разумеется, к формированию или расширению одной системы, но одновременно и к разрушению или ослаблению другой. Например, во французском языке наречия в массе отличаются от семантически соотносимых с ними прилагательных, многие благодаря специфическому форманту *-ment*. Но было небольшое

число наречий, совпадавших по форме с прилагательными (*ferme*). Постепенно их число стало увеличиваться, особенно в разговорной речи, а в некоторых речевых регистрах это стало почти правилом. Здесь большая группа присоединяется к меньшей. Разумеется, это можно объяснить стремлением к опрощению форм: морфологическое различие между двумя частями речи устраняется и они начинают различаться только синтаксически — по функции в предложении.

Пауль останавливался и на психологических факторах, но более подробно они были проанализированы в книге А. Фрея «Грамматика ошибок». Изучая ошибки во французском просторечии, Фрей пришел к выводу, что в этих ошибках отражается новая становящаяся система. Сегодняшняя ошибка — это завтрашнее правило. По его мнению, в основе изменений лежит пять тенденций: аналогия (в том числе народная этимология, контаминация, аттракция), дифференциация, экономия (краткость), неизменность, экспрессивность [Frei 1928].

Глубинная причина нежесткости языковых форм кроется в особенностях человеческого мышления, без которого язык невозможен. Еще Пауль говорил о растяжимости понятий, которыми оперирует человек, следовательно о растяжимости значения слова. Если говорящий не находит точного обозначения, он «растягивает» значение соседнего по семантике слова, так чтобы оно могло охватить и тот предмет, для которого не находится обозначения. Свыше ста лет тому назад К. Яберг, известный исследователь романских диалектов в Швейцарии, писал в своих «Основах ономастиологии», что он изучал «народные понятия с твердым ядром и нечеткими границами» (*Populärbegriff mit einem festen Kern und unscharfen Grenzen*) [Jaberg 1901: 125]. Современная логика показала, что не только «народным» понятиям свойственна такая структура, но что человеку свойственно вообще оперировать расплывчатыми понятиями с твердым ядром и нечеткими границами. Таким образом, логик Заде, труды которого легли в основу так называемой расплывчатой грамматики (*fuzzy grammar; grammaire floue*), имел далеких предшественников. В дополнение к тем факторам, о которых писали Пауль и Фрей, нужно добавить следующие: неравномерность языковой компетенции у носителей одно и того же языка (это обуславливает вариативность речи), быстрота речи (при общении необходимо обеспечить не только правильность, но часто и быстроту речевых реакций, но нередко говорящий, выигрывая в темпе, проигрывает в точности). Большую роль в развитии языка играют писатели и прочие «мастера

речи». С одной стороны, большие писатели способствуют формированию нормы, созданию «порядка» в языке. Но вместе с тем они разрушают норму, навязывая языку новые слова, новые значения слов, новую просодику, допуская разного рода эксперименты, нарушая порядок, установившийся в языке. Но если эти новшества укореняются в языке, то они способствуют становлению новой нормы, нового порядка. Таким образом, здесь мы опять-таки сталкиваемся с появлением элементов хаоса, которые затем могут превратиться в элементы порядка.

Так существует и развивается язык в постоянном неравновесии, от порядка к хаосу и от хаоса к порядку.

ЛИТЕРАТУРА

- Елистратов 2000 — *Елистратов В. С.* Словарь русского аргю. М., 2000.
- Земская 1987 — *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
- Пауль 1960 — *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
- Пригожин, Стенгерс 1986 — *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.
- Bally 1929 — *Bally Ch.* La vie du langage. Genève, 1929.
- Barthes 1964 — *Barthes R.* Le degré zéro de l'écriture. Paris, 1964.
- Frei 1928 — *Frei H.* La grammaire des fautes. Genève, 1928.
- Jaberg 1901 — *Jaberg K.* Grundfragen der Onomasiologie. Berne, 1901.
- Calvet 1993 — *Calvet L.-J.* L'argot en 20 leçons. Paris, 1993.
- Martinet 1969 — *Martinet A.* Le français sans fard. Paris, 1969.
- Sauvageot 1962 — *Sauvageot A.* Français écrit, français parlé. Paris., 1962.

Ю. П. КНЯЗЕВ

ПОРЯДОК И КОНТРОЛЬ: СПОСОБЫ ПОНИЖЕНИЯ АГЕНТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

Нет сомнений в том, что обе эти категории — неопределенность и неагентивность — составляют яркие типологические характеристики русского языка.

Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1996: 82]

С понятиями «контролируемости» и «агентивности», широко используемыми в современных семантико-синтаксических исследованиях, связывается представление о таких ситуациях (или их цепочках), которые, с одной стороны, возникают и протекают по воле их субъекта (агенса), а с другой стороны, влекут за собой именно то положение дел, ради достижения которого субъект предпринимал данные действия. В качестве типичных примеров контролируемых действий (или собственно действий) приводят ситуации типа *открыть окно, сходить в магазин, написать письмо* [Wierzbicka 1980: 163; Падучева 1996: 111–113; Шатуновский 1996: 191–192]. При их реализации имеет место однозначное соответствие между намерениями агенса, его конкретными действиями и итоговым результатом таких действий, что находит отражение в следующих лаконичных формулировках Д. Даути: «a verb or adjective is agentive whenever it denotes or implies an action or state that obtains by virtue of the immediate conscious volition of its subject» [Dowty 1975: 580] и И. Б. Шатуновского: «общая схема значения выражений, обозначающих контролируемые Р: 'С выбрал Р; и (поэтому, вследствие этого) — Р'» [Шатуновский 1996: 192].

Таким образом, обозначения контролируемых действий содержат дополнительный семантический компонент 'действовать с целью', отличающий их от обозначений неконтролируемых событий — происшествий [Падучева 1996: 103–111; Розина 2000: 315–317]. И наоборот — неконтролируемость предполагает представление «о доле случайности в наступлении результата» [Зализняк 1992: 142]. Косвенным свидетельством большей семантиче-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-04-85002).

ской сложности глаголов, обозначающих контролируемые действия, по сравнению с обозначениями происшествий могут служить наблюдения исследователей детской речи. В соответствии с ними первые формы прошедшего времени, усваиваемые детьми в процессе онтогенеза, используются ими для обозначения ситуаций типа 'упасть', 'уронить', 'сломать', 'пролить': «The first uses of past tense, perfect, or perfective verb inflections seem to comment on an immediately completed event that results in a visible change of state or location of some object, with later development into a more general past tense. The past tense or perfect appears first on verbs like 'fall', 'drop', 'break', and 'spill' across a very wide range of languages and language types» [Slobin 1986: 7]. Помимо наблюдаемости результата, общим для такого рода ситуаций является то, что они связаны с причинением ущерба и обычно возникают непреднамеренно в силу неблагоприятности и нежелательности их последствий.

В свою очередь, предсказуемость развития или изменения, а также его контролируемость относят к числу признаков, по которым Порядок противопоставляется Хаосу [Шушков 1999: 8]. Это находит свое отражение, в частности, в функционировании некоторых глаголов перемещения в пространстве. Так, одной из важных характеристик прототипических ситуаций, обозначаемых глаголами *положить* и *поставить* в их исходных значениях, считается «контроль субъекта над перемещением объекта по всей траектории перемещения», тогда как «в ситуации *бросить* движение объекта не контролируется субъектом» [Кустова 2000: 213]. С этим различием явно коррелирует неодинаковое отношение этих глаголов к противопоставлению порядка и хаоса. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова исходное пространственное значение у глагола *расставить* формулируется как 'поставить, разместив на нужных местах', а у глагола *разбросать* — как 'привести в беспорядок, в беспорядке разложить повсюду' (разрядка наша. — Ю.К.). Ср. также текстовые примеры, в которых отчетливо проявляется данное семантическое различие между этими глаголами: *Вскоре все эти вещи были внесены в квартиру, расставлены по своим местам, и бабушка села на крутящийся на винте табурет перед пианино* (В. Катаев. «Кладбище в Скулянах»); *В комнате, где он спал, изрядный бардачок. Раскладушка стоит посреди пола. Ботинки валяются в соседстве с Лялькиным мишкой, носами в разные стороны. На стуле висит какая-то дамская штучковина. Вечно эта сбруя раскидана где попало! Просто удивительно, как бы-*

стро все меняется, думает Зорин. Стоило появиться на свет Лялке, и у супруги начисто улетучилась всякая стыдливость. Раскидывает свои штуки у всех на виду, даже при чужих (В. Белов. «Воспитание по доктору Споку»).

В качестве концептуального образца неагентивности должны, по всей видимости, рассматриваться прежде всего такие предикаты, у которых неконтролируемость предопределяется их значением и которые в силу этого можно назвать «ингерентно» неагентивными. К ним относятся, в частности, следующие (существенно различающиеся между собой в других отношениях) группы глаголов: 1) статические предикаты типа *знать, любить, уметь*, несовместимые с указанием на цель, преднамеренность или выбор: нельзя сказать **Он знает английский язык, чтобы...* (вместо того, чтобы...) или **нарочно знает...* [Miller 1970: 490–491; Holisky 1978: 150–153; Князев 1999: 164–165]; 2) глаголы, обозначающие (в своих исходных значениях) природные процессы и явления с неодушевленным субъектом типа *цвести, таять, течь*; 3) глаголы «ошибочного действия» типа *обсчитаться* или *проговориться*, обозначающие ситуации, которые всегда происходят не по воле субъекта и осуществление которых не может быть его целью [Зализняк 1992: 142; Шатуновский 1996: 194; Розина 2000: 79–80].

Помимо этого, для русского языка характерно наличие целого ряда средств, служащих для выражения «производной» неагентивности (семантической деагентивации)¹. Речь идет о разнообразных языковых механизмах (синтаксических конструкциях, особых употреблении грамматических форм, деривационных моделях), с помощью которых ситуация, осуществление которой в принципе может (а в ряде случаев — должна) контролироваться субъектом, переосмысливается как полностью или частично неконтролируемая. Именно их прежде всего имела в виду А. Вежбицкая, отмечавшая, что «русская грамматика изобилует конструкциями, в которых действительный мир предстает как противопоставленный человеческим желаниям и волевым устремлениям или, по крайней мере, независимый от них» [Вежбицкая 1996: 70–71].

1) Прежде всего с этой связи следует упомянуть такие лексемы, как *удалось* или *посчастливилось*, считающиеся специфическими для русского языка [Там же: 72]; ср. отчетливое семантиче-

¹ Подчеркну, что здесь и далее имеется в виду именно семантическая деагентивация, которая может совмещаться, а может и не совмещаться с синтаксической деагентивацией (вытеснением субъекта с позиции подлежащего) описанной в широко известной статье М. Грепля, который ввел в лингвистический оборот само понятие «деагентивности» [Grep1 1973: 143].

ское различие между предложениями *Он поступил в университет* и *Ему удалось (посчастливилось) поступить в университет*. В первом случае ситуация представлена как полностью контролируемая субъектом, тогда как во втором та же ситуация рассматривается как зависящая от случайных внешних факторов: для ее успешного осуществления необходимы были не только усилия самого субъекта, но определенное стечение обстоятельств, удача и т. п. Как писала А. А. Зализняк, «выражение *X-у удалось Р* имеет две презумпции: 1) '*X* прилагал усилия для осуществления *Р*'; 2) '*наступление Р* не полностью определяется усилиями *X-а*'» [Зализняк 1992: 143].

2) «Дезактивизирующим» преобразованием можно считать и безлично-возвратные конструкции типа *Мне не работается, Мне здесь плохо спится*, соотносительные с личными конструкциями *Я не работаю, Я плохо сплю*. Семантическое различие между личными и безличными конструкциями этого типа неизменно связывается с различием в степени зависимости предикативного признака от воли субъекта. Так, анализируя значение глагола *хотеться*, Ю. Д. Апресян отмечает: «этот глагол имеет то же самое семантическое ядро, что *хотеть*, но другую смысловую добавку: желание рассматривается как результат действия какой-то трудно определимой силы, присутствие которой человек ощущает в себе» [Апресян 1995: 480]². Сходным образом формулирует семантическое различие между парами типа *Он не спит — Ему не спится* и С. Д. Кацнельсон: во втором предложении «к предикату, выражающему бессонное состояние», добавляется «оттенок непроизвольности состояния, переживаемого субъектом помимо своей воли и желания» [Кацнельсон 1972: 61]. По мнению Т. В. Булыгиной, в подобных случаях предикат, выражающий контролируемую ситуацию, превращается в предикат, выражающий «полуконтролируемую» («демиактивную») ситуацию [Булыгина 1982: 79], а Г. А. Золотова считает инвариантным значением безличных конструкций этого типа значение «инволютивности» — выражение независимости предикативного признака от воли субъекта [Золотова и др. 1998: 124].

² В этой связи следует заметить, что и само по себе желание не контролируется его субъектом, на что обратил внимание И. Б. Шатуновский: «существенной особенностью желания является неконтролируемость, не произвольность (разрядка. — И. Ш.) возникновения и „имения в уме“ желаемого Р ... Не в воле человека желать или не желать что-то, желаемое Р вместе с его ощущением-оценкой „представляются“ уму С независимо от его воли или даже против его воли» [Шатуновский 1996: 295].

Приведу еще несколько примеров: *Мне страшно. Мне не пляшется, но не плясать нельзя* (Е. Евтушенко. «Станция Зима»); *Если причина его неважного самоощущения лишь в том, что им не дал счастья по их представлениям о себе, то — это вздор, этим — пренебречь. И хотя все равно не пренебрегалось, что-то оставалось на совести досадное, навязанное ими, но это, ясно, не главное* (А. Битов. «Улетающий Монахов»); *Куришь, конечно, бросил — само бросилось* (А. Солженицын. «Раковый корпус»); *3 сентября 1933 года я впервые увидела ее, познакомилась с нею. Пришла к ней сама в Фонтанный дом. Почему пришла? Стихи ее знала смутно. К знаменитостям — тяги никогда не было. Ноги привели, судьба, влечение необъяснимое. Не я пришла — мне пришлось* (М. Петровых. «Дневники»).

Существенно, что, хотя односоставные предложения с возвратными глаголами широко употребляются во всех славянских языках, данная их разновидность характерна именно для русского языка [Mrázek 1971: 119–126; Князев, Недеялков 1985: 28–35].

3) Обращаясь к личным возвратным конструкциям, можно заметить, что в современном русском языке, в отличие от других славянских языков, возвратные глаголы совершенного вида практически не используются в функции собственно пассива, не осложненного различными смысловыми добавками. Между тем в XIX веке такое их употребление было вполне возможно; ср. примеры, приводимые Л. А. Булаховским: *Письмо тебе вышлетя; На могиле напишетя; Сделаетя новая государственная печать; Произведетя перепись* [Булаховский 1954: 119–120]. Сейчас в подобных употреблениях практически всегда присутствует идея неожиданности или случайности достижения результата: *Может, им еще повезет, и Авдотья, ее дочь, с младшим внуком, Толиком, еще отыщутся* (П. Проскурин. «Снова дома»); *К счастью, именно в этот месяц написалась у меня легко «Кречетовка» — прямо для журнала, первый раз в жизни* (А. Солженицын. «Бодался теленок с дубом»). Ср. также следующий фрагмент из воспоминаний о Дмитрие Шостаковиче: *Вы знаете, заканчивая сочинение, он никогда не говорил: «Посмотри, как я сочинил!». Он говорил: «Посмотри, как у меня получилось».*

Таким образом, подобного рода двусоставные конструкции с возвратными глаголами совершенного вида сближаются по смыслу с рассматривавшимися выше безличными возвратными конструкциями. Показателен в этой связи приведенный в [Gerritsen 1990: 180] пример, представляющий собой выдержку из письма Твардовского Василию Гроссману: *Дорогой Вася! <...> Я очень рад*

за тебя, что тебе пишется, и с большим интересом жду того, что у тебя напишется.

4) К средствам семантической деагентивации можно, на мой взгляд, отнести и так называемые «экспрессивные формы прошедшего времени», также специфичные именно для русского языка: *А он как закричит! А он кричать! А он тут и закричи!* При описании их функционирования обычно отмечается, что они используются для обозначения неожиданных событий, «немотивированных логикой ситуации» [Ломов 1977: 88].

Так, характеризуя употребления форм будущего времени совершенного вида с частицей *как* для обозначении конкретного единичного действия в прошлом, А. В. Бондарко отмечает, что они выражают в этом случае «внезапное наступление действия, отличающегося особой интенсивностью» [Бондарко 1971: 163]. Выражение энергичного приступа к действию, «неожиданного для наблюдателя, а может быть и для агенса», усматривается и в употреблениях независимого предикативного инфинитива в личных предложениях [Золотова и др. 1998: 140]. При этом, как заметила Т. В. Булыгина, «только предложения, описывающие активное (произвольное) действие, могут быть преобразованы в инфинитивные (с изменением стилистической окраски и привнесением смысла)» [Булыгина 1980: 340]. Сходная семантическая интерпретация дается и высказываниям с неизменяемыми формами повелительного наклонения в функции «драматического» императива. Ч. Эбелинг писал, что в них «the action is presented as not in accordance with the preceding actions, as breaking the line of events» [Ebeling 1956: 86], а Ю. Д. Апресян видел в них способ представления события «неожиданным для говорящего и не оставляющим его равнодушным».

По мнению Б. М. Гаспарова, все эти предложения «обозначают события, так или иначе характеризуемые в качестве „эксцесса“»: «это либо события неожиданные и/или быстротечные до такой степени, что говорящий не в состоянии проецировать их на реальность, определить их место в реальностных координатах, либо события крайне нежелательные, одновременно и вынужденные, и вызывающие резкое противодействие у субъекта» [Гаспаров 1978: 66]. Таким образом, подобные высказывания используются прежде всего для обозначения импульсивных, непреднамеренных, слабоконтролируемых действий (или хотя бы представляющихся таковыми со стороны), что и позволяет видеть в этих конструкциях специфический способ понижения агентивности.

5) К средствам выражения «неуправляемых действий» Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1996: 77–78] относит и конструкции с частицей

было, восходящие, по общему мнению, к древнерусскому плюсквамперфекту, но претерпевшие семантический сдвиг от обозначения события, происшедшего ранее другого события в прошлом, к выражению «обманутого ожидания»: *хотел было* [но так и не начал делать], *начал было делать* [но не довел до конца], *сделал было* [но не смог воспользоваться результатом] и т. п. [Князев 2001]. Примечательно, что и в этом отношении современный русский язык отличается от других славянских языков, в той или иной мере сохранивших первичные темпорально-таксисные значения плюсквамперфекта.

Резюмируя сказанное, можно заметить, что если в «ингерентной» неагентивности находят отражение независимые от языка объективные особенности обозначаемой ситуации, то как состав средств выражения «производной» неагентивности, так и степень их употребительности в значительной мере идиоллингвистичны.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные работы. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова 1996 — *Арутюнова Н. Д.* Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 61–90.
- Бондарко 1971 — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Булаховский 1954 — *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
- Булыгина 1980 — *Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 320–355.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–85.
- Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Гаспаров 1978 — *Гаспаров Б. М.* Аспектуальные значения неопределенно-преддицируемых предложений в русском языке // Вопросы русской аспектологии. Тарту, 1978 (= Учен. зап. Тартуского ун-та. № 439). Вып. 3. С. 64–88.
- Зализняк 1992 — *Зализняк Анна А.* Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 138–145.
- Золотова и др. 1998 — *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кацнельсон 1972 — *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Князев 1999 — *Князев Ю. П.* Статичность: основные разновидности и смежные явления // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999. С. 162–180.

- Князев 2001 — *Князев Ю. П.* Частица *было*: семантика и синтаксис // Русское слово. Орехово-Зуево, 2001. С. 117–121.
- Князев, Недялков 1985 — *Князев Ю. П., Недялков В. П.* Рефлексивные конструкции в славянских языках // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985. С. 20–39.
- Кустова 2000 — *Кустова Г. И.* Неметафорические когнитивные модели в семантической деривации // Обработка текста и когнитивные технологии. М., 2000. Вып. 3. С. 204–219.
- Ломов 1977 — *Ломов А. М.* Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Розина 2000 — *Розина Р. И.* Культурные ограничения на семантическую деривацию // Обработка текста и когнитивные технологии. М., 2000. Вып. 4. Ч. 2. С. 315–325.
- Стексова 1998 — *Стексова Т. И.* 'Невольность осуществления' как скрытая семантическая категория и ее проявление. Новосибирск, 1998.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996.
- Шушков 1999 — *Шушков А. А.* Семантическое поле порядок-хаос в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
- Dowty 1975 — *Dowty D. R.* The Stative in the Progressive and Other Essence/Accident Contrasts // *Linguistic Inquiry*. 1975. № 6. P. 579–588.
- Ebeling 1956 — *Ebeling C. L.* On the Verbal Predicate in Russian // For Roman Jakobson. The Hague: Mouton, 1956. P. 83–90.
- Gerritsen 1990 — *Gerritsen N.* Russian Reflexive Verbs: in Search of Unity in Diversity. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1990.
- Grepl 1973 — *Grepl M.* Deagentnost a pasívum v slovanských jazycích // Československé přednášky pro VII mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě. Lingvistika. Praha: Academia, 1973, S. 141–149.
- Holisky 1978 — *Holisky D. A.* Stative Verbs in Georgian and Elsewhere // *International Review of Slavic Linguistics*. 1978. Vol. 3. № 1/2. P. 139–162.
- Miller 1970 — *Miller J. E.* Stative Verbs in Russian // *Foundations of Language*. 1970. Vol. 10. № 4. P. 488–504.
- Mrázek 1971 — *Mrázek R.* Slovanské konstrukce typu *mne ne spitsja* // *Miscellanea linguistica. Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Fakultas Rphilosophica. Philologica Supplementum*. Ostrava: Profil, 1971. S. 119–126.
- Slobin 1986 — *Slobin D. I.* Introduction: Why Study Languages Cross-linguistically? // *De Villiers J. G., De Villiers P. A.* The Acquisition of English: A General Model of Grammatical Development. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. P. 3–24.
- Wierzbicka 1980 — *Wierzbicka A.* *Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language*. Sydney, etc: Academic Press, 1980.

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК С МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

§1. Общие замечания

1.0. Язык — часть мира, и лингвистика — тоже часть мира; поэтому космос и хаос можно усмотреть не только вне языка (внеязыковой космос и хаос) и вне лингвистики (нелингвистический), но также и в языке, и в лингвистике.

1.1. Пространственный порядок лежит в основе таких лингвистических понятий, как «языковые уровни» («высшие» и «низшие») с их единицами («высшими» и «низшими»). Применительно к лингвистическому анализу говорят о высших и низших уровнях анализа или абстракции. Строительная метафора лежит в основе представлений о «строе» (или «структуре») языка» (фонологическом или грамматическом, синтетическом и аналитическом и т. п.), о «строе» (или «структуре») языковой единицы (предложения, слова и т. п.), о «структуре» некоторого фрагмента языка (словаря, деривационного гнезда, множества значений многозначного слова). «Порядок» в языке — это порядок предложений в тексте, слов в предложении, членов сообщения в сообщении, морфем в слове и т. п. Отклонение от стандартного порядка рассматривается как инверсия, дислокация, непроективность и т. п. Пространственный порядок письменных обликов («выше» и «ниже» в тексте, «левее» и «правее» в тексте) есть иконическое отображение их хронологического порядка в устной речи.

«Иерархия» (отношение высшего и низшего) охватывает:

- (а) ось членения (высшие единицы состоят из низших);
- (б) ось обобщения (абстрактные единицы «выше», конкретные — «ниже») и
- (в) ось обозначения (здесь представлены обе метафоры — и более раннее представление о том, что высшие единицы выражаются низшими, и более позднее представление о том, что более глубинные единицы выражаются более поверхностными).

Иерархия на синтагматической оси всегда выражает идею неравноправия сочетающихся языковых единиц. Однако сама идея (метафора) неравноправия может относиться к разным аспектам языковой единицы (в частности, языкового

знака). Возможны следующие разновидности синтагматической иерархии:

(а) односторонняя направленность логических импликаций (как в глоссематике), лежащая в основе идеи параллелизма между строением слога, словоформы и предикативной синтагмы;

(б) неравноправие с точки зрения тех или иных свойств сочетающихся знаков — сочетаемости (валентное слово и заполнитель валентности), номинативной функции (самостоятельная и зависимая номинативная единица), коммуникативной функции (исходный пункт и ядро сообщения) или морфологических связей (фактор морфологического оформления и носитель морфологического сигнала связи);

(в) для «коммуникативных» иерархий (составляющих одну из проблем теории актуального членения) — типичное расположение членов предложения на линейной оси (слева направо);

(г) для «кореференциальных» иерархий — типичное расположение номинаций предмета в связном тексте (первичное упоминание vs. повторные упоминания).

Идея иерархий на парадигматической оси отражает маркированность vs. немаркированность членов противопоставления, простоту vs. сложность единиц (как знаковых, так и незнаковых), первичность vs. вторичность (производность), основной vs. дополнительный (специфический) характер единицы, ее нейтральный vs. окрашенный стилистический статус, ее высокая vs. низкая частотность. Такие иерархии устанавливаются и для членов оппозиций, и для членов синонимических пучков, и для членов полисемических пучков, и для деривационных гнезд.

Некоторые термины для обозначения организованной совокупности применяются обычно только к синтагматике («комплекс», «сочетание»), а некоторые — только к парадигматике («класс», «система»). Однако некоторые общие понятия со значением упорядочения в лингвистике применяются как к синтагматике, так и к парадигматике.

Так, термин «структура» без специальных пояснений в немаркированном случае относится к синтагматическому аспекту языка («структура слога», «структура слова», «структура предложения», «структура текста»), однако в принципе может подчинять себе наименования парадигматических классов, и в таких маркированных контекстах приобретает отнесенность к парадигматике («грамматическая структура парадигмы», «семантическая структура многозначного слова», «структура семантического поля», «структура лексической системы», «структура словообразовательного гнезда»).

Нередко бывает трудно с ходу сказать, какой аспект языка составляет основную сферу применимости термина со значением упорядоченности. Так, термин «*организация*» употребляется как для описания синтагматического аспекта языка («фонетическая организация слова», «семантическая организация предложения», «коммуникативная организация смысла»), так и для описания парадигматики («организация семантического поля», «внутренняя организация грамматической категории», «организация парадигмы»). Термин «*ряд*» имеет синтагматический смысл в составе термина «сочинительный ряд», но относится к парадигматике в составе терминов «фонемный ряд», «трансформационный ряд», «словообразовательный ряд», «одноподлежащий ряд». Идея «*группы*» относится к синтагматике в составе терминов «фонетическая группа», «акцентная группа», «группа слогов», «синтаксическая группа», но может относиться также к парадигматике в составе терминов типа «семантическая группа», «лексическая группа», «тематическая группа». Более того, идея группы может относиться к исторической общности языков «генеалогическая группа», а также к социальной организации общества («язык социальной группы», «профессионально-групповые различия в языке» и т. п.).

Идея иерархии пронизывает также классификации языков, как типологические (иерархия простоты vs. сложности того или иного аспекта грамматики), так и генеалогические (где иерархия основывается на хронологическом отношении «раньше vs. позже»).

1.2. Упорядоченность по времени («раньше — позже») свойственна:

- (1) хронологическим этапам развития языка и языков;
- (2) возрастным фазам онтогенеза индивидуальной языковой способности;
- (3) обозначаемым событиям, цепочка которых образует нарративную последовательность в связном тексте;
- (4) (а) высказываниям, образующим диалогический или монологический текст («дискурс»); (б) членам предложения; (в) морфемам в составе словоформы; (г) артикуляционным фазам в составе звука, звукам в составе слога, слогам в составе синтагмы, синтагмам в составе фразы;
- (5) фазам порождения высказывания при говорении и фазам восприятия высказывания при слушании.

Некоторая нежесткая регулярная повторяемость во времени (ритмичность, размеренность, пульсация) свойственна:

(1) речевой цепочке вообще, так что язык функционирует импульсами. Пульсация в речевой цепочке имеет следующие проявления:

(а) в связном тексте (дискурсе) регулярно повторяется коммуникативная структура «тема + рема», грамматическая структура предикативной синтагмы («подлежащее + сказуемое») и интонационная структура «повышение + понижение» (а также «ослабление + усиление»);

(б) в цепочке словоформ регулярно повторяется сочетание некоторого грамматического элемента с некоторым лексическим (порядок следования внутри словоформы бывает разным, но сам принцип ритмичности соблюдается при разных типах диспозиции). Такая регулярность заставляет многих лингвистов усматривать лексико-грамматическую бинарность также в аморфных языках (с оговоркой, что грамматические значения выражаются в этих языках аналитически или даже вовсе несегментными средствами), а не возвращаться к популярной еще в первой половине XX в. трактовке изолирующих языков как языков без грамматики;

(в) (только в акцентных языках): в цепочке слогов регулярно повторяется сочетание одного ударного слога с одним (или несколькими) безударными; это как минимум фреквенталия, так как анакцентных языков найдено в мире немного;

(г) в цепочке звуков гласные регулярно перемежаются согласными, и существует универсальная тенденция к преобладанию открытых прикрытых слогов типа CV (это уже универсалия);

(2) стихотворной речи свойственна дополнительная музыкальная регламентированность фонологических цепочек (стихотворный ритм, рифма, звуковые повторы);

(3) специальным риторическим жанрам текстов — как монологам (молитвам, гимнам, арифметическим задачам), так и диалогам (загадка, экзамен, «диалог с продавцом», «диалог с врачом» и т. п.) свойственна относительно жесткая семантическая регламентированность высказываний (композиция монологов, правила языковой игры в диалогах). Типовая структура микродиалога служит предметом специальной имитации в лингводидактике.

1.3. Одно из воплощений идеи противопоставления космоса и хаоса в лингвистике — это идея разграничения языка и речи. К числу признаков речи, отличающих речь от языка, принято относить ее случайный и неупорядоченный характер. Речь, вплетенная в суету повседневной жизненной суматохи и подверженная множеству непредсказуемых случайностей, приобретает свой-

ства хаотичности. Она изобилует вставками попутных замечаний, неожиданными отвлечениями от основной темы, перебиванием собеседника, да и вообще вкраплениями неречевых звуков (таких, как смех, плач, кашель, чихание, вздохи и т. п., иногда изображаемым на письме условными орфографически закрепленными написаниями междометий типа *апчи, кхе-кхе, гм* и т. п.). В драматургии все эти вкрапления становятся также предметом художественного изображения (ср. важную смысловую нагрузку театральных ремарок).

1.4. Социолингвистическая классификация языков уже с древних времен устанавливает среди них отношение культурного неравенства, деля их на более и менее «культурные». Если не придавать эмоционально-оценочного смысла суждениям о культурной иерархии языков, то следует признать, что языки действительно сильно отличаются друг от друга по диапазону обслуживаемых ими социальных функций. Столь же осмысленными являются суждения о социальном неравноправии (социальной иерархии на множестве языков и диалектов) в рамках одного социума и о функциональной иерархии стилистических разновидностей языка (в том смысле, что нейтральная подсистема занимает в любом языке центральное место, а специальные подсистемы — периферийное место по отношению к центру).

1.5. Гармония и дисгармония в душе человека отражается и на его речи. Упорядоченный стиль мышления выражается в логичной (рассудочной, интеллектуальной) речи, а беспорядок в мыслях отражается в речи как бессвязность, невнятность, многоречивость, путаность, сбивчивость, заикливание и т. п. В эмоциональном плане бесстрастная (спокойная) речь противопоставляется аффективной (встревоженной, испуганной, гневной, раздраженной, ехидной, саркастической, шутливой, веселой, ласковой, страстной и т. п.), что проявляется не только в лексике, но и в грамматике, и в звуковом тембре речи. Аффективная речь изучается специальными дисциплинами — экспрессивной фонетикой, грамматической стилистикой и т. п.

1.6. Нарушение языковых норм вызывает разную реакцию в зависимости от социальных обстоятельств, в которых это нарушение произошло.

Так, искажение произношения слов в детской речи до поры до времени вообще не ощущаются как отклонение от нормы, но постоянно вызывает бессознательную или сознательную корректирующую реакцию родителей. Отклонения от норм морфологии и синтаксиса в детской речи корректируются уже почти

сознательно. Поэтапное приближение к языковому идеалу, в качестве грубой модели которого выступает речь родителей, как правило, служит источником обоюдного удовольствия как для нарушителей языковой нормы (детей), так и для ее корректоров (родителей).

На этапе отрочества во многих социумах начинается сознательное обучение правилам письменной и устной коммуникации на родном языке, а также (в некоторых социумах) и правилам речи на чужом языке. Здесь процесс корректирования протекает уже не столь безоблачно: порой он сопряжен с некоторой долей насилия (обычно психического, но нередко и физического).

Отклонения от языковых норм, не адекватные возрасту нарушителя норм, принято воспринимать как речевые расстройства (речевую патологию). Речевые дефекты дикции, связанные с нарушением работы артикуляторных механизмов (заикание, шепелявость и т. п.), составляют предмет особой научной дисциплины — дефектологии — и предмет исправления (лечения) в особом разделе медицины — логопедии. Речевая патология, вызванная расстройствами центральной нервной системы (афазиями), составляет предмет особого раздела нейrolингвистики — афазиологии.

Нарушение орфоэпических, грамматических и стилистических норм взрослыми психически и физически здоровыми носителями языка может быть (1) случайным или (2) систематическим.

Случайное нарушение обычно не замечается и воспринимается как порой досадная, но несущественная помеха в общении; предметом изучения оно становится лишь в психолингвистике, разрабатывающей теорию речевых ошибок (опечаток, описок, оговорок). Психологи (особенно фрейдистского толка) пытаются вскрыть бессознательные механизмы, лежащие в основе случайных речевых ошибок.

Систематическое нарушение представляет собой факт языка (просторечие) и как таковое составляет предмет изучения (в ортологии), предмет исправления (в культуре речи), предмет имитации и стилизации (при намеренном воспроизведении народной речи в художественной литературе) и предмет насмешек (в художественной сатире и в языковой игре).

Нормативность речевых действий составляет предмет особого внимания лингвистической прагматики (это так называемые коммуникативные постулаты, молчаливо соблюдаемые собеседниками в ходе разговора). Нарушение норм речево-

го общения оценивается либо как проявление психической аномалии, либо как языковая игра (балагурство, потешки, шутки, каламбуры), либо как особое средство художественной выразительности (на этом основаны риторические фигуры, парадоксы и т. п.).

Нарушение моральных норм может выражаться и в отступлении от этики речевого общения.

Этическая порядочность vs. непорядочность также имеет свои языковые проявления. Примечателен тот факт, что неэтичное пользование языком состоит не в игнорировании коммуникативных постулатов, а в злоупотреблении ими (как показывает, например, практика демагогии — интенсивного вербального воздействия на массовое сознание: ср. рекламу, «связи с общественностью», пропаганду).

1.7. Наличие в языке особых норм привлекает внимание уже со времен античности. В явном или неявном виде понятие языковой нормы присутствовало в формулировке задач грамматики (как искусства правильно писать), стилистики (как искусства правильно говорить), логики (как искусства правильно рассуждать).

Закономерный, регулярный характер языка как особого предмета исследования привлек внимание ученых позже, уже в начале XIX века, когда был доказан закономерный характер языковых изменений. Главным достижением лингвистики XIX века стали: открытие самого феномена языкового закона, обнаружение множества конкретных языковых законов, попытки объяснения причин действия законов и объяснения (выявления причин) исключений из законов. Важнейшими типами звуковых законов, открытых уже тогда, были звуковые изменения (переходы), звуковые чередования и звуковые соответствия. Были установлены и важнейшие факторы появления исключений из законов — наложение действия другого закона, заимствование из родственного языка или диалекта и аналогический сдвиг.

Понятие языкового правила первоначально возникло в практической лингвистике и методике преподавания родного и иностранного языков. Если законы языка действуют в сфере бессознательного и соблюдаются говорящими просто в силу владения языком, то правила представляют собой результат попыток осознанно сформулировать закономерности правильной речи на этом языке. Разрабатывая методику преподавания родного языка, грамматисты-практики сформулировали правила орфографии и пунктуации (регламентирующие письменную речь), стилисты-практики — грамматические и лексические правила употребления слов

и конструкций (регламентирующие как письменную, так и устную речь), практические преподаватели риторики — правила наилучшего интонирования и линейной аранжировки слов, оптимально выражающие логическое строение мысли.

С другой стороны, в лингводидактике было выработано понятие языкового правила, позволяющего сознательно овладеть закономерностями правильной речи на иностранном языке. Если в практике преподавания родного языка внимание грамматистов привлекали лишь правила, реально помогающие избежать орфографических и пунктуационных ошибок в письменной речи на родном языке, а также стилистических шероховатостей или просторечных диалектизмов в устной речи на родном языке, то лингводидактика обратила внимание лингвистов на множество правил, целью которых стала профилактика ошибок в речи на чужом языке. Источником для наблюдений над действием правил такого рода стал отрицательный языковой материал, т. е. реально наблюдаемые ошибки иноязычных учащихся.

Наконец, в лингвистике второй половины XX в. (с середины 1950-х гг.) понятие языкового правила охватило новую для лингвистов область — а именно, действие языковых правил, интуитивно соблюдаемых живыми носителями языка, но не сформулированных или неточно сформулированных, в кибернетической (машинной) модели языка. Начиная с этого времени, отрицательный языковой материал стал включать ошибки, делаемые автоматическими устройствами (системами машинного анализа и синтеза текстов), в том числе виртуальными машинами, конструируемыми мысленно, на бумаге (первые тридцать лет виртуальные автоматы были основным инструментом экспериментирования, но со второй половины 1980-х гг. резко возросла роль реализованных автоматов). Увлечение изучением «машинно-генерируемых» ошибок порой заслоняет от исследователей ту бесспорную ценность, которую составляет изучение ошибок «естественного» происхождения, вызываемых действием языковой интерференции или влиянием просторечия.

1.8. Нарушения языковых норм сперва (до XIX в.) были предметом насмешек, предметом исправления или предметом профилактики. В XIX в. преобладает равнодушное отношение к феномену языковых нарушений или порой отрицание существования самого феномена нарушений, но к концу XIX в. такое отношение постепенно начинает преодолеваться. В начале XX в. приходит осознание того, что деятельность нарушителей языковых норм имеет особую эстетическую функцию. Нарушение норм начинает восприниматься уже

не просто как деструктивный феномен, а как языковая новизна, как средство художественной выразительности, как средство созидания новых знаковых средств, которые более адекватно выразят мысли и чувства людей в постоянно меняющемся мире. Положительное отношение к ломке языковых норм характеризует такие направления лингвистической мысли, как эстетический идеализм, опоязовскую теорию остранения, футуристическое словотворчество и, шире, языкотворчество, а позднее — и концепцию поэтической актуализации языковых средств в Пражской школе.

1.9. Особый интерес представляет соотношение порядка и беспорядка в речевой деятельности лингвистов. Примерами довольно жестко структурированных метатекстов служат грамматики и словари, создаваемые лингвистами. В словаре жестко задан как порядок словарных статей, так и структура словарной статьи, организованной как ответы на анкету, состоящую из жестко ограниченного числа зон. Каждая зона соответствует определенному типу словарной информации. С другой стороны, словник словаря составляет его нежесткую сторону и при переизданиях нередко подвергается сокращениям или дополнениям.

Описательная грамматика также характеризуется относительно жесткой структурой. В ней должны присутствовать: перечень частей речи и их грамматических категорий, а для каждой категории указан набор грамматических значений, в нее входящих; перечень основных типов склонения и спряжения; эксплицитный перечень всех местоимений, производных числительных, а также служебных слов. Синтаксис должен включать правила базового порядка членов предложения и словосочетания, правила управления и согласования (если таковые в языке есть), правила расстановки основных классов служебных слов, правила получения структуры предложений с маркированной модальностью или коммуникативной установкой из структуры нейтрального предложения, а также правила построения полипредикативных конструкций (например, сложного предложения, если таковое имеется).

Именно имплицитное наличие некоторой традиционной схемы описания позволяет описывать языки в рамках унифицированных схем, лежащих в основе частнолингвистических энциклопедий.

Лингвистическая статья обычно не обладает столь жесткой структурой, как словарь или грамматика, но и тут есть свои полужесткие правила. Текст, нарушающий слишком много этих полужестких правил, обычно не считается лингвистической статьей вообще и не принимается для публикации в лингвистическом журнале. Тексты статей по лингвистике, написанных в рам-

как действия некоторых неписаных полужестких правил, образуют то, что науковеды иногда называют господствующей научной парадигмой. Тексты, резко выбивающиеся из таких правил, имеют меньше шансов быть опубликованными.

1.10. Наличие в языке жестких правил отнюдь не лишает его такого свойства, как поистине безграничная коммуникативная гибкость. Говорящий индивид не только в любой момент волен выбирать одно из многих наличных языковых средств, допустимых в данной ситуации: если ему не хватает прямых средств выражения необходимой мысли, то он прибегает к косвенным. Лишь в силу поразительно богатой вариативности средств выражения мысли становится возможным такой феномен, как стихотворный перевод.

Понятие игры достаточно сложно, но можно утверждать, что типичные игры предполагают наличие некоторых полужестких правил совершения последовательной цепочки действий (при этом имеющей не практическую, а развлекательную цель), результат которой не известен участникам заранее.

Применительно к языку понятие языковой игры используется в нескольких смыслах.

Во-первых, оно обозначает шуточное употребление языка, сознательно эксплуатирующее возможности нарушения языковых правил и стандартных правил речевого общения.

Во-вторых, оно может применяться к учебным развивающим играм, имеющим практическую цель обучить играющих иностранному языку или повысить уровень владения родным языком.

В-третьих, оно охватывает развлекательные игры (с довольно жесткими правилами и распределением ролей), использующие вербальное общение как центральное или одно из центральных орудий игры (загадка, ребус, шарада, отгадка пантомимы, «балда», «виселица», «из одного слова — много» («типография»), «города», «МПС», «ассоциации», «шлепалка» и т. п.).

В-четвертых, оно может относиться в широком смысле слова ко всем жанрам диалогов.

По-видимому, в лингвистике наиболее обычным является употребление термина «языковая игра» в первом из вышеперечисленных смыслов.

1.11. Можно ли говорить о большей или меньшей упорядоченности разных языковых систем? Применительно к языкам, взятым как целое, скорее нельзя. Но устройство отдельных подсистем языка — совсем другое дело. И здесь осмысленно говорить о языках с более жестким vs. более свободным порядком слов (хотя не надо забывать о том, что эти термины не следует понимать

буквально), о языках с более жесткими vs. с более расшатанными границами словоизменительных парадигм; о языках с более мотивированной (и, таким образом, более упорядоченной) vs. с менее мотивированной (и, таким образом, более хаотичной) морфемной структурой словоформ. Последние два типологических свойства, похоже, распределяются обратно пропорционально друг другу, что лишний раз доказывает невозможность глобального применения понятия организованности и хаотичности к структуре языка в целом.

§2. Объекты систематизации в металингвистике

Описывая космос и хаос в лингвистике, следует прежде всего проводить различие между онтологическим (материальным) уровнем, на котором можно выделить объектное множество (оригинал, универсум) с существующими в нем отношениями и гносеологический (эпистемологический, идеальный) уровень, на котором выделяется модельное множество (модель, теория) с заданными на нем отношениями. Эту модель и строит металингвист, воплощаящий ее в виде грамматики, словаря, предметного или именного указателя, таблицы, графа, дерева, карты, атласа, базы данных и т. п.

Из чего же может состоять мир (включая хаос и космос) в лингвистике?

Типичные виды исходных универсумов в лингвистике — это:

I. Универсум языковых явлений.

IA. Общелингвистический универсум.

IA.1. Мир языковой системы.

IA.1.1. Языковая система и ее подсистемы.

IA.1.2. Языковые единицы (безотносительно к их взаимоотношениям).

IA.1.3. Отношения между языковыми единицами (на синтагматической, парадигматической и семиологической осях).

IA.1.4. Члены отношений между языковыми единицами.

IA.1.5. Функции языковых единиц.

IA.1.6. Способы выражения значений.

IA.1.7. Классы языковых единиц.

IA.1.8. Члены классов языковых единиц.

IA.1.9. Языковые структуры.

IA.1.10. Части языковых структур.

IA.1.11. Языковые процессы.

IA.1.12. Логические связи языковых явлений.

IA.2. Речевая динамика.

IA.2.1. Речевые процессы.

IA.2.1.1. Типы и компоненты речевых процессов.

IA.2.1.2. Типы и аспекты речевой деятельности.

IA.2.2. Речевые события.

IA.2.2.1. Типы и компоненты речевых событий.

IA.2.2.2. Типы и компоненты речевых действий.

IA.3. Типы и компоненты речевой способности.

IA.4. Типы и проявления речевого варьирования.

IA.5. Типы языкового функционирования.

IA.6. Типы и компоненты языковых изменений.

IA.7. Типы языковых сходств и различий.

IA.8. Типы исторических отношений между языковыми общностями.

IB. Частнолингвистический универсум.

IB.1. Универсум исторических языковых общностей.

IB.1.1. Языки.

IB.1.2. Надъязыки.

IB.1.2.1. Генеалогические единства (группы, семьи, макросемьи).

IB.1.2.2. Контактные единства (языковые союзы).

IB.1.2.3. Ареальные единства (территориальные множества языков).

IB.1.2.4. Прочие исторические единства.

IB.1.3. Варианты одного языка.

IB.1.3.1. Диалекты (территориальные, профессиональные, сословные).

IB.1.3.2. Исторические этапы языка.

IB.1.3.3. Жанровые подъязыки.

IB.2. Универсум языковых ареалов.

Ареалы распространения языков — это континенты, регионы (в том числе острова, полуострова, горные массивы, бассейны рек и озер, побережья), страны, административные подразделения стран (провинции, республики, штаты, губернии, области, районы, волости); населенные пункты (города, поселки, деревни).

IB.3. Универсум частнолингвистических единиц.

IB.3.1. Знаковые единицы.

IB.3.1.1. Лексические единицы.

IB.3.1.1.1. Слова и их варианты (семантические и формальные).

IB.3.1.1.2. Фразеологизмы разной протяженности и их варианты (семантические и формальные), в том числе

паремии (пословицы, поговорки, загадки, крылатые слова и выражения, ходячие афоризмы).

ІВ.3.1.2. Морфологические единицы

ІВ.3.1.2.1. Знаменательные морфологические единицы

ІВ.3.1.2.1.1. Основы.

ІВ.3.1.2.1.2. Корни.

ІВ.3.1.2.2. Грамматические (служебные) морфологические единицы.

ІВ.3.1.2.2.1. Форманты (флексии) и их эквиваленты.

ІВ.3.1.2.2.2. Аффиксы и их эквиваленты.

ІВ.3.1.3.1. Конструкции.

ІВ.3.1.3.2. Синтаксические конструкции.

ІВ.3.1.3.3. Лексико-синтаксические конструкции.

ІВ.3.1.4. Иероглифы (цифры и другие идеографические символы).

ІВ.3.2. Фигуры плана выражения.

ІВ.3.2.1. Фонемы.

ІВ.3.2.2. Варианты фонем.

ІВ.3.2.3. Буквы.

ІВ.3.2.4. Слоги.

ІВ. Универсум речевых событий.

ІВ.1. Универсум словесности (множество текстов на некотором языке).

ІВ.1.1. Универсум устной словесности (фольклорный универсум).

ІВ.1.1.1. Памятники фольклора.

ІВ.1.1.2. Сказители.

ІВ.1.1.3. Регионы распространения фольклорной традиции.

ІВ.1.1.4. Даты фиксации данного произведения.

ІВ.1.1.5. Фольклорные персонажи.

ІВ.1.2. Универсум памятников письменности (филологический универсум).

ІВ.1.2.1. Памятники письменности.

ІВ.1.2.2. Внешние субъекты письменной коммуникации.

ІВ.1.2.2.1. Авторы текстов.

ІВ.1.2.2.2. Адресаты текстов (посланий).

ІВ.1.2.2.3. Переписчики текстов.

ІВ.1.2.2.4. Переводчики текстов.

ІВ.1.2.2.5. Комментаторы текстов.

ІВ.1.2.2.6. Рецензенты и критики текстов.

ІВ.1.2.3. Даты филологического характера.

ІВ.1.2.3.1. Дата создания данного текста.

IV.1.2.3.2. Дата публикации данного текста.

IV.1.2.3.3. Дата переиздания данного текста.

IV.1.2.3.4. Дата перевода данного текста.

IV.1.3. Универсум высказываний.

IV.1.3.1. Высказывания.

IV.1.3.2. Авторы высказываний.

IV.2. Универсум вхождений речевых знаков-экземпляров (tokens).

IV.2.1. Универсум вхождений двусторонних знаков-экземпляров.

IV.2.2. Универсум мыслей-представлений.

IV.2.2.A. Универсум вхождений референтов (фиксируемый, в частности, указанием страниц, на которых упомянуто некоторое лицо или географический объект).

IV.2.2.B. Универсум референтов (фиксируемый, в частности, в энциклопедиях и других источниках знаний о мире).

IV.2.3. Универсум звучаний-представлений (произнесений и написаний).

IV.2.3.A. Универсум вхождений сигналов (фиксируемый, в частности, указанием страниц, на которых встречается данное написание или звучание).

IV.2.3.B. Универсум сигналов.

II. Универсум собственно лингвистики.

II.1. Лингвисты (как профессионалы, так и совместители).

II.2. Лингвистические школы и направления.

II.3. Лингвистические кружки, общества, ассоциации и т. п.

II.4. Места, где протекает деятельность лингвистов: континенты, страны, провинции, населенные пункты.

II.5. Учреждения, где протекает деятельность лингвистов.

II.5.1. Научные: академии, институты (соотв. отделы, секторы... и т. п.).

II.5.2. Учебные: университеты, вузы (соотв. кафедры...).

II.5.3. Прочие учреждения, где работают лингвисты (педагогические, лечебные, правоохранительные и т. п.); ведомства; редакции; фирмы и т. п.

II.6. Универсум лингвистических работ.

II.6.1. Памятники лингвистической и прелингвистической (филологической, фольклорной, диалектографической) деятельности. К ним относятся: грамматики, словари, критические издания памятников, словарные картотеки и т. п.

II.6.2. Даты.

II.6.2.1. Даты создания лингвистических работ.

II.6.2.2. Даты публикации лингвистических работ.

II.6.2.3. Даты переизданий лингвистических работ.

II.6.2.4. Даты перевода лингвистических работ на иностранные языки.

II.6.3. Цитирование памятников лингвистической мысли.

II.6.3.1. Ссылки на памятники лингвистической мысли.

II.6.3.2. Лингвистические работы, содержащие ссылку на данный памятник лингвистической мысли.

II.6.3.3. Даты публикации лингвистических работ, содержащих ссылки на данный памятник лингвистической мысли.

II.6.3.4. Авторы лингвистических работ, содержащих ссылки на данный памятник лингвистической мысли.

III. Мир лингвистических моделей.

III.1. Описания языков (словари, грамматики и т. п.)

III.2. Описания речевых отрезков: транскрипции, хрестоматии текстов, издания памятников, продукты транскрипции и транслитерации, переводы текстов, фонетические сонограммы, комментарии и глоссы к темным местам, формальные представления текстов в виде морфологических и синтаксических «разборов», синтаксических графов (в частности, деревьев зависимостей и составляющих), цепочки трансформационного вывода, толкования отдельных примеров и т. п.

III.3. Описания языковых единиц: словарные статьи, правила, законы, фиксация исключений к правилам и т. п.

В целом внутри класса III (модельных объектов) выделяются многочисленные подклассы объектов, прямо корреспондирующие с объектами класса I. Отличие состоит в том, что объекты класса I («материальное» в лингвистике) первичны, т. е. существуют в долингвистическом мире (до и независимо от лингвистов и их деятельности), тогда как объекты класса III (модели, воплощающие «идеальное» в лингвистике) вторичны, т. е. они суть плоды интеллектуальной деятельности лингвистов. Что касается объектов класса II, то они не относятся ни к онтологии, ни к модельным объектам, так как они образуют мир субъектов познавательной деятельности: это сами (отдельные) лингвисты, их сообщества, их места работы и т. п.

§3. Способы систематизации в металингвистике

Основные способы упорядочения этого первозданного хаоса и представления его в виде некоторого организованного космоса

хорошо известны. К ним относятся, в частности, следующие виды упорядочения.

1. Алфавитное упорядочение. Оно применяется почти ко всем категориям вышеперечисленных объектов (кроме дат).

Разновидностями алфавитного упорядочения является прямое и обратное (обратное применяется обычно к множествам слов или морфологических единиц).

2. Тематическое упорядочение. Оно основывается на некоторой заранее известной смысловой классификации и иерархизации инвентаризуемых единиц. На этом основаны не только тезаурусные словари естественных языков, но и, например, перечни языков в соответствии с их генеалогической принадлежностью или перечни звуков, упорядоченных по месту образования (а в индийских алфавитах и отчасти в некоторых других на фонетическом принципе основан и самый алфавитный порядок букв).

3. Хронологическое упорядочение. Оно возможно для дат появления письменных памятников, дат публикации лингвистических работ и т. п.; но также и для иерархизации самих лингвистов при упорядочении их биографий по датам жизни.

4. Квантитативное (статистическое) упорядочение (классический пример — упорядочение словарных статей в частотных словарях). Оно позволяет продемонстрировать иерархизацию объектов от часто упоминаемых к редко упоминаемым. Обычно объектом статистической иерархизации становятся слова, но можно себе представить также металингвистическую иерархизацию, например, самих лингвистов и их произведений по степени цитируемости.

Любой из перечисленных способов упорядочения может осложняться гнездованием, когда некоторое подмножество инвентаризуемого множества занимает одну из позиций, аналогичную другим позициям расстановки объектов; а внутри гнезда может применяться некоторый подчиненный способ упорядочения, не обязательно совпадающий с принципом построения словаря в целом.

5. Речевое (синтагматическое упорядочение). Линейный порядок фиксации инвентаризуемых единиц в модели иконически отображает хронологический (линейный) порядок их появления в тексте (в письменных текстах хронологический порядок выступает в виде геометрического: ср. выражения «выше», «ниже», «ПОДпись», «НАДзаголовок», «ПОДзаголовок» и т. п.). Так устроены транскрипционные и транслитерационные записи, пословные морфологические разборы, оглавления и т. п. Синтаксическая запись

составляющих в виде скобочной нотации может тоже полностью сохранять линейный порядок составляющих.

6. Частичное введение двумерной диаграммы там, где исходный объект линейен. Так устроены деревья синтаксического разбора и вообще многие виды формальных репрезентаций синтаксических и семантических структур речевых отрезков. Иерархии в деревьях зависимостей отражают синтагматическое главенство (подчинение, слуга, хозяин), иерархии в деревьях составляющих отражают отношение вхождения более мелкой единицы в состав более крупной («вышние» единицы состоят из «низших»).

7. Чисто двумерная диаграмма. Так устроены классификационные деревья (ср. древо Порфирия, генеалогические классификации языков), многие семантические графы; разнообразные таблицы и т. п. Иногда двумерная диаграмма обладает высокой степенью иконичности; так, трапецевидные и треугольные таблицы гласных и согласных обычно основаны (в конечном счете) на крайне схематичном изображении фокуса или, шире, места образования звука.

С логической точки зрения классификации могут быть основаны либо на древовидном, либо на универсальном принципе; реально распространена также комбинированная классификация объектов. Примеры чисто древовидных классификаций — генеалогическая классификация. К универсальным классификациям тяготеет современная (сепировская и более поздняя) типология. Как древовидная, так и универсальная классификация допускает табличное представление; но древовидное представление древовидной же классификации является более наглядным.

Так называемый тематический порядок всегда отражает ту или иную классификацию объектов (например, артикуляторную классификацию согласных; смысловую классификацию знаков (слов, морфем); генеалогическую классификацию языков; хронологическую последовательность (например, создания изучаемых текстов; публикаций лингвистических работ или дат жизни лингвистов)). Перечень объектов одного класса не должен перемежаться упоминаниями объектов, чужеродных для этого класса. Внутри одного класса упорядочение может быть отнюдь не тематическим, а, например, алфавитным.

Весьма распространены в лингвистике диаграммы в виде блок-схем. Они наглядно изображают отношения между предполагаемыми механизмами центральной нервной системы, между участками памяти, ответственными за переработку речевой информации, между участниками коммуникации, между языковыми подсистемами («модулями») и др.

§4. Беспорядок в систематизации как отражение онтологического беспорядка

Беспорядок в классификациях может идти от субъекта познания, однако чистые случаи такого рода не представляют особого методологического интереса. Гораздо интереснее беспорядок, идущий от самого объекта.

Мир реальных объектов противится систематизации. Так, при попытках систематизировать языковые единицы мы постоянно сталкиваемся с наличием промежуточных, переходных, гибридных и внутренне противоречивых явлений. При попытках строгой формальной репрезентации речевых отрезков разбору мешают разного рода вставки инородных (чужеродных) элементов в состав этих отрезков. Обычно для правил обнаруживаются исключения. При попытках систематизировать явления, составляющие историю языкознания, мы вынуждены втискивать живые факты в те или иные схемы, неизбежно огрубляющие историческую действительность (такова практика выделения школ и направлений в лингвистике).

Представляется, однако, преждевременным делать из этого пессимистические выводы о пределах металингвистической познавательной деятельности. Следует помнить о неизбежной исторической относительности любых металингвистических систематизаций и о том, что неукротимое стремление к систематизации языковых и лингвистических явлений, сегодня кажущихся хаотичными, заложено в самой природе лингвиста. Пока продолжают появляться лингвисты, будут появляться все новые и новые попытки систематизации языковых и метаязыковых фактов.

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ (БЕС)ПОРЯДОК

I

Порядком можно считать различные ситуации: 1) там, где можно найти связь между элементами, 2) там, где можно найти начало, 3) там, где можно найти начало и конец. Хаос труднее определить. Одни считают, что это отрицательная беспредельность. Другие подчеркивают, что хаотичными системами являются те, в которых произвольно небольшая разница в начале может произвести произвольно большую разницу в последующих состояниях [Blekburn 1999: 149–150]. Третьи утверждают, что хаос — явление самоорганизующееся [Поздняков 1998: 47]. К хаосу можно более радикально подойти и сказать, что нет настоящего хаоса — есть только иллюзия хаоса, существует только гармония и дисгармония и можно говорить о мнимом беспорядке (мыслимом хаосе и мире как представлении о хаосе). Беспорядок является относительным понятием: хаосом часто провозглашается то, что нельзя полностью или частично осознать. Более мягкий подход подчеркивает, что в системе нет хаоса, он может существовать только в ее реализации (в речи). Некоторые теории особенно тесно связаны с проблематикой (бес)порядка в языке, в первую очередь теория хаоса, кибернетика, теории игры (Game Theory), теория катастрофы (Theory of Catastrophe), теория мира Витгенштейна, китайское учение Инь-Ян и релятивистская теория тяготения Альберта Эйнштейна. Современное научное естествознание утверждает, что не существует фундаментальных законов формирования хаоса — в природе действуют только детерминированные законы формирования порядка [Там же: 4]. Основными элементами хаоса является неопределенность, энтропия, разнообразие, выбор, вероятность. Теоретически ни одна система не застрахована от хаоса.

В философии вплоть до XX столетия господствовал логоцентризм, который подчеркивал онтологический приоритет порядка. В ней ведущее место занимала телеология (финализм) — учение, согласно которому все в природе устроено целесообразно и всякое развитие является осуществлением заранее predetermined целей¹. Но со второй половины XX века ситуация радикально меняется появлением синергетики, исходным пунктом которой является хаос. В центре внимания этой научной области — самоорганизация в

¹ Телеология — изучение целей и назначения вещей.

системах и самопроизвольное усложнение системы. Поэтому она еще называется теорией самоорганизации. Порядок и хаос рассматриваются как явления (1) самоорганизующиеся и (2) саморазвивающиеся. Благодаря самоорганизации порядок самопроизводится и совершенствуется. Центральный вопрос синергетики гласит: как хаос превращается в порядок². В языкознании заметна установка на изучение порядка, что вообще характерно для всей классической науки³. Язык является стационарной и динамической системой. Язык как динамическая система отличается от природных динамических систем типа климата или крана с протекающей водой. Климат или вода являются самоорганизующимися системами, в то время как язык — самоконтролирующая система. Самоконтроль, саморегуляция, самоуправление — это существенные черты порождения языка: мозг постоянно следит за речью, делает коррекции и не позволяет хаосу брать верх и расширяться. У климата нет такого контрольного центра. Известно, что выбор одного ошибочного решения приводит к цепи ошибочных исходов. Рефлексивная корректура тормозит языковой хаос в самом зарождении. Язык функционирует под строгим надзором, который уже при первом выборе не позволяет зарождения хаоса, поэтому для языка не годятся магические цифры Файгенбаума⁴ (в первую очередь потому, что если хаос и зарождается, то это происходит сразу, а не после тысяч дублирований).

Вторая отличительная черта языка как динамической системы — наличие горизонта предсказуемости: в языке с каждым шагом порог вероятности увеличивается. Чем больше мы идем к концу текста, тем он становится все более прозрачным. В стохастических (случайных) процессах нет горизонта предсказуемости или он минимален. В общем, язык может вызвать динамический, а не статический хаос.

² Приведем один пример. В московской станции метро «Профсоюзная» при выходе на трех дверях висели три надписи: ДУМАТЬ, ПОНЯТЬ, ПОЗНАТЬ (на «Боровицкой» только УВИДЕТЬ И ВЕРИТЬ). Поток людей, который проходит через эти двери, выглядел хаотичным, но явно в нем существовала самоорганизация. Никто из пассажиров не выбирал дверь, исходя из надписи на ней, все руководствовались другими критериями, в первую очередь — как можно легче и быстрее выйти из метро. Происходил неутилитарный выбор, т. е. выбор, который не давал ничего пользователю, но поощрял самоорганизацию или же не вызывал хаос.

³ Редкими являются работы, содержащие в заголовке данную тему, как, например, статья Р. Г. Пиотровского [1995].

⁴ Файгенбаум определить критическую точку, в которой происходит хаотичное состояние. Это 3.5699... Он показал, что каждое последующее расстояние меньше за одну четверть предыдущего, т. е. стремится к постоянной в $1/4.669201...$

Ответ на то, как зарождается хаос, дает теория хаоса и синергетика, а фрактальная геометрия наглядно показывает беспорядок⁵. Если мы одну систему представим при помощи «ансамбля репрезентативных точек» и «ансамбля траекторий» в начальном моменте, можно с большой надежностью предвидеть ее дальнейшее движение [Mitrović 1993: 119]. Результаты исследований показывают, что хаос зарождается по принципу удвоения. Такое разветвление называется бифуркацией, а вся последовательность ответвлений бифуркационным деревом. Прогрессивное умножение ведет к бесконечному числу ответвлений; так и начинается хаос. Математическая модель перехода из порядка в хаос называется сценарием Файгенбаума (Feigenbaum-Szenario). Поведение хаотической системы представляется при помощи фрактальных фигур. Филигранные края этих картинок являются границами перехода к хаосу. Фракталы отражают спонтанный повтор локальных образцов, что приводит к установлению порядка на глобальном уровне. Фрактал как мера упорядоченности хаоса дает возможность при помощи простого повтора образца создавать формы высокой степени комплексности [Ibid.: 113]. В рамках фрактала выделяется репликатор — самовоспроизводящаяся единица информации, способная создавать свои более или менее точные копии, конкурируя с другими репликаторами. Репликатор служит субъектом, инициатором самоорганизации [Пойзнер, Шульга, Шулепов 1998: 43]. В биологии репликаторами являются гены, в социуме — мемы. В языке тоже можно говорить о такой единице и назвать ее лингвогеном; он самопроизвольно повторяет кодовые, системные категориальные характеристики (род, число, падеж, лицо и т. п.).

Существуют два типа дублирования — дублирование, которое ведет к хаосу (хаотическое дублирование), и дублирование, которое является запрограммированным (кодовое дублирование). Хаос возникает, если дублируются неадекватные, неправильные и противоречивые решения. Стимул к его зарождению дают помехи. Дублирование в языке имеет различные названия: повтор, повторение, редупликация, удвоение, геминация, кореференция, тавтология, плеоназм. Контроль за речью не позволяет повторять то, что может вызвать хаос, например темы или ремы, подлежащего или сказуемого, глаголов, предлогов и т. п. Граф в схеме 1 является универсальным способом формализации, так как он может изображать: 1) необратимость процесса и зарождение хаоса (стрелка в правую сторону: →), 2) необратимость процесса и организацию выбора (стрелка в левую

⁵ Фракталь, фрактальная геометрия — связь между правильным и хаотическим движением в динамических системах.

сторону: \leftarrow), 3) обратимость процесса (двунаправленная стрелка: \leftrightarrow). Вертикальная локализация представляет отношение «поверхностная структура \rightarrow глубинная структура». Обратная локализация (за 180 градусов) указывает на противоположный процесс — переход глубинных структур в поверхностные. Не случайно, что такую формальную универсалию использовал Ноам Хомский (правда, только в одной позиции — вертикальной) для формализации общей грамматики и порождающей теории языка.

II

Языковые отношения являются очень сложными, комплексными и разнообразными. Некоторые утверждают, что они настолько запутанны, что практически невозможно их рассмотреть и перечислить, чтобы добиться желаемой власти над ними. В корреляционной сети идет постоянная борьба порядка с беспорядком, которую трудно осознать из-за разнообразия отношений. В этот корреляционный космос пока не зашел ни один лингвист⁶. Кажется даже, что невозможно туда войти, чтобы не запутаться.

⁶ На наш взгляд, существует пять лингвистических подходов и пять типов исследователей. К основным подходам относится конструкция, реконструкция, деструкция, проскрипция и дескрипция. Цель конструкции — создание новой модели, теории или открытие закономерности. Этот подход является, пожалуй, самым трудным и самым творческим. В реконструкции проводится модификация существующих моделей, теорий, законов, принципов. Деструкция представляет собой отрицание результатов и выдвижение новых решений (положительная деструкция) или критика без предложений (отрицательная деструкция). Проскрипция стремится предписать какую-нибудь модель в качестве всеобязывающей. Дескрипция преследует цель описать существующее состояние.

Формальные модели языка сводятся к пяти основным фигурам: конусу, треугольнику, парашюту, дереву и сфере. Конус представляет собой форму сужения языковых феноменов в одну точку — вершину конуса. Треугольник состоит из трех компонентов, парашют представляет собой систему перспектив, дерево — фигура, при помощи которой моделируются отношения порождения языка, сфера является системой отношений, в которой все члены равноправны и все взаимосвязаны. Соответственно существует шесть типов исследователей, которые условно (метафорически) можно назвать «унитаристами», «биполярниками», «триколорниками», «парашютистами», «водолазами» и «инопланетянами». «Унитаристы» сводят все существующее в языке к одному. Типичным примером являются монофункционалисты, утверждающие, что язык выполняет только одну функцию — коммуникативную. Сюда также можно отнести поиск семантических примитивов, последнего концепта и слова («смелое» конусирование). «Биполярники» находят и/или выделяют в языке двучленные (бинарные) оппозиции (Роман Якобсон). «Триколорники» видят в языке только три «цвета», например человека — среду — языковой знак, денотат — сигнификат — знаки и т.п. (типичные представители — семиотики). Для «парашютистов» языковые отношения являются спле-

В мире корреляций действует закон воронки: из множества информации, которое воспринимается органами чувств, в мозг попадает лишь небольшая часть⁷. В мозгу существует бесконечное количество связей, но при кодировании и декодировании речи процесс течет лишь в определенных направлениях. В исследованиях языковых отношений лингвисты идут только по проверенным путям, создавая шаблон в мышлении и их представлении. Чтобы полностью осознать эту сеть, необходимо выйти из шаблона, покинуть заданную тропу и своеобразную «языковую тюрьму», сменить «теоретические очки» и вступить в запутанный и трудно осознаваемый мир корреляций.

В языке существуют четыре доминанты — формы, значения, категории и функции, которые вступают во взаимные связи и образуют глобальную сеть отношений — корреляционал. Он является самым широким, целостным и комплексным множеством отношений единиц гипер- и гипоклассов. Система корреляционала организована по принципу «матрешек», в каждой из которых находится определенная подсистема. Его макросегментами являются моно-, поли-, интра-, экстра- и паракорреляционал. Монокорреляционал представляет собой системную связь единиц одного языкового уровня, например морфологического. Поликорреляционал охватывает межуровневые отношения (например, лексико-грамматические). Эти макросистемы далее членятся на субструктуры типа проекционала, экстра-, интер-, интра- и паракорреляционала. Экстракорреляционал составляют отношения единиц различных гиперокатегорий (например, глагола и существительного). Интеркорреляционал охватывает связи единиц одной и той же гиперкатегории, но различных гипокатегорий (например, времени и вида). Интракорреляционал — это система отношений внутри одной гипокатегории (например, корреляция настоящего и будущего времени). Паракорреляционал содержит связи языка и других кодовых систем. Особым типом является категориал — совместимая корреляция языковых единиц гипо- и гиперклассов.

Корреляционал представляет собой совокупность элементов, вступающих во взаимную связь, образующих ряд подмножеств. Таковыми являются 1) открытые (бесконечные) и закрытые (замкнутые,

тением различных перспектив [Тошовић 2001]. «Водолазы» ныряют в языковые глубины (самый яркий пример — генеративисты). «Инопланетяне» смотрят на язык как на космос отношений.

⁷ Сетчатка глаза отправляет в мозг всего 2–3% полученных сигналов [Земан 1966: 171].

предельные), 2) исчисляемые и неисчисляемые (пространство), 3) четкие и нечеткие, 4) упорядоченные и неупорядоченные, 5) правильные и неправильные, 6) линейные и нелинейные подмножества. Закрытые множества тяготеют к порядку, открытые создают условия для появления хаоса. В системе, в которой увеличивается число исходов или решений, растет энтропия, неопределенность, разнообразие и, следовательно, хаос. Основа хаотичности — обилие членов отношения; основа ее нейтрализации — сокращение количества членов и/или их специализация (выбор только нескольких отношений). Каждая система имеет особый набор и количество коррелятов. Существуют микрокосмические и макрокосмические корреляционалы. Микрокосмическими являются, например, химические структуры (элементы), состоящие из атомов (ядро, электрон, позитрон, фотон), молекул и их соединений (атомы состоят из ядра, электронов, позитронов, нейтронов, фотонов...). Макрокосмическую систему образует Вселенная (звездную систему составляют различные таксоны: спутники, планеты, звезды, галактики, мегагалактики, кометы, межзвездные вещества, квазары, пульсары, туманности и т. д.)⁸. Система органического мира имеет другие таксоны: виды, роды, подсемейства, семейства, отряды, порядки, классы, типы, отделы, подцарства, царства⁹. Что касается языковой системы, можно выделить четыре элементарных таксона: форму, значение, функцию и категорию. Трудно сказать, сколько точно существует языковых единиц, в первую очередь лексических. Их количество в одном языке, наверное, не превышает миллиона (словари отражают лишь ограниченную часть). Но если объединить слова всех языков и их разновидностей (диалекты, жаргоны и т. п.), то их можно исчислять в миллиардах. В русском языке закрытыми множествами являются графическая система (30 букв), фонетическая система (33 звука), фонологическая система (42/43 фонем), деривационная система (число приставок, суффиксов и окончаний — сотни, инфиксов и постфиксов — десятки)¹⁰. Частеречный корреляционал содержит два типа множеств: а) закрытое множество — местоимения, числи-

⁸ Гигантские галактики содержат более 100 миллиардов звезд. Общее число звезд 10^{19} . Число звезд в мегагалактике не менее 100 миллиардов. В мегагалактике существуют миллиарды планет.

⁹ Эта система насчитывает около 2 миллионов видов животных (некоторые говорят о 1,3–1,5), в том числе 11 046 насекомых, 8600 птиц, 3500 млекопитающих и т. д.

¹⁰ Словообразование постоянно балансирует между системностью и беспорядком [Зеевальд 1994].

тельные, союзы, междометия, предлоги, частицы (возможны единичные случаи нарушения замкнутости) и б) открытое множество, куда относятся существительные, прилагательные, глаголы, наречия. В русском языке существует 12 падежных форм (шесть в ед. ч. и шесть во мн. ч.) и шесть конъюгационных (три в ед. и три во мн. ч.). На других языковых уровнях открытыми множествами являются: а) лексическая система (сотни тысяч единиц), б) фразеологическая система (десятки тысяч), в) синтаксическая система (три синтаксемы — слово, словосочетание, предложение — и неограниченное число синтаксических форм), г) текстуальная система (неограниченное число единиц).

Существуют парадигматические, субстанциональные и корреляционные формы. Корреляционные формы — это все формы, несмотря на их уникальный или неуникальный характер. Субстанциональные формы — уникальные формы, которые не повторяются ни в какой парадигме. Парадигматические и субстанциональные формы образуют закрытые множества. Парадигматические формы представляют собой общий набор неуникальных форм в конкретном языке. Так как одно слово имеет ограниченное число формальных вариаций, словоформы¹¹ образуют закрытое множество. Но потенциальная вариантность, нарушение норм и наличие отступлений делает эту систему открытым множеством.

Категориальные системы представляют собой закрытые множества и поэтому не тяготеют к хаотическому состоянию. Число морфологических категорий варьирует в различных языках, скажем, в русском существует три рода (не считая общий род), два числа, шесть падежей, три склонения, два вида, три времени, две степени сравнения и т. д.

Корреляционные множества могут быть линейными и нелинейными. Линейные возникают в синтагматических связях, нелинейные — в парадигматике. Линейность подразумевает последовательную организацию единиц, поэтому она больше тяготеет к порядку. Ее нарушение может вызвать беспорядок, нелинейность создает условия для образования хаоса.

Названия «четкие и нечеткие корреляционные множества» сами по себе указывают на их предопределенность (космическую или хаотичную). Четким множеством можно считать совокупность, в которой легко распознаются его конституенты и их отношения. Нечеткое множество содержит явные и скрытые члены.

¹¹ Под этим понятием имеется в виду данное слово в данной грамматической форме, конкретная грамматическая форма определенного слова (wordform).

Например, система падежей является упорядоченной, в то время как семантическая система отличается «космичностью» (космогонностью) и хаотичностью, т. е. имеет двойной характер.

Правильные и неправильные корреляционные множества охватывают единицы, объединенные по определенному эталону, образцу. Они тоже имплицитно космическое или хаотичное начало. Интракатегориальное существование множеств можно считать порядком, в то время как любая экстракатегориальная экспансия одной категории за счет другой нарушает баланс и, таким образом, вызывает ту или иную форму хаотичности. Например, просторечие как неправильное множество не является беспорядочной системой для членов социума, которые его воспринимают как закономерность, но экстракатегориальное употребление (= расширение) просторечия ведет к бифуркации, т. е. к критическому состоянию, приводящему к хаосу.

В языке, как и в природе, действует закон тяготения. Силы взаимного притяжения ярко проявляются в соотношении центра и периферии. Они могут иметь центростремительный и центробежный характер. Корреляционал — огромное гравитационное поле. Так, в частеречном корреляционале существуют две «планетарные» системы — вербальная и субстантивная. Спорным является вопрос, является ли он моноцентрической или бицентрической системой¹². Если считать моноцентрической, то он имеет или вербо- или субстантоцентрический характер. Каждая из этих частеречных «планет» содержит определенное число спутников: вербальная — наречия, субстантивная — местоимения, прилагательное, числительные, предлоги, а также «межзвездные вещества» (союзы, частицы). Как и в космосе, в языке нет одной звезды, вокруг которой расположены все остальные, точнее, в корреляционале отсутствует центральное тело¹³. Космическую и языковую систему объединяют и другие таксоны. Так, и в языке можно искать туманности, черные дыры, пульсары и т. п. К языковым таксонам относится то, что бесспорно характерно для звездных систем: существенна не количественная, а качественная разница в характере подчинения и соподчинения членов. Общей является и категория бесконечности. Но несмотря на такие сходства, в язы-

¹² В космологии спор имеет другой характер: что является центром Солнечной системы — Земля (геоцентризм) или Солнце (гелиоцентризм).

¹³ О центральной точке можно говорить, лишь если иметь в виду корреляционную сферу, в центре которой пересекаются все внутри ориентированные направления.

кознании нет большого количества примеров соотнесения языка с космосом, есть только единичные выражения типа *слово-сателит* (синоним данного слова, примыкающий к нему как к доминанте в данном лексико-стилистическом ряду или поле [Ахманова 1966]).

Основным и исходным способом формализации корреляционного порядка является сфера, так как она представляет собой совершенное и идеальное геометрическое тело, все точки которой находятся на одинаковом расстоянии от центра, т. е. создают условия для равноправного рассмотрения всех отношений. Примером такой формализации является частеречный корреляционал, представляющей собой симметрию десятого порядка (имеет 10 таксонов).

Определенные процессы играют особенно важную роль. Сюда в первую очередь относятся обратимые и необратимые процессы. В некоторых случаях в языке действует второй закон (принцип, начало) термодинамики или термодинамическая необратимость (обратная связь; *feed-back*)¹⁴. Этот закон касается открытых и закрытых систем: в замкнутых системах энтропия возрастает, а в открытых (которые могут обмениваться энергией или веществом с окружающей средой) она может оставаться постоянной или даже убывать. Самым ярким примером действия второго закона термодинамики и необратимости процессов в языке является время, так как оно протекает только в одном направлении: от прошлого (теплого) к будущему (холодному). Стрелка времени всегда направлена в эту сторону, причем (1) неупорядоченность (энтропия) увеличивается от прошлого к будущему, (2) происходит расширение во времени (универсума), (3) каузальная эффективность действует только в одном направлении, так как будущие события не могут влиять на прошлые события (см. обратная каузальность), (4) можно вспомнить прошлые события, но нельзя или можно с трудом вспомнить, те которые непосредственно произошли, (5) можно изменить будущее, но нельзя изменить прошлое [Bleakburn 1999: 409–410]. Из-за облигаторности темпорального направления возникает асимметрия между прошлым и будущим. Например, невозможно конвертировать временные планы типа: *Он прочитал книгу* → *Он читает книгу*. Необратимым процессом является порождение речи — сказанное невозможно вернуть (слово как

¹⁴ Его суть состоит в необратимости процесса: теплое тело может самопроизвольно стать холодным, но не наоборот, точнее, невозможно провести процесс, единственным следствием которого был бы переход теплоты от более холодного к более нагретому. Иными словами, необратимые процессы (процессы, связанные с теплообменом, трением, диффузией газов) могут самопроизвольно протекать только в одном направлении.

брошенный камень). С физической и кибернетической парной категорией обратимости/необратимости соотносятся некоторые языковые парные категории, в первую очередь транзитивность/нетранзитивность и рефлексивность/нерефлексивность. Транзитивные отношения являются обратимыми (если предмет А находится в отношении к предмету В и В находится в отношении к С, то А находится в отношении к предмету С). В них можно менять направление: *Иван (А) — брат Петра (В), Петр (В) — брат Андрея (С), Иван (А) — брат Андрея (С)*. Обратимость существует в отношениях типа *больше — меньше, дальше — ближе, раньше — позже, выше — ниже, равно, подобно, севернее — южнее* и т. п. Нетранзитивные отношения обладают обратной зависимостью и поэтому являются необратимыми: *Иван (А) — отец Петра (В), Петр (В) — отец Андрея (С)*. Но нет: *Иван (А) — отец Андрея (С)*. В общем, функциональные или однозначные отношения являются необратимыми: каждому члену соответствует лишь одно единственное значение. На необратимость не влияет расширение множества (отец может иметь несколько детей). Рефлексивные отношения выступают как обратимые процессы (любой элемент определенного множества находится в отношении к самому себе). Их разновидностями является равенство, одновременность, сходство и т. д. Нерефлексивность относится к необратимости, так как для любого элемента множества неверно, что оно находится в отношении к самому себе: если 3 меньше 4, это не значит, что 3 меньше 3 и 4 меньше 4. Закон необратимости не допускает конверсию субъектно-объектных отношений: *Ученик читает книгу* → **Книга читает ученика*. Из-за превращения однонаправленных отношений в разнонаправленные может возникнуть хаос.

Одним из самых интересных «(бес)порядочных» феноменов является так называемый эффект бабочки (Schmetterlingseffekt)¹⁵: удар крылом бабочки в Бразилии (из-за хаотической динамики погодных процессов) в состоянии вызвать торнадо в США. Здесь возникает вопрос, существует ли в языке бабочка, которая может создать ураган в языке? Например, может ли произнесенное слово в Америке вызвать ураган в Европе? Или: если *Иван* заговорит в Иркутске, начнет ли говорить *Петр* в Смоленске? Так как технические средства (например, телефон) это легко позволяют, надо по-другому задать вопрос: если *Иван* заговорит в Иркутске, сможет ли автономно заговорить *Петр* в Смоленске? Но лучше было бы спросить: может ли произнесение слова в *Иркутске* повлиять

¹⁵ Его открыл Н. Лоренц в 1962 г.

на произнесение слова в *Смоленске*? Нам не известны примеры в языке такого радикального проявления «эффекта бабочки» (если они существуют, то, скорее всего, не являются важными для общего процесса).

В корреляционном выделяются равноправные и неравноправные отношения (конъюнкция и дизъюнкция; координация и субординация). Равноправные отношения порождают корреляционную изотропию. Существуют также потенциальные направления (например, транспозиция настоящее → прошедшее, настоящее → будущее, прошедшее → будущее, будущее → прошедшее), реальные направления (настоящее → прошедшее) и нереальные направления (прошедшее → настоящее). Некоторые корреляционные операции благоприятствуют созданию хаоса. К таковым относятся асимметрический дуализм, транспозиция (центростремительная и центробежная) и субституция.

И последнее: для выражения корреляционного (бес)порядка используется своеобразная лексика. Концепты «порядок» и «беспорядок» выражаются различными словами, но в такой лексике выделяются три группы: одна из них полностью или преимущественно ориентирована на порядок, вторая на беспорядок (звездочка обозначает парность), третья занимает промежуточную позицию. Первую группу образуют слова, которые, как правило, связаны только с порядком (*баланс, гармония, закономерность, идентичность, иерархичность, космос, логичность, надвжность, негэнтропия, нормативность, облигаторность, определенность, организованность, правильность, предопределенность, предсказуемость, пропорциональность, равновесие, регулярность, симметричность, синхронизация, систематичность, совместимость, согласованность, упорядоченность, уравнишенность, ясность* и т. п.). Вторую группу составляют лексемы, которые в основном соотносятся с беспорядком (*анархия, бесконечность, беспорядок, дезорганизация, дисбаланс, нелогичность, ненадежность, неопределенность, неправильность, непредсказуемость, неравновесие, неразбериха, нерегулярность, несистемность, нестабильность, неточность, неупорядоченность, неясность, ошибочность, переполох, случайность, суэта, суматоха, сутолока, факультативность, хаос, энтропия* и др.). В третью группу входят слова промежуточной семантики, т. е. слова, больше связанные с порядком (*безальтернативность, вероятность, пропорция, старое*) или же с беспорядком (*выбор, дисгармония, напряжение, новое, отступление*). Чтобы выяснить, какой сигнификат — порядок или беспорядок — преобладает, необходимо провести более широкое исследование.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Зеевальд 1994 — *Зеевальд У.* Машинный морфо-семантический анализ французского «MORSE». Tübingen, 1994.
- Земан 1966 — *Земан И.* Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. М., 1966.
- Пиотровский 1995 — *Пиотровский Р. Г.* Порядок и хаос в словообразовании // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. № 6. М., 1995. С. 31–33.
- Поздняков 1998 — *Поздняков А. В.* Свойства целостных систем // Порядок и хаос в развитии социально-экономических систем: Материалы второго Всероссийского постоянно действующего научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск, 1998. С. 31–36.
- Пойзнер, Шульга, Шумелов 1998 — *Пойзнер Б. Н., Шульга Д. А., Шумелов М. А.* Становление моды как процесс формирования нового порядка в обществе // Порядок и хаос в развитии социально-экономических систем: Материалы второго Всероссийского постоянно действующего научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск, 1998. С. 58–60.
- Blekkburn 1999 — *Blekkburn S.* Filozofski rečnik. Novi Sad; Beograd: Svetovi — Kultura, 1999.
- Mitrović 1993 — *Mitrović D.* Teorija haosa i pravna nauka. Novi Sad: Visio mundi academic press, 1993.
- Tošović 2001 — *Tošović B.* Korelaciona sintaksa. Projekcional. Graz: Institut für Slawistik der Universität Graz, 2001.

О. Ю. БОГУСЛАВСКАЯ

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ МЕСТО В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ¹

Порядок важнее, чем беспорядок,
сколько бы последний не был конге-
ниален нашему ощущению мира.

С. Волков.

«Диалоги с Иосифом Бродским»

0. В русском языке существует довольно много прилагательных, указывающих на место какого-либо объекта в упорядоченной последовательности однородных с ним объектов. Эти прилагательные делятся на две группы.

К первой группе относятся лексемы, описывающие относительное место объекта в последовательности: место относительно другого объекта-ориентира. Эти лексемы объединяются в два синонимических ряда: ряд *следующий 1, последующий, очередной 1* и ряд *предыдущий, предшествующий, прошлый 1*².

¹ В работе обобщаются результаты работы автора над синонимическими рядами СЛЕДУЮЩИЙ и ПРЕДЫДУЩИЙ для третьего выпуска Нового объяснительного словаря синонимов русского языка, а также над рядом БЫВШИЙ, опубликованным во втором выпуске словаря [НОСС 2000]. Эти словарные описания обсуждались на рабочих семинарах Отдела теоретической семантики Института русского языка РАН под руководством Ю. Д. Апресяна. Авторы пользуются случаем выразить свою искреннюю благодарность руководителю семинара и всем его участникам за ценные замечания, высказанные при обсуждении.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-04-00306а, а также Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 00-15-98866.

² Рассматриваемые в статье слова чаще всего многозначны. В дальнейших рассуждениях каждое из них обсуждается только в одном из своих значений. Деление этих слов на значения в целом соответствует предлагаемому в Малом академическом словаре [МАС]. В каком именно значении рассматривается соответствующее слово ясно из приводимых толкований и примеров употребления.

Вторую группу образуют лексемы, описывающие абсолютное место объекта в последовательности относительно ее начала или конца. Это лексемы *первый, второй, третий*³ и подобные, а также прилагательные *последний 1, заключительный и предпоследний*.

Статья посвящена лексемам первой группы.

1.0. Рассматриваемые прилагательные наряду с функцией установления места объекта в последовательности выполняют еще одну функцию: немного добавляя к качественному описанию объекта, они позволяют отличить характеризуемый объект от другого (других), упомянутого ранее или так или иначе подразумеваемого. Это сближает их с анафорическими прилагательными типа *такой и другой*, для которых функция референции является основной.

1.1. Предложим схемы толкования рассматриваемых лексем.

Следующий 1, последующий, очередной 1 'такой, который непосредственно следует за ориентиром в последовательности объектов или явлений'.

Предыдущий, предшествующий, прошлый 1 'такой, который непосредственно предшествует ориентиру в последовательности объектов или явлений'.

Предлагаемые схемы толкования нуждаются в комментариях.

Использование в толковании однокоренных с рассматриваемыми прилагательными глаголов 'следовать' и 'предшествовать' не должно приводить к порочному кругу: эти глаголы можно истолковать через предикат 'располагаться' (семантический примитив) и понятия 'до' и 'после', которые также являются семантическими примитивами. См. список примитивов, например, в [Вежбицкая 1999].

'Следовать' и 'предшествовать' описывают расположение скорее во времени, чем в пространстве. Это соответствует семантике рассматриваемых прилагательных, которые, как будет показано ниже, также имеют в виду в конечном счете временную упорядоченность.

Следовать и предшествовать — трехвалентные предикаты: *X* следует за *Y* в последовательности *P*; *X* предшествует *Y* в последовательности *P*.

Введение в толкование элемента 'непосредственный' также нуждается в комментариях и может вызывать возражения. Этот компонент значения может ослабляться или даже вовсе сниматься в ряде контекстов. Такие контексты специально оговаривают-

³ О семантике этих прилагательных см. [Устинова 1988].

ся и исчерпывающим образом описываются ниже (см. п. 2.3). Однако в подавляющем большинстве случаев эти лексемы указывают именно на непосредственное следование или предшествование.

По признаку непосредственности предшествования или следования рассматриваемые здесь прилагательные противопоставлены таким прилагательным, характеризующим отрезки времени, как *прошедший, минувший, прежний 1, старый 6, истекший* 'такой, который имел место ранее и завершился'. Ср. *Прошедший год был для нас неудачным; Лучше уж хоть на минуту, хоть фиктивно, хоть фальшиво окунуться в век минувший* (В. Аксенов. «Остров Крым»); *Мы в прежние годы были с ним так близки* (В. Набоков. «Камера обскура»); *В старое время в нашей стране часто бывали войны* (А. Волков. «Урфин Джюс и его деревянные солдаты»); *На горизонтальной откладываются последовательно все рабочие дни истекшего месяца, а на вертикальной — количество выпитых граммов, в перерасчете на чистый алкоголь* (Вен. Ерофеев. «Москва — Петушки»).

Прилагательные *прошедший, минувший, прежний 1, старый 6* и *истекший*, в отличие от слов рассматриваемого ряда, указывают на завершенность соответствующего периода, а не на простое предшествование и не предполагают никакой последовательности однородных объектов. Кроме того, они не содержат указания на непосредственное предшествование.

2. Основные смысловые противопоставления, организующие описываемую лексико-семантическую группу

2.1. Характер последовательности. В большинстве случаев характер подразумеваемой последовательности задается именем определяемого существительного: если описывается место какого-то объекта, то подразумеваемая последовательность состоит из подобных объектов, если описывается место отрезка времени, то подразумевается последовательность таких отрезков времени и тому подобное. Таким образом, подразумеваемая последовательность оказывается однородной.

- (1) Я предлагаю, Гуревич, лишить адмирала следующей порции напитка (Вен. Ерофеев. «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора»).
- (2) Андрей смял письмо, выбросил в корзину и взял следующее (А. и Б. Стругацкие. «Град обреченный»).
- (3) Заносишь ногу на очередную ступень, а ступени нет — и нога на мгновение замирает в мертвом пространстве (В. Белов. «Воспитание по доктору Споку»).

- (4) Перечитав телеграмму предыдущую, я понял, что перепутал дни, и от нетерпения ждал ее на день раньше (А. Битов. «Преподаватель симметрии»).
- (5) Во время прошлого царствования Дурново, служивший тогда в департаменте по контрразведывательной части — имел флирт с очаровательной баронессой фон Кишнер (Ю. Семенов. «Непримиримость»).

Прилагательные *последующий* и *предшествующий*, однако, не предполагают обязательно, что подразумеваемая последовательность однородна, и допустимы в том числе и в тех случаях, когда ориентируемое и ориентир относятся к разным классам.

- (6) Мать считала, что в ссорах и во всех последующих несчастьях братьев виноваты были жены, Марьянка и Райка, зараженные мелкобуржуазным мещанством (Ю. Трифонов. «Обмен»).

В параллельном данному тексту (6а) с прилагательным *следующий* ссоры рассматриваются говорящим как разновидность несчастий:

- (6а) В ссорах и всех следующих несчастьях братьев виноваты были жены.

Ср. также характерный пример, в котором *последующий* не может быть заменено на *следующий*, именно потому, что подразумеваемое упорядоченное множество неоднородно: оно состоит из стихов и романов:

- (7) Ваше отношение к юношеским стихам? — Они забыты. Это были эскизы моих же последующих романов (С. Довлатов. «Жизнь коротка»).

Ярлык «неоднородное» используется здесь условно: во всех случаях можно представить подразумеваемое множество как состоящее из однотипных элементов, в данном случае — художественных произведений разных жанров. Существенно, однако, что состав этого множества не задается именем ориентируемого объекта, как это было в предыдущих случаях.

- (8) И отсутствие разнообразия может ощущаться как удовольствие после предшествующих разнообразных неудовольствий (А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»).
- (9) Последний понедельник месяца — день для «скорой», как правило, беспокойный: получка и предшествующие выходные способствуют, так сказать, некоторой рассеянности на производстве (М. Веллер. «Приключения майора Звягина»).

Словосочетания *предыдущие* <прошлые> *выходные* возможны только в контекстах, подразумевающих последовательность

выходных дней, а не последовательность дней недели, как это имеет место в примере (9).

Свойство однородности роднит лексемы *следующий 1, очередной 1, предыдущий, прошлый 1* с анафорическими прилагательными *такой и другой*, которые также предполагают однородность характеризуемого ими множества.

(10) Нет, никогда ничей я не был современник, / Мне не к лицу почет такой (О. Мандельштам).

Подобно тому, как в примере (6) тот факт, что ссоры считаются несчастьями, вытекает из номинации *последующие несчастья*, в примере (10) тот факт, что, по мнению говорящего, быть чьим-либо современником почетно, вытекает именно из факта анафорической номинации. Подробнее см. об этом в [Богуславская, Муравьева 1987; Богуславская 1988; 1991].

2.2. Размер последовательности. Все рассматриваемые прилагательные естественно употребляются в том случае, когда подразумеваемая последовательность содержит не менее двух элементов. Однако рассматриваемые прилагательные по-разному относятся к этому ограничению.

Прилагательное *очередной* наиболее четко выделяется по этому признаку: оно указывает на то, что, по мнению говорящего, упорядоченное множество достаточно велико.

(11) Был какой-то очередной праздник плюс два выходных, — считай, за всю неделю на стройке не положили ни кирпича (В. Белов. «Воспитание по доктору Споку»).

(12) После очередной потасовки Федя стыдил кота: — Опять поддался? (В. Белов. «Рассказы о всякой живности»).

Ср. также прагматически странное:

(13) ?Был очередной редкий праздник
при совершенно нормальном

(14) Жили ожиданием следующего редкого праздника.

Прилагательное *очередной* указывает, кроме того, на то, что ориентируемый элемент множества, по мнению говорящего, не является последним.

(15) С этой мыслью (но почти чувством) садился он писать очередное письмо Джой (А. Битов. «Преподаватель симметрии»).

Этот элемент значения выходит на первый план в контекстах, ориентирующих некоторое событие в прошлом в ряду аналогич-

ных событий, которые повторялись и после описываемого момента в прошлом.

- (16) Как раз лет десять назад Андрей привез из очередной поездки в Москву несколько грампластинок (В. Аксенов. «Остров Крым»).

Несколько отличаются друг от друга в отношении числа элементов подразумеваемой последовательности прилагательные *прошлый* и *предыдущий*.

- (17) В предыдущий раз я приходила сюда зимой

уместно скорее в том случае, когда подразумевается более двух посещений, иначе следовало бы сказать

- (18) В первый раз я приходила сюда зимой.

Однако

- (19) В прошлый раз я приходила сюда зимой

возможно и тогда, когда имеются в виду только два посещения.

2.3. Принцип упорядочения последовательности. До сих пор мы говорили о подразумеваемой последовательности, причем о последовательности упорядоченной, не уточняя, каким образом она упорядочена. Естественно противопоставить два основных принципа упорядочения подразумеваемых последовательностей: временной (имеющий отношение к реальному времени) и конвенциональный, который также может иметь в своей основе временной принцип.

Подразумеваемая последовательность чаще всего бывает упорядочена по временному принципу. Этот принцип упорядочения характерен для всех рассматриваемых прилагательных.

- (20) Для предыдущих поколений любовь к Цветаевой была делом выбора, для нас она заданность (М. Гаспаров. «Записи и выписки»).

- (21) А где твой камердинер Петр? Я его не видел с прошлого августа (Вен. Ерофеев. «Москва — Петушки»).

- (22) Я еще застала время, когда были в силе понятия мирного предшествующего века (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).

Наиболее свободно использует разные принципы упорядочения прилагательное *следующий*. Преобладает и в его случае временной принцип. Ориентиром могут служить время какого-то события, момент речи или момент, о котором идет речь.

- (23) Я стоял злой и ждал следующего трамвая (Д. Хармс. «Старуха»).

- (24) С рассветом они расстались, забыв договориться о следующем свидании (В. Солоухин. «Не жди у моря погоды»).

- (25) В дверях уже маячил следующий кандидат (А. Приставкин. «Городок»).
- (26) По вечерам, когда она уходила к себе домой, или ее отгонял хозяин, Широколобый скучал и думал о следующем утре, когда она появится (Ф. Искандер. «Широколобый»).

В случае пространственного принципа упорядочивания ориентиром служат другие объекты множества. Объекты упорядочиваются от более близких к говорящему к расположенным дальше.

- (27) Следующее купе, смежное с нашим, занимает мать со своей пожилой горничной Наташей и расстроенной таксой (В. Набоков. «Другие берега»).
- (28) Я оглядел ветку, на которой сидел, и заметил, что вершина ее почти упирается в следующую ветку, которая растет метров на пять выше (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема»).

Прилагательное *следующий*, *предыдущий* и — реже — *предшествующий* используются также для указания взаимного расположения объектов, которые упорядочены (и часто пронумерованы) конвенционально; например, страниц книг, комнат в гостинице, домов на улицах, вагонов поезда, букв в алфавите.

- (29) Страница кончалась на этих словах, а следующего листа не хватало (В. Каверин. «Два капитана»).
- (30) — Мой вагон — седьмой. — Значит, я поеду в следующем, у меня вагон номер восемь.
- (31) Всякий человек, говорящий «А», неизбежно произносит и следующую букву (А. Аверченко. «Мартов и Абрамович»).
- (32) Искривленная линзой глазка, как бы слегка скрученная, была видна вся площадка, и даже лестница просматривалась до поворота к предыдущему этажу (А. Кабаков. «Последний герой»).
- (33) Предыдущее <следующее> простое число — девятнадцать.
- (34) Но мистер Куль был, как видно из предыдущих глав, человеком идеи и поэтому вежливо отклонил заманчивое предложение (И. Эренбург. «Необычайные похождения Хулио Хуренито»).
- (35) Этот герой появился в предшествующей главе, но действовать начал только сейчас («Новый мир». 1998. № 3).

Возможность двух принципов упорядочения последовательности приводит в некоторых случаях к двойному осмыслению. Текст

- (36) Я разыскиваю предыдущий <предшествующий> номер журнала уместен как в том случае, когда говорящий показывает старый журнал с определенным порядковым номером (конвенциональный

принцип упорядочения), так и тогда, когда ориентиром служит только что вышедший номер (временной принцип). Однако текст

(37) Я разыскиваю прошлый номер журнала

уместен только тогда, когда имеется в виду временной принцип. Подобного рода двусмысленность допускает и *следующий*.

Прилагательные *следующий* допускает прямое указание на способ упорядочивания.

(38) Следующая по густоте листвы ветка досталась Абесаломону Нартовичу, а потом дяде Сандро (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема»).

Подобным образом ведет себя и причастие *предшествующий*, в отличие от омонимичного прилагательного, не допускающего такого уточнения.

(39) В Российской империи почетные граждане были привилегированным сословием, по социальному статусу предшествующим дворянству (М. Одесский, Д. Фельдман. «Легенда о великом комбинаторе»).

(40) Орден святой Анны, предшествующий по значимости ордену святого Владимира.

В контексте прилагательного *следующий* предметные имена метонимически соотносятся с определенными ситуациями. В таких случаях мы имеем дело с пространством, в котором объекты упорядочены по временному принципу: по порядку, в котором они актуализуются для говорящего. Ср. приведенные выше примеры (27) и (28).

2.4. Непосредственность следования или предшествования.

Как уже отмечалось, указание на непосредственность следования/предшествования может в ряде случаев ослабляться или сниматься вовсе.

Во-первых, прилагательное *прошлый* в форме мн. ч., в отличие от прочих синонимов ряда, не содержит указания на непосредственное предшествование.

(41) Никто не ошибся местом, не сцепился автоматами, не поскользнулся и не потерял берет, как это случалось на прошлых занятиях (А. и Б. Стругацкие. «Обитаемый остров»).

Прочие прилагательные сохраняют идею непосредственного следования или предшествования в том числе и при употреблении по отношению к множественным объектам. Ср. контрастные сочетания *на прошлом занятии*, *на предыдущих занятиях*, сохраняющие указание на непосредственность предшествования.

- (42) А лес, как при царе Горохе, / Как в предыдущие эпохи, / Не замечая суматохи, / Стоит и дремлет по сей день (Б. Пастернак. «Поездка»).
- (43) И во второе свидание, и в последующие Магда искусно избегала поцелуев (В. Набоков. «Камера обскура»).
- (44) В следующие несколько месяцев мы редко слышали о ней (А. и Б. Стругацкие. «Христорожденье»).

Во-вторых, указание на непосредственность предшествования/следования снимается, когда прилагательные употребляются во множественном числе в контексте неопределенных местоимений.

- (45) Потом Саша стал думать о непонятных словах Итакина, сказанных в одну из прошлых встреч (В. Пелевин. «Принц Госплана»).
- (46) Но смысл разговора, полного намеков, броских умолчаний, упоминаний вскользь и, главное, неявных мне отсылок к каким-то предыдущим разговорам... всякий раз от меня ускользал (А. Дмитриев. «Закрытая книга»).
- (47) Он участвовал в каких-то предшествующих экспедициях, но это было давно.

2.5. Временная глубина. По этому признаку прилагательное *прошлый* в наибольшей степени противопоставлено прочим прилагательным двух рассматриваемых рядов. Ср. (48) и (49).

- (48) Во время предыдущего разговора бабочки на нем еще не было.
- (49) Во время прошлого разговора бабочки на нем еще не было.

Первый пример уместен как в том случае, когда временной разрыв между разговорами составляет несколько часов, так и тогда, когда этот разрыв составляет несколько недель. Второй — предполагает достаточно длительный срок и может быть понят только в том смысле, что герой стал носить галстук-бабочку, а не просто неожиданно переоделся, как это возможно в первом примере.

2.6. Ретроспективность. Прилагательное *последующий*, в отличие от близких к нему *следующий* и *очередной* тяготеет к ретроспективности.

- (50) *Последующие* визиты слились в цепь дней, четко делившихся на две половины: страх и тоска ожидания — и некий блаженный хмель от того, что все прошло — хорошо (М. Веллер. «Приключения майора Звягина»).

Гораздо менее приемлемо для него проспективное употребление ср. неприемлемый пример (51) и совершенно нормальный параллельный ему пример (52).

- (51) ⁷⁷Он надеется наверстать упущенное во время *последующих* визитов.
- (52) Он надеется наверстать упущенное во время *следующих* визитов.

2.7. Особые круги употребления прилагательных *следующий* и *последующий*. Прилагательные *следующий* и *последующий* в контексте слов типа *тридцатилетие*, *неделя 2*, *месяц 2*, *столетие 2* и т. д., обозначающих отрезки времени, начало и конец которых не закреплены конвенционально за определенной датой или днем недели, выступают в особом, втором круге употреблений.

- (53) *И следующую неделю уже весь город ездил на Петроградскую смотреть, как расцвели и возмужали в братской семье советских народов древние греки* (М. Веллер. «Легенды Невского проспекта»).
- (54) *Исходя из горького опыта последующего тридцатилетия... ответ представляется однозначным* (С. Гандлевский. «<НРЗБ>»).

В таких контекстах указание на существование последовательности, в которую входят в качестве элементов характеризующие отрезки времени, снимается, и прилагательные *следующий* и *последующий* указывают лишь на то, что характеризующие отрезки времени следуют непосредственно за моментом речи или событием-ориентиром. Ср. контрастные примеры, где *следующий* и *последующий* сочетаются с названиями отрезков времени, начало и конец которых конвенционально закреплены за определенной датой или днем недели и где эти прилагательные выступают в своем прототипическом значении, указывая на существование последовательности.

- (55) *Книжка выходит в начале следующего года* (В. Аксенов. «Сюрпризы»).
- (56) *Вдруг он увидел в зеркале за баром своего сына, о котором он, планируя следующую неделю, гнуснейшим образом забыл* (В. Аксенов. «Остров Крым»).
- (57) *Последующие два столетия в истории России были не менее беспокойными.*

В контексте названий отрезков времени, начало и конец которых конвенционально не закреплены, прилагательные допускают только временной принцип упорядочения.

- (58) *Следующее пятилетие, которое вы проведете на каторге, предоставит вам много досуга для извлечения полезных жизненных уроков* (Б. Акунин. «Пиковый валет»).
- (59) *Последующая неделя в жизни Федора Ивановича и в делах факультета не принесла ничего примечательного* (В. Дудинцев. «Белые одежды»).

Прилагательное *последующий* в этом втором круге употреблений, так же, как и в первом, допускает, в отличие от синонима

следующий, что ориентируемые события происходят не непосредственно после события-ориентира или момента речи.

- (60) Поставлена задача стабилизации численности населения и формирования предпосылок к последующему демографическому росту на основе увеличения ожидаемой продолжительности жизни (Знамя. 2002. № 5).
- (61) И вдруг, с не меньшей силой, чем в последующие годы, я ощутил горечь и вдохновение изгнания (В. Набоков. «Другие берега»).

3. Сочетаемость

Рассматриваемые прилагательные отличаются также своими сочетаемостными свойствами.

Прилагательные *следующий*, *очередной*, *предыдущий* и особенно *прошлый* свободно сочетаются со словом *раз*, для лексем *последующий* и *предшествующий* такая сочетаемость крайне нехарактерна.

- (59) В следующий раз я поехал туда верхом на муле, чтобы показать деревенскому суду, как прикус моего мула точка-в-точку совпадает со следами на рваном ухе моей кобылы (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема»).
- (60) Слышна веселая песнь отбойных молотков — очередной раз ломают асфальт (В. Каплан. «Усатый-полосатый»).
- (61) В предыдущий < прошлый > раз она сильно опоздала на свидание.
- (62) В прошлые разы обыкновенно, проводив гостей, Петр Дмитрич и Ольга Михайловна начинали прыгать в зале друг перед другом, хлопая в ладоши и петь: «Уехали! уехали! уехали!» (А. П. Чехов. «Именины»).

Прилагательные *следующий*, *последующий*, *очередной*, *предыдущий* и — в меньшей степени — *предшествующий* сочетаются с предметными именами, метонимически обозначающими ситуацию.

- (63) Прежде этот дом населяло семейство покойного Мартина Шеппарда, дядюшки предыдущего домохозяина Пнина на Крик-стрит (В. Набоков. «Пнин». Пер. С. Ильина).
- (64) Затем вышел на трибуну грузинский писатель Кемоклидзе: «Вопрос предыдущему оратору» (С. Довлатов. «Ремесло»).
- (65) Предыдущий город, Болонья, почти гордится тем, что он — не туристический (М. Гаспаров. «Записи и выписки»).
- (66) Как и в предшествующий дом, внутрь ввалились второпях, не раздеваясь, в шубах, шапках и валенках прошли вглубь комнат (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).
- (67) В пепельнице еще дымился его непогасший окуроч, а он уже потянулся к следующей сигарете (А. Бек. «Новое назначение»).

- (68) Последующие два фильма, «Проказа» и «Эвридика, трэйд марк», — новый успех, новые деньги, мусорные валы славы (В. Аксенов. «Остров Крым»).
- (69) Сам же отложил гармошку, распечатал очередную посудину (В. Белов. «Привычное дело»).

Прилагательные *следующий*, *последующий* и *очередной*, а также все синонимы ряда ПРЕДЫДУЩИЙ сочетаются с названиями периодических или повторных изданий.

- (70) Хотелось бы предупредить редакторов следующего издания об этой ошибке, да до них не дотянешься (Н. Мандельштам. «Воспоминания»).
- (71) Разве, чтобы в моих последующих изданиях, особенно в мягких обложках, были исправлены немногочисленные опечатки (А. Битов. «Ясность бессмертия (воспоминания непредставленного)»).
- (72) Повесть, которую он принялся читать в журнале, началась уже давно, в каких-то предыдущих, неизвестных номерах (В. Набоков. «Соглядатай»).
- (73) Прошлый номер прочел от корки до корки (В. Аксенов. «Пора, мой друг, пора»).
- (74) Предшествующий выпуск был целиком посвящен юбилею А. С. Пушкина.
- (75) Сегодня я подпишу в печать очередной, апрельский номер (Б. Штерн. «Записки динозавра»).

Все прилагательные, кроме *очередной* и *прошлый*, свободно сочетаются с со словами *период*, *этап*.

- (76) В предшествующий период — 60–70-е годы — в зарубежной философии преобладала та точка зрения, в соответствии с которой природу языка можно уяснить, изучая все, кроме сознания индивида («Уппсальский корпус»).
- (77) Может ли... радикальная экономическая реформа «врасти» в созданную на предшествующем этапе административно-командную экономику? («Уппсальский корпус»).
- (78) В предыдущий период он почти не выходил из дома.

Прилагательное *прошлый* не сочетается со словами *этап*, *период* и, кроме того, имеет в соответствии со своей семантикой ограничения на сочетаемость с другими отрезками времени: оно характеризует достаточно крупные отрезки времени, большие, чем *день*, а также названия частей суток. Ср. неприемлемое *прошлый час* и нормальные примеры (79)–(81):

- (79) Вы, по-видимому, станете лауреатом литературной премии лепрозория за прошлый год (А. и Б. Стругацкие. «Гадкие лебеди»).
- (80) Правление в прошлый сезон премировало его карманными часами (В. Белов. «Кони»).
- (81) Как и в прошлый вечер, вперед выдвинули Лохова со связными (В. Солоухин. «Не жди у моря погоды»).

ЛИТЕРАТУРА

- Богуславская, Муравьева 1987 — *Богуславская О. Ю., Муравьева И. А.* Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Ред. А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни. М., 1987.
- Богуславская 1988 — *Богуславская О. Ю.* Проблемы толкования анафорических лексем // Проблемы разработки формальной модели языка. Сер.: Вопросы кибернетики. М., 1988. С. 61–70.
- Богуславская 1991 — *Богуславская О. Ю.* Словарная статья местоимения *такой* // Семиотика и информатика. М., 1991. Вып. 32. С. 42–54.
- Вежицкая 1999 — *Вежицкая А.* Немецкие «культурные сценарии»: Общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // *Вежицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- МАС — Словарь русского языка / Ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1–4
- НОСС 2000 — *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук-вом акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. Вып. 2.
- Устинова 1988 — *Устинова Е. Г.* О семантике слов *первый, второй, третий* и подобных // Вопросы кибернетики. Проблемы разработки формальной модели языка / Ред. В. А. Успенский. М., 1988. С. 100–110.

АННА А. ЗАЛИЗНЯК, А. Д. ШМЕЛЕВ

КОМПАКТНОСТЬ vs. РАССЕЯНИЕ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА *

Для русской языковой картины мира весьма существенным является пространственное измерение. Пространственные категории как свойства физического мира регулярным образом метафорически переосмысляются как категории внутреннего мира; но при этом в своем исходном, физическом аспекте пространственные категории продолжают сохранять актуальность и участвуют в построении концептов одновременно с выросшими из них абстрактными идеями (об этом свидетельствует, в частности, проведенный анализ слов *удаль*, *размах*, *разгул*, *воля*, *широта*, *уют*, *тоска* и др. в работах [Шмелев 1997; 2000; Левонтина, Шмелев 2000]). Например, образное представление психического мира человека в русской языковой картине мира в значительной степени определяется идеей «широты души». Именно «широта души» определяет способность человека к *удали* и *размаху*; но она же препятствует сосредоточенной кропотливой работе, направленной на решение какой-либо частной задачи.

Один из важных концептов внутреннего мира, построенный на основе пространственной метафоры, — *собраться* (он проанализирован в работе [Зализняк, Левонтина 1996]). Анализ этого глагола, а также ряда других лексических единиц позволяет сделать вывод о том, что в представлении русского языка активная деятельность возможна только при условии, что человек предварительно собрал воедино свои душевные ресурсы, как бы сосредоточив их в одном месте. Чтобы что-то сделать, надо *собраться с силами*, *с мыслями* — или просто *собраться*; ср.: *Наконец собрался тебе позволить*. Особенно характерны такие употребления, как *собирался*, *но так и не собрался* и т. п. Из этой фразы видно, что *собираться* указывает не просто на наличие намерения, но на некоторый процесс мобилизации внутренних ресурсов, который может продолжаться довольно длительное время и при этом завершиться или не завершиться успехом. Ср. также у Пушкина: *Царь недолго собирался — / В тот же вечер обвенчался*. Здесь, очевидно, речь

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 01-04-00201а) и РГНФ (грант № 01-06-80401).

идет не о приготовлениях к свадьбе, а о достижении внутренней готовности. Все эти примеры указывают на наличие в русской языковой картине мира идеи, которая неосознанно принимается в качестве очевидной всеми говорящими на русском языке: чтобы что-то сделать, надо *собраться*; обычно это бывает трудно, так что этот процесс (*собираться*) занимает некоторое время. Идея «сбирания» того, что рассредоточено по широкому пространству, вообще является важным мотивом в русских языковых представлениях. Не случайно главная церковь в городе по-русски называется *собор*, *кафолическая* переводится как *соборная* (что не соответствует внутренней форма оригинала: 'всеобщий'); пакование вещей в дорогу концептуализуется как *сборы*; заметим, что *собираться* в смысле 'складывать вещи (в дорогу)' — тоже лингвоспецифичный концепт [Шмелев 2002].

Состоянию *собранности* и *сосредоточенности* противостоит состояние *распущенности* и *разврата*. При этом идея рассредоточенности (имеющая в данном случае одновременно пространственное и этическое измерение) содержится уже в семантике самой приставки *раз-*.

Центральным для этой проблематики является слово *разврат*; в современном русском языке оно имеет два основных значения, которые приблизительно можно охарактеризовать следующим образом: 1) морально осуждаемое поведение, имеющее целью получение удовольствия, связываемое с представлениями о праздности; об излишестве или расточительстве; о «потакании» своим слабостям; 2) морально осуждаемое сексуальное поведение. Нас будет интересовать в большей степени первое значение («этическое»); именно оно является лингвоспецифичным.

Интересующее нас значение синтаксически обусловлено: оно реализуется лишь в позиции предиката. Поэтому, например, выражение *заниматься развратом* не может пониматься в этом значении. Ср. следующий пример из воспоминаний А. Баранович-Поливановой: *Мне было 20 лет, когда я вышла замуж, — в ту пору это было редкостью, и ранние браки были не приняты, так вот эта девица ни с того, ни с сего брякнула: «Занимается всяким развратом»...* Здесь, очевидно, имеется в виду второе значение (хотя сквозь него и «мерцает» первое: ранний брак, по представлениям той эпохи, разделяемым, по всей видимости, упомянутой девицей, — это *разврат* и в том смысле, что он означает пренебрежение своим долгом — получать образование, овладевать профессией и т. д. — ради удовольствий «личной жизни»). Отметим также, что если производные *развратиться*, *развращать*, *развращен-*

ный могут мотивироваться «этическим» значением, то прилагательное *развратный*, как и существительное *развратник*, может быть соотнесено только со значением сексуального *разврата* (ср. монолог генерала Гиндина из повести И. Грековой «На испытаниях»: *Развратником рад бы быть, да годы не позволяют, а после двух инфарктов особенно. Здесь на меня стали всех собак вешать за то, что я будто с Адой живу. Это почти клевета, я с ней очень мало живу, и нужна она мне совсем для другого*).

Приведем в данной связи известный эпизод из рассказа Зощенко «Аристократка»:

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я таким гусем, таким буржуем нерезанным вьюсь вокруг нее и предлагаю:

— Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

— Мерси, — говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

А денег у меня — кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крикнул. И молчу. Взяла меня такая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Сочетание *развратная походка* содержит очевидным образом игру слов, так как, помимо стандартного осмысления, в данном контексте неуместного ('походка, характерная для *развратной* женщины'), возникает отнесенность к *разврату* в другом смысле: есть в антракте пирожные — это *слишком дорогое удовольствие*, т. е. *разврат*.

По-русски *это разврат* можно сказать, например, про следующие действия: спать до полудня, пить кофе в постели, курить в постели, кормить собаку с общего стола, съедать каждый день по коробке конфет, покупать себе каждый год новую шубу, есть ложками черную икру, два часа пить чай, сорок минут разговаривать по телефону, брать с собою жену на международную конференцию и т. д.¹ (При этом, если телефон междугородний, то *разврат* со-

¹ Интересно сравнить слово *разврат* в данном значении с фразеологизмом *больно жирно*. Разница здесь, во-первых, в том, что *больно жирно* не содержит собственно морального осуждения; в нем есть намерение воспрепятствовать по-

стоит в первую очередь в том, что это дорого; но *развратом* можно назвать и двухчасовую беседу по местному — т. е. бесплатному или почти бесплатному — телефону, если говорящий считает, что субъект, вместо того чтобы разговаривать, должен был бы заняться каким-либо более полезным делом.) Характеризуя такие действия как *разврат*, говорящий выражает свое морально осуждение. Однако, очевидно, далеко не всякое морально осуждаемое действие можно назвать *развратом*. Нечестность, недобросовестность, душевная черствость, жадность и т. д., несомненно, морально предосудительны, однако к концепту *разврата* они не имеют отношения.

Как же определить множество действий, которые подходят под категорию *разврата* (даже если отвлечься от того, что у разных людей могут быть разные представления о «норме» потребления конфет или денежных затрат на ту или иную вещь)? Прежде всего, *разврат* — это действие или занятие, целью которого является получение *удовольствия*. Надо сказать, что категория *удовольствия* в русской языковой картине мира в целом является аксиологически сомнительной и легко приобретает отрицательную коннотацию, см. [Зализняк 2002]. При этом в данном случае принципиально то, что речь идет не о любом удовольствии, а о *незаслуженном* удовольствии, выходящем за пределы того, что человеку, по мнению говорящего, «положено». Иногда речь может даже идти не столько об *удовольствии* в собственном смысле слова, сколько о *незаслуженной роскоши*. Показателен в этом плане следующий диалог, приведенный Е. Н. Ширяевым в иной связи (для иллюстрации одного из типов коммуникативных неудач) в его докладе на международной конференции «Русский язык: исторические судьбы и современность» [Ширяев 2001]:

А. А где можно купить ручку с золотым пером / не очень дорогую?
 Б. Нечего тебе с ума сходить / золотое перо / это же теперь только у миллионеров и президентов / разврат какой-то... А. (прерывая Б.) Не надо меня учить // Ты знаешь или нет / где могут быть не очень дорогие с золотым пером? Б. Не знаю и знать не хочу // А. Вот так и говори.

Заметим также, что в представлении о *разврате* участвуют некоторые глобальные оценочные стереотипы. Так, целый ком-

лучению чрезмерного удовольствия (и в этом смысле *больно жирно* направлено в будущее); во-вторых, выражение *больно жирно* относится к конкретному намерению конкретного лица, тогда как высказывание *это разврат*, даже будучи сделанным по конкретному поводу, носит общий характер.

плекс вошедших в русский язык церковнославянизмов, указывающих на удовольствия или морально осуждаемую погоню за ними, включает в себя корень *слад-*: *сладостный*, *наслаждение*, *сластолюбие*, *сладострастие*. Это соответствует общеязыковой оценке излишнего пристрастия к сладкому как одной из форм *разврата* (при том, что склонность к острой или соленой пище оценивается просто как индивидуальное вкусовое пристрастие). Можно обозначить как *разврат* привычку пить чай с большим количеством сахара, но вряд ли эта характеристика применима к человеку, который неумеренно перчит или солит свою пищу. То есть *сладкий* в переносном значении — это 'доставляющий удовольствие', и с ним происходит то же, что со словом *удовольствие* (т. е. смещение в отрицательную аксиологическую зону). Интересно, что у англ. слова *sweet* совершенно иная структура многозначности — она гораздо богаче, но «отрицательные» значения отсутствуют (ср. [Dirven 1985: 16]).

Итак, *разврат* — это удовольствие, но при этом не всякое, а лишь получаемое в состоянии *расслабленности*; именно поэтому, в частности, оно воспринимается как *незаслуженное*. Это такой вид удовольствия, который не требует приложения усилий или требует их в минимальной степени². Характерны прилегающие к *разврату* слова: почти нейтральное *позволить себе* (часок полежать в постели, ничего не делая) и содержащее моральное осуждение *потакать* <чьим-то слабостям> (например, лени, пристрастиям к сладкому и т. п.)³. С другой стороны, вряд ли слово

² Обратим внимание на использование слова *разврат* в рекламных целях: *Несолидные заведения, предлагающие чашку кофе и какой-нибудь шоколадный разврат и не требующие от своих клиентов массивных капиталовложений, особого доверия не вызывали. Ровно до тех пор, пока я совершенно случайно не попала в «Кофе Бин» на Тверской и не выпила там сумасшедшее вкусное кафе-латте с шоколадным сиропом и не съела тот самый шоколадный разврат, сопроводив его кремом-карамелью, шоколадным же муссом, яблочным и клубничным штруделем. Остальные яства — в виде тирамису, чизкейка и чего-то еще, столь же изумительно вкусного и легкомысленного — просто не влезли («Известия». 2002. 11 января). Здесь идет речь о получении удовольствия с минимальной затратой усилий (установка, безусловно противоречащая русской «наивной этике»).*

³ *Позволить себе* сочетается с обозначениями в точности того же набора действий, что и это *разврат*, ср.: *Я всю неделю работал, как вол, могу себе позволить в воскресенье поспать до полудня. И наоборот: Я не могу себе позволить каждый день разговаривать с подругами по телефону, каждую неделю ходить в театр, каждый год покупать новую шубу и т. д.* Имеется в виду превышающая «норму» затрата времени или денег на удовольствия; это и есть *разврат*.

разврат применимо к человеку, который каждое воскресенье проходит 100 км на лыжах или упражняется в решении квадратных уравнений (даже если он это делает исключительно с целью получения удовольствия).

Вернемся теперь к приставке *раз-*. Наш тезис состоит в том, что идея *расслабленности* поддерживается метафорой *рассредоточенности*, содержащейся в значении приставки *раз-*. Рядом с *развратом* в русском языке имеется два других характерных слова с этой же приставкой — *распутство* (*распутный*) и *распущенность*⁴. Надо сказать, что оба эти слова соотносятся с глаголом *распутить* (для *распутства* существовала и иная форма — *распутство*). В результате лексико-семантической контаминации они втянулись в семантическое поле *пути* и *распутицы* (также чрезвычайно существенное для русских представлений о мире) — см. [Шмелев 1964]. Здесь несомненно также влияние представления о *разврате* как об *отклонении* от прямого (= правильного) *пути*.

Нельзя не отметить тот факт, что значительная часть действий, характеризующихся как *разврат*, обозначается глаголами с приставкой *раз-* (точнее, здесь использована составная морфема, состоящая из приставки *раз-* и суффикса *-ива-/-ва-/-а-*): *рассиживать*, *разлеживать*, *распивать* <чай>, *разъедать*. Если попытаться сформулировать толкования этих глаголов, то окажется, что они отличаются от исходных (*сидеть*, *лежать* и т. п.) в точности теми смысловыми компонентами, которые выше были перечислены как составляющие понятия *разврат* (получение удовольствия, расслабленность, излишество и т. д.). Разве что степень осуждения в слове *разврат* существенно больше. Действия, обозначаемое глаголами с циркумфиксом *раз...ива-/-ва-/-а-*, трактуются говорящим как производимые «просто так», и именно «беззаботность» субъекта такого действия вызывает раздражение (ср. также глаголы *распедать*, *разгуливать*, *расхаживать* и т. п.), ср. [Зализняк, Шмелев 2000: 123]. *Разгуливают*, *расхаживают*, *распивают чай* и т. д. вместо того, чтобы заниматься делом. Все это позволяет говорить о том, что приставка *раз-* входит в широкий круг разнообразных единиц (лексических, синтаксических и др.) русского языка, несущих в себе идею «безответственности» («бесцельности», «беззаботности»), которая является весьма важ-

⁴ *Распущенность* может пониматься как обратная сторона *свободы*. Упомянем в этой связи обычай пеленать ребенка и связанное с ним определение *свободы* как «ощущения счастья, вызываемое отсутствием давления, сжатия, каких-то тесных, сдавливающих оков» [Вежицкая 1999: 455].

ной составляющей русской языковой картины мира. Эти компоненты — чисто оценочные, ср. характерный пример (из работы [Левонтина, Шмелев 1999]): *Но надзиратели запрещали ночью разгуливать по камере* (А. Рыбаков). Здесь явно подразумевается просто запрещение ходить, поскольку это нарушает порядок и потому вызывает раздражение. При этом носителем указанной концептуальной конфигурации является именно морфема *раз...-ива-/-ва-/-а-*, которая строит данный концепт при помощи метафоры «рассредоточения в пространстве».

Иными словами, в глаголах *расхаживать*, *разгуливать* содержится указание на беспорядок. В некоторых случаях именно этот компонент оказывается решающим в выборе соответствующего глагола — ср.: *Надо работать, а не разгуливать неизвестно где; Преступник разгуливает (расхаживает) на свободе* (вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, т. е. имеет место беспорядок).

Итак, приставка *раз-* несет в себе (1) идею занятия большего пространства, (2) идею рассредоточенности, а также (3) идею уничтожения путем рассеивания, т. е. вследствие этой рассредоточенности (ср. *рассеяться*, *распылять* <себя>, *развеять* <по ветру>, *распустить* <вязание, собрание>, *разлюбить*, *раздумать* и т. п.). Первая из этих идей соответствует содержащейся в слове *разврат* идее «превышения нормы» (потребления конфет, денежных затрат и т. д.). Вторая идея включает приставку *раз-* в круг языковых средств, выражающих весьма важную для русской языковой картины мира оппозицию, противоположным членом которой является идея *сосредоточенности, собранности* (этот концепт связывается, соответственно, наоборот, с идеей компактности, малого пространства). Заметим, что в обоих словах за «прямым» (пространственным) значением довольно ясно просматривается «переносное» (непространственное): это значение «внутренней собранности», т. е. состояние мобилизации душевных и умственных сил, оцениваемое положительно — в противоположность морально осуждаемой *распущенности*. Что касается третьей идеи (уничтожение путем рассеивания), то она указывает на то, что *разврат* с точки зрения русского языка — это то, в результате чего уничтожается с у т ь (нравственная, так как идет речь о человеке: выходя за некие рамки, он оказывается во власти хаоса).

Показательно также сопоставление слова *разврат* с некоторыми другими словами с приставкой *раз-*, указывающими на беспорядок в этической сфере и выражающими моральное осуждение. Ср. слово *разложение*, отличающееся как от *распущенности*, так и от *разврата*. *Разложение* метафорически развивает

идею разложения органических веществ (тела человека после смерти), т. е. реализует распространенную метафору «душа — тело» (ср. [Апресян, Апресян 1993; Зализняк 2000]). Разложение — это уничтожение в результате разделения на составляющие; ср. выражающее сходную, но все же несколько иную идею словосочетание *распад личности*.

Моральное разложение имеет место, когда человек постепенно пришел в такое состояние, в котором он не считает нужным исполнять свой долг. Например, если он отлынивает от работы или когда он должен хранить верность своей жене и не делает этого. Ср. диалог из повести И. Грековой «На испытаниях»:

— А семья? — спросил Манин.

— В Москве, — ответил Теткин. — Жена пожилая, дети взрослые — чего они сюда поедут? Он к себе выписал папу — занятный, между прочим, старик! — так и живет вдвоем с папочкой. Очень любящий сын.

— Так долго жить в разлуке с семьей — это может привести к моральному разложению, — заметил Манин.

— Не беспокойся, уже привело, — засмеялся Теткин.

Остановимся теперь на соотношении *разложения* и *разврата*.

Прежде всего, *разврат* и *разложение* различаются своим синтаксическим потенциалом: слово *разврат* употребляется только в позиции именной части сказуемого, а для *разложения* такое употребление, наоборот, не характерно. Кроме того, как уже говорилось, высказывание *Это разврат* всегда представляет собою общее суждение. Объект оценки всегда имеет родовой статус: *Спать до 12 — это разврат; Съесть три пирожных подряд — это разврат*. Что же касается слова *разложение*, то оно характеризует конкретную ситуацию и представляет собою номинализацию глагола *разложиться* (ср.: *Он совершенно разложился — Он дошел до полного разложения*). *Разложение*, в отличие от *разврата*, всегда предполагает деградацию по сравнению с имевшим когда-то место «нормальным» состоянием (и это связано с тем, что *разложение* — результат номинализации). Поэтому слово *разложение* неприменимо, например, когда речь идет, о маленьких детях.

Показательно также сопоставление глаголов *разложить* и *развернуть*. *Разлагать* армию противника значит делать так, чтобы она *разложилась*, т. е. перестала выполнять свои функции. Не случайно в советское время говорили именно о *разлагающем* (а не *развращающем*) влиянии буржуазного образа жизни на советского человека. *Разложение* в природе часто сопровождается гниением; это гниение тоже метафорически переосмысливается как

порча⁵. Поэтому *разлагающий* имеет синонимом *тлетворный* (ср. *тлетворное/растленное влияние Запада*). *Разлагающий* значит приводящий к тому, что человек теряет представление о том, что он должен выполнять свой долг, а *развращающий* — о том, что он привыкает к «хорошей жизни» и к возможности удовлетворить любую свою прихоть (поэтому говорят, что *всякая власть развращает*).

Упомянем также слово *разболтанность*, которое обозначает состояние, возникающее из-за отсутствия внешнего ограничения и, подобно *распущенности*, может пониматься как обратная сторона свободы, а также глаголы *распоясаться* и *распуститься* (в переносном значении). Если *распустился* говорят про большие промежутки времени, то *распоясался* может указывать на актуальное поведение⁶.

И, наконец, в заключение, чтобы «реабилитировать» приставку *раз-*, отметим, что она может выступать не только как носитель хаоса, но и, наоборот, как показатель космоса: если выйти за пределы этического пространства, то окажется, например, что *разобрать свой письменный стол* — это значит «навести порядок». Эта же идея лежит в основе выражения *разбираться* <в чем-либо> («хорошо понимать»); можно также *разобраться* <в инструкции по эксплуатации пылесоса>; *разобрать* надпись на малознакомом иностранном языке и т. д. Здесь везде в основе лежит идея упорядочивания путем разделения на значимые элементы. Отсюда — всякие уголовные и политические *разборки* (в основе — идея *порядка*); ср. также: *Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи* (Пушкин. «Капитанская дочка»). Сюда же относится характерное советское выражение *там разберутся* — когда речь идет об органах госбезопасности и т. д.

Итак, в этической сфере имеет место следующая корреляция: компактность метафорически переосмысливается как космос, порядок, а рассеяние — как хаос, беспорядок. Но при переносе в интеллектуальную сферу соотношение обратное: ср. метафорические осмысления выражений *разложить все по полочкам* (внести

⁵ Ср.: Он не вполне точно представлял значение слова «разложение», в его сознании возникла отвратительная картина: темно-коричневая, насквозь прогнившая и жидкая от гнилости груша (Ю. Трифонов. «Исчезновение»).

⁶ Если же речь идет о манере держаться в ходе общения с другими людьми, то, как отметила (устно) Т. В. Крылова, здесь не одобряется не только излишняя свобода общения, концептуализуемая как нарушение компактности (ср. *развязность*), но и отсутствие свободы общения, воспринимаемое как вынужденная компактность (ср. *скованность*).

порядок и благодаря этому ясность в понимание какой-то проблемы) и *свалить все в одну кучу* (неправомерно соединить вместе факты или идеи, которые следует различать, внося тем самым в понимание проблемы беспорядок и хаос)⁷.

В бытовой же сфере как компактность, так и рассеяние могут концептуализоваться двояким образом. Ср. выражения *разобрать вещи* (рассеяние в пространстве, концептуализуемое как порядок) и, с другой стороны, *вещи разбросаны* (рассеяние в пространстве, концептуализуемое как беспорядок), а также *сложить вещи* (компактность, концептуализуемая как порядок) и, с другой стороны, *свалить все в кучу* (компактность, концептуализуемая как беспорядок).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Апресян 1993 — Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ. 1993. № 3.
- Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Зализняк 2000 — Зализняк Анна А. Заметки о метафоре // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Зализняк 2002 — Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 4.
- Зализняк, Левонтина 1996 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics. 1996. Vol. 20. P. 237–264.
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Левонтина, Шмелев 1999 — Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Левонтина, Шмелев 2000 — Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.
- Ширяев 2001 — Ширяев Е. Н. Что такое разговорный диалог? // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сб. тезисов международной конференции. М., 2001.

⁷ Ср. также относящиеся к интеллектуальной сфере слова *рассудок*, *разум*, *расчет* и др., в которых *раз-* также является упорядочивающим.

- Шмелев 1997 — Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Шмелев 2000 — Шмелев А. Д. «Широта русской души» // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.
- Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
- Шмелев 1964 — Шмелев Д. Н. Несколько случаев лексико-семантической контаминации // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1964. Вып. 3.
- Dirven 1985 — Dirven R. Metaphor and Polysemy // La polysemie: lexicographie et cognition. Cabay; Louvain-la-Neuve, 1985.

Э. КЕРО-ХЕРВИЛЬЯ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ФИЗИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Вопрос анализа значений, добавляемых приставками, не новый, и долгое время он является предметом изучения в современной русистике. Многочисленные авторы, такие как, например, Д. Н. Шмелев, М. В. Черепанов, И. С. Улуханов, И. Г. Милославский, А. Н. Тихонов, М. А. Кронгауз и др., изучали способы воздействия приставки на бесприставочный глагол с разных точек зрения и с различными результатами [Шмелев 1973; Черепанов 1975; Улуханов 1977; Милославский 1980; 1989; Тихонов 1963; 1989; Кронгауз 1988]. В данной статье можно выделить две части: в первой обозначаются пути, по которым шло исследование данной проблемы в современной русистике, а во второй анализируются значения, добавляемые приставками к семантике глаголов преобразования.

Существует три формы воздействия приставки на вид глагола:

- а) изменение вида глагола (*писать* — *написать*);
- б) изменение значения глагола без изменения вида (*ходить* — *проходить*);
- в) изменение вида и значения глагола (*играть* — *проиграть*).

Исследование отношения «приставка — бесприставочный глагол» в современной русистике шло по трем направлениям:

а) с опорой на приставку: в работах этого направления утверждается, что каждая приставка имеет определенное количество значений и данные значения можно перечислить;

б) с опорой на бесприставочный глагол: в исследованиях этого направления доминирует мнение, что приставки добавляют к глаголам те или иные значения в зависимости от семантики этих глаголов;

в) глаголы с приставкой изучались как единое целое: в работах этого направления анализируется значение самого глагола.

Из этих трех направлений первое и второе можно признать противопоставленными, а третье является наиболее продуктивным для выработки теоретических положений.

Работы первого и второго направлений основываются на разных теоретических подходах и преследуют разные цели.

Положения и идеи первого направления представлены в многочисленных работах. Все существующие в русском языке приставки становились объектом исследования, и их перечисление заняло бы в данной статье слишком много места. Результатом исследований данного направления стали работы, в которых детально описываются значения, добавляемые одной приставкой. Недостаток этих работ заключается в том, что приставка анализируется как нечто статическое, а не динамическое, т. е. не принимается в расчет та динамичность приставки, которая дается ей глаголом. Дело в том, что приставка является не независимым, а обусловленным элементом. И. Г. Милославский, анализируя свод типов значений глагольных префиксов, представленных в академической грамматике, утверждает, что «верно схватывая суть дела, этот свод является в некоторых отношениях уязвимым, поскольку не всегда удастся, определяя значение приставки, „очистить“ его от значения соответствующего бесприставочного глагола, а также связанных с ним подлежащего и прямого дополнения» [Милославский 1980: 56]. Это относится прежде всего к тем случаям, когда значение глагола дублируется другими распространителями.

В связи с этим возникают следующие вопросы:

1. Можно ли утверждать, что приставки имеют инвариантное значение?

2. Можно ли выделить это значение?

Лингвисты отвечают на эти вопросы по-разному. Наша задача — определить значения, добавляемые приставками глаголам определенной семантики. Это напрямую связано с идеей модификационных и мутационных значений чешского лингвиста М. Докулила [Dokulil 1955] и И. Г. Милославского [1980; 1989]. Наш подход относится к исследованиям второго типа, так как мы считаем его наиболее адекватным при изучении приставок и их отношения к глаголам, к которым эти приставки присоединяются.

2. Отношение «приставка — бесприставочный глагол»

И. Г. Милославский утверждает следующее: «...вполне закономерным является вопрос о том, какие другие слова могут быть образованы от данного. У поставленной таким образом задачи есть две стороны: какое именно содержание может реализоваться в дериватах и какими именно словообразовательными средствами оно может быть выражено» [Милославский 1980: 127].

Анализируя значения, добавляемые приставками внутри определенной ЛСГ, надо учитывать два обстоятельства:

- а) глагольную семантику;
- б) совместимость значений.

Что касается первого обстоятельства, то здесь можно выделить следующие положения. Способность глагола присоединять к себе приставки зависит от его семантики. Глаголы определенной лексико-семантической группы (ЛСГ) имеют общие деривационные и семантические качества. Приставки реализуют то или иное значение в зависимости от семантики глагола, к которому они присоединяются. Можно сказать, что действие глаголов ограничивает и конкретизирует значения, реализуемые приставками; см. об этом [Соболева 1969; Яруллина 1980]).

Второе важное обстоятельство — совместимость значений. Это значит, что для создания единого целого глагол и приставка должны быть совместимы с семантической точки зрения. Так, например, И. С. Улуханов пишет, что «существуют определенные общие семантические свойства глаголов, которые позволяют глаголам сочетаться с приставками определенного значения» [Улуханов 1977: 222]. И. Г. Милославский в этом же духе выделяет некоторые тенденции в отношении «приставка — бесприставочный глагол». Одна из них следующая: «Очевидно, что далеко не всякое лексическое значение производного может сочетаться с указанными (пространственное, результативное, характеризующее). Поэтому и здесь на сетку словообразовательных значений накладываются, связанные с лексическим значением глагола» [Милославский 1980: 157].

Имея в виду все эти обстоятельства, мы проанализировали значения, реализуемые приставками внутри ЛСГ глаголов преобразования.

3. Действие глаголов физического преобразования

Глаголы физического преобразования трехвалентны. Они имеют две обязательные валентности (субъекта и объекта) и одну факультативную (орудие). Тип действия следующий: А действует на В с помощью орудия С, и в результате этого действия объект физически либо перестает существовать как таковой и преобразуется в новую субстанцию, либо испытывает изменения в своем внешнем облике, оставаясь при этом непригодным/пригодным для дальнейшего использования. Следует оговорить, что в этой

части рассматривается только наиболее простой тип референции: это референция к конкретным объектам (т. е. исчисляемым и неисчисляемым существительным — одушевленным и неодушевленным).

Безусловно, из трех валентностей, которые были названы, валентность к объекту воздействия является основной с точки зрения значения, так как она привносит важнейший описательный элемент. При наличии этого элемента говорящий/слушающий ясно представляет себе, каким образом было произведено действие. Соответственно, глаголы второй подгруппы, обладая этим описательным элементом, имеют большую способность присоединять к себе приставки, в отличие от глаголов первой подгруппы.

4. Типы глаголов физического преобразования

Анализируются следующие типы глаголов преобразования:

1. Глаголы «непригодного» физического преобразования. В результате этого действия объект физически перестает существовать как таковой и преобразуется в новую субстанцию, непригодную для дальнейшего использования: *крушить, ликвидировать, уничтожить, ломать, рушить, громить*.
2. Глаголы «пригодного физического» преобразования. В результате этого действия объект физически преобразуется в новую субстанцию, пригодную для дальнейшего использования: *грызть, резать, крошить, толочь, молот*.

5. Значения, добавляемые приставками к глаголам преобразования

Далее мы перечислим значения, добавляемые приставками к глаголам преобразования.

5.1. Значения, добавляемые приставками к глаголам, выражающим физическое преобразование первого типа.

Внутри данной группы можно выделить следующие подгруппы:

I. После действия глагола объект становится неузнаваемым.

Сюда относятся следующие глаголы: *крушить, ликвидировать, уничтожить, ломать, рушить, громить*.

Общей чертой всех этих глаголов является то, что валентность орудия играет в них второстепенную роль и, соответственно, их способность присоединять к себе приставки очень ограничена.

Данные глаголы описывают преобразование, но не уточняют, каким образом оно происходит. *Бомбить* — единственный глагол данной подгруппы, маркированный по отношению к инструменту, но сила этого глагола делает его действие таким же, как и остальных глаголов этой подгруппы. Это обстоятельство значительно ограничивает способность данных глаголов присоединять к себе приставки, и если это происходит, то с добавлением значений результата или временных характеристик действия.

А. Чисто результативные характеристики действия: *разрушить постройку, порушить станцию, сокрушить сооружение, сломать игрушку.*

Б. Временные характеристики действия:

по- (непродолжительность): *погромить улус в течение двух часов;*

про- (продолжительность): *пробомбить город всю ночь;*

до- (последняя фаза действия): *доломать забор (до конца);*

недо- (неокончателность действия): *недоломать забор.*

II. После действия глагола объект остается узнаваемым, но в непригодном состоянии (*драть, рвать, ломать, кромсать, резать, долбить*).

А. Чисто результативная характеристика действия: *сломать игрушку.*

Б. Временная характеристика действия (последняя фаза действия):

до-: *додрать рубашку, дорвать одежду.*

В. Характеристика интенсивности действия (объект оказывается деформированным):

над- (слабо): *надорвать воротник;*

раз- (сильно): *разодрать книжку;*

из-: *искромсать письмо, изрезать книгу.*

Г. Объектная характеристика действия (распространение действия на все возможные объекты):

по-: *подрать всю обувь;*

пере-: *переломать шахматы;*

из-: *изрезать письма.*

|

Д. Сквозное действие на объект:

про-: *прорвать чулок.*

5.2. Значения, добавляемые приставками к глаголам, выражающим «пригодное» физическое преобразование.

В эту подгруппу входят следующие глаголы: *грызть, резать, рвать, крошить, толочь, молоть*. Общей особенностью этих глаголов является то, что элемент «орудие» играет главную роль, которая определяет действие глагола. Это обстоятельство дает им возможность присоединять к себе приставки. В связи с этим обстоятельством вторая подгруппа делится на две части:

а) глаголы, действие которых совершается при помощи инструмента, превращающего объект в порошок (*толочь — молоть*);

б) глаголы, действие которых совершается при помощи инструмента, действующего на объект поступательно-возвратным образом (*грызть, резать, рвать, крошить, рубить*).

5.2.1. Глаголы пригодного физического преобразования, превращающие объект в порошок (*толочь — молоть*).

А. Чисто результативная характеристика действия: *истолочь кусок сахара, столочь мел, смолоть кофе*.

Б. Временная характеристика действия:

до- (последняя фаза действия): *дотолочь орехи, домолоть зерно*;

про- (продолжительность действия): *протолочь орехи два часа; промолоть пшеницу два дня*.

В. Характеристика действия по отношению к другому действию:

под-: *подтолочь сахара, подмолоть кофе*;

при-: *примолоть зерна*.

Г. Распространенность действия на всю субстанцию:

из-: *измолоть (весь) кофе, изорвать пальто*;

пере-: *перетолочь (всю) пшеницу*.

Д. Количественная характеристика действия (неопределенное количество):

на-: *намолоть муки, натолочь сахару*.

5.2.2. Глаголы «пригодного» физического преобразования при помощи инструмента, действующего на объект поступательно-возвратным образом.

А. Характеристика результата действия: *сгрызть сухари, разрезать хлеб, раскрошить хлеб*.

Б. Временная характеристика действия:

до- (последняя фаза действия): *дорубить лес, догрызть кость, дорезать хлеб*;

по- (непродолжительность действия): *порубить лед несколько минут, погрызть карандаш 5 минут.*

В. Интенсивность действия (слабо):

над-: *надрубить дерево, надрезать картон.*

Г. Характеристика действия по отношению к другому действию:

под-: *подрезать хлеба.*

Д. Распространенность действия на весь объект:

пере-: *перекрошить всю булку;*

раз-: *раскрошить всю булку.*

Е. Характеристика объекта действия:

разделить на несколько частей

раз-: *разрубить полено;*

по-: *порезать мясо;*

разделить на маленькие части

из-: *изрубить мясо;*

разделить на две части

пере-: *перерубить кость, перерезать канат, перегрызть нитку.*

Ж. Количественная характеристика действия (неопределенное количество):

на-: *нарубить мяса, нарезать колбасы, надрать много коры, нарвать немного травы, накрошить табак, накромять бумаги.*

З. Локальная характеристика действия:

под- (нижняя часть): *подрубить ствол;*

об- (вокруг): *объехать весь город, обгрызть кору на яблоне;*

об- (верхняя часть): *обрубить макушку.*

И. Отделение (отделить часть от целого):

от-: *отрезать кусок хлеба, оторвать нитку, отломать сук, отгрызть кусок сыра.*

К. Укоротить:

под-: *подрезать деревья в саду;*

об-: *обрезать нитку;*

у-: *урезать полы одежды.*

Л. Сделать отверстие:

про-: *прорубить прорубь, прорезать карманы, прогрызть дыру, долбить стену.*

6. Заключение

Рассмотрев значения, которые приставки добавляют к деструктивным глаголам, можно прийти к выводу, что, действительно, глагольная семантика определяет значения, которые могут добавлять приставки, и противопоставление данных подгрупп в рамках определенной ЛСГ это доказывает. Приставки добавляют очень ограниченное количество значений к глаголам первой подгруппы в связи с интенсивным характером их деструктивного действия. Кроме того, внутри одной подгруппы (второй) добавляются те или другие значения в зависимости от характера воздействия орудия на объект. Действие орудия на объект и результат этого действия являются определяющими при выяснении значений, добавляемых приставками. В связи с этим обстоятельством вторая подгруппа делится на две части:

а) инструмент, превращающий объект в порошок (*толочь — молоть*);

б) инструмент, действующий на объект поступательно-возвратным образом (группа 5.2.2).

Это обстоятельство объясняет определенные семантические ограничения. К глаголам *толочь* и *молоть* приставки добавляют только временные семы. Результат действия затрудняет появление любого пространственного распространителя, а для остальных глаголов второй подгруппы — любых пространственных и временных распространителей, например: *прорубить прорубь*.

Кроме того, некоторые глагольные формы в зависимости от приставки, которая добавляется, переходят из одной группы в другую, т. е. характер преобразования меняется: *драть*.

Несмотря на то, что глаголы одной ЛСГ создают довольно благоприятные условия для анализа значений, добавляемых приставками, они не всегда регулярно реализуют одни и те же значения. Так, приставка *на-* ко всем глаголам второй подгруппы без исключения регулярно добавляет количественные характеристики действия: *нарубить мяса, нарезать колбасы, надрать много коры, нарвать немного травы, накрошить табаку, накромять бумаги*, но объектные характеристики действия (*укоротить*) образуются при помощи разных приставок (*под, об, у*): *подрезать деревья в саду, обрезать нитку, урезать полы одежды*.

Это доказывает, что приставка уточняет то или иное значение в зависимости от семантических характеристик глагола, к которому данная приставка присоединяется.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1965 — *Апресян Ю. Д.* Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам // Вопросы языкознания. 1965. № 5.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Всеволодова 1990 — *Всеволодова М. В.* К вопросу о семном составе славянского глагольного вида // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
- Земская 1992 — *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Кронгауз 1998 — *Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Милославский 1980 — *Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
- Милославский 1989 — *Милославский И. Г.* Вид русского глагола как словообразовательная категория // Филологические науки. 1989. № 4.
- Петрухина 1990 — *Петрухина Е. В.* К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в русском языке // Русский язык за рубежом. 1990. № 4.
- Соболева 1969 — *Соболева П. А.* Словообразование как объект моделирования // Проблемы прикладной лингвистики. Ч. 2. Тезисы межвузовской конференции. М., 1969.
- Тихонов 1963 — *Тихонов А. Н.* Глаголы с чисто видовыми приставками в современном русском языке. М., 1963.
- Тихонов 1989 — *Тихонов А. Н.* Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Отражаемая омонимия. Отражаемая антонимия. Ташкент, 1989.
- Улуханов 1977 — *Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Черепанов 1975 — *Черепанов М. В.* Глагольное словообразование в современном русском языке. Саратов, 1975.
- Шмелев 1973 — *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Яруллина 1980 — *Яруллина Т. С.* Словообразовательные возможности русских неизменяемых глаголов (к вопросу о взаимодействии грамматики и словообразования): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Dokulil 1955 — *Dokulil M.* Jazykovy koutet čechoslovensko rozhlasu. Praha, 1955.

СЛОВАРИ:

- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 1–4.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд. М., 1981.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. 1–2.

ПОНЯТИЯ ЧИСТОТЫ И ПОРЯДКА В НАЗВАНИЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СВОЙСТВ: СПЕЦИФИКА СЛОВ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Представления о порядке и чистоте занимают значительное место в мире человека. Задача данной статьи состояла в том, чтобы попытаться реконструировать наивно-языковые представления о порядке и чистоте, нашедшие отражение в семантике существительных и прилагательных со значением человеческих свойств: *аккуратный 1, аккуратист* (разг.), *опрятный, подтянутый, подобранный 2* (уходящ.), *чистоплотный 1, чистюля* (разг.), *чистоплюй 1* (разг. сниж.); *неаккуратный, неопрятный, расхлябанный* (разг.), *расхристанный* (разг. уходящ.), *нечистоплотный 1, неряшливый, неряха, свинья 2* (груб. прост.), *поросенок 2* (разг. шутл.), *грязнуля* (разг.).

Все перечисленные слова характеризуют субъекта с точки зрения его заботы о чистоте и порядке и различаются между собой по следующим сквозным признакам.

1. Характер центральной идеи (чистота vs. порядок)

На основании этого признака все перечисленные слова разбиваются на три группы:

а) Слова, для которых центральной является идея порядка (*аккуратный, аккуратист, подтянутый, неаккуратный, расхлябанный, расхристанный*). Ср. Он очень аккуратен <он необыкновенный аккуратист>, на его рабочем столе всегда образцовый порядок; Отец Андрей надел френч, подошел к зеркалу и одернулся. И оказался стройным, аккуратным, почти по-военному подтянутым стариком (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»); Последнее время она стала очень неаккуратной, разбрасывает по всему дому свою одежду, книги и тетради; Он весь какой-то расхлябанный, брюки висят, рубашка не заправлена; — Почему ты такой расхристанный? Неужели трудно застегнуться?

б) Слова, для которых основной является идея чистоты (*чистоплотный, чистюля, нечистоплотный, грязнуля, поросенок*). Ср. Был он — чистоплотный и домовитый: надо было видеть, с какой тщательностью он по утрам чистил панталоны (В. Набоков.

«Памяти Л. И. Шигаева»); *И живет в этой квартире старшая сестра — одинокая чистюля, наверное, бывший санинструктор роты* (В. Кунин. «Ты мне только пиши»); — *В моих местах, — сказал отец Василий, — тоже черные баньки, а то просто залезут в печь и моются. Здесь народ куда чистоплотнее* (А. Рыбаков. «Дети Арбата»); — *Вот поросенок <грязнул>! Опять весь в песке измазался.*

в) Слова, совмещающие идею чистоты и идею порядка (*опрятный, неопрятный, неряшливый, неряха, свинья*). У слов данной группы в одних случаях на первый план выходит идея чистоты, в других — идея порядка; ср. *Он был очень опрятен: одежда всегда выглажена, воротничок аккуратно расправлен* vs. *Он был очень опрятен: белоснежная рубашка, на брюках ни пылинки*; — *Какой ты неопрятный <неряшливый, неряха>! Рубашка мятая, верхняя пуговица оторвана* vs. — *Какой ты неопрятный <неряшливый, неряха>! Посмотри на воротничок своей рубашки — он же серый от грязи; «Наши новые жильцы — такие свиньи <неряхи>! — возмущалась она, — зашла к ним — даже испугалась: вся одежда на полу, постель не заправлена, всюду горы книг»* vs. *«Наши новые жильцы — такие свиньи <неряхи>! — возмущалась она, — зашла к ним — даже испугалась: на полу комья земли, всюду окурки, на телевизоре слой пыли толщиной в палец».*

2. Характер объекта, о чистоте и порядке которого заботится субъект

а) *Опрятный, неопрятный, подтянутый, подобранный, расхлябанный и расхристанный* характеризуют состояние одежды субъекта.

Первые два прилагательных указывают на то, что одежда чистая, выглаженная, аккуратно зашита (*опрятный*), или, наоборот, на то, что она грязная, рваная, мятая (*неопрятный*). Ср. *Они [пришлые крестьяне] были — опрятней и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, — чистыми портами и рубахами* (И. Бунин. «Косцы»); *В чистом, удобном помещении работали опрятные, хорошо одетые люди* (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»); *К прилавку подошел неопрятный старик в грязном пиджаке и мятых тренировочных штанах.*

Подтянутый и подобранный указывают на то, что все детали одежды находятся в безупречном порядке — все расправлено, застегнуто, подогнано по фигуре. Ср. *К этим людям принадлежал и Алексей Красиков, — экс-капитан флота, как любил он говорить о себе, всегда подтянутый, — в синем, наглухо застег-*

нужно кителе с безукоризненно белым подворотничком (Ф. Абрамов. «А у папы были друзья?»); Третий века назад, подтянутый, в безукоризненно сидящей форме, он был хорош (М. Веллер. «Поправки к задачам»); [Гаркушу] словно и жара не брала: так же подобран, ватник застегнут на все пуговицы (Авдеев, МАС).

Расхристанный и расхлябанный, наоборот, создают образ небрежно одетого человека: расхристанный указывает на незастегнутый ворот, расхлябанный — на болтающуюся одежду.

б) В случае чистоплотный, нечистоплотный объектом прежде всего является собственное тело субъекта и то, что входит с ним в непосредственный контакт, — одежда, постельное белье. Это связано с тем, что, в отличие от других слов, характеризующих субъекта с точки зрения его заботы о чистоте, чистоплотный и нечистоплотный предполагают специфический характер загрязнения, которое устраняет (или не устраняет) субъект. Он связан не с внешним воздействием, а с функционированием организма человека или животного. Из-за этого, в частности, чистоплотный и нечистоплотный не всегда уместны, когда речь идет о чистоте верхней одежды. Ср. — *А я чистоплотен, — ванну принимаю каждый день* (Ю. Семенов. «Непримиримость»); *Но мне показалось подозрительным то обстоятельство, что он сдает в стирку заношенное белье. Обыкновенные горбуны чистоплотны. Они опасаются своей одеждой вызвать дополнительное отвращение* (Абрам Терц, А. Синявский); ср. также стандартное *Он очень чистоплотен, каждый день меняет рубашку; Он нечистоплотен, по две недели не меняет рубашку при неестественном или неудачном* ?*Он очень чистоплотен, каждый день чистит щеткой пальто; Он нечистоплотен, куртка у него вечно в грязи.*

С прилагательными чистоплотный, нечистоплотный по характеру объекта сближается также существительное чистоплюй. Оно указывает на то, что субъект боится испачкаться и тем самым предполагает в качестве объекта его тело и одежду, которая надеята на нем в данный момент: — *Давай, лезь в яму! Ишь, чистоплюй какой! Он, видите ли, испачкаться боится!*

в) В случае грязнуля в качестве объекта может выступать не только собственное тело и одежда субъекта, но и различные предметы обихода; ср. — *Вымой уши <отряхни штаны>! Какой же ты грязнуля!;* — *Какой же ты грязнуля! Опять в тетради клякса!*

г) Аккуратный, аккуратист, чистюля, неаккуратный, неряшливый, неряха, поросенок, свинья допускают любой объект — это может быть и одежда, и собственное тело субъекта, и различные предметы, а также жилище в целом. Ср.

Он всегда такой аккуратный <он такой аккуратист> — причесан волосок к волоску, на брюках — ни складочки; Он необыкновенно аккуратен <он такой аккуратист> — книги в шкафу расставлены корешок к корешку, тетради в безукоризненном порядке, на письменном столе — ни одной лишней вещи; «Какая ты чистюля!» — сказал Бим Черному, завершая законную процедуру обнюхивания (Г. Троепольский. «Белый Бим Черное Ухо»); Только Менно одет как обычно: он всегда носит вельветовые костюмы, в которых выглядит ужасным чистюлей (Э. де Грун. «Банда тетушки Барбары». Пер. В. Ошис); Наша соседка — чистюля, каких поискать, кухня у нее всегда так и сверкает; — До чего ты неаккуратная <неряшливая>! Даже причесаться нормально не можешь: сзади волосы торчат, пробор кривой <пуговицы на платье застегнуты криво>; — До чего ты неаккуратная <неряшливая>! Сняла туфли и бросила посреди комнаты; — Какой ты неряха! <поросенок> Посмотри на свои руки <на свою одежду>!; — Какой ты неряха <поросенок>! Посмотри, на что похожа твоя постель <что творится в твоей комнате>.

3. Предмет характеристики

В этом отношении рассматриваемые слова делятся на три группы:

а) Слова, которые характеризуют привычки и внутренние установки субъекта (*чистоплотный, чистюля, чистоплюй, нечистоплотный, неаккуратный, свинья, поросенок*).

Все эти слова указывают на то, что субъект регулярно совершает (или, наоборот, не совершает) действия, направленные на поддержание чистоты или порядка, или же на то, что он воздерживается (или не воздерживается) от действий, которые могли бы привести к нарушению чистоты или порядка; ср. *Я — действительно сидел на пакете с фанерой и умывался. Но вовсе не потому, что всем стоящим вокруг я хотел показать, какой я чистоплотный <какой я чистюля>* (В. Кунин. «Кыся»); *Ян ин'т Фельдт мыться не любил и чистюлей не был* (В. Вестдейк. «Пастораль сорок третьего года». Пер. И. Волевич и Е. Щечковой); vs. *Этот чистоплюй отказался нам помочь — боится испачкать костюмчик*. Ср. также: *Он был на редкость нечистоплотен, мылся раз в месяц; — Какой же ты неаккуратный! Вытащил книги из шкафа и не убрал* vs. — *Что ты за поросенок! Вечно вымажешься с ног до головы*.

б) Слова, которые характеризуют внешний вид субъекта (опрятный, неопрятный). В тех случаях, когда речь идет о привычках субъекта, опрятный и неопрятный обычно неуместны. Ср. не-

сколько странное ¹Новая продавщица была очень опрятной, через день стирала и гладила свой белый халат и шапочку; ²Новая продавщица была неопрятна, стирала свой халат и шапочку раз в месяц, так что заведующая постоянно делала ей замечания при нормальном Новая продавщица очень опрятна, ее халат и шапочка чисты и тщательно выглажены; Новая продавщица на редкость неопрятная, халат у нее всегда грязный и мятый.

в) Слова, которые одновременно характеризуют внешний вид субъекта и его манеру держаться (*подтянутый, подобранный, расхлябанный*).

Прилагательные *подтянутый* и *подобранный*, помимо указания на порядок в одежде, указывают также на прямую осанку, четкие движения, «военную» выправку. Ср. *Прямой и подтянутый, идет мой друг Боря, надежда нашей науки* (В. Аксенов. «Звездный билет»); *Он стоял подтянутый, подобранный, докладывал кратко, по форме* (Бек, МАС).

Аналогичным образом *расхлябанный* указывает не только на болтающуюся и не пригнанную одежду субъекта, но и на его расслабленную позу, небрежные, разболтанные движения. Ср. *На стуле развалился расхлябанный юноша в рваных джинсах*.

г) Слова, которые могут характеризовать внешний вид субъекта и одновременно его привычки и установки (*аккуратный, неряшливый, неряха, грязнуля*).

Прилагательное *аккуратный* имеет два круга употреблений. В первом, основном, круге *аккуратный* характеризует привычки и установки субъекта, указывая на то, что субъект соблюдает порядок в том, что касается расположения предметов: следит за тем, чтобы все предметы находились на отведенных местах, располагает их по определенной системе, ровно и симметрично. Ср. *Нельзя сказать, что она была очень аккуратна: ящики бюро были битком набиты счетами и квитанциями, сложенными без всякой системы и даже не по годам* (Г. Грин. «Комедианты». Пер. Е. Голышевой и Б. Изакова); *Ирина была человеком аккуратным, писала красивым четким почерком и даже черновые графики и рисунки вычерчивала по линейке на миллиметровой бумаге* (А. Маринина. «Стечение обстоятельств»). Во втором круге *аккуратный* сближается с *опрятный* и характеризует внешность субъекта. В этом случае он указывает на то, что все — одежда, обувь, прическа, а также другие детали внешнего облика субъекта находятся в образцовом порядке. Ср. *Он был, как всегда, безупречно аккуратен: волосы расчесаны волосок к волоску, щеки чисто выбриты, пиджак застегнут на все пуговицы; Валентин — сидел перед ним в*

глубоком кресле, маленький, изящный, аккуратный, на замшевой куртке — ни пятнышка, на поддернутых брюках — ни морщинки (А. и Б. Стругацкие. «Пикник на обочине»).

Аналогичным образом, прилагательное *неряшливый* и существительное *неряха* могут характеризовать как привычки, так и внешний вид субъекта; ср. *С растрепанными волосами, в своем старом пальто с потертым воротником она выглядела неряшливой* vs. *Она была необыкновенно неряшлива — вечно разбрасывала повсюду свои вещи, теряла ручки и носовые платки; — Посмотри на себя! Ну и неряха!* vs. *Она такая неряха! Оторвется пуговица — так и будет ходить с оторванной, ни за что не пришьет; — Посмотри на себя! Ну и грязнуля!* vs. — *Что ты за грязнуля! Вечно вымажешься с ног до головы.*

4. Характер субъекта

По этому признаку охарактеризованы слова *подтянутый, подобранный, свинья, грязнуля, поросенок, чистоплотный, опрятный*.

Прилагательные *подтянутый* и *подбранный*, а также существительное *свинья* чаще всего предполагают в качестве субъекта взрослых людей (причем первые два — преимущественно мужчин); см. выше.

Наоборот, *грязнуля* и *поросенок* чаще всего используются применительно к детям.

Чистоплотный и *нечистоплотный*, в отличие от остальных рассматриваемых слов, допускают в качестве объекта животных; ср. *Кошки — необыкновенно чистоплотные животные; Мы привыкли считать, что свиньи нечистоплотны, хотя на самом деле это не так.*

Наконец, *опрятный* обычно используется применительно к людям, занимающим невысокое социальное положение, часто — деревенским жителям, а также старикам. Ср. *Никогда еще не видела она таких опрятных, спокойных и ладных мужиков, как Шарый* (И. Бунин. «Суходол»); *Обычно он сидел на старом потнике, опрятный, с таким горделивым видом, словно держал на привязи не обычную корову, а небольшого зубробизона* (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема»); *Опрятная миловидная старушка, стоя на крыльце, ласковым голосом сзывала кур* (И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок»). Эта особенность прилагательного *опрятный* связана с тем, что он, в отличие от его синонима *аккуратный*, чаще всего указывает на скромность и простоту одежды субъекта. Ср. *Подтягив, опрятный скромный старик — посмотрел поверх стекол пенсне на Ганина*

(В. Набоков. «Машенька»); *Вошла буфетчица в чепчике, белая, скромная и опрятная, похожая на Гретхен из старой немецкой книжки* (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»). Ср. также более удачное *Вошел аккуратный молодой человек в элегантном темно-сером костюме и сверкающих ботинках* при менее удачном *Вошел опрятный молодой человек в элегантном темно-сером костюме и сверкающих ботинках*.

5. Степень активности субъекта

В случае *аккуратный и опрятный* (а также отчасти *неопрятный*) чистота и порядок во внешнем виде субъекта могут быть результатом усилий других людей. Ср. нормальное *В комнату вошли два мальчика лет четырех, оба удивительно опрятные <аккуратные>, в матросках с белоснежными воротниками; В вагон вошел неопрятный цыганенок лет четырех*. Остальные рассматриваемые слова в таких контекстах не используются.

6. Цель и характер усилий, которые совершает (или должен совершать) субъект

В случае *чистоплотный, чистюля, нечистоплотный* субъект совершает (или не совершает) усилия, направленные на то, чтобы удалить уже возникшее загрязнение. Ср. *Она невероятная чистюля — постоянно что-то скребет и моет на кухне; С возрастом котенок стал чистоплотней — подолгу вылизывал шерстку, смешно тер лапкой мордочку; Старик был нечистоплотен, мылся редко, руки у него были постоянно выпачканы угольной пылью*. Напротив, *чистоплюй, грязнуля, поросенок* предполагают, что субъект совершает (или не совершает) усилия, направленные на то, чтобы избежать возможного загрязнения; ср. *Нет, я не чистоплюй какой-нибудь, но мне всегда становится немного не по себе, когда я вижу красные с белыми жилами туши* (В. Аксенов. «Апельсины из Марокко»); ср. также — *Ну что за поросенок, вечно он возвращается с улицы весь в грязи; — Ну и грязнуля! Ты что, кашу руками ел?*

Кроме того, в случае *чистоплотный* цель субъекта состоит в соблюдении гигиены как таковой, вне зависимости от того, насколько этот отражается в его внешнем виде. Между тем *чистоплюй* предполагает в качестве цели именно чистоту внешнего вида субъекта. Для слова *чистюля* возможны оба варианта.

7. Оценка субъекта со стороны говорящего

Естественным образом, слова, указывающие на заботу субъекта о чистоте и порядке, содержат положительную оценку, тогда как слова, указывающие на ее отсутствие, содержат отрицательную оценку. Однако в ряде случаев эта закономерность нарушается. Так, существительное *чистюля* может содержать указание на чрезмерность заботы о чистоте и, как следствие этого, нести отрицательную оценку. Ср. [Девочки] *Чистюли, ябеды, а самые лучшие из них — такие же, как мы: коленки в ссадинах, дикie рысьи глаза и пристрастие к подножкам* (А. и Б. Стругацкие. «Дикие лебеди»); — *Что ты к нам пристал? — Катишь на своих колесах, чистюля, и кати дальше* (С. Михалков. «Праздник непослушания»).

Помимо существительного *чистюля*, на излишнюю заботу субъекта о чистоте может указывать также существительное *чистоплюй*. Это слово содержит характеристику поведения субъекта, указывая на то, что он, стремясь сохранить чистым свой внешний вид, уклоняется от выполнения каких-либо необходимых действий. Говорящий расценивает такое поведение как проявление преувеличенного представления субъекта о собственной значимости и одновременно — лени и трусости. Ср. *Было бы странно, если бы императорский телохранитель оказался чистоплюем и белоручкой* (Е. Филенко. «Шествие динозавров»); ср. также следующий контекст, в котором употреблено существительное *чистоплюйство*, производное от существительного *чистоплюй*: *Откуда это барство, это чистоплюйство?* (А. и Б. Стругацкие. «Сказка о тройке»). В отличие от слова *чистюля*, для которого положительная оценка в целом более характерна, чем отрицательная, слово *чистоплюй* всегда несет резко отрицательную оценку и при этом указывает на презрительное отношение говорящего к субъекту.

Что касается слов, обозначающих отсутствие заботы о чистоте и порядке, то они допускают различную интенсивность отрицательной оценки. Так, *грязнуля* и *поросенок*, употребляемые применительно к детям, содержат слабо-отрицательную оценку и могут использоваться одновременно как ласкательные наименования, что для других слов отрицательного полюса невозможно.

В целом сопоставление семантики слов с положительным и отрицательным значением позволяет сделать следующие выводы:

1. Если рассматривать антонимичные пары слов, то оказывается, что слова негативного полюса часто имеют более специализированное значение по сравнению со словами позитивного полюса. (При этом с

добавлением отрицания чаще всего добавляются ограничения на характер объекта или субъекта, а также на предмет характеристики.)

а) В паре *чистюля* — *грязнуля* второе слово, в отличие от первого, накладывает ограничения на характер объекта (в случае *грязнуля* в качестве объекта может выступать тело субъекта, его одежда и предметы обихода, но не его жилище, тогда как для слова *чистюля* возможны все четыре варианта), а также на характер субъекта (в случае *грязнуля* в качестве субъекта выступают дети, что для слова *чистюля* не обязательно). Ср. несколько странное — ?*Посмотри, как ты насорил в коридоре! Какой ты все-таки грязнуля!*, а также неудачное ?*Иван Иванович такой грязнуля!* (последняя фраза возможна только в шутливой речи).

б) В парах *аккуратный* — *неаккуратный* и *подтянутый* — *расхлябанный* каждый второй член пары по сравнению с первым накладывает более жесткие ограничения на предмет характеристики. В частности, *аккуратный* характеризует как привычки субъекта, так и его внешний вид, тогда как для *неаккуратный* второй тип использования нетипичен. Ср. более естественное *выглядеть аккуратным* при менее естественном ?*выглядеть неаккуратным*. Аналогичным образом *подтянутый* одинаково свободно используется, когда речь идет как о состоянии одежды субъекта, так и о его манере держаться, тогда как *расхлябанный* указывает главным образом на движения и позу субъекта, и значительно реже — на состояние его одежды.

в) В паре *чистоплотный* — *нечистоплотный* второе слово, в отличие от первого, содержит более жесткие ограничения на характер объекта. *Нечистоплотный* всегда предполагает в качестве объекта тело субъекта и то, что входит с ним в контакт (одежду, постельное белье). Между тем *чистоплотный* в небрежной речи может использоваться в том числе тогда, когда речь идет о поддержании чистоты жилища в целом. Ср. допустимое *Наша соседка — необыкновенно чистоплотная женщина, кухня у нее так и блестит* при странном ?*Наша соседка ужасно нечистоплотная, на кухне у нее страшная грязь*.

Такое различие в широте значения между словами с отрицательной и положительной семантикой, наблюдаемое у слов данного семантического поля, на наш взгляд, объясняется общим законом, согласно которому отрицательный полюс, обозначающий отклонение от нормы, разрабатывается в языке более интенсивно, чем положительный.

2. В том, что касается характера центральной идеи (соблюдение чистоты vs. соблюдение порядка), слова негативного полюса ока-

зываются, наоборот, более универсальными по сравнению со словами положительного полюса. Так, среди слов, имеющих позитивное значение, присутствует только одно, совмещающее идею порядка и чистоты, — а именно *опрятный*. Среди слов с негативным значением таких лексем четыре: *неопрятный*, *неряха*, *неряшливый*, *свинья*. (См. примеры в пункте 1.) Можно предположить, что сглаживание различий по данному признаку у слов с отрицательной семантикой связано с тем, что в наивной картине мира отсутствие чистоты и отсутствие порядка менее жестко противопоставлены, чем их наличие: и то и другое воспринимается как различные формы проявления хаоса.

3. Наличие таких лексем, как *чистоплюй*, *чистюля*, которые обозначают заботу субъекта о чистоте и одновременно содержат (или могут в некоторых случаях содержать) отрицательную оценку, показывает, что в русской наивно-языковой картине мира существует представление о некой норме соблюдения чистоты, которая не должна превышать.

Как нам кажется, содержание этой нормы отчасти зависит от цели и характера усилий, которые совершает субъект.

а) Если усилия субъекта направлены на то, чтобы устранить уже возникшее загрязнение, и предполагают совершение субъектом каких-либо действий, они рассматриваются в наивно-языковом сознании как необходимые и нормативные и оцениваются положительно. (На это указывает положительная оценка, которую содержит в большинстве контекстов слово *чистюля*, а также положительная оценка слова *чистоплотный*.) Если же усилия субъекта носят «превентивный» характер, т. е. направлены на то, чтобы избежать загрязнения, и предполагают воздержание от каких-либо действий, как в случае *чистоплюй*, они могут рассматриваться как избыточные и оцениваться отрицательно, связываясь с представлением о лени и трусости.

б) Забота субъекта о гигиене расценивается в наивно-языковом сознании как более важная и нормативная, по сравнению с заботой о своем внешнем виде. На это указывает положительная оценка слова *чистоплотный*, который предполагает в качестве цели соблюдение гигиены, и отрицательная оценка слова *чистоплюй*, который предполагает в качестве цели исключительно чистоту внешнего облика субъекта.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИЕРАРХИЗАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ В НЕПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *ВАЖНЫЙ И СЕРЬЕЗНЫЙ*)*

Параметрические и антропологические прилагательные

Важный и серьезный не могут относиться ни к предметам (не бывает **важного шкафа*, **важных ботинок*; **серьезной занавески*; **серьезного супа* и т. п.), ни к природным событиям (**важный дождь*; **серьезное землетрясение*). Прилагательные, подобные *важный* и *серьезный*, можно назвать «антропологическими». Такие слова характеризуют мир человека (в том смысле, как это понимается Н. Д. Арутюновой, ср. [Арутюнова 1998]), т. е., в конечном счете, мир информационный — мир событий, смыслов, оценок, интерпретаций.

Таким образом, первый, более общий вопрос, возникающий в связи этими и подобными прилагательными, состоит в том, как человек «измеряет», оценивает, классифицирует события, какими критериями он при этом пользуется, какие признаки бывают у событий с точки зрения человека и, вообще, данной культуры, картины мира, задаваемой данным языком, — и какова специфика лексики, характеризующей непредметные сущности, по сравнению с лексикой, характеризующей предметы. Некоторые существенные сведения об этой специфике позволяет получить анализ прилагательных типа *важный* и *серьезный*.

Прилагательные рассматриваемого класса — интерпретационные, оценочные в широком смысле. Они предназначены для того, чтобы выделять, маркировать событийные и информационные сущности в потоке жизни и определенным образом их характеризовать. В самом деле, поток жизненных событий неизбежно превратится в хаос, если мы не будем иметь смысловых инструментов для структурирования, упорядочения и осмысления единиц этого потока.

Но мир событий устроен не так, как мир предметов: предметы «сохраняются» во времени, а события «исчезают», сменяются но-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 02-04-00295а.

выми (из чего и складывается ход времени и содержание жизни). Поэтому естественно, что у «антропологических» прилагательных существенно иные свойства, чем у «параметрических», исходно характеризующих предметы (типа *широкий/узкий, высокий/низкий, длинный/короткий* и под.).

При описании физических объектов используются параметры и шкалы (величина, ширина, высота). Конечно, характеристики физических объектов в конечном счете соотнесены с человеком (особенно характеристики, описывающие реакции человека при его взаимодействии с объектами, — типа *горячий/холодный* или *легкий/тяжелый*, ср. [Рахилина 2000; Кустова 2002а]), но тем не менее здесь существуют какие-то объективные единицы измерения (ширину можно измерить в метрах, температуру — в градусах, вес — в килограммах). В мире событий и смыслов нет «объективных» методов и единиц измерения. Исходной точкой всегда является сам человек, отсчет производится человеком и «от человека».

Шкала у «событийных» прилагательных устроена не так, как у «предметных», — она неоднородна, разные ее участки могут обозначаться разными словами, ср.:

положение серьезное — тяжелое — критическое — катастрофическое.

Лишь к некоторым «антропологическим» прилагательным применимо понятие нормы, подобное аналогичному понятию, используемому при описании параметрических прилагательных, — нормы в смысле среднего значения, по отношению к которому определяются большие и маленькие значения.

При наличии представления о норме антропологические прилагательные могут образовывать антонимические пары (ср. *суровое* vs. *мягкое наказание*). Но у многих антропологических прилагательных такого «среднего» значения нет, поэтому у них нет и нормальных антонимов. В частности, это относится к *важный* и *серьезный*. Например, можно сказать: *В клетке сидели два больших медведя и три маленьких; Нес тяжелый чемодан и легкую сумку*; но нельзя: **Произошли два важных события и три неважных* (только в предикативной позиции есть какое-то подобие антонима: *Мне это важно / не важно / безразлично*); ср. тж.: *Предстоит серьезная борьба — ?несерьезная борьба; Нам обещали серьезную помощь — Нам обещали кое-какую помощь* (разумеется, никому не придет в голову помещать в словаре антонимов пару *серьезный* и *кое-какой*). И даже *несерьезный человек* не является отрицанием *серьезного*, это отдельный набор признаков.

Вторая, более частная, проблема, связанная с этими словами, состоит в следующем.

Важный и *серьезный* очевидным образом связаны и очень близко подходят друг к другу в семантической системе. Если для человека что-то важно, он к этому и относится серьезно. И наоборот: если он к чему-то относится серьезно, значит, для него это важно. И в словаре *серьезный* толкуется как «заслуживающий особого внимания в силу важности». Тем не менее эти слова, как правило, не встречаются в одном контексте (есть *серьезная борьба* — но нет **важной борьбы*; есть *серьезные недостатки* — но нет **важных недостатков*), а если встречаются, то имеют ощутимые смысловые различия (ср. *серьезная улика* — *важная улика*; *серьезная проблема* — *важная проблема* и т. п.).

Таким образом, *важный* и *серьезный* заключают в себе две разных семантических модели иерархизации, предлагают носителям языка разные способы (параметры) интерпретации событий и предметных объектов. Где и почему они сходятся и в чем расходятся?

Важный

У *важный* есть значения, относящиеся к человеку: (а) *важная особа, важная персона, важный начальник* — ‘высокое место в социальной иерархии’ (не может быть **важный сосед, *важный учитель* и даже **важный академик*, но бывает *важный пост* в Академии Наук) и (б) *Он был надменный и важный* (‘величественный’). Есть еще одно — устаревшее, но важное для нашей темы — значение (в) *важный* = ‘хороший’ (*важная уха; важные сапоги*). Эти значения в данной работе специально не рассматриваются, но, как будет видно из дальнейшего, они существенным образом связаны с основным значением — либо в качестве компонента (‘высокий в иерархии’), либо в качестве импликации (‘хороший’).

Основное значение прилагательного *важный* — которое в словарях дается как первое (исходное) и которое больше всего связано с *серьезным* — толкуется, по существу, через синонимическую замену: ‘имеющий особенно большое значение’ [МАС]; ‘значение’ здесь, в свою очередь, должно пониматься как ‘важность, ценность’.

Такое толкование не снимает вопроса о том, каковы критерии применения квалификатора *важный* к событиям и другим предметным «объектам».

Важный используется для выделения каких-то фрагментов, «звеньев» из потока событий. Если в потоке времени все происходящее как бы равноценно (просто потому, что все это происходит),

то в смысловом пространстве события выстраиваются в какую-то систему (или системы), человек устанавливает (или обнаруживает) между ними связи, зависимости. Именно в этой системе (и только в ней) что-то может быть выделено и обозначено как *важное*. Как происходит такое выделение и что считается важным?

Прежде всего, это выделение происходит относительно человека: *важный* предполагает круг лиц (в предельном случае — одно лицо), чьи интересы затрагивает данное событие. То есть у *важный* есть семантическая валентность на субъекта, относительно которого важность устанавливается (или который сам устанавливает важность некоторого события, квалифицирует его с этой точки зрения). Этот релевантный субъект может выражаться эксплицитно:

Вчера произошло важное для нашего города событие;

У меня сегодня важная встреча;

(ср. также предикатив: *Мне / для меня важно, чтобы встреча состоялась;*

Для него важно, чтобы работа была интересной),

— но может и просто вычисляться (как, например, субъект сознания, ср. [Падучева 1991]).

Во-вторых, *важный* характеризует такие события, которые на что-то влияют, что-то определяют, от которых что-то зависит в некоторой последовательности, структуре событий, которые будут иметь последствия.

Зависимость одного события от другого (важного) может быть (как и субъект-Бенефициант) выражена эксплицитно:

Чтобы достичь нужного эффекта, очень важно правильно рассчитать дозу препарата ('важно для достижения...'),

— а может просто «вычисляться», выводиться на основе общего знания ситуации или просто жизненного опыта.

Поскольку зависимость направлена из прошлого в будущее, *важное* событие всегда предполагает перспективу: оно обращено в будущее, связано с будущим, меняет ход жизни, ср.: *Произведены важные назначения / важные перестановки в правительстве; Внесены важные изменения/поправки в закон; Сделан важный шаг по пути реформ* — от этих назначений/изменений и т. д. что-то зависит; *Сегодня важный матч кубка* — например, от него зависит выход в финал; *Это важный эксперимент: от него зависит ход дальнейших исследований*; ср. тж.: *важный результат; важное открытие; важный вклад; важные достижения; важная роль; важные последствия.*

Характерен контекст «регулирующего объекта»:

Приняли важное решение / важный закон;

Заключили важные соглашения.

В сфере ИНФОРМАЦИИ и РЕЧИ как *важные* квалифицируются те информационные объекты, которые тоже имеют, в конечном счете, регулирующую функцию, имеют определенные информационные или даже акциональные последствия:

Получены важные сведения — от них могут зависеть какие-то дальнейшие действия;

Привел важный довод/аргумент; высказал важную мысль — повлияет на ход рассуждений или конечные выводы;

Сделал важное признание / важное заявление — от этого будет что-то зависеть;

но: **высказал важные сомнения; *сформулировал важный взгляд; *предложил важный анализ текущих событий; *дал мне важный совет* — подобные информационные «объекты» не имеют регулирующего характера (сомнениями можно пренебречь; совету не обязательно следовать).

Еще один чрезвычайно характерный контекст — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ какой-то системы. Почему в системе можно выделить важное? Потому что в ней есть иерархия и связи: *важный параметр; важный вопрос; важный пункт договора; Галстук — важная деталь костюма.*

В начале статьи было упомянуто, что с предметами *важный* не сочетается. В действительности, такие сочетания возможны, но при определенных условиях: предмет обязательно должен мыслиться в составе единого механизма, системы, иерархии. Можно сказать: *Это важная деталь машины: без нее мотор не работает* (и даже — *Это очень важный винтик*); но нельзя сказать: **Подари мне важный винтик.*

Подводя итог этого небольшого обзора, отметим следующее.

Наиболее характерные (диагностические) контексты для *важный* — металексика: *событие, факт, происшествие, дело, мероприятие, проблема, вопрос, новость, сообщение.* Все подобные слова являются метаобозначениями, языковыми классификаторами, которые уже сами по себе предполагают «переработку» и обработку конкретного жизненного содержания ситуации, «экстрагирование» из нее каких-то релевантных признаков, «подведение» ситуации под определенную семантическую модель. Такие классификаторы «при-

поднимают» ситуацию над жизненным потоком, проецируют ее в информационную, аксиологическую, смысловую сферу, переводят с уровня сырого материала жизни на уровень обработанного, осмысленного, классифицированного содержания (ср. [Арутюнова 1988]). Даже когда мы используем «обычную», не классифицирующую лексику (*важная встреча, важный матч*), мы мыслим данную ситуацию не отдельно, не изолированно (ср. *Важная встреча длилась три часа* — существенно также тяготение *важный* к рематической позиции, о чем мы не можем здесь говорить подробно), а в составе более сложной структуры и относительно общего хода событий.

Второе замечание касается оценочного компонента прилагательного *важный*.

Важный не может быть плохим. *Важный* влечет не просто изменение, но конструктивное изменение: не может быть **важная ошибка, *важный просчет, *важный урон, *важные недостатки, *важная потеря, *важные испытания* (в смысле 'тяготы' — но могут быть *важные испытания самолета*), **важная болезнь* (однако все это может быть *серьезным*); *Предстоят важные перестановки в правительстве*, но не **важные увольнения*; **Произошло несколько важных провалов / несколько важных убийств*. Можно сказать *Вчера в его жизни произошло важное событие: он женился*, но нельзя: **Вчера в его жизни произошло важное событие: его приговорили к расстрелу* — хотя расстрел по своим последствиям намного важнее женитьбы.

Почему *важный* не сочетается с плохим?

Как уже было сказано выше, *важный* предполагает перспективу. Но разве у плохих событий нет перспективы? Ведь от них тоже что-то зависит, они как-то (иногда очень существенно) меняют жизнь. Оказывается, что в каком-то смысле — с точки зрения критериев, заложенных в семантике слова *важный*, — у плохих событий нет перспективы. По-видимому, человек трактует «отрицательные» события как «обрыв» цепочки событий, как тупик. Они не развивают ход событий, а обрывают, прекращают его.

Кроме того, сохраняется связь со значением *важный* = 'хороший'.

И, наконец, *важный* содержит идею желания (ср.: *Мне важно, чтобы...* — значит 'для меня ценно, я хочу', — а человек не хочет плохого) и желательности (ср.: *Важно, чтобы дети получали достаточное количество витаминов*). Именно «звено» 'желательности' обеспечивает и поддерживает семантическую связь 'важно' — 'ценно' — 'хорошо' и не позволяет характеристике *важный* смещаться в сторону «отрицательных» ситуаций.

Серьезный

Если *важный* — очень важное слово с точки зрения структурирования жизненного потока, то *серьезный* — это вообще один из ключевых концептов для человека и для культуры в целом. Само слово *серьезный* является заимствованным и относительно новым в истории русского литературного языка. Однако представляется совершенно не случайным и чрезвычайно показательным, что оно оказалось столь востребованным и постоянно «наращивающим» значения и контексты. Дело здесь, конечно, не в слове *серьезный* как таковом (вероятно, язык мог бы освоить, приспособить для выражения соответствующего смысла и какое-нибудь другое слово), а в самом семантическом и культурном противопоставлении СЕРЬЕЗНОГО (это сфера жизни, связанная прежде всего с трудом, деятельностью, делами, а также с заботами, проблемами, трудностями, неприятностями и, что очень важно, напряжением), — и НЕ-СЕРЬЕЗНОГО, или, пользуясь термином М. М. Бахтина, «карнавального», «смехового» (сюда входят отдых, праздник, развлечения, расслабление, смех, веселье, шутки, розыгрыши, вообще игра — и, между прочим, детство как период отсутствия труда, трудностей — хотя бы теоретически — и ответственности).

Отметим один важный семантический переход, который существенно проясняет специфику слова *серьезный* как событийного квалификатора, — это переход «несерьезно → неправда», ср.: *Ты это серьезно? Ты не шутишь?* У шутки есть разные ипостаси: «смешно» (пошутил → рассмешил) и «неправда» (пошутил → разыграл). От лжи шутка отличается тем, что ее автор тут же сам себя разоблачает. Шутка — это неправда не в смысле ложь, а в смысле не-действительность, не-существование. Все, что относится к миру смеха, игры, — так сказать, карнавала, — как бы не существует с точки зрения серьезного мира. Это не нужно учитывать, не нужно принимать во внимание, не нужно принимать всерьез — на это не нужно реагировать так, как на «серьезные» высказывания (шутка предполагает совершенно особый тип реакции). Ср. также:

серьезная музыка, серьезная литература — не развлекательная, не увеселительная;

серьезное чувство — настоящее (*У них это серьезно*);

серьезный жених — надежный, ответственный (не сбежит, не обманет, не передумает), ср. также *серьезные намерения, серьезный покупатель, серьезная фирма*.

Если *важный* — это с самого начала характеристика события, и только в форме предикатива может обозначать отношение (но не внутреннее состояние человека), ср. *Мне важно знать/попасть/добиться Р; важно, чтобы Р*, то *серьезный* — это исходно характеристика именно человека. И эта характеристика человека тесно связана и согласована с общими представлениями о «серьезной» сфере жизни.

Характеристика *серьезный* имеет две ипостаси: актуальное внутреннее состояние (*Он был серьезен и сосредоточен; Он серьезно посмотрел на меня*) и постоянное психологическое свойство (*серьезный человек*).

Серьезен (как состояние) значит, в частности, «не смеется, не шутит, не веселится». Обычно такое состояние является результатом внутреннего напряжения, результатом того, что человек на чем-то сконцентрировался (поэтому ему, так сказать, не до смеха). Кроме того, это состояние контролируемое (*будь серьезным*, — но не **будь важным*), — и идея контроля, возможности вмешательства человека в «серьезное событие», деятельной реакции на него сохраняется практически во всех значениях *серьезный*, даже в «количественном» (*серьезная ошибка* — см. ниже).

Серьезный человек (как свойство) — это прежде всего не склонный к развлечениям и веселью, но склонный заниматься делом, а также надежный, ответственный и т. п.

От этого исходного семантического пункта — характеристики человека — признак *серьезный* метонимически распространяется на различные внешние проявления внутреннего состояния человека (ср. *серьезно посмотрел/сказал* — подробнее об этом типе семантического сдвига см. [Кустова 2002б]), различные аспекты его деятельности, а затем и на «внешние» события. Проследим те семантические «шаги», которые приводят от характеристики человека к характеристике события. В этой цепочке семантических переходов в значениях слова *серьезный* можно различить следующие «этапы»:

человек (состояние/свойство) → отношение человека к деятельности Р → качественная оценка события Р → количественная оценка события Р.

Семантически исходным для события является отношение.

Серьезный, серьезно — это установка действующего человека (соответственно, *серьезный* выступает обычно в форме наречия-модификатора глагола). Характерные контексты здесь — отношение (которое проявляется в деятельности) и сама деятельность (которая в норме имеет интеллектуальную составляющую): *серьезно*

относиться к своим обязанностям; серьезно отнестся к порученному делу; серьезно готовился к соревнованиям / поступлению в институт; — но не ²серьезно рыл канаву / ел суп.

В ситуациях, требующих механического (алгоритмического) выполнения (типа есть суп, забивать гвоздь или рыть канаву), *серьезно* значит просто 'с серьезным видом' (*серьезно ел суп* = с серьезным лицом).

Разумеется, в ситуации рытья канавы (или подобной) тоже есть место для серьезного отношения к делу. Вообще, серьезное отношение предполагает личную инициативу и личную ответственность (серьезное отношение, в частности, значит 'ответственное'): человека никто не контролирует, он добровольно и сознательно отдает работе много сил, концентрирует на ней внимание, учитывает разные аспекты и последствия, чтобы ничего не упустить, все предусмотреть — и получить результат в максимальном полном объеме.

Серьезно делать Р / относиться к Р — это некоторый социальный стандарт правильного и поощряемого обществом поведения. Здесь важны два параметра, которые затем используются при характеристике событий и положений дел, — интеллектуальный (внимание, концентрация — своего рода напряжение, которое соотносится с психологическим состоянием *быть серьезным*, — контроль, обдумывание, содержательный анализ) и количественный ('много', 'интенсивно'). То есть *серьезно* в контексте контролируемой деятельности — это много и как следует. Таким образом, количественный компонент значения, который в крайнем звене цепочки (в значении интенсификатора) становится доминантой, присутствует уже в исходном звене. (В скобках заметим, что *несерьезно* может, в частности, значить 'мало': *Сколько вы мне заплатите? — 3 рубля. — Ну нет, это несерьезно; серьезные деньги — большие; смешные цены — маленькие; ср. тж. нешуточный — 'большой', 'много'.*)

Следующий шаг и следующая группа контекстов — обозначения ситуаций, осуществляемых (и, следовательно, контролируемых) человеком: *серьезная проработка/доработка; серьезная проверка; серьезный анализ; проделана серьезная работа. Серьезный* в таких случаях значит 'всесторонний', 'основательный', причем эта характеристика относится как к самой деятельности, так и к ее результату, что является прямым продолжением и следствием *серьезного отношения*.

Еще один шаг, сдвигающий семантику *серьезного* от человека к событию, — оценка некоторой ситуации, не контролируемой

человеком: *серьезные улики; серьезный довод; серьезный противник*. Если в *серьезную работу* человек «вкладывает» внимание, усилия, серьезное отношение, то оценка «внешней» ситуации или явления как *серьезного* предполагает, что такая ситуация требует серьезного отношения, внимания и, как правило, реакции (этим нельзя пренебречь, нельзя отмахнуться, нельзя не принять во внимание, как шутку или игру):

серьезная болезнь/рана — надо лечить (нельзя ждать, пока пройдет сама);

серьезный противник — надо готовиться;

серьезная улика и серьезный довод будут приняты во внимание.

Почему мы должны к *серьезному Р* (болезни, улике и т. п.) относиться серьезно? Потому что оно может или будет иметь последствия. Здесь *серьезный* ближе всего подходит к *важный*:

важный — это «повлияет, поэтому нужно относиться серьезно»;

серьезный — «требует серьезного отношения, потому что может повлиять»,

ср.: *Женитьба* — *серьезный шаг* (надо все обдумать, предусмотреть насколько возможно) vs. *Женитьба* — *важное событие* (повлияет на дальнейшую жизнь).

Наконец, в крайнем звене этой цепочки *серьезный* приобретает собственно количественное значение *MAGN* ('БОЛЬШОЙ', 'значительный', 'существенный'): *серьезные изменения/последствия/нарушения; серьезный прогресс/рост/успех; серьезные трудности/недостатки/разногласия/противоречия; серьезная ошибка; серьезный урон/ущерб/просчет; серьезное влияние/отставание/продвижение* и т. п.

Однако и в «количественных» контекстах *серьезный* — это не просто 'большой' и 'много': *серьезный* сохраняет (наследует) «интеллектуальную» составляющую и предполагает анализ содержания. Почему мы говорим «*серьезные трудности*»? Ведь можно сказать «*большие трудности*»? Что значит «*В закон внесены серьезные изменения*»? Если внесено 300 поправок, но мелких, — нельзя сказать *серьезные изменения*. *Серьезный* — это не просто «много», а «много по существу»: по существенному, значимому, актуальному для данной ситуации (и деятельности человека) параметру.

Таким образом, даже в «количественном» значении есть качественная составляющая: когда человек говорит о чем-то «*серьез-*

ный», это значит, что он проанализировал содержание и таким образом оценивает именно содержание, ср.:

серьезная ошибка — это ошибка в чем-то существенном (важном!), — и именно поэтому она значительная, крупная, «большая»;

серьезные упущения — это упущения не в мелочах;

Ситуация требует серьезного вмешательства со стороны властей — предполагается воздействие на существенные параметры ситуации.

У *важный* нет «негативных» контекстов, — у *серьезный* их очень много: *серьезная операция, серьезная болезнь, серьезная рана, серьезная ошибка, серьезные упущения* и т. п. Поэтому кажется, что *важный* — это хороший, а *серьезный* — плохой. В действительности это не так. Не говорят **серьезная смерть; *серьезное убийство; *серьезное предательство; *серьезная травля в печати; серьезное влияние* не может быть плохим: *Соссюр оказал серьезное влияние на Балли* («плохое» влияние будет *вредным, пагубным*). Просто особого внимания требует в первую очередь то, что может иметь отрицательные, негативные последствия. Это не то чтобы уже плохо, но чревато, опасно.

Серьезный — это предикат конструктивного отношения к жизни. *Серьезный* не только предполагает какую-то реакцию, но и оставляет место для реакции, предполагает возможность вмешательства — даже когда обозначает что-то плохое: *серьезная болезнь* — не просто надо лечить, но и можно вылечить; *Положение серьезное, но не безнадежное* — можно улучшить; *серьезную ошибку* можно исправить; *серьезные недостатки* подлежат устранению; *серьезная поломка* потребует много сил для устранения, но ее можно устранить.

И в этом смысле прилагательное *серьезный* похоже на *важный*: это, так сказать, промежуточное, текущее событие в жизненном потоке, оно сохраняет связь с последующими событиями и предполагает возможность дальнейших действий (имеет перспективу). То есть на нем движение не заканчивается, не обрывается.

В этом пункте *серьезный* и *важный* сходятся: ВАЖНОЕ имеет последствия (поэтому предполагает серьезное отношение), СЕРЬЕЗНОЕ требует реакции (потому что может или будет иметь последствия).

Основное же различие между *важный* и *серьезный* можно описать в модальных терминах.

Влияние *важного* события на дальнейший ход жизни объективно, независимо от человека; человек лишь констатирует его

важность (для чего нужно обладать определенным жизненным опытом или даже определенной конкретной информацией, ср.: *Кто же мог знать/предположить/подумать, что это так важно*; это касается, конечно, важности-влияния; важность-ценность — это отношение, устанавливаемое самим человеком: *Ты сам должен решить, что для тебя важнее — интересная работа или большая зарплата*).

Характеристика *важный* — это констатация наличия зависимости, обусловленности между некоторым событием и последующим положением дел. Это, в конечном счете, модальная оценка (класса *нужно, необходимо* и т. п.). *Важное* событие является важным «заранее», еще до того, как оно произошло, и независимо от его реального исхода (матч может быть важным с точки зрения выхода в финал независимо от того, будет он выигран или проигран; женитьба является важным шагом независимо от того, удачно человек женился (женится) или нет). Таким образом, *важный* описывает то, что человек вынужден принять, поскольку не может на это повлиять.

Серьезный же характеризует не причинные связи, а реальное содержание ситуации: определяет характер и степень участия человека в реализации ситуации (если она контролируемая) или (если ситуация неконтролируемая) реальный масштаб, значительность последствий чего-то, что уже произошло раньше (*серьезная ошибка/поломка*) и на что человек может повлиять (хотя бы на этапе ликвидации или нейтрализации этих последствий).

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1998 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
- Кустова 2002а — Кустова Г. И. Концепт тяжести и экспериенциальная сфера // Семиотика и информатика. М., 2002. Вып. 37.
- Кустова 2002б — Кустова Г. И. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания. 2002. № 2.
- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 1–4.
- Падучева 1991 — Падучева Е. В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Рахилина 2000 — Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

СПЛОШЬ И РЯДОМ*

Шел по улице отряд —
Сорок мальчиков подряд.

Д. Хармс

Для русского языка очень важен корень *ряд*¹ — с ним связаны многие слова, описывающие устройство жизни. Тут и слово *порядок*, и *обряд*, и *нарядный*, и *рядить*, да и само понятие *ряда*.

В частности, весьма интересно и в значительной степени лингвоспецифично наречие *подряд*. Ср.: *Они посмотрели подряд три картины, а потом завернули в «Гастроном»* (В. Аксенов. «На полпути к луне»); *Вечером произнес 8 раз подряд слово «абыр-валг», «абыр»* (М. Булгаков. «Собачье сердце»); *Он третий год подряд работал в местном детском саду конюхом* (Н. Гладышев. «Антонов колодец»); *Помнить все подряд Гарусов начал с того дня, как мать получила письмо* (И. Грекова. «Маленький Гарусов»); — *В физике произошли подряд две революции — теория относительности и квантовая механика* (В. Тендряков. «Ночь после выпуска»); *Ортер — единственный легкоатлет, победивший в одном виде на четырех Олимпиадах подряд* («Уппсальский корпус»).

На первый взгляд смысл наречия *подряд* очень прост: *подряд* — т. е. без промежутков. Имеет место нечто — и тут же сразу нечто такое же, между ними ничего другого. Например, МАС дает *подряд* следующее толкование: «непосредственно один за другим, без перерыва». Дается также оттенок значения: «(обычно при местоимении „всё“, „все“). Без исключения, без разбора».

Однако многие слова, связанные с квантификацией в широком смысле, могут пониматься очень по-разному в зависимости от сферы действия. Имеет разные типы употреблений и слово *подряд*.

Во-первых, квантифицироваться при помощи этого слова может время или объекты. Во фразе *Он выкурил подряд две сигареты* — *подряд* значит, что между двумя сигаретами не было временного интервала: докурив одну, человек немедленно закурил другую. Совсем иначе понимается *подряд* в следующем примере:

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 01-04-00201а, и РФФИ, грант № 01-06-80401.

¹ В древнерусском первоначальные значения «строй», «порядок», «правило», «договор», несколько позже «суд», «ряд» (расположение предметов в линию» [Черных 1999]. См. также [Фасмер 1987].

Так будет лучше, потому что, во-первых, меня станут читать подряд, а во-вторых, не будут оскорблены (Вен. Ерофеев. «Москва — Петушки»). Подряд здесь означает «ничего не пропуская при чтении», а не «не делая перерывов». В этом случае квантификации подвергается объект чтения.

С указанным различием связаны и отмечаемые словарями два «оттенка» значения *подряд*. В двуязычных словарях для них обычно приводятся разные переводы. В первом случае это выражения со значением 'без перерыва', а во втором — со значением 'без исключения'.

Во-вторых, если более внимательно приглядеться к тем случаям, где *подряд* употребляется для квантификации времени, то оказывается, что вовсе не всегда имеется в виду собственно отсутствие временного интервала, т. е. что события располагаются вплотную друг к другу на оси времени.

Этот простейший случай представлен, например, во фразе *Три часа подряд уговаривал*. Здесь *подряд* действительно указывает на то, что уговаривание происходило без перерывов. Однако этот случай не единственный и, возможно, даже не самый типичный.

Фраза *Два лета подряд отдыхал в Турции* означает не то, что между двумя поездками на отдых нет временного интервала, а то, что между ними нет лета. Она может иметь только такое понимание, потому что лето само по себе представляет собою такой отрезок времени, который возникает на оси времени периодически, и между двумя такими отрезками всегда существует временной интервал.

В отличие от лета и других времен года, годы, так же как месяцы, недели, дни, часы, минуты, следуют на оси времени непосредственно один за другим. Выказывание *Два года подряд отдыхал в Турции* может иметь разный смысл: каждый год ездил туда на отдых или оставался там все два года (конечно, прагматически более правдоподобно первое понимание, однако семантически они равноправны). В первом случае вообще нет промежутка в течение этих двух лет, во втором — между двумя поездками на отдых нет года, в который бы такой поездки не было². То же — *Два*

² Впрочем, стоит отметить, что для перечисленных временных слов неоднозначность контекстов с *подряд* характерна в разной степени. Если для слова *год*, обозначающего некий природный цикл, а также для слова *день* она действительно типична, то для слов *час*, *минута* естественно обычно одно понимание — в смысле отсутствия перерыва. Ср. *Я бился над этой загадкой три года подряд, ежедневно бился, и все-таки ежедневно после десятой засыпал* (Вен. Ерофеев. «Москва — Петушки»); *И много, много лет подряд / Соседи хором говорят — / Он вышел пять минут назад, / Пошел купить табак* (А. Галич); *А цель получить по 21 центнеру кормовых единиц ставится несколько лет*

раза подряд отдыхал в Турции (вернулся и сразу, без промежутка опять поехал или провел там два отпуска).

В случаях, когда квантификация времени происходит не по естественным временным отрезкам, а по периодически повторяющимся событиям, таким, как выборы или футбольные матчи, фразы с *подряд* имеют обычно только одно понимание; ср.: *Три раза подряд партия побеждала на выборах; Команда выиграла подряд четыре матча*. Здесь подразумевается, что между выигранными выборами (матчами) не было выборов (матчей) с другим результатом, а временной интервал между ними, скорее всего, был.

Но некоторые высказывания с *подряд* допускают даже более двух пониманий. Например, у фразы *Видел подряд два ужасных сна* имеется три возможных понимания:

- 1) без промежутка;
- 2) две ночи подряд;
- 3) в промежутке не было не ужасного сна (а ночи, возможно, были).

Так, в примере из Пастернака имеется в виду первое понимание, а пример из Бунина неоднозначен: *Два тяжелых сна приснились ему подряд, один вслед за другим* (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»); *И однажды приснилось ей чуть не подряд два ужасных сна* (И. Бунин. «Суходол»).

В некоторых же случаях, напротив, естественным не выглядит ни одно понимание, и тогда высказывание с *подряд* оказывается странным и не вполне правильным. Таково употребление *подряд* в стихотворении И. Уткина «Комсомольская песня»: *Но комсомольцы / На допросе / Не трусят / И не говорят! / Недаром красный орден носят / Они пятнадцать лет подряд*. Действительно, орден — это не переходящая награда, он не предполагает ежегодного присвоения, а дается раз и навсегда. С другой стороны, *носить орден* означает в данном случае 'иметь орден'. Это свойство, а не процесс и не действие, в которых могут быть перерывы. Таким образом, здесь никакое понимание *подряд* не будет естественным.

Во втором круге употреблений *подряд* квантификация осуществляется по объектам. Причем, вопреки указаниям словарей, здесь возможны вовсе не только сочетания со словами *всё* и *все*; ср.: *Вы заходите в двадцать магазинов подряд и в каждом встречаете —*

подряд («Уппсальский корпус»); *Два часа подряд пейте что-нибудь крепкое, старку, или зверобой, или охотничью* (Вен. Ерофеев. «Москва — Петушки»). Странно, несколько лет назад мы могли болтать много часов подряд о чем угодно, а вот теперь, куда ни кини — все равно возвращаешься к работе (В. Аксенов. «Перемена образа жизни»).

если вообще встречается — либо только говядину второй категории, выдаваемой за первую, либо баранину (В. Солоухин. «Похороны Степаниды Ивановны»); В четвертом десятке — две, в шестом — две, в девятом — подряд три бумажки несомненно таких, за которые Лебидь-Юрчик угрожает тюрьмой (М. Булгаков. «Белая гвардия»); Читать подряд было для нервного человека истязанием, но... мне пришлось задержаться на каждой странице (В. Набоков. «Василий Шिशков»); Эту книгу не следует читать подряд и много, лучше по чуть-чуть из разных глав — по настроению (И. Губерман).

Иногда различие по двум кругам употреблений *подряд* (квантификация времени vs. квантификация по объектам) не столь очевидно. Сравним два примера: *И у меня был один «утренник» вполне замечательный: я убил подряд двадцать три карты (В. Ходасевич. «Московский Литературно-художественный кружок»); У него не было сил выговорить эти слова вслух все подряд, без судорожных горловых схваток, которые прерывали их (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).* В первом примере речь идет не столько о том, что человек играл без перерыва, сколько о том, что ему везло: карту за картой он убивал, между ними не было других, неудачных карт. Здесь квантификация осуществляется по объектам. Во втором примере, хотя и говорится, что между словами были горловые схватки, однако в первую очередь подразумевается, что человеку не удавалось все слова выговорить без пауз, т. е. квантифицируется скорее время.

Во всех употреблениях наречия *подряд* удерживается исходная идея ряда как линии. Во временных контекстах это очевидно: там представлена идея линейного развертывания. Однако даже там, где нет никакого развертывания во времени, идея линии сохраняется; ср.: *три одинаковые буквы подряд, четыре пятиэтажных дома подряд, две лицевые петли подряд* (при описании узора) и т. п. Все эти контексты предполагают, то объекты расположены по одной линии. Например, если пятиэтажные дома не стоят вдоль улицы, а образуют компактную группу, то для описания их расположения уже нельзя употребить наречие *подряд*: нужно сказать, например, *четыре пятиэтажных дома сразу*. В этом отношении *подряд* отличается от родственного ему наречия *рядом*, в котором идея линейности, однонаправленности утрачена. Например, *четыре пятиэтажных дома рядом* вовсе не предполагает, что дома стоят по одной линии (более того, не обязательно даже то, чтобы между ними совсем не было других домов, здесь на первом плане идея пренебрежимо малого расстояния).

Очень характерно сочетание *числа подряд*. Как будто, е. изначально заданная последовательность, и *подряд* предполагает, что от нее не отступают.

«Линейность» есть даже в выражении *все подряд*. Она проявляется в том, что здесь заключена идея перебора, выбора. Поэтому гораздо лучше: *обижать всех подряд, ссориться со всеми подряд*, чем *ненавидеть всех подряд*. Ведь ненавидят всех огульно, а ссорятся со всеми последовательно. По этой причине чуть странно звучит пример из Галича: *Все подряд истцами кажутся, / Всех карал единый Бог, / Все одной зеленкой мажутся, / Кто от пуль, а кто от блох!* В словарях *подряд* часто переводится как 'без исключения' (например, нем. *ohne Ausnahme*). В сочетании *все подряд* имеется в виду скорее 'без разбора'. Человек все перебирает последовательно одно за другим (в этом состоит «линейность») и ни от чего не отказывается — отсюда и коннотация неразборчивости у слова *подряд*. Ср.: *Таня танцевала без устали, танцевала со всеми подряд* (В. Аксенов. «Пора, мой друг, пора»); *Козел начал бодать всех подряд* (В. Белов. «Рассказы о всякой живности»); *Находясь в жалком пенсионном возрасте, старичок боролся за место и желал со всеми подряд находиться в наилучших отношениях* (Ю. Трифонов. «Обмен»).

В этом отношении показательно сравнение *подряд* с наречием *сплошь*. Если *подряд* одномерно, то *сплошь* обычно двух- или трехмерно. Это обусловлено этимологией — *сплошь* связано с плоскостью. Наиболее типичны для него два круга контекстов: *сплошь покрытый* (усеянный и т. п.) или *сплошь состоящий из*. Ср.: *Антону Петровичу он однажды показал старую черную записную книжку: страницы были сплошь покрыты крестиками* (В. Набоков. «Подлец»); *Край пруда порос сплошь кувшинками* (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»); *К зиме широкие, в два ряда полки в кладовке у бабушки были сплошь заставлены банками* (В. Распутин. «Век живи — век люби»); *Он видел ее маленькое лицо, сплошь в темных веснушках, и глаза, широкие* (В. Набоков. «Возвращение Чорба»); *Его провели по узкому тюремному коридору, как будто сплошь состоящему из железных дверей* (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»); *Я хорошо знал окрестность: и со стороны Дмитровского шоссе, и со стороны нашей дачи, и со стороны кочкастого болота, тянувшегося за горизонт, лесные опушки были сплошь ольховые* (Ю. Нагибин. «Заброшенная дорога»).

Все *сплошь* поэтому не то же, что *все подряд*. Ср.: *Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки* (А. П. Чехов. «Дядя Ваня»); *Там стояли сплошь медицинские книги, в том числе несколько учебников по акушерству* (Ю. Домбровский. «Факультет ненуж-

ных вещей»); *А может — отворотом <...> / От девушек — сплошь без стыда* (М. Цветаева). Все *сплошь* не предполагает мысленного перебора, возможности выбора и отказа от выбора.

По этой же причине линейное *подряд* больше временное слово, а неодномерное *сплошь* — пространственное.

Итак, *подряд* предполагает одномерность и как бы продвижение по линии. В словарях *подряд* толкуется через выражение *один за другим*, кстати и переводится часто так (англ. *one after another*, нем. *nacheinander*).

Однако выражение *один за другим* существует в русском языке и само по себе, и интересно, что в большинстве случаев русское *один за другим* не заменяется на *подряд*. Ср.: *Я слушал их с наслаждением, не понимая, почему остальные слушатели друг другу подмигивают и один за другим исчезают по своим комнатам* (В. Ходасевич. «Горький»); *Большие косяки журавлей тянулись один за другим прямо к югу* (К. Паустовский. «Наедине с осенью»); *Пассажиры входили в самолет один за другим, казалось, им не будет конца* (В. Аксенов. «На полпути к луне»).

Во-первых, интервал при *один за другим* мыслится как несколько более существенный, чем при *подряд*, где он оценивается как практически отсутствующий, пренебрежимо малый. Но главное не в этом. Ср.: *Друзья один за другим от него отвернулись*. На первом плане здесь развертывание ситуации, как бы накопление. *Подряд* же скорее видит ситуацию в целом, извне. Ср.: *Стал выдвигать все ящики подряд* или *Стал выдвигать все ящики один за другим*. *Один за другим* — возможно, в хаотичном порядке и, возможно, всего-то выдвинул два-три ящика. *Подряд* же предполагает, что ситуация мыслится уже с учетом своего, как говорили в старых аспектологических работах, внутреннего предела, т. е., что в итоге методично выдвинутыми окажутся все ящики. Не случайно *подряд* во многих случаях предпочитает совершенный вид. Ср.: *Выкурил подряд две сигареты* лучше, чем *курил сигареты подряд* (надо одну за другой).

Итак, в рассмотренном фрагменте лексики представлены разные типы упорядоченности³. *Сплошь* — упорядочивает в двух

³ Для полноты картины следует добавить, что в русском языке есть еще корень *черед*, который этимологически предполагает смену во времени. Итак, «*черед*» — чистое время, но в нем меньше порядка. Он дает такие близкие выражения, как *чередой* (кстати, показательно, что *чередой* описывает движение, а *рядом* местоположение), *по очереди*, *поочередно*. Кроме того, есть еще слово *вереница*, этимологически связанное с нанизыванием, однако оно само менее употребительно и не дает заметных производных.

или трех измерениях, *подряд* в одном. Как и большинство «одномерных» понятий, *подряд* тяготеет к переходу с пространства на время. Упорядочить пространство легче, потому что оно зрительно воспринимается. Однако «пространственный» источник *подряд* сказывается большей статичностью — например, по сравнению с выражением *один за другим*. *Подряд* статично: время оно представляет как ось, а не как движение или череду событий.

ЛИТЕРАТУРА

- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961. Т. 1–4.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.
- Черных 1999 — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 1–2.

И. И. МАКЕЕВА

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ БЕСПОРЯДОЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

Как в обыденном представлении, так и в научном движение подразделяется на поступательное (движение/перемещение), колебательное и вращательное. Характеристика «беспорядочность», которую может иметь тот или иной из названных типов движения, не всегда совпадает в обыденном и научном представлении.

С физической точки зрения беспорядочным является поступательное движение. Оно характеризуется как одновременное движение множества предметов в разных направлениях. То есть для беспорядочного движения должно быть: а) множество предметов-субъектов; б) разные направления движения; в) ограничение во времени.

В обыденном понимании необязательным условием беспорядочности движения оказывается множественность предметов-субъектов. Возможно беспорядочное движение/перемещение одного субъекта. То есть беспорядочным является движение одного или нескольких предметов-субъектов в разных направлениях при ограничении во времени (одновременности). Если субъект единичный, то движение в разных направлениях реализуется как неупорядоченная, бессистемная смена направления движения при ограничении во времени.

Исходя из этого следует, что беспорядочным не может быть вращательное движение, поскольку оно является движением по строго определенной траектории — вокруг своей оси. Колебательное движение, очевидно, в обыденном представлении может оказаться беспорядочным.

Таким образом, в обыденном представлении (а именно оно находит отражение в семантике слов) беспорядочным может быть колебательное и поступательное движение. В современном русском языке такие типы движения обозначают глаголы *метаться, суетиться, тыкаться, соваться, мыкаться, мотаться*¹. При

¹ Данный перечень слов не следует считать окончательным и единственно возможным. С большими или меньшими основаниями в него могут быть включены и другие глаголы, прежде всего *сновать*. Среди прочих — *шнырять, шмыгать*. Ср., например, перечень глаголов со значением беспорядочного движения в [Ибрагимова 1980: 63]: *метаться, юлить, юлиться, сновать, кружиться, шмы-*

этом лишь последний из названных глаголов обозначает колебательное движение (наряду с поступательным).

При наличии в языке весьма немногочисленной группы глаголов со значением 'беспорядочно двигаться' отсутствуют глаголы с семантикой упорядоченного движения. Потенциально возможная бинарная оппозиция, реализующаяся у глаголов движения в других случаях², в данной ситуации отсутствует. При отсутствии оппозиций релевантным оказывается только один признак (беспорядочность движения, движение по извилистой траектории и др.). Признак упорядоченности движения, таким образом, не является актуальным, т. е. движение изначально воспринимается человеком как нечто организованное или лишенное беспорядка. Поэтому в семантике нескольких русских глаголов движения представлена именно его беспорядочность.

В современном русском языке глаголы, обозначающие беспорядочное движение (или соответствующие значения глаголов), в основном стилистически маркированы: разговорными являются рассматриваемые значения *мотаться* и *тыкаться*, просторечными — сам глагол *мыкаться* и значение глагола *соватьсь*. К нейтральной лексике принадлежат *метаться* и *суетиться*. Таким образом, потребность в выражении беспорядоч-

гать, шнырять, шастать, суетиться. В некоторой степени к глаголам с семантикой беспорядочного движения близки глаголы, обозначающие движение/перемещение без определенной цели (*шататься, болтаться, слоняться*), также, видимо, беспорядочное.

Если обратиться к русским говорам, то окажется, что в них беспорядочное движение передают другие глаголы: *мотасаться* (вят.) 'беспорядочно двигаться из стороны в сторону; качаться, болтаться', *митуситься* (орл., смол., пск., твер., арх. и др.) 'метаться, суетиться' [СРНГ 18: 296, 178]. Об этимологии второго глагола, а также диалектных *мятусить(ся)*, *метусить(ся)*, *мотусить(ся)*, *матусить(ся)* см. [Львов 1960].

² В целом группа глаголов движения в современном русском языке организована таким образом, что наряду с бинарными оппозициями имеет место и их отсутствие. Оппозицию по темпу движения (быстро — медленно) образуют глаголы *мчаться, нестись, бежать, лететь* (в значении 'мчаться') — *брести, плестись, волочься, тащиться, тянуться*; по направлению движения (вверх — вниз) оппозицию образуют глаголы *подниматься, взбираться — опускаться, спускаться, снижаться, падать* и др. Не образуют оппозиций глаголы, обозначающие движение по извилистой траектории (*вилять, петлять, кружить, извиваться*), изменение движения (*поворачивать, повертывать, сворачивать, заворачивать, возвращаться*) и др. Однако в разные периоды истории русского языка представлено неодинаковое количество оппозиций. Так, например, в XI–XVII вв. существовала, хотя и слабо реализованная, оппозиция «передвигаться по извилистой траектории (*кружати, кружити*)» — «передвигаться по прямой траектории (*прямити, прямитися*)».

ности движения более высокой оказывается в разговорной речи и просторечии.

Однако первоначально ни один из названных глаголов не имел в своей семантике признака «беспорядочность», хотя к группе глаголов движения принадлежали все слова, кроме глаголов *тыкаться* и *суетиться*.

В русской письменности значение беспорядочного движения фиксируется относительно поздно — в XIV в., и раньше прочих — у глагола *соватися*. Субъектом во всех случаях оказывается человек или животное: тогда же бодоша конь под ни(м̃). в ноздри н. конь же начатъ соватиса под ни(м̃). и шелома с него слѣтъ (Лавр. лет. 334, под 1152 г., список 1377 г.; то же — Ипат. лет., 437, список ок. 1425 г., вариант *сватися*; Моск. лет., 53, список XVI в.); начатъ соватиса сѣмо и овамо (Ник. лет., 189, список XVI в.). В летописях в списках XV в. употреблен глагол *совати*: конь же начатъ совати под нимъ (Переясл. лет., 66); нача совати (Радзив. лет., 191).

Жанры памятников русской письменности, в которых был употреблен глагол *соватися*, позволяют считать его в тот период принадлежащим к нейтральной лексике; а его семантика особенно ярко представлена в сравнительных конструкциях: и проломнша вся врата острогу, и сецаху казанцев ннех спяще, ннех бегающе, ннех сующихся, аки бесных и во огонь вметающихся (Каз. история, 46 об., список XVI в.).

Вообще глаголы со значением беспорядочного движения обозначают движение/перемещение по суше, хотя скорее следует говорить о неактуальности параметра среды перемещения. Лишь изредка они могут передавать движение в иной среде — в воде: [Ерш] собою мал... суетца по рекам и по озерам, как бешеная собака путь потеряла (Ерш Ершович, 148, XVII в., список XVIII в.). Следует обратить внимание на отрицательные коннотации (сравнение с бешеными) в данном примере и приведенном выше.

По-видимому, в истории русского языка в группе глаголов со значением беспорядочного движения глагол *соватися* был центральным, базовым по XVIII столетие включительно, а возможно, еще и в начале XIX в. Об этом свидетельствуют данные Словаря Академии Российской, где соответствующее значение приведено как первое, основное: Соваться..., гл. возвр. в простор. 1) Бросаться; скороспешно, но беспорядочно бегать [САР 6: 313]. В этот период глагол уже характеризуется как просторечный.

К началу или в начале XIX в. центральным глаголом с семантикой беспорядочного движения вместо прежнего *соваться* стал глагол *метаться*. Смена лидера отчасти была связана со стили-

стической характеристикой глаголов, отчасти — с изменениями в их семантической структуре.

У глагола *метатися* значение беспорядочного движения в русской письменности фиксируется с XV в.: въстагнѣ ѿ [рыбу] на сѣхѣ и метатисѧ нача пре(д) ногами его (Тов. VI, 4; Библ. Генн. 1499 г.). Сам же глагол был известен по источникам, датируемым XI и XIII в., но сохранившимся в более поздних списках. Его основным и древнейшим значением было 'бросаться, устремляться куда-л.'. Оно является таковым еще в конце XVIII в., о чем свидетельствуют данные Словаря Академии Российской: Мечусь..., метаться... 1) Бросаюся, вергаюся куда [САР 4: 107]. Семантика беспорядочного движения представлена значением 'неспокойно лежу во время сна, или в болезни'.

В дальнейшем прежнее основное значение 'бросаться, устремляться куда-л.' у глагола *метатися/метаться* было утрачено³, закрепившись за другими словами, на первый план вышло значение беспорядочного движения 'беспорядочно, суетливо двигаться, перемещаться'. У глагола *соватися/соваться*, к тому же стилистически маркированного на фоне нейтрального *метатися/метаться*, напротив, со временем семантика беспорядочного движения стала второстепенной, а основным оказалось значение 'бросаться, устремляться куда-л., к кому-л.'.

Из прочих глаголов в памятниках русской письменности были представлены *мыкатися* и *мотатися*.

Глагол *мыкатися* был слабо засвидетельствован, хотя, как кажется, он передавал именно беспорядочное движение (как эквивалент греч. διατρέχειν), а в данном контексте — беспорядочное появление: видѣ и(х), тако свѣща огнени и тако мѣгнѧ мыкающасѧ (Наум. II, 4, список XV в.; Срз. 2: 215).

Глагол *мотатися* также был слабо засвидетельствован. Его единственная фиксация XVII в. свидетельствует о том, что в этот период он обозначал поступательное (но не колебательное) движение: на всякую де ночь ужась выдаемъ по всему пожарищу, аки множество народа мотаются, молча взадъ і впередъ (Отразит. писание, 24, 1691 г.). С одинаковой вероятностью можно предполагать, что речь идет о беспорядочном движении или просто о движении/перемещении. Ср., например, значение глагола *мотаться* в русских говорах (костр., волог., вят. и др.) 'идти, ходить' [СРНГ 18: 296].

³ У этого глагола были утрачены и другие значения, известные в разные периоды истории русского языка. Среди них 'бросаться, кидаться чем-л.', 'появляться в разных частях тела (о болезненных проявлениях)' и др.

У остальных глаголов (*тыкаться* и *суетиться*) семантика беспорядочного движения фиксируется позднее, фактически уже в современном русском языке, имея своим источником живой разговорный язык⁴.

В современном русском языке у глаголов, обозначающих беспорядочное движение, наличествует в семантике один или два дополнительных компонента: характеризующий темп движения «быстро, торопливо» (у глаголов *метаться*, *суетиться*, *тыкаться*, *соватьсь*) и/или «бесцельно», «бестолково» (у глаголов *соватьсь*, *суетиться*, *тыкаться*)⁵. Их появление можно считать вторичным и ассоциативным по отношению к компоненту «беспорядочность», хотя праславянские глаголы, к которым восходят *метатися/метаться*, *соватися/соватьсь*, *мыкатися/мыкаться* и *мотатися/мотаться* обозначали несколько разновидностей движения, именно движения/перемещения: 'бросать, кидать', 'толкать', 'тащить, волоочь'.

С этимологической точки зрения пять из шести рассматриваемых глаголов являются общеславянским наследием, и при этом лишь один из этих пяти исконно не обозначал движения.

Глагол *мотатися/мотаться* восходит к праслав. **motati* (*se*), *метатися/метаться* — к праслав. **metati* (*se*), которые связаны друг с другом через глагол **mesti* и семантику 'бросать' (у возвратных глаголов — 'бросаться'). Некоторые авторы просто указывают на связь **motati*, **metati*, **mesti*; некоторые, в частности, О. Н. Трубачев, выстраивают словообразовательный ряд **mesti* > *motъ* > *motati* [ЭССЯ 18: 105–108; 20: 44–47, 71–73]⁶. Таким образом, если исходно глагол *мотатися* обозначал движение/перемещение (см. приведенный выше пример XVII в.), то уже в XVIII столетии он передает колеба-

⁴ Что касается других глаголов, которые могут быть включены в эту группу (*сновасть*, *шастать*, *шмыгать*, *шнырять*, *юлить*), то их потенциальная возможность обозначать беспорядочное движение также реализуется в современном русском языке. Три последних глагола в лексикографических трудах фиксируются в XIX в.: *юлить* в [САР 6], *шмыгать* и *шнырять* — в [СЦРЯ]. Этимологически *шмыгать* является экспрессивным изменением *смыгать*, а *шнырять* — экспрессивным образованием из *нырять* [Фасмер 4: 461, 462–463].

⁵ У создателей толковых словарей современного русского языка прослеживаются некоторые различия в толкованиях значений рассматриваемых глаголов и, следовательно, в наличии или отсутствии данных компонентов. В данной статье за основу взяты толкования в [МАС].

⁶ У продолжений праславянских возвратных глаголов в разных языках представлены значения, обозначающие быстрое движение (чеш. *metati* экспр. 'убегать', сербохорв. *motati se* 'витьяся; двигаться, вертеться; бежать; бродить, блуждать' (с XVI в.), укр. *мотати* 'быстро идти, бежать куда-л.').

стической характеристикой глаголов, отчасти — с изменениями в их семантической структуре.

У глагола *метатися* значение беспорядочного движения в русской письменности фиксируется с XV в.: вѣстагнѣ ѿ [рыбу] на сѣхѣ и метатисѿ нача пре(д) ногами его (Тов. VI, 4; Библ. Генн. 1499 г.). Сам же глагол был известен по источникам, датируемым XI и XIII в., но сохранившимся в более поздних списках. Его основным и древнейшим значением было 'бросаться, устремляться куда-л.'. Оно является таковым еще в конце XVIII в., о чем свидетельствуют данные Словаря Академии Российской: Мечусь..., метаться... 1) Бросаюся, вергаюся куда [САР 4: 107]. Семантика беспорядочного движения представлена значением 'непокойно лежу во время сна, или в болезни'.

В дальнейшем прежнее основное значение 'бросаться, устремляться куда-л.' у глагола *метатися/метаться* было утрачено³, закрепившись за другими словами, на первый план вышло значение беспорядочного движения 'беспорядочно, суетливо двигаться, перемещаться'. У глагола *соватися/соваться*, к тому же стилистически маркированного на фоне нейтрального *метатися/метаться*, напротив, со временем семантика беспорядочного движения стала второстепенной, а основным оказалось значение 'бросаться, устремляться куда-л., к кому-л.'.

Из прочих глаголов в памятниках русской письменности были представлены *мыкатися* и *мотатися*.

Глагол *мыкатися* был слабо засвидетельствован, хотя, как кажется, он передавал именно беспорядочное движение (как эквивалент греч. διατρέχειν), а в данном контексте — беспорядочное появление: видѣ н(х), тако свѣща огнены и тако млѣніа мыкающасѿ (Наум. II, 4, список XV в.; Срз. 2: 215).

Глагол *мотатися* также был слабо засвидетельствован. Его единственная фиксация XVII в. свидетельствует о том, что в этот период он обозначал поступательное (но не колебательное) движение: на всякую де ночь ужась выдаемъ по всему пожарницѣ, аки множество народа мотаются, молча взадѣ і впередѣ (Отразит. писание, 24, 1691 г.). С одинаковой вероятностью можно предполагать, что речь идет о беспорядочном движении или просто о движении/перемещении. Ср., например, значение глагола *мотаться* в русских говорах (костр., волог., вят. и др.) 'идти, ходить' [СРНГ 18: 296].

³ У этого глагола были утрачены и другие значения, известные в разные периоды истории русского языка. Среди них 'бросаться, кидаться чем-л.', 'появляться в разных частях тела (о болезненных проявлениях)' и др.

У остальных глаголов (*тыкаться* и *суетиться*) семантика беспорядочного движения фиксируется позднее, фактически уже в современном русском языке, имея своим источником живой разговорный язык⁴.

В современном русском языке у глаголов, обозначающих беспорядочное движение, наличествует в семантике один или два дополнительных компонента: характеризующий темп движения «быстро, торопливо» (у глаголов *метаться*, *суетиться*, *тыкаться*, *соваться*) и/или «бесцельно», «бестолково» (у глаголов *соваться*, *суетиться*, *тыкаться*)⁵. Их появление можно считать вторичным и ассоциативным по отношению к компоненту «беспорядочность», хотя праславянские глаголы, к которым восходят *метатися/метаться*, *соватися/соваться*, *мыкатися/мыкаться* и *мотатися/мотаться* обозначали несколько разновидностей движения, именно движения/перемещения: 'бросать, кидать', 'толкать', 'тащить, волочь'.

С этимологической точки зрения пять из шести рассматриваемых глаголов являются общеславянским наследием, и при этом лишь один из этих пяти исконно не обозначал движения.

Глагол *мотатися/мотаться* восходит к праслав. **motati* (*se*), *метатися/метаться* — к праслав. **metati* (*se*), которые связаны друг с другом через глагол **mesti* и семантику 'бросать' (у возвратных глаголов — 'бросаться'). Некоторые авторы просто указывают на связь **motati*, **metati*, **mesti*; некоторые, в частности, О. Н. Трубачев, выстраивают словообразовательный ряд **mesti* > *motъ* > *motati* [ЭССЯ 18: 105–108; 20: 44–47, 71–73]⁶. Таким образом, если исходно глагол *мотатися* обозначал движение/перемещение (см. приведенный выше пример XVII в.), то уже в XVIII столетии он передает колеба-

⁴ Что касается других глаголов, которые могут быть включены в эту группу (*сновасть*, *шастать*, *шмыгать*, *шнырять*, *юлить*), то их потенциальная возможность обозначать беспорядочное движение также реализуется в современном русском языке. Три последних глагола в лексикографических трудах фиксируются в XIX в.: *юлить* в [САР 6], *шмыгать* и *шнырять* — в [СЦРЯ]. Этимологически *шмыгать* является экспрессивным изменением *смыгать*, а *шнырять* — экспрессивным образованием из *нырять* [Фасмер 4: 461, 462–463].

⁵ У создателей толковых словарей современного русского языка прослеживаются некоторые различия в толкованиях значений рассматриваемых глаголов и, следовательно, в наличии или отсутствии данных компонентов. В данной статье за основу взяты толкования в [МАС].

⁶ У продолжений праславянских возвратных глаголов в разных языках представлены значения, обозначающие быстрое движение (чеш. *metati* экспр. 'убегать', сербохорв. *motati se* 'витьяся; двигаться, вертеться; бежать; бродить, блуждать' (с XVI в.), укр. *мотати* 'быстро идти, бежать куда-л.').

тельное движение наряду с поступательным: Мотаюсь..., мотаться.

1) В виде гл. возвр. Качаюся, трясуся [САР 4: 267]⁷.

Глагол *соватися/соваться* восходит к праслав. **sovati (se)*; индоевропейский корень значил 'метать, толкать' [Фасмер 3: 705].

Глагол *мыкатися/мыкаться* восходит к праслав. **mykati (se)* [ЭССЯ 21: 35–38]. Развитие семантики из исходного 'двигать, тащить, волочь' шло по двум направлениям: 'дергать' (т. е. тащить рывком), что дало специфическую семантику, связанную с обработкой льна, шерсти, и 'бросать, кидать' (фиксируется в памятниках русской письменности). У возвратного глагола, причем не только в русском языке, развивались значения, передающие разные виды движения/перемещения: ст.-чеш. *tyčeti se* 'бродить, шататься', польск. *tykać* 'уходить, убежать', *mykać się* 'ходить, ездить' (русские говоры Мордовской АССР). Однако такая семантика представлена слабо. Глагол *мыкатися* уже в старорусском языке обозначал движение/перемещение, совершаемое или беспорядочно, или испытывая нужду, невзгоды, лишения.

Глагол *тыкатися*, который также унаследован из праславянского лексического фонда — праслав. **tykati (se)*, исходно не был связан с обозначением движения [Фасмер 4: 130; Черных 2: 275]. Семантика глагола *тыкати*, который фиксируется в русской письменности с XIII в. [Срз. 3: 1071], в разные периоды истории русского языка связана с ударом, уколом, вонзанием чего-л. острого. Глагол *тыкатися* был засвидетельствован в XV–XVI вв. в памятниках юго-западной территориальной принадлежности в значении 'касаться, иметь отношение'. В XVIII столетии у него представлено единственное, продолжающее исконную семантику значение: Тычусь... и учащ. Тыкаюсь..., каться... Тычу, боду кого [САР 6: 347].

Единственным глаголом, не принадлежащим праславянскому лексическому фонду, оказывается *суетиться*. Это позднее образование от существительного *суета*, отмечаемое с XVIII в. В древнерусском языке был известен однокоренной глагол *суетоватися* с иной семантикой 'бессмысленно восставать' [Срз. 3: 611]. Семантика глагола *суетиться* непосредственно связана со значением '(пустые) хлопоты, заботы' производящего существительного. На первом плане оказывается действие, а обозначение беспорядочного движения является вторичным и возникает уже в процессе функционирования слова.

⁷ Логика развития значений могла быть следующей: движение/перемещение 'перемещаться туда-сюда, взад-вперед на небольшое расстояние': колебательное движение 'качаться, колебаться'.

Помимо слов, у которых признак «беспорядочность» является составной частью семантики, можно выделить группу глаголов, у которых этот признак появляется в определенном контексте.

К таким лексемам с контекстуально обусловленным значением беспорядочного движения могут принадлежать глаголы, обозначающие разнонаправленное или повторяющееся во времени движение, и именно движение/перемещение: *ходить, ездить, бегать* и некоторые другие. Условием реализации контекстуальной семантики беспорядочности является определенное словесное окружение, прежде всего наречие *беспорядочно*. В противном случае нет оснований говорить о беспорядочности движения, имеет место лишь разнонаправленность движения, а эти понятия не могут быть сведены одно к другому. Вне определенного типа контекста глаголы с семантикой разнонаправленного движения нейтральны по отношению к упорядоченности/неупорядоченности движения.

Контекстуально обусловленная семантика беспорядочного движения может быть отмечена и у других групп глаголов. Например, у глаголов с суффиксом *-а-* со значением нерасчлененной длительности: *двигать, двигаться, прыгать*.

Вероятно, контекстуально обусловленная семантика беспорядочности могла быть у тех же глаголов не только в современном русском языке, но и в предшествующий период языкового развития. Однако по экстралингвистическим причинам отыскать необходимые примеры весьма затруднительно⁸.

Один из случаев возможного контекстуально обусловленного значения беспорядочного движения представлен употреблением глагола *рыстати* (*ристати*) в переводе XII в. «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, сохранившейся в списках не ранее XV в. Этот глагол, утраченный в современном русском языке, обозначал направленное движение, совершаемое со скоростью выше средней, т. е. он значил 'быстро идти, бежать'. В целом в русской письменности он был малоупотребителен, в какой-то степени конкурируя с глаголом *течи*, имевшим аналогичное значение. Глагол *рыстати* употреблен как эквивалент причастия греческого глагола *παρεχτέινω* 'растягивать' при описании катастрофической ситуации, в которой оказались стремившиеся укрыться в Иерихоне беглецы, преследуемые римским военачальником

⁸ Само слово *беспорядок* и производные от него фиксируются лишь в XVIII столетии. Ср.: *Неприятельская конница беспорядочно в лѣсъ бѣжать устремилась* [Сл. XVIII в. 1: 219]. Поэтому контекстное окружение для предшествующего периода должно было быть иным.

Плацидом. Иордан, вздувшийся от дождей, стал непроходим, и беглецы растянулись по берегу реки, поскольку пути к бегству были отрезаны. Восточнославянский переводчик понятие протяженности («растянулись») передал иначе — аористом глагола *рыстати* 'метаться', обозначая в данном случае беспорядочное движение: не имоущимъ имѣ мѣста оутеченію. доаго [так] рыстахоу подѣ берегъ (Фл., л. 429в).

Группа глаголов, обозначающих колебательное движение, значительно меньше глаголов, передающих поступательное движение. Колебательное движение по своей природе уже предполагает смену направления, но она является ритмичной и упорядоченной. Основным, центральным глаголом этого типа движения оказывается *качаться*. В обыденном представлении он в большей степени ассоциируется с ритмичным, упорядоченным движением, однако в определенной ситуации и, следовательно, в отражающем ее контексте может обозначать беспорядочное движение (одновременное движение нескольких субъектов с разной амплитудой колебаний, например, тех же качелей). Другие глаголы, такие как *шататься*, *болтаться*, в большей степени ассоциируются с беспорядочным колебательным движением. Однако для реализации смысла «беспорядочность» необходимо определенное словесное окружение («беспорядочно», «в разные стороны»). Даже у глаголов *шататься* и *болтаться* компонент «беспорядочно» не входит в семантическую структуру и является контекстуально обусловленным.

Таким образом, глаголы, обозначающие в русском языке беспорядочное движение, составляют немногочисленную группу, процесс формирования которой прослеживается по материалам русской письменности начиная с XIV в. Хотя у некоторых слов со временем семантика беспорядочности оказалась на первом плане, т. е. соответствующее значение стало основным, она представляла собой лишь частный случай семантических преобразований русских глаголов движения, подобно, например, формированию семантики бесцельного движения.

Большая часть глаголов с семантикой беспорядочности принадлежит праславянскому лексическому фонду (*мотаться*, *метаться*, *соваться*, *мыкаться*, *тыкаться* при собственно русском *суетиться*). Семантика четырех из них исконно была связана с обозначением движения (*мотаться*, *метаться*, *соваться*, *мыкаться*). При этом смысл «беспорядочно» появился в процессе языкового развития, будучи дополнен также компонентами «быстро, торопливо», «бесцельно», «бестолково», непосредственно связанными с беспорядочностью движения.

Немногочисленность глаголов, обозначающих беспорядочное движение, отчасти связана с внеязыковой действительностью: такое движение в природе ограничено. Субъектом при этих глаголах является человек или животное. При этом в языке отсутствует оппозиция «беспорядочное движение» — «упорядоченное движение».

ЛИТЕРАТУРА

- Ибрагимова 1980 — *Ибрагимова В. Л.* Лексико-семантический класс глаголов перемещения в русском языке // Исследования по семантике. Уфа, 1980. С. 55–72.
- Львов 1960 — *Львов А. С.* К истории слова *мятуть*, (-ся) // Лексико-графический сборник. М., 1960. С. 163–165. Вып. 4.
- САР 4 — Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4.
- САР 6 — Словарь Академии Российской. СПб., 1822. Ч. 6.
- СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847.
- СРНГ 18 — Словарь русских народных говоров. Л., 1982. Вып. 18.
- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 1–4.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.
- Черных — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1993.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.

ИСТОЧНИКИ

- Библ. Генн. — Книги Нового и Ветхого завета, писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия (ОР ГИМ. Син. № 915).
- Ерш Ершович — Повесть о Ерше Ершовиче // *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937.
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2.
- Каз. история — Казанская история / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954.
- Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1.
- Моск. лет. — Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25.

- Ник. лет. — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. СПб., 1862–1906. Т. 9.
- Отразит. писание — Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Сообщение Х. Лопарева. СПб., 1895.
- Переясл. лет. — Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. / Издан М. Оболенским. М., 1851.
- Радзив. лет. — Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902.
- Сл. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Л. (СПб.), 1984–2000. Вып. 1–11.
- Срз. — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1–3.
- Фл. — История иудейской войны Иосифа Флавия (РГАДА. Ф. 181. № 279).

Л. Г. ПАНОВА

СЛОВО БОГ И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ: ОТ ИЕРАРХИИ НЕБЕСНОЙ — К ИЕРАРХИЯМ ЗЕМНЫМ

Импульсом к этому докладу послужили блестящие лекции и семинары покойного О. С. Широкова, посвященные сравнительной мифологии, комментированию диалога Платона «Кратил» и Четвероевангелия (МГУ им. М. В. Ломоносова, начало 1990-х гг.). Настоящее исследование о концептуализации Бога и богов ареала, хотя и выполнено в других научных традициях, во многом опирается на сюжеты, услышанные от О. С. Широкова.

1.

В языке существует самостоятельная лексическая область, задаваемая названиями сверхъестественных существ (например, *Бога, богов, ангелов, демонов; духов, русалок, домовых* и т. д. в русском языке) и разнообразных культов, ритуалов, этических понятий (*молитва, жертвоприношение, грех*). В рамках языковой картины мира эту лексическую область вполне разумно называть «наивной религией» вслед за «наивной физикой», «наивной геометрией», давно получившими «прописку» в современной лингвистике. Термин «наивная» нужно понимать в том смысле, что реальность или культура отражается в языке в существенно искаженном или преломленном виде. Языковая семантика слова, регулирующая его грамматические характеристики, сочетаемость, употребление называется концептом. Лингвистический инструментарий для обнаружения и описания картины мира, концепта слова был выработан Московской семантической школой (А. К. Жолковским, И. А. Мельчуком, Ю. Д. Апресяном и др.) и Польской (А. Вежбицкой и др.) — им мы и будем руководствоваться.

В этом исследовании, посвященном русскому слову *Бог/бог*, нас будут интересовать и собственно лингвистические вопросы — как семантически устроено слово? как можно истолковать его значения? как эти значения связаны с другими словами из лексического поля «наивной религии»? и культурные контексты слова — где сложились эти значения? какие культурные механизмы их поддерживают?

Говоря о «наивной религии» в современных языках христианского ареала, можно заранее предположить, что одним из ее центральных концептов станет 'бог'. Но какой именно бог — бог как абстрактная идея? христианский Бог? языческие боги? Как известно, христианская и — уже — европейская культура имеет два основных культурных сценария (или два культурных контекста) для понятия 'бог'. Основной — христианский — потому и основной, что он постоянно подпитывается современной религиозной практикой (например, институтом церкви, богословием и т. д.); неосновной — языческий — существует как память слова, не без мощного «вливания» античной культуры, которое имело место в Возрождение и продолжается по сей день. Языческий сценарий, в отличие от христианского, функционирует в существенно редуцированном виде: в нем боги — не объекты культа и поклонения, а герои мифов и преданий.

Наличие двоебожия в «наивной религии» имеет весьма нетривиальные следствия, а именно два организующих центра внутри религиозной лексики. Христианско-ориентированная лексика, т. е. слова, в толковании которых обязательно появится компонент (христианский) *Бог* (*грех, индульгенция, священник, пророк*), противопоставлена язычески ориентированной лексике, т. е. словам, в толковании которых появится компонент (языческий) *бог* (*пантеон, жрец, прорицатель*). Тем не менее в толкованиях некоторых промежуточных слов, таких как *храм*, семантические различия между этими теонимами будут стерты.

Переводя проблему различения *Бога/богов* в плоскость лексикографии, мы сосредоточимся сначала на сходствах, а потом на различиях этих двух лексем.

В самом деле, что с точки зрения языка делает богов — богами? Если принять во внимание антропоцентрический характер языка (а в современной лингвистике это положение доказывалось столько раз, что уже не вызывает сомнений), то 'бог' может быть определен прежде всего как высшая персонифицированная сила. Он противопоставлен человеку как бессмертный (вечный) — смертному (компоненты 'персонифицированный', 'бессмертный' позволяют отделить его от высшей силы, представленной в буддизме, и от духов, которым поклоняются в примитивных обществах). 'Бог' имеет власть над людьми и над какой-либо областью бытия — как правило, связанной с человеческими интересами (власть над людьми и одновременно власть над областью бытия отличает 'бога' от низших сверхъестественных существ — например, от *домовых, леших*). Соответственно, он опять противопоставлен человеку как субъект воздействия — объекту воздействия.

Особого внимания заслуживает персонификация. По религиозным представлениям 'бог' создает человека по своему образу и подобию, а в языке человек персонифицирует 'бога', наделяет его человеческими предикатами (как правило, каузированного воздействия на человека, ср. русские пословицы и поговорки: *Бог дал, Бог взял; Человек предполагает, а Бог располагает; Бог простит; Бог долго ждет, да больно бьет*). Парадокс персонификации состоит в том, что человек, в сущности, не знает, что такое 'бог' и можно ли ему приписать предикат 'есть', 'существует':

«О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, — и вопрос темен и людская жизнь коротка» (Протагор);

[о христианском Боге] «Безусловное отрицание всех определений, всякого *да*, вечное и абсолютное НЕ ко всему, ко всякому *что*, полагается Абсолютным как единственное его определение: Бог есть НЕ-*что* (и НЕ-*как*, и НЕ-*где*, и НЕ-*когда*, и НЕ-*почему*). Это НЕ не есть даже *ничто*, поскольку и с ним еще связано отношение к какому-либо *что* (ибо небытие есть лишь спутник бытия, и ничто — тень *что*, а как самостоятельное понятие вовсе не существует); оно есть *Сверх-что*.

Абсолютное НЕ отрицательного богословия поэтому не содержит никакой утвержденности, которая всегда есть соотносительность: это и не $\phi\upsilon$, и не $\mu\eta$ (два оттенка греческого отрицания, одной наличностью своею уже предполагающие целую философию и тем свидетельствующие о философском гении эллинов). Скорее это не есть отрицающее всякое высказывание α ; $\alpha\beta\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, $\alpha\lambda\epsilon\iota\rho\varsigma$, $\alpha\mu\omicron\rho\omicron\varsigma$ » (С. Булгаков. «Свет невечерний»).

Языковая концептуализация 'бога' не вписывается в отрицательное богословие (катафатику), но не вписывается она и в апофатику: христианский концепт *Бога* (в большей степени, чем языческий) оперирует не сущностными характеристиками (т. е. он не дает знания «о природе богов»), а характеристиками функциональными: как и в чем соприкасаются область божественного и область человеческого.

Теперь о различиях. В русском языке христианский Бог и языческие боги разводятся прежде всего при помощи формальных показателей — грамматики (отсутствие vs. наличие множественного числа), орфографии (в языках христианского ареала, включая русский, христианские теонимы, а также местоимения, к ним относящиеся, пишутся с прописной буквы) и орфоэпии (архаическая норма произнесения [бох], [боуа], как отмечал О. С. Широков, вос-

ходит к традициям Славяно-греко-латинской академии, заложенной выходцами из украинских земель, т.е. носителями другой нормы). Поддерживает обособление этих двух значений сочетаемость (наличие Род. пад. / прилагательного / имени собственного при языческом *боге*), разные лексические гнезда вокруг этих лексем (закрытое синонимическое для христианского *Бога* и открытое гнездо, содержащее класс видовых существ, для языческого *бога*). Отметим еще, что русская этноспецифика ¹ *Бога* и *бога* просматривается только на уровне орфоэпии:

Таблица 1. Бог vs. боги

(в общей классификации — <i>Бог-1</i>)	(в общей классификации — <i>бог-2.1</i>)
Сочетаемость:	
—	<i>бог</i> (+ Род. пад. / прилагательное / имя собственное)
Грамматические показатели:	
(Мн. ч. нет); мужской род; церковно-славянская звательная форма <i>Боже</i>	Мн. ч. — <i>боги</i> ; корреляция по грам. роду — <i>богиня</i> , <i>божество</i>
Орфоэпические нормы:	
произнесение с [γ]-фрикативным на месте [г]-взрывного (нежесткая норма); на конце слова [г] оглушается в [х] ([бох] (жесткая норма))	орфоэпическая норма — на конце слова [г]-взрывное оглушается в [к] ([бок])
Орфографическая норма:	
написание с прописной буквы	
Логико-лингвистические следствия:	
<i>Бог</i> — <i>nomina singularis</i> , приближается к имени собственному	<i>бог</i> — общее имя

¹ В романских языках, германских (например, английском) картина будет примерно та же. Христианский Бог: итал. *Dio/Iddio*, исп. *Dios*, англ. *God* и т.д. — *nomina singularis*, употребляется без артикля, пишется с заглавной буквы, имеет большое гнездо синонимов вокруг (итал. *Signore, Altissimo, Onnipotente* — все с выражением идеи 'предельности', англ. *Lord, Almighty*). Языческие боги: итал. (*un*) *dio*, (*una*) *diosa*, исп. (*un*) *dios*, (*una*) *diosa*, франц. (*un*) *dieu*, *diele*, англ. (*a*) *god*, (*a*) *goddess*, также с валентностью 'область владения', которая заполняется средствами, эквивалентными русскому языку — конструкцией с предлогом *di/de/of*, прилагательными, *moon goddess*.

Лексические гнезда вокруг теонимов:	
1) у лексемы <i>Бог</i> есть синонимы: <i>Господь</i> ; <i>Творец</i> , <i>Создатель</i> , <i>Вседержитель</i> , <i>Всевышний</i> , (устар.) <i>Предвечный</i> , (устар.) <i>Сущий</i> , <i>Сый</i> ; <i>Божество</i> 2) с ним не связан класс одновидовых существ	1) у лексемы <i>бог</i> есть один синоним: <i>божество</i> 2) <i>бог</i> — родовое название для целого класса существ: <i>богиня</i> , <i>божество</i> ; класс богов (открытый) из разных языческих культур — др.-греч. <i>Афина</i> , <i>Афродита</i> , <i>Гермес</i> ; др.-рус. <i>Перун</i> , <i>Дажьбог</i> , <i>Стрибог</i> ; др.-егип. <i>Исида</i> , <i>Осирис</i> и т. д.
Существа, наделенные божественными и человеческими свойствами:	
1) Иисус Христос как <i>Богочеловек</i> 2) —	1) — 2) <i>человекобог</i> (цезарь), <i>обожествление</i>

2.

Еще один дифференцирующий признак — тип иерархии, который вписан в христианский и языческий концепт бога. Изначально др.-греч. *ἱεραρχία* (внутренняя форма — *ἱερός* 'священный' + *ἀρχή* 'начало'), наряду с *θεαρχία*, Богоначалием, и *хиріархία*, Господоначалием, получила богословское осмысление и истолкование в трактате «О небесной иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита — в главе «Что такое иерархия и какая от нее польза»:

«Иерархия, по моему разумению, есть священное устроение [*τάξις*, порядок], знание и действие [*ἐνέργεια*], уподобляющееся, насколько это возможно, божественному и к дарованным ей от Бога озарениям соразмерно для богоподражания возводимое» (пер. М. Г. Ермаковой).

Польза от иерархии по Псевдо-Дионисию Ареопагиту — по возможности уподобиться Богу и соединиться с ним. В современных гуманитарных науках в понятие иерархии вкладывается несколько иной смысл: это вертикализированный порядок подчинения низших существ или объектов — высшим. Но и в таком терминологизированном виде иерархия оказывается полезной. Она позволяет выстроить христианскую иерархию для концепта *Бог*, которую мы, вслед за Псевдо-Дионисием Ареопагитом, назовем «иерархией небесной», и языческую иерархию для концепта *бог*, которую мы назовем «иерархией земной».

Дальнейшее изложение будет строиться по принципу — от иерархий земных (исторически первых, но в современной культуре и языке явно «вторых») к иерархиям небесным.

| **Языческий сценарий: иерархия земная.** Предлагаемый языческий лингво-культурный сценарий для лексемы *бог* исходит из прототипического понимания бога как бессмертного (т. е. умирающие-воскресающие боги будут для него периферийными). В его основе — представление о разных богах с разными функциями и разными биографиями. Боги рождаются, но они бессмертны — отсюда возможные в современных языках предикаты: *родиться*, возможные эпитеты или даже самостоятельные номинации — *бессмертный*; боги имеют власть над какой-либо областью бытия — отсюда *бог* чего или какой, например *бог луны*; у представителей класса богоразличительными являются не только область владения, но и имена (*Птах, Перун, Афродита*) и атрибуты (например, *собачьеголовый бог Анупис*). Почитание богов человеком отражается в соответствующие глаголах — *читать богов, молиться богам* и т. д. (это общий, языческо-христианский, фонд номинаций). Человек может возвыситься до богов — отсюда *человекобог, обожествление, причислить к лику богов, божественный*. Как кажется, особенности культа и ритуала, устройства пантеона в разных языческих религиях в лексике современных европейских языках практически не прописаны. При необходимости такие номинации заимствуются из христианско-ориентированной лексики, ср. *причислить к лику святых* — *причислить к лику богов*:

неутешный император [Адриан], желая почтить своего любимца [Антиноя], причислил его к лику богов, учреждая игры, возводя палестры и храмы в его честь (М. А. Кузмин. «Крылья»).

По такому сценарию обычно строятся «языческие» дискурсы — и научные (Плутарх «Об Осирисе и Исиде», М. Коростовцев «Древнеегипетская мифология»), и художественные (Гомер «Одиссея», Д. Мережковский «Воскресшие боги»). Он «проигрывается» не только в античной литературе, скажем, при объяснении чужих богов, но иногда парадоксальным образом угадывается и в современной:

Так вот, я слышал, что близ египетского Навкратиса родился один из древних богов тех мест, которому посвящена птица, называемая ибисом. А самому божеству имя было Тевт. Он первый изобрел число, счет, землемерие, звездочетство, вдобавок игру в шашки и в кости, а также и письмена (Платон. «Федр», 274. Пер. А. Н. Егунова);

Когда б на роду мне написано было / Лежать в колыбели богов, / Меня бы небесная мамка вспоила / Святым молоком облаков. // И стал бы я богом ручья или сада, / Стерег бы леса и гроба, — / Но я человек, мне бессмертья не надо: / Страшна неземная судьба (А. А. Тарковский. «Когда б на роду мне написано было...»).

Итак, иерархия земная, которая содержится в концепте лексемы *бог*, задается тремя опорными компонентами (из всего многообразия компонентов лингво-культурного сценария):

— многобожие (и, как следствие, бог имеет власть не над всем миром, а только над какой-то его частью, или областью бытия);

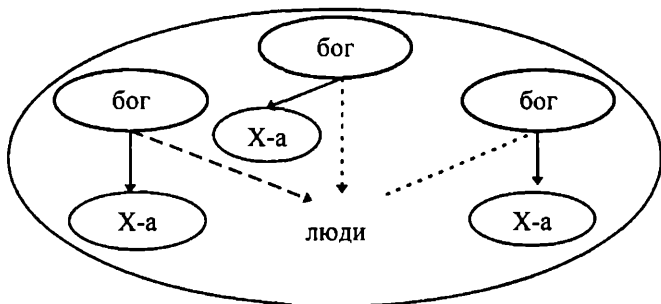
— боги обладают властью над человеком (*Скажи мне, кудесник, любимец богов, / Что сбудется в жизни со мною?* (А. С. Пушкин));

— каждый бог покровительствует какой-либо области бытия (от географической области до ремесел и занятий); если все предшествующие компоненты инкорпорированы в семантику лексемы и не имеют специальной валентности, то этот смысл выражается специальной валентностью — *бог* чего или какой:

Птах — бог Мемфиса, *Перун* — бог грозы, *Афродита* — богиня любви; ср. также *Сешет* — покровительница письменности и писцов-землемеров.

Иерархия земная по данным современных языков выходит двухступенчатой, по принципу высший (боги) — низший (человек), причем с переходными ступенями — *полубог*, *человекобог*.

Рисунок 1. Иерархия земная

Большой круг — мир; X — область бытия, которой бог владеет или которой покровительствует; стрелка указывает то, на что распространяется власть бога.

Лексема *бог-2.1* в свете только что приведенных рассуждений может быть истолкована так:

бог X-а — 'одно из высших существ, бессмертное, имеющее власть над людьми и над какой-либо областью мира X'.

Христианский сценарий: иерархия земная. Представление о единобожии чрезвычайно меняет устройство иерархии «Бог — человек». Бог становится единственной и абсолютной вершиной иерар-

хии. Между ним и человеком возникает множество промежуточных существ — *ангелов, архангелов, святых* и т. д. Все они по отношению к человеку — сверхчеловеческие существа, однако в языке, в отличие от теологии, для них нет заданного места в этой иерархии.

Далее, по сравнению с языческими богами христианский Бог стоит не просто над людьми + одной областью бытия, но над всем². Древнегреческие боги не всемогущи — они творят мир (*kosmos*) из уже существующего. Мир проходит положенные ему стадии существования и опять распадается на свой составляющие. Христианский же Бог творит мир из ничего.

Рисунок 2. Иерархия небесная

Представляет это значение прежде всего слово *Бог* в первом значении, *nomina singularis*. Соответственно этому сценарию — толкование:

Бог — 'высшее существо, создавшее мир и все в мире, имеющее власть над миром и человеком'.

Толкование лексемы *Бог-1* содержит компоненты, необходимые и достаточные для того, чтобы стать отличным от *бога-2.1*, но ими не исчерпываются все конститутивные компоненты христианского концепта. Есть еще целый ряд номинаций, которые подчеркивают целостный концепт; в языках христианского ареала большинство номинаций совпадает — ибо все они происходят из Библии и богослужебных текстов:

² Еще один вклад в тему хаоса и космоса — любимый сюжет О. С. Широкова, о том, как создается мир согласно мифологиям и согласно Ветхому Завету. В мифологии (особенно древнегреческой) мир творится из хаоса (воды, океана, ночи). Сама этимология хаоса (*khaos*) восходит к *khaunos* 'вялый', 'рыхлый', и *khalvo/khasko* 'зевать'.

'вечный' — *Предвечный, Сущий, Сый*; 'высшая справедливость' — *Высший Судия* (*Пока существовал институт исповеди и каждый, исповедуясь, отвечал перед Высшим Судьей за совершенное им, он не смел забывать того, что было вчера, и неделю, и год назад* (Н. Я. Мандельштам. «Вторая книга»)); 'тот, кто выше всех' — *Высший, Царь небесный* (итал. *Altissimo*), 'тот, кто всемогущ / имеет власть надо всем' — *Вседержитель* (итал. *Omnipotente*); 'тот, кто все (и нас) сотворил' — *Создатель, Творец небесный*; 'Господь и господин' — *Господь* (от др.-греч. *Kurios*); 'Отец' — *Отец небесный*; 'спаситель' — *Спас*; троичность Бога — в номинации *Троица*; местоположение Бога — это всегда небо, см. номинации выше.

Ср. также пословицы и поговорки — *Одному Богу известно. Побойся Бога. Что Бог послал. Нечего Бога гневить. Все мы под Богом ходим. Бог милостив. Бог не оставит. Бог в помощь. На Бога надейся, а сам не плошай. Бодливой корове Бог рог не дает. Бог Х-а У-ом не обидел. Бог Х-а принес. Наказание Божье и др.*

3.

Теперь от двух основных значений слова *Бог/бог* перейдем к структуре его значения. Но прежде — о тех значениях, которые еще не обсуждались.

Бог-0. В словарях романских языков выделяется бог как самое первое понятие, предшествующее христианскому и языческому богам. В словаре итальянского языка под редакцией Сальваторе Батталья (Salvatore Battaglia) эта лексема определяется так:

'In tutte le religioni, nome con cui si designa il principio (identificato in una sola o in più persone) al quale vengono attribuiti poteri sovrumani sull'universo e sulle creature' (Grande dizionario della lingua italiana) [Во всех религиях — имя, которым обозначается принцип (идентифицирующийся в одной или нескольких личностях), которому приписывается сверхчеловеческая власть над миром и существами].

Иллюстрируется это значение примерами типа французского *Si Dieu n'existait pas, il faudra l'inventer* [Если бы Бога не было, его бы стоило изобрести] (Вольтер). Отметим в этой связи тот показательный факт, что во французском языке у этой лексемы (*Dieu*) есть производное слово — *diète*.

Вообще говоря, к идее единого бога пришла уже философия Платона; западноевропейское продолжение традиции такого философствования имела, как мы видим, лексикографические последствия.

Но есть ли такое значение у русского теонима (в нашей классификации — *бог-0*), это во многом вопрос классификации. Примеров крайне мало, и их вполне можно считать переходными между лексемами *Бог-1* и *бог-2.1*:

По-моему, религия — это такая народная, родная, задушевная вещь, что не может быть международной. Она связана с характером местности, с климатом, с обычаями, цветом волос, могилами. И египетская, и греческая, и персидская, и друиды, всякий по-своему хвалит бога (М. Кузмин. «Дневник 1934 г.»).

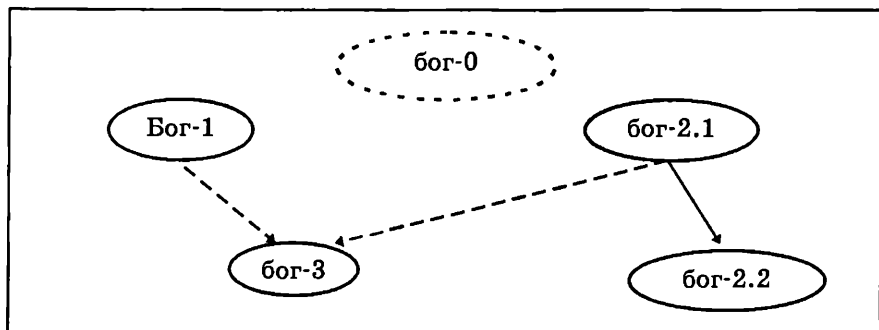
Бог-2.2. Значение, производное от *бога-2.1* — *бог-2.2*, 'изображенный бог-2.1', например:

Вот до чего, братцы, дожили, — говорил Антонио тихо и злобно, — языческих богов из земли стали выкапывать! (Д. Мережковский. «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»);

над богиней [Венерой] была прочитана сложенная в древние времена молитва... в этой молитве над изваяниями и сосудами... служитель церкви просит Бога очистить вырытые из земли предметы от языческой скверны, обратив их на пользу душ христианских во славу Отца, Сына и Духа Святого (Д. Мережковский. «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»).

Бог-3. Значение *бог-3*, метафорическое, 'человек или какой-то объект, о котором можно думать, как о боге', по-видимому, можно считать семантически производным и от *бога* языческого (*бог* коррелирует с *богиней* и *божеством*), и от христианского *Бога*. Представленная в этой лексеме иерархия двуступенчатая, 'человек — сверхчеловек'.

Таким образом, значение русского слова *Бог/бог* графически можно представить так:

ПОЛЗТИ: ПУТЬ К ХАОСУ*

0. Введение

Прототипическим субъектом для глагола *ползти* является змея — с точки зрения русского языка, она просто никак иначе не умеет двигаться (ср. **змея лезет, едет, спускается, поднимается...*). Движение змеи — это целенаправленное движение живого существа в непосредственном контакте с поверхностью земли за счет собственных мышечных усилий. Представляется, что именно так можно описать специфику *ползти* как способа движения. Понятно, что не всякий субъект, допустимый при этом глаголе, идеально соблюдает эти условия — тем не менее, как выясняется, в целом данный прототип довольно хорошо сохраняется в самых разных контекстах. Рассмотрим их последовательно.

1. Живые существа: контакт с поверхностью

Начнем с живых существ — движущихся по собственной воле и с собственной целью. Все они, начиная с человека и кончая насекомыми, когда ползут, движутся, прилагая к этому некоторые усилия, и в процессе такого движения оказываются в той или иной степени «прижаты» к земле. Это может быть не только непосредственный контакт нижней поверхности тела — как у человека, ползущего по-пластунски, краба, рака или черепахи: насекомые ползут, передвигаясь на своих лапках и тело их все-таки отстоит на некоторое расстояние от поверхности, по которой они движутся. Важно, однако, что это расстояние пренебрежимо мало по человеческим меркам, так что можно считать, что мошки и букашки, какими человек видит их, передвигаются практически в контакте с землей — т. е. *ползут*. Обратим внимание, что к длинноногому существу, например, к жирафу, у которого расстояние от земли до туловища достаточно велико, глагол *ползти* не применим¹. Точно так же не применим глагол *ползти* и к чело-

* Эта статья продолжает серию работ, посвященных семантике русских глаголов способа движения [Рахилина 2000; 2001; 2001а; 2002; 2002а]. Данное исследование поддержано грантом РГНФ № 02-04-00303а.

¹ Даже в том случае, если жираф движется не отрывая копыт от поверхности — вопреки тому, что утверждается в [Кошелев 1996], где описание *ползти* строится

веку, идущему по полу и опирающемуся на пол и руками, и ногами: выражение *ползти на четвереньках* подразумевает другую пространственную конфигурацию, а именно опору на согнутые конечности, в частности на колени. Согнутые конечности «приближают» человека к земле и для наблюдателя такого движения увеличивают зрительный эффект контакта с поверхностью.

2. Самодвижущиеся предметы: медленное движение

Среди неодушевленных объектов не так много «самодвижущихся», и поэтому область более-менее буквального применения глагола *ползти* здесь невелика. Заметное место в этой зоне занимают транспортные средства: применительно к ним *ползти* описывает взгляд сверху, например:

Под крылом самолета, где-то внизу, по пограничной дороге ползли крошечные трейлеры.

В таком случае машины напоминают тех же насекомых — из-за уменьшенного размера, иллюзии контакта движущегося объекта с поверхностью и зрительного эффекта замедления его движения (ввиду большого расстояния от наблюдателя). Надо сказать, что сама по себе небольшая скорость если и не входит в толкование глагола *ползти*, должна как-то выводиться из этого толкования.

на непрерывности контакта с поверхностью опоры. Ср. предлагаемое там толкование: *А ползет F_i -ми по S_h [относительно Y]= '1') А сам перемещается (относительно Y -а), 2') поочередно опираясь на поверхность S_h и отталкиваясь от нее своими конечностями $\{F_i\}$, 3') ни в какой момент не утрачивая опоры на S_h ; 4') в каждый момент А устойчив' [Там же: 109]. А. Д. Кошелев предлагает считать, что «главной спецификой движения, обозначаемого *ползти*, является его полная устойчивость» [Там же] — ввиду того, что ползущий не может упасть; «неумение» жирафа ползать, таким образом, объясняется его неустойчивостью в таком положении. С лингвистической точки зрения, это очень странный способ рассуждения: получается, что ползают для того, чтобы, наконец, приобрести устойчивость в пространстве (ведь практически все другие способы перемещения, например *идти, бежать, прыгать*, согласно такому представлению, оказываются неустойчивыми — ср. [Там же: 111]).*

Мы не имеем возможности здесь подробно разобрать в целом так называемый референциальный подход к семантике, но, как кажется, в рамках этого подхода в принципе трудно получить адекватное семантическое описание, потому что он игнорирует главное — языковую картину мира, которая восстанавливается из сочетаемостного поведения языковых единиц, — и подменяет ее набором референциальных признаков, характеризующих действительность как таковую.

В принципе, это возможно: ведь мышечные усилия по преодолению трения с трудом позволяют достичь большой скорости.

Идея медленности в семантике *ползти* имеет развитие: этот глагол способен переноситься на несвойственные ему в качестве субъектов предметы и обозначать вообще медленное движение как в *время ползет, стрелка часов ползет, поезд ползет еле-еле* (ср. также черепаха как эталон медлительности). Сходный механизм переноса с движения, требующего специальных усилий, на выражение медленности как таковой описано в [Кустова 2000] на примере глагола *тащить(ся)*.

В то же время при ближайшем рассмотрении зона действия метафоры «медленно двигаться как *ползти*» в русском языке оказывается не так уж велика. Например, *ползти* применимо к слову *время*, но не к обозначению его периодов — **ползла неделя / *год / *май / *XX век* и т. д. (при том, что с другими глаголами движения такого рода метонимические употребления возможны, ср.: *шло (летело) время, шли (летели) годы, проскочил май*). Кроме того, *ползти* не применимо к событиям, имеющим протяженность во времени: **<про>полз званый обед / урок / лекция / сушка белья* (и опять: с другими глаголами способа движения эти имена употребляются: *<про>шел (<про>летел) званый обед, урок ...*).

Собственно, «чистой» метафорой медленности можно признать только контекст *время ползет* — ведь «чистая» метафора, как известно, должна быть связана с радикальной сменой таксономического класса аргумента (см., например, [Арутюнова 1998: 346 и след.; Падучева 1999: 448]). Специфика *ползти* такова, что для него релевантна смена не таксономического, а топологического класса — и в контексте с абстрактным и «бесформенным» именем *время* мы такой сдвиг наблюдаем. Всякое же другое движение, которое можно описать с помощью *ползти*, подразумевает такой самодвижущийся объект, который всегда можно классифицировать как поверхность, движущуюся относительно другой поверхности в тесном с ней контакте (как бы скользя по ней), ср. *стрелки часов, эскалатор, транспортер, конвейер, тени...* Все примеры такого рода, следовательно, отчетливо воспроизводят исходный топологический прототип движения, для которого медленность является семантическим следствием, а не семантической основой. Сказанное верно и для класса длинных гибких объектов — «веревкообразных» (хотя в случае с *ползти* вернее было бы назвать их «змееобразными»), таких как *шнур, трос, канат, строка* (печатная или рукопис-

ная — ср. *строчки ползут вверх*) и под. Эти имена еще ближе по своей топологии к прототипу ползущего объекта².

Фактически, за пределами этих двух топологических типов («скользящих поверхностей» и «веревочек») *ползти* не работает. Действительно, невозможно описать ситуацию, скажем, медленного движения карандаша как **карандаш ползет по бумаге* или сказать: **дверь скрипнула и медленно поползла по полу* в значении 'начала медленно двигаться, открываясь, и при этом касалась пола'. Последний пример особенно показателен: с точки зрения топологии, дверь, конечно, имеет и нижнюю поверхность, но для «правильного» с точки зрения *ползти* контекста следовало бы, чтобы она была повернута к полу плашмя, т. е. своей основной функциональной поверхностью, и при этом двигалась бы как-то самопроизвольно, что, конечно, малоестественно, поэтому глагол *ползти* к ней как к субъекту движения не применим. Даже транспортные средства, не укладывающиеся в топологию «скользящих» плоскостей и веревок, плохо сочетаются с *ползти*, как бы медленно они ни двигались и на каком бы расстоянии не находились от наблюдателя, ср. **велосипедист/мотоциклист ползет по дороге* или: **запоздалый пешеход ползет по дороге*, при том, что возможно:

Вереница велосипедистов медленно ползет по шоссе — видно, усталые туристы возвращаются из долгого похода,

а также:

По дороге ползет нестройная колонна солдат.

Любопытно, что движение по воде — в том числе и самое медленное — например, плота, бревна или щепки — не описывается глаголом *ползти* никогда: нельзя и представить себе сочетание вроде **плот/бревно/лодка ползет по воде*. Дело в том, что в русской картине мира водная гладь представляется не жесткой, вызывающей в контакте трение, а подвижной, нестабильной поверхностью, *вместе* с которой, а не *относительно* которой, как того требует *ползти*, движутся объекты (более подробно о семантике движения в воде см. [Рахилина 2002]).

² Топология длинного вытянутого объекта (или, скорее, вытянутой цепочки объектов) хорошо видна и в метафоре *слухи/сплетни/разговоры ползут*: информация передается от одного к другому, как в цепи связанных между собой соседних звеньев. Любопытно, что и сама информация, и факт ее распространения оцениваются говорящим отрицательно, ср.: *Пошел слух, что у тебя завтра день рождения — поздравляю!* — **Ползет слух, что у тебя завтра день рождения*. О непосредственной связи отрицательной оценки с семантикой *ползти* см. ниже.

3. Вещества как живые существа. Отрицательная оценка

Итак, *ползти* описывает самостоятельное движение объекта определенной топологии в тесном контакте с поверхностью, по которой происходит движение, обычно медленное — как бы преодолевающее трение. Будем иметь в виду эти свойства *ползти* как способа движения, рассматривая еще две группы его возможных субъектов: вещества и наклонные поверхности.

Выясняется, что *ползти* плохо применимо к веществам, несмотря на то, что некоторые из них «умеют» самопроизвольно, и при этом даже медленно, перемещаться — таким, как стекающий мед, смола, сургуч, поднимающееся тесто и др. (*мед/*сургуч/?тесто ползет). Действительно, *ползти* «предпочитает» не аморфные, а имеющие какую-то форму движущиеся субъекты, т. е. в каком-то смысле похожие на живые существа, так чтобы их можно было бы представить прикладывающими усилия к собственному перемещению, ср. *ледник, который медленно ползет по склону* (но: *лед/*снег медленно ползет), *капля воска/сургуча, которая* (в отличие от воска как такового) может *сползать по стеклу* и т. д.

Хорошо известно, что некоторые эмоциональные состояния могут концептуализироваться как вещества (подробнее см., например, [Арутюнова 1976]), ср. *потoki нежности, глубокая ненависть* и пр. К некоторым из них метафорически применим глагол *ползти*. Следуя его семантическим требованиям, вещества, с которыми сравнивается эмоция, должны иметь определенную природу и консистенцию — и здесь открывается поле для интересного исследования, почему говорят *страх ползет*, но не *гнев/*отчаянье ползет. Мы вынуждены оставить эту проблему в стороне, но обратим внимание на следующее: с *ползти* не сочетается ни одна положительная эмоция, независимо от типа вещества, с которым она сравнивается. *Ползет* только плохое: ни *радость*, ни *нежность*, ни *счастье*, ни другие эмоции с положительными коннотациями с *ползти* не сочетаются — и это, как мы увидим, согласуется с семантикой этого глагола.

Отдельного рассмотрения требуют *дым* и *туман*: с точки зрения своей топологии они во многом удовлетворяют требованиям *ползти*: *туман стелется, покрывает поверхность* и, следовательно, сам близок к типу «поверхности»; *дым* может интерпретироваться и как поверхность (когда *стелется*), и как гибкий вытянутый объект (когда *идет*). Медленное распространение (представляющееся как движение) того и другого тоже вполне подпадает под

характер движения, свойственное *ползти*. Движение этих субстанций действительно настолько медленно, что оно оказывается незаметно для глаза, скрытно. Но скрытность механизма перемещения, как кажется, характеризует и *ползти* в целом, в других его, в том числе и прототипических, употреблениях. Конечно, незаметность движения напрямую связана с тесным контактом с поверхностью: мышечные усилия змей ненаблюдаемы, а конечности насекомых или черепах / колеса у транспортных средств, на которые смотрят сверху, — практически не видны. Да и человек осознанно прибегает к такому нетривиальному способу передвижения часто для того, чтобы скрыть свое движение (диверсанты и разведчики обычно именно *ползут* к передовой).

Теперь обратим внимание, на то, что в разных употреблениях *ползти* — в том числе и со словами *дым* и *туман* — отчетливо ощущается отрицательная оценка. В самом деле, есть что-то злое в том, что дым или туман именно *ползет* (в отличие от нейтрального *стелется*), ср. также *тени ползут*, *ледник ползет* и некоторые другие употребления. Интересно, что такого рода отрицательная оценка не свойственна «человеческим» или «животным» контекстам; предложения типа:

И тогда ребенок ползет за игрушкой на другой конец манежа;

Митя послушно ползет под диван, но ничего там не обнаруживает — и начинает плакать;

По длинному листу лилии ползет рыжий муравей

воспринимаются как совершенно нейтральные³.

Нет такой отрицательной оценки и в контекстах с самодвижущимися артефактами, о которых шла речь выше: тот оценочный компонент, который у этих контекстов есть, имеет совершенно другую и вполне ясную природу: недовольство говорящего в этих случаях определяется исключительно излишней медленностью движения. А вот с именами естественных классов обнаруживается совсем другая отрицательная оценка, более сложной семантики. Именно она проявляется в сочетаниях с названиями наклонных поверхностей — таких, как *берег*, *склон*, *насыпь*.

Сочетание *склон/стена/насыпь ползет* означает, что верхний слой наклонной поверхности начинает постепенно, т. е. медленно и незаметно для глаза, двигаться вниз, обнажая внутрен-

³ Отрицательная оценка может возникать в сочетаниях с именами лиц — но только не у направленного *ползти*, а у итеративной формы — *ползать*; подробнее см. раздел 7.

ний слой. Слой — это тоже вещество «подходящей» требованиям *ползти* концентрации; в этом смысле можно считать, что сочетания с названиями наклонных поверхностей есть просто результат метонимического переноса 'вещество (= слой) как часть наклонной поверхности' → 'вся наклонная поверхность'. Возможен и следующий этап метонимии: от названий поверхностей — к названиям углублений, имеющих такие поверхности, таких как *ров, яма, овраг* и др., к которым тоже применимо *ползти*. В том же ряду стоят примеры типа *шов ползет* и *чулок ползет*.

Важно, что движение внешней поверхности относительно внутренней всегда оценивается говорящим отрицательно — так же, как и движение веществ, ср. здесь производное *оползень*, отчетливо отрицательное.

Природа этой оценки та же, что для веществ, и причины ее возникновения заслуживают специального обсуждения — но прежде мы рассмотрим те приставочные производные *ползти*, которые оказываются в той или иной степени затронуты отрицательной семантикой — а именно: *наползать*, *расползаться* и *сползать*⁴; собственная же зона употреблений *ползти* на этом оказывается исчерпанной.

4. Наползать

Специфика этого глагола — в особенном результативном значении, которое может возникать только в контекстах с неодушевленными поверхностями. Ср. *черепица слегка наползает на шифер* в значении 'перекрывает шифер — как если бы в результате самопроизвольного движения черепица, медленно двигаясь по некоторой поверхности, своим краем (соответствующим фронту движения) оказалась бы сверху шифера'. Заметим, что *наползти* даже в самой результативной форме прошедшего времени совершенного вида не обозначает полного перекрытия верхней, движущейся, поверхностью своей опоры. В частности, *черепица наползла на шифер* не означает, что шифера уже не видно: ситуация достижения результата соответствует лишь перекрытию границы между этими двумя покрытиями.

⁴ Конечно, приставочных производных у *ползти* гораздо больше — здесь и *уползти*, *доползти*, *подползти*, *приползти*, *заползти*, *выползти*, *вползти* и др., — однако их значение «складывается» по довольно простым и стандартным правилам из пространственной семантики приставки и семантики исходного глагола движения. Такие производные *ползти* для нас не представляют специального интереса.

Такая пространственная интерпретация явно нестандартна; действительно, другое, более просто устроенное сочетание *вползти в пещеру* интерпретируется как 'начать находиться *внутри* пещеры', причем движущийся объект оказывается в пещере обязательно целиком, а не частично (когда им пересечена лишь линия входа). То же верно для *жужелица сама вползла в банку, поезд вполз в тоннель* и др.

С другой стороны, пространственные приставочные производные с *на-* от других глаголов движения могут быть устроены более тривиально: *носок наконец налез на пятку* значит, что пятка закрыта целиком, а *шапка наехала спящему на глаза* — что глаз не видно.

Итак, семантическая нестандартность *наползать* состоит, во-первых, в своеобразной неполноте действия при достижении результата. Во-вторых, отличие *наползать* от других приставочных производных в том, что зона его действия — исключительно неодушевленные субъекты, они не контролируют своего движения и не имеют цели: о человеке можно сказать *он приполз/дополз/заполз* и под., но *наполз* в сочетании с одушевленным субъектом выглядит странно. Обращает на себя внимание и то, что во всех своих употреблениях *наползать* имеет ту самую отрицательную оценку, о которой мы только что говорили.

5. Расползаться

Глаголы этой словообразовательной модели (*разбежаться, разойтись, разлететься* и др.) описывают движение объектов в стороны из одной исходной точки; особенность *расползтись* состоит, как и следовало ожидать, прежде всего в том, что такое разнонаправленное движение происходит по поверхности в тесном с ней контакте.

Наиболее характерны здесь два типа ситуаций: первая описывает движение множества насекомых (ср. *расползающиеся муравьи, червяки, скорпионы* и др.), а вторая — рост числа (тоже множественных) кожных поражений: *волдыри / красные пятна / сыпь расползается по телу*.

Замечание

Интересно, что эти два типа примеров, хотя и очень сходны, тем не менее имеют существенные отличия, которые проявляются в их синтаксическом поведении. Действительно, в случае с насекомыми конструкция с *по* может вводить конечную точку их (контролируемого) движения, ср. *пауки расползлись по углам*; для контекстов

второго типа (неодушевленных) такое невозможно (**красные пятна расползлись по ушам*). С другой стороны, валентность поверхности обязательна для неодушевленных контекстов и тоже вводится конструкцией с *по* (*к утру сыпь расползлась по всей шее*), а с одушевленными субъектами она хотя и возможна (*банка перевернулась, и сидевшие в ней муравьи тотчас расползлись по всему столу*), но часто не выражена, ср. вполне допустимое *муравьи тотчас расползлись*, в отличие от **к утру волдыри расползлись*.

Первое обстоятельство свидетельствует о том, применение *расползтись* к неодушевленным именам сдвигает их значение в сторону одушевленности, но сдвиг этот все-таки происходит не до конца: кожные высыпания как бы движутся по поверхности, но цели при этом иметь не могут.

Второе — различие в степени обязательности валентности движения — выявляет принципиальную разницу в природе движения в этих ситуациях: расползшиеся муравьи переместились с одного места на другое по заданной исходной точкой поверхности, поэтому поверхность можно и не упоминать. Кожные высыпания не переместились, они остались на своем месте, но распространились, т. е. число их увеличилось, и в таком случае указание на поверхность задает границы их новой локализации.

Субъектом движения может выступать и недискретное множество, как, например, в *пятно расплзлось*, когда мельчайшие частицы, собранные в одном месте, потом распространяются вокруг, уменьшая концентрацию вещества на границах занимаемой им зоны поверхности. Зрительно пятно расплывается по краям, однако главное — это увеличение его площади, причем медленное, не заметное глазу. Метонимически в таких контекстах могут встречаться и имена веществ: *надпись/клякса расплзлась* → *чернила расплзлись*.

Таким образом, в зависимости от типа субъекта возможна двоякая интерпретация *расползтись*: либо движутся элементы множества, либо распространяется <цветовое> пятно на поверхности; во множественном числе эти интерпретации могут быть совмещены, ср. *пятна расплзаются* (неясно, то ли их становится больше, то ли они увеличиваются в размере)⁵.

Представляется, что все другие контексты *расползтись* могут быть распределены между этими двумя вариантами интерпрета-

⁵ Очень похожая полисемия описана в [Линднер 2000: 60–68 и др.] для англ. *out*. Подробный разбор этой работы содержится в обзоре [Филипенко 2000].

ции. Ср. прежде всего *нити* *расползлись* ≈ 'старые нитки, потерявшие упругость, разошлись в разные стороны — как множество фрагментов ниток — в результате чего образовались разрывы'. Отсюда метонимический перенос *швы* *расползлись* (что, в отличие от *швы разошлись*, значит 'порвались в разных местах из-за того, что расползлись нитки'), *ткань* *расползлась*, *ковёр* *расползся* и др. По образцу второго типа (вещества) интерпретируются: *дым/туман* *расползается*, а также метафоры: *слухи/молва* *расползается*, а также *болезнь/тиф* *расползается* и под.

Если теперь вновь рассмотреть все контексты употреблений *расползтись*, обнаружится, что отрицательная оценка в них присутствует обязательно: об этом свидетельствует уже простое перечисление субъектов: кожные высыпания, гнилые нитки, пятна, дым, туман, болезни. Интересно, что для самой первой из рассмотренных групп употреблений *расползтись*, с одушевленными субъектами, характерны примеры насекомых с явно отрицательными коннотациями — тараканы, червяки, скорпионы и др.; сочетания типа **бабочки/пчелы* *расползлись* выглядят малоестественно. На месте насекомых могут быть пресмыкающиеся и земноводные — но тоже обязательно имеющие отрицательные коннотации (впрочем, в отличие от насекомых этот класс животных практически весь характеризуется стойкими отрицательными коннотациями): *змеи/крокодилы/пиявки* *расползлись* (кажется, что сочетания с более нейтральным субъектом, как ^{??}*черепахи* *расползлись*, действительно, выглядят несколько хуже).

Обратим внимание и на то, что с *расползтись* не употребляются «нейтральные» субъекты, характерные для бесприставочного *ползти* — маленькие дети, транспортные средства, тросы и транспортеры и др., ср.: **машины* *расползлись по гаражам*⁶, **дети* *расползлись по углам манежа*. Зато возможны метафорические переносы типа: *по вечерам, когда соседи расползались по своим комнатам...* — где люди уподобляются («плохим») насекомым или гадам.

6. Сползти

В стандартной словообразовательной модели с глаголами способа движения приставка *с-* обозначает движение сверху вниз,

⁶ Между прочим, это обстоятельство является косвенным свидетельством того, что отрицательная оценка, о которой идет речь, ничего общего не имеет с идеей медленности, хотя медленность (как мы говорили еще в начале статьи) тоже отрицательно оценивается говорящим — иначе бы транспортные средства были допустимы в контексте *расползтись*.

ср.: *съехать, сойти, слететь, спуститься* и т. д. В нашем случае, ввиду того, что *ползти* требует контакта с поверхностью, речь идет о движении по наклонной плоскости. Между тем природа этого движения такова, что оно происходит как бы само собой — за счет наклона поверхности — и в принципе, не требует никаких специальных усилий от субъекта, хотя они, как мы знаем, и предполагаются исходным значением *ползти*. Получается, что, присоединяясь к *ползти*, приставка *с-* естественным образом «подавляет» часть значения этого глагола.

То же движение вниз за счет наклона описывается как прототипическое глаголом *ехать/съехать* (см. [Рахилина 2002а]), который в таких случаях оказывается квазисинонимичным *ползти*. Правда, бросается в глаза разница в скорости движения: обязательно быстрого для *съехать* и обязательно медленного для *сползти*, ср.: *санки съехали с горы* (быстро) — *санки сползли с горы* (медленно, как бы тормозя, видимо, по неровной или мало-снежной поверхности).

В то же время, если путь, который проделывает субъект движения, невелик, то акцент переносится на результат, т. е. с самого движения на достижение его конечной точки, и тогда разница в скорости уже не так важна. Это относится прежде всего к названиям одежды — про некоторые из них говорят и *съехать*, и *сползти*. Ситуация в этой семантической зоне осложняется еще и тем, что в отдельных случаях к предметам одежды применим еще и глагол *слезть*, ср. *штаны/носки съехали/сползли/слезли*. Тем не менее такое единодушие эти глаголы проявляют далеко не всегда. Например, ботинки могут только *слезть*, но не *сползти* и не *съехать*; наоборот, галстук может *сползти* и *съехать*, но не *слезть*. То же верно для кепки и шляпы, а вот платок может только *сползти* <с плеча>, но не *слезть* и не *съехать*, см. следующую таблицу:

	<i>слезть</i>	<i>сползти</i>	<i>съехать</i>
<i>ботинки</i>	+	—	—
<i>галстук</i>	—	+	+
<i>платок</i>	—	+	—
<i>штаны</i>	+	+	+

Как видим, в таблице отражены все мыслимые комбинации возможностей для сочетаний наших глаголов с названиями одежды. И все-таки обращение к специфике способа движения, заложенной в семантике этих глаголов, может объяснить избирательность, с которой ведут себя имена.

Так, *слезть* является глаголом удаления из некоторого начального пункта, предполагающим, как и исходное *лезть*, преодоление препятствия на своем пути (подробное описание концепта русского *лезть* см. в [Рахилина 2001]). Главным препятствием для *слезть* является сам начальный пункт: наибольшая трудность состоит в том, чтобы его преодолеть. Поэтому закрепленные на поясе штаны, юбка, ботинки на ноге и под. *слезают*, а просто лежащая на голове кепка или шляпа, бескозырка и под. — нет:

*Пилотка то и дело сползала/съезжала/*слезала ему на глаза.*

С другой стороны, галстук, двигаясь вправо или влево (т. е. *съезжая* или *сползая* со своего исходного «правильного» места), тем не менее остается закреплен на шее и, следовательно, своего препятствия преодолеть не может. Ср. также:

*Лошаденка упиралась, передок телеги толкал ее в зад, хомут съезжал (/сползал/*слезал) с шеи.*

В редких случаях равнодопустимые *съехать*, *сползти* и *слезть* обнаруживают различие в интерпретации. Например, съехавшие или сползшие носки или чулки могут обозначать спутившиеся вплоть до щиколоток, а вот слезший носок должен обязательно «преодолеть» пятку.

Как видим, *съехать* и *сползти* ведут себя довольно похоже, и в то же время хорошо противопоставлены *слезть*, однако и внутри этой пары обнаруживаются различия. Во-первых, *съехать* характеризует движение вещи в целом, а не отдельной ее части — т. е. не допускает метонимического переноса обозначаемой ситуации. Между тем рубашки, фуфайки, свитера не могут перемещаться целиком: обычно смещается плечо, рукав или воротник. Тогда говорят (используя метонимический перенос): *рубашка сползла (*съехала) с плеча*. Ср. также:

*Наташа часто поправляла сползавшие (*съезжавшие) ей на глаза волосы* (глагол *съехать* был бы возможен здесь только в том случае, если бы речь шла о парике).

То же касается платков и шалей. Вообще, кажется, что глагол *съехать* придает ситуации некоторую мобильность: галстук может *съехать* от резкого движения в драке, ср.:

Профессор захватил на груди рубашку и рванул, полетели запонки, а галстук съехал (^{??}сполз) (А. Толстой).

Ясно, что эффект противопоставления здесь возникает из «воспоминания» глаголов *сползти* и *слезть* о своих исходных скоростях.

Итак, *съехать*, описывающее резкое внезапное движение звучит несколько разухабисто, разговорно — зато *сползти* по-прежнему отчетливо отрицательно, и в этом еще одно существенное различие между этими глаголами, ср.:

Противная бретелька без конца сползала ("съезжала") с ее плеча.

7. Корень зла

Мы обнаружили, что отрицательная оценка свойственна не только отдельным контекстам *ползти* (с именами натуральных классов и наклонных поверхностей), но практически всем употреблением трех его приставочных производных: с приставками *на-*, *раз-(-ся)* и *с-*.

Какова же природа этой отрицательной оценки? Представляется, что «корень зла» в данном случае — в самопроизвольности движения, которое обозначает *ползти*. Конечно, сама по себе самопроизвольность, обычно связанная с его управляемостью и контролируемостью, не может оцениваться отрицательно. Поэтому все контексты, демонстрирующие целенаправленное перемещение — человека или управляемого человеком артефакта, — должны быть как минимум нейтральны. И действительно, как мы помним, интересующая нас отрицательная оценка не свойственна контекстам с субъектом человеком или самодвижущимся артефактом (типа машины или конвейера) — в них «недовольство» говорящего может вызывать не движение как таковое, а только его излишняя медлительность.

Иное дело — исходно неподвижные предметы: одежда, ледник, насыпь, пятно и др. Суть в том, что всякое движение такого объекта, не контролируемое человеком, ведет к разрушению и порче, а контролироваться оно не может, так как (по условиям употребления *ползти*) происходит самопроизвольно и исподволь, незаметно для человеческого глаза. Поэтому если *съехавший* набок колпак, галстук и под. — случайность или следствие резкого движения, то *сползшие* носки, бретельки, платки и т. д. можно было бы назвать подлым предательством вещей, самовольно и незаметно покинувших свое место и тем самым обнаруживающих свою неподконтрольность человеку; оно оценивается отрицательно потому, что порождает хаос.

Следовательно, источником отрицательной оценки в *ползти* может служить не только медленность движения, но и его самопроизвольность; определенную роль здесь играет и другая характеристика движения — его незаметность; она не дает возможно-

сти управлять перемещением объекта. По-видимому, незаметность движения не является самостоятельным компонентом толкования: она выводится из идеи тесного контакта с поверхностью. Но оказывается, что и эта последняя составляющая семантики *ползти* тоже может давать импульс для возникновения «своей» отрицательной оценки.

В самом деле, прототипически поверхность, по которой движется ползущий субъект, находится внизу⁷; нахождение человека внизу (а не в естественном для него вертикальном состоянии), интерпретируемое метафорически, оценивается отрицательно, потому что оно соотносится с нижней ступенью социальной лестницы, иными словами, подчиненным положением. Заметим, что речь идет не о целенаправленном движении, как в *ползти* — оно в этом отношении нейтрально, а именно о локализации, которая описывается разнонаправленным *ползать*. Отсюда переносное *ползать перед кем-либо* в значении 'неискренне подчеркивать свое подчиненное положение по отношению к некоторому лицу'. Обратим внимание, что при оценке ситуации как чистосердечного преклонения глагол *ползать* оказывается неуместным: имеется в виду хитрое, притворное поведение субъекта, ср. также *пресмыкаться* как близкий синоним к этому такому употреблению *ползать*.

8. Заключение

О прототипе *ползти* — т. е. природе некоторой конкретной ситуации, которая максимально отражает свойства других употреблений этого глагола, — можно спорить. В начале работы мы пред-

⁷ Вовлечение боковых и верхних поверхностей происходит в основном при описании движения насекомых — это насекомые «умеют» ползать и по стенам, и по потолку. Отдельный случай представляет собой небо как купол — так сказать отраженная земля: для небесных объектов очень характерно отождествление способа их перемещения с «земными», ср.: *солнце восходит, идет по небу, спускается, закатилось; облака скользят по небу...* Все эти глаголы описывают движение по поверхности — так сказать, по небесной тверди; летают же в небе только те объекты, которые находятся между небом-поверхностью и землей — птицы, самолеты, снег и др. (о совмещении образа поверхности и пространства в семантике лексемы *небо* подробнее см. [Урысон 1997]).

В число «земных» глаголов, применимых к небесному движению, попадает и *ползти* (но не *ехать* и не *лезть*, каждое по своим причинам, которые мы не можем здесь обсуждать). Естественно, что *ползти* и в этом случае описывает медленное, не очень заметное глазу самопроизвольное движение, ср. характерное *тучи ползут* с явной отрицательной оценкой.

ложили считать таковым движение змеи; в принципе, возможны и другие решения: например, движение червяка или черепахи. Действительно, черепаха — воплощение медленного движения, а змея может двигаться и достаточно быстро. Однако черепаха в нашей картине мира — довольно безобидное существо, тогда как змея настолько отрицательна, что, согласно [МАС], представляется «обычно с ядовитыми зубами». Ср. также во втором, метафорическом значении: 'О коварном, хитром, злом человеке' [Там же]. Наш анализ употреблений *ползти* показал, что семантической доминантой этого глагола является не медленность, которая легко выводится из других компонентов его смысла, — а как раз разрушительная сила коварства и предательства.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1998 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
- Кошелев 1996 — Кошелев А. Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 82–194.
- Кустова 2000 — Кустова Г. И. Об источниках полисемии глаголов перемещения объекта (*тянуть*) // Труды международного семинара «Диалог 2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2002. С. 175–181.
- Линднер 2000 — Линднер С. То, что движется вверх (*up*), не обязательно может следовать вниз (*down*): сопоставление *in* и *out* // Исследования по семантике предлогов / Ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М., 2000. С. 55–83.
- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 1–4.
- Рахилина 2000 — Рахилина Е. В. «Стой, кто идет?» // Слово в тексте и в словаре. М., 2000. С. 224–230.
- Рахилина 2001 — Рахилина Е. В. О семантической структуре глагола *лезть* // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001. С. 171–177.
- Рахилина 2001a — Рахилина Е. В. О природе бесконечного движения: *качаться* // Prace filologiczne. Warszawa, 2001. Т. 46. S. 493–502.
- Рахилина 2002 — Рахилина Е. В. *Плыть* и *плавать*: семантика грамматических форм // Категории глагола и структура предложения. СПб., 2002.
- Рахилина 2002a — Рахилина Е. В. Что значит *ехать*? // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой: Статьи и воспоминания. М., 2002. С. 395–402.

- Падучева 1999 — *Падучева Е. В.* Метонимические и метафорические переносы в парадигме глагола *назначить* // Теория и типология языка: от описания к объяснению. М., 1999.
- Филипенко 2000 — *Филипенко М. В.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях // Исследования по семантике предлогов / Ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М., 2000. С. 12–55.
- Урысон 1997 — *Урысон Е. В.* Словарная статья *небо 1, небеса 2, небосвод, небосклон, поднебесье* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук-вом Ю. Д. Апресяна. М., 1997. Вып. 1.

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ОЦЕНОК В ЗНАЧЕНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Если человек сталкивается с хаотичным распределением объектов произвольной природы, у него, как правило, возникает невольное стремление их как-то упорядочить, «разложить по полочкам». Обычно этапу упорядочения должна предшествовать стадия инвентаризации типов изучаемых объектов. Одним из примеров подобного «хаоса» являются оценочные компоненты в значениях лексических единиц (ЛЕ) — компоненты, которые отличаются поразительной пестротой своего проявления.

В связи с этим представляет интерес выяснение характера функционирования оценочных значений в структуре толкований ЛЕ. Как известно, в толковании ЛЕ факультативно выделяются следующие компоненты:

— дескриптивная часть толкования, факультативно членимая на презумптивную и ассертивную части;

— модальная рамка говорящего [Апресян 1974].

Любое оценочное суждение предполагает, как известно, (ср. [Арутюнова 1988]), наличие таких необходимых компонентов, как а) субъект оценки; б) объект оценки; в) ее вид (частная или общая оценка); г) ее знак (положительный или отрицательный) и т. д.

Нас будет интересовать, как могут распределяться и варьироваться эти оценочные категории в структуре толкований различных типов. Подобный сопоставительный анализ представляет интерес с самых разных точек зрения. Он, в частности, содействует уточнению семантической структуры ЛЕ: оценочный компонент — это такой элемент прагматики знака, который входит в состав его значения [Wierzbicka 1969; Апресян 1974], причем может локализоваться в самых разных частях толкования.

На данный момент уже сложилась довольно солидная система взглядов относительно ЛЕ «неодобрения», которые описывают разнообразные оценочные речевые акты [Булыгина, Шмелев 1994; Апресян, Гловинская 1996]. Несмотря на глубокие индивидуальные отличия в значениях ЛЕ данного семантического поля, соответствующие ЛЕ могут быть условно разбиты на две обобщенные группы. Это разделение связано с известным филлморовским противопоставлением: оценочный компонент значения слова входит в состав ассерции или же в состав презумпции дескриптивной

части толкования ЛЕ. К первой группе относятся предикаты типа *осуждать, ругать, бранить, крыть* и др., в ассерцию которых входит указание о том, что субъект описываемого речевого акта отрицательно оценивает последствия действий, поступков определенного лица или же присущих ему недостатков. В этой связи нельзя не упомянуть глубокий анализ лексем данной группы, проведенный в работе [Булыгина, Шмелев 1994]. В частности, субъект может давать негативную оценку действия некоторого лица не только путем эксплицитного речевого акта, но даже посредством красноречивого молчания. Последнее выступает в функции напоминания о том, что обсуждаемое действие относится к разряду негативных — когда, например, *упрекают за что-то*. В подобных случаях акт напоминания о негативности соответствующего действия можно рассматривать как разновидность ассерции. Во вторую группу соответственно попадут глаголы *обвинять, винить, уличать, изобличать, обличать, разоблачать...*, в ассерции которых субъект описываемого речевого акта так или иначе указывает на причастность контрагента к деятельности, негативность которой является общеочевидной (или же на то, что ему присущи качества, которые общепринято считать негативными). В частности, когда *упрекают кого-то в чем-то*, субъект упрека исходит из презумпции негативности соответствующего действия или свойства. Указание же на то, что адресат упрека причастен к данному действию или ситуации является содержанием ассертивного напоминания [Булыгина, Шмелев 1994]. (Как видим, полученные авторами результаты убедительно свидетельствуют о правомерности и целесообразности разграничения разных статусов напоминания — напоминание в функции (прагматической) презумпции (что более привычно) и напоминание в функции ассерции.) Таким образом, в последнем случае представление о негативности соответствующих действий или свойств входит в состав презумптивной части толкований.

Максимально обобщая, можно утверждать, что в глаголах второй группы ассерция, указывающая на причастность некоторого лица *У* к действию или деятельности *Р*, служит средством напоминания (актуализации) общеизвестного мнения о негативности *Р*. Тем самым подобные случаи демонстрируют нетривиальность функционирования прагматической презумпции: презумпция коммуникативно не предшествует ассерции (как это обычно бывает), а наоборот — ассерция актуализует общеизвестную оценочную информацию, которая применительно к значению соответствующих лексем выполняет функцию прагматической презумпции.

Следует подчеркнуть, что аналогичный механизм взаимодействия презумпции и ассерции (в дескриптивной части толкования лексемы) свойствен и широкому классу «не нейтральных» глаголов типа *убивать*, *воровать*, *предать*, *лгать*, *подхалимничать* и т. д., которые обозначают действия, поступки, порицаемые с общечеловеческой точки зрения. Презумпция дескриптивной части толкований данных глаголов имеет подчеркнуто оценочный характер, апеллируя к общеизвестным нормам морали, осуждающей зло в любых формах его проявления. Например, глагол *убивать* предусматривает, что описываемое им действие «подпадает под статью», предусмотренную, скажем, заповедью «Не убий!», и поэтому подлежит моральному осуждению. В данном случае осуждение — это тот вывод, к которому говорящий как бы «подталкивает» слушающего, поскольку сама негативная оценка подобных акций формируется в сознании реципиента в процессе аналитической обработки высказывания.

Интересно, что обозначения некоторых преступных действий могут быть производными от ЛЕ, описывающих вполне нейтральный вид занятий. В подобных случаях производная единица содержит смысловое приращение, подводящее деятельность, описываемую исходной единицей, под тот или иной «состав преступления». Ср., например, глагол *торговать* и, с другой стороны, *приторговывать* *У-ком* ≈ 'обогащаться путем торговли товаром *У* с нарушением действующего торгового законодательства'. При этом объектная валентность (*У*), имеющая синтаксически факультативный статус у исходного глагола, становится синтаксически обязательной у производного. Ср. также противопоставление *политик/политикан*, где *политикан* ≡ 'политик, осуществляющий в корыстных целях нечестную политику, ущемляющую интересы народа и (или) других стран'. В отличие от ЛЕ *приторговывать*, значение данного существительного дополняется указанием на то, что говорящий высказывает и свое личное осуждение такой политики и ее субъекта. С другой стороны, в паре *архитектор/зодчий* существительное *зодчий* может быть истолковано как 'архитектор, являющийся автором проектов ряда сооружений, получивших всеобщее признание (положительно оцененных социумом), причем к этой оценке присоединяется и сам говорящий'.

Констатируя параллелизм функционирования оценочной презумпции в разных группах глаголов, следует, естественно, осознавать и различия между этими группами. Первое фундаментальное отличие проявляется в самих значениях глаголов разных типов. Значение предикатов «обвинения» можно обобщенно представить

как попытку так или иначе привлечь к ответственности лицо, причастное к негативно оцениваемой деятельности. Так, сентенционная форма вида *Х обвиняет Y-ка в Р перед Z* в первом приближении может быть описана как: 'Узнав (или придя к выводу), что Y совершил действие (или поступок) Р и тотчас осознав, что Р относится к виду деятельности, которую общепринято считать предосудительной, Х задается целью привлечь Y-ка к правовой или этической ответственности за Р. С этой целью Х сообщает аудитории Z (делает достоянием гласности) причастность Y-ка к Р'. Большинство глаголов данной группы (как и глаголы осуждения, а также многие другие) имеют сильную семантическую валентность Аудитории — «коллектива, свидетеля или судьи, к которому апеллирует субъект действия» [Апресян и др. 1997], чтобы и Z осознал предосудительность действий Y-ка. В то же время семантика глаголов типа *воровать*, *убивать* и др. под. ограничивается только констатацией факта причастности их субъекта к заведомо предосудительной деятельности. Употребляя соответствующую ЛЕ, говорящий, естественно, не ставит перед собой цель привлечь ее субъекта к ответственности, а его единственной «аудиторией» является только слушающий.

Другое важное отличие связано с тем, что в глаголах обвинения негативность действия, инкриминируемого лицу Y, фиксируется в самом толковании путем сопоставления негативной оценки той переменной (Р), которая обозначает предосудительную деятельность Y-ка. При этом имеется в виду, что конкретные текстовые элементы, заполняющие валентность переменной Р, должны быть с ней аксиологически согласованы. Ср. в связи с этим парадоксальность высказываний, где соответствующие признаки несогласованы: *Его обвиняют в доброте (подвиге, благородном поступке...)*. Аналогичный механизм аксиологического согласования переменной толкования и заполняющей ее валентности можно усмотреть в таком предикате подобия, как *смахивать*, где субъектом установления подобия и оценки является сам говорящий — ср. (1) *Это смахивает на воровство (предательство)*, но никак не **Это смахивает на благородство (благородный поступок)*. У глаголов же типа *воровать*, *убивать*... характер той или иной негативной деятельности задается самим значением предиката, которое в свою очередь актуализует общепризнанное представление о ее предосудительности.

При употреблении глаголов обвинения в не-первом лице говорящий по сути излагает чужое мнение, не утверждая при этом, что он (т. е. говорящий) и сам уверен в причастности контрагента

обвинения к предосудительной деятельности. Напротив, употребляя в реальной модальности личные формы «не нейтральных» глаголов, говорящий тем самым берет на себя ответственность за достоверность сообщаемой им информации, которая подается как содержание его знания.

Следует также подчеркнуть, что субъект обвинения является одновременно и субъектом осуждения. Он потому и стремится привлечь *У*-ка к ответственности, что осуждает его. Сам факт обвинения свидетельствует о том, что его субъект активно присоединяется к общепринятому мнению о предосудительности соответствующих действий. В этой связи следует напомнить (ср. [Булыгина, Шмелев 1994]), что субъект глаголов осуждения «берет на себя смелость выносить вердикт», исходя из собственных, а не общепринятых, критериев негативности того или иного действия. В сообщениях же, построенных на базе не нейтральных глаголов и констатирующих причастность некоторого лица к какой-либо предосудительной акции, отношение говорящего к ее субъекту остается не эксплицированным.

Подобное употребление личных глагольных форм в функции констатации определенного факта кардинально отличается от употребления соответствующих им отглагольных существительных в выражениях вида *Это воровство (убийство, предательство, эпигонство...)*! Такие высказывания выполняют не констатирующую, а интерпретирующую функцию, фиксируя момент интерпретации конкретной ситуации говорящим. Здесь негативная (этическая) оценка говорящего содержится уже в ассерции фразы. Говорящий, квалифицируя ситуацию как воровство (предательство, эпигонство...), тем самым эксплицирует, что он оценивает ее так же, как общепринято оценивать поступок, обозначаемый ЛЕ, посредством которой он интерпретирует данную ситуацию. Для выполнения этой же (интерпретирующей) функции используются и предикаты подобия — ср. приведенный выше пример (1).

Представление о поведении оценочных компонентов значений ЛЕ усложняется еще больше, если привлечь к рассмотрению многочисленные ЛЕ, которые, входя в состав синонимических или квазисинонимических рядов (т.е. обозначая денотативно тождественные или подобные ситуации), кроме того содержат в себе оценку этих ситуаций говорящим. Некоторые из них (ср. *политикан, зодчий, смахивать...*) были частично проанализированы выше. В терминах программной работы [Эпштейн 1991] они квалифицируются как прагмемы, соединяющие в себе предметность и оценочность. В их лексическом значении отношение слова к обозначаемому

явлению неразрывно связано с прагматическим аспектом — отношением говорящего к предмету сообщения.

В этом контексте было бы уместно сопоставить разные типы речевых стратегий.

Прямую речь, использующую кавычки, естественно рассматривать как буквальное приведение речи другого говорящего (т. е. не того, кто является непосредственным отправителем данного текста или речи). В частном случае эта речь может принадлежать и непосредственному говорящему — если он цитирует свои слова, употребленные в рамках другого (не текущего) дискурса.

Непрямая речь — это описательное воспроизведение речи другого говорящего или же собственной в рамках другого речевого акта.

Дескриптивный режим повествования — нейтральное изложение того, что составляет содержание знания говорящего.

Недескриптивный режим — «незакавыченная» прямая речь непосредственного говорящего в рамках данного речевого акта, в которой активно используются прагмемы, а кавычки заключают в себе не чужую речь, а выполняют функцию метафоры. В таком изложении «просвечивает» личность самого говорящего, его отношение к тому, о чем он говорит. Предметом сообщения становится не только то, что ему известно, но и его собственные мнения и убеждения, раскрывается его социальный статус, текущее отношение к слушающему и многое другое.

Употребляя нейтральные ЛЕ, говорящий обычно выступает как беспристрастный наблюдатель, объективно описывая то или иное положение дел (даже если речь идет о чьих-то душевных переживаниях). Употребляя же прагмемы, говорящий тем самым не может удержаться от собственных оценочных комментариев по поводу сообщаемого.

При этом оценочное суждение так или иначе затрагивает их участника (субъекта или пациента). В разных ЛЕ варьирование оценки часто факультативно сопровождается и сменой их регистровой соотнесенности. С другой стороны, регистровый контраст двух ЛЕ также может факультативно характеризоваться изменением оценки. Ср., например, нейтр. *1000 долларов* и молодежно-жаргонное *штука баксов*, нейтр. *есть X* и квазисинонимичное ему разговорное *лопать X* ('периодически есть X в больших количествах'), нейтр. *умереть* и простор. *помереть*, различающиеся чисто стилевым противопоставлением. В то же время *умереть* интересно противопоставлено шутливо-разговорным выражениям типа *дать (врезать) дуба, сыграть в ящик, окочуриться, отдать концы, протянуть ноги* и др. под., применяемым в регистре раско-

ванного общения «среди своих» и характеризующимся отсутствием этикетизации. Употребление таких выражений ориентировано на отражение если не вышестоящего статуса говорящего (его пренебрежения), то как минимум его равенства с тем, о ком он говорит. Примечательной особенностью семантики подобных употреблений является подчеркивание обыденности описываемого события, что проявляется в указании на отсутствие у говорящего сожаления о случившемся, хотя нормативно сообщения о подобных событиях предполагают их негативную оценку со стороны говорящего. Так, в отличие от приведенных выше выражений, *умереть* (как и простор. *помереть*) по крайней мере не содержит информации о том, что говорящий не сожалеет о случившемся. В то же время в значение обсуждаемых разговорных употреблений не входит указание о том, что говорящий этому рад.

От подобных выражений кардинально отличается простор. *сдохнуть* (о человеке), где регистровое противопоставление сопровождается еще и устойчивой негативной оценкой говорящим пациента описываемого события. В то же время ЛЕ *скончатся*, обозначающее такое же событие, содержит дополнительное указание на положительно-почтительное отношение говорящего к пациенту.

Ср. также украинские просторечные выражения, которые отражают одну и ту же ситуацию избиения: *дати перцю (кому)*, *нам'яти боки (кому)*, *дати (завдати) духу (кому)*, *натовкти пилу (набить морду) (кому)* и, с другой стороны, *підняти руку (на кого)*. В первых четырех примерах имеется в виду, что говорящий отрицательно относится к объекту избиения и одобряет действия его субъекта. В то же время последний пример удостоверяет противоположное — уважительно-почтительное отношение говорящего к объекту и отрицательное — к субъекту.

Более детальное изучение функционирования оценочных компонентов в значениях ЛЕ указывает на необходимость учета таких параметров, как:

- 1) количество оценочных суждений внутри значения ЛЕ;
- 2) различие частной и общей оценки [Арутюнова 1988], а также ситуативной и постоянной оценки;
- 3) направление транзитивности оценок при наличии более чем одного оценочного суждения;
- 4) тип локализации оценки в толковании.

Значение ЛЕ, описывающих оценку явлений, не являющихся результатом чьих-то преднамеренных усилий, обычно содержит в себе только одно оценочное суждение. Это объясняется объективным отсутствием какого-либо целеустремленного деятеля, кото-

рого можно было бы порицать (или хвалить) за «создание» соответствующей ситуации. Ср., например, такие предикаты, как *Х опечален Р*, *Х огорчен Р*, *Х обескуражен Р*, *Х сожалеет о Р*, *Х сокрушается по поводу Р*. Ср. также оценку, содержащуюся в сетах по поводу землетрясений, пожаров и прочих стихийных бедствий, в выражениях сочувствия пострадавшим от них, в состраданиях по поводу тяжелой болезни или соболезнованиях по поводу чьей-то (естественной) кончины. ЛЕ типа *ветрище*, *жарища*, *скучища*, *смертная тоска* и пр. также содержат только одну оценку, в которой говорящий сетует на то, что стал пациентом негативных последствий сильного ветра, сильной жары, «интенсивной» скуки или тоски...

В то же время оценочная часть значений многих ЛЕ часто расчленяется по крайней мере на два оценочных суждения, которые «идут в паре», в едином блоке. Так, оценочная часть значения ЛЕ, описывающей какое-либо преднамеренное действие, обычно содержит в себе:

1) оценку последствий этого действия (негативную или положительную);

2) оценку субъекта — каузатора последствий.

При этом направление транзитивности оценок, равно как и их оценочный знак, может меняться и, соответственно, определяться то ли оценкой последствий действия, то ли оценкой субъекта-каузатора.

В ассертивную часть толкований рассмотренных выше глаголов типа *осуждать* (*ругать*, *выговаривать*, *упрекать*...) и, с другой стороны, в презумпции толкований *обвинять* (*обличать*, *изобличать*...) входят, во-первых, негативная оценка типичных последствий действия *Р* и, во-вторых, негативная оценка контрагента *В* как субъекта, преднамеренно совершившего поступок *Р*.

Первая оценка может быть представлена как 'плохо, что имеет место *Р*' или 'плохо, когда (если) имеет место *Р*', где субъект оценки сокрушается по поводу *Р* или вообще отражает свое отношение к ситуациям типа *Р*, т. е. отрицательно оценивает последствия *Р* с позиции их реального или возможного пациента, на месте которого сам не хотел бы оказаться. При этом ситуация *Р* одновременно является и поводом для оценки, и ее объектом.

Вторая оценка 'Х, совершивший *Р*, плох' отрицательно оценивает лицо *В* за преднамеренное совершение *Р* (т. е. за то, что он хотел последствий *Р* и достиг желаемого). В действительности вторая оценка часто представляет собой симбиоз двух оценок — частной и общей [Арутюнова 1988]. Например, объектом частной

оценки обычно становятся те качества определенного лица (этические, интеллектуальные, эстетические и др.), проявлением которых, по мнению субъекта оценки, и стала каузируемая данным лицом ситуация Р. Так, глаголы осуждения и обвинения предусматривают, что объектом частной негативной оценки являются этические качества осуждаемого или обвиняемого. Частная оценка в свою очередь нередко имплицитует общую (холистическую) — негативную или положительную оценку лица-каузатора или произвольного объекта, которая может носить ситуативный или постоянный характер [Там же].

В значении многих ЛЕ так или иначе содержится указание на ситуацию Р, ставшую поводом негативной оценки, но при этом не обязательно эксплицируется, какой именно вид частной оценки в ней проявляется. Так, в предложениях вида *Х торчит в Y-ке; Х валяется; Х где-то шляется...*, где причиной неодобрения говорящего являются, казалось бы, абсолютно нейтральные ситуации (Х долго находится в Y-ке, Х лежит, Х долго отсутствует в том месте, где находится говорящий), не уточняется, какая именно частная оценка скрывается за этим неодобрением. При этом оно имплицитует ситуативную негативную холистическую оценку «отторжения» Х-а говорящим.

Ср. также противопоставление *Х решил (делать Р) / Х вздумал Р*, где в значении ЛЕ *вздумать* наблюдается аналогичный механизм взаимодействия оценок с той лишь разницей, что первичная негативная оценка сопоставлена переменной Р. Таким образом, она переносится на конкретный текстовый элемент, заполняющий соответствующую валентность.

Другое соотношение оценок наблюдается в выражениях, содержащих предикативное употребление «ругательных» лексем с перлокутивным эффектом. В примерах вида (2) *Вот дурак! (вот идиот!)*; (3) *Вот подлец! (вот негодяй!)* эксплицируются соответственно ситуативные частная интеллектуальная (2) и частная этическая (3) негативные оценки, которые вызывают ситуативную общую негативную оценку лица, о котором идет речь. Однако при этом никак не уточняется конкретная ситуация с участием данного лица, проявившая его негативные качества и вызвавшая столь бурную реакцию говорящего.

Примеры (2) и (3) по сути выполняют функцию «авторепортажа», синхронного с моментом присвоения говорящим соответствующих ситуативных оценок по поводу конкретного события. Напротив, высказывания вида (4) *Это такой дурак (такой идиот)!;* (5) *Это такой подлец (такой негодяй)!* отражают уже устоявшиеся

частную и общую негативные оценки говорящего, основанные на неоднократных проявлениях интеллектуальных (4) или этических (5) качеств обсуждаемого лица. Вместе с тем частная оценка не всегда приводит к оценке холистической. Ср., например, такие реплики, как *Вот дурачок!* или обращения *Дурачок мой!*, *Глупышка!*, *Глупенький!*, где употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов блокирует появление общей негативной оценки. Тем самым говорящий указывает, что ситуативная негативная оценка не в силах повлиять на его положительное отношение к адресату или к третьему лицу. Существуют и другие средства подавления итоговой оценки. Ср., например, (6) *Он торчит там уже третьи сутки* и, с другой стороны, (7) *Он вынужден там торчать уже третьи сутки*, где в (7), в отличие от (6), употребление предиката *вынужден*, указывающего, что субъект находится там уже третьи сутки не по своей воле, препятствует появлению общей негативной оценки. Ту же функцию выполняет и употребление при данной ЛЕ первого лица субъекта: (8) *Я торчу здесь уже третьи сутки*.

В то же время употребление форм 1-го лица субъекта при ряде других прагмем не блокирует итоговой оценки. В этих условиях 1-е лицо служит средством самокритики говорящего — ср. (9) *Я шляюсь по ночам; Я подолгу валяюсь в постели...*, где говорящий критикует себя за то, что гуляет по ночам (залеживается в постели).

Употребляя перлокутивные ЛЕ, говорящий легко подвергает самокритике (особенно ситуативной) свои интеллектуальные качества — ср. *Вот дурак (идиот) я!*, но не склонен становиться объектом этической самооценки. Подобные высказывания ограничиваются большей частью прошедшим временем: *Я был последним мерзавцем (негодяем)*. Признания в преступной деятельности обычно бывают вынужденными, ср. также самооговоры, выбиваемые силой: *Я распространял клеветнические измышления о советском государственном строе...*

Варьирование лица субъекта при глаголах, эксплицитно выражающих оценку, указывают на варьирование ее субъекта:

Я осуждаю (обвиняю в этом) Y-ка

Я похвалил Y-ка

Ты осуждаешь (обвиняешь в этом) Y-ка?

Ты похвалил Y-ка?

Он осуждает (обвиняет в этом) Y-ка

Он похвалил Y-ка

В то же время варьирование лица субъекта при оценочных прагмемах приводит к чередованию объекта оценки, но никак не отражается на ее субъекте, которым неизменно остается говорящий:

Я шляюсь по ночам; Ты шляешься по ночам; Он шляется по ночам.

Как справедливо отмечено в [Апресян 1995], значение ЛЕ *зачинщик* содержит в себя негативную оценку говорящим инициативы, проявленной некоторым лицом, что, в свою очередь, имплицитует и его негативное отношение к данному лицу. С другой стороны, ЛЕ *застрельщик* отражает положительную оценку выдвинутой инициативы и, соответственно, положительное отношение к инициатору.

Знаменитая пушкинская фраза *И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...* также содержит в себе по крайней мере два оценочных суждения, где субъектом положительной сенсорной [Арутюнова 1988] оценки является народ, которому приятно сознавать, что в нем пробуждаются «чувства добрые». Это, в свою очередь, вызывает благодарность к поэту (он становится «любезным» народу). А наречие *долго* эксплицитно указывает на устойчивый, постоянный характер второй оценки.

Как было отмечено выше, значение многих ЛЕ предусматривает противоположное направление транзитивности оценок. Так, в состав прагматической презумпции значения «тоталитарной» ЛЕ *окопаться* (ср. *Х окопался в Лондоне*) в значении «постоянно поселиться в месте, недоступном для говорящего», входит указание на устойчивое отрицательное отношение говорящего к субъекту, которое (в сочетании с тем фактом, что он поселился в месте, недоступном для говорящего) вызывает также и осуждение этого факта.

Аналогично ЛЕ типа *вояж, рыскать* (с невыразимой валентностью объекта поиска — ср. *Он рыщет сейчас по всей Москве*, но не **Он рыщет ее по всей Москве*; ср. также укр. *нишпорити*) манифестируют имплицитные оценочные пары с противоположным направлением оценки — от субъекта к действию. Поскольку некоторое лицо оценивается говорящим отрицательно, то и выполняемому им действию говорящий также приписывает нехорошую, нежелательную для него цель. Ср. также устойчивое словосочетание *Х-ы (мн.) поднимают голову*, встречающееся в контекстах типа *Все чаще поднимают голову ультраправые элементы*, где первичной является негативная оценка говорящим «элементов», принадлежащих множеству *Х*, что в свою очередь вызывает его неодобрение по поводу их активизации.

Аналогичный механизм взаимодействия оценок демонстрирует и прилагательное *тлетворный*, обычно употребляемое в устойчивом словосочетании *тлетворное влияние*, где оно обозначает параметр *Anti Bon* [Жолковский, Мельчук 1967]. В подобных случаях прилагательное выступает как предикат более высокого порядка, чем существительное *влияние*, заполняющее его ва-

лентность. В значение прилагательного входит, в частности, указание на негативное отношение говорящего к субъекту X подчиненного предиката, которое соответственно распространяется и на выполняемое им действие (т. е. влияние).

В этом контексте представляет интерес и анализ так наз. «субститутивов» [Эпштейн 1991] — прагмем, не противопоставленных друг другу ни в оценочном, ни в референтном плане, хотя и не являющихся полными синонимами. Такими, например, являются субститутивы *соглашательство*, *примиренчество* и, с другой стороны, *блокирование* и *альянс*. Как справедливо отмечает автор, «...*соглашательство* и *примиренчество* дают отрицательную характеристику объединению „своих“ и „чужих“, а *блокирование* и *альянс* — объединению между чужими». Эти различия закономерно отражаются в различных механизмах взаимодействия оценок в значениях данных ЛЕ. *Соглашательство* и *примиренчество* предусматривают негативную оценку фактов объединения «своих» с «чужими», которая в свою очередь перерастает в итоговую негативную оценку «своих». Напротив, ЛЕ *блокирование* и *альянс* исходят из изначальной устойчивой негативной оценки говорящим «чужих», в связи с чем факт объединения их представителей между собой вызывает его осуждение.

Часто не менее трех оценок содержит в себе значение ЛЕ, имеющей лицо X, которое так или иначе зависит от другого лица (или инстанции) Y, обозначенной родительным падежом, маркирующим семантическую валентность данной ЛЕ. В подобных обозначениях первичной является оценка говорящим лица Y, которая через зависимость X-а от Y-ка (действий X-а в пользу интересов Y-ка) распространяется на деятельность X-а, а вследствие этого — и на самого X-а — ср. *подчиненный Y-ка* / *прихвостень Y-ка*, *клеверт Y-ка*; *помощник Y-ка* / *подручный Y-ка*, *пособник Y-ка* (но, с другой стороны, *соратник*, *сподвижник Y-ка*); *представитель Y-ка* / *ставленник Y-ка*; *посланник Y-ка* / *эmissар Y-ка*; *премник Y-ка* / *последыш Y-ка*.

Аналогичное оценочное соотношение наблюдается и в популярном штампе *X пляшет под дудку Y-ка* (ср. *Он пляшет под дудку своих заокеанских покровителей*), где первичной является негативная оценка говорящим инстанции Y.

При сопоставлении семантически близких агентивных существительных разных типов, имеющих семантическую валентность на лицо или инстанцию B (ср. *прихвостень Y-ка* / *подхалим Y-ка*; *последыш Y-ка* / *эпигон Y-ка*) выявляется интересное различие в трактовке Y-ка говорящим. Как мы видели, ЛЕ первого типа пре-

дусматривают зафиксированное в толковании однозначно негативное отношение говорящего к Y-ку. В то же время для близких им ЛЕ второго типа (*подхалим, эпигон*) это не так. Действительно, они образованы от глаголов *подхалимничать, эпигонствовать*, в которых отрицательно оценивается только субъект и нет никаких указаний на осуждение контрагента (семантически обязательная валентность контрагента является невыразимой (синтаксически нулевой [Апресян 1974]) при *эпигонствовать* и факультативно реализуется только при отглагольном имени). Негативная оценка контрагента становится однозначной, если так или иначе эксплицируется, что подхалимаж осуществляется с его ведома или по его инициативе — ср. пример из [Апресян 1974]: *Он окружил себя лакеями и подхалимами*.

Ср. также противопоставление оборотов *и другие / и уже с ними*, где оценка, закрепленная за левым членом союза *и*, распространяется и на его правый член. В подобных случаях оценка, субъектом которой всегда является говорящий, содержится уже не в дескриптивной части толкования ЛЕ, а в модальной рамке [Wierzbicka 1969; Апресян 1974]. Внутри понятия модальной рамки целесообразно различать два вида сущностей. Для интродуцирования разнообразных пропозиций, совокупность которых образует толкование ЛЕ, естественно используются коммуникативные модальные рамки вида 'Я хочу, чтобы ты знал...', 'Как ты знаешь...', 'Как ты понимаешь...' и т. д., уже давно введенные в обиход лингвистической семантики Анной Вежбицкой. Они характеризуются «сложной структурой с отдельными местами для модальностей субъекта сообщения и его адресата» [Апресян 1971]. В отличие от этих вспомогательных средств отражения коммуникативной организации толкования, модальная рамка говорящего — это такой факультативный фрагмент толкования, не входящий в состав его дескриптивной части, который может быть заполнен собственным пропозициональным содержанием [Апресян 1974]. Он отражает мнения, оценки говорящего (в частности — и о том, о чем идет речь в дескриптивной части).

Как представляется, модальная рамка говорящего также может факультативно члениться на собственную презумпцию и асерцию. Действительно, приведенные выше ЛЕ предусматривают, что указание на отрицательное отношение говорящего к лицу или инстанции Y содержится как раз в прагматической презумпции модальной рамки. Ведь это информация, которая никак не зависит от содержания дескриптивной части толкования и предшест-

вует ей. А указание на отрицательное отношение говорящего к лицу X располагается в ассерции модальной рамки, поскольку эта информация формируется как результат «наложения», взаимодействия содержания дескриптивной части толкования с содержанием презумпции модальной рамки говорящего.

Таким образом, позиция оценочных компонентов в структуре толкований ЛЕ может существенно варьироваться и содержаться:

а) в презумпции дескриптивной части толкования (тип *обвинять*); ср. также ЛЕ *зачинщик Р*, *застрельщик Р*, обозначающие инициатора имевшей место коллективной акции Р, вызвавшей неодобрение (или, наоборот, одобрение) определенных кругов, к которым причисляет себя говорящий. Естественно, что оценка, которую получила данная акция, переходит и на ее инициатора. Важно подчеркнуть, что вся эта информация входит в состав прагматической презумпции дескриптивной части толкования. А его ассертивная часть (при предикативном употреблении данных ЛЕ) выполняет идентифицирующую функцию, указывая на лицо, оказавшееся инициатором Р;

б) в ассерции дескриптивной части (тип *осуждать*, *хвалить*);

в) в презумпции модальной рамки говорящего (ср. негативную оценку Y-ка в ЛЕ *прихвостень Y-ка*, *ставленник Y-ка* и др. под., а также негативную оценку объекта избияния в *набить морду (кому)* и его положительную оценку в *поднять руку (на кого)*, негативную оценку субъектов *окопаться* и *вожжа*, *поднимать голову*, *блокирования*, *альянса* и т. д.);

г) в ассерции модальной рамки говорящего (ср. негативную оценку X-а и его деятельности хотя бы в тех же ЛЕ *прихвостень Y-ка*, *ставленник Y-ка* и др. под., *плясать под дудку Y-ка*, а также критику объединения «своих» с «чужими», влекущую за собой негативную оценку «своих» в ЛЕ *соглашательство*, *примиренчество*, как и негативную оценку последствий объединения «чужих» в значениях ЛЕ *блокирование* и *альянс*).

В этой связи полезно проанализировать распределение оценочных суждений в рассмотренных в [Эпштейн 1991] прагмемах, «сам референтный компонент которых является оценочным». Специфика подобных прагмем состоит в том, что их значение в наиболее общем виде может быть представлено как «оценка оценки» — оценка говорящим некоторого действия, которое в свою очередь имеет ярко выраженный оценочный характер. При этом описываемое действие представляет собой:

а) однозначный оценочный акт, осуществляемый субъектом: *клеить, пригвозждать, воспевать, славить, обелять, очернять, прокламировать...*;

б) действие, которое четко отражает аксиологическую установку его субъекта, хотя и не сводится к чистой оценочности: *крепить, приумножать, смаковать, культивировать, обуздывать, попира́ть, подрывать, свергать...*

Семантика подобных прагмем указывает на:

1) положительное или негативное отношение субъекта описываемого действия к объекту оценки, которая отражается в данном действии;

2) положительное или негативное отношение говорящего к этому объекту;

3) итоговую оценку описываемого действия говорящим, которая зависит от того, манифестирует ли оно согласованность или рассогласованность с оценочными установками говорящего и субъекта.

Таким образом, выделяется четыре типа значений:

- 1) положительная оценка действия, объект которого положительно оценивается и субъектом, и говорящим: *возвеличивать, воспевать, крепить, приумножать, славить...*;
- 2) негативная оценка действия, объект которого положительно оценивается субъектом, но негативно оценивается говорящим: *взвинчивать, культивировать, нагнетать, раздувать, смаковать...*;
- 3) положительная оценка действия, объект которого негативно оценивается и субъектом, и говорящим: *клеить, обуздывать, пригвозждать, развенчивать, разоблачать, свергать...*;
- 4) негативная оценка действия, объект которого негативно оценивается субъектом, но положительно оценивается говорящим: *очернять, охаивать, подрывать, попира́ть, посягать...*

В толкованиях рассматриваемых прагмем оценочные компоненты распределяются следующим образом.

Изначальная оценочная установка говорящего относительно объекта описываемого действия отражается в презумпции модальной рамки говорящего. Оценка данного объекта со стороны субъекта действия входит в состав ассерции дескриптивной части толкования. Наконец, итоговая оценка описываемого действия и его субъекта, которая формируется в результате учета соотношения оценочных компонентов презумпции модальной рамки гово-

рящего и дескриптивной части толкования, отражается в ассерции модальной рамки.

Субъектом оценки в одних случаях может быть произвольное лицо (в частности — и говорящий) — ср. *Х осуждает Y-ка за P*; в случаях типа *Х обвиняет Y-ка в P*, субъектом оценки выступает прежде всего социум (ведь эти предикаты предусматривают, что то, что делать *P* — плохо, является общеизвестным). Ситуации, описываемые как *Х уличает Y-ка в P*, *Х изобличает Y-ка в P*, предусматривают, что субъектом оценки выступает социум вместе с говорящим. В других рассмотренных ЛЕ субъектом оценки является только говорящий.

Как известно, оценка часто может сопровождаться эмоцией, испытываемой субъектом оценки в связи с объектом или ситуацией, которые ее вызывают. Например, в состав ассерции дескриптивной части толкования ЛЕ *ругать* входит указание на возмущение субъекта [Апресян, Гловинская 1996]. В то же время в составе значения ЛЕ *поносить, поливать грязью*, укр. *паплюжити* (ср. *Х поносит (поливает грязью) Y-ка*), в модальной рамке говорящего, помимо его негативной оценки коварства *X-а*, содержится также и перформативное выражение эмоции (возмущения), которое охватывает говорящего в момент речевого акта. Таким образом, возможная структура толкований некоторых оценочных ЛЕ усложняется еще и представлением об их перформативной части, выполняющей функцию манифестации эмоции, которая владеет говорящим. Именно характер эмоции и обуславливает выбор и употребление соответствующей ЛЕ.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1971 — *Апресян Ю. Д.* О некоторых польских работах по лингвистической семантике // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971. Вып. 14.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян, Гловинская 1996 — *Апресян Ю. Д., Гловинская М. Я.* Юбилейные заметки о неюбилейных словах: *ругать* и его синонимы // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2.
- Апресян и др. 1997 — *Апресян Ю. Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997. Вып. 1.

- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
- Булыгина, Шмелев 1994 — *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
- Жолковский, Мельчук 1967 — *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. М., 1967. Вып. 19.
- Эпштейн 1991 — *Эпштейн М.Н.* Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // ВЯ. 1991. № 6.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.

О. А. КАЗАКЕВИЧ

ПОРЯДОК В МИРЕ И ПОРЯДОК В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕЛЬКУПСКОГО ФОЛЬКЛОРА) *

Материалом анализа служат шесть корпусов фольклорных текстов на северном (тазовско-туруханском) диалекте селькупского языка, записанные на протяжении XX века и представляющие четыре различных говора этого диалекта (средне- и верхнетазовский, баишенский и верхнетолькинский). Общий объем корпусов около 80 000 словоупотреблений¹. В статье рассматривается: 1) порядок мира людей, отраженный в фольклоре; 2) нарушение порядка и возможные пути его восстановления; 3) способы и средства упорядочения событий в тексте.

1. Порядок в мире

Устройство мира и традиционный миропорядок представлен в фольклорных текстах северных селькупов довольно фрагментарно

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 01-06-80363 «Говоры северных селькупов: сопоставительное описание и база данных звуковых файлов».

¹ Анализируемый материал состоит из шести следующих корпусов: 1) 12 текстов, записанные Г. Н. Прокофьевым в пос. Янов Стан Туруханского района в 1925–1928 гг. (два текста опубликованы в [Прокофьев 1935: 101–103], остальные взяты из архива Л. А. Варковицкой); 2) 94 текста, записанные Л. А. Варковицкой в 1941 г. на Верхней и Нижней Баихе (Туруханский район) (архив Л. А. Варковицкой, описание см. в [Кузнецова, Хелимский 1989]); 3) 28 текстов, записанные участниками селькупских экспедиций отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова в поселках Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 1970–1977 гг. (опубликованы в [Кузнецова и др. 1993]); 4) 40 текстов, записанные автором в поселках Ратта, Толька и Красноселькуп Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 1996 и 2002 гг. (опубликовано три текста этого корпуса [Казакевич 2000], русский перевод еще двух текстов опубликован в [Казакевич 1998]); 5) 25 текстов, записанных автором в поселках Совречка, Фарково и Бакланиха Туруханского района Красноярского края в 1998–1999 гг.; 6) 20 текстов, записанных в пос. Толька Пуровская и Тарко-Сале Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2000–2001 гг.

но, и попытки создать из отдельных фрагментов непротиворечивую общую картину, по-видимому, обречены на неудачу. Самые известные описания представлений северных селькупов о мире принадлежат Н. Г. Прокофьеву [Прокофьев 1932] и Е. Д. Прокофьевой [Прокофьева 1961; 1976; 1977; 1981] и основываются не только на сведениях, почерпнутых из сделанных ими в 1920-е гг. записей фольклора, но и в значительной степени на собранном ими этнографическом материале. По их свидетельству, в 1920-е гг. селькупы бассейна Таза и Турухана, взрослые и дети, были абсолютно убеждены в том, что мир устроен следующим образом: земля, на которой живут люди, плоская, «как тарелка»; ее подпирают, не давая упасть, мамонты и «землю держащая на весу рыба»; земля неподвижна; солнце ходит вокруг нее; земля слегка наклоняется то в одну, то в другую сторону, поэтому происходит смена времен года; зимой солнце скрывается — в результате наступает холод и тьма; солнцу зимой не дает подняться и пурга, которая давит на него; летом, когда солнце оказывается над землей, становится тепло и светло; зимой холодно, потому что с краев земли дует холодный ветер; летом этот ветер теплый; над землей опрокинуто куполообразное небо.

Слушая на уроках рассказы учителей о том, что земля круглая и вращается вокруг своей оси, дети возмущенно возражали: «Если бы земля вертелась вокруг своей оси, как вы говорите, то вода в реках текла бы то туда, то сюда. А она век бежит в одну сторону» [Прокофьев 1931; Прокофьева 1976].

Вселенная у селькупов делится на верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) миры. Все три мира связаны посредством мирового дерева, для которого у селькупов имеются разные названия, например, семикорневое дерево, небесное листовенное дерево, дерево с пустым дуплом.

Верхний мир — это небо (*ном*), имеющее несколько ярусов (по различным данным, их три, семь или даже девять). Солнце (*cēlyty*) и месяц (*iräty*) расположены на первом ярусе. Солнце ходит на небе слева, луна (месяц) — справа. Ночь приходит из той ямы, куда вечером уходит солнце. Звезды — это корни небесных деревьев. Главный обитатель неба — верховное божество *Ном*. У него есть сын *Nūn ij*. На небе также живут небесный олень, небесные люди, светлые небесные птицы — орел, журавль, кукушка — и т. д. Имеется вход, связывающий небо с землей.

Средний мир — это мир людей и прочих живых существ. Главное божество, ведающее делами среднего мира, — *Ылынта кот* (*Ylynta qota*) — старуха-прародительница, покровительни-

ца всего живого. Г. Н. Прокофьев переводил ее имя как 'старуха-свояченица' [Прокофьев 1932], Е. Д. Прокофьева — как 'старуха жизни' [Прокофьева 1976]. *Ylynta qota* распоряжается жизнью и смертью человека, ведает рождением детей (хранит у себя в железном семикомнатном доме или в дупле семикорневого дерева души еще не родившихся людей и посылает их по мере надобности на землю на концах лучей утреннего солнца), ведет записи в книге судеб, следит за воспитанием девушек до замужества, дает березу для первой люльки новорожденному и кедр для гроба умирающему; она же определяет и выдает шаману его атрибуты. По одной из версий, *Ylynta qota* живет у семейного болота, в железном доме о семи комнатах, огороженном стальным неводом. Дом ее охраняют полулюди-полумедведи. Здесь растет «небесное листовенное дерево» — лестница на небо. В среднем мире живут также духи (*lōsynt*). Духов много, хотя все же меньше, чем людей. Главные среди них — это хозяин всех лесов *tacyl' lōsy* (лесной дух), хозяин всех водоемов *ūtqyl' lōsy* (водяной) и хозяйка огня. У каждого места, у каждого водоема есть свой дух-хозяин.

В нижний (подземный) мир с земли можно попасть через расположенную где-то в лесу дыру, к которой ведет грязная дорожка. Из дыры вылетает дым и с ним птицы и насекомые нижнего мира. Нижний мир — это мир, где властвует *Kūzy* — воплощение зла, дьявол селькупской мифологии, вызывающий болезни и смерть. Под землей находится мир мертвых. Покойники (или их души) живут здесь тою же жизнью, что и на земле, пока не умирают вторично и не превращаются в водяных жуков (*qomolqo*). В подземном мире, как и на земле, происходит смена дня и ночи, но днем на небе вместо солнца светит тень солнца (*cēlynty tika*), а ночью вместо месяца — тень месяца (*irānty tika*). В подземном мире живут и злые духи (черты), помощники *Kūzy*. Они боятся солнечного света, поэтому днем сидят под землей, зато вечером, когда солнце «проваливается под землю», они выходят на поверхность земли через дупла листовенниц. *Not* (или его сын) стреляет в злых духов из своего небесного лука стрелами-молниями.

Наряду с «вертикальным» устройством мира у селькупов сохранилось иное, как полагают, более древнее представление о строении вселенной — «горизонтальное». Согласно этому представлению, вселенная разворачивается на плоскости вдоль реки. Верховье реки — это верхний мир, среднее течение — мир людей, а устье — нижний мир, мир мертвых. Поскольку крупные сибирские реки, на которых живут селькупы, текут с юга на север, верхний мир ассоциируется с югом, нижний — с севером. Г. Н. Про-

кофьев считал представление селькупов о верхнем мире их воспоминанием о древней прародине, находившейся на юге, о стране предков. На севере, в нижнем мире, в море мертвых находится город мертвых, которым правит *Kūzu* и куда по течению реки приплывают из среднего мира в долбленных из кедра колодах покойники (или, по более поздним представлениям, души покойников).

В рассмотренных нами фольклорных текстах описание элементов глобального миропорядка встречается не так уж часто, а если и встречается, то зачастую бывает весьма туманным и отрывочным. А вот порядок среднего мира, мира людей, описывается достаточно часто.

Собственно, большинство фольклорных сюжетов можно рассматривать как описание нарушения и последующего восстановления (или попытки восстановления) некоего идеального миропорядка.

В более чем половине рассмотренных нами текстов сразу после знакомства с героями² дается описание порядка, который затем будет нарушен. Вот, например, начало одного из героических преданий о селькупско-ненецких войнах.

- (1) *Ilympa ukkur pər mē mōttyrmyt, imaty, iGal'aty sel'cy pol'. Na sel'cy cul'mōtqyt ilympōtyt еще təpyt mūtyl' qumityt <...> ilympōtytyn. A qumity, mūtyl'qumity sōtty qənpōtyt nōqyr cēlyty. A muōtyr, muōtyr, mē muōtyr mōtqyt qala ijaty'as'a u imaty mōtqyt. Imaty qoj pōnty nattyła ōmtympa, a iraty trīšal' kūtyl' mattyrpa trīššal' kūtyl'pa trīššat kūty* 'Жил однажды наш богатырь, жена у него, сын у него семи лет. В семи землянках жили еще его воины <...> жили. А люди его, воины его в лес пошли на три дня. А богатырь, богатырь, наш богатырь дома остался с сыном, и жена его дома. Жена его, что ли камысы (шкуры с ног оленя) выделявая, сидела, а муж стрел дровки обстругивал, стрелы делал' (Героическое предание, Фарк.: 6).

В приведенном фрагменте изображена селькупская идиллия: семья (муж, жена, сын), все в сборе, каждый занят своим делом. Это порядок. Представление о порядке не зависит от жанра рассматриваемых текстов. Описание порядка, пусть не всегда сделанное столь подробно, мы находим в начале большинства текстов, причем независимо от их жанра. Вот несколько примеров начальных фрагментов текстов разных фольклорных жанров.

² О зачинах и концовках селькупских фольклорных текстов см. [Казакевич 2002].

- (2) *Ńomal' Porqu ira na ilymmynty. Sel'cy ijaty, sel'cy ämnäty eppynty. Ńaryl' Macyt takkyl' peläqqyt takky tymty šitty untyn šk. <...> Ńomal' Porqu ira na ilymmynty, na ilymmynty, nŷny ukkyr tot contöqyt qoltyt tš kińcyt na mēmmyntyty, Tšs qoltyt tš. ijaity koralä na qanmyntštyt, ira onty qalymmynty ämnäintysä. Nŷny ukkyr tot contöqyt karrä na paišmynty kińcynty mannympyqyntöqo* 'Старик Немаль Поркы жил. Семь сыновей у него, семь снох у него было. В северной стороне (от) Нярыль Мачи вниз по реке здесь устье двух ручьев (там он жил). <...> Старик Немаль Поркы жил, жил, потом однажды через реку запор сделал, через реку Таз. Его сыновья охотиться отправились, старик сам остался со своими снохами. Потом однажды на берег спустился, чтобы свой запор посмотреть (= проверять)' (Героическое предание, Таз. МГУ: 20).

Здесь тоже порядок селькупской традиции: отец, семеро взрослых сыновей, мужчины охотятся, старик рыбачит — все промышляют, все заняты, все при деле.

- (3) *Uköt ilympa iralipy imaqotasyqäqi. Ilympštyt wärgy kyt pöröqyt. Pelykytyl' ijaty eppunta* 'Давным-давно жил старик с женой. Жили в верховье большой реки. Единственный сын у него был' (Богатырский эпос, С. Таз: 5).
- (4) *Uköt tō moqonät qaj kyt qanyqqyt iraqotalipa ilympa, ni, aša iraqota, ņett'el'qur uköt ilympa. Imaty i kyByl'a nel'al'aty* 'Давно (раньше) вроде на берегу реки старик прежде жил, нет, не старик, мужчина в годах, давножил. Жена у него и маленькая дочка' (Волшебная сказка, Фарк.: 8).
- (5) *Ukōn ilympštyt ukkyr mštqyn s'itty ija mšssymyq qumyn. Irat qanpštyt poqytytqa antysä. Mštqyt qallympšt s'itty imaqi nŷn ijaıntysä* 'Давно (раньше) жили в одном чуме две семьи (люди с детьми, с чумом). Мужчины на рыбалку уехали на ветке (долбленной лодке). В чуме остались две женщины с детьми' (Волшебная сказка, В. Таз: 4).
- (6) *Ilympa ira imaqotantysa kyt pöröt. Na taŷyt kińcyr omtyltyŷnyty* 'Жил — старик со своей старухой в верховьях реки. В то лето запор поставил' (Волшебная сказка, С. Таз: 4).

Состав семьи, в принципе, не играет большой роли в понятии селькупского порядка. Важно, чтобы члены семьи занимались достойным делом — охотились или рыбачили.

- (7) *Ira ilympa. Šitty näl'aty eppynty. Ira kińcytympra* 'Старик жил. Две дочери у него были. Старик промышлял рыбу запором' (Волшебная сказка, Таз. МГУ: 1).
- (8) *JomBa imyl'anDysä ilymBöqy. JomBa kińcrtta* 'Йомпа с бабушкой своей жили. Йомпа запором промышляет' (Волшебная сказка, Прок. Гр.: 2).

2. Нарушение порядка

Описания порядка в начале текста — это экспозиция. Завязкой сюжета становится внезапное нарушение этого порядка³. Если идеальное представление о порядке в текстах практически одинаково во всех фольклорных жанрах, его нарушения многолики, и определенные типы нарушений порядка связаны с жанром фольклорного текста.

В героических преданиях порядок всегда нарушается появлением врагов.

(1a) *Cēly cotōqyt kutkos pōqyt kanat mūdēl'nōtyt pōpy* как *mōtty, qumyt mōtty serālōlīnūōtyt. Qālyl', qālyl' muōtyr mōtty s'erna*, еще кажется *pōqyr qur soqyl'olyl tīry mōtty siērnōtyt* 'Среди дня собаки залаяли вдруг, как в дом, люди в дом позаходили. Ненецкий, ненецкий богатырь в дом вошел, еще, кажется, трое в сокуях в дом зашли' (Фарк.: 6).

(2a) *Qonūty — takkyt qoltyt cīpyqyt purqysā tōtyk ciqqymōtēmpa. Sēpylak ira mannypylā tattyraltympaty. Na qaj nassaryl' qālyl' mūty tūhōtyt* 'Увидел ниже по течению в конце (= у поворота реки) дымом прямо задымил. Достаточно старик, смотря, дал приблизиться (едущим). Вот оно что, тридцать ненецких воинов пришли' (Таз. МГУ: 20).

В богатырском эпосе порядок нарушается каким-нибудь нестандартным проявлением героя.

(3a) *Ukkur tō qaryt ījatij mēl'ty qonta. əsyty innā cap noqqonūty: «īja, innā wəšāš!»*, — *təp cā, mēl'ty qonta* 'Однажды утром сын его все спит. Отец его его расталкивает: «Сын, вставай!», — он нет, все спит' (С. Таз.: 5).

Наиболее разнообразны способы нарушения порядка в волшебной сказке. Прежде всего, это может быть смерть одного из членов семьи героя (или героев).

(4a) *KunDy l'i ilympōt, imaty qūtyqolamna, qūtyqolamna. Gde-mo na qūtyqolamna i quṇa. Iraqota, na ira n'el'antysā ukkyr, s'ittel'at qalōt* 'Долго ли жили, жена его заболела, заболела. Где-то вот заболела и умерла. Старик, этот мужик со своей дочкой один, вдвоем остались' (Фарк.: 8).

Нередко порядок нарушается появлением черта или какого-нибудь иного враждебного человеку существа из иного мира.

³ Примерно в четверти текстов экспозиция отсутствует, текст начинается непосредственно с описания нарушения порядка.

- (5a) *Ūtyn 5mt5tyn, qos qaj pōqyt qunqylmōtta. Ukkyr ima nūk kətyŋyty: «Qata, paktyla mannypāt nymty kuty eisa». Ima mōtar cem nūktei-nyty, kūnata nupynyty* 'Вечером сидят, что-то на улице грохнуло. Одна женщина так сказала: «Ну-ка иди, посмотри, кто там». Женщина дверь лишь открыла, кунама (людоед) стоит (В. Таз.: 4).

Нарушением порядка может стать **неудача на промысле**.

- (6a) *Kīncōqynyty cap tūnta, caŋal' nyrša, qōsa, ni qaj ni jaryk qēlyty cāŋka* 'К запору как приходит, один только ерш, окунь, никакой другой рыбы нет' (С. Таз.: 4).

Неудача промысла может усугубляться **аномальными явлениями**, свидетельствующими о вторжении в мир человека потусторонних сил.

- (8a) *Ukkyr conDōqyt qēly kynalDyŋyty; qēlyt qətqo tacalny. JannānDak iZy cēlynmā lattaryt ləp nannerik qūrynyty — JomBat kīnci nōty passeinDy* 'Однажды рыба обездолила (его); рыбу добыть не может. Сверху (с верховьев реки) каждый день покойницкие кости так сильно несет (течением) — Йомпы запор впредь сломается' (Прок. Гр.: 2).

Аномальные явления природы (которые в последствие оказываются проявлением сил других миров) также могут нарушить порядок в мире человека.

- (7a) *Mərgy namyššak esympra — mōtty nōny ponā ašša tannenta* 'Ветер такой поднялся — из чума на улицу (старик) не выйдет' (Таз. МГУ: 1).

Существенной разновидностью нарушения порядка является **нарушение этических норм традиционного селькупского общества**⁴, будь то нормы гостеприимства, существующие запреты и т. д. Подобные нарушения характерны для дидактических сказок как волшебных, так и бытовых.

- (9) *Tūmpōqī korty. <...> Kupa copaty kətyŋyty: «Mat qəntam korgyn qonpēintam»* 'Пришли (двое) к амбару (в лесу). <...> Младший брат сказал: «Я пойду в амбар спать»' (Волшебная сказка, В. Таз.: 10). (Ни в коем случае нельзя спать в чужих лесных амбарчиках, где хранятся старые вещи, так как вместе с вещами там могут быть души умерших хозяев этих вещей.)
- (10) *Ūtyn xontysan xōxun na imaχi, ukkur ima, ukkur ima ijantysā namyššax sellimynta, nanner laŋkynā* 'Вечером перед тем, как ло-

⁴ Об этических нормах традиционного селькупского общества см. [Казакевич 2000].

житься спать, эти женщины (две), одна женщина, одна женщина с ребенком так балуется, так кричит' (Волшебная сказка, Толька Пур: 5). (Нельзя шуметь после захода солнца, не то привлечешь внимание злых духов.)

- (11) *Imaqota cōšyl' ci mušyrympaty. Šitty qumōqī ūmtōqī. Imaqota mēlty ūmta, qumōqīm apstygo ašša kyka* 'Старуха котел сала сварила. Два человека сидят. Старуха все сидит, людей накормить не хочет' (Бытовая сказка, Таз. МГУ: 16).

Первоначальное нарушение порядка, даже, казалось бы, незначительное, открывает путь хаосу, и последствия этого могут быть самыми ужасными. Например, в одной волшебной сказке муж слишком удачлив в промысле, слишком много добывает зверя (это тоже нарушение порядка), жена советует ему остановиться, не промышлять какое-то время (чтобы порядок восстановить), но он не слушает ее увещаний, отправляется на охоту, и в результате в его отсутствие в дом его является само воплощение хаоса.

- (12) *Nūny ukkyr contōqyt ūŋkyltympōtyt — mōtyrōronty mēky na tūnty. Nūny mytyty ima, mōtat kūryp nūnyty, ponā mannympa. Sary soqquy i sary qaqlyn taqqaš, nōkyr sary qopty sōrymmyny. Olymty šitty qānyty, tī cattynyty — las! — aj tō cattynyty — las! Šqylāty qāsympa. Tēr qaj lōsy, qaj jōwal* 'Потом вдруг услышали — на крышу ветер пришел. Потом вот что сделала женщина, край двери открыла, на улицу посмотрела. (Видит) белый сокуй и белая подстилка нарты, три белых быка запряжены. Свою голову в стороны швыряет, сюда бросил — хлоп! — и туда бросил — хлоп! Челюсть у него гремит. Он то ли черт, то ли дьявол' (Таз. МГУ: 2).

Как правило, селькупские фольклорные тексты описывают восстановление мирового порядка или, по крайней мере, попытку такого восстановления. Существует ряд стандартных способов восстановления порядка: победить врага, отомстить за убийство родственника или соплеменника, наказать предателя, вернуть удачу в промысле (себе или всем своим соплеменникам), победить нечистую силу, вылечить больного, а в исключительных случаях даже оживить мертвого. Две последние задачи под силу исключительно героям-шаманам, причем большим шаманам. Следует отметить, что шаманский дар оказывается полезен для восстановления порядка при любом его нарушении. Шаманские способности в той или иной степени свойственны очень многим селькупским фольклорным героям: все селькупские богатыри видят

вещие сны, предчувствуют опасность, способны предсказывать будущее, а многие из них (например, самый популярный селькупский герой-трикстер Ича и его двойник Ёмпа) время от времени прибегают к помощи своих духов-помощников. Шаманским даром обладает бабушка Ичи, а также единственный безусловно положительный женский персонаж селькупского фольклора нэ-тэнка (девушка).

- (13) *JomBa cēlyt ZumBa, pit qamytyrny; qamytyrny aj ZumBa, qamytyrny aj ZumBa — karräl lōZyt ijar mēl'ciŋyty* 'Ёмпа днем шаманит с бубном, ночью шаманит без бубна; шаманит без бубна и шаманит с бубном, шаманит без бубна и шаманит с бубном — сына водяного вылечил' (Прок. Гр.: 2).
- (14) *Imyl'imyl'a qā-kos somByrsa, somByrsa, numys s'ūŋcy tajGymɔssa, tajGymɔssa* 'Бабушка как-то пошаманила, пошаманила, небо по-светлело, посветлело' (Фарк.: 9).
- (15) *Nätänka nyllēsa: «Äsäp šip kätypyl' tol'cy, sukylltä taryp sōcylä, moqynä ŋešäšyk! Porqam, moqalty qatylyty! Näqal' türap carri paccät!» Tōmnänkar näqal' türy carri paccyŋyty, tol'cy moqynä ŋeša, porqu moqalty qatyŋyty. Tōmnänka moqynä ŋešalna.* 'Нэтэнка встала: «Моим отцом мне сказанные (= завещанные лыжи), в обратную сторону шерсть вырастив, назад катитесь! Моя парка, ее спину расцарапай! Моя лыжная палка с крюком, в лицо коли!» Томнэнку лыжная палка с крюком в лицо колет, лыжи назад катятся, парка ее спину царапает. Томнэнка назад прикатилась' (Таз. МГУ: 3).

Нередко путь к восстановлению нарушенного порядка лежит через новое нарушение. Так, шаман отправляется в путешествие в мир мертвых, преступая границу миров, чтобы вернуть украденную душу больного и таким образом вылечить его. Поднимаясь на небо, чтобы узнать у бога, почему от его соплеменников отвернулось счастье на промысле, шаман также преступает границу миров. Все это весьма опасные действия, однако часто подобные нарушения становятся единственным путем к восстановлению главного порядка (здоровья, удачного промысла). Можно, пожалуй, даже сказать, что серьезная деятельность шамана, направленная на восстановление нарушенного миропорядка, всегда сопряжена с нарушениями тех или иных установлений, причем чем труднее задача, тем больше таких нарушений будет произведено. Это хорошо прослеживается в деталях ритуала оживления убитого человека, подробное описание которого дается в одном из текстов 1920-х гг. Оживляя мертвого, шаман входит в чум не через дверь, как это предполагает существующий порядок, а со сторо-

ны, противоположной двери, приподняв покрывку чума, проходит через *syty* ('чистое место'), т. е. делает то, чего делать не полагается, но что является частью выходящей за пределы жизненного порядка процедуры.

- (16) *KəZyl' cüntyl' my ira mōtty sytkymyt pottēñyt, nyny mōtty sel'ci par koraltñyt, nuñamti qättylä, ütty cattñyt* 'Железных лошадей старик в чум по «чистому месту» прошел насквозь (приподняв покрывку чума), потом чум семь раз обошел, в бубен свой ударяя, водой обрызгал (бросил)' (Прок.: 7).

3. Упорядочение событий в тексте

Описание порядка, его нарушения и восстановления обеспечивается и поддерживается порядком построения текста. Фольклорный текст предназначен для устного воспроизведения и восприятия на слух. Важным элементом в представлении текста хорошим рассказчиком является стремление сделать текст удобным для восприятия. Ниже будут рассмотрены некоторые стратегии организации текста, используемые селькупскими рассказчиками⁵.

Селькупские рассказчики предпочитают естественный порядок описания событий, отражающий порядок их следования. Отступления от этого крайне редки. При этом ощущается постоянная забота о формальном обеспечении связности текста, что достигается либо лексически с помощью указательных местоименных наречий или союзов, либо синтаксически созданием цепочек предложений. Рассмотрим сначала технику повтора, создающую цепочки предложений. Для демонстрации тесной связи событий, о которых сообщается в последовательности предложений, каждое следующее предложение включает в себя часть предыдущего, собственно, его фокус, который в рамках нового предложения становится топиком. Слушателю как бы постоянно (или время от времени) напоминают о том, что было за шаг до следующего действия или события. В результате выстраивается цепочка формально связанных между собою, как бы сросшихся предложений.

- (17.1) *Qällyl' m(u)ōtyr läpätöl'l'ä tetty qup orqylñt i utity qottä sorrejñ(u)ōt, ponä tñlt(u)ōt* 'Ненецкий богатырь встрепенулся (вскочил), четверо

⁵ Данный раздел продолжает тему, начатую в [Казакевич 2002], где излагаются некоторые результаты наблюдения над организацией зачинов и концовок селькупских фольклорных текстов.

схватили, руки его (селькупского богатыря) назад завязали, на улицу повели’.

(17.2) *Ponä tīt(u)št, saltopuntı illä kurrein(u)št.* ‘На улицу повели, к пню прикрутили’.

(17.3) *Saltopuntı illä kurrein(u)št, a na qälyl’ m(u)štır m(u)štty s’erna, imat koptontı irat koptontı vom illä omta.* ‘К пню прикрутили, а тот ненецкий богатырь в чум зашел, с женщиной рядом на мужа место вот сел’ (Фарк.: 6).

При повторе личная форма глагола нередко заменяется на деепричастие.

(18.1) *Səḡkatanıx qənpa* (идти IndPst3Sg). ‘К ястребу пошел’.

(18.2) *Səḡkatanıx xəlla* (идти Conv) *nı katštyn* «*Mē mēšimyn wərytyj qal’l’i qütalenta*». ‘К ястребу пойдя, так сказали: «Наш нас содержащий (кормящий) чайка заболел»’ (Толька Пур 17).

Из лексических средств установления порядка в тексте и обеспечения его связности упомянем лишь наиболее частотные. Самым популярным является указательное местоименное наречие *nūny/puny* ‘потом, затем’. По крайней мере в трех из шести рассматриваемых корпусов *nūny* — самая частотная лексема.

(19.1) *Nuny ijayt mōtty šerna.*

‘Потом сын его в чум вошел’.

(19.2) *Nuny tyntena söl’qumyl’ ira ynnä pakta, täqamty orqylä.*

‘Потом тот селькупский старик выскочил, отказ схватив’.

(19.3) *Nuny poqyt qeltyryḡa, pōttaltentylä.*

‘Потом на улице бегают, согреваясь’.

(19.4) *Nuny mōtty šerna.*

‘Потом в чум вошел’ (Баиш.: 32).

У *nūny* есть синонимы, причем существуют довольно сильно выраженные региональные предпочтения. Так, в текстах, записанных в Пуровской Тольке, *puny* встречается довольно редко. Стандартным средством упорядочения событий в тексте выступает там кратная форма числительного *šitty* ‘два’ — *šittäl* ‘вторично’, которая употребляется в значении ‘потом’.

(20.1) *Tona ima nı katıḡyt* «*xata il’Dža, tō caqqyl’täš, mat tukkur’imy pōna pil’ qəntalaem tū (illä) tupal’qonoqo*». *ontäqaj talin ijamty kerraquntı pinnaiıty, painty* ‘Та (другая) женщина так сказала: «Ну-ка, дед, подвинься. Я березовую труху на улицу вынесу, чтобы вытряхнуть».

Сама тайком ребенка своего в подол свой положила вот.

(20.2) *Šittäl ira tō caqqal’ta* ‘Потом дед подвинулся’ (Толька Пур).

В заключение упомянем еще о часто встречающемся в текстах союзе *сар* 'лишь, только, как только', который используется при описании событий, стремительно следующих одно за другим.

- (21) *LōZy-ira sar nōnyty qorQym — mēlDy pakta* 'Черт-старик как только погнался за медведем — (медведь) совсем убежал' (Прок. Гр.: 1).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Баиш. — Баишенский корпус (тексты из архива Л. А. Варковицкой);
 В. Таз. — тексты, записанные в пос. Только Красноселькупская и Ратта в 1996 и 2002 гг.;
 С. Таз. — тексты, записанные в пос. Красноселькуп в 2002 г.;
 Прок. — тексты из архива Г. Н. Прокофьева;
 Прок. Гр. — тексты, опубликованные в Селькупской грамматике Г. Н. Прокофьева [1935];
 Таз. МГУ — Тазовский корпус МГУ;
 Только Пур. — тексты, записанные в пос. Только Пуровская;
 Фарк. — тексты, записанные в пос. Фарково в 1999 г.;
 Ind — индикатив;
 Pst — повествовательное прошедшее время;
 3Sg — третье лицо единственного числа;
 Conv — деепричастие.

ЛИТЕРАТУРА

- Казакевич 1998 — Казакевич О. А. Фольклорная традиция северных селькупов сегодня // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. 2.
 Казакевич 2000 — Казакевич О. А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 332–340.
 Казакевич 2002 — Казакевич О. А. Начало и конец в структуре фольклорных текстов северных селькупов // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002. С. 542–550.
 Кузнецова, Хелимский 1989 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. Селькупские материалы в рукописном наследии Л. А. Варковицкой // Советское финно-угроведение. 1989. Т. 25. № 1.
 Кузнецова и др. 1993 — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2: Тексты. Словарь. М., 1993.
 Прокофьев 1931 — Прокофьев Г. Н. Три года в самоедской школе // Советский Север. М., 1931. № 4.

- Прокофьев 1932 — *Прокофьев Г. Н.* Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Л., 1932. Т. 2. С. 365–373.
- Прокофьев 1935 — *Прокофьев Г. Н.* Селькупский (остяко-самоедский язык). Л., 1935.
- Прокофьева 1961 — *Прокофьева Е. Д.* Представления селькупского шамана о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1961. Т. 20. С. 54–74.
- Прокофьева 1976 — *Прокофьева Е. Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
- Прокофьева 1977 — *Прокофьева Е. Д.* Религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977.
- Прокофьева 1981 — *Прокофьева Е. Д.* Материалы по шаманству северных селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.

14 ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК В РУССКОЙ СВАДЬБЕ

Фольклор — это мир «идеальной нормы» [Никитина 1993: 139] и порядка. Свадьба — это обряд, «игра», т. е. также нечто упорядоченное. Свадебный обряд относится к числу переходных. Одно из возможных представлений свадьбы — путь невесты в мир мертвых и обратно [Байбурин, Левинтон 1990]. Можно попытаться описать свадебный обряд и по-другому, опираясь на представления о порядке и беспорядке: дом родителей невесты, центр первой половины свадебного обряда — это идеал, *честной* дом, и здесь царство порядка. В новой семье — свой порядок, неблагоприятный для новобрачной. Свадебный обряд — это переход от одного порядка к другому, возможно, через различные формы беспорядка. Следовательно, в свадьбе интересно искать формы и проявления беспорядка.

При анализе материала удобно использовать понятия «активного» и «пассивного» беспорядка. Активный беспорядок — это действия, разрушающие существующий порядок. Пассивный беспорядок — это отклонения от нормы. Носителями активного беспорядка и движущими силами свадебного обряда являются жених и невеста. Как действующие лица свадебной игры жених и невеста — антиподы: оба нарушают и взрывают стабильность, но в разных сферах. Цель жениха — переместить невесту из одного мира в другой, из одной семьи в другую, разрушить прежний и создать новый порядок, он помогает движению обряда. Цель невесты противоположна: она стремится повернуть вспять или хотя бы затормозить движение обряда, сохранить старый порядок и остаться в родительской семье.

Оговоримся, что, речь идет об условном, обрядовом поведении жениха и невесты в традиционной северной свадьбе. Предлагаемые наблюдения сделаны на материале севернорусских свадебных причитаний, отражающих точку зрения невесты на происходящее (см. об этом [Кукушкина 1998]). В работе приводятся тексты из монографии «Русская свадьба» [РС], но аналогичные выводы позволяют сделать и другие тексты причитаний и описания севернорусского свадебного обряда. Названия эпизодов обряда взяты также из [РС].

Разнообразные проявления пассивного беспорядка можно рассмотреть и в мире жениха, и в мире невесты. Различие между этими мирами в том виде, в каком оба они представлены в причита-

ниях невесты, состоит в следующем. Отклонение от нормы в поведении жениха, в устройстве его дома и в описании его семьи представляет собой постоянную, сущностную характеристику «чужого» мира, в то время как в характеристике и поведении невесты, в поведении ее родни отклонение от нормы представляет собой реакцию на появление сватов, связывается с началом свадебного обряда. Мир жениха с точки зрения невесты является царством отклонений от нормы, мир невесты — это мир порядка, нарушенного вторжением *чужого чуженина*. Очень наглядно это противопоставление проявляется в описании жилища семьи невесты и семьи жениха, о чем подробно см. [Никитина, Кукушкина 2000]. Так, жилище жениха — это *избушечка безверхая* (постоянная характеристика), а в доме родителей невесты *с теремов верхи повынесло* — при появлении сватов. В хозяйстве жениха *нет лопотья суконново, из посуды-то медные / Только крест да пуговиця* — постоянная характеристика; в клети у невесты *сундуки отокрылисе, / Трубоцьки роскатилисе* — в момент подготовки даров для семьи жениха [РС: 52, № 33]. Другой пример временного, ситуативного отклонения от нормы в поведении невесты — нарушение нормального физиологического состояния, вызванное появлением сватов: *У меня, да молодёшеньки, / Да ноженьки да подломилисе, / Да руценьки да опустилисе, / Да буйная-та головушка / Да с плечь долой да покатиласе* [РС: 39, № 14]. Сходное, но еще более развернутое и драматичное описание состояния невесты находим в причитаниях, относящихся к эпизоду встречи невесты после обрядовой бани. С этого момента начиналась важнейшая часть свадьбы — приезд женихов и дальнейшее сложное и многолюдное взаимодействие двух вступающих в родственные отношения семей. Вот один из текстов: *У меня, молодёшеньки, / Ноженьки подломилисе, / Руценьки ропустилисе, / Буйная головушка / С плечиков покатиласе / Пересмякло-то лицо, / Захватило сердечико* [РС: 114, № 140].

Остановимся подробнее на различных формах пассивного беспорядка в мире жениха. Отклонения от нормы охватывают разные сферы: это сам жених, его семья — прежде всего мать, будущая свекровь невесты, а также другие родственники, его хозяйство, его деревня и окружающий мир. Аномальность, чуждость жениха и его мира проявляется, в частности, в том, что жених и его мать ведут себя *по-скотинному, по-звериному*: *Как идёт же чуж-чуженин / К нам во светлую свитлицю, / Да во столовую горницу. / Он заскоил по-скотинному, / Да заглядел по-звериному* [РС: 102, № 115]; *Как на богоданной-то стороне / Зла-ли-*

ха-то свекровушка, / Она бежит по-скотинному, / Она кричит по-звериному [РС: 50, № 28]; *Шипит она по-змеиному* [РС: 52, № 30]. В причитаниях невесты постоянно подчеркивается, что поведение самого жениха и его семьи не соответствует социальным, моральным и экономическим нормам: *У чужого чуженина / Цисто всё обносило, / Цисто всё отрехалось / Да на меня навязалось* [РС: 52, № 32]; *он вольная вольница, / Самоволька-безгрозница, / Не боитце-то батюшка, / Не опаситце мамушки, / Не стыдитце добрых людей* [РС: 37, № 4]; *ходит чуж-чуженин / По косым-то дороженькам. / Пьяно он напиваитце, / Да табаком обжираитце* [РС: 102, № 116]. Целый ряд противопоставлений, таких как «богатое — бедное», «красивое — некрасивое», «новое — старое» можно проиллюстрировать на примере причитаний, в которых невеста *хинит* (т. е. бранит, осуждает) деревню, где живет жених. Эта деревня не только *невеселая, некрасивая*; она построена и живет *не по порядку*: *Сторона невеселая, / Деревня некрасивая: / Не по плану распланована, / Не по порядку поставлена* [РС: 38, № 11]; *Там земля не удобна, / Поля не хлебородны, / Ростёт рожь-то метлицыная, / Ростёт пшеница торичыная, / Жита не колосистые, / Овсы не брунистые, / Суседи не дедюшки, / Встретятце, розругаютце, / Встретятце, не поклонятце, / Осмеят-то походецку. / Домики те не новые, / Верха не подведённые* [РС: 58, № 57].

Как видим, в поведении и свойствах самого жениха, его семьи и в окружающем его мире есть различные отклонения от нормы. Но и в поведении и характеристиках *честной славной невесты*, ее семьи можно также найти различные проявления «стихий беспорядка». Начнем с того, что действия, направленные на нарушение порядка, — разрушение и разделение — являются символами брака [Гура 1995: 248]. В свадебном обряде такому разрушению подвергается девичий наряд, головной убор и прическа невесты. В одном из причитаний невеста красочно описывает, как износился и истрепался ее девичий наряд под действием природных и космических сил: *Износила-то молода / Да кошульку суконную. / Ряды разносились, / Пуговицы распаялись, / На буйной-то головушке / Дорогую шаль шёлкову / Солнышком-то выпекло, / Дорогой-то отласницёк / Дожджиком-то повысыякло, / В косе алые лентоцки / Ветерком-то повыдуло, / Перстеньки да колецики, / Да гайташки серебряны / Да сгорели от солнышка* [РС: 57, № 56]. Когда невесту выводят за стол, в причитании снова повторяются мотивы разрушения девичьего наряда, уже более непосредственно связанные с предстоящим вступлением в

брак: *Дак я на первую ступень ступлю — / Да у шали да семишёлковой / Да кистоцьки да развязалисе, / Да на вторую ступень ступлю — / Да все гайташки серебряны, / Колецюшка да распаялисе, / Как я на третью ступень ступлю — / Носовицёк да ясно зеркальцё, / Да это всё да потерялосе* [РС: 240, № 272]. На девичнике и в момент вывода за стол разрушение девичьего наряда отчасти происходит и физически: подружки отрывают кисточки от шали, ленточки [РС: 148, 219].

В обряде бани расплетается девичья коса и происходит прощание с красотой, которая часто представляет собой головной убор или его часть (например, ленту). В некоторых вариантах обряда невеста идет к венцу с распущенными волосами, а после венчания, специальная сватья (*подвенечная*, по терминологии Даля [Даль 4: 145]), родственница невесты, заплетает волосы в новую, женскую прическу — две косы, и покрывает голову новобрачной женским головным убором: *накладывает борушку* [РС: 292]. Эти обрядовые действия сопровождаются (не всегда одновременно с самими действиями) соответствующими комментариями в причитаниях. Так, обращаясь к подвенечной сватье, невеста описывает свою косу, которая совсем не похожа на обычную «нормальную» косу и представляет собой одну из символических преград на пути жениха к невесте: *Не расплетай-ко ты, сватьюшка, / Да моей-то русой косы / <...> / Во моей-то русой косе / Сорок петель-то сделано, / Сто узелков-то завязано, / В моей каждой-то петельке / Да по складному же ножецку. / Во и каждом-то узелокце / По стальной-то булавоцьке. / Уж и станёшь ты, сватьюшка, / Расплетать-то русу косу, / Да испотрежошь все руценьки, / Да исприколёшь все пальчики* [РС: 235, № 268].

Как особое проявление идеи нарушения порядка можно рассматривать причитания сироты на неделе. В них невеста обращается к покойным родителям, просит их встать из могилы, прийти в дом и благословить дочь на вступление в брак. Такие причитания часто содержат описания того, как покойный родитель, мать или отец, *встает из крутые могилушки*, идет по полю, переправляется через реку, направляется к родному дому. Окончание причитания может быть двояким: в одних текстах невеста заключает, что покойник не может войти в дом (хотя может подняться на крыльцо и стучаться в дверь), в других текстах утверждается, что *от сухова-то деревця / Да не живёт отрастильицё, / С того свету белово / Не выходят-то выходци* [РС: 61, № 67]. Таким образом, в конечном счете порядок остается не нарушенным: покойный не может вернуться в мир живых.

Проявления беспорядка возможны в самом течении обряда. Так, невеста различными способами пытается помешать нормальному ходу свадебных приготовлений: заливает огонь, когда отец варит пиво [РС: 44], не дает подругам пить приданое [РС: 47], упраскивает парней не петь и не играть на молодежных вечеринках на неделе [РС: 48]. В более поздних эпизодах свадьбы действия, мешающие ходу обряда, совершают подруги невесты. Например, в момент приезда женихов в свадебный день подруги невесты выбегают на поветь «стукают в пол, катают по полу чурку или гремят ступой... над головами заезжающих во двор (под поветь) женихов... (пугают жениха)» [РС: 118]. В утро венчального дня они намеренно затягивают причеты, чтобы оттянуть вывод невесты за стол [РС: 208–209]. Всё это — формы обрядового поведения, предусмотренные традицией, и чем активнее и энергичнее участницы обряда в своих деструктивных действиях, тем более их поведение соответствует обрядовой норме.

Свадебные причитания имеют сложную композиционную структуру: невеста не только комментирует ход обряда, но и обращается к прошлому и будущему родительской семьи, а также к своему будущему в семье мужа. При этом невеста в одних случаях выступает как защитница порядка, а в других случаях — как сторонница изменения существующего положения. В целом это выглядит так. В начальных эпизодах свадьбы невеста постоянно противопоставляет то, что было *прежде*, и то, что наступило *теперь*, после прихода сватов и согласия родителей на брак дочери. Раньше родители любили свою дочь, теперь — разлюбили, раньше считали ее работницей и помощницей, теперь — считают ее *пустодомкой*, *пустокормом*, *не советщицей*, *пустосмехом*. Невеста одобряет и отстаивает прежний порядок в семье. При этом она упрекает родителей в том, что, по их мнению, она стала источником беспорядка: отец и мать *со всей семьей Богу молятце: / Пособи-ко нам, Господи, / Нам поизбыть-то, спецэловать, / Пустодомку-то из дому, / Пустокорма-то из миру, / <...> / Как при ей, пустодомоцьке, / Во семье-то поживу нет, / Во скоте-то повозу нет / Во хлеву-то природу нет* [РС: 36, № 1]. Этот же мотив звучит в дальнейших эпизодах свадьбы: *Я во семье стала лишняя, / Во семье-то немилая, / Во детоньках да постылая* [РС: 54, № 40]. Стремясь нарушить ход обряда, дочь-невеста желает отцу неудачи в варке свадебного пива: *Да помолю тебе, батюшко: / Да дай-подай тебе, Господи, / Да суслиця небегуцёво, / Да пивушка неживуцёво* [РС: 45, № 20]. Она упрекает отца в нарушении календарных сроков: отец варит пиво, хотя один праздник

уже прошел, а до другого еще далеко [РС: 45, № 22, 24]. В своем стремлении нарушить ход свадебного обряда невеста доходит до того, что просит себе *смёртки скорые* [РС: 60, № 64–66].

Вообще начало приготовлений к свадьбе описывается невестой как обман, нарушение идиллического порядка в родительском доме: *Обманул меня батюшко, / Провела меня мамушка* [РС: 36, № 4]. Сходный мотив нарушения порядка звучит в другой формуле, многократно повторяемой невестой в разных эпизодах обряда: *Приусек мне-ко батюшко / Много веку-то дивьёво, / Приукрыла мне матушка / Много свету-то белово / Злой фатой-то бумажною* [РС: 54, № 42]. В некоторых вариантах к этому добавляется изменение отношения со стороны сестры, братьев: *Завязала мне сестриця / Проклятый узел не по-людски, / Приубавили брателки / Много спеси да бодрости* [РС: 68, № 88]. Сама же невеста, напротив, считает, что именно без нее нарушится порядок в доме: некому будет сходить *по грибы — по ягоды*, останется недожатой ее полоска. Этим мотивам, относящимся к самому началу свадебной игры, соответствует обычай, относящийся к послесвадебному периоду жизни новобрачной в новой семье: молодая уходила в родительскую семью на заготовку льна или ткать (в зависимости от сезона, когда играли свадьбу), так как считалось, что в новой семье на нее еще не заготовлено нужное сырье [РС: 300].

По мере движения свадебного обряда попытки невесты отговорить родителей от уже данного согласия на брак, обещания уйти на богомолье и разговоры о смерти сменяются хулениями *женихов*. Такие причитания, содержащие разнообразные негативные характеристики и пожелания, обращены к самому жениху, а также к дружке, сватъе и в особенности к свату. К хулениям добавляются попытки задержать прибытие свадебного поезда. Это могут быть просьбы поставить на пути женихов преграды и заслоны в виде щитов, диких и страшных зверей, занавески, на которую жених засмотрится и забудет о невесте, *ножичков булатных и острых булабочек*, которые вплетены в косу невесты. У невесты тема отказа от брака сменяется упреками в адрес родных, которые недостаточно хорошо помогают ей соответствовать своей обрядовой роли: отец не приготовил невесте свадебного наряда [РС: 221, № 246], недостаточно высоко оценил ее труд в семье, сестра и брат не приготовили необходимое для бани [РС: 111–112, № 135].

В момент «вывода перед столы», когда впервые в многолюдном, массовом эпизоде свадьбы в присутствии многочисленных зрителей встречаются оба рода и когда окончательно решается, будет ли заключен брак [РС: 136], невеста наконец демонстрирует

свое согласие действовать в соответствии с требованиями семьи и социума: *Дак мне куды жо деватисе, / Да куды мне притулитисе? / Уж мне в бок пошатитисе — / Скажут пьяная пьяница, / Уж мне взадь воротитисе — / Дак скажут вольная вольница. / Дак уж я стану жо, девица, / Стану вперёд подаватисе, / Да стану в куть пробиратисе, / Я ко сизым-то голубушкам* [РС: 141, № 176].

В эпизоде «Вывод за стол», центральном эпизоде довенчальной части обряда, имеется причитание, в котором своеобразно отражается смена одного порядка другим. В этом причитании невеста перебирает термины родства, отвечая на вопрос *Как назвать эта гостейка?* Прежние названия старших родственников — *тетушка, божатушка* — оказываются неподходящими для будущих родственных отношений, и после нескольких попыток невеста находит новое имя *сватьяшка*, указывающее на новые семейные связи [РС: 239, № 271; 240, № 272].

Перед самым отъездом к венцу невеста просит родительского благословения, и хотя во многих причитаниях невеста упрекает родителей и других членов семьи в разнообразных отступлениях от правильного течения жизни, благословение родителей она рассматривает как залог жизненного порядка и благополучия в дальнейшем: *Только прошу тя, батюшка, / Божьево благословеньица. / Напередь-то меня пойдёт, / За собой-то меня ведёт: / Приуторит-то дороженьку, / Приобогреёт-то мистицко, / Приукроёт-то кровелькой!* [РС: 254, № 278].

Интересно проследить, как изменяются от эпизода к эпизоду характеристики невесты, даваемые ею самой себе, но с точки зрения различных персонажей обряда. В начальном эпизоде («Запоруки») невеста характеризует себя как *неурослую травоньку* [РС: 36, № 3; 37, № 6], упрекая родителей в том, что слишком рано отдают ее замуж. *Я ещё покрасуюсе / Душой красной-то девицей*, — говорит она о себе [РС: 38, № 10]. В том идиллическом прошлом, которое разрушено появлением сватов, отец желал, чтобы его *дитяtko* росло *умное да разумное* [РС: 59, № 60], *скромной да смирённой* / *На ногах-то высокоё, / Да в плечах-то широкая, / Да волосами-то сивая, / Да на лицё-то красивая* [РС: 39–40, № 14]. Здесь мы видим пожелание отца, чтобы дочь соответствовала эстетическим и этическим нормам. Отталкиваясь от этого исходного состояния в прошлом, невеста сразу дает себе несколько разных характеристик, исходя из точек зрения каждой из сторон: сама она считает себя еще недостаточно взрослой, сильной, т. е. еще не готовой покинуть родительский дом. Жениху она представляет себя

как некрасивую и незавидную невесту и предлагает ему поискать себе невесту в другом месте. А родителей она упрекает в том, что они перестали ее жалеть, что перестали считать ее хорошей работницей и стремятся избавиться от дочери. В причитаниях на неделе появляются характеристики невесты с точки зрения ее будущей свекрови: *ленивая, нероботная* [РС: 51, № 28]; *сонливая, дремливая* [РС: 52, № 30]. В том же эпизоде обряда невеста дает уничижительную характеристику своим дарам, т. е. подаркам для семьи жениха, своим рабочим возможностям, своему искусству пряжи и ткачихи: *У меня, молодёхоньки, / Рос ленок-от немудренькой, / Тонко престь побояласе, / Сицьно ткать полениласе* [РС: 52, № 33]. Однако сразу после этого невеста добавляет, что ее дары *малые* потому, что она всю весну работала в поле: *за сохой красоваласе*. В этом тексте мы видим, как самоуничижительная характеристика сменяется противоположной: невеста не ленивая, а, напротив, выполняет самую тяжелую работу — пашет. В следующем причитании видим резкую смену объекта негативной характеристики: сначала это сама невеста, а потом — жених. Невеста причитает: *Больно я обносиласе, / Да больно я обтруниласе* и тут же продолжает: *Ето не я обносиласе, / Ето не я обтруниласе, / Обносился чуж чуженин / С батюшком да и с матушкой* [РС: 53, № 34]. В причитаниях на неделе невеста дает себе положительную этическую характеристику: *Не пристыдила я батюшка, / Не обесцестила мамушки, / Не укорят моих братьицей / Ни при мне, ни после меня* [РС: 59, № 60]. В том же эпизоде невеста говорит о своем *убожестве* (таким определением она характеризует предполагаемое представление собственных родителей о ней самой), упрекая мать в перемене ее отношения к себе [РС: 70, № 94]. При встрече жениха на неделе невеста начинает причитание с решительной демонстрации того, что она не соблюдает и не хочет соблюдать по отношению к жениху принятых норм поведения: *Не стою да не здравствую, / С тобой низко не кланеюсь*. Далее невеста подчеркивает свою покорность воле родителей, т. е. опять-таки дает себе положительную этическую характеристику, но уже в противопоставлении жениху, *самовольке-безгрознице*. Про себя невеста говорит: *Я не вольная вольница, / Не сама самовольница*, а про жениха: *Больно смело примаисси / Да близко пристуаисси* [РС: 101, № 112]. В момент вывода за стол невеста дает себе еще одну оценку — она характеризует себя, притом негативно, как члена новой семьи: *Боле в раёцьку не сиживать, / Да красною-ту девицею, / Да цёсной славной невёстою / Да хоть бывать-то и хаживать, / Да мне злой-лихой молодицею* [РС: 221, № 247].

В причитаниях невесты движение свадебного обряда связывается с миром космических явлений, с движением светил. Движение светил — это образ идеального и ненарушимого небесного порядка. Солнце, связь с солнцем, солнечность — это образ идеала. В космических образах невеста характеризует членов своей семьи: *батюшко — красно солнышко, матушка — ясна зоренька, братец — месяца третиночка, солнца половиночка*. По отношению к солнцу описывается расположение в пространстве своей деревни (правильное): *Што стоит наша деревня / На красе да на солнышке, / Да на крутом на угорышке* [РС: 77, № 110], и деревни жениха (неправильное): *Дак шчѣ стоит ета деревня / Дак во долу-то от мисеца, / Да в западу-ту от солнышка* [РС: 73, № 102]. С помощью космических образов передается особое положение невесты, ее отделенность от подруг: *Дак для милых-то подруженѣк, / Да на широкой улоцьке / Дак взошло красной солнышко, / Звосьяло во терему. / Для меня-то, молодѣшеньки, / Што померк-то и белый свет* [РС: 114, № 140]. В причитаниях на неделе невеста прощается с родственниками, со своей деревней. По положению солнца на небе невеста определяет время, когда следует выходить на улицу: *Посмотрите подруженьки, / Посмотрите в окошецько: / Сѣдни рано ли на двори, / Всѣ высоко ли солнышко? / Не пора ли, не времѣцько / С вам, любые подруженьки, / Походить да погулети / По широкой-то улоцьке?* [РС: 77, № 110]. В одном из таких причитаний невеста сопоставляет изменение в своей судьбе с концом света, светопреставлением: *Скоро свету преставленьицѣ, / Да мне житьѣ перемененьицѣ. / Хоть белый свет-от не преставитце, / Да мне житьѣ переменитце, / Да мне фамиль перепишетце* [РС: 56, № 52].

Еще один аспект темы порядка — действия, способные повлиять на будущее. В свадебном обряде имеется целый ряд таких действий, совершаемых разными персонажами и с разными целями. Так, в момент приезда женихов за невестой коней заводят во двор, женихам разматают дорогу — «чтобы кто-нибудь не испортил поезда», не нарушил течение обряда [РС: 118]. Обрядовая баня включает магические действия специальной знахарки, призванные укрепить отношения между вступающими в брак, а также улучшить отношение свекра и свекрови к молодой [РС: 105] (собирают пот невесты, чтобы затем влить его в пиво жениху, полощут рубаху невесты, чтобы эту воду смешать с питьевой водой для свекра и свекрови). Для предотвращения колдовства и ворожбы со стороны соперницы или других недоброжелателей невесты и ее семьи служит разметание дороги перед невестой в

момент вывода перед столы [РС: 135]. К магическим действиям, способным повлиять на установление того или иного порядка в семье новобрачных, относится также обрядовая борьба невесты и жениха за первенство в семье при выводе за стол («засесть одежду», наступить на ногу [РС: 220]).

В заключение отметим следующее. Свадьба — это сложный, монументальный обряд, продолжающийся несколько дней, в котором напряженные, драматические эпизоды сменяются более спокойными. И соответственно, то активизируется, то затихает тема деструкции. Мотивы разрушения, в чем бы они ни проявлялись — в обрядовых действиях или в текстах причитаний, — являются одним из способов создания драматического напряжения и трагизма в свадьбе. Через различные проявления беспорядка, хаотичности происходит переход от одной упорядоченной системы к другой, и именно сочетание и чередование элементов порядка и беспорядка создают окончательную гармонию русского свадебного обряда.

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин, Левинтон 1990 — *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990.
- Гура 1995 — *Гура А. В.* Брак // *Славянские древности*. М., 1995. Т. 1.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.
- Кукушкина 1998 — *Кукушкина Е. Ю.* Точка зрения невесты как организующее начало севернорусского свадебного причитания // *Функциональная лингвистика: Язык в современном обществе: Материалы международной конференции*. Ялта 5–9 октября 1998. Симферополь, 1998.
- Никитина 1993 — *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Никитина, Кукушкина 2000 — *Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю.* Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах: Опыт тезаурусного описания. М., 2000.
- РС — *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба. М., 1985.

О ЗАКОНЕ, ОБРЯДЕ И ПОРЯДКЕ В НАРОДНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТАХ *

Один из молоканских беседников (проповедников) поведал мне, что в жизнедеятельности этой разновидности русского народного протестантизма следует различать закон, обряд и порядок. Истину человек не в состоянии постичь непосредственно, ибо она в Боге («Я есмь истина»), а человеку не дано видеть Бога, поэтому истину он может воспринимать через данный ему Богом закон. Закон для человека незыблем, его может изменить только сам Бог.

Как пишет другой молоканский проповедник, Моисеев закон, состоящий из заповедей, уставов, постановлений и повелений, регламентировал громадное количество жизненных ситуаций, но он не изменил грешной природы человека, поскольку лишь страхом смерти удерживал его от зла. Когда закон выполнил функцию детоводителя человечества, ибо законом познается грех (Римл 3, 20), то закон, основанный на страхе, уступил место закону совершенному, закону свободы (Иаков 1, 25). Иисус исполнил закон, начиная с обрезания и кончая крестной смертью, и после этого можно было произвести замену закона. Пролив свою кровь, Христос утвердил новый закон, закон любви, состоящий из заповедей: «люби ближнего своего, как самого себя», включающей в себя заповеди Моисеевы. Этот закон устранял все недостатки закона Ветхого Завета, в частности страх перед наказанием смертью [Петров 1997]. Другие молоканские богословы-беседники склонны противопоставлять ветхозаветный закон христианской вере (вспомним об оправдании верою в догматике протестантизма): с приходом Христа «мы уже не живем законом, как жил Израиль, но живем верою. Ибо закон ничего не довел до совершенства. Мы же верою достигаем спасения нашего» [Ступенькин 1997: 4]. Говорят также о противопоставлении Закона Благодати и о смене ветхозаветного закона благодатью с приходом и крестной смертью Христа, понимая под благодатью закон любви как ядро христианской веры, т. е. опять же обращаясь к концепту закона.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 00-04-0024а.

Для исполнения закона и в подтверждение этого необходимы обряды. Обряды, по убеждению молокан, первоначально были даны Богом применительно к различиям между человеческими общностями, в отличие от общей для всех Истины, воплощенной в законе. В обряде (прежде всего — в обряде богослужения) происходит изложение закона и его овеществление — выражение любви к Богу — через разнообразные речевые действия людей (пение, чтение Библии, беседы, и главное — моление). Удерживается обряд во времени через человеческую память (обряд, по молоканской народной этимологии, — «обретенное от предков»).

Для удобства совершения обряда и реализации закона в повседневной жизни необходимы установления, принятые обществом. Это человеческий порядок. Кроме того, есть порядок божественный. Форма одежды, способ организации пространства в собрании придуманы людьми для удобства и создают обычай, т. е. человеческий порядок. Порядок божественный учрежден Богом в природе, а в обществе возникает, когда человек исполняет закон.

Вот несколько высказываний, полученных в моих интервью с русскими молоканами, живущими в США, о соотношении этих концептов:

«Закон эсли нарушишь, то подвергаисси осуждению, а эсли порядок (нарушишь) — то нет».

«Законы больше основаны на Ветхом Завете. Вот бракосочетание, жену не могёшь оставлять. Закон — он крепкий».

«Порядок — женщинам там стоять, мужчинам там. Это не закон».

«Обряд чудочек выше стоит на ступеньку, чем порядок, По порядку певчий хор садится, а не по обряду».

«Порядок оставляется (отменяется) because гости, и мы говорим туды-суды (беспорядочно, т. е. на самые разные темы. — С. Н.)».

В процессе исполнения закона, проведения обряда и создания порядка молокане реализуют свою общинную жизнь, т. е. создают свой космос, в соответствии со словами ап. Павла — одновременно по Духу (т. е. по требованиям закона и сходящему на людей действию Святого Духа) и по разуму, т. е. по человеческому соображению.

Приведенные выше суждения о трех культурных концептах не являются общепринятыми для всех молокан. Так, роль и вес обрядов весьма различаются у так называемых «постоянных» молокан, сохраняющих более чем двухсотлетние традиции предков — ниспровергателей православных обрядов, и у молокан-«прыгунов» — ответвлении, возникшем в середине XIX века, в жизни которых элементы ветхозаветных обрядов, а также обряды, связанные с

действием Святого Духа, имеют первостепенное значение. Молоканский философ, рассуждавший о законе, обряде и порядке, принадлежал к направлению прыгунов (о различии между постоянными молоканами и прыгунами см. [Клибанов 1965]).

Среди же постоянных молокан в начале XX века проводились дискуссии относительно роли обряда; они актуальны в среде молоканства и по сей день. Так, в статье известного молоканского проповедника Ф. А. Желтова «Дух и обрядность», написанной в 1908 г. и вновь опубликованной в возрожденном молоканском журнале [Желтов 1991], отрицается путь обрядности как путь человеческого формализма: обрядово-религиозная форма оставливает жизнь Духа и может привести ко вражде с истиной, выраженной в законе. В приложенном к статье ответе его оппонента указывается: то, что нам кажется человеческим предписанием, может оказаться заповедью Божией. Иными словами, различить то, что относится к закону, а что к обряду или порядку, очень сложно, а потому имеет смысл соблюдать завещанные Богом и предками обряды.

Как уже говорилось, денотатные поля закона, обряда и порядка различны для разных локальных молоканских общностей, и отчасти с этим связаны внутриконфессиональные различия. Так, на мой вопрос, является ли ковер, который расстилают перед престолом и на который опускается на колени пресвитер, элементом обряда или порядка, молокане отвечают по-разному. Для молокан-прыгунов ковер, символизирующий скинию и чистоту выполнения закона, — обязательный элемент обряда. Постоянные молокане квалифицируют ковер преимущественно как необязательный элемент, связанный с воспоминанием о Священной истории и несомненным удобством и гигиеной, т. е. расценивают его как элемент порядка. Ношение пояса — необходимый элемент обряда, ибо пояс разделяет чистую и нечистую половины тела, однако принятая в данном социуме форма пояса — элемент порядка. Порядок человек может менять из соображений удобства, обряд меняется во времени по слабости человеческой памяти и применительно к разным эпохам. Закон же постоянен, пока его не изменит Господь. В последнем случае могут быть отменены прежние обряды.

Иерархическое строение этой мини-системы концептов можно перенести на совокупность всей духовной терминологии молокан, которая также делится на три уровня, исходя из степени непосредственной включенности божественного начала в те или иные элементы культуры, см. [Никитина 2001]. Более того, приведенное выше размышление молокан о трех концептах представляет

ся приложимым не только к молоканской, но и к любой другой конфессиональной культуре, где эти три уровня довольно ясно прослеживаются, хотя и не всегда четко называются. Так, духоборский закон, изложенный в псалмах, имеет, как и у молокан, множество бытовых реализаций, в частности пищевых запретов, например запрет на употребление свинины (для современных духоборцев последнее — в прошлом); духоборская обрядность (обряд поклонения, погребальный обряд) воплощает основные элементы учения и закона; духоборский порядок, наиболее ярко воплощенный в форме и правилах ношения одежды, демонстрирует в ее символических деталях, в частности некоторых частях и украшениях женской шапки, несомненную связь с законом и обрядом (пучок разноцветных шелковых лоскутков символизирует расцвет закона, отходящие от пучка в противоположные стороны две ленты — духоборскую дорогу во вселенной — ср. со словами духоборского псалма «крест наш — нищета и странничество»).

Особенно тесны связи между законом и обрядом в старообрядческой культуре: недаром малейшие изменения в обряде расценивались ревнителями старой веры во времена раскола в XVII в. как отступления от Истины, или закона (см. об этом, например, [Успенский 1992]).

Различение трех уровней, образованных рассмотренными выше концептами, оказалось весьма продуктивным инструментом при поисках ответов на несколько важных вопросов в других областях изучения конфессиональной культуры. Например, до какой степени исследователь может быть допущен внутрь исследуемой культуры в качестве ее активного участника, если он ей «чужой»? Чаще всего его допускают только на уровень бытового порядка: именно на нем закреплены формулы выражения благодарности: «спаси Господь» — для молокан, «спаси Господи» — для духоборцев, «спаси Христос» — для старообрядцев. Так может говорить и «чужак», и употребление им этих клише при условии доверия к исследователю только поощряется; сюда же относятся и обычные формулы приветствия, например «здорово живете» — для духоборцев и некоторых общностей старообрядцев, «мир вашему дому» и ответ «мир вашему входу» для молокан. Однако приветствие на «духовных языках» у молокан-прыгунов возможно только со «своими» — это уже сакральный уровень, уровень обряда.

Обряд — многослойное образование, и чужак может быть допущен к участию в некоторых обрядовых действиях, например к пению, у всех трех групп. Если вас принимают в качестве гостя в старообрядческой общине, то вы можете присутствовать на молитве,

можете петь вместе с членами общины, но не можете «знаменовать», т. е. креститься двумя перстами. Именно эти обрядовые элементы специфически конфессиональны: двуперстное знамение является одним из главных отличий старообрядческой культуры от новообрядческой, никонианской, и для того, чтобы иметь право им пользоваться, надо стать старообрядцем.

На молоканском богослужении чужак может участвовать в молении и пении — эти элементы считаются общехристианскими. Для участия в беседах (проповедях) представитель другой конфессии должен получить специальное приглашение; участвовать же в обряде «лобзания» — символа единения — могут только молокане.

Другой пример. У русских молокан и старообрядцев, эмигрировавших в разные годы в США, английский язык довольно быстро становится доминирующим на уровне порядка, т. е. бытовой жизни, и с гораздо большим трудом, но все же проникает на уровень обряда богослужения. Что же касается понимания глубинных сущностей веры (уровень закона), то молоканский пресвитер, для которого английский язык родной, говорил мне: «Читаю Библию по-английски, а что непонятно, пойду прочитаю по-русски и пойму», т. е. при постижении закона главным остается русский язык [Никитина 2001].

Как известно, слово *закон* имеет несколько значений. Я провела небольшое количество ассоциативных тестов среди своих коллег и в среде молокан: в первом случае почти все реакции на слово *закон* относились к закону юридическому: *нарушение, суд, тюрьма*; все молокане (10 человек) написали в качестве первой ассоциации — *Божий*.

Бог дает закон; человек, принявший закон, может его нарушить и тем самым совершить грех, однако субъективно человек желает не нарушения закона, а приобретения каких-то благ. Дьявол же желает закон разрушить, уничтожить, воспрепятствовать его исполнению. Оба — человек и дьявол — совершают беззаконие, но человек, нарушающий закон, совершает грех; к дьяволу же концепт греха неприменим, поскольку дьявол не принимал закон и не получит прощения. Стараясь внести хаос, противопоставленный божественному порядку, дьявол может это делать через человека, соблазняя его, или действует самостоятельно. Так, по словам одного американского молоканского собеседника, когда Библию, существовавшую в устном варианте («голословно»), записывали, дьявол нарушил последовательность мыслей, в ней изложенных, и произвел хаос. Поэтому собеседникам приходится по кусочкам складывать свои беседы — собирать puzzle, заглядывая в разные книги Библии.

В бытовой речи представителей конфессиональных культур слово *закон* может быть заместителем слов *обряд* и *порядок*. «Закон у нас очень чижолый», — говорят молокане, подразумевая не только исполнение Христовых заповедей и большого количества бытовых запретов, в частности полного запрета на употребление алкоголя, но и большую сложность псалмопения, которое является элементом обряда. «Без нашей духоборской шапки и платка на улицу не выйдешь — закон такой», — говорят пожилые духоборки о своем порядке в бытовой жизни.

Рассмотрим теперь употребление слов, обозначающих закон, обряд и порядок в фольклорных религиозных текстах соответствующих конфессий и сравним его с употреблением этих слов в светском фольклоре.

Начнем с православных духовных стихов — старообрядческих и общерусских, которые до сих пор активно живут именно в старообрядческой среде. В них слово *закон* не частотно, но весьма значимо. Во многих стихах содержится призыв жить по Божьему закону, который предстает прежде всего как совокупность этических норм и правил:

По Божьему закону поживите:

Друг друга почтите,
Брат брата не браните.

По Божьему закону поживите:

Матери детей не браните (Бессонов: 137).

Божий закон исполняется и в обряде бракосочетания:

Под златыми венцами стояли,
Златыми перстнями обручались,
Един чуден крест целовали,
Весь Божий закон принимая (Ляцкий: 87),

а выражение *разлучать законы*:

Ой и первый мой грех — отца с матерью взбранил,
А второй жа мой грех — я й законы разлучал (Смол.: 11)

значит 'разрушать супружескую жизнь'.

Хотя заповедь по Библии — часть закона, слово *закон* часто синонимично слову *заповедь*, а *заповедь* употребляется с эпитетом *законная*:

Учинил Бог заповедь законную:

Велел он браком и женитьбам быть
Для рождения человеческого
и для любимых детей (Ляцкий: 165).

Бог *дает закон, или заповедует*:

Да проречет нам истинный Христос:

«Чада вы мои любезные!

Заповедаю я вас своей Господней заповедью:

Поймите вы мою страшную неделю,

Среду и пятницу,

От великаго четверга вплоть до Светлаго Христова Воскресения.

(Варенцов: 158).

Христов закон любви является высшей заповедью:

Все в любви, *закон и вера, выше заповеди нет* (ЭМА).

Полученные и принятые законы и заповеди нужно *хранить, исполнять, соблюдать, чтить, не переступать*. Исполнение закона противопоставлено своеволию, нехранению его, беззаконию, греху. Преступила закон Ева, прельстив Адама, нарушив запрет Бога:

Евга согрешила,

Закон придступила,

Адама прельстила,

Весь род наш отгнала

От святова от рая (Варенцов: 40).

В старообрядческом духовном стихе поется о двух жизненных путях-дорогах — дорогах соблюдения и нарушения закона:

Первая дорога — имать страх господень,

Бога прославляти и *закон сохранять*:

Тем она доводит в царство небесное.

Другая дорога во своей воле жити,

Во своей воле жити, *закон не хранить*;

Тем она отводит с десного на шую,

в превечную муку (ЭМА).

В слове *закон* в текстах духовных стихов почти нигде не заполняется семантическая валентность на содержание (в чем закон состоит), тогда как вид и содержание грехов указывается при появлении слова *грех* постоянно (см. [Федотов 1991]).

Праведный закон содержится в истинной вере. В старообрядческом стихе на библейскую тему («Слезы ливши о Сионе») говорится о стране,

Где *святой закон* в зазоре,

Нету истины следа.

О велико наше горе,

Жить с неверными беда! (ЭМА).

Если в общерусских стихах христианская вера, а следовательно, и закон, противопоставлены басурманской вере, то в старообрядческих стихах старая истинная вера противопоставлена новой, нарушающей и закон, и обряд, и порядок: никониане

Издали свое лжеучение вместо святых поучений,
За крещение — обливание,
Вместо ладану — табак мерзкую...
Возлюбили тьму, ненавидим свет.
Никон лютый и с поборники
Истребил книги старописьменны,
Издавал все свои новоумыслены
На погибель душам христианским (Стихи...: 253).

Перейдем к духовоборским псалмам. Духоборцы говорят о себе:
Мы завета старого, *закона Божьего*, а веры Иисусовой, то есть духовоборческой (Материалы...: 21).

Слово *закон*, обозначающее нормы и непреложные правила, данные Богом, становится предметом толкования в вопросно-ответных псалмах, излагающих суть учения:

{В.} Что есть *закон Божий*? {О.} Правила веры, что делать и что не делать (Там же: 92).

Закон учит добрым делам:

{В.} В чем *закон Божий* состоит? {О.} Закон Божий в духе и в заповедях.

{В.} На чем *Закон Божий* лежит? {О.} На апостолах и пророках.

{В.} Где вы свой *закон* взяли, где ваш *закон* писан есть? {О.} В книге животной, во главе Иисусовой.

{В.} Отчего ваш *закон* произошел? {О.} *Закон* от Сиона, а слово Господне — от Ерусалима (Там же: 24).

Эти вопросы и ответы повторяются во многих псалмах, образуя клише.

Христов закон вечен:

Христос утвердил в народе *закон*; и как камень в море не может размыться или соржаветь, так и *закон*, утвержденный Христом в людях, не может исчезнуть (Там же: 109).

Не признавая «наружной» церкви и ее обрядов, духовоборцы говорят о внутреннем человеке, у которого «закон в сердцах, глаголы во устах»:

Закон Божий — чистая совесть непорочная; что себе не хочу, того и брату не желаю. Оклеветал ли я брата, то не брата я оклеветал, а *закон* (Там же: 36).

Закон Божий состоит из десяти заповедей Моисея и двух заповедей Христа, вмещающих все Моисеевы заповеди:

{В.} Какая есть заповедь наибольшая в законе Божьем?

{О.} Возлюби Господа Бога всем сердцем своим, всею душою. Вторая поучает: возлюби брата своего ближнего так, как самого себя. На сих двух заповедях весь закон Божий состоит (Там же: 279).

И поскольку эти Христовы заповеди вмещают и «не укради», «не убий», «не прелюбодействуй» и пр., то Христос «отца своего закон не разорил, а наипаче всей жизнью обновил» (Там же: 83).

Закон Христа, особенно для одного из направлений духовоборчества, противопоставлен человеческой власти и человеческим законам:

Христианин освобождается от человеческой власти тем, что признает над собой одну власть — Бога и закон, который открыт ему Господом Иисусом Христом (Там же: 286).

Часто слова закон и заповедь синонимичны:

Когда вы в законе Божьем, тогда сердце мое радуется; когда преступаете заповедь Божью, тогда печаль меня снедает (Там же: 186).

Он (Христос) нас оживил, грехи простил и дал нам заповедь свою, чтобы впредь не согрешать и не беззаконствовать (Там же: 21).

Божий закон есть воплощение истины, известной только избранным, т. е. духовборцам, в них живет душа Христа. Остальные народы не знают правильного закона, они беззаконники.

В духовборской культуре беззаконие — прежде всего уклонение с пути законного на путь язычников: так духовборцы называли православных, поклоняющихся иконам. Именно их они имели в виду, когда создавали тексты, близкие к текстам библейских псалмов:

научу рабов своих достоянием твоим, отворочу вас со пути беззаконного, от злых лживых богов языческих; наставляю вас на путь спасения своего (Там же: 122).

Божий закон — свет, противопоставленный тьме, закону греха. Если в духовных стихах концепты *грех*, *беззаконие*, *бесчестие*, *тьма* — синонимы и члены центральной оппозиции *грех-праведность*, оппозиции, относящейся к уже сотворенному миру и нарушившим запрет людям, то противопоставление *закон-беззаконие* в духовборских псалмах наряду с тем же смыслом, который есть и в

духовных стихах, включается в оппозицию *свет-тьма*, фиксирующую бытие до сотворения человека (то же у молокан, где *тьма* — синоним *хаоса*), что указывает на присутствие дуализма в мировидении русских народных протестантов.

В духовных песнях молокан-прыгунов, как и в духоборских псалмах, довольно часты слова *завет, закон, заповедь*, которые, как правило, синонимичны друг другу и являются в окружении слов *свет, истина, правда, любовь, свобода*:

Господи, ты призываешь все народы к одной
Вечно неизменной истине,
Истребляющей смерть, к *закону свободы и любви* (Сион.: 467).

Законы любви, правды, свободы противопоставлены *закону смерти и мирским законам*:

И старайтесь соблюсти —
Ото всех *мирских законов*
Непременно чтоб уйти (Там же: 461).

Внимание к ветхозаветным текстам, к закону Моисея и следование ветхозаветным праздникам отразилось в песенных текстах:

Пять праздников *закон* дал,
Еще пять Христос предал (Там же: 146).

и даже Новый Завет предстает в ветхозаветном контексте:

Внеси Ты к нам, Господи, ныне
В ту нашу Святую людскую скинию
Новый Святой нерукотворенный
Кивот *завета* Твоего! (Там же: 545),

хотя молокане следуют Христовому завету, закону и заповеди:

Он есть Вождь любви, свободы,
Мы творим Его *завет* (Там же: 582).
Имеем между собою Любовь Божию,
По *заповеди* Господа Нашего Иисуса Христа (Там же: 569).

Как и в духоборских псалмах, в молоканских песенных текстах поклонение иконе — деревянному кумиру — есть нарушение закона:

Глядите во святом *законе*,
И не кланяйтесь иконе,
Ни золотым образам (Там же: 173).

В большинстве светских фольклорных песенных текстах слово *закон* не является частотным. Так, на 100 000 словоупотреблений корпуса свадебных причитаний оно встретилось однажды и близко по смыслу к концептам обряда или порядка:

И как по роду бы то было да по племени,
И по *закону* бы, голубушко, Господнему,
И во-первых бы ты, лебедушко, заехала
И ко своей да ты крестовой ко матушке!
И ты б просила бы прощенья с благословеньцем (Барсов: 335)

Слово *законный* несколько чаще: встречаются *законный брак* и *законная державушка*, т. е. муж.

Другая картина в былинах. Не ставя задачей дать подробное детальное описание, замечу, что для обозначения этических норм и правил в народных эпических текстах употребляется несколько номинаций, из которых, как и в духовных стихах, наиболее часты слова *закон* и *заповедь*. Как и в конфессиональных текстах и духовных стихах, эти слова могут употребляться как синонимы, когда говорится о Божием законе и Божьих заповедях, при этом *закон* и *заповедь* *даются*. Если же речь идет о человеческих установлениях, о договорных правилах, запретах и обещаниях, то чаще употребляется слово *заповедь*, и ее *кладут*. Так, калики, собравшись идти в Иерусалим

...положили они *заповедь* великую:
Кто обворует и кто обл...ет —
Бить клюхами каличьима,
Тянуть язык со теменем,
И копать очи ясные косицами,
И копать во сыру землю по белым грудям (Рыбников 1: 313)

У Добрыни и Ильи Муромца — крестовых братьев — также была

...кладена *заповедь* великая,
У нас подписи были подписаны:
Слухать большему брату меньшего,
А меньшему брату большего,
А дружку за дружку обем стоять.

Тем не менее иногда вместо *заповеди* употребляется слово *закон*. Когда Добрыню посылают звать на почестен пир разгневанного Илью:

Тут Илюша воспроговорит:
Кабы не ты, никого бы не послушал,

Не пошел бы на почестен пир,
А нельзя *закон* переступить (т. е. «кладеную» между ними заповедь)
(Рыбников 2: 79).

В былинах, записанных П. Н. Рыбниковым, слово *заповедь* встречается несравненно чаще, чем *закон*. Закон — это прежде всего вечные и всеобщие нормы жизни: Василий Буслаевич, который был охоч «мужиков охаживать», т. е. бить «со всей своей силой великой», слушается только матушку: «Не послушать мне *закон* не дает» (Там же: 105). Иван Гостиный сын, которого мать продает купцам, прощается с ней, обливаясь горючими слезами:

Во слезах он словцо вымолвил:
Ты прощай-ко прощай, родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна,
По *закону* была родна матушка,
А по житью-бытью змея лютая (Там же: 42).

Добрыня, прибывший на свадьбу своей жены с Алешей Поповичем, говорит ему:

Есть тот *закон* на свете,
Чтобы от живого мужа жену отобрать?

И заметим: Добрыня, возмущаясь нарушением закона, хочет, как и полагается былинному герою, уничтожить обидчика, но вынужден соблюдать заповедь крестовых братьев:

Как был бы Олеша не крестовый брат,
Взял бы я тебя, Олешу, правой рукой,
Правой рукой за желты кудри,
Здынул бы тя, Олешу, через ты столы дубовые
Бросил бы тя, Олешу, о кирпичный пол:
Столько бы ты, Олеша, й жив бывал».

Все это он проделывает, но не в полную силу: левой рукой, и Олеша остается жив:

Взял Олешу левой рукой за желты кудри,
Здынул через ты столы дубовые,
Бросил Олешу о кирпичный пол,
Пинул Олешу да под лавицу (Там же: 143).

Заповедь-обещание может *класть* и один человек, тогда синонимом этого слова становится *завет/заветы*. Когда Илья Муромец хочет попасть к заутрени, он

...кладывает *заповедь* великую:
Ехать-то мне добру молодцу.
Во пути мне-ка во дороженьке,
Рук чтобы мне не кровавити (Там же: 62),

или он же

И отстоял ранюю заутрену воскресную
И *завечал заветы* великие:
Ехать ко славному городу ко Киеву...
Не натягивать туга лука,
Не кровавить палицы булатния (Там же: 227).

Слово *обряд* неупотребительно ни в духовных, ни в светских фольклорных текстах. Для обозначения бытовых, домашних обрядовых действий в духовных стихах может употребляться слово *порядок*. В этом отношении характерны тексты поминальных стихов Смоленщины. Порядок в поминальных стихах — это бытовой обряд поминок, обряд и порядок одновременно, установление человеческого, но освященное предками и веками. Души умерших родителей приходят к дому *за порядком поглядеть*, т. е. посмотреть, правильно ли дети *ведут порядок*:

Отпусти, Господь, до дому сходить,
До дому сходить, *порядки поглядеть*.
Как мои деточки *пырядок вядут*.
Ти вси родные позазваныи,
Ти вси шафери позапрошены? (Смол.: 55)

Прилетела душа, и на кут села,
И на кут села, *порядки смотрела*.
Ой спасибо вам, маи детушки,
Понаставили столы все тесоваи,
Позастлали скатертя полотнянаи (Там же: 90)

У пороге постою, *за порядком погляжу*:
Как сыночек мой приготовился,
Как расставил ен столы тесовыя,
Как наполнил ен хлебом-солею.
Поминають мяне из двенадцати блюд (Там же: 120).

Очевидно, что употребление слова *порядок* в текстах поминальных стихов близко к молоканскому толкованию этого слова, хотя в текстах молоканских духовных песен слово *порядок* не встречается. Употребление слова *закон* в традиционных устных религиозных текстах всех трех конфессиональных групп также

очень сходно. Везде имеется в виду закон Божий, основные положения христианского учения. Концептуальное поле закона пересекается с полем веры и противостоит полю беззакония и греха. При этом беззаконие и грех существуют как среди «своих», так и среди «чужих». Каждая из рассматриваемых культур видит во всех иных конфессиональных общностях беззаконие — нарушение закона, обряда, если он значим, и порядка. Однако в описании характера и содержания беззакония старообрядчество и русский народный протестантизм существенно расходятся: для первого главным беззаконием является новая никонианская вера, для второго — православное «язычество». Кроме того, есть расхождения в описании греха как нарушения закона, но эта тема требует отдельного описания.

ЛИТЕРАТУРА

- Желтов 1991 — Желтов Ф. А. Дух и обрядность // Духовный Христианин. 1991. № 1.
- Клибанов 1965 — Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1965.
- Никитина 2001 — Никитина С. Е. Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Русский язык Зарубежья. М., 2001.
- Петров 1997 — Петров П. А. Из книги «Вероучение Духовных Христиан». Глава 4. Закон // Добрый домостроитель благодати. 1997. № 9.
- Ступенькин 1997 — Ступенькин В. В. О воскресении и суде // Млечный путь. 1997. № 2.
- Успенский 1992 — Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Сб. ст. к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992.
- Федотов 1991 — Федотов Г. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

ИСТОЧНИКИ

- Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 2: Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. СПб., 1997.
- Бессонов — Бессонов П. Калеки переходные. СПб., 1863. Вып. 5.
- Варенцов — Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860.
- Ляцкий — Лядский Е. Стихи духовные. СПб., 1912.
- Материалы... — Материалы истории и изучению русского сектанства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. Виннипег; Канада, 1954. Вып. 2.

- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989–1991. Т. 1–3.
- Сион. — Сионский песенник столетнего периода Христианской религии Молокан Духовных Прыгунов в Америке. Лос-Анджелес, 1964.
- Смол. — Поминальные стихи Смоленщины. Архив кабинета народной музыки Российской Академии музыки им. Гнесиных.
- Стихи... — Стихи духовные. М., 1991.
- ЭМА — Экспедиционные материалы автора.

А. А. СОКОЛОВА

МЕЖДУ АЛДАНОМ И УРМАНОМ: ЗЕМНОЙ КОСМОС ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Забайкалье, уникальный в географическом, историческом и культурном отношении регион, располагается между степными просторами Центральной Азии и сибирской тайгой. Первые русские, выходцы преимущественно из северных областей Европейской части России, появились здесь в середине XVII в. Позднее край заселялся крестьянами из западных и южных регионов, из Белоруссии и Украины. Наиболее привлекали переселенцев ландшафты лесостепи, протянувшейся полосой в 200–250 км от Тункинской котловины и дельты Селенги до Аргуни. В сухих степях крайнего юга и на севере русское население было малочисленно.

Особенности природного окружения, пестрый этнический состав переселенцев и тесные контакты с коренными обитателями края — бурятами и тунгусами [эвенками] стали причиной формирования у забайкальцев своеобразного языка, фольклора, материальной культуры. Исследование лексики забайкальских говоров открывает большие возможности для воссоздания крестьянского мировоззрения, уходящих в глубокую древность представлений о космическом и хаотическом началах. В качестве основного источника информации в данной работе использован «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Б. Элиасова [СРГЗ] (далее при ссылках на это издание указываем только номер страницы в квадратных скобках). Он содержит свыше 1200 слов и более 3000 иллюстраций, раскрывающих пространственные и мировоззренческие аспекты крестьянской культуры [Соколова 1996; 2001].

1. Космос и хаос: основные определения

Представление о создающем и организующем космическом начале составляет основу традиционной культуры. Греческий термин *космос* многозначен и трактуется как 'порядок', 'упорядоченность', 'строение', 'мироздание', 'устройство', 'мир', 'наряд', 'украшение'. Русское слово *мир* близко по значению к античному термину. В нем сохранено, как отмечает В. Н. Топоров, представление о космической целостности, противопоставленной

хаотической дезинтеграции, о единице социальной организации (мир-община как проекция мира-космоса), возникающей изнутри в силу договора и противопоставленной внешним и недобровольным объединениям [Топоров 1992: 9]. Изолированность мира забайкальского крестьянина подчеркивается своеобразием говора — *говорья*, понятного только односельчанам: *Что ни деревня, то свое говорье. У одних говорье принято от тунгусов, у других говорье идет от бурят, у кого говорье от хохлов; Ну и говорье в нашей суседней деревне, будто и нерусские, чего говорят, не поймешь* [91].

Ограниченность «своего космоса» не противоречит представлениям о просторе, свободе. *Привольство* 'раздолье, приволье' [329] — важнейшая черта сибирского, забайкальского образа миропорядка. Забайкальцы осознают свою общность со всеми старожилами Сибири — *че(/а)лдонами*: *У чалдона свой норы. Чалдон... ввысь почти не смотрит, а все больше по сторонам да вперед, жаловаться на свою судьбу редко, в доме любит порядок и простор* [451]. Мифопоэтический образ *Беловодья* — овечьей легендами свободной земли — имеет в Забайкалье и более приземленное значение: *беловодье* 'свободная, никем не используемая земля; заброшенные участки' [63].

Синонимы слова мир в русском языке — спокойствие, согласие, лад — раскрывают эмоциональную сторону понятия. Это состояние равновесия в природе и душе передает многозначное забайкальское слово *амур* '1. Покой, тишина [в природе]. 2. Спокойное тихое место. 3. Душевный покой, успокоение': *Как переехали на Байкал, на душе сразу амур* [54]. Крестьянское представление о гармоничном сочетании компонентов природы отражено в иллюстрации к слову *алтай* 'богатое во всех отношениях место': *Для жительства надо выбирать алтай: чтобы лес рядом был, поля, сенокос, река с рыбой, охота недалеко чтобы была. В таком алтае и жить можно небедно. Всего вдоволь будет* [53]. Проекцией *алтая* как некоего «утилитарного космоса» является лесостепная котловина, окруженная горной тайгой, — ядро освоения территории и центр жизненного пространства.

Хаос 'зев, зияние, развернутое пространство, пустое протяжение' противопоставит космосу [Топоров 1992: 9]. Во многих традиционных культурах хаотическое начало связано с водной стихией, мраком, с темными силами дикой природы. В мировоззрении забайкальцев сохранился севернорусский образ *голомени* — открытого моря, моря вдали от берегов [Даль: 911]. Поморы связывают море с царством смерти, с бездной [Теребихин 1993: 11]. В говорах

Прибайкалья *голомень* — бездонные места на Байкале: *Много голомени на Байкале, видать провалы, что тянутся на сотни верст* [92]. Знак бездны может нести и безводное понижение, впадина с солончаками и солеными озерами — Долина Смерти у пос. Даурия [Соколова 2001: 45], и *прорва* — глубокая яма, старая шахта, пещера: *Один раз пошли они в лес по ягоду. Бродили, бродили и нашли прорву, большу шшель в земле* [Русские сказки...: 323]. Пустое протяжение идентифицируется с безлюдными пространствами тайги и степи, обозначаемые словом урман '1. Малопроходимая болотистая тайга, лес, глушь. 2. Большое степное пространство, где не встречаются населенные пункты' [429].

2. Пространство-космос и пространство-хаос

Географическое пространство нейтрально, лишено мистического, сакрального, субъективного начала В мифопоэтической картине мира оно приобретает целый ряд новых свойств, являющихся предметом не естественнонаучных, а культурологических исследований. Территория, мыслимая как космос, предстает в образе заполненного объектами организованного целого, развивающегося во времени и вполне предсказуемого. Пространство-хаос континуально, не дифференцировано, непредсказуемо, лишено света. Все эти свойства можно проследить у реальных географических объектов, вовлеченных в систему крестьянской культуры.

Упорядоченность-хаотичность — важнейшие идентифицирующие признаки. Описывая пространство-хаос глухой тайги, непроходимой топи — *кабалы*, — житель побережья Байкала отмечает беспорядочную смену древостоев и захламленность леса, недостаток света: *Зашли мы в такую кабалу, что света не видно: кругом валежник в рост человека, сосняк, листвяк и кедрач небо заслонили* [144]. Ощущение хаотичности ландшафта может возникать в местах с сильно расчлененным рельефом. Это подтверждают иллюстрации к словам *очур* 'бугор' и *разгорок* 'расщелина в горах, где берет начало ручей': *...разгорок на разгорке* [345], *...очур на очуре, очур очуром погоняет* [282].

Пространству-космосу, напротив, присуща геометрическая упорядоченность. Она находит отражение в многочисленных народных географических терминах: *карчеги* 'горы, расположенные параллельно одна другой' [СРНГ: 193], *янга* 'остроконечный голый пик' [470], *хингин* 'длинная волнистая гора' [441], *голец* 'высокая гора в цепи гор' [91]. Географические объекты расположены закономерно относительно друг друга: *Перед гольцом тянулся хинган. Мы пе-*

ревалили хинган и оказались в глубокой пади, а дальше уже шел снежный гонец [441]; Янги в ряд стоят [470].

Упорядочено не только пространство-космос, организовано само знание о нем. Одна из наиболее простых форм представления порядка — классификация. Несмотря на то что система знания в традиционной культуре лишена знания самой системы [Norton, ссылка по: Романов 1991: 57], объем и богатство лексикой забайкальских говоров позволяет построить классификации физико- и экономикогеографических терминов [Соколова 2001: 43]. Структура народной геоморфологической терминологии адекватна научной и во всей полноте отражает морфографические (физиономические) особенности рельефа (табл. 1). Более того, она лучше характеризует своеобразие форм земной поверхности. Знания о пространстве-космосе организованы на вполне материалистической, едва ли не системной основе. Знание о хаосе лишено четкости.

Таблица 1. Система геоморфологических терминов, обозначающих элементы земной поверхности

Элементы земной поверхности *		Народные геоморфологические термины
Т о ч к и	Вершинные	<i>Падушка</i> 'вершина сопки, вершина горы' [284] <i>Мадан</i> 'самая высокая часть горы или скалы' [192] <i>Таба</i> 'холм, гора; вершина холма, горы' [403]
	Перевальные	<i>Хутел</i> 'перевал' [447]
	Донные	<i>Нор</i> 'омут, яма на дне водоема' [244]
	Устьевые	<i>Турка</i> 'устье реки' [418]
	Слияния	<i>Изголовь</i> 'оконечность вытянутого речного острова' [40]
	Ветвления	
	Повороты	<i>Кочой</i> 'крутой поворот реки' [169] <i>Тунген</i> 'небольшой поворот реки' [17]
Л и и и	Гребневые линии	<i>Гребёлка</i> 'гребень горы' [460]
	Линии выпуклых перегибов	<i>Поклон</i> 'место, где начинается крутой спуск с горы' [Русские сказки...: 314] **
	Линии вогнутых перегибов	<i>Рядок</i> 'место, откуда начинается крутой подъем в гору' [363]*
	Килевые линии	<i>Тулин</i> 'долина в пади' [417] ***

П о в е р х н о с т и	Выпуклые	Уплощенные	<i>Илакон</i> 'плоское место на вершине горы' [141] <i>Подушка</i> 'ровное место на вершине горы' [312]
		Острые	<i>Янга</i> 'остроконечный голый пик' [470]
	Наклонные	Обрывы	<i>Крутоярнистый</i> 'обрывистый' [171]
		Крутые	<i>Спагадка</i> 'крутой склон горы' [590]
		Средней крутизны	<i>Удер</i> 'склон горы' [423]
		Полogie	<i>Погор</i> 'пологий склон горы' [304]
	Вогнутые	Теснины	<i>Сангар</i> 'узкая непроходимая расщелина' [366]
		Ущелья	<i>Хонгил</i> 'ущелье, узкий проход между отвесными скалами' [444]
		Долины	<i>Подувалье</i> 'долина между гор' [312] <i>Тулин</i> 'долина в пади' [417]
	Горизонтальные	Возвышенные	<i>Еджа</i> 'поляна, возвышенная равнина' [108] <i>Елань</i> 'возвышенная... открытая равнина' [109]
		Низменные	<i>Парусло</i> 'низиш' [287]
		Ровные	<i>Равнина</i> из иллюстрации к слову <i>крутогорый</i> [171]
		Неровные	<i>Букачанное</i> место 'холмистое, бугристое' [69]

Примечания

- * Приводятся по А. И. Спиридонову [Спиридонов 1999: 4].
- ** Термины обозначают не сами структурные линии, а точки пересечения линий с дорогой, тропой.
- *** Килевые линии совпадают с путями водотоков. В иллюстрациях к словам *падушка* 'долина, падь' и *тулин* 'долина в пади' отмечено: *Вдалеке по падушке, видимо, тек ручеек* [284]; *Вдоль тулина бежала речка* [417].

Непрерывность и дискретность — два диалектически противоположных и взаимосвязанных свойства земной поверхности и ландшафтной оболочки в целом. В забайкальских говорах существует несколько терминов для обозначения крупноплощадных объектов: *ахальной* 'идуший без перерыва, сплошной' [57], *бакласный* 'сплошной, идущий без перерывов лес, луг' [59], *хальной* 'сплошной, занимающий большое пространство' [437]. Последний термин может обозначать идущий почти непрерывно дождь, т. е. отражать проявление континуальности не только в пространстве, но и во времени: *Весь месяц хальной дождь* [437].

Иллюстрации к словам показывают, что континуальность не является исключительно «хаотическим» свойством. Она может проявляться у самых разнообразных объектов — крупных форм рельефа, больших площадей сельскохозяйственных угодий, крупноконтурных массивов леса: *Здесь у нас в тайге на сотню верст ахальной кедрач идет; Сразу за деревней охальные поля расположены и покосов совсем нету. За пашней тянется опять же ахальная тайга* [56]; *На сто верст ахальные посева; Хальные горы и падей будто нету* [437]. Иллюстрации также отмечают проявление непрерывности как свойства «хаотического» начала: *За нашими хребтами бакласные места идут без конца и края. В этих бакласных местах такая тайга, что человек ишшо не хаживал* [59].

Свойства континуальности и дискретности в пространстве-космосе часто проявляются совместно. Однообразие рельефа и растительности крупной степной котловины может нарушить поднятие земной поверхности — *обон* 'любая возвышенность на равнине' [253], *чанга* 'каменное возвышение в степи в виде столба или нагромождение камней, напоминающее развалившуюся скалу' [450], лесной колок — *арал, аларь* 'небольшой островок леса, рощица': *Тайги у нас нету, а аларь встречается часто* [52]. Дискретным элементом может быть *хайса* 'межа между усадьбами' [436], место на дороге, где ломается профиль склона: *рядок* 'место, откуда начинается крутой подъем в гору' [363]; *поклон* 'место, где начинается крутой спуск с горы' [314].

Пространство тайги, входящей в хозяйственную зону поселения, нарушают поляны, сельскохозяйственные угодья, просветы между деревьями: *губа* '1. Небольшая поляна в лесу. 2. Небольшое поле на лесной поляне' [95]; *лапта* 'небольшие пастбищные угодья, окруженные тайгой или большими болотами' [183]; *майла* 'небольшой сенокосный участок в лесу' [192]; *ивала* 'просвет между деревьями в тайге' [139] (рис. 1в, г). Они делают лес более светлым, понятным, обжитым. Пространство, мыслимое как хаос, может быть открытым или замкнутым, но всегда континуально (рис. 1а, д).

Вторичность пространства-космоса по отношению к хаосу неоднократно подтверждена информацией о мифических и реальных предках забайкальцев. Отправной точкой развертывания пространства-космоса стало появление *чучи* 'по местным преданиям, первых людей, которые населяли территорию Забайкалья': *То было так давно, что и чучей тут не было; Чуча, когда здесь жила, то дальше, где солнце всходит, еще ни одного человека на земле не было* [457]. С древним народом *чудью, баргутами* связываются *урхаи* — западины, ямы в виде чаши: *Гово-*

рили старики, что здешние урххи образовались от провалов могил баргутов. Может, это и правда, потому что урххи почти рядом друг с другом расположены [429].

В языке сохранилась память и о вполне реальных предках. О казаках, построивших на Амуре Албазинский острог (разрушен в 1689 г.), напоминает существование в селе Никольск группы населения, называемой *албазинцами* [52]. В селе Бичура живет *пронча*, ведущая свой род от предка по имени Пронча (Прохор, Прокопий). *Пронча у нас тут поселилась, что с каторги пришла. Дед Пронча в той партии за старшего был и всех потому прончай и прозвали* [337].

Рассел 'расселение' [354] крестьян-переселенцев привел к преобразованию пустого, безлюдного пространства *урманов*. В котловинах с преобладанием степных ландшафтов появились первые поселения: *посел* 'хутор': *Все деревни из посела идут* [322], *тосхон* 'несколько домиков в степи': *Тосхон в деревню вырос* [414]. Обжитые места в тайге получили название *уро*: *Когда мой дед сюда пришел, здесь такая глухомань была, что не поверите, а потом всю тайгу повырубили, землю вспахали, и теперь, вишь, уро, сей, паши, хлеб жни, скот паси; Говорят, что слово это пошло от тунгусов. У них все места тайги, которые русские освоили, уро называется* [429].

Время в пространстве-космосе организовано. Временной поток разбит на интервалы разной длительности. В первую очередь, это годовой цикл природы и сельскохозяйственных работ, дополнительно маркированный религиозными праздниками: *погодье* 'время ветров': *Погодье тута начинается перед весной* [304]; *Самсонны дни* 'дождливые дни (по имени Симеона Столпника, религиозный праздник в честь которого отмечается 27 июня по ст. стилю)' [366]; *Сименик* 'религиозный праздник 1 сентября в честь святого Симеона-летопроводника' [313]. Выделяются также жизненные циклы домашних и диких животных: *сонгат* 'дикий олененок до года', *зоргал* 'двухгодовалый изюбр' [137]; этапы зарастания заброшенных пашен и сенокосов, вырубок: *яловка* 'залежь, давно не засевавшаяся земля' [Щ 470], *облог* 'залежная земля, заросшая дерном' [250], *морога* 'молодой мох': *От мороги до моха года три проходит* [210].

Свет и тьма в пространстве-космосе сосуществуют. Есть *алга* 'освещаемое солнцем место; солнцепек; склон горы, обращенный на восток или на юг' [52] и *сивер* 'не освещаемое солнцем место, северный склон горы' [376], бывает *вёдренное время* 'солнечные дни' [74] и *можра* 'темнота, мрак, туман' [208], темные

морные ночи [210]. Темнота влияет на настроение, пугает, приближает мир дикой природы, пространство-хаос: *Не заметили, как наступила момра, и в доме сразу стало как-то неуютно* [208]; *В морные ночи не ты за зверем следишь, а зверь за тобой ходит* [210]. Темнота густого леса, полный мрак пещер вовлекают человека в непонятный, лишенный ориентиров мир: *Зайдешь в тайгу — солнца не видно, куда идти — ума не приложишь* [404]; *Нашли входни (отверстие, вход в пещеру) и забрались внутрь. Темно сразу стало, и входни назад кое-как нашли* [83].

В повседневной жизни свет и тень воспринимались по-разному. *Застинь 'тень'* [129] жарким летним днем — благо, но расположенное в тени *далистое место* не пригодно для поселения: *На далистых местах на деревни не строились* [98]. Для использования под сенокос *лечес* 'место, которое всегда в тени, на котором ничего не растет' также неудобно, как солнцепек: *Не лечес, так солнце дадут, чо на них накопишь* [185].

На открытом пространстве степи солнечный свет выступал в качестве враждебного земледельцу начала Эта хаотическая по сути роль солнца отражена в словах *пустодер* 'луг, сенокосное угодье, на котором солнце выжгло траву' [341], *галинка* 'луг с выгоревшей травой' [87], *проседина* 'место с пожелтевшей травой; пожелтевшая трава в степи' [337], *степняк* 'малопродуктивное степное место' [394]. Бывали случаи переселения с открытых солнечных *алгистых мест*: *С алгистых мест перекочавали в тайгу, где и солнца мало. Не привыкну к алгистым местам* [53]. Избыток солнца при недостатке влаги стал препятствием для освоения степной окраины Забайкалья: *Степняк тут у Даурии так почти нетронутым до сих пор стоит* [394].

Неопределенность и непредсказуемость пространства-хаоса находится в оппозиции к определенности космоса. Как воплощение хаоса воспринимается *алдан* 'дальняя сторона, сторона незнакомая и неприветливая': *Всю тайгу тогда звали алданом. Кто вернется с алдана, никто не знал; Что только про алдан не рассказывают, хошь верь, хошь не верь; Тот алдан лежал где-то за Баргузином* [53]. В пространстве алдана сконцентрированы почти все признаки хаоса — бескрайность, континуальность, непредсказуемость, неопределенность местонахождения.

3. Модель пространства-космоса

В мифопоэтической традиции космос предстает в форме сферы, разделенной плоскостью земли на две части — небесный свод и под-

земное царство, часто ассоциируемое с хаосом. Сквозь центр мироздания проходит соединяющая миры вертикальная ось [СРНГ: 10]. В «забайкальском космосе» роль мировой оси выполняют естественные вертикали — недоступные скалы, вершины, горное обрамление котловин: *байда* 'высокая скала', *белки* 'горы, покрытые снегом', *падушка* 'вершина сопки, вершина горы', *орой* 'вершина самой высокой горы, которую видишь', *янга* 'остроконечный голый пик': *Около нашей деревни байда до неба упирается* [58]; *Белки далеко уходят, прямо к небу* [63]; *На том орое еще никто не был* [269]; *До нашей янги птицы не долетают* [470]; *Кто это поставил часовню на самой падушке? С падушки виднее, кто больше богу угоден* [285]. Ночью, когда наступает время хаоса, скалы, пещеры, старые рудники связывают земной и нижний, подземный, миры. Это отражено в быличках, рассказывающих о появлении из скал нечистой силы и заклятых людей: *Ночью девки кружали перед утесом... Вот пришли откуда-то из утесу, поют...* [Русские сказки...: 386].

Горы выступают как обзорные точки, позволяющие увидеть и понять устройство земного мира. Указание на это можно найти в иллюстрациях к словам *голец* 'высокая гора в цепи гор', *илакон* 'плоское место на вершине горы' [141], *таба* 'холм, гора, вершина холма, горы': *Вон на ту, паря, табу заберем, с нее все будем зреть. Я с табы всегда дорогу выбираю* [403]; *С илакона, как на тарелке, виднелись все деревушки долины* [141]; *Мы забрались на голец, и с него видно было верст на сто* [91]. Последнее высказывание не является в строгом смысле гиперболой. Человек, поднявшийся на стометровую высоту, способен окинуть взором территорию радиусом 38 км, с подъемом на 1000 метров горизонт расширяется до 121 км, на 3000 метров — до 210 км. Сами обзорные точки обозначены словом *глядень* 'высокое место, с которого можно просматривать большое пространство': *С гляденя было видно на десять верст и далее* [90]. Горам, особенно *гольцам*, поднимающимся выше лесного пояса и почти круглый год покрытым снегом, приписывается высшее знание и понимание всего происходящего: *Только гольцы свидетели всему* [91].

Вертикальный порядок мироздания дополняется членением земного мира по горизонтали на систему концентрических зон (табл. 2). В центре находится поселение, усадьба, дом с красным углом — *конником* [162]. Далее, на свободном от леса пространстве, располагается выгон, *подполье* 'земля, занятая посевами хлеба': *Около деревни тянулось подполье, а дальше шли сенокосы и тайга* [110]. Замыкают обжитое пространство таежные масси-

вы с небольшими участками сельскохозяйственных угодий, лесосеками, ягодниками, промысловыми местами — *ухожьями*. *Ухожья-то от деревень далеко. До ухोजья иной год и с неделю идешь* [432]. Это свой, человеческий мир, возникший из безлюдной пустоты и оттеснивший хаос на периферию.

Таблица 2. Обжитой космос забайкальского крестьянина

Зоны	Объекты
I. Зона ядра — поселение	
Центр	<i>Сборня</i> 'общественное помещение, где находилась деревенская администрация, проводились сходки' [368].
Средняя	<i>Фарталы</i> 'кварталы' [Ш 433]
Дальняя	<i>Паулы</i> 'два-три домика на отшибе у деревни' [288] Покрайнее место 'окраина села' [315]
IV. Безлесная зона — сельскохозяйственные угодья	
Ближняя	<i>Ревенки</i> 'околица, место за деревней, где пасется скот' [356]
Средняя	<i>Подполье</i> 'земля, занятая посевами хлеба' [310]
Дальняя	<i>Боровой луг</i> 'луг, примыкающий к лесу' [67]
III. Зона тайги	
Ближняя	<i>Губа</i> 'небольшое поле на лесной поляне' [95] <i>Майла</i> 'небольшой сенокосный участок в лесу' [192] <i>Разбивок</i> 'отведенная в тайге деланка для заготовки леса или сенокоса' [344]
Средняя	<i>Лалта</i> 'небольшие пастбищные угодья, окруженные тайгой или большими болотами' [183]
Дальняя	<i>Мандрык</i> 'пешеходная труднопроходимая тропа в глухой тайге, через крутые горы, над обрывами' [175] <i>Елань</i> 'поляна в лесу' [109] <i>Ивала</i> 'просвет между деревьями в тайге' [139]

Устройство поселений, обычно небольших по площади, описывает большой пласт лексики (50 слов). Своя деревня, станица — ядро земного мира, где дискретность пространства-космоса выражена в наибольшей степени. Она остается достаточно высокой в зоне перехода от безлесных пространств к тайге (рис. 1б, в) и резко падает по мере продвижения в глубь тайги (рис. 1г). За «своей» тайгой начинается чуждый мир пространства-хаоса — *алдан, урман* (рис. 1д).

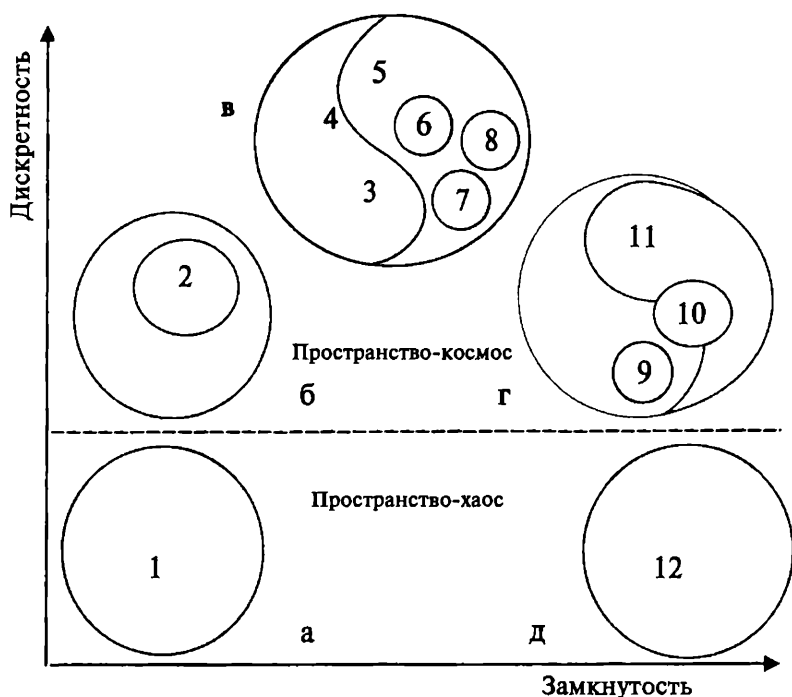

Рис. 1. Континуальность/дискретность и открытость/замкнутость пространств

Условные обозначения:

1. *Урман* 'большое степное пространство, где не встречаются населенные пункты' [429]; 2. *Арал* 'небольшая лесная роща в степи, лесной островок' [55]; 3. *Боровой луг* 'луг, примыкающий к лесу' [67]; 4. *Подбор* 'опушка леса' [305]; 5. *Шалгат* 'дремучий лес, подходящий близко к населенному пункту' [459]; 6. *Губа* 'небольшое поле на лесной поляне' [95]; 7. *Майла* 'небольшой сенокосный участок в лесу' [192]; 8. *Лапта* 'небольшие пастбищные угодья, окруженные тайгой или большими: болотами' [183]; 9. *Елань* 'поляна в лесу' [109]; 10. *Ивала* 'просвет между деревьями в тайге' [139]; 11. *Тайга* 'о всяком диком непроходимом лесу' [404]; 12. *Урман* 'малопроезжимая болотистая тайга, лес, глушь' [429].

Дороги, тропы образуют линейные, радиальные, сетчатые структуры и дополнительно организуют, консолидируют пространство.

В тайге знак упорядочивающего начала несет *уда* 'река, дорога, тропа, которые могут вывести человека на обжитые места, на широкие просторы' [423], *мандрык* 'пешеходная труднопроходимая тропа в глухой тайге, через крутые горы, над обрывами' [195], *путик* 'узкая небольшая просека в труднопроходимых зарослях' [423], *табулки* 'затесы, насечки в тайге, указывающие дорогу к определенному месту' [403]. Нередко тропа приводит к охотничьему зимовью, временной стоянке — *урина*: *Куда не пойдет охотник по вершине Баргузина, везде наткнется на урин* [428].

В процессе освоения территории, соотносимого с разворачиванием космического начала, могут сохраняться отдельные «очаги хаоса», «прорывы хаоса» к ядру мироздания (рис. 1в). Олицетворением беспорядочного начала является *шалгат* 'дремучий лес, подходящий близко к населенному пункту': *Шалгат начинался сразу за крайним домом деревни. Да такой шалгат, что зайдет от края сажень сто, и солнца не видно, и небо не проглядывается; Шалгату ни края ни конца не было* [459]. «Просачивание» хаоса в обжитое пространство может стать следствием запустения, заброшенности места. Оно отражено в словах *разрон* 'убыток, разорение' [349], *разрой* 'хозяйство, пришедшее в упадок' [349]. Знак хаоса, видимо, несет и *урай* 'место бывшего поселения', обезлюдившее и постепенно возвращающееся к естественному состоянию: *На урае теперь не шибко заметно, что там когда-то большая деревня стояла* [427].

Язык забайкальских крестьян создает ясную, зримую картину окружающей действительности. В ней нашли отражение все значимые для мифологического мышления черты пространства-космоса (см. [Топоров 1992: 9–10]). Это свой, обжитой и познанный мир, возникший на рубеже леса и степи и требующий постоянных усилий для поддержания порядка, равновесия между силами космоса и хаоса.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. СПб.; М., 1912. Т. 10.
- Романов 1991 — Романов В. Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М., 1991.
- Русские сказки... — Русские сказки Забайкалья: Сборник / Подгот. текстов В. П. Зиновьева. Иркутск, 1989.
- Соколова 1996 — Соколова А. А. Лексико-географический метод изучения ландшафта. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 1996.

- Соколова 2001 — *Соколова А. А.* Географическое пространство в культуре русского населения Забайкалья // V Царскосельские чтения: Научно-теоретическая конференция. СПб., 2001. Т. 10. С. 42–46.
- Спиридонов 1999 — *Спиридонов А. И.* Морфология рельефа // Морфология рельефа: Материалы Иркутского геоморфологического семинара, Чтений памяти Н. А. Флоренсова. Иркутск, 1999.
- СРГЗ — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 13.
- Теребихин 1993 — *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск, 1993.
- Топоров 1992 — *Топоров В. Н.* Космос // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1992. С. 9–10.

ЗАГАДКА ИЕРОГЛИФА LUAN — БЕСПОРЯДОК ИЛИ ПОРЯДОК?

Согласно древнейшему иероглифическому словарю «Шовэнь» (ок. 100 г. н. э.), иероглиф luan — в современном понимании 'беспорядок' — имел значение zhi 'упорядочивать' или 'порядок'. Причем это значение дается как первое в современном «Большом иероглифическом словаре китайского языка» [БИС]. В «Большом словаре китайского языка» [БС] это значение у иероглифа luan фигурирует под двенадцатым номером и выражено через сочетание zhili 'упорядочивать', 'регулировать'. Оба словаря содержат отсылки к древним текстам, где иероглиф luan действительно употреблялся в таком значении. Однако в 142 словах и словосочетаниях БС иероглиф luan в значении 'порядок' зафиксирован лишь однажды — в качестве одного из трех значений сочетания luan zheng (zheng значит 'политика'), которое подается как zhili zhengzhi, т. е. 'регулировать политические дела' с ссылкой на главу «Пань Гэн» древнейшего канонического памятника «Шу цзин» и «Биографию Конфуция».

Ключ к этой парадоксальной ситуации мы пытались найти в ранних написаниях иероглифа luan и в их трактовке авторитетным ученым середины прошлого века Ян Шуда. По мнению последнего, иероглиф luan изображает две руки, которые держат клубок шелковых нитей. Так как шелковые нити легко запутываются, движения руками призваны привести его в порядок. Это объяснение имеет свою логику и оно подкрепляется ранними употреблениями иероглифа luan. Например, в «Цзо чжуани» (IV–III вв. до н. э.) иероглиф luan употреблялся в значениях zaluan 'беспорядок' и wu tiaoli 'безсистемно'. В «Луньюе» Конфуция говорится: xiao bu ren ze luan da mou 'не стерпев в малом, приведешь в беспорядок большое'.

Надо полагать, что в ранних написаниях иероглифа luan действительно содержится некоторая двусмысленность. Дело даже не в том, как прочесть замысел создателей этого иероглифа. Наличие изображения клубка шелка действительно наводит на самые определенные ассоциации.

Попробуем проиллюстрировать эти мысли поэмой знаменитого сунского поэта Ли Юя, который, оказавшись в плену на севере,

повествовал о своей печали следующей метафорой, связанной с шелком: Jian-bu-duan, lihai luan, shi li chou, bie you yi fang ziwei zai xintou «Резать — не перерезать, разматываешь — еще более запутаешь, это — печаль расставания, она ощущается как горький осадок в сердце». Эти строки в переводе В. Марковой звучат так: «Ножницами не отрежешь, сколько ни режь его, как ни распутывай нити, не разматываешь до конца! Горе разлуки таится в самых глубинах сердца».

Любой символ должен быть прост и нагляден, а передаваемый им смысл однозначен. Даже если создатель иероглифа имел в виду, что данный знак должен нести информацию противоречивого свойства, наличие клубка шелковых нитей носителями этой знаковой системы показывает, что он все же связан с беспорядком. Так сам иероглиф luan и все сочетания, в которые он входит, убеждают в том, что luan — это антипорядок. Это такое каузированное состояние, которое несовместимо с первоначальным положением дел, принимаемым за нормативное. Иными словами, от zhì 'порядка' к luan 'беспорядку' один шаг.

Однако zhì 'порядок' нельзя считать единственным антонимом ко всем употреблениям luan. Zhì и luan выступают в качестве антонимической пары исключительно в масштабе государства и Поднебесной, т. е. как «космос» и «хаос». В случае государства и Поднебесья хаос приводит к смене династии. В истории Китая было 18 династий плюс еще 29 государств, появлявшихся в разное время в периоды смуты и на стыках династий. В таких обстоятельствах понятия zhì и luan оставались актуальными для правителей и их подданных. Предлагаемая конфуцианцами концепция установления zhì в период luan имеет глубокую воспитательную базу, поэтому эти иероглифы оставались популярными в течение веков. Эта концепция блестящим образом обоснована в книге «Да сюэ» («Великое учение») — одной из важнейших частей основы образования — Четверокнижия.

Согласно «Да сюэ» для ming ming de 'прояснения истинной добродетели' в Поднебесной необходим порядок. Концепция ming ming de ставит ряд взаимообусловленных условий, без выполнения любого из которых не возможно добиться успеха на следующем этапе. Эти условия располагаются в иерархической последовательности. Здесь мы имеем цепочку следующего вида: zhì guo 'порядок в государстве' зависит от qí jiā 'единства в семье', qí jiā, в свою очередь, требует от индивида xiù shēn 'самоусовершенствования', xiù shēn невозможно без zhēng xīn 'выправления души', zhēng xīn требует chéng yì 'искренности намерений', без чего, в

свою очередь, невозможно zhi zhi 'доведение до предела знаний', а последнее состоит в ge wu 'классификации объектов' (букв. 'расстановке вещей по клеточкам').

Согласно этому учению мир в Поднебесной устанавливается шаг за шагом, начиная с упорядочивания десяти тысяч вещей. Другими словами, порядок приходит не сам по себе: достижение нормативности требует усилий. Но для такого идеального устройства, провозглашаемого конфуцианцами, оказываются недостаточными социальные институты. Воспитание приходится совмещать с насильственными мерами, предлагаемыми легистами. В истории Китая tai ping zhi shi 'мирное время' могло длиться не более 300–400 лет. Его сменяет беспорядок, смута и хаос.

Хаос и беспорядок, как всякая аномалия, всегда больше занимает умы людей. Аномальные явления, выделяясь на фоне привычной обыденной жизни, дают повод для размышлений. Указание на негативные стороны человеческой деятельности помогает извлечь уроки, стимулирует прогресс. Это универсальное свойство языка подробно описано в [Арутюнова 1988: 298–314]. В словарях и текстах зафиксировано значительно больше слов и словосочетаний, содержащих как родовое понятие компонент luan по сравнению с компонентом zhi.

Можно выделить несколько областей, в которых иероглиф luan появляется в значениях словосочетаний и фразеологизмов, противопоставленных нормативным состояниям человеческой жизни и внутренним ощущений человека.

Во-первых, весьма разнообразны формы беспорядка в государственном масштабе. В двусложных сочетаниях, связанных с указанным значением, иероглиф luan употребляется в качестве второго компонента. Определения к нему указывают причину беспорядка: ran luan 'мятеж' (ran — 'предавать'), bian luan 'волнения' (bian — 'измена'), saao luan 'волнения' (saao — 'необузданность'). Упорядоченность предполагает только сочетание ping luan 'усмирить' (ping — 'успокоить').

Во-вторых, имеются бытовые сочетания jiao luan 'перепутанный, запутанный', dao luan 'скандалить', gao luan 'нарушить, расстроить, дезорганизовать', которые не предполагают противопоставленных значений. В сочетании luan tao 'ставить с ног на голову' ('сделать так, чтобы порядок стал беспорядком') luan выполняет глагольную функцию, а в сочетании chu luanzi 'случилось несчастье, беда' иероглиф luan употребляется как существительное.

Частотным выражением luan qi-ba zao 'неразбериха, кавардак' (zao — 'испорченный') и zaluan wu zhang 'бессистемно; в

беспорядке' противопоставлены выражения *you tiao you li* 'в полном порядке; систематично' или *you tiao bu wen* 'организованно, толково, складно'. В этой паре основную смысловую нагрузку несут слова *li* 'приводить в порядок' и *bu wen* 'отсутствие беспорядка'.

Поскольку ситуация *luan* легко приобретает внешний облик или сопровождается звуковым аккомпанементом, имеется достаточно большое количество удвоений-звукоподражаний. Приведем лишь самые употребительные из них: *luan hong-hong* 'шум и гам' ('суматоха'), *luan peng-peng* 'растрепанный, взъерошенный, лохматый', *luan teng-teng* 'суматоха связанная с многочисленностью людей', *luan fen-fen* 'беспорядочная толпа'.

В-третьих, беспорядок может вызываться несдержанностью речи, поведения или неконтролируемостью действия. Приведем примеры такого рода: *luan yan luan yu* 'болтать всякую ерунду', *luan shuo* 'молоть чушь', *luan lai* 'безобразничать', *luan chi* 'есть все без разбора', *luan chu zhuyi* 'давать безответственные советы', *tian hua luan zhui* 'приукрашивать до невозможности', *hu si luan xiang* 'предаваться праздным мечтаниям', *shou man jiao luan* 'суетиться, суматошничать'. Выражение *pong luan* 'устраивать беспорядок' употребляется в контексте упрека (*long* — каузативный глагол со значением 'сделать так, чтобы...').

В-четвертых, *luan* входит в выражения, обозначающие душевное беспокойство, связанное с любой неприятностью. Например, *xin huang yi luan* 'очень тревожно на душе; полная сумятица', 'быть в полном смятении', *xin luan ru ma* 'кошки скребут на душе; мысли путаются в голове' (букв. 'в сердце беспорядок, как [спутанная] конопля'), *huang luan shi suo* 'быть охваченным паникой' (букв. 'от паники прийти в растерянность').

Этим проявлениям эмоций противопоставлен целый ряд выражений, связанных с контролем над чувствами, недопущения внутреннего состояния *luan*. Например, *tai ran zi ruo* 'оставаться абсолютно спокойным', *bu dong sheng se* 'не подавать вида; не выражать своего беспокойства'.

В-пятых, понятие *luan* связано с беспорядочным нравом, нарушением этических норм. Например, *luan su shang feng* 'моральная распущенность', *you yin you luan* 'разврат и блуд', *luan lun* 'кровосмешение'.

В-шестых, *luan* передает значение замутнения сознания в связи с болезнью или шоком. К этой серии относится фразеологизм *shen zhi mi luan* 'сознание помутилось'.

В-седьмых, *luan* предполагает разрушительные действия, приводящие к подмене истинного ложным. Это происходит во фразео-

логизме *yì jiā luan zhēn* 'подмена истинного ложным' (букв. 'ложью смутить истину').

Отрицательная коннотация, которую несет в себе понятие *luan*, используется мастерами пера для изображения пышности (*mǐ mǎn*), бурности (*fēn fān*), пестроты (*bīn fēn*) цветения в природе. В поэтических строфах великих поэтов-классиков можно найти немало случаев подобного использования, создающих особенный эстетический эффект. Приведем несколько примеров «художественной беспорядочности» такого рода.

Luan hua jian yu mǐ rén yǎn

Бурные цветы уже почти довели
мои глаза до кружения

Qīn cǎo cǎi néng mēi mǎ tí

Низкая трава едва прикрывает
следы лошадиных копыт

(Бо Цзюйи).

Zhū ān bù tóng rì

В темной бамбуковой рощи едва
виден луч солнца

Quán shēn luò rú yǔ

Ручей падает, как дождь

Chūn fēng zì yǒu qí

Весенний ветер знает свое время

Táo lì luan shēn yǒu

Цветы персика и сливы пышно
играют в глубокой долине.

[Антология 1996]

Последний стих написан знаменитым сунским поэтом Су Дун-по в монастыре на берегу знаменитого озера Сиху.

ЛИТЕРАТУРА

Антология 1996 — Антология китайской поэзии. М., 1996. Т. 3.

Арутюнова 1988 — Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М., 1988.

БИС — *Hanyu da zi dian* (Большой иероглифический словарь китайского языка). Ухань, 1995.

БС — *Hanyu da ci dian* (Большой словарь китайского языка). Шанхай, 1996.

ССКЯ — *Xiandai Hanyu ci dian xiuding ben* (Словарь современного китайского языка, испр. изд.). Пекин, 1996.

В. П. ГРИГОРЬЕВ

ОБРАЗЫ ПОРЯДКА И БЕСПОРЯДКА У В. ХЛЕБНИКОВА

[— Главное, на Ваш взгляд, событие
мировой литературы этого столетия?]
— Может быть, Велимир Хлебников?

М. Л. Гаспаров
(1998; см. [Велимир 2000: 5])

В последние годы внимание исследователей неоднократно привлекала, так сказать, музыкальная ипостась идиостиля Хлебникова. Обычно речь идет об отдельных его текстах, к которым все чаще и очень по-разному обращаются композиторы, или идеях Будетлянина, в которых ощутимы явные переклички с установками музыкального авангарда в XX веке (см., например, статьи Е. Стаховой, В. А. Адаменко, Г. П. Овсянкиной, В. Матвеевой, М. Ш. Бонфельд, К. А. Жабинского, В. Петрова, Т. П. Самсоновой, А. Свиридовой в сб. [Поэтический мир 1992; Велимир 1998; Велимир 2000]). В значительно меньшей степени музыковедов интересует то, что сам поэт назвал «великим скрябинским началом», т. е. взаимодействие «созвучий» и «раззвучий» *и за пределами* области музыки как таковой (см. незаурядную докт. дисс. [Гервер 2001]). Между тем, однажды влившись в ряды велимироведов, мы, возможно, и не сознавая этого, как бы фатально, но все же обязуемся не ограничивать себя горизонтами узкопрофессиональных знаний, умений, интересов и т. д., а непременно (хотя, конечно же, не безоглядно) учесть и как-то осмысливать самые глубокие уровни хлебниковского *идеостила* (если вообще есть смысл в этом понятии при углубленно-широком понимании *идеостила*).

То, что поэтика и эстетика Хлебникова связаны особой мерой порядка и беспорядка с его пресловутыми «утопиями» — в онтологии, гносеологии или социологии, в его «воображаемой филологии», «воображаемой истории», а если угодно, «воображаемой логике» и даже этике и морали нового поэта, воплощенной, по Тынянову [Хлебников 1928–1933 1: 30], в его методах, — сегодня

кажется общепринятым. Недостает «всего только» непредвзятого осмысления оставленных нам Будетлянином утомительного множества «утопем» и связей между ними [Григорьев 2000: 546–547, 800].

Перенос представлений о созвучиях и раззвучиях на мироздание в целом был, видимо, первым шагом Хлебникова на пути от его более известной, но в принципе одномерной формулы 365 ± 48 и полумифологической основы его ранней влюбленности в «чет и нечет» к «двойкам» и «тройкам» (и «игре мировой» их степенями), в совокупности, своими волнами, определяющими обнаруженный поэтом, как ему казалось, «новый порядок» в мироздании. К космогоническим мифам с их асимметрией между Космосом и Хаосом этот «порядок» имеет лишь косвенное отношение. Да, космологию Хлебникова характеризует *числовая мера*, однако это уже совсем не та «нумерология», о которой толковые словари говорят как об «учении, основанном на вере в сверхъестественное влияние на судьбу человека, страны и т. п. определенных чисел, цифр» (любопытно, что «нумеролог» определяется при этом как «специалист в области нумерологии»; рядом со «специалистом по нумизматике» [Большой толковый словарь 1998: 660]). Это — частность. Печально другое: господствующий — скоро уже столетие — заведомый, но оставляемый без аргументов и опыта проверок мертвенный скепсис ряда наших элитариев в отношении важнейшего дела жизни великого поэта, великого «разбойника», нащупывавшего и, возможно, нащупавшего этот самый «новый порядок».

Даже выглядевший «блестящим» успех — предсказание еще в 1912 г. «крушения государства» в 1917-м — не убедил ни самого Будетлянина, ни тем более «ученые круги» [Творения: 37] в достаточности или простой адекватности первоначальной формулы 365 ± 48 . Попытки поэта проверить ее фактами сражений мировой войны, по сути, дали отрицательный результат. Он же обнаружился при опытах ее применения уже не к социальным, а к биологическим объектам. Оставалось или смириться, или продолжать поиск формулы, которая отвечала бы глобальным закономерностям мироздания, «яровчатых солнечных гусель», и найти «основную мелкую ячейку времени и всю сеть», как Хлебников писал позднее, в 1921 г., по-прежнему сопрягая образы из музыки и космологии [Творения: 133; ср. 671].

Эстетически поддерживать эти поиски тайны «единого» продолжали избранные, давно любимые поэтом образы из мифологии. Как правило, он подвергал их значительным метаморфозам и изначально погружал в свои собственные мифо- и словотворческие поля [Григорьев 1986; Перцова 1995; 2000]. В длиннейшем

ряду таких персонажей, как различного рода Голоса, *Снежимочка*, *Вселеннichi* и *Ховун*, *Времыня*, *Леший-бух* и *Черт(ик)*, *Геракл*, *Гера* и *Сфинксы*, *Перун* и *Идзанами*, *Смеярышня*, (*Шаман* и) *Венера*, *Мавка*, *Вила*, *Лешак* и *Русалка*, *каменная баба* — *дева степей*, *Барышня Смерть* и т. д., от родных олицетворений *Ветра*, *Леля*, *Лады*, *Числобога* и *Ляли до Вишну*, древнеегипетского *Ка* и *Ка* из *Азбуки*, *Эля*, *Ункулункулу*, таинственных *Учителя*, *Старшего* и *Старика*, от ранних до позднейших *могачей* и т. д., — в этом ряду всегда остается место авторскому «Я» и двойникам Будетлянина — сначала носителям юношеского, но уже противостоящего мифам Разума, а затем все более и более умудренным *солнце-* и *судьболовам*, *небопёкам*, пропагандистам «разума мирового», охватывающего Вселенную, ее природу, человеческую историю и культуру, и к исходу 1920 г. устало, но «с чувством законной гордости» отраженного поэтом в «основном законе времени».

Разум (и, уж конечно, прямолинейный рассудок), по Хлебникову, не должен просто противостоять мифопоэтическому. Подобно мере и вере в его модели мира, как *corpus* и *anima*, как полушария мозга у человека, они дополняют друг друга, сотрудничают, будучи взаимно заинтересованными оппонентами. Отсюда те многочисленные пары «единых» хлебниковских персонажей, отношения между которыми охватывают и элементарные «гендерные» различия (*И* и *Э*, *Дети Выдры* (*Сын* и *Дочь*)), и контрасты характеров (*Иван* и *Борис* в поэме «*Сельская дружба*»), и социальные иерархии (*Жрец* и *Рабыня* в поэме «*Гибель Атлантиды*» или *Баба* и *Барыня* в поэме «*Ночь перед Советами*»), и жгучие, политически актуальные векторы (образы автора и *Ленина* в поэме «*Ночь в окопе*» или кровавый конфликт моряков с семьей «белых» в поэме «*Ночной обыск*»), и экзистенциальные связи между *Жизнью* и *Смертью* (ср. образы *Вилы* и *Мавы*), и оппозицию с переосмыслением *Апокалипсиса*: *Зверь* / *Число* [*Творения: 100, 666 (!)*].

В поэме «*Поэт*» (1919) была сделана попытка «расщепить единое» образами поэта, *Русалки* и *Богоматери*. Поэт не только не отвергает своим разумом страстный монолог *Русалки*, а также с полным сочувствием представленный здесь образ *Богоматери*, этой «нищенки», чей «нездешний лик, / Как небо синее, велик», но и вновь объединяет себя и обеих «изгнанниц» заключительными словами о «призраке ночной семьи». Это было собственно образное решение — рациональное поэт найдет лишь в конце 1920 г. Порядок творческого взаимодействия поэта-*меродателя* с верованиями разного рода сохранится и позже, даже в стиле последних материалов к «*Доскам судьбы*».

Другая попытка — это образы Горя и Смеха в одноименной поэме (1920), которая позднее вошла в свержповесть «Зангези» (1920–1922), но тоже напрямую еще не предвещала ту «сетку из чисел», которую Хлебников вскоре «набросил на мир», даже как будто сожалея, что в итоге его открытия (и/или по самой числовой природе нашего мира?) «стал наш ум еще более сир!» [Творения: 496; ср. 209]. Эту нотку необходимо как-то объяснить.

Дело, видимо, в том, что, когда наконец «закон» был найден и «новый порядок» в мире установлен, на первый план вышла исконная оппозиция детерминизм / свобода воли. «Могут спросить, — замечает поэт в рукописи, — что это? Сдача року? Опуск [так] знамени человека? Отнюдь нет. Посмотрим взаимные [?] силы [?]. Отнюдь нет, — повторяет он. — Измерим противников» (см. [Григорьев 2000: 150]; запись была опубликована еще в 1983 г.). Сил на то, чтобы самому «измерить противников», уточнить, а при явной необходимости и скорректировать уже зафиксированные новейшими «двойками» и «тройками» порядок, закон и множество уравнений и формул, у поэта не оставалось. Силы же, понятно, требовались огромные.

Их не нашлось ни у кого до сих пор. И это заставляет внимательно отнестись к необыкновенному спектру «аномалий» в жизни, творчестве и судьбе наследия поэта. Ограничимся здесь перечислением некоторых из них. Оно не претендует на построение типологии «ошибок Хлебникова» и типологии их взаимосвязанных расхожих оценок. Нам придется при этом обойтись без перспективной, вообще говоря, апелляции к введенному им в 1921 г. «принципу единой левизны» (новизны; см. о нем [Григорьев 2000: 798]). Но элементы иронии в несобственно-авторской речи, спровоцированные высокомерием тех элитариев-иронистов, что все еще мимоходом и небрежно прикасаются к поэту («не трожьте музыку руками»), может быть, послужат и важному делу построения серьезных типологий во всем хронотопе российского авангарда.

- ♦ При жизни поэта не было издано ни одного сборника его стихотворных произведений, который бы подготовил к печати он сам. Сб. «Крыса» [Vroon 1989] отчетливо демонстрирует вопиющую ненормативность Будетлянина в этом смысле (А разве не сам он в ней виноват? Пеняй на себя!).
- ♦ Кто ж не знает, что он до конца своих дней оставался взрослым ребенком, наивным и неприспособленным к жизни чудачком, если не сумасшедшим графоманом, так что, при всей снисходительности окружающих, да уже и наших современников,

относиться к нему как нормальному, не «сорвавшемуся с облака» человеку — значило бы для нас объединиться с каким-то (допустим, по-своему гениальным) поручиком, который один идет в ногу со временем и воображает, что чуть ли не впереди него? (Вот Пастернак правильно «упал с облаков». То-то Хлебников своевременно оказался для него «чужим». Какой он Будетлянин... — *былянин он, прошлец!*).

- ♦ Нам всё внушают, что мы еще не доросли до Председателя Земного шара, что даже спародировать его стиль никто не в состоянии. Не приходит вам в голову, что образ автора у Д. А. Пригова — неосознанная, но беспощадная пародия на «оригинал» в образе *Предземшара*? (см. [Левин 2001]. — В. Г.).
- ♦ Ну, издавайте его, очевидного маргинала, для кучки любителей и чудаков. Провидец? Пролагатель новых путей в искусстве мысли и слова? Да полно вам! Кто сегодня всерьез наследует ему? Давным-давно заросли эти его «пути». Парижские студенты в 1968 г. своим умом дошли до лозунга «Будьте реалистами — требуйте невозможного!». Вот о них в Прессклубе на ТВ нынче и вспоминают, и то полуиронически. А о заклинании юного Хлебникова «Хоти невозможного!» никто знать не хочет, и это не случайно — естественно и нормально.
- ♦ Бессребреник? Борец с «прибоем рынка» и «замками мирового торга»? Но «всему же есть предел, братцы!». *Равнебен* ему подавай, богохульнику... Воистину, «Безумью барщина / И тарабарщина» — правильно отшил народ этого Зангези. «Сырье, настоящее сырье его проповедь <...>. Довольно неба! Грянь „камаринскую“! <...>. Толпа хочет веселого. Что поделаешь — время послеобеденное» [Творения: 487].
- ♦ Что уж говорить о неясной, просто непостижимой сложности его языка? И это непорядок: «обыкновенный язык не годится», видите ли, такому новатору. Даже Маяковскому годился, Набокову и Бродскому годился, вот и уважаемому лауреату Пригову годится. Так к чему все эти сложности? Не ими ли «великий неудачник» (по Тынянову) обрек на «паранаучность» (О. А. Седакова) свою работу не только с языком, но и со всем миром?
- ♦ А чудовищные неправильности этого нового языка? Вместо правильной и привычной, культурной и мелодической стихотворной речи Блока и даже Цветаевой, перед нами поток какого-то астраханского просторечия, дикая акцентология, невообразимый произвол в морфологии и синтаксисе. А уж эта полнейшая непредсказуемость бессвязных семантических шатаний у нашего беззаконника и «звукоеда», кажется, презираю-

щего самое форму, выношенные веками эстетику, поэтику, жанры, метры, ритмы? Но он же не ветер, не орел, разве что сердце у него девичье. Хаос вместо Космоса, агрессивный беспорядок, дисгармония. Так ли уж много исключений?

- ♦ Почитайте-ка его «терцины». Ведь и Лозинскому, и самому Данте впору перевернуться в своих могилах. А попробуйте представить, как бы мог выглядеть у него, скажем, «творянинский» венок сонетов. У, верлибрист!
- ♦ И нечего было руководствоваться принципом non-finito, смущая к тому же добрых людей своим удручающим «и т. д.». Хотя бы учился как следует у Вяч. Иванова и Кузмина. Архив-то «завел», а таскал его в наволочке, и вот попробуй разберись теперь в нем, в этой куче и каше рукописей.

И в самом деле. Сквозь тот относительный порядок в расположении и взаимодействии отдельных частей («плоскостей») сверхповести «Зангези», которого удалось достичь автору, вынужденному неимоверно торопиться перед самой сдачей ее текста в печать, проглядывает и нечто другое — если не хаотический, то как бы импульсивный характер его сборки, «решения». На вхождение в «Зангези» претендовали десятки прецедентных текстов автора. Логика, которая определила реальное «решение», слишком обременена внешними для сюжета и композиции обстоятельствами. Идеология вещи, может быть, от этого не так уж пострадала, но эстетический беспорядок (длинноты и несбалансированная загадочность связей между отдельными фрагментами, прямолинейная, жестко публицистическая злободневность финала в трудном для читательского и зрительского восприятия контрапункте с выдержанными в высоком эпическом ключе начальными «плоскостями» и т. д.) — сказался и на ясности без того достаточно сложной вещи, и на уровне необходимых поэту доверия и внимания общества к тем истинам (?), которые он ему предлагает.

Все-таки в «Зангези» разыгрывается не столько бытовая, сколько мистерияльная драма — Жизни и Смерти. Столкновение их «порядков», оставшееся без метафизического разрешения, неиронической концовки и полноценного катарсиса, устремляет читателя, зрителя и исследователя к законам жизнестойкости, бытия и небытия вообще, к метабиозу в пионерской работе поэта, а в позднейшем творчестве — к мистерии «Взлом Вселенной» (с глобальным порядком ее «экологии»; о «бабочке Хлебникова–Брэдбери» см. [Григорьев 2000: 79 и др.]) и блестящим фрагментам из, увы, лишь полуобработанных автором «Досок судьбы».

«Искать оправдание смертям», как выражался поэт [Хлебников 1922: 4], он начал со времен русско-японской войны. Странные речи Спутника в пьесе «Маркиза Дэзес» (1909, 1911), кажется, впервые у Хлебникова драматично и развернуто сопоставляют словесные образы Меры и Смерти:

Бог от «смерти» и бог от «смерьте»!

Это отнюдь не каламбур (по комментарию к изданию [Творения: 413, 412, 689], здесь «сквозной каламбур пьесы»). Ранее, в другой реплике, Спутник — своеобразный alter ego автора — в отчаянии от того, что в окружающем его мире, пусть это только смахивающий на пародию мир благовоспитанного и вроде бы нормального журнала «Аполлон», торжествует не та занимающая поэта с начала русско-японской войны «новая Мера» в отношении к Року, а Смерть (надо помнить, что в словоформе «смерьте» присутствовал «ять»):

Не «ять» и «е», а «е» и «и»!

В поэме «Гибель Атлантиды» (1912) мудрый Жрец, уже создающий, что он — «законов неба пленник» (их, законов, неизвестных ему, он станет скорой сюжетной жертвой), такой же «звездный раб», как и весь человеческий род, стремится к «престолу мироздания» и возлагает надежды на рост «уважения к числу». Спутник в «Маркизе Дэзес» еще только мечтал «стать божеством». Здесь Жрец присваивает себе функции богов («„Мы боги“, — мрачно жрец сказал» — так начинается поэма) и закалывает Рабыню, в его глазах, не более чем «полоумную святотатку» (она посмела заявить Жрецу: «Ты и я — мы оба равны: Две священной единицы / Мы враждующие части, / Две враждующие дроби / <...> / Берем жезл и правим обе»). Но это частное, заурядное убийство оказывается нарушением каких-то законов Космоса, задевает его где-то на уровне «созвездья Водолея». Жреца (и его социум) настигает кара за то, что «тайна жизни им погублена». Дразнившая Жреца, забытая всеми живыми Рабыня оборачивается страшной «богиней мщения», пред которым сама «чума есть только грош», — и вот уже на глазах Прохожего (!), т.е. в воображении поэта, «тонет, гибнет старый град!» [Творения: 216–221; ср. Markov 1962: 89–96].

«Углублять закон возмездий» Хлебников будет стремиться до последних дней своей жизни. Но не только этот важный, но частный закон. В том же 1912 г. один из верлибров замахивается на общий «закон качелей». Метафора «законов неба» раскрывается поэтом на всех ярусах мироздания, вплоть до микромира и собст-

венного быта, насущный хлеб которого немислим в его творчестве без соли «неба и этих облаков» [Творения: 83, 664]. Едва ли не глубже всех из самых внимательных современников Будетлянина его «соль» почувствовал (по нашему предположению) Осип Мандельштам в таких ничем не примечательных, на чуть недостаточно внимательный к особо значимым отношениям Хлебников — Мандельштам взгляд, мимолежных строчках:

Кому зима — арак и пунш голубоглазый,
Кому душистое с корицею вино,
Кому жестоких звезд соленые приказы
В избушку дымную перенести дано.

Начальной строфой этого стихотворения (1922) Мандельштам, видимо, впервые откликнулся в стихах на свои беседы с Хлебниковым в Москве весной 1922 г. Во всяком случае сугубое сгущение из «жестоких звезд», «соленых приказов» и плана Митурича увезти Хлебникова в «избушку дымную» (в Санталово на Новгородчине), как кажется, представляет собой намек на Будетлянина, а именно на его поиски Космоса, особость его глубинной «семантической поэтики», его настойчивую работу над «Досками судьбы» и «Зангези» (включая «звездный язык») в последние месяцы жизни [Григорьев 2000, по указателям; 2002a]. Заметим, что в своем известном и поучительном описании-очерке идиостилия Мандельштама М. Л. Гаспаров [1993: 55] нашел для интерпретации слов «жестоких звезд соленые приказы» широкую дилемму: «(кантовский императив или современная эмблема?)». Можно вспомнить, что Хлебников был, по его собственному признанию, и ярким противником Канта. Но модальность наших предположений все равно остается неопределенной (ср. образ Хлебникова у позднего Мандельштама, начиная с «Ламарка» и особенно — с «Восьмистиший» [Григорьев 2002b]).

«Уважение к числу» — это основа всех поисков Хлебниковым порядка в мироздании, жизни и искусстве. С самого начала он резко восстает и против безоглядного превознесения неупорядоченной «свободы воли» (как в той же «Гибели Атлантиды»), и против тех «учителей и пророков», что учили нас «молиться, о необходимом говоря роке» (как в поэме «Журавль», 1909, 1911, где, во впечатляющей имажинативной логике автора, «свершился переворот. Жизнь уступила власть / Союзу трупа и вещи»). Беспорядок — это торжество апокалиптической смерти вследствие того, что человек XX века «расплескал безумно разум» и, прибегая к современному языку, предался «вещизму».

Оставаясь убежденным противником «вещизма» в жизни, Хлебников не отвлекался более на борьбу с ним в поэзии. Образы Смерти, напротив, заняли и в его последующем творчестве очень значительное место. Можно сказать, что чисто словесную победу над смертью он одержал, например, в 1915 г. в такой пьесе, как «Ошибка Смерти», но известны и его неудовлетворенность этой пьесой, и продолжавшиеся им попытки посадить Судьбу (и Войну) в мышеловку, противопоставить «копьям рока» разные версии «закона времени». В 1922 г. он свяжет образы Смерти (скажем, «тушу», «труп», «труну» и «трение») с глухим *Тэ* (*Та*) как единицей «звездного языка» (попытка, почти не ощутимая в «Зангези») и с «абсолютно простым числом» *три*, противопоставив их соответственно такому же числу *два* — символу Жизни, «духа», «движения» и т. д. и *Дэ* [Творения: 179]. Упорядочить Смерть поэту «удалось» лишь в остроумной, но мало известной и полуавтоиронической пьесе «Смерть будущего» (1921) [Хлебников 1928–1933 3: 100–101].

В плоскости X «Зангези» [Творения: 484–485] автор, переходя (после «плоскости мысли IX») «из владений ума в замок „Могу“», «будит спящих богов речи» и находит новые конкретные имена для давно освоенной общей оппозиции «вера/мера», которую ранее образно отразило и стихотворение «Единая книга» (1920). Теперь боги улетают, испуганные мощью «тысячи голосов». Многие из слушателей Зангези — новообращаемых адептов новой веры, эти еще не уверенные в себе *моги*, сомневаются: «К худу или добру?» Плоскости XVIII–XX в «Зангези» как бы снимают этот вопрос: мир и его предполагаемая гармония (а она неотделима от дисгармонии) волнообразны. Мир — это единство волн «двоек» и «троек» (см. статьи ВОЛНА и ВОЙНА в кн.: [Словарь 2001]). Он упорядочен — «беспорядок» вносят в него сами люди, в хлебниковской неологии это те самые *нехотли*, которые не умеют и не желают хотеть: ни чтобы самим познавать законы Космоса и Хаоса, ни чтобы хоть услышать и перепроверить идеи и образы Пота-мыслителя.

(Любопытен такой свежий факт. Он не требует комментариев, поэтому ограничимся краткой цитатой как свидетельством дискриминации «Зангези» в современной журналистике: «появление нового сильного *мога* (образ взят из известного романа Александра Секацкого) ведет к приросту могущества в целом» [Славникова 2001: 176]. Не знаю, дискриминировал ли Хлебникова и сам А. Секацкий, но в коллективной памяти журнала «Знамя», очевидно, не нашлось осмысленных следов знакомства даже с поэмой «Уструг Разина», ее строчкой о *боге-моге*, дополнительно

навеянной так называемыми парными словами, частыми в ряде восточных языков, но известными и русскому. В то же время поставить в один ряд *боги-моги* и *вера/мера* [Иванов 1986: 393] едва ли корректно: вера в меру возникла у поэта задолго до «звездного языка».)

В центральных VII–IX и XII плоскостях «Зангези» взаимодействуют четыре особенных персонажа. Это *Гэ*, *Ка*, *Эль* и *Эр*. Они появляются как образы знакомой всем современности, предвзятой, в порядке иллюстративной социальной дополнительности и значимости самой идеи «звездного языка», подробную демонстрацию общего закона мироздания. Согласно же «Доскам судьбы», это и есть «основной закон времени» (см. также плоскость XX «Горе и смех» во всей полноте ее образов). Так шесть парных отношений между названными героями-консонантами по-своему и независимо от позже появляющихся в тексте образов двух волн, но не в противоречии с ними, рисуют картину отношений Космоса и Хаоса пока еще только на избранном материале Азбуки «звездного языка».

В социальной сфере хлебниковский *Эль* противостоит каждому из трех остальных героев (см., в частности, [Григорьев 2000, по указателям]). Он как бы символизирует искомую поэтом гармонию в общественном устройстве. С *Элем* естественно связаны образы лада, ладов, Ладомира, любви и ладьи (см. стихотворение «Слово о *Эль*», 1920). *Ка* во многом его антипод, это — символ социального хаоса, застоя, стагнации, инерции, изжившего себя «порядка», разных ретроградных установлений, охранительного юридического закона, консерватизма, оков. В узком смысле *Гэ* выступает здесь тоже как символ застарелой верховной власти, прогнившего государства (но <Г>*лаум* и *Гоум* вполне отвечают идеалам поэта). Наконец, имени *Эр* в «Зангези» отводится роль символа революции и оружия, знака «народного ропота», стихии, «бога руха», вдруг оказавшегося «в руках *Эля*» и работающего на него (не совсем так, как хотелось бы поэту или как Хаос на Космос в будущей синергетике).

В космическом измерении ситуация в отношении *Ка* меняется принципиально. Закону 1, юридическим «оковам», сопоставлен и противопоставлен Закон 2, т. е. закон, который невозможно нарушить, поскольку это он лежит в основе мироздания. Он не придуман, не выдуман людьми, а «всего только» открыт, наконец-то, по убеждению поэта, обнаружен им [Хлебников 1922: 6 = Хлебников 1972: 474]). «Раздвоение *Ка*» особенно наглядно в поэме «Синие оковы» (1922; с ее «беловым автографом» автор несомнен-

но еще бы поработал). Олицетворяют Закон 1 *Ка... Ка... Ка* («Так много их», — здесь же замечает поэт [Творения: 371]) и персонально Колчак, Корнилов и Каледин (далее особо отмечен их «против течения страшный ход»).

Чуть выше им сопоставлены строки с образами недавних родового и околоточных (отметим их ненавязчивые связи со словами *кол* и *колотить*; не мешает вспомнить также о «милицианере» и нынешних охранителях):

Свисток в ушах, ведь пишется живое слово,
А с этим ссорится закон <...>.

Ясно, что за «живым словом» здесь стоит прежде всего не его эстетическая ипостась, не поэтический язык Хлебникова как таковой, а именно пропаганда «основного закона времени» — отражения Закона 2. Чуть ниже следуют образы *людведей* (< медведи), *кололов-оковоловов* (по контексту, видимо, бывших закоренелых школьных двоечников) и Ругила, дяди Аттилы. И тут же Хлебников переходит к иному *Ка*, «оковам» принципиально иного уровня:

И все же мы не замечали
Другие синие оковы,
Такие радостные всем.

Они «грозили карою тому, / Кто не прочтет их звездных рун», их «небесной глаголицы», оставит без внимания это «судебников письмо», этот «законов синих свод».

А между тем миры вращались
Кругом возвышенного *Ка*.

По-другому Хлебников называет его здесь «небесным колом», а в «Досках судьбы» и множестве рукописей имеет в виду, говоря об «основном законе времени». Ранее к такому значению *Ка* поэт близко подводил важные для него и многочисленные употребления слова *ось*. Теперь старое словосочетание *мира оси* дополняется *осями событий* и не просто новой формулировкой давнего убеждения в том, что «проволака мира — число» [Творения: 493], но и демонстрацией того, как эти события «играют», как за внешним Хаосом мы можем обнаружить конкретные проявления декларируемого в «Зангези» и поэме «Синие оковы» «основного закона времени» и открываемого им неизвестного ранее порядка в мироздании — «главных осей» *Миромаха*.

Новую гармонию Хлебникова, как и новую физику Эйнштейна и Бора (по словам Ландау), «надо выстрадать и пережить»

(цит. по: [Мих. Левин 1995: 380]). Выстрадать-то ее мы, пожалуй, уже выстрадали. Но с глаголом *пережить* (во всех его значениях) подобная конструкция применительно к Хлебникову выглядела бы чуть ли не насмешкой над ним. То взаимодействие порядка и беспорядка, которое обнаруживает процесс нашего элементарного вживания в его творчество, обусловлено многими факторами. Среди них надо упомянуть объективную сложность идиостиля поэта и его «языковой личности»; разгром (не говоря уж о внутреннем кризисе) ОПОЯЗа и далеко разошедшиеся векторы в последующей деятельности Тынянова, Якобсона и Шкловского, установках их учеников и последователей; устойчивость мифов о Хлебникове как следствие сосуществования в нашей культуре не менее чем двух филологий и слабого развития (чтобы не сказать: полного отсутствия) у нас критики и самокритики филологии как целого при ее обращениях к художественным текстам; более того: неощутимость самой потребности в единой филологической методологии [Григорьев 2001: 150].

* * *

Мы обратились здесь — конечно, лишь в предварительном приближении — к некоторым явлениям порядка и беспорядка не только в модели мира у Хлебникова, но и в его текстах. Обсуждение этих проблем очень важно для понимания несомненной, но не совсем ясной по своей природе сложности его идиостиля. «И то не ложь — и это истина!» — эта строчка из стихотворения «Я и ты» (1920?) [Хлебников 1928–1933 3: 115] слабо доносит до нас накал колебаний поэта на его пути к «двойкам» и «тройкам» и, пусть несколько неожиданно, вслед за «берегом озера» и «озером берега» в стихотворении «Времыши-камыши» (1908), обращает велимироведов к идеям Нильса Бора [Мигдал 1990: 15; Григорьев 2000: 48, 518 и др.], новейшим обсуждениям синергетических проблем, некоторым работам (жаль, разминувшегося с *Вехой* — Хлебниковым) Лотмана [Лотман 1994 и др.; ср. Григорьев 2000: 485, 476, 20]. Ее можно было бы вынести и в эпиграф к этим нашим заметкам.

Ю. Н. Тынянов писал: «случайное стало для Хлебникова главным элементом искусства» [Хлебников 1928–1933 1: 25]. Пожалуй, это — сильное преувеличение. Но как нам поправить великого велимироведа (и самих себя), обходя споры о «главном» у неклассического поэта и *умночего*, ученого, *Главздрасмысла* [Григорьев 1998: 126–172; 2000: 17–53] и/или человека, может,

больше похожего на Нострадамуса, часто ошибавшегося, но все же сумевшего опережать и науку нашего времени [Иванов 1986: 389 и др.]?

Провозглашение Хлебниковым «великого скрябинского начала» — одно из важных свидетельств того, что внимание поэта, его одаренность, «осады» и *память сердца* направлялись на мир как «Всё». В этом мире что-то «одно», будь это даже бездонный образ «1/Я» [Творения: 79], непременно, *ubique et semper*, предполагает «другое» (и других), так что Космос и Хаос предстают как «нечто цельно-единое», как «те сущности, которые во всей их полноте уже не могут быть раскрыты в пределах только науки и с помощью только научных методологий» [Топоров 1994: 338].

В свои неполные 19 лет Хлебников уже «замахнулся» на Судьбу как то представление, с которым связаны многие и существенные наши неурядицы. Тем самым он определил дальнейший «порядок» своей собственной судьбы, «порядок» очень строгий, кажущийся непредсказуемым «беспорядком» лишь стороннему, не слишком заинтересованному наблюдателю. «Замахнувшись» на Судьбу, начинающий поэт быстро обнаружил, что за этой мифологемой по существу скрывается и история, и природа, т. е. некое «Всё» — единство всего мироздания и его многообразных законов. Первоначальный импульс, в основном этический «замах» в 10-е годы естественно перерос в упорядоченную программу систематических «осад» этого Всего.

Удивительно рано Хлебников понял: такую программу невозможно осуществить в условиях «чопорного дифференцирования науки и искусства» (много позднее об этом бедствии писал Тынянов). Известно, что поэт в нем временами как-то «мешал» мыслителю и ученому, но важнее уяснить, какой же была гармония трех его ипостасей, чтобы с конца 1920 г. он уже начал пожинать целостные плоды своей программы, «наведя порядок» во Всём. Вот о ком можно сказать, что у него было «всё в порядке». О нас — нельзя.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь 1998 — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Велимир 1998 — Велимир Хлебников и художественный авангард XX века. VI Междунар. Хлебниковские чтения. Астрахань, 1998.

Велимир 2000 — Велимир Хлебников и мировая художественная культура на рубеже тысячелетий. VII Междунар. Хлебниковские чтения. Астрахань, 2000.

- Гаспаров 1995 — *Гаспаров М. Л.* Поэт и культура: Три поэтики Осипа Мандельштама // *De Visu*. 1993. № 10 (11). То же: *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. М., 1995.
- Гервер 2001 — *Гервер Л. Л.* Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). М., 2001.
- Григорьев 1986 — *Григорьев В. П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986 (кн. вошла и в состав издания [Григорьев 2000]).
- Григорьев 1998 — *Григорьев В. П.* Велимир Хлебников [Портрет] // *НЛО*. 1998. № 6 (34).
- Григорьев 2000 — *Григорьев В. П.* Будетлянин. М., 2000.
- Григорьев 2001 — *Григорьев В. П.* В защиту Будетлянина (Оппонирую О. А. Седаковой и «Миру» Хлебникова) // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001.
- Григорьев 2002a — *Григорьев В. П.* Мандельштам и Хлебников, I (1922–1931) // *Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri*. Padova, 2002.
- Григорьев 2002b — *Григорьев В. П.* Об одном типе в одном из «Восьмистиший» Осипа Мандельштама // *Известия РАН. Сер. литературы и языка*. 2002. Т. 61. № 5.
- Иванов 1986 — *Иванов Вяч. Вс.* Хлебников и наука // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. М., 1986. Сб. 20. С сокр. статья вошла в изд.: *Иванов Вяч. Вс.* Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. 2: Статьи о русской литературе. М., 2000.
- Левин 2001 — *Левин Ю. И.* Пародии и «пароиды» // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001.
- Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- Мигдал 1990 — *Мигдал А. Б.* Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1.
- Мих. Левин 1995 — Михаил Львович Левин: Жизнь, воспоминания, творчество. Н.-Новгород, 1995.
- Перцова 1995 — *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; Moskau, 1995 (= Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 40).
- Перцова 2000 — *Перцова Н. Н.* Словотворчество и связанные с ним проблемы идиостиля Велимира Хлебникова: Науч. докл. ... докт. филол. наук. М., 2000.
- Поэтический мир 1992 — Поэтический мир Велимира Хлебникова. Астахань, 1992.
- Славникова 2001 — *Славникова О.* Кто кому «добренский», или Великая Китайская стена // Октябрь. 2001. № 3.
- Словарь 2001 — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1: А — Вязицый. М., 2001.

- Творения — Хлебников В. Творения. М., 1986.
- Топоров 1994 — Топоров В. Н. Вместо воспоминания // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- Хлебников 1922 — Хлебников В. Доски судьбы. Лист 1-й. [М.], 1922.
- Хлебников 1928–1933 — Хлебников В. Собрание произведений: [В 5 т.] Л., 1928–1933.
- Хлебников 1972 — Хлебников В. В. Собрание сочинений: [В 4 т. Т.] 3. München, 1972.
- Markov 1962 — Markov Vl. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Berkeley & Los Angeles, 1962 (= Univ. of California Publications in Modern Philology. Vol. 62).
- Vroon 1989 — Vroon R. Velimir Xlebnikov's *Krysa*: A Commentary. Stanford, 1989 (= Stanford Slavic Studies. Vol. 2).

ДИОНИСИЙСКИЙ АСПЕКТ ХАОСА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Задача и назначение лирики — быть
силою устроительною, благовести-
тельницай и повелительницей строя.
Ее верховный закон — гармония...

Вяч. Иванов. «О лирике»

Дионисийство Вячеслава Иванова, воспринимаемое с точки зрения вероисповедания, как отдельно взятый факт его биографии или социально-ретроспективно, вызывало неодобрение даже у неизменных почитателей его творчества. Это относится не в последнюю очередь и к хаосу — одному из существенных образов «дионисийского» комплекса представлений Иванова. Так, не кем-нибудь другим, а самим С. С. Аверинцевым было в свое время сказано: «Именно как источник мотивов для поэтического дарования Вячеслава Иванова — конкретного индивидуального дарования со всеми возможностями и границами — культ „хаоса“ выглядит явным недоразумением» [Аверинцев 1975: 170]¹.

Иначе — в общем контексте личной судьбы поэта и его творческой биографии — смотрит на дионисийство Иванова О. А. Дешарт. В своем жизнеописании творческого пути поэта, близком к жанру духовной биографии, она пишет: «Приняв и пережив Диониса как принцип новой жизни, запечатлев явления его песнями своих „Кормчих Звезд“, В. И. (Вячеслав Иванов. — А. Г.) понял, что для нас Дионис уже есть правое как... почему „дионисийский“ восторг и не координируется с вероисповеданием и находит свое место не в ряду вер и норм, а в ряду внутренних состояний и внутренних методов» [Иванов 1971–1987 1: 60. — Далее при ссылке на это издание указываем только том и стр.] Сказанное о дионисийском восторге в такой же мере относится и к выделяемому в составе «дионисийского» комплекса хаосу.

Сам Вяч. Иванов в одной из наиболее значительных своих статей «Ты Еси» (1907) принцип Диониса связывает с «природой то-

¹ Верность «истоку» — важнейшая черта личности Вяч. Иванова и его поэтического языка, о чем он сам со всей определенностью сообщает в письме к В. Брюсову: «Поистине я *semper idem* <всегда тот же>, хотя, конечно, в силу закона ...*ἡ ἀρχὴ ῥέ* <и я теку>» [Брюсов 1976: 492].

го „исступления“ или „выхождения из себя“, которое в психологическом феномене являет снятие и упразднение граней личного сознания» [3: 265].

Разумеется, что при этом нельзя не вспомнить строки поэта из его стихотворения «Палинодия», написанном 20 лет спустя (1927):

В урочный час ожив, личины полой очи
Мятежною тоской неукротимой Ночи,
Как встарь, исполнились — я слышал с неба зов:
«Покинь, служитель, храм украшенный бесов»

(сб. «Свет вечерний» [3: 553]).

Они звучат строго и покаянно по отношению к прежде бывшему опыту, проникнутому духом античных мистерий. И все же, вслед за одним из авторов, писавших о «Дионисе и прадионисийстве» Вяч. Иванова, мы вправе спросить: «Окончательно ли Вяч. Иванов „покинул храм украшенный бесов“?» [Фотиев 1988: 169].

В качестве свидетельства того, что Иванов не отказывается, но благодарно принимает драгоценные крупинки истины, которые «просияли нам в религиозном мире Эллады», вышеупомянутый автор приводит одно из итоговых стихотворений поэта в «Римском дневнике 1944 года». Оно начинается со слов: *Языков правду, христиане, Мы чтим*, а заканчивается строками:

И шепчет элевсинский колос:
«Не встанет, не истлев, зерно».

Так говорило Откровенье
Эллады набожным сынам,
И Вера нам благоговенье
Внушает к их рассветным снам

[3: 632].

О верности Вяч. Иванова некогда им открытому и религиозно углубляемому принципу² свидетельствует и сделанный им в 1935 г. творческий автоперевод на немецкий статьи «Ты Еси», получившей название «Анима». В ней автор пишет о том, что принцип Диониса «примерно совпадает с августиновым „transensus sui“», ибо «переход за крайние границы собственной им-

² О том, что «признание личности живой, безусловной, первозданной» предохраняло Иванова от опасности пантеистического истолкования дионисийства, что «новый внутренний опыт» вел к христианству, пишет и О. А. Дешарт [1: 29].

манентности означает встречу, в святейшем человеке, с Богом, как с существом абсолютно и существенно от него отличным, хотя и живущим в нем и в невыразимом слиянии теснейшим образом с ним связанным» [3: 283]³.

Хаос в составе «дионисийских» представлений Иванова поэтичен в той мере, в какой поэтичным является предмет, подлежащий поэтическому познанию⁴. О необходимости «просветить хаос» Иванов настойчиво говорил в одном из своих комментирующих докладов к поэме «Человек», представляющей собой «размышления о существе и назначении, отпадении и божественном восстановлении человека»⁵. Ср.: «Уже небольшого внутреннего опыта нужно, чтобы услышать в себе хаос и иррациональное... Как бы мы ни устраивали душевную почву... и наше внутреннее благоустройство — это только поверхность, и мы не уверены, что в момент смерти все это истает, как снежная пелена. Успеем ли мы просветить хаос?

Человек больше того, что он представляет сам себе, в нас есть и Зверь, и Хаос, и Ангел, и может быть, нечто выше»⁶.

«Дионисийский» комплекс представлений Вяч. Иванова отразился в значительном числе созданных им текстов, включая и поэтические тексты, и прозу поэта. Подобно «поэтическому» комплексу моря, выделяемому В. Н. Топоровым в достаточно обширной группе художественных текстов, которые принадлежат разным авторам⁷, «дионисийский» комплекс представлен в этих текстах Иванова с разной степенью полноты, с упоминанием Дионисова имени или без него. Ниже будут рассмотрены лишь некоторые тексты этой группы, обнаруживающие прямо

³ Ср. с установкой Иванова на содержание поэзии в предисловии к сб. «Нежная Тайна»: «Автор признается, что в долгих размышлениях о существе поэзии разучился распознавать границы священных участков: он не умеет более различать желательного и нежелательного в ней — по содержанию» [3: 7].

⁴ Из названия доклада Вяч. Иванова, комментирующего мелопоку «Человек», который был прочитан в московском Религиозно-философском обществе 30 марта 1916 г. [Шишкин 1992: 55].

⁵ Приведенный текст представляет собой тезисы одного из докладов Вяч. Иванова, сопровождавшего чтение поэмы «Человек», в записи Веры Шварсалон. Римский архив поэта [Там же].

⁶ В ст. «О „поэтическом“ комплексе моря и его психофизиологических основах» [Топоров 1995].

⁷ О том, что поэтика текста, вообще творчества действительно нуждается в освещении со стороны поэтики творения («подпространство» поэта) тот же автор пишет и в уже упоминавшейся выше статье.

выраженную или опосредованную связь с образом Л. Д. Зиновьевой-Аннибал — второй жены поэта, а также включающие образ хаоса. В основу анализа положены идеи В. Н. Топорова об «энтروпическом» пространстве поэзии и повторе как важнейшем средстве автоинтертекстуальности [Топоров 1993: 14]. Коротко остановимся на них для уяснения сути принятого в работе подхода.

«Энтропическое» пространство поэзии В. Н. Топоров определяет как своего рода теоретико-множественное произведение двух «под-пространств» — поэта и текста (творчества). Пересечение этих «под-пространств» обнаруживает присутствие в каждом из них элементов, между которыми устанавливается, возникает глубинная связь. Связь такого рода, как отмечает Топоров, характерна для архаичных традиций, где поэт, подобно жрецу, повторяет в своем творчестве то, что некогда, «в первоначальные времена» сделал демиург. С помощью жреца и поэта, таким образом, в обществе «преодолеваются энтропийные тенденции, элементы хаоса изгоняются или перерабатываются, мир космизируется вновь и вновь...» [Там же: 34]. Повторы, в особенности концептуально значимые повторы, рассматриваемые в аспекте автоинтертекстуальности, по определению В. Н. Топорова, образуют или участвуют в образовании некоего «единого и ритмически упорядоченного целого», которое можно назвать резонантным пространством [Топоров 1998: 7]. В качестве одного из случаев выражения «подобного» повтор не исключает «различного», а типология повторов может служить характеристикой поэтического языка и индивидуального стиля автора. Применительно к образу хаотического и другим элементам «дионисийского» комплекса в творчестве Вяч. Иванова повтор является важным средством обнаружения текстов соответствующего класса, а типология повторов представляет собой один из способов их анализа.

Среди текстов, включающих «дионисийский» комплекс и связанных с образом Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, в творчестве Иванова выделяются те, которые в рамках «пространственной» поэтики Топорова относятся к пространству поэта. Таким текстом, понимаемым в плане семиотическом, является прежде всего встреча Вяч. Иванова и Зиновьевой-Аннибал. Последовавшая за нею переписка тоже относится к пространству поэта и связана, соответственно, с поэтикой творения.

Встреча Вяч. Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал произошла, как пишет об этом О. Дешарт, «под знаком Диониса» в Риме в

1893 году. Для Иванова, знавшего все или почти все об античных религиях, встреча с Зиновьевой-Аннибал, не знавшей до этой встречи ничего об оргийных религиях⁸, стала «освободительным открытием нового отношения к миру, нового способа воспринимать личную и вселенскую жизнь... обретением нового принципа бытия» [1: 17] (разрядка моя. — А. Г.).

О том, что новое отношение к миру рождалось в борьбе разума и чувств, что оно сопровождалось бурей страстей и что ему предшествовал период страданий и мучительного выбора, свидетельствует уже упомянутая переписка Иванова и Зиновьевой-Аннибал⁹. Здесь приведем всего лишь два отрывка из писем Иванова, датированных 28 января и 17 февраля (по ст. стилю) 1895 г. В обоих настойчиво повторяются слова *безумство*, *страсть*, *разлука*, входящие в состав «дионисийского» комплекса представлений Иванова.

В письме от 28 января Иванов пишет: «...да, я люблю тебя — все так же нежно, все так же *страстно*... Увы „ропот буйной страсти“ смолкает далеко не всегда: временами он звучит еще назойливее, еще мятежнее!» — И несколькими строками ниже: «Я благодарю разлуку, предохраняющую меня от *безумств*...» [Иванов 1895]¹⁰.

Следующее письмо Иванова свидетельствует об усиливающейся борьбе чувств автора, под напором которых предохранительные установки разума отступают, а также содержит важные сведения о характере письма, вообще писем Зиновьевой-Аннибал: «О Лидия! Как я благодарен Тебе, за то что ты пишешь: в этом чувствуется участие любви. — Сегодняшнее письмо твое *безумно*: одну половину его диктовала *страсть* любви, другую — *страсть* ревности. И чем дороже оно мне, тем *безумнее*» (курсив мой. — А. Г.).

Трижды упоминается в этих отрывках безумие — в связи с адресатом писем, т. е. Зиновьевой-Аннибал, и по отношению к автору. В контексте *разлуку, предохраняющую меня от безумств* подчеркнута дистанцированность автора *от безумств*, сохраняющаяся благодаря разлуке. Второй контекст *Сегодняшнее письмо*

⁸ Притом, замечает далее О. А. Дешарт, что Дионис был «скрытым морфологическим принципом ее (Зиновьевой-Аннибал. — А. Г.) существа».

⁹ Довольно обширная и большей частью еще не опубликованная, эта переписка может быть названа одним из ярких эпистолярных «романов» в русской жизни и культуре конца XIX в.

¹⁰ Текст писем здесь приводятся в современной орфографии.

твое безумно дает предикат *безумно* при подлежащем *письмо*, отсылающем через притяжательное местоимение *твое* к образу Зиновьевой-Аннибал. И, наконец, в третьем контексте *И чем дороже оно мне, тем безумнее*, подчеркивающим возрастающую интенсивность чувств автора письма, как бы «снимается» различие в состоянии субъекта речи и адресата. Этому служит конструкция с отношениями тождества, сохраняющая, однако, антиномичность лексем *дороже* и *безумнее*, первая из которых больше связана со сферой субъекта речи, а вторая — *безумнее* — со сферой адресата данного письма.

Четырежды в письмах употреблены слова с корнесловом *страст-/страст'-*: *страстно, страсти, страсть* (2 раза). К лексическим повторам, обозначающим безумие и страсть, примыкают: *«ропот буйной (страсти)»*, *мятежнее, ревности*, — согласуясь с ними в рамках целостного смыслового комплекса. Но если объективированно употребленные *«ропот буйной страсти»* и *мятежнее* все же соотносятся со сферой автора письма (субъекта речи), то *ревность* в сочетании *страсть ревности* однозначно отсылает к сфере адресата, к *его* письму и восприятию этого письма субъектом речи, т. е. Вяч. Ивановым. Так благодаря повторам, семантическим сближениям и отталкиваниям, распределению ключевых смыслов между сферой субъекта речи и адресата в тексте и за ним отражается сложный мир чувств, их борьба и ее возрастание до той точки, в которой различие между *ты* и *я* оказывается несущественным, а грани, разделяющие их, упраздненными.

Принцип Диониса, «дионисийское» начало в текстах судьбы поэта периода его знакомства с Зиновьевой-Аннибал, вспыхнувшего взаимного чувства, а через какое-то время супружества и совместного жизнестроительства предполагает в качестве некоего ограниченного во времени переживания такое, которое соотносится с образом хаотического. *Страсть* и *безумие* суть обозначения того, что предшествует хаосу чувств или выражает его на поверхности. Поэтому отсутствие в рассмотренных выше текстах лексемы *хаос* не означает отсутствия в них же соответствующего концепта, но в его имплицитном, опосредованном представлении.

Иначе, с большей полнотой и смысловой проработанностью, «дионисийский» комплекс дан в текстах творчества. Это касается и присутствия в них образа хаотического. Однако прежде чем перейти к анализу этих текстов, обнаруживающему в них «дионисийский» комплекс смыслов и в его составе образ хаотическо-

го, обратимся к пониманию хаотического в одной из архаичных мифопоэтических традиций (ведийской), как она изложена в работе В. Н. Топорова [Топоров 1996]¹¹.

Хаос противоположен космической организации и в рамках указанной традиции представляет собой «анти-творение». Вместе с тем, как подчеркивает Топоров, в Хаосе «различимы и те характеристики, которые можно считать „отрицательным“, точнее, может быть, „иррациональным“ образом отдельных особенностей космологической организации, хотя сама эта „различимость“ наступает уже только тогда, когда творение произошло и возникает возможность соотнести сотворенное с Хаосом». В «беспорядке» Хаоса, таким образом, есть свой порядок. По словам Топорова, «это порядок энтропии, сохраняющей неизменным свой уровень и не срывающейся в абсолютное ничто, порядок, поскольку в нем латентно пребывают различное („различно-множественное“) и потенциал движения, „иррационального“, отрицательно ориентированного „анти-движения“. В космологической же организации присутствуют и „различно-множественное“, и осуществившееся движение, но в преображенном виде, равно как и „генеративная“ мощь Хаоса» [Там же: 16–17] (разрядка моя. — А. Г.).

Среди «дионисийских» текстов Вяч. Иванова с образом хаоса особый интерес представляют стихотворение «В Колизее» (сб. «Кормчие Звезды») и лирическая пьеса из Канцоны I — «Наш первый хмель, преступный хмель свободы...» (сб. «Cor Ardens»). В обоих текстах отражено одно и то же событие — встреча Иванова с Зиновьевой-Аннибал в Риме. Об этом пишет и один из исследователей творчества Иванова, ср.: «Нет сомнения, что по биографическим причинам образ Колизея играл в поэтическом мире Иванова совершенно особую роль: в его сознании он прочно связался с переживанием дионисийского экстаза и любовью к Лидии Зиновьевой-Аннибал...» [Рудич 1988: 136].

В первом из этих стихотворений образ *хаоса* и созвучной ему *стихийной тьмы* являются, на первый взгляд, фоновыми по отношению к основному лирическому сюжету встречи. Располагаясь в составе строк, разделенных межстрофным интервалом, они образуют своего рода контактный повтор, помогающий перейти от более внешних зрительных впечатлений первой строфы к более глубоким и метафизическим второй, ср.:

¹¹ Различие ведийской и античной по своему локусу традиций для задач данного исследования не существенно.

День влажнокудрый досиял,
Меж туч огонь вечерний сея.
Вкруг помрачался, вкруг зиял
Недвижный хаос Колизея.

Глядели из стихийной тьмы
Судеб безвременные очи...
День бурь истомных к прагу ночи,
День алчный провождали мы...

[1: 521].

Внимательное, медленное чтение этих строф обнаруживает смысловую связь образов *хаоса* и *стихийной тьмы* с образами *дня* — см.: *День бурь истомных... День алчный...*, — в составе которых яркие признаковые определения *истомных*, *алчный*, метафорически употребленное имя *бурь* выражают значения интенсивности, безудержности, динамизма. Все эти значения могут входить, а в данном тексте и входят в состав «дионисийского» комплекса.

Рядоположенность в этом тексте образов *хаоса*, *стихийного* и *бурь* заставляет вспомнить один из фрагментов статьи Иванова «Символика эстетических начал» (1905):

«Его (хаотического. — А. Г.) образы — оборвавшийся, прядущий в глубь ключ и рушащийся водопад... молнийные личины смесившихся в *буре стихий*» [1: 828, 829]. Сопряженные здесь в одно метафорическое целое *бурь* и *стихий* — см.: в *буре стихий* — выступают в составе одного из предикатов хаотического. Хаотическое же в этом контексте обозначает некоторое состояние мира, не заключающего в себе разделения на макрокосм и микрокосм.

Следующие две строфы стихотворения «В Колизее» — четырех-строфного по своему составу — содержат другие образы и смыслы «дионисийского» комплекса. Подобно образно-смысловому повтору в конце второй строфы — см. *День бурь истомных к прагу ночи*, *День алчный провождали мы*, — все они также проникнуты *мы-субъектным* началом. Сравните:

Меж глыб, чья вечность роковая
В грехе святилась и крови, —
Дух безнадежный предавая
Преступным терниям любви, —

Стеснясь, как два листа, что мчит,
Безвольных, жадный плен свободы,
Доколь их слившей непогоды
Вновь легкий вздох не разлучит...

[1: 521].

Здесь *предавая* выражает идею безвольной и жертвенной отдачи себя стихии любви, *Преступным* — содержит семантику выхода из положенных законом пределов и ограничений, *терниям* — страдание-страсть, *мчит* — динамизм и однонаправленность движения, *Безвольных* — пассивность субъектов действия и/или их

одержимость чуждой волей, *жадный* — силу и безудержность проявившейся свободы, *свободы* — упразднение всех границ, *слившей* такое соединение, при котором исчезает обособленность и всякая разделенность, *непогоды* — идею природной стихийности с отрицательным знаком, *разлучит* — разрыв, разрушение целого, разобщенность.

Приведенный список смыслов также имеет повторы и соответствия в «Символике эстетических начал»:

«*Хаотическое*, раскрывающееся в психологической категории иступления, — *безлично*. Оно окончательно упраздняет все грани.

Это царство не знает межей и пределов. Все формы разрушены, грани сняты, зыблются и исчезают лики, нет личности, Белая кипень одна покрывает жадное крушение вод.

В этих недрах чреватой ночи, где гнездятся глубинные корни пола, нет разлуки пола» [1: 820] (везде курсив мой. — А. Г.).

К сказанному о повторах-соответствиях можно добавить, что образ *двух листов*, что *мчит, Безвольных, жадный плен свободы* (4-я строфа), соединяя в себе и объектный (*хаос, стихийная тьма*), и субъектный (*мы*) планы¹², соотносится с тем, что в статье обозначено как *исчезают лики, нет личности*.

В лирической пьесе «Наш первый хмель, преступный хмель свободы...» из четвертой книги «Cor Ardens» поэт возвращается к памятной встрече в Колизее и как бы повторяет, хотя большей частью в других словах, в других ритмах и в иной временной перспективе уже сказанное, запечатленное стихотворением «В Колизее». Это видно, если сравнить начало пьесы, смыслообразующие ее элементы с теми, которые выступают в рассмотренном выше стихотворении.

Наш первый хмель, преступный хмель свободы

Могильный Колизей

Благословил: там хищной и мятежной

Рекой смешались бешеные воды

Двух рухнувших страстей

[2: 398].

Преступный здесь повторяет *Преступным* («В Колизее» — далее «В К.»), *свободы* — аналогичную форму *свободы* («В К.»). Однако более значительными оказываются и в этом случае не буквальные повторы, а смысловые переключки и эхообразные соот-

¹² В составе сравнительной конструкции — см.: *Стеснясь, как два листа...* — этот образ дает пример выхода из субъектного плана (*Стеснясь* «привязано» к *мы*) в объектный, их сочетания.

ветствия, включая и ряд соответствий на звуковом уровне. Ср. некоторые из них: *хищной* — *жадный* («ВК.»), *мятежной* — *плен свободы, непогоды* («ВК.»), *Рекой смесились* — *Стеснясь, как два листа... слившей* («ВК.»), *бешеные* — *мчит, жадный* («ВК.»), *рухнувших страстей* — *предавая, безвольных* («ВК.»), *воды* — *свободы, непогоды* («ВК.»). А завершающий этот фрагмент образ *Двух рухнувших страстей* вторит образу *рушащегося водопада* из «Символики эстетических начал».

«Дионисийский» комплекс в текстах Иванова включает в качестве важного компонента образ *водной стихии*, вообще *воды, влаги*. В стихотворении «Наш первый хмель, преступный хмель свободы...» водная стихия представлена образами *хищной и мятежной реки* и *бешеных вод*, выступающих в составе целостного синтетического образа с глагольным предикатом *смесились* — см.: *там хищной и мятежной Рекой смесились бешеные воды Двух рухнувших страстей*¹³.

В «Символике эстетических начал» корнеслов *вод* трижды употреблен автором при определении третьего, «демонического начала наших эстетических волнений» — см. *рушащийся водопад, подводных глубин, крушение вод* [1: 829].

В двух других статьях — «Вагнер и Дионисово действо» (1905) и «Предчувствия и предвестия» (1906) — можно наблюдать параллелизм в употреблении образов *хаоса* и *океана* — наиболее мощной из всех водных стихий. Сравнение соответствующих контекстов показывает, что параллелизм образов сопровождается «обменом» стоящим при них признаковым словом *темный*¹⁴. Это один из интересных случаев повтора, образующего «резонантное пространство» в творчестве Иванова.

«Над *темным океаном* Симфонии Вагнер чародей разостлал сквозное златотканое марево аполлинийского сна — Мифа», — пишет Иванов в первой из названных статей. Несколькими строч-

¹³ Стихотворение «В Колизее» дает образ воды прикровенно, в отглагольной форме *слившей* — см.: *Доколь их слившей непогоды*.

¹⁴ Употребление слова *темный* и соответствующих корнесловов и смыслов в текстах с «дионисийским» комплексом в творчестве Иванова может составить отдельную тему исследования. См. ряд примеров из текстов, рассматриваемых в данной работе: *темных колодцев, царство темного пурпура преисподней* («Символика эстетических начал»), *хаотическая сила темной земли* («О существе трагедии»), *Вкруг по мрачался, вкруг зиял недвижный хаос Колизея* («В Колизее»), *Навек темничные оковы Сковал вам раболепный берег* («Океаниды»), *Дай в очи дневные всей тьмой взглянуть!* («Орфей растерзанный»), *Мрачны жоком смотрит — и не видит* («Мэнада») и др.

ками ниже он замечает, что хор как оркестровое начало Симфонии был у Вагнера лишь *первозданным хаосом* и «не мог противопоставить самоутверждению героев-личностей свое еще темное и только страдательное самоутверждение»¹⁵ [2: 83, 84]. В «Предчувствиях и предвестиях» автор обращается к образам *волн темного хаоса* (ср. с *темным океаном* и *первозданным хаосом* в ст. о Вагнере) и *беспредельного пурпурового океана*¹⁶ [2: 95].

В стихотворении «Музыка», строки из которого А. Ф. Лосев приводил в связи с темой кризиса, конца античной внеличной культуры с ее «дионисийским одушевлением мира» [Лосев 1999: 171, 172], семантика воды реализована рядом глагольных форм: *поит, льют, пролитой, рыдаю*. В составе «дионисийского» комплекса этот глагольный ряд соотносится с серией словоупотреблений апофатического типа, в составе которых префиксальный элемент не обозначает ограниченность проявления основного признака, заключенной в нем идеи полноты, исчерпанности — см.: *не вместив, неисчерпно-кипящую (волю), Неизбытых пыланий, ненасытного (семя), несказанная (воля)*.

Образ хаотического в этом стихотворении прямо не обозначен, но к нему отсылают многочисленные повторы, символика и синтаксический строй стихотворения, включая и следующие контексты с опосредованным выражением стихийно-хаотических истоков музыкального искусства: *Воплощений слепых цветно-тканый удел... и пенит сосуд бытия... Неисчерпно-кипящую волю... Я рождаюсь из пены... На шумящие бурно возьми ты крыла!* [1: 542].

Творчески-жиздательная, мироустроительная роль музыки, скрывающей мощь стихийного начала и его преобразующей силы, ярко звучит в голосовой партии Человека, особенно в строках, заключающих все стихотворение:

Несказанная воля мне сердце зажгла;
Нерожденную Землю объемлю, любя, —
И колеблю узилище мира!

[Там же].

¹⁵ В этом контексте встречается и слово *темный* — см. *свое еще темное и только страдательное самоутверждение*, — но оно связано с образом хаоса дистанцированно и опосредованно.

¹⁶ Слово *пурпуровый*, определяющее здесь *океан*, в своем символическом значении, отсылающем к ветхозаветной традиции также связано с водой. См. у Филона Александрийского: «Символ земли — виссон... воды — пурпур, ибо то, из чего получается эта краска, происходит из моря — это одноименная ей раковина» [Филон Александрийский 2000: 373].

Образы водной океанической стихии в связи с женским характером¹⁷ запечатлены в стихотворении «Океаниды» (сб. «Кормчие Звезды») и дифирамбической пьесе «Орфей растерзанный» (сб. «Прозрачность»). В первом из них океаническую стихию символизируют обозначенные в заглавии *Океаниды*. В самом тексте они именуются *дщерями Океана, подругами Прометея, мятежными девами, Сребропенными Мэнадами*. При этом именование *дщери Океана* дано в составе начальной строки первой строфы, см.: *Взывают... Дщери Океана!* — а *Сребропенные Мэнады* и рядоположенный *хаос* входят в состав заключительной одиннадцатой строфы стихотворения, образуя тем самым кольцевое композиционное движение.

Красота, воинственно-устрашающая сила, динамизм, «генеративная» мощь океанической стихии ярко выступают в серии развернутых образов, «прошивающих» весь текст: *Один вознес ваш дивный хор... К звездам рыдающий укор!..* (1-я строфа), *Вас Дух влечет, — громами брани Колебя мира стройный плен, Вещать, что нет живому грани* (4-я строфа), *Вот вздымится, Мча коней гривистых, Волна; Неудержима и гневна...* (9-я строфа), *Грозит незыблемым препонам... Какой отпор! Какая смерть!..* (10-я строфа).

Образы *Сребропенных Мэнад* и *Хаоса* в составе двучленного номинативного ряда¹⁸ заключительной строфы подчеркивают отрицательное, устрашающее и губительное начало океанической стихии, чему служит лексема *страшен* в предикативной функции, а также имена с положительной семантикой, которая нейтрализуется рядом стоящим словом *нет*:

О, *Сребропенные Мэнады!*
О, *Хаос!* *страшен* ваш завет:
Нет воле вне себя преграды...
Вам *нет* победы, *нет* отрады,
И *нет* надежд, — и мира нет!

[1: 527]

¹⁷ Психологию дионисийской диады, по мысли Иванова, впервые ощутила женщина, поэтому в трагедии как в искусстве, посвященном раскрытию диады, центральным является женский тип. Обращаясь к творчеству Эсхила, он называет в ряду других женских образов и *хор Океанид*, а трагедию определяет как *Мэнаду* («О существовании трагедии», 1912 г. [2: 197]). Ср. также параллелизм женского и хаотического в ст. «Древний ужас» (1909): «...порабощение *женщин* было связано с порабощением всех *хаотических* и оргийных энергий...» [3: 106] (курсив мой. — А. Г.).

¹⁸ Этот тип номинативов сохраняет здесь функцию адресации, что и обусловливает их переходный статус (номинативы-обращения). См. об этом в работе И. И. Ковтуновой [Ковтунова 1986: 118].

В дифирамбической пьесе «Орфей растерзанный», самый жанр которой отсылает к принципу дионисовой диады¹⁹, Океаниды вещают, повторяя эхообразно прежде сказанное поэтом в стихотворении «Океаниды»:

Мы — *девы морские*, Орфей, Орфей!
Мы — *дети тоски и глухих скорбей!*
Мы — *Хаоса души!* Сойди заглянуть
Ночных очей в пустую муть!²⁰

[1: 801].

См. также серию повторов, выходящих за пределы приведенного выше контекста: *плен размыкать и разметнуть* («Орфей растерзанный» — «О. р.») — *нет живому грани... Грозит незыблемым препонам* («Океаниды» — «О.»), *Себя что мнило тюрьмой своей* («О. р.») — *Навек темничные оковы* («О.»), *Страшнее смуты, душевне пугы — слепая вечность отца ночей* («О. р.»), — *О, Хаос! Страшен ваш завет* («О.») *Опеляйте жертвенник, великий, Волны* («О. р.») — *Вот вздымится, Мча ко́ней гривистых, Волна* («О.»), *Мэнады* («О. р.») — *Сребропенные Мэнады* («О.») и др.

Страдательное и темное начало Океанид из «Орфея растерзанного» антиномично связано с тем, что можно определить в них как благо, что выражает идею преодоления монадной замкнутости, выражает идею полноты, гармонии, света. Но эти смыслы уже в большей степени символизирует Орфей — «начало строя в хаосе; заклинатель хаоса и его освободитель в строе» (Вяч. Иванов)²¹. Ср.: *Размыкать, что жило собой, Орфей, себя что мнило*

¹⁹ В «Примечании о дифирамбе» (сб. «Призрачность») Иванов, называя пьесы «Ганимед», «Гелиады» и «Орфей» («Орфей растерзанный». — А. Г.), пишет о том, что они «задуманы в духе античных дифирамбов, предназначавшихся для музыкального исполнения в масках и обстановке трагической сцены» — и далее: «дифирамб дионисичен по духу» [1: 816] (курсив мой. — А. Г.).

²⁰ Последние две строки, соединяя при незначительных преобразованиях с двумя другими из 4-й строфы и вследствие этого давая как бы новый вариант текста, Иванов приводит в ст. «Символика эстетических начал», ср.: *Мы — хаоса души. Сойди заглянуть ночных очей в пустую муть!... Отдай нам, смертный, земную грудь — Твой плен размыкать и разметнуть!* См. также комментирующий текст: «И могущественнейшее из искусств — Музыка — властительно поет нам этими голосами ночных сирен глубины, чтобы и потом вознести нас по произволу из своих пучин (как „хаос рождает звезду“) взвизывающей линией возвышенного и возратить очищенными и усиленными земле благим нисхождением Красоты. Как Антей изнемогает отъединением от земли, так мы оскудели бы конечным отрешением от „древнего“, от „родимого“ хаоса» [1: 829].

²¹ Ст. «Мысли о символизме» (1912) См. далее идущий контекст: «Призвать имя Орфея значит вызвать божественно-организующую силу Логоса во мраке по-

тюрьмой своей!.. Мир — полн!.. Мир полн... Мир полн... И гармоний возмущенных вопиет из крови стон: Вновь из волн поработанных красным солнцем встанет он (Орфей. — А. Г.). Строя семья, искра Бога...

Хаос как океаническая стихия и океан как первоизданный Хаос, творящий Жизнь, в мифопоэтических представлениях Вяч. Иванова созвучны восприятию океана, его мощи и красоты, явленной в нем Божьей Силы о. Сергием Булгаковым²².

Океаническая тема в связи с образом хаоса в творчестве Иванова заставляет обратиться еще к двум текстам поэта, написанным в разное время, с ориентацией на разные культурно-религиозные традиции. В обоих присутствуют образы океана, бездны, Левиафана²³. Несмотря на это совпадение-повтор, одно из этих стихотворений может быть отнесено к классу «дионисийских» текстов Иванова, а другое — нет.

В стихотворении «Между двух мерцаний бледных...» (сб. «Кормчие Звезды», цикл «В челне по морю») запечатлено непосредственное впечатление от океанической, морской стихии²⁴ в ее звуковом восприятии: *Дальний ропот океана Чутко внемлет тишина*, в ее

следних глубин личности, не могущей без него осознать собственное бытие: „*fiat Lux*“» [2: 819].

²² Ср. «Впервые я ощутил океан как стихию, в стихийности ее враждебности и вызове просветляющей силе Логоса и покоряющему действию Св. Духа. <...> Стихия страшна. Это та *tohu-va-bohu* (в Быт. обозначение первоначального хаотического состояния земли. — А. Г.) до шестоднева, реальность до слова и до реальности, до Логоса, хотя и осеняемая Духом, носящимся вверху над водами. <...> Я больше боролся с этим а 'реигон, восставал против него своей человечностью, но не любил... А сегодня, сейчас я полюбил тебя, океан, полюбил этот до-первый день творения, „воды“ его, которые сохраняются в бытии, чтобы явить силу Божью и всю многоступенность бытия. Я увидел океан в его встрече с солнцем... бездну, приемлющую свет Логоса и ей отвечающую Духом Божиим, одевающуюся Красотою... <...> И уже нет стихии безобразной и злобной, есть во-ображенная, ограниченная бескрайность силы бытия, есть Божия сила и Премудрость, откровение Софии в океане... И я ответно *отдавался*, сливаясь с этой Софией вод, женственной стороной души ее приемля (ибо все в человеке и этот океан, и эта бескрайняя бездна, это предварное *все* — все в человеке). Я чувствовал, что не могу пошевелить своим ограниченным „я“... <...> Я чувствовал, что оно мешает, что оно должно сейчас замереть, чтобы приять силу жизни от Жизни» [Булгаков 1996: 397, 398].

²³ И оба текста отражают восприятие моря как «страшного», что «связано со свойствами самого моря, его бурностью, мятежностью, смертоносностью, с тем, что оно образ бездны смерти, избежать которой в недобрый час нельзя» [Топоров 1995: 613].

²⁴ Как следует из примечаний самого Вяч. Иванова, стихотворение «описывает океан у берегов Бретани» [1: 860, 586].

движении, опасность которого нейтрализована отчасти человеческой волей: *Нас несет Левиафана укрощенного спина!* — наконец, в мощи, антиномично соединяющей в себе «страшное» и «благое» для человека: *Силе страшно-благосклонной / Ты доверилась со мной.*

Созвучным океанической стихии является состояние лирического субъекта и адресата, чье движение *над бездной и Беспощадной глубиной* отличается той степенью пассивности, которую можно определить как отдача себя во власть природной силы. Совместность же «я — ты» движения основывается на доверительном вручении себя другому. См. заключительные строфы этого текста:

Дальний ропот океана	Силе страшно-благосклонной
Чутко внемлет тишина...	Ты доверилась со мной,
Нас несет Левиафана	И стремишься над бездной,
Укрощенного спина!	Беспощадной глубиной

[1: 594].

С текстами, включающими «дионисийский» комплекс в его более ярком выражении, данное стихотворение сближают такие из имеющихся в нем смыслов, как: стихийность океана и человека, вообще природных сил с антиномией в ней «страшного» и «благого»; пассивная отдача себя (здесь «я — ты») стихии; стремительное движение и его опасность; глубина; отсутствие границ между я и ты и др. Актуализирует «дионисийский» комплекс смыслов соотносительность ты — адресата с образом Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

Второе из сравниваемых стихотворений — «И снова ты пред взором видящим...» (сб. «Свет вечерний»: «Римский дневник 1944 года») — относится к классу «рождественских» текстов Вяч. Иванова²⁵. Образы водно-океанической стихии предстают в нем в своем исключительно отрицательном аспекте и вместе с образной символикой, относящейся к собственно духовному миру, выражают «страшное», разрушительное и богоборческое начало мира — см.: *океан — бездны морские — Левиафан — мертвые воды — легион — бесноватый — судороги небытия.* Ему в тексте противостоит свет и мир Вифлеемской Звезды, устойчивость и победительная сила символизируемой ею действительности. Сходство, таким образом, с текстом «дионисийского» типа в значительной мере оказывается внешним, а в «подобном» обнаруживаются глубокие концептуально значимые «различия».

²⁵ Описанию основного корпуса текстов этого класса посвящена работа автора «Образ Рождества в поэзии Вяч. Иванова» (в печати).

В заключение рассмотрим еще один текст с «дионисийским» комплексом в его соотнесенности с образом Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Это написанное в начале 1906 г. и вскоре ставшее знаменитым стихотворение «Мэнада»²⁶. По свидетельству О. А. Дешарт, необычное чтение «Мэнады» Вяч. Ивановым вызывало в слушателях «переживание ужаса и восторга античных мистерий» [2: 699]. После смерти Зиновьевой-Аннибал (†17 окт. 1907 г.) эта пьеса, называемая также и песней, и одой, была включена автором в состав «книги первой» сб. «Cor Ardens», которая посвящалась памяти умершей возлюбленной — «той, чью судьбу и чей лик я (Вяч. Иванов. — А. Г.) узнал в этом образе Мэнады „с сильно бьющимся сердцем“» [2: 225–228].

По словам М. М. Бахтина, основной мотив этого стихотворения — «полная отдача себя Богу Дионису, и этот мотив сплетается с мотивом христианского причастия» [Бахтин 1979: 379].

Сюжетное движение его определяют образы Мэнады и бога, разрывающего узы плена, выводящего из застылости. От застылости и мертвенного покоя к влаге-рыданиям, к стремительному порыву и движению, от безжизненной тусклости к яркости и полноте чувств, жизненных сил у порога новой встречи с богом, жертвенного вручения себя ему и через жертву обретение нового покоя и тишины — такова диалектика развития смыслов стихотворения, вполне укладывающихся в матрицу «дионисийских», но в заключительных стихах созвучных смыслам христианского Причастия:

Так и ты, встречая бога,	Жертва, пей из чаши мирной
Сердце, стань...	Тишину,
Сердце, стань...	Тишину! —
У последнего порога,	Смесь вина с глухою смирной —
Сердце, стань...	Тишину...
Сердце, стань...	Тишину...

Написанная в ритмах старинной сербской песни, «Мэнада» содержит восемь употреблений центрального для христианской традиции символа *сердце*. Этот символ и его восьмикратный повтор в тексте отсылает к цитате из Гомера, включенной в посвящение книги Зиновьевой-Аннибал, где она названа Мэнадой «с сильно бьющимся сердцем»²⁷.

²⁶ Датировка дана по [Шишкин 1998: 350]. В рукописи стихотворение имеет заглавие «Есмирнисмено вино» [2: 226].

²⁷ Строки: *С сердцем яростным, как солнце Поутру, Поутру, — С сердцем жертвенным как солнце Ввечеру, Ввечеру...* — О. А. Дешарт приводит как ком-

Другие многочисленные повторы, задышающийся хореический ритм строк разной длины²⁸, синтаксис именных форм — грамматически связанных с главным словом и стремящихся к разрыву с ним, к обособлению, поразительная звукопись свидетельствуют о логически-упорядочивающей воле Автора, о значении поэтической формы, вообще сильного оформляющего начала в тексте, одним из элементов содержания которого является стихийность сил и порыва. В этой антиномической напряженности стихийно-живительного, хаотического начала в содержании и логически-упорядочивающей формы заключается один из парадоксов поэтического творчества вообще, творчества Вяч. Иванова в особенности²⁹. И тексты «дионисийского» типа, может быть, тому наиболее яркое подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1975 — Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8.
- Бахтин 1979 — Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Брюсов 1976 — Брюсов В. Переписка с Вячеславом Ивановым // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85.
- Булгаков 1996 — Булгаков С. Н. <Поездка в Америку> // Булгаков С. Н. Тихие думы. Из статей 1911–1915 гг. М., 1996.
- Иванов 1895 — Иванов Вяч. Письма к Зиновьевой-Аннибал. 1895, январь — февраль. Рим. РНБ. 109.9.37.
- Иванов 1971–1987 — Иванов Вяч. Собр. соч. [В 4 т.]. Брюссель, 1971–1987.
- Ковтунова 1986 Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Лосев 1999 — Лосев А. Ф. «Дионисийское одушевление мира» // А. Ф. Лосев и Вяч. Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999.
- Рудич 1988 — Рудич В. Вячеслав Иванов и античный Рим // Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II: Testi in russo. Italia, 1988.
- Степун 1962 — Степун Ф. Встречи. Достоевский — Л. Толстой — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен, 1962.

ментирующий текст при описании встречи Вяч. Иванова и Зиновьевой-Аннибал. Ср. также: «от слов Вячеслава в ней просыпалась Мэнада» [1: 17].

²⁸ «Мэнада» читалась на одной из февральских сред на Башне, на которой была и беседа «О ритме». В эпистолярной хронике этой среды Зиновьевой-Аннибал приводятся слова Вяч. Иванова «о том, что ритм двоеначален. Аполлон и Дионис „очищает“ от хаоса...» [Шишкин 1998: 327].

²⁹ Ср. сказанное Ф. Степуном: «Поэзия его (Вяч. Иванова. — А. Г.) гораздо аполлиничнее дионисийской поэзии Белого» [Степун 1962: 154].

- Топоров 1993 — Топоров В. Н. Об «экстропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе. М., 1993.
- Топоров 1995 — Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал, Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Топоров 1996 — Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний. о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Топоров 1998 — Топоров В. Н. Об индивидуальном варианте «автоинтертекстуальности»: случай Пастернака (о «резонантном» пространстве литературы) // Пастернаковские чтения. М., 1998. Вып. 2.
- Филон Александрийский 2000 — Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М., 2000.
- Фотиев 1988 — Фотиев, прот. Кирилл. «Дионис и прадиионисийство» в свете новейших исследований // Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II: Testi in russo. Italia, 1988.
- Шишкин 1992 — Шишкин А. Б. К истории поэмы «Человек» Вяч. Иванова // Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка. 1992. Т. 51. № 2.
- Шишкин 1998 — Шишкин А. Б. Симпозион на петербургской Башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998.

ПРОСОДИЧЕСКИЙ КОСМОС РУССКОГО СТИХА

Вступление

В своей предсмертной речи, посвященной юбилею Пушкина, — «О назначении поэта» — Блок пишет:

Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок — космос, в противоположность беспорядку — хаосу. Из хаоса рождается космос, мир, учили древние...

Поэт — сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых, — привести эти звуки в гармонию, дать им форму, в-третьих — внести эту гармонию во внешний мир [Блок 1962: 161].

Какие же звуковые средства создают гармонию, иначе — звуковой космос поэтического текста? Традиционно выделяемые компоненты стиха — это метр, рифма, строфа, а также аллитерации и ассонансы. Одни из этих компонентов создают упорядоченность акцентной структуры текста, тогда как другие — упорядоченность «инструментовки», т. е. использования звуковых сегментов. Только первый компонент относится к просодической (надсегментной) стороне текста.

Однако в стиховедении известны и другие просодические характеристики стиха: ритмика и интонация. Открытие первой связано, как известно, с именем А. Белого, который обратил внимание на частое отсутствие словесного ударения на сильной доле стопы (икте) [Белый 1910]. По его мнению, это создает акцентную структуру, параллельную метру, — ритм стиха. Сосуществование метра и ритма придает стиху акцентное разнообразие, устраняет монотонность чередования сильных и слабых слогов. Отметим, что термин «ритм» может иметь и родовое употребление: метр понимается как первичный ритм, а «ритму» Белого соответствует термин «вторичный ритм» [Гаспаров 1993]. Такое терминологическое разделение слоев сложной ритмической структуры представляется более удачным, и мы будем ориентироваться на него.

Интерес к интонации русского стиха был пробужден известной работой Б. Эйхенбаума [1922], которая была написана под

сильным влиянием исследований немецкой поэзии, принадлежащих Э. Сиверсу и его последователям. Давно уже было замечено, что лирические стихи одного и того же размера могут звучать очень по-разному. Эти различия в русском стиховедении со времен Эйхенбаума связываются прежде всего с жанром стиха и приписываются фразовой интонации. В центре внимания Эйхенбаума был в первую очередь мелодический компонент интонации, однако позднее стиховеды (в частности, [Жирмунский 1922; Холшевников 1991]) справедливо указывали и на такие ее компоненты, как темп, громкость, логические акценты, паузацию.

Цель данной работы — дополнить представления о ритмической и интонационной структуре русского стиха, иначе говоря, о его «просодическом космосе». Эта попытка тесно связана с исследованиями автора в области просодии слова и фразы. Рамки статьи ограниченного объема не позволяют дать сколько-нибудь детального представления нашей концепции, и автор заранее приносит читателю извинения за конспективность изложения.

1. Ритмика

1.1. Фразовая акцентуация как компонент ритмики стиха. За последние десятилетия русская фразовая акцентуация не раз была предметом лингвистического анализа [Ковтунова 1976; Николаева 1982; Павлова 1987; Кодзасов 1996]). Для целей данной работы важны следующие результаты этих исследований. Имеются разные — по фонетической природе и по функциям — типы фразовых акцентов. Кроме тональных акцентов, имеющих фазовые функции (маркировка начала и конца речевых и ментальных действий) [Кодзасов 2002], имеются «выделительные» акценты, маркирующие коммуникативные компоненты высказывания (рема, новая тема, фокус сопоставления). Эти акценты предположительно реализуются дыхательными толчками. Акцент может также присоединять долготные компоненты, маркирующие пространственные смыслы [Кодзасов 2000]. Для ритмики стиха важны в первую очередь «выделительные» акценты, и далее речь пойдет о них.

Реализуя коммуникативную семантику, акценты могут относиться к грамматическим составляющим любой размерности — от предложения до морфемы. Но наиболее часто их сферой действия является синтагма, состоящая из двух и более слов. Групповой акцент при этом чаще всего реализуется на одном из слов, и его размещение на том или ином слове зависит от нескольких факторов: синтаксических ролей слов, их актуализационных ха-

рактеристик, наличии противопоставления и др. [Кодзасов 1996]. При отсутствии особых семантических условий в бинарных составляющих действуют стандартные законы, сформулированные И. И. Ковтуновой [1976]: в сочетании предиката и актанта акцент получает актант (*читать *книгу*), в сочетании предиката и адверба акцент получает адverb (*читать с *удовольствием*), в сочетании атрибута и имени акцент получает имя (*новая *книга*) и т. д. Как видно из записи примеров, выделительные фразовые акценты мы помечаем звездочкой перед словом.

Читатель без труда заметит, что при прямом порядке слов акцент в бинарной группе ставится на втором члене. Однако в общем случае место акцента определяется не линейной позицией слова, а его синтаксической ролью: инверсия не влияет на выбор акцентной вершины группы (А. — *Что он делает?* Б. — **Книгу читает*; А. — *Что он читает?* Б. — *Да *газету вчерашнюю*). В более сложных группах происходит интеграция акцентных структур составляющих, дающая предсказуемый результат (*Я с *удовольствием прочитал его новую *книгу*). При наличии в предложении нескольких акцентов они тем или иным способом ранжированы по силе, однако для описания ритма стиха это не существенно.

Синтаксические законы расстановки акцентов занимают подчиненную позицию по отношению к законам семантическим. В частности, они не действуют при сопоставлении: фокус сопоставления обязательно несет акцент: *Его *прежние книги я читал с *удовольствием. А вот *новая книга мне не *понравилась*. Имеются и другие семантические факторы, нарушающие стандартную синтаксическую мотивацию размещения акцентов. Наиболее значима здесь категория «новое/старое»: «старое» (введенное в ближайшем предтексте) акцента не получает: А. — **Иванова *можно позвать?* Б. — *А Иванов у *директора*. Как «старое» трактуется и то, что введено ситуативно: — *Ты эту собаку не *бойся — она не *кусается!* (собака уже находится в поле зрения).

Описанные выше закономерности размещения акцентов внутри синтаксических составляющих относятся только к «пропозитивному» [Арутюнова 1998] типу изложения, при котором информация «упакована» в блоки, выступающие как цельные ментальные сущности. Иного типа ситуация возникает при «событийном» изложении, при котором информация формируется текущим образом на основе наблюдаемого. Для таких текстов характерна акцентуация всех полнзначных слов, символизирующая процесс концептуализации действительности, а не его результаты: — *И тут я *вижу: он *вынимает *пистолет и *сует его в *дупло*. Сходным

образом, пословно акцентируются предложения, отражающие текущие мыслительные процессы, в частности попытку припоминания: — **Куда я *мог *положить *эту *книгу?* Имеются и другие случаи пословной акцентуации: настойчивые побуждения (— **Теперь *поднимите *правую *руку!*), возгласения неопровержимых истин (— **Каждый *человек *имеет *право на *счастье!*) и проч.

Фразовая акцентуация в стихах, естественно, подчиняется общим семантико-синтаксическим законам. Здесь также можно выделить два базовых типа текстов, различие между которыми стиховедами давно замечено. На одном краю находятся риторически нагруженные («ораторские») стихи, которые имеют пословную акцентуацию. На другом краю находятся «говорные» стихи, в которых акцентированы только некоторые слова. Их расположение в строке в общем случае случайно и не подчиняется регулярным ритмическим схемам.

Однако в поэзии существует еще один вид ритмизации, являющийся характерной чертой эвфонического («напевного») стиха. Текст такого стихотворения строится так, что расположение фразовых акцентов подчинено той или иной регулярной схеме. В таких стихах сосуществует два регулярных ритма: первичный ритм (метр), основанный на словесных ударениях, и вторичный ритм, основанный на фразовых ударениях. Все размеры, как правило, имеют в эвфонических стихах совершенно стандартные схемы вторичного ритма: четырехстопный ямб — схему xxxXxxxX(x), четырехстопный хорей — схему xxXxxxX(x), пятистопный ямб — схемы xxxXxXxxxX(x) или xXxxxXxxxX(x) и т. д. Ниже мы приведем примеры ритмизации для наиболее употребительных размеров. Однако этому необходимо предпослать некоторые пояснения.

Дело в том, что в поэзии используются особые техники перестройки линейной и акцентной структуры текста, позволяющие достичь регулярности схем фразовой акцентуации. Наиболее характерен здесь обратный порядок слов в некоторых синтагмах, который нередко сопровождается и подстройкой фразовой акцентуации под заданный текстом ритм:

Нет, не *жди ты песни *страстной,
Эти *звуки — бред *неясный... (Фет)

Как видим, здесь закон размещения акцента в сочетании прилагательного с существительным нарушен: акцент при инверсии ставится на прилагательном.

Обратим внимание на то, что безакцентность слова в группе ритмически эквивалентна безударности слога в слове. Так назы-

ваемый «альтернирующий ритм» обеспечивается двумя сосуществующими механизмами: отсутствием на слове фразового акцента и безударностью иктусового слога. В приводимых ниже примерах единство этого ритмозадающего механизма ясно видно. Однако роль фразовой акцентуации для создания вторичного ритма в эвфонических стихах несравненно важнее.

Напротив, безакцентность слова играет лишь эпизодическую роль в поддержании метра — он основан в первую очередь на ударности/безударности слогов. Замечательно однако, что оба уровня ритма стиха могут вовлекать как словесную акцентуацию, так и фразовую. Приведем типичные примеры использования фразовой безакцентности двусложных слов для правильной размерности в анапестном стихе:

С мирым *счастьем *покончены *счета,

Не *дразни, *запоздалый *уют.

Всюду *эти *щемящие *ноты

*Стерегут и в *пустыню *зовут... (Блок)

Воздух *пасмурный *влажен и *гулок.

*Хорошо и *нестрашно в *лесу.

Легкий *крест *одиноких *прогулок

Я *покорно *опять *понесу... (Мандельштам)

1.2. Фразовые акценты как основа регулярного ритма. Регулярный ритм второго порядка характерен прежде всего для двусложных размеров. Мы рассмотрим наиболее употребительные из них — четырехстопные хорей и ямб.

1.2.1. Четырехстопный хорей. Эвфонический («напевный») четырехстопный хорей, как было сказано, чаще всего имеет ритмическую схему ххХхххХ(х), т. е. логаздическую комбинацию стоп анапеста и пео́на четвертого. Такие хорей в изобилии представлены в русской поэзии. Рассмотрим несколько характерных примеров. Начнем с Фета, установка которого на благозвучие делает его стихи наиболее удобной точкой отсчета. Прокомментируем акцентуацию первых двух строф стихотворения «Глубь небес опять ясна...»:

Глубь *небес опять *ясна,

Пахнет в *воздухе *весна,

Каждый *час и каждый *миг

*Приближается *жених.

Спит во *гробе *ледяном,

*Очарованная *сном, —

Спит, *нема и *холодна,

Вся во *власти *чар она.

Сочетание *глубь *небес* имеет акцентную огласовку, типичную для именных групп с несогласованным атрибутом, ср. *брат *же-*

ны, цвет *глаз, ручка *двери. В группе опять *ясна ослаблен компонент совпадения со «старым», который в большинстве неэтических употреблений вызывает перенос акцента на *опять*: — Ты *опять опоздал! Здесь же цель высказывания — сообщение о поддержании прежнего состояния небес, а не сопоставление двух состояний. Предикатная группа *пахнет в *воздухе* имеет стандартную ритмику: акцент ставится на сирконстанте (ср. *по-ехал в *деревню*). По общему правилу поставлены акценты и в третьей строке. В то же время двойная акцентуация в последующих трех строках и в последней строке требует объяснения. По синтаксическим правилам здесь следовало бы ожидать одиночных акцентов. Однако эти стандартные правила не действуют при семантической необычности сочетания, связанной с неклишированностью ситуации (*приближение жениха, ледяной гроб, очарованность сном, власть чар*), — в этом случае акцентируются все полноточные слова группы [Кодзасов 1996]. Такая акцентуация поддерживается и ритмической инерцией, возникшей в первых строках.

Преобладание схемы ххХхххХ(х) мы находим и в большинстве стихов Пушкина, написанных четырехстопным хореем. Приведем для примера первую строфу «Предчувствия»:

Снова *тучи надо *мною	*Сохраню ль к судьбе *презренье?
*Собралися в *тишине;	*Понесу ль навстречу *ей
Рок *завистливый *бедою	*Непреклонность и *терпенье
*Угрожает снова *мне...	Гордой *юности *моей?

Также и здесь регулярность вторичного ритма возникает не только как результат действия стандартных синтаксических правил акцентуации, но также за счет инверсий, приводящих к появлению акцента на втором члене составляющей (ср. *завистливый *рок, презрение к *судьбе, моя *юность*).

Однако для Пушкина в целом не характерна установка на эфоничность стиха, и в большинстве его хореов стандартный ритм не выдерживается на протяжении текста. Типичным примером является «Сказка о царе Салтане», в которой напевные фрагменты перемежаются с говорными. Более того, такие хореические вершины его творчества, как «Дар напрасный, дар случайный...» и «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», совершенно лишены эфоничности — они написаны как драматические монологи с резкими акцентными усилениями, обусловленными как общей семантикой текста, так и специфическими акцентами свойствами отдельных слов (см. ниже).

Достаточно часто регулярный вторичный ритм в четырехстопном хорее мы находим и у поэтов XX века. Приведем для примера начальную строфу блоковского «Гроб невесты легкой тканью...»:

Гроб *невесты легкой *тканью
 Скрыт от *глаз в соборной *мгле.
 *Пресвятая тонкой *дланью
 *Охраняет на *земле...

В этом фрагменте расстановка акцентов строго следует синтаксическим правилам. Весьма последовательно соблюдается ритм ххХхххХх и в раннем стихотворении Хлебникова «Там, где жили свиристели...»:

Там, где *жили *свиристели,
 Где *качались тихо *ели,
 *Прилетели, *улетели
 Стая *легких *времей...

Необходимо отметить, что в четырехстопном хорее наряду со схемой ххХхххХ(х) может использоваться схема ХхххххХ(х), а в трехстопном хорее наряду со схемой ххХхХ(х) — схема ХхххХ(х). В частности, мы находим все перечисленные ритмические схемы в знаменитом фетовском стихотворении «Шепот, робкое дыхание...»:

*Шепот, робкое *дыханье, (ХхххххХх)
 *Трели *соловья, (ХхххХ)
 *Серебро и *колыханье (ххХхххХх)
 *Сонного *ручья. (ХхххХ)
 Свет *ночной, ночные *тени, (ххХхххХх)
 *Тени без *конца, (ХхххХ)
 Ряд *волшебных *изменений (ххХхххХх)
 *Милого *лица. (ХхххХ)

В дымных *тучках пурпур *розы, (ххХхххХх)
 *Отблеск *янтаря, (ХхххХ)
 И *лобзания, и *слезы, (ххХхххХх)
 И *заря, *заря!.. (ххХхХ)

1.2.2. Четырехстопный ямб. Для четырехстопного ямба классической схемой вторичной ритмизации является хххХхххХ(х). Она представлена огромным количеством стихотворных текстов. Приведем несколько характерных фрагментов. Начнем с тютчевского «Она сидела на полу...»:

Она *сидела на *полу
 И грудю *писем *разбирала.
 И, как *застывшую *золу,
 Брала их в *руки и *бросала...

Расстановка акцентов здесь подчиняется стандартным синтаксическим законам, за исключением группы *застывшую золу*, где реализована возможность пословной огласовки семантически нестандартных сочетаний.

Столь же регулярны фразовые акценты в фетовском стихотворении «Какая грусть! Конец аллеи...»:

Какая *грусть! Конец *аллеи
 Опять с *утра исчез в *пыли,
 Опять *серебряные *змеи
 Через *сугробы *поползли...

Теперь приведем примеры из стихов поэтов XX века. Акцентуация начальной строфы стихотворения Гумилева «В библиотеке» такова:

О, *пожелтевшие *листы
 В стенах *вечерних *библиотек,
 Когда *раздумья так *чисты,
 А пыль *пьянее, чем *наркотик!

Здесь интересно отсутствие акцента на слове *пыль*: оно объясняется тем, что денотат вводится ситуативно — как неперенный атрибут библиотеки — и не получает акцента как актуализованный ранее. Нетрудно увидеть, что такие факторы, как семантическая обычность/необычность словосочетания и ситуативная введенность / новизна термина, дают поэту большие возможности регуляризации акцентной структуры стихотворения. Поэт может принимать те или иные семантические и — одновременно акцентные — решения в соответствии с той ритмической схемой, которая преобладает в стихотворении.

Четырехстопных ямб не обязательно имеет ритмическую схему xxxXxxxX(X). В качестве примера иной акцентуации воспользуемся начальным фрагментом стихотворения Мандельштама «Сегодня ночью, не солгу...». Сохранилась запись авторского чтения этого текста, ее качество невысоко, однако акцентная структура стихотворения различима:

Сегодня *ночью, не *солгу,
 По *пояс в тающем *снегу,

Я шел с *чужого *полустанка.
Гляжу — *изба, вошел в *сенцы —
Чай с *солью пили *чернецы,
И с ними *балует *цыганка...

Как видим, кроме схемы хххХхххХ(х), здесь используется и схема хХхххххХ. Эта схема достаточно употребительна, например, она нередка в ранних стихах Блока и Бунина.

Использование разных двухакцентных схем в четырехстопных двусложных размерах показывает, что для поэта более важным является соблюдение постоянства числа акцентов в строке, нежели их расположения. То есть вторичная ритмика русского эвфонического стиха позволяет считать его акцентным.

Уместно сказать здесь несколько слов о ритмике «Евгения Онегина». Обращает на себя внимание почти полное отсутствие фрагментов, имеющих эвфонический ритм. Разумеется, в тексте имеется немало строк вида хХхххххХ(х) и хххХхххХ(х), однако в основном тексте двухакцентные схемы не выдерживаются последовательно ни в одной из строф. Удивительным образом, лишь начало письма Онегина к Татьяне написано регулярным двухакцентным стихом:

1. Предвижу *все, вас *оскорбит
Печальной *тайны *объяснение,
Какое *горькое *презрение
Ваш гордый *взгляд *изобразит!
Чего *хочу? С какою *целью
Открою *душу вам *свою?
Какому *злобному *веселью,
Быть может, *повод *подаю?..

Текст в целом обнаруживает лишь два варианта вторичной ритмизации: пословная акцентуация или нерегулярная акцентуация, мотивированная текущими семантико-синтаксическими факторами. Приведем характерный пример внутрострофных переходов от сплошной акцентуации полнозначных слов, типичной для «приглазного» описания природы, к нерегулярному ритму повествования о событиях:

*Морозна *ночь; все *небо *ясно;
*Светил *небесных *дивный *хор
*Течет *так *тихо, *так *согласно...
*Татьяна на широкий *двор
В открытом *платице *выходит,
На *месяц *зеркало *наводит,

Но в темном *зеркале *одна
 *Дрожит *печальная *луна...

Наша расстановка акцентов здесь следует той, которую мы находим в чтении «Евгения Онегина» И. Смолтуновским.

Двухакцентный вариант четырехстопного ямба продолжает доминировать и в русской поэзии XX века. Приведем для примера начальную строфу «Царскосельской статуи» Ахматовой:

Уже *кленовые *листы
 На пруд *слетают *лебединый,
 И *окровавлены *кусты
 Неспешно *зреющей *рябины...

Однако эвфонический ритм, оставаясь базовым, может нарушаться в соответствии с семантикой стихотворения. Ср. конечную строфу того же стихотворения:

И как *могла я ей *простить
 *Восторг твоей *хвалы *влюбленной...
 *Смотри, ей *весело *грустить,
 *Такой *нарядно *обнаженной.

1.2.3. Трехсложные размеры. Для трехсложных размеров вторичный ритм, обусловленный пропуском фразовых акцентов, менее характерен, чем для двусложных. Его регулярность может вызвать сомнения, поскольку часто можно предложить более полную акцентуацию, при которой только часть строк имеет акцентные пропуски. Приведем фрагмент анапестного стихотворения Фета «Чем тоске, и не знаю, помочь...»:

Стройный *тополь (*)стоит под *окном,
 Листья в *воздухе (*)все *онемели,
 Точно *думы все (*)те же и в *нем,
 Точно *судит (*)меня он с *певцом, —
 Не *проронит ни (*)вздоха, ни *трели.

Читатель, несомненно, почувствует, что степень желательности акцента, заключенного в скобки, в разных строках различна, и что двухакцентное прочтение всех строк строфы, хотя и с некоторой натяжкой, возможно. Обратим, однако, внимание на то, что в первых четырех строках лишь безакцентное произнесение начальных слов позволяет сохранить анапестный размер. Таких случаев немало и в стихотворениях поэтов XX века (см. выше).

Гораздо реже встречаются случаи, когда отсутствие фразового акцента на икте может создавать вторичный ритм на амфибра-

хии. Приведем фрагменты стихотворения Пастернака, в котором трехстопные и четырехстопные строки имеют пропуски (иногда потенциальные) акцентов на иктах:

(*) Любимая — *жуть! Когда любит *поэт,
Влюбляется *бог *неприкаянный.
И (*)хаос *опять выползает на *свет,
Как *во времена *ископаемых...

Он видит, как *свадьбы справляют *вокруг,
Как *спаивают, *просыпаются.
Как *общелягушечью эту *икру
*Зовут, — обрядив ее, — *пакуной.

Что касается дактиля, то имеется классический пример двух-акцентного вторичного ритма на четырехстопном размере — это «Молитва» Лермонтова:

Я, мать *Божия, ныне с *молитвою
Пред твоим *образом, ярким *сиянием,
Не о *спасении, не перед *битвою,
Не с *благодарностью иль *покаянием.

Не за *свою молю душу *пустынную,
За душу *странника в мире *безродного;
Но я *вручить хочу деву *невинную
Теплой *заступнице мира *холодного...

Уместно сравнить совершенно регулярную двухакцентную ритмику этого текста с ритмом стихотворения «Тучи». В последнем лишь первая строфа имеет эвфоническую (хотя и не тождественную построчно) огласовку, тогда как две последующие характеризуются рваным («говорным») ритмом.

...Кто же вас *гонит: *судьбы ли решение?
*Зависть ли тайная? *злоба ль открытая?
Или на вас тяготит *преступление?
Или *друзей клевета *ядовитая?

Если мы останемся при сравнении формы этих двух стихотворений в пределах метра, то их кардинальное ритмическое различие окажется невыявленным.

Обратим попутно внимание на то, что последняя (опорная) стопа строки часто не несет фразового акцента (как в первых двух строках процитированной выше строфы). Это означает, что вторичный ритм нельзя рассматривать как надстройку над первич-

ным — эти ритмические слои соотнесены, но существуют независимо. Здесь отметим лишь, что в целом нет корреляции между наличием/отсутствием фразового акцента на слове и его линейной позицией в строке.

2. Интонация слова как компонент стиховой формы

Введение

Стиховедами накоплено немало тонких наблюдений, касающихся использования фразовых интонационных характеристик (мелодики, темпа, паузации, громкости) в стихах разных жанров и стилей (см., в частности, упомянутые выше работы Эйхенбаума, Жирмунского и Холшевникова). Справедливо указывалось на связь фразовых огласовок с лексической семантикой составляющих текст слов (Холшевников). Однако фонетические исследования интонационной структуры русского слова и ее связи с семантикой до недавнего времени отсутствовали. А без фонетической базы систематическое изучение интонации слова в стихе невозможно.

В настоящее время исследования интонации (лучше сказать — просодии) русского слова находятся в начальной стадии (см. [Кодзасов 1989; 1996]), и до полного понимания фонетики и семантики словесной просодии еще далеко. Просодия слова несомненно включает большое число характеристик помимо ударения. Как элементы стиховой формы используются те же самые признаки слова, что и немелодические компоненты фразовой интонации: темп, громкость и фонация (качество голоса). Такая общность не случайна: она отражает то обстоятельство, что семантика этих характеристик может относиться к составляющим разных уровней — от морфемы до фразы и даже текста. Хотя лексическое использование маркированных значений темпа, громкости и фонации во многих случаях имеет символический (или даже иконический) характер, такая мотивированность в общем случае отсутствует (это можно сравнить с использованием грамматического рода в существительных).

Что касается мелодики, то мы не включаем ее в число элементов стиховой формы, поскольку тон (в физическом смысле слова) не является в русском языке встроенным признаком слов и используется либо для маркировки фазовых характеристик фразы ([Кодзасов 2002]), либо для экспрессивного подчеркивания некоторых лексических смыслов ([Кодзасов, Кривнова 1977]). Однако существуют случаи употребления слова «тон» при номинации субъ-

активных оценок, связанных с другими интегральными характеристиками произнесения: с напряженностью стенок голосового тракта или голосовых связок и пр. [Lockwood 1983]). Таково, в частности, использование слова «тон» в работе [Кодзасов 1989].

2.1. Темп. Мы начинаем с темповой просодии, поскольку она наиболее доступна интроспективному наблюдению, и имеются случаи осознания темпа стиха самими поэтами. Темп определяется длительностью завершающей части гласного, т. е. скоростью прекращения вокальной артикуляции. Как и большинство других просодических характеристик, темп имеет три значения: нейтральное и два маркированных. В случае темпа значения таковы: медленный (М), нейтральный (Н) и быстрый (Б).

Начнем с фрагмента «Стихов сироте» Цветаевой (квадратные скобки показывают сферу действия признака, указанного в круглых скобках):

[Скороговоркой — ручья водой
Бьющей: — Любимый! родной! больной!] (Б)
[Речитативом — тоски протяжней:
Хилый! чуть живой! сквозной! бумажный!] (М)

Лексические пометы поэтессы (*скороговорка* и *речитатив*) показывают, что она осознает контрастные темпы вводимых фрагментов. Далее темповая игра продолжается уже внутри строк:

[От зева до чрева] (Б) — [продольным разрезом:] (М)
[— Любимый! желанный!] (Б) [жаленный! болезный!] (М)

Однако такая игра разными темпами для Цветаевой не столь характерна: чаще один и тот же маркированный темп поддерживается на протяжении всего стихотворения. Типичный пример полностью быстротемпового стиха дает «Чтобы помнил не часочек, не годок». Приведем начальное и конечное двустиишие этого произведения:

[Чтобы помнил не часочек, не годок —
Подарю тебе, дружочек, гребешок...
...Чтоб дружочку не жилось без меня,
Семиструнная расческа моя!] (Б)

Очень характерно обилие в этом стихотворении уменьшительно-ласкательных форм имен (*часочек, годок, дружочек, гребешок, подружки, мил-дружки, вершочек*) — все такие формы являются быст-

ротемповыми. Сравните: *кошка* (Н) — *кошечка* (Б), *сестра* (Н) — *сестричка* (Б) и т. п.

Для Цветаевой характерна особая чувствительность к быстрому темпу слова, поэтому у нее немало текстов, насыщенных такими словами. Таковым, например, является четвертое стихотворение цикла «Стол», а также первая и четвертая строфы стихотворения «Бузина»:

[Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане.
Зелена — значит лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!]

 (Б)

Разумеется, Цветаева — не единственный поэт, активно использующий темповые свойства слов для просодического оформления своих стихов. Изящную игру темпом мы находим в уже цитировавшемся выше стихотворении Фета «Шепот сердца, уст дыхание...»:

Шепот (Б) сердца (Б), уст (Б) дыхание (Б),
Трели соловья,
Серебро (Б) и колыханье (М)
Сонного ручья...
...Бледный (Б) блеск и пурпур розы,
Речь не говоря,
И лобзания (М), и слезы (М),
И заря (Б), заря (Б)!..

Здесь маркированные темповые характеристики относятся к отдельным словам.

Теперь приведем пример иного типа — из стихотворения Блока «Ушла. Но гиацинты ждали...». Здесь различен темп конечных слов строк в разных строфах: предпоследняя строфа имеет ускорение, а последняя — замедление:

Войди, своей не зная воли (Б),
И, добрая, в глаза взгляни (Б),
И темным взором острой боли (Б)
Живое сердце полосни (Б).
Вползи ко мне змеей ползучей (М),
В глухую полночь оглуши (М),
Устами томными замучай (М),
Косою черной задуши (М).

Обратимся теперь к еще одному варианту поэтической эксплуатации темпа — на примере стихотворения Бальмонта «Воспоминание о вечере в Амстердаме» (автор снабдил его пометой «Медленные строки»):

[О тихий Амстердам,
С певучим перезвоном
Старинных колоколен!] (М)
Зачем я здесь — не там,
Зачем уйти не волен,
[О тихий Амстердам!
К твоим церковным звонам,
К твоим как бы усталым,
К твоим как бы затонам,
Загрезившим каналам
С безжизненным их лоном,] (М)...

В данном случае маркированный темп связан не с просодическими свойствами слов — он отражает фразовое замедление, типичное для риторических обращений на далекое расстояние. Семантика пространственной и временной удаленности — типичный контекст удлинения гласных [Кодзасов 2000]. В данном тексте замедление усиливается и наличием двойного использования конструкции с *как бы*, в которой происходит удвоение акцентированного гласного вводимой группы (эти гласные подчеркнуты). Ср.: *устал* — *как бы устал*; *затон* — *как бы затон*.

2.2. Атака. Если конец гласного может иметь разную скорость выхода из вокалической позы, то его начало, напротив, может характеризоваться разной скоростью достижения целевой артикуляции. Удобно использовать для этого признака музыкальный термин «атака». Быструю атаку мы будем обозначать вертикальной перед ударным гласным, а медленную — тильдой.

Маркированные значения признака «атака» используются не столь часто, как значения признака «темп», однако примеры подчиненности формы стиха этому признаку мы находим у самых разных поэтов. Обычно быстрое начало символизирует резкие действия и звучания, а медленное — плавные. Прекрасный образец использования резкой атаки дает пушкинское описание полтавской битвы:

Швед, русский — к|олет, р|убит, р|ежет.
Б|ой барабанный, кл|ики, скр|ежет.
Гр|ом п|ушек, т|опот, рж|анье, ст|он,
И смерть и ад со всех сторон.

В стихотворении Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» контрастное совмещение слов с резким и плавным началом гласного внутри стихотворения символизирует прерывания непрерывного, медленно текущего:

Одним толчк|ом согн|ать ладью живую
 С нагл-аженных отл-ивами песков,
 Одной волн-ой подняться в жизнь иную,
 Учуять в|етр с цветущих берегов.
 Тоскливый с-он прерв|ать единым звуком,
 Упиться вдр|уг нев-едомым, родным,
 Дать жизни вздох, дать сл-адость тайным м-укам,
 Чужое вм|иг почувствовать своим...

Это сочетание резкого и плавного начала гласного аналогично той игре быстрым и медленным завершением, которую мы наблюдали ранее в стихотворении «Шепот сердца, уст дыханье...».

Приведем теперь фрагмент стихотворения Блока, в котором начальное удлинение (в сочетании с конечным) противостоит резко-му началу:

Дикий в|етер
 Стекла гн|ет,
 Ставни с п|етель
 Б|уйно рв|ет.
 Час за-утрени пасх-альной,
 Звон далекий (М), звон печ-альный,
 Глухота и чернота.
 Только в|етер, гость нах|альный,
 Потряс|ает ворота...

Обратим внимание на то, что маркированные характеристики атаки не всегда иконически отражают семантику слова. В частности, в данном стихотворении не мотивирована просодия слова *петьель*.

Приведем еще начальный фрагмент «Поэмы конца» Цветаевой, насыщенный словами с маркированными характеристиками атаки (в основном резкой) и завершения:

В небе, ржавее ж|ести,
 П|ерст столба (Б).
 Вст|ал на означенном м|есте,
 Как судьба.
 «Б|ез четверти. Исправен?» —
 «Час не ждет (Б)».

Преувеличенно-пл-авен
Шляпы взл|ет.

В каждой реснице — в|ызов.
Рот сведен.
Преувеличенно-низок (М)
Был поклон...

2.3. Громкость. Различия в громкости чрезвычайно активно используются в речи, причем они гораздо чаще мотивированы языковой семантикой, нежели внешними обстоятельствами говорения.

Громкостные характеристики чаще всего относятся к крупным составляющим текста, указывая на общие свойства ситуации, представленной во фразе или последовательности фраз. В частности, предложения, описывающие состояния субъекта или его произвольные действия, произносятся тихо. Напротив, маркированно громко произносятся предложения, описывающие активные действия, кардинально влияющие на ситуацию в целом, или результаты таких действий. Как будет показано ниже, маркированные громкостные характеристики имеют и некоторые группы лексических смыслов.

Начнем с двух стихотворений Пушкина, содержащих переломы громкостных характеристик. В «Пророке» таких переходов несколько: описание пассивного состояния героя сменяется активными действиями шестикрылого серафима, которые преобразуют способности героя, а далее его стативный статус словами Бога переводятся в активный статус поэта-пророка:

[Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился.
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.] (Т)
[Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.] (Н)
[Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.] (Г)...
[Как труп, в пустыне я лежал.] (Т)
[И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моей
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».] (Г)

Здесь обозначения (Т), (Н) и (Г) отражают признаки «Тихий», «Нейтральный» и «Громкий», относящиеся к фрагментам текста, заключенным в квадратные скобки.

Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», естественно, предполагает «высокий» (громкий) стиль чтения всех строф, кроме последней, в который происходит переход к нейтральному стилю.

Примечательны громкостные характеристики основных персонажей «Евгения Онегина»: Татьяны и Евгения. Само имя «Татьяна» имеет встроенную тихую характеристику, что естественно сочетается с ее преимущественно стативной ролью в большинстве ситуаций. Напротив, имя «Евгений» имеет нейтральную громкость, и его ролевой статус в большинстве ситуаций ей соответствует. Татьяна — субъект чувствующий и наблюдающий, Евгений — субъект действующий и осуждающий. Просодическое оформление соответствующих фрагментов романа строго следует этому противопоставлению.

Громкостная характеристика стихотворения сказывается на реализации его акцентной структуры: в тихих стихах акценты в целом ослабляются, стихотворение становится как бы «приглушенным». Значение ритмической структуры текста при этом уменьшено. Не случайно большинство русских верлибров написано тихим стихом. Этому, естественно, соответствует их содержание: представление наблюдаемого как данности (отстраненные пейзажи, натюрморты видимых объектов, описание состояний и произвольных действий субъектов, констатирующая рефлексия и т. п.). Таковы, в частности, верлибры Блока, например «Она пришла с мороза...»:

[Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И тотчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места...] (Т)

Очевидна неагентивность субъекта цепочки предикаций: он описывается либо как носитель состояний, либо как автор неконтролируемых действий.

Мы говорили выше о наличии некоторых лексических групп со встроенными громкостными характеристиками. К ним относятся, в частности, сакральные понятия, имеющие громкие огласовки, распространяющиеся при определенных условиях на всю предикацию: *Бог, Богородица, чудо, пророк* и др. Сюда же примыкают и некоторые лексемы, связанные с горами (ср. понятие «горный»): *горы, вершины, долины, простор*. Предупредим, однако, что маркированная громкостная характеристика этих слов актуализуется только в ситуации актуальной номинации, отсутствуя при дескриптивных употреблениях (типа *всеведение пророка, Воробьевы горы*).

Приведем пример громкостного перелома, связанного с переходом от возвышенного (горного) к обыденному, — стихотворение Лермонтова «Горные вершины»:

[Горные вершины	[Не пылит дорога,
Спят во тьме ночной.	Не дрожат листы.
Тихие долины	Подожди немного,
Полны свежей мглой.] (Г)	Отдохнешь и ты.] (Т)

Обе строфы содержат лишь стативные предикаты, однако «горная» ориентация первой имеет решающее значение. Отметим попутно, что строфы имеют разные ритмические схемы: 1-я — ХхххХ(х), а 2-я — ххХхХ(х). Ниже мы укажем также на фонационную специфику первой строфы.

Необходимо отметить, что иногда громкость лексемы остается локальной, не придавая интегральной громкости контексту. Например, в пушкинских «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» громкостью выделено слово *пророчишь*: *Ты зовешь или пророчишь* (Г)? На фоне общей приглушенности стихотворения этот акцент подчеркивает его семантическую доминанту: попытку услышать за шумом повседневной суеты скрытое пророчество о смысле жизни (см. [Якобсон 1981]).

2.4. Фонации. Фонации (качества голоса) относительно недавно стали объектом исследования фонетистов ([Кодзасов, Кривнова 1977]). В просодическом оформлении стиха они играют заметную роль. Имеется несколько разных фонационных характеристик: степень напряженности голосовых связок, ширина голосовой щели, общая ширина гортани. Все эти признаки имеют по три значения: нейтральное и два маркированных. Рассмотрим каждый признак отдельно.

2.4.1. Напряженность голосовых связок. Этот признак имеет значения: напряженный (НПР), нейтральный (НТР) и рас-

слабленный (РСЛ). Приведем пример построчной мены этой фонации — стихотворение Блока «О, я хочу безумно жить»:

[О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!]
(НПР)

[Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:]
(НТР)

[Простим упрямство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!]
(РСЛ)

В данном тексте фонационные характеристики обусловлены фразовым контекстом: настойчивое желание (оно оформлено фонацией, типичной для автоимператива) сменяется нейтральной рефлексией, а далее следует предполагаемый акт прощения (оформляется фонацией, типичной для уступки).

Однако существуют и встроенные фонации лексем, причем иногда внутри лексемы происходит фонационный перелом на ударном гласном.

Наблюдается тенденция связывания фонации с тоном: напряженный голос несколько выше нейтрального, а расслабленный несколько ниже. Поэтому мена фонации субъективно ощущается как тональное изменение: переход от нейтрального голоса к напряженному как повышение, а обратное изменение — как понижение. Аналогично и восприятие перехода от нейтральной фонации к расслабленной и наоборот.

Одинаковое расположение фонационных переломов в рифмующихся строках стихотворения создает некоторый аналог мелодии, и некоторые поэты используют эту технику. К ним в первую очередь относятся такие эвфонисты как Фет, Бальмонт и Гумилев. Приведем пример из Фета:

Тихо ве/чер догора\ет,	Соловьѳ/ давно запе\ли,
Горы золотя.	Сумрак возвестя.
Знойный во/здух холода\ет,	Струны ро/бко зазвене\ли
Спи, мое дитя.	Спи, мое дитя...

Здесь знаками / и \ после гласных мы обозначаем происходящие на них квазитональные просодические изменения (восходящее и нисходящее).

2.4.2. Ширина голосовой щели. Маркированные состояния ширины голосового прохода дают иные изменения качества голоса. При более широком, чем нейтральное, разведении голосовых возникает «придыхательный» голос, а при большем сведении связок — «скрипучий» голос.

«Придыхательный» голос в качестве фразовой просодии используется как средство выражения высокой степени эмоции (в том числе удивления и восхищения). Он используется и как лексическая просодия — обычно при эмоциональной маркированности смысла. Например, в любовном стихотворении Блока «Снежное вино» мы находим такие придыхательные слова: *тяжелозмейных, о вьюгах, смеешься, змеишься*. К ним нужно добавить формы *не любя, в венце, на лице*, в которых имеет место придыхательное завершение ударного гласного. Примечательно также, что это стихотворение содержит массу слов со звуком «х»: *страх, волосах, струях, вдыхаю, о поцелуях, смехом, мехом*. Они ассоциативно поддерживают атмосферу любовного аффекта, выражаемого прежде всего придыхательной фонацией.

Сужение голосовой щели, как и ее расширение, может иметь разные варианты реализации. Например, в стихотворении Бальмонта «Коромысло» оно выступает как глоттализированное завершение ударных гласных в словах: *коромысло, повисло, ласковой, блески, числа, гредишь*. Поэту потребовалось большое искусство, чтобы связать столь разноплановые слова в семантически осмысленный текст.

Субъективное восприятие глоттализации типа «скрипучий голос» требует развития определенных навыков. Однако в звуковой волне на экране компьютера глоттализация видна совершенно отчетливо как неперериодичность звуковой волны.

2.4.3. Ширина гортанной трубки. Расширению и сужению может подвергаться не только голосовая щель, но и гортанная трубка как целое (она представляет собой совокупность хрящей, связанных мышцами и мягкими тканями). Расширение гортани создает особую разновидность «придыхательного» голоса — он звучит как более насыщенный и глубокий. Такая поза гортани в сочетании с повышенным дыхательным усилием используется в сакральной лексике и в словах, связанных с горами. Так огласована, в частности, первая строфа стихотворения Лермонтова «Горные вершины...» (см. выше).

Сужение гортанной трубки создает специфическую напряженность голосообразования, своеобразный «сдавленный» голос (СДГ). У такой фонации есть противоположная лексическая область — это бесовское и низкое, к чему относятся, в частности, все «наро-

сты» на теле: усы, рога, копыта и т. п. Замечательный пример использования этой фонации дает сон Татьяны в 5-й главе «Евгения Онегина». Приведем фрагмент из этой части, где сконцентрированы слова, произносимые «сдавленным» голосом:

[Копыты, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки, —
Рога и пальцы костяные —] (СДГ)
Все указывает на нее,
И все кричит: мое! мое!

Заключение

Существует мнение о близости к исчерпанию проблематики в области формы русского стиха. Вина за это заблуждение — целиком на совести специалистов в области лингвистической фонетики. До сих пор отсутствует сколько-нибудь детальное описание русской фразовой акцентуации в разных стилях речи, а без этого нельзя описать ритмику стиха. Только начинается исследование символической просодии слова и фразы, хотя она активно используется как в обыденной речи, так и в стихе.

В этой ситуации попытки проникнуть в *гармонию стиха божественные тайны* идут по линии расширения подсчетов традиционно фиксируемых элементов формы. Разумеется, на этом пути как отечественными, так и зарубежными стиховедами достигнуто немало важных результатов. Однако, по нашему убеждению, лишь совместные усилия фонетистов и стиховедов и решительный поворот от количественного к качественному анализу формы стиха позволят вскрыть глубинные основы «космоса» стиха.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1998 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
Белый 1910 — Белый А. Символизм. М., 1910.
Блок 1962 — Блок А. О назначении поэта // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 6.
Гаспаров 1993 — Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
Жирмунский 1922 — Жирмунский В. М. Мелодика стиха // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976

- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.
- Кодзасов 2002 — *Кодзасов С. В.* Фазовая символика тона // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Павлова 1987 — *Павлова А. В.* Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- Холшевников 1991 — *Холшевников В. Е.* Типы интонации русского классического стиха // *Холшевников В. Е.* Стихovedение и поэзия. Л., 1991.
- Эйхенбаум 1922 — *Эйхенбаум Б. М.* Мелодика русского лирического стиха // *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969.
- Якобсон 1981 — *Якобсон Р.* О «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» // *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987.
- Lockwood 1983 — *Lockwood D.* Tone in a Non-Substantive Theory of Language // *Lacus forum* 10. 1983. P. 131–140.

М. Ю. МИХЕЕВ

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПРОБЕГ ПО МЕТАФИЗИЧЕСКИМ КОНСТАНТАМ (К СОЗДАНИЮ ТЕЗАУРУСА ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ)

...Система языка как потенциального запаса (еще) не узаконенных применений слова.

В. П. Григорьев

Если проиллюстрировать подход к исследованию человеческого текста гипотетических представителей внеземной цивилизации, прилетевших откуда-то из космоса, для которых значения отдельных слов уже каким-то образом известны (предположим, что ими уже получены словари русского языка), то для них единицы языка приведены в порядок, но смысл Целого (например, текстов или даже отдельных предложений) будет представлять загадку, образуя непонятное в нашей земной цивилизации, некий Хаос.

Собственно, о каком «пробеге» и о какой статистике можно говорить? Да и о каких *константах* для художественного произведения (а тем более для автора в целом) может идти речь? Какой тезаурус можно приписать художественному произведению или автору? На мой взгляд, внутри любых текстов существенно то, что в них повторяется и делает, таким образом, одного автора отличным от другого. Огрубляя, можно считать, что у двух авторов, пишущих по-русски, повторяется словарь, но каждое отдельное слово в нем может быть более, менее или совсем не употребительным. Внимание Аввакума, скажем, обращено к одним предметам и понятиям, внимание Радищева — к другим, а внимание Пушкина — к третьим, хотя язык остается для всех трех в известной степени одним и тем же. (Точно так же можно отличить Набокова от Платонова — они одногодки.) Частота употребления какого-то слова дает нам, пусть в первом приближении, представление о точках интереса данного автора, о его пристрастиях или даже о некоторых больных его точках, «пунктиках». В этом смысле можно говорить о тезаурусе данного произведения и данного автора в целом (см. [Гаспаров 1995]).

Несколько слов о том, какая и как статистика была получена. Мною взяты наиболее существенные (и они же, как правило, наиболее длинные) произведения Андрея Платонова — романы «Чевенгур» и «Счастливая Москва», повести «Котлован», «Ювениль-

ное море», «Сокровенный человек» и рассказы «Река Потудань», «Возвращение» и «Одухотворенные люди». Для возможности сравнения их совокупный объем в словоупотреблениях приведен в соответствие объему раздела Частотного словаря под редакцией Л. Н. Засориной [Засорина 1977] «Художественная проза» в целом, с помощью соответствующих коэффициентов. У отдельных слов и целых гнезд (таких как *Смерть: умереть / умирать / мертвый / мертво / мертветь / мертвенный / мертвец / скончаться* или *Причина: причинять / благодаря / из-за / потому что / так как / поэтому / так что* и т. д.) подсчитывается процент их употребительности в том или ином произведении писателя, и этот процент соотносится со средними цифрами его употребления в частотном словаре, на основании чего представляется возможным говорить о личных пристрастиях автора. Так, можно говорить о пристрастии Платонова к изображению Смерти как таковой или к фиксации им Причинных связей, а соответственно, о гипертрофии в его мире чего-то одного (за счет умаления чего-то другого). Сами Смерть и Причинность были взяты мной как отдельные Полюсы в соответствующих рубриках писательского «тезауруса» (Смерть — Жизнь; Причинность — Случайность и т. п.).

При беглом обзоре основные мотивы, или ключевые концепты, Платонова могут быть заданы следующим (далеко не исчерпывающим, разумеется) списком.

Одна из констант, как представляется, платоновской эстетики в целом — это Слабое и Слабость как таковая (401%) — в противопоставлении Сильному и Силе (99%). Приведенные цифры говорят о том, что один из смысловых полюсов, Сила, находится на общем уровне по частоте употребления соответствующих слов у данного автора (за неимением лучшего условно принимаем совокупные частоты слов *сила, сильный, сильно, усилить* в словаре Засориной за 100%), тогда как другой, Слабость (со словами *слабый, слабо, слабость, ослабить*), в четыре раза превышает среднюю частоту по Засориной! Вот это и можно считать элементарным случаем прямой выделенности понятия у Платонова (+4 0).

Некрасивое и Уродливое (85%) — по сравнению с Красивым и Прекрасным (28%). Здесь, как мы видим, напротив, оба полюса оказываются ниже среднего показателя. Это уже говорит о том, что внешней оценке предметов и лиц у данного писателя уделяется минимум внимания, а если нечто отмечается автором, то скорее все-таки именно как Некрасивое. Красота же для него как будто не существует, может быть, даже табуируется, стесняется быть названной. Тут, наверное, можно было бы говорить о выде-

ленности внутри невыделенного ($-4 - \frac{1}{6}$). В этом пункте тезауруса антиподами Платонова надо было бы считать Набокова и Пришвина, а сходным с ним можно признать Марину Цветаеву.

Чувство как таковое вообще (365%) — в противоположность Уму и Рассудку (246%)¹; а среди всех Чувств, в частности, Отрицательные — т. е. *Скорбь* (650%), *Грусть* (498%), *Мучение* (476%), *Тоска* (461%), *Скука* (398%), *Печаль* (280%) и т. д. противопоставлены Положительным: *Счастьем* (232%), *Радости* (207%)... *Веселью* (18%)! и *Смеху* (10%)! Последние у Платонова практически отсутствуют: вместо Веселья платоновский герой либо испытывает сразу же Радость и даже Счастье (здесь очевидно некоторое преувеличение, авторский пароксизм), либо впадает в Тоску и Печаль (что также безусловно есть преувеличение и деформация того, как мы среднестатистически воспринимаем окружающий мир). Если же взять суммарно оба полюса, то и Положительные чувства у Платонова оказываются выше среднего уровня (120%), хотя все же существенно уступают лидирующим для него Отрицательным (160%)². При этом общая доля слов, выражающих те или иные Чувства, которые мной учитывались при подсчетах (учтены безусловно не все слова, и достижение в этом вопросе полноты и точности рубрик дело будущего), составляет, сравнительно с суммой частот всех словоупотреблений по словарю Засориной («Художественная проза», где значатся Горький, Пришвин, Шолохов, Федин др.), всего около 1,5%.

Внутри Полюса этой рубрики: Ум противостоит отрицательно маркированной для Платонова *Глупости* (91%), но также и положительно выделенному полюсу *Выдумка и Догадка* (127%). Все три полюса подрубрики, т. е. Ум + Глупость + Догадка, занимают при этом 1,1% всего частотного словаря Засориной, у Платонова же их доля выше — 1,4%.

Время вообще (154%), с особым пристрастием ко времени Вечному и неизменному, застывшему и остановившемуся (185%), а также времени Суток (*день, ночь, вечер, утро*) — 137% — в отличие

¹ Напомню, что проценты означают наполнение Полюсов данной рубрики у Платонова (т. е. совокупности слов со значением соответственно — Ум и Чувство); я сравниваю их с обычной частотой в художественной прозе, каковая принимается за 100%. Как мы видим, оба Полюса для Платонова имеют явно повышенные частоты. Будем считать это двойным выделением (+3,7 + 2,5).

² Здесь опять-таки двойное выделение, и можно говорить о выделенности внутри выделения (+1,2 + 1,6). При этом уровень платоновских Веселья и Смеха примерно в 3–4 раза ниже уровня соответствующих булгаковских эмоций (*веселый, весело, веселье, веселиться* — 56% и *смех, смеяться, смешно, смешной, смешить* — 43%; сравниваю по «Мастеру и Маргарите»).

от нехарактерного для этого автора времени Периодического, исчислимого (*неделя, сутки, минута, секунда, час, год*) — 75%, а также в противопоставлении ко времени неожиданно меняющемуся, скачущему, т.е. Времени-«вдруг» (88%), вообще-то характерному для поэтики многих других авторов, например Достоевского. Доля слов, так или иначе указывающих на Время, составляет в общем 3,8% словаря (по Засориной); а у Платонова их доля существенно выше — 4,6%.

Место вообще как таковое, или же место-«где» (139% — см. табл. 1 в конце данной статьи) — в сопоставлении с направленным перемещением, местом-«куда и откуда» (две последние подрубрики вместе — 119%).

Нахождение Вдали и Удаление как таковое (150%) резко противостоит отрицательно маркированной Близости, Сближению и нахождению Вблизе (65%). Последний вид противопоставления у Платонова хочется считать особым видом трансформации понятия, с отрицательным выделением наиболее ценного и желанного. Ведь ценностью для писателя наделено как раз то, что частотно не выражено, замалчивается — по некой особой авторской стыдливости, что, впрочем, вскрыть без анализа глубинного смысла его произведений на основании одной лишь статистики пока невозможно. Вторит предыдущему разделению, хотя и организована статистически прямо обратным образом, такая подрубрика, как Целостность объекта и Цельное (197%) — в противопоставлении также положительно выделенному полюсу: Разрозненные Части и Разъединение (140%). Крайне характерен для Платонова также интерес к нахождению Внутри чего-то (333%)! — этот полюс более чем вдвое превышает свою противоположность, т.е. нахождение Снаружи (150%), хотя также положительно выделенному: оба Полюса последнего противопоставления значительно выше среднего уровня, что является излюбленным у Платонова способом обращения с привлекающим внимание понятием. (То же, кстати, мы ранее видели в рубрике Чувства — Ум: оба полюса с явным превышением, но один из них с относительным преобладанием.) В целом же рубрика «Место» представляет вообще наибольшую долю из обследованных мной частей лексикона — по Засориной, на него падает 4,8%, а у Платонова ее покрытие в целом чуть ниже среднего уровня (98%), — на мой взгляд, именно за счет невнимания к такому весьма «весомому» в нашем общем словоупотреблении полюсу, как Близость и Приближение (забавно возникающее тут противоречие: Близость как бы табуируется, вытесняясь Отдалением, тогда как нахождение Внутри почему-то вызывает значительно больший интерес, чем нахождение Снаружи).

Пустота и Порожнее (214%), а с другой стороны, также положительно маркированные Теснота и Узость (112%) контрастируют с традиционно признаваемыми национально-специфически «русскими» понятиями Раздолья и Широты, последние из которых оказываются как раз совсем нехарактерными для Платонова (78%). Причина, Причинная обусловленность и Целесообразность всего происходящего в мире (160%) — в противоположность Случайности и Непредсказуемости событий (47%). Доля соответствующей рубрики в целом составляет около 1% общего словаря или же 1,7% для Платонова. Здесь опять-таки следует констатировать, что реально интерес Платонова прямо обратный: мир, как и человек, для него неупорядочен и хаотичен, а постоянные препинания рассказчика и героев на *потому что, так как, чтобы* и т. п. — это как бы его собственные заклинания неупорядоченности и случайности, косвенные указания на невозможность обнаружения каких-либо закономерностей. (Это не следует из статистики, а нуждается в содержательном анализе.)

Вторит предыдущему по смыслу, но частотно структурирована обратным образом следующая подрубрика: Законность и Этика (а также знание и следование Нормам поведения) — она составляет всего лишь 86% (см. табл. 2 в конце статьи); тогда как прежде всего приковывает внимание Платонова противостоящие им — Беззаконие и Своеволие (141%). В последнем случае, правда, сам полюс весьма незначителен по объему — частота входящих в него слов по словарю Засориной 21. В целом и вес всей подрубрики невелик — 0,4% словаря.

Запахи (156%) и особенно Осязание (от 500% до 1200%, где последняя цифра из «Котлована») — т. е. как бы истинные для человека знаки, поступающие к нему от предметов и явлений на прямую сравнительно со значительно уступающими им — Словом и Речью (72%), Слухом (от 40% до 70%), а также Зрением (от 74% до 89%)³. Слова пяти Органов чувств составляют 1,1% от словаря Засориной, а у Платонова они, естественно, значительно ниже.

Смерть (250%) и особенно Сон (355%), последний же, по-видимому, как метафора смерти, — в соотнесенности с Жизнью (120%). Тут опять двойное выделение. Вместе они составляют 0,5% словаря, а у Платонова, конечно, больше.

³ Здесь численный интервал описывает колебания частоты употребления соответствующих слов в различных платоновских произведениях («Чевенгур», «Котлован», «Счастливая Москва», «Сокровенный человек»).

Теплота (Нагревание) и Свет (163%) — в сопоставлении с Холодом (Остыванием) и Темнотой (82%); в целом доля этой рубрики в словаре — 0,5%. Но при этом Мутное и Тусклое у Платонова — 79%, в отличие от Блестящего и Прозрачного (56%), т.е. оба полюса последней рубрики оказываются выделенными отрицательно; а при этом явно ощутимо пристрастие автора к *мутному свету*, что уже было фиксировано многими исследователями (*мутный*, *мутно*, *мутность*, *замутненный* — это единственное гнездо слов внутри данной рубрики, положительно маркированных в произведениях Платонова — 131%).

Более мелкие (по объему, но не по важности для автора) концепты:

Потеря, Утрата и Исчезновение (133%) — в противоположность Приобретению и Накоплению (127%). Тут опять оба полюса положительно маркированы и оба количественно практически одинаково: платоновские «сокровенные» герои, с одной стороны, страстные собиратели распадающегося на части вещества, а с другой стороны, постоянно мучающиеся от потерь и утрат страдальцы.

Забывание и Забвение (252%) — в противопоставлении Памяти и Припоминанию (129%). Но содержательно опять обратное соотношение по сравнению с различиями частот! Платонов и его герои, как хорошо известно, радеют как раз за *Память* и весьма болезненно относятся и переживают *Забвение* чего бы то ни было в мире (это, условно говоря, «федоровский» лейтмотив в его творчестве).

Скупость и Жадность (212%) — в противоположность Щедрости и Великодушию (0%). Тут вообще некая уникальная ситуация: слова последней категории отсутствуют в платоновском словаре! Это трансформация в наиболее ярком, т.е. как бы «психоаналитическом» варианте, с полным *вытеснением* и подменой имени самого понятия⁴.

Сердце (211%) в сопоставлении с Душой (126%), но при этом в резком противостоянии, с одной стороны, Духу (59%), а с другой, еще большем — Телу и Плоти (812%)! Для сравнения: по рассказам Набокова подобная статистика дает следующие показатели: *сердце* — 96%, *душа* 129%, *дух* — 40%, Тело и Плоть 157%, что практически повторяет платоновское расхождение между душой и духом⁵.

⁴ «Щедрость» присутствует в платоновских текстах только как *щедрость ума*, а *великодушным* назван паровоз в «Чевенгуре»: т.е. фактически это понятие у Платонова допустимо только в «снятой» форме — как *расточительство*, *растрата*, *расход* и т.п.

⁵ Кстати, Набоков напоминает Платонова и в другом — в построении словосочетательных неологизмов с интересующим словом-понятием: в его рассказах встречаются такие выражения как: *поле души*, *близорукость души*, *раковая*

Среди Стихий преимущественный интерес у Платонова к Воздуху (219%) и Земле (146%) — в отличие, как это ни странно, от Воды (75%) и Огня (49%) (различные цвета, как это делается для поэзии, я не анализировал).

В заключение приведу также и платоновские «отрицательные маркеры»⁶, т.е. понятия с уровнем наполнения, уступающим среднему или, по крайней мере, не выделяющиеся из него: Замедленность действия (93%) — и Быстрота, Скорость (88%); Малое (85%) и Большое (70%); Мусор и Грязь (103%) — Чистота и Порядок (96%).

Конечно, говорить о выделенности того или иного концепта у писателя в целом на основании частоты употребления тех или иных слов, или даже на основании совокупной частоты тематических групп слов, как я это делаю, рискованно. Увеличение частоты слова может быть следствием просто каких-то частных языковых пристрастий автора. Но тут, мне кажется, в значительной степени корректирующим моментом является то, что берется не слово отдельно (лексема) и даже не понятие отдельно (со всеми своими синонимами), а в целом вся подрубрика (Полюс рубрики) соответствующего тезауруса — как с «положительными» внутри нее, так и с «отрицательными» словами-маркерами.

Следующим существенным средством поэтического выделения важных автору тем, после частотного, можно было бы считать неологизацию. Правда, для Платонова слова-неологизмы не так характерны, как, скажем, для Хлебникова или для Белого. Но у него есть такой собственный прием, как нагнетание нестандартной сочетаемости вокруг интересующего его слова-понятия, — например, вокруг того же понятия души (*заголилась душа, душа опростоволосилась, душевная прилежность* и т. п. — ср. с приведенными выше сочетаниями Набокова)⁷.

опухоль души, дымок души, птичье трепыхание (ее, Нининой) души, (давать пропуск только до) порога (Катиной) души. Если проводить пересчет на текст русского перевода Библии, то *дух* у Платонова составляет всего лишь 3%; зато *сердце* — 71%, а *душа* — 78% и *тело* — 352% от новозаветных (хотя *плоть* — только 3%). При этом, возможно, более показательно было бы сравнить Платонова с Ветхим Заветом. Так как по сравнению с художественной прозой XX века (по Засориной) в Библии три первые понятия явно выступают ключевыми, то наиболее близким к библейскому оказывается употребление Платоновым именно слова *душа*.

⁶ Имеется в виду то, что названо в работах А. Я. Шайкевича [1995; 1996; 1999] «лексическими маркерами».

⁷ Подобием того, что Платонов проделывал со словосочетаниями, включающими слово *время*, могут служить неологизмы на основании того же слова у В. Хлебникова [Перцова 1995]. Вообще, на мой взгляд, платоновское, преимущест-

Кроме того, для Платонова можно задать и такой уровень деформации общего языка, как намеренное превышение в лексиконе слов с абстрактным значением (на *-ение, -ание, -ствие, -ство* и т. п.), а также явное предпочтение им конструкций с родительным падежом перед всеми остальными (типа *вещество существования, терпение нежности* и т. п.). Здесь, кстати, в будущем статистике предстоит выработать способы сбора и оценки долей слов с произвольными, а не только начальными или конечными фрагментами слова внутри лексикона, а с другой стороны, способы подсчета частот сочетаний слов, которые выражают целостные смыслы (таких как *таким образом, так сказать, потому что, стало быть, всё равно, без разницы* и т. п.).

Все вместе обчисленные мной рубрики занимают всего лишь около 15–20% всех словоупотреблений лексикона, т. е. менее $\frac{1}{5}$ части словаря Засориной. Если в дальнейшем подобным обчетом, или, говоря метафорически, «сканированием» авторского сознания, займется какой-нибудь более дотошный исследователь (представитель инопланетной цивилизации), ему предстоит, во-первых, выявить действительно все, а не только некоторые, как это сделано здесь, «лексические неровности и шероховатости» на пространстве текстов данного автора, во-вторых, проверить, насколько «выпуклостям» или «впуклостям» соответствует подкрепление

венно «словосочетательное», языковое мышление следовало бы соотнести с тем, насколько подверженными трансформациям (но уже, как правило, морфологическим, словообразовательным) оказывались наиболее значимые слова у «председателя земного шара», т. е. у Хлебникова, или у Андрея Белого. Ср. [Перцова 2001: 277–278], — где около 9000 хлебниковских неологизмов разложены по гнездам-корням, а сами гнезда, оказывается, можно сравнивать по их продуктивности в авторском языке (цифра обозначает количество новообразований от данного корня): *любить* — 335; *умирать, смерть* — 140; *смех, смеяться* — 119 (рад — 26, веселый — 14, хохотать — 16, грусть — 25, печальный — 4, скорбь — 9, скучать — 2, тоска — 2); *небо* — 111; *мочь, могучий, могущество* — 110 (*сила* — 23, *сильный, мощь* — 0?); *ум* — 108 (*думать* — 49, *мысль* — 32, *чуять* — 3, *чувство* — 0?, *помнить, память* — 5); *бог* — 102; *нежный* — 90; *летать* — 89; *мир* (целое) — 87; *мир* (покой) — 12; *делать* — 83; *земля* — 80 (*огонь* — 29, *вода* — 24, *воздух* — 13, *дерево* — 11, *древо* — 0?); *люди* — 79 (*человек* — 18); *звук, звучать* — 74; *жизнь, жить, живой* — 73; *будет* — 70; *грезить* — 70 (*мечтать* — 24, *мечта* — 0?); *ярь, яростный, яриться* — 67; *верить* — 66; *петь, песня* — 66; *око* — 64 (*видеть* — 33, *глаз* — 35, *глядеть, смотреть* — 10, *взгляд* — 10, *вид* — 5); *время* — 62 (*народ* — 8, *племя* — 5, *история* — 0?); *синий* — 48 (*голубой* — 34, *зеленый* — 26, *красный* — 20, *сизый* — 12, *сивый* — 6); *воля* — 45; *зов* — 40; *дух* — 14; *душа* — 12 (*сердце* — 5, *сердитый* — 3); *чаровать, чары* — 27; *простирается, простор, пространство* — 6 (*пустой* — 8, *пустота, тесный, узкий, сжатый, зажатый, жать, сжимать* — 0?); *смердеть* — 6 (*вонять, благоухать* — 3, *запах, пахнуть* — 0?).

по данной рубрике в целом — с достижением возможных полноты и точности. В последнем вопросе важнейшей задачей является, в-третьих, еще выработка универсально подходящего набора рубрик, с их наполнением конкретными словами, т. е. предстоит поделить весь лексикон на зоны, может быть, с допустимостью только частичного пересечения. В идеале же следовало бы создать своего рода универсальный тезаурус для нужд литературы.

Конечно, в таком сложном и неоднозначном продукте человеческого сознания, как художественный текст, могут быть вещи скрытые, намеренно спрятанные от поверхностного взгляда или же пропускаемые автором (стыдливо избегаемые или даже вытесняемые), о которых тем не менее и собственно ради которых написан сам текст. (О таких вещах, например, пишет Ольга Меерсон в своей книге о Достоевском [Meerson 1998].) Подобного рода «высшим пилотажем» интерпретации текста я здесь не занимался, но уже упоминал о возможном перевертывании статистики с ног на голову. Итак, чтобы все-таки разобраться в существе дела, будущим инопланетянам придется более подробно, чем по одним текстам, знакомиться с проявлениями Порядка и Хаоса в нашей (или любой другой, изучаемой ими) культуре. Частные темы платоновского тезауруса были рассмотрены мной в работах [Михеев 1998; 1999а; 1999б; 1998в; 2000а; 2000б и др.].

Таблица 1. Ключевые концепты у Платонова и их вес

Слабость — Сила	(+4 0)
Красивое — Некрасивое	(-4 - ¹ / ₆)
Чувство (вообще) — Ум (вообще)	(+3,7 +2,5)
Отрицательные чувства — Положительные	(+1,6 +1,2)
Глупость — Выдумка и догадка	(- ¹ / ₁₀ +1,3)
Время вообще	(+1,5)
Время вечное — Время «вдруг»	(+1,9 - ¹ / ₁₀)
Время суток — Время исчисляемое	(+1,4 - ¹ / ₄)
Место-«где» — Место-«куда и откуда»	(+1,4 +1,2)
Удаление — Приближение и близость	(+1,5 - ¹ / ₈)
Цельность — Разрозненность	(+2 +1,4)
Внутри — Снаружи	(+3,3 +1,5)
Пустота — Теснота — Раздолье	(+2,1 +1,1 - ¹ / ₈)
Причина — Случайность	(+1,6 - ¹ / ₂)
Беззаконие — Законность	(+1,4 - ¹ / ₇)
Запахи — Осязание	(+1,5 +7)
Речь — Слух — Зрение	(- ¹ / ₄ - ¹ / ₂ - ¹ / ₈)

Смерть — Сон — Жизнь	(+2,5	+3,6	+1,2)
Тепло и Свет — Холод и Темнота	(+1,6	-1/8)	
Мутное и тусклое — Блестящее и прозрачное	(-1/8	-1/2)	
Потеря — накопление	(+1,3	+1,3)	
Забвение — Память	(+2,5	+1,3)	
Скупость и жадность — Щедрость и великодушие	(+2,1	Ø1)	
Сердце — Душа — Дух — Тело	(+2,1	+1,3	-1/2 +8,1!) ⁸

Таблица 2. Место как таковое, место-«где»⁹

слово:	СЧ	Ч	К	ЮМ	СМ	РП	ОЛ	В	З	все:
оказаться/ оказываться	8	34	3	7	6	3	3	0	107	65%
тут/тут-то	35	142	17	24	5	6	12	6	393	69%
положение	1	7	5	5	6	0	0	2	31	91%
там/там-то	59	222	57	23	40	28	21	22	449	115%
здесь	6	128	54	46	32	8	10	6	230	137%
место/-ность/ местоположение	28	189	65	27	25	15	21	5	282	145%
где-то/-либо/ -нибудь	8	51	11	4	19	1	3	0	46	230%
находиться/ нахождение	2	51	35	12	19	6	5	2	40	360%
где	27	179	47	31	49	14	12	26	116	362%
пространство/ простирать/-ся	10	37	11	21	22	3	1	1	22	525%
все вместе (в %):	149	141	140	138	121	137	137	137	100	139%

⁸ Здесь 0 означает отсутствие отклонения, а знак Ø обозначает отсутствие словоупотреблений, т. е. максимальное отклонение.

⁹ Условные обозначение и количество словоформ в произведении (округленно): СЧ — «Сокровенный человек» (19 350); Ч — «Чевенгур» (115 000); К — «Котлован» (34 100); СМ — «Счастливая Москва» (28 700); ЮМ — «Ювенильное море» (22 600); РП — «Река Потудань» (9280); ОЛ — «Одухотворенные люди» (10 070); В — «Возвращение» (7710); З — частота в словаре Засориной [1977] (где учтено всего 268 321 словоупотребление); все или все вместе — доля соответствующего слова относительно словаря Засориной или доля всех слов в данной рубрики из соответствующего произведения.

Таблица 3. Закон, этика, знание норм поведения

слово:	СЧ	Ч	К	ЮМ	СМ	РП	ОЛ	В	З	все:
вина/-овен/-оват	1	11	0	0	0	1	2	0	66	25%
зло	0	4	1	2	0	0	0	0	22	35%
закон	3	9	4	0	0	0	0	0	29	60%
обязанность	1	4	1	1	0	0	1	0	13	67%
должен	16 ¹⁰	50	25	14	2	4	9	8	184	76%
обязан/-ельно/-ый	3	12	5	2	0	0	1	0	28	78%
совесть	3	11	5	1	0	0	1	0	29	79%
справедливо/-сть	3	15	1	0	0	0	0	0	24	86%
правило/-ый/-ость	3	37	5	3	0	2	7	0	67	93%
порядок	0	15	2	5	1	2	0	3	32	95%
добро	1	16	4	6	3	6	2	3	23	194%
все вместе (в %):	91	84	70	78	11	75	119	94	100	86%

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров 1995 — *Гаспаров М. Л.* Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный (1984) // *Гаспаров М. Л.* Избранные статьи. М., 1995. С. 275–285.
- Засорина 1977 — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
- Михеев 1998 — *Михеев М. Ю.* Еще раз о том, как построить тезаурус к художественному тексту // Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1998.
- Михеев 1999а — *Михеев М. Ю.* Родительный падеж — пролетарий от грамматики, или гегемон — в языке Андрея Платонова // Труды международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Таруса, 1999. Т. 1.
- Михеев 1999б — *Михеев М. Ю.* Платоновская душа: к восстановлению смысла так и не доведенной до конца утопии // Философские науки. М., 1999. № 1–2. С. 83–113.
- Михеев 1999в — *Михеев М. Ю.* Мифология вместо причинности у Андрея Платонова // Вопросы философии. 1999. № 10.
- Михеев 2000а — *Михеев М. Ю.* К составлению тезауруса языка писателя (еще раз о загадке времени у Андрея Платонова) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2000. № 6.

¹⁰ Сюда же попадает, к сожалению, и масса употреблений с модальным словом «должно».

- Михеев 20006 — *Михеев М. Ю. Скупость Ума и Жадность Чувства* (деформация привычных понятий в поэтике Платонова) // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2000. Т. 59. № 6.
- Перцова 1995 — *Перцова Н. Н. Словарь неологизмов Велемира Хлебникова*. Wien; М., 1995 (= Wiener Slawischer Almanach. Sbd. 40).
- Перцова 2001 — *Перцова Н. Н. Словообразовательные гнезда в неологии В. Хлебникова* // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докладов международной научной конференции. М., 2001.
- Шайкевич 1995 — *Шайкевич А. Я. Конкорданс к прозаическому тексту* (к выходу в свет конкорданса к «Преступлению и наказанию») // Русистика сегодня. 1995. № 2.
- Шайкевич 1996 — *Шайкевич А. Я. Дифференциальные частотные словари и изучение языка Достоевского* (на примере романа «Идиот») // Слово Достоевского: Сб. ст. М., 1996.
- Шайкевич 1999 — *Шайкевич А. Я. Пушкин и Мицкевич: Опыт лексического сравнения* // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1999. Т. 58. № 3.
- Meerson 1998 — *Meerson O. Dostoevsky's taboos*. Dresden: University Press, 1998.

ДОСТОЕВСКИЙ И САРТР: ХАОС И ГАРМОНИЯ

Что такое гармония и хаос во внутренней жизни героев Достоевского? С одной стороны, спокойная безмятежность уравновешенного и ни в чем сомневающегося человека («Живу спокойно, умираю торжественно», как сказано в «Записках из подполья»), а с другой — «шатание, (шатость), иступление, нетвердость, раздвоенность, двойничество, повреждение в уме, умственное расстройство» [Арутюнова 1999: 866]. Подобная хаотичность личности воспринималась П. А. Флоренским не только как болезненная, но и как греховная, и для него, по мнению Н. Д. Арутюновой, «решительно неприемлема психическая модель человека, сознание которого расколото вторжением в него чужеродной идеи» [Там же: 867]. Получается пока, что «раздвоенный» (хаотический) человек, в противоположность «целостному» (гармоническому), — это человек не только не «нормальный», не «настоящий», но и не «хороший» (грешный), виновный перед Богом и людьми.

Но присмотримся теперь к тому высказыванию Флоренского («Столп и утверждение Истины»), которое приводит Н. Д. Старосельская в своей статье «Бывают странные сближенья...»: «Как тенью предмет, каждое утверждение сопровождается мучительным желанием противного утверждения. Внутренне сказав себе „да“, в то же мгновение говорим мы „нет“, а прежнее „нет“ тоскует по „да“. „Да“ и „нет“ неразлучны. Теперь далеко уже сомнение, — в смысле неуверенности; началось абсолютное сомнение, как полная невозможность утверждать что бы то ни было, даже свое утверждение. Последовательно развиваясь, скепсис доходит до собственного отрицания, он не может перескочить и через последнее, так что обращается в бесконечно-мучительное сомнение, в потуги, агонию духа» (цит. по: [Старосельская 1996: 544]). Можно сказать, что здесь раздвоенность, при всей ее мучительности, уже не только не производит впечатления чего-то аномального, а тем более греховного, но представляется скорее как неотъемлемое свойство человеческой природы.

Нам, однако, с полным основанием могут возразить, что здесь речь идет о совершенно разных вещах, ведь душевное (психическое) не есть то же, что духовное (интеллектуальное, метафизическое), но дело в том, утверждает Н. А. Бердяев, что Достоевский

объясняет духовное именно через душевное, поднимая второе до уровня первого. «Он раскрывает человеческую природу не в устойчивой середине, не в обычной, нормальной жизни, а в подсознательном, в безумии и преступлении. В безумии, а не в здоровье, в преступлении, а не в подзаконности, ночной стихии, а не в дневном быте, не в свете сознательно организованной души раскрывается глубина человеческой натуры, исследуются ее пределы и границы... Он знает только экстатическую человеческую природу... Человек, приобщившийся к миру Достоевского, становится новым человеком, ему раскрываются иные измерения бытия. Достоевский — великий революционер духа... Он открыл метафизическую истерию русской души, ее исключительную склонность к одержимости и беснованию» [Бердяев 1998: 30–33]. Но, показав русского человека как «апокалиптику», стремящегося во всем дойти до конца, и вместе с тем все отрицающего нигилиста, он тем самым возвестил и рождение «новой мировой души, нового мироощущения» [Там же].

Эту мысль подхватывает и французский критик де Любак, который в своей книге «*Le drame de l'humanisme athé*» пишет: «Достоевский проливает свет истины на нашу природу именно тогда, когда описывает случаи раздвоения, чтобы заставить нас увидеть под оболочкой „чрезвычайного“ и „анормального“ вполне реальные законы нашего сердца» [Lubac 1954: 283]. Именно поэтому в XX веке Достоевский оказался «родным» многим французским писателям, причем стоящим порой на диаметрально противоположных идейных позициях. Так, глава католического направления во французской литературе Фр. Мориак в своей книге «*Le roman*» охарактеризовал персонажи Достоевского как «живые хаосы» (*des chaos vivants*), подчеркивая их необыкновенную жизненность при всей их неординарности и эксцентричности, и призывал своих французских коллег по перу следовать примеру русского писателя в изображении человеческой натуры во всей ее многогранности и противоречивости [Mauriac 1928: 51]. А. Камю, представитель атеистического экзистенциализма, который, по его собственным словам, «вышел из Достоевского», утверждает, что в своих «персонажах из крови и огня» Достоевский «описал нас (т.е. французов) такими, какими мы будем в середине XX в.» [Camus 1942: 48]. Что же до главного идеолога экзистенциализма Ж.-П. Сартра, то можно сразу сказать, что он представил в своих литературных произведениях «метафизическую истерию французской души» вполне в духе Достоевского. Но подробный разговор об этом у нас будет впереди, пока же вернемся к Достоевскому

и к Бердяеву, который, по мнению многих французских критиков, лучше всех понимал идеи писателя.

По глубокому убеждению русского философа, Достоевский смог так живо описать борение противоположных тенденций в душе русского и вместе с тем будущего «мирового» человека, что сам был «расколот» и «раздвоен», и «в судьбе своих героев рассказывает о своей судьбе, в их сомнениях — о своих сомнениях, в их раздвоениях — о своих раздвоениях, в их преступном опыте — о тайных преступлениях своего духа» [Бердяев 1998: 38]. Французские исследователи творчества русского писателя отмечают, что Достоевский, как нигилист, «гораздо раньше чем Ницше измерил все глубины Зла, таящегося на дне человеческой души, присутствовал при „смерти Бога“ и наметил апологию Антихриста... пережил соблазны титанизма и приступы сатанинской гордости... а его молодым героям, начиная с Раскольникова, было уже известно все, что Ницше еще предстояло узнать... Достоевский наделил Ставрогина всеми чертами „сверхчеловека“, придав ему необычайную силу характера, магнетическую притягательность для окружающих и совершенную внешнюю красоту» [Lubac 1954: 296–303]. Но Достоевский и Ницше — «враждующие братья» (*les frères ennemis*), и там, где Ницше с его абстрактным «сверхчеловеком» остановился на «обоожествлении примитивной стадии человеческой энергии» и состояния «полусознания» и «получеловека», Достоевский выводит своих героев на высший, истинно человеческий уровень Добра и Любви» [Suarès 1913: 356–357]. Достоевский дал нам «противоядие от того яда, которым Ницше отравил мир» [Lubac 1954: 397].

Все это мы видим в его галерее «расколотых» персонажей, которых он проводит сквозь тьму раздвоения, смятения и хаоса. Он обрекает на гибель и безумие тех своих героев, которые не смогли отказаться от нигилизма и от соблазнов человекобожества, чтобы прийти к Богочеловеку, который для него один есть Путь и Истина. Кончают самоубийством Кириллов и Ставрогин в «Бесах», сходит с ума Иван Карамазов. Обретение душевного мира и согласия с самим собой оказались возможны, как некий катарсис, только для тех, кто, оступившись, искупил свою вину и страданием заслужил благодать. Так, к Евангелию приходит на каторге Раскольников, пусть пока по влиянию своей любви к Соне, но его окончательное обращение и очищение близко.

Очень характерна исповедь Дмитрия Карамазова, где он, на примере собственной судьбы, дает своего рода «рецепт» для исцеления человека от «болезни» хаоса. В этой незатейливой, но ис-

кренней исповеди слышен, конечно, в сильно упрощенном виде, почти весь Достоевский, ибо в ней так или иначе затронуты главные вопросы: очищение страданием, принятием мученического венца («за всех и пойду»), борьба веры с неверием, которая заканчивается в пользу веры («некоторжному иначе нельзя»), невозможность нравственности без Бога («Только как же он будет добродетелен без Бога-то?»). Здесь же мы слышим и отголоски мыслей писателя о невозможности социальной гармонии, основанной на безбожной любви к человеку: Дмитрий явно иронизирует над советом Ракитина хлопотать о «повышении цен на говядину», что, по мнению последнего, должно явиться более эффективным средством «оказания любви к человечеству», чем абстрактные «философии» (подробно см. в: [Достоевский 1972: 274–277]). Как тут не вспомнить откровенно циничную «шигалевщину» из «Бесов», а также гораздо более изощренную, но не менее страшную модель общества, созданная Великим Инквизитором. В его земном «раю» все сыты и как будто бы счастливы, но люди превращены в стадо безмозглых холопов, которым даровано «тихое счастье слабосильных существ». Им не нужно ни свободы, ни истины, а только хлеба, а думать и отвечать за них будут другие, которые уже давно не с Христом, а с «ним».

Примерно те же проблемы, но с иным решением, ставит и Ж.-П. Сартр, который прямо декларирует себя наследником Достоевского. Сделав его тезис «Если Бога нет, то все позволено» не только «исходным пунктом экзистенциализма», но и, ассоциировав этот тезис с идеями Ницше об «убийстве Бога», Сартр показывает, как он функционирует в качестве основного поведенческого принципа его героев. Уже сама возможность подобных ассоциаций говорит о том, что Сартр придает словам Достоевского совершенно иной смысл. Покажем это, обратившись к его аргументации в книге «Экзистенциализм это гуманизм». «Вместе с Богом исчезает возможность найти ценности в трансцендентном, ибо нет бесконечного и совершенного разума, чтобы его мыслить, а стало быть, не может быть и априорного добра... <...> Нигде на небесах не написано, что нельзя красть на базаре или бить свою жену. Если Бог не существует, человек предоставлен самому себе (заброшен), ибо он не находит ни в себе, ни вне себя возможности зацепиться (*s'accrocher*). Иными словами, нет детерминизма, человек свободен, человек сам свобода. Нет ни ценностей, ни приказаний, которые бы диктовали или оправдывали наше поведение. Мы одни» [Sartre 1946: 49]. Выходит, что если нет Небесного Владыки, держащего в руках мировой порядок, то человеку нет ни наказания,

ни воздаяния, ни помощи в трудную минуту. Отсюда — необходимость самому принимать решения и нести за них ответственность, т. е. «выбирать себя»; «мы ужасающе свободны», утверждает Сартр в своем главном трактате «L'Être et le Néant» [Sartre 1943: 178].

Есть мнение, что эту идею «выбирать себя», которая у Сартра также выражается во внешне вполне оптимистичной формуле «человек есть его будущее» (*L'homme est l'avenir de l'homme*), философ непосредственно заимствовал у Ницше («Так говорит Зарастустра»). Только если у немецкого философа «убийство Бога» и связанная с этим абсолютная нравственная свобода человека, позволяющая ему находиться «по ту сторону Добра и зла», радостно раскрепощает творческие силы индивида, то для Сартра это отнюдь не апофеоз, а начало тяжелого пути самостоятельного выбора и ответственности за принятие решений. Отсюда — такие типичные для экзистенциализма словосочетания, как *une existence tourmentée, une destinée déchirée, la souffrance universelle*, несущие идею бытийственной тревоги и душевной неустроенности [Huisman 1997: 21–23].

Далее, отсутствие определенной программы, заданной Творцом (априорная «человеческая природа») лишает человека не только нравственных ориентиров, но и с необходимостью влечет за собой изначальное непонимание человеком собственного бытия, его смысла. «Онтологически, объясняет Сартра писатель и критик Фр. Жансон, человеческое сознание всегда находится на расстоянии от самого себя, оно не совпадает само с собой, оно есть не то, чем является, и является не тем, что оно есть. Оно постоянно бежит от самого себя. Поэтому естественное состояние сознания — это состояние неудачи, провала и, как следствие, — внутренняя расколотость человека на «я» и «не-я». При этом выбрать одну половину — БЫТЬ (*être*) значит обречь на несуществование другую — НЕ БЫТЬ (*non-être*), отсюда единственный выход — КАЗАТЬСЯ (*paraître*). КАЗАТЬСЯ — это постоянно играть чужую роль в поисках своей собственной, своего аутентичного «я». Отсюда же — постоянный разлад с собой, внутренняя разорванность, которая делает из него «бесполезный шум». И, продолжает критик, если эта разорванность носит парализующий характер, как у большинства сартровских интеллектуалов, то человек превращается в «бесполезную страсть», шута, комедианта [Jeanson 1955: 191]. Или, еще более образно: «Человек Сартра — это Нарцисс, бегущий за своей душой» [Ibid.].

Подобное представление о человеке у Сартра самым естественным образом вытекает из того, как он понимает то знаменитое вы-

сказывание русского писателя, которое он, провозгласил «краеугольным камнем экзистенциализма». В полную противоположность тому, что хотел сказать Достоевский, Сартр воспринимает положение о несуществовании Бога как аксиому, способную послужить неоспоримым аргументом для вывода тезиса о том, что «Все позволено». При таком подходе хаос, конечно же, неизбежен, ведь «разорванность» от «заброшенности», а «заброшенность» от одиночества под пустыми небесами. Нет возможности человеку найти утешение и в контакте с себе подобными, ибо для Сартра только Бог является посредником людского братства. Но его концепция вовсе не сводится к чистому нигилизму, как у Ницше, ведь Сартр и как философ, и как личность чрезвычайно сложен и противоречив, он всю жизнь будет обращаться к этому больному для него вопросу, пытаясь найти некий «заместитель изживаемым остаткам веры» [Великовский 1979: 88]. Эта новая идеология должна, по его мнению, позволить выйти из замкнутого круга трагического одиночества и хотя бы на время соединить обе половины разорванного «я».

В качестве подобного «заместителя» у Сартра выступает так называемый «историцизм», который предполагает некий нравственный релятивизм и неразборчивость в средствах, если этого требует текущий момент. Сам Сартр характеризует свою концепцию как «иммориалистический историцизм», т.е. нечто находящееся вне жестких рамок традиционной морали, нечто подвижное и относительное [Там же]. О том, какую реакцию вызвала подобная позиция у некоторых его соотечественников, видно, например, из следующего высказывания: «Сартр, как и все мыслители, проповедующие идею насильственной Истории под видом „исторического становления“, стремится оправдать акты насилия, чтобы сохранить свое право на ненависть и продолжать жить в рамках конфликтного сознания и существования. Это ницшеанская воля к власти, которую Сартр напрасно пытается приукрасить философскими одеждами. Это самая развитая стадия авторитаризма, беллицизма и маккиавелизма» [Niel 1960: 56].

Но не все современники настроены так непримиримо. Не прибегая к этическим оценкам, драматургический критик Р. Лоррис дает объективный и беспристрастный анализ «самой сильной попытке философа воплотить свой „историцизм“ в драматургии» [Lorris 1975: 188]. Речь пойдет о невероятно причудливой и барочной пьесе Сартра с характерным названием «*Le diable et le bon Dieu*» (1955). Но, прежде чем разбирать «хитроумную диалектику» пьесы, сначала окунемся в атмосферу сценического действия, как ее

представляет нам С. И. Великовский: «Рыцари-наемники и лесные отшельники, мятежное городское простонародье, погрязшее в предрассудках крестьянство. Церковники всех мастей, бродячие монахи, самозванные пророки. Развороченная крестьянской войной Германия XVI века, где распря и междоусобицам нет конца, где все ополчилось на всех: брат на брата, крестьяне на баронов, города на архиепископов, а исчадие этой войны, военспец Гец фон Берлихинген, еще и на Отца небесного» [Великовский 1979: 176]. Тем не менее, подчеркивает исследователь, это лишь внешне историческая пьеса, на самом в ней все — анахронизм, ибо это «притча об интеллигенте-богоотступнике и смыслоискателе, очередной театрализованный миф трагического гуманизма XX века» [Там же: 167].

Говоря о творческих задачах автора пьесы, Лоррис пишет: «Принято считать, что главная идея пьесы „Дьявол и Господь Бог“ — это доказательство несуществования Бога, в то время как сам Сартр утверждает, что он воспользовался отношениями человек — Бог в моральном и социальном, а не метафизическом контексте». Критик полагает, и в этом состоит его гипотеза, опирающаяся на высказывания самого Сартра, что «главное действие пьесы состоит в попытках Геца прийти к Абсолюту, представленному, соответственно, Добром и Злом, попытки, неудачи которых определяют героя в исторической относительности» [Lorris 1975: 188–189].

Познакомимся теперь с этапами эволюции героя. Сначала Гец делает зло. Его основные качества — это «титанизм» и «сатанизм»: вероломство, злокозненность, богохульство и поистине дьявольская гордость. Это самый настоящий ницшеанский «сверхчеловек», мощный, красивый и дерзкий, чем-то отдаленно напоминающий Ставрогина, если, конечно, можно вообразить последнего в «маргинальной» позиции бастарда, который вынужден силой завоевывать свое место в обществе, — а именно это обстоятельство Сартр положил в основу всех коллизий. Ибо Гец задался целью отомстить обществу за свою незаконнорожденность, за то, что был воспитан из милости и терпел презрение аристократов. *Я как бы из двух половинок, которые никогда не склеишь, одна другой противна* [Сартр 1967: 213] — так характеризует герой свою собственную раздвоенность. Находясь во главе армии бандитов-наемников, Гец предает своих союзников, убивает, грабит, сметая целые города на своем пути. Он находится в полном одиночестве, ведет диалог только с Богом, которого он считает единственным достойным себя противником: *Но что мне до людей? Бог меня слышит меня, я терзаю его слух, и мне этого довольно. Бог — единственный достойный*

противник [Там же: 233]. Кто равен мне? Я — человек, который смущает всемогущего господа. Из-за меня господь противен сам себе [Там же: 339]. Но он все же втайне тяготится своим одиночеством и питает подспудную надежду обрести свой социальный клан и свое настоящее «я».

В этом ему помогают два персонажа-«зеркала»: священник Генрих и народный пророк Насти, оба хотят использовать военный талант Геца и сделать его командующим армии восставших крестьян в их борьбе против баронов и духовенства. Именно в этой роли Сартр видит для своего героя возможность обрести себя, БЫТЬ, а не КАЗАТЬСЯ, приносить пользу людям, а не предаваться бессмысленным бесчинствам. Но Гец колеблется, не идет ни к крестьянам, ни к их врагам. Дело в том, что он — максималист, он стремится делать абсолютное Зло, быть абсолютно «чистым монстром», дьяволом во плоти, который грозит самому Творцу. Но абсолютное Зло начинает ему надоедать: *Зло — это только я, а Добро — это все и вся [Там же: 251].* К тому же оба его соперника-собеседника время от времени внушают ему, что он, «фанфарон порока», мечется впустую: *Ты сеешь беспорядок, — говорит ему Насти, — а беспорядок — лучший слуга установленного порядка... Если хочешь разрушать по-настоящему... иди к нам [Там же: 232].*

Но неумейный Гец прислушивается лишь к голосу своих фантазий: наскучив абсолютным Злом, он вознамерился делать абсолютное Добро. К этому решению его подтолкнул священник Генрих, сказав, что Добро на свете не существует, точно так же, как не возможны ни любовь, ни справедливость. Гец почувствовал в этих словах вызов Провидения и решил разыграть свое обращение в кости (проиграю — стану святым, выиграю — сожгу город и уничтожу его жителей). Проиграв (и не без жульничества), он с прежним азартом принимается делать то, что ему представляется добрыми делами, не интересуясь при этом, каковы будут их последствия. И так же, как он терзал мир своей злобой, он принялся истязать его своей «любовью», по-прежнему пытаясь взять свой социальный реванш, но теперь уже изоцряясь в благодеяниях. Свою бурную деятельность святого он начал с неслыханного по тем временам жеста: раздал свои фамильные земли крестьянам и основал утопический «Город Солнца», где, по его распоряжению, должны царствовать благоденствие и любовь: *Я сделаю вас богатыми, жирными, вы станете любить, черт возьми! Я потребую, чтобы вы полюбили всех людей [Там же: 254].* За время существования «Города Солнца» его население перестало голодать, но превратилось в стадо баранов, которые не говорят, а блеют. И здесь мы

видим прямую реминисценцию из Достоевского: насильственный эксперимент социальной гармонии, «хлебное устройство человечества», «тихое счастье слабосильных существ», правда, лишенных прежней агрессивности, но совершенно слабоумных и безответственных. И «История» Сартра беспощадно расправляется с этой искусственной и несвоевременной утопией: «Город Солнца» стерт с лица земли, и не баронами, а восставшими крестьянами из других местностей Германии за то, что его жители, воспитанные Гецем в духе непротivления насилию, не захотели присоединиться к восставшим. Итак, в абсолютном Добре, как и в абсолютном Зле у Геца итог один — смерть и разрушение.

Убедившись в этом, Гец окончательно теряет свое душевное равновесие: ведь если Добро приводит к Злу, то чем же теперь ему жить? Бывший «сверхчеловек» превращается в изможденного аскета-отшельника, который, подвергая себя тяжким испытаниям, пытается замолить свои грехи. Причем порой совершенно непонятно, когда он «ломает комедию» и ерничает, а когда, будучи действительно сокрушен духом, искренне скорбит о том, что произошло. *Господи, раз ты не даешь нам творить Добро, зачем вселяешь ты в нас столь сильное к этому стремление?* [Там же: 312], в смятении вопрошает герой, а вместе с ним и сам философ, не менее «разорванный», чем его одиозное детище. Но вот его вновь настигает священник Генрих: ведь со времени их спора прошел целый год, и Гецу пора отчитываться за содеянное «добро». И тогда «прозревший» герой начинает судить самого себя: *Значит, все только ложь и притворство. И я не действовал, я делал жесты* [Там же: 310]. *Я вопрошал себя ежечасно, что я в глазах господ? Теперь я знаю: ничто. Ты видишь эту пустоту над головой; то бог. Бог есть молчание, бог есть отсутствие, бог есть одиночество людское... Прощайте, изверги! Прощайте святые! Нет ничего кроме людей!* [Там же: 313].

С чем же остается герой? Увы, ни с чем: Бог для него умер, людей он, в сущности, презирает: его одиночество полное, а отчаяние безграничное. Но тут он обнаруживает, что и признанный вождь бедноты Насти тоже одинок, ибо слишком оторвался от людей и глубоко от этого несчастен: *Я ненавижу ложь и лгу моим братьям, чтобы придать им мужества перед лицом смерти на войне, которую я ненавижу* [Там же: 319]. Тем самым Насти (нечто вроде «плебейского Маккиавели», по меткому определению Великовского) дает Гецу урок того самого нравственного релятивизма, который проповедует Сартр. Он как бы говорит: то, что я делаю, — плохо, но раз этого требует исторический момент, и нет

другого средства достичь цели, я вынужден это делать. Но Гец понимает пока только то, что его одиночество не есть его привилегия, его именно болезнь, но самое главное условие, с которым неизбежно сталкиваются все те, кто встречаются с людьми. И это подталкивает его принять окончательное решение: он объявляет Насти, что берет командование над восставшими. И когда один из начальников крестьянских отрядов отказывается ему повиноваться, он закалывает его кинжалом и предупреждает других, что не потерпит ни малейшей слабости в войсках.

Тотчас же объявите: всех дезертиров — на виселицу!.. Вера в победу придет, когда ваши люди будут бояться меня больше, чем врага... Вот и началось царствие человека на земле. Хорошее начало. Пошли, Насти, я буду палачом и мясником. И еще: Не бойся, Насти, я не отступлю. Заставлю их трепетать от страха передо мной, раз нет иного способа их любить. Буду одинок под этими пустыми небесами, — раз нет иного способа быть вместе со всеми. Идет война — я буду воевать [Там же: 320]. Подобное решение, утверждает Лоррис, — «оптимистическая развязка для человека: занять пост, который ему больше всего подходит. Побеждает мораль действенности, пользы» [Lorris 1975: 195].

О том, как следует оценивать подобную «мораль», мы уже говорили выше, сейчас же наша задача — попытаться схематизировать диалектику сартровской пьесы, точнее, логику эволюции героя так, как она представляется формально. Для этого нам просто нужно синтезировать рассмотренные критические концепции.

БОГ (дьявол) — АБСОЛЮТ (утопия)

Не-быть (казаться)	Не-быть (казаться)
ЗЛО	ДОБРО
личина дьявола,	личина святого,
неудача, комедия,	неудача, комедия.
(утопия).	(утопия).

Итог: неаутентичность личности,
хаотическая разорванность сознания,
«я» и «не-я», враждующие друг с другом.
ИСТОРИЯ — ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ (реальность)
быть, а не казаться,
добро и зло применительно к текущему моменту,
лицо человека на своем месте,
гармоническое единство всех сторон «я»,
нашедшего свое место в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Бердяев 1998 — *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // *Бердяев Н.А.* Избранные труды. Новосибирск, 1998. Т. 2.
- Великовский 1979 — *Великовский С.И.* В поисках утраченного смысла. М., 1979.
- Достоевский 1972 — *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. М., 1972. Кн. 2.
- Сартр 1967 — *Сартр Ж.-П.* Пьесы: Мертвые без погребения. Мухи. Дьявол и господь бог. М., 1967.
- Старосельская 1996 — *Старосельская Н.Д.* «Бывают странные сближения...» (одна из версий пути Алеши Карамазова) // Достоевский в конце XX века. М., 1996.
- Camus 1942 — *Camus A.* Le Mythe de Sisyphe. Paris, 1942.
- Huisman 1997 — *Huisman D.* Histoire de l'existentialisme. Paris, 1997.
- Jeanson 1955 — *Jeanson Fr.* Sartre par lui-même. Paris, 1955.
- Lorris 1975 — *Lorris R.* Sartre dramaturge. Paris, 1975.
- Lubac 1954 — *Lubac H. de.* Le drame de l'humanisme athé. Paris, 1954.
- Mauriac 1928 — *Mauriac Fr.* Le roman. Paris, 1928.
- Niel 1960 — *Niel A. J.-P.* Sartre: héros et victime de la «conscience malheureuse». Essais sur le drame de la pensée occidentale. Paris, 1960.
- Sartre 1943 — *Sartre J.-P.* L'Être et le Néant. Essais d'ontologie phénoménologique. Paris, 1943.
- Sartre 1946 — *Sartre J.-P.* L'existentialisme est un humanisme. Paris, 1946.
- Suarès 1913 — *Suarès A.* Trois hommes: Pascal, Ibsen, Dostoïevski. Paris, 1913.

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ НОРМЫ В ЧТЕНИИ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Проблема понимания художественных текстов в настоящее время занимает серьезное место в языкознании. Художественный текст в большей степени, чем всякий другой, требует внимания к звучанию [Задорнова 1992]. Так как художественное произведение, и особенно произведение поэтическое, является не столько средством передачи информации, сколько средством эмоционального воздействия, средством экспрессивного выражения образов и мыслей, фонетическая организация стихотворного произведения является наиболее важным элементом его структуры. По свидетельству самих художников слова при создании текста ведущими становятся возникающие в их сознании мелодия и ритм, которые затем «наполняются» лексическим содержанием и организовываются синтаксически (В. В. Маяковский. «Как делать стихи»).

Поэзия изначально была рассчитана на устное воспроизведение. Стихи не просто читаются, они декламируются, т. е. «произносятся выразительно». Даже когда мы читаем стихи про себя, мы декламируем их в своей внутренней речи. Поэтому, вероятно, можно утверждать, что понимание поэзии неразрывно связано со способностью воспринять просодию стихотворного текста, услышать, а следовательно, и воспроизвести своеобразное звучание, воплощенное автором в тексте. Проблема озвучивания поэтических текстов имеет две стороны. С одной стороны, бесспорным является тот факт, что прочесть стихотворение вслух выразительно, передать адекватно образы, мысли, выраженные в тексте автором, можно, только поняв все особенности текста. С другой стороны, нередко для того, чтобы понять идею автора, почувствовать все тонкости его замысла и осознать своеобразие текста, нам необходимо озвучить стихотворение — прочесть его вслух, с тем, чтобы через звучание почувствовать особенности просодической организации текста и проникнуть в образно-эмоциональный ряд произведения.

Как прочесть стихотворение, в частности — английское стихотворение? Авторы, посвятившие свои труды исследованию этого вопроса [Томашевский 1996; Gross 1965; Wellek, Warren 1978] сходятся в мнении о том, что при чтении стихотворного произведения существует два пути:

- 1) прочесть стихотворный текст естественно, так, как вы читаете прозу, — чтобы понять смысл написанного;
- 2) прочесть текст, искусственно выделяя акцентные слоги, тем самым подчеркивая стихотворный размер. Это называется скандовкой (scansion).

Скандовка — необходимая основа для просодического анализа произведения [Gross 1965: 30]. Она помогает почувствовать ритм, размер, создает то, что называется «ожиданием» (expectancy). Знающий читатель и умелый чтец совмещает оба пути, находит компромисс между скандовкой и так называемым «прозаическим» чтением, демонстрируя слушателям, как автор использовал отступления от норм стихосложения с целью достижения наибольшего художественного эффекта.

Когда мы читаем стихи, мы пытаемся почувствовать то, что всегда ищем в поэзии, то, что, по общепринятому мнению, отличает стихотворный текст, — ритмичность звучания. Эта ритмичность обусловлена разнообразной системой повторов, используемых в поэзии. Это ритм, рифма, использование аллитераций, ассонанса, консонанса, чередование строк и строф. И здесь на первый план выходит слог как реальная функциональная единица речи [Bolinger, Sears 1981: 29; Abercrombie 1965: 34]. Именно слог, являясь основой просодических характеристик языка [O'Connor, Trim 1953], взаимодействуя с другими компонентами слова, строки и стиха, может выступить в роли подсказки и опоры для воспроизведения в полной мере замысла автора. Слог производится и воспринимается как естественное единство сегментного и сверхсегментного начал, и любые голосовые модуляции, которые могут иметь место в речи, находят реальное воплощение в произнесении слогов [Дечева 1998: 10].

Законы стихосложения не универсальны — они определяются фонетической системой конкретного языка [Поливанов 1963]. И прежде, чем прочесть поэтическое произведение, необходимо не только получить знание о фонетической системе языка, но и представление о том, в чем заключаются нормы стихосложения для языка данного конкретного поэтического произведения. Английское стихосложение описывается как тонико-силлабическое [Левый 1974: 282]. Доминантой английского стихотворного ритма, так же, как и английской речи в целом, является ударение. Для классического английского стиха прежде всего характерно соблюдение количества ударений в строке, следующих приблизительно через равные промежутки времени, во всяком

случае, на слух. Размер, чаще всего встречающийся в произведениях классической английской поэзии, — ямб. Читая английское стихотворение, написанное ямбом, мы воспринимаем нарушения этого размера как отступление от нормы. Пример из «The Rape of the Lock» Александра Поупа (цит. по: [Leech 1997]):

Of these am I, who thy protection claim,
A watchful sprite, and Ariel is my name.
Late, as I ranged the crystal wilds of air,
In the clear mirror of thy ruling star
I saw, alas! some dread event impend,
Ere to the main this morning sun descend;
But heaven reveals not what, or how, or where:
Warn'd by the sylph, oh, pious maid, beware!

Здесь мы наблюдаем несколько примеров отступления от размера, выбранного поэтом для написания этого произведения:

1) перенос ударения на неударные слоги ямбической стопы (*late*, *warn'd*), а также сдвиг ударения на неударное слово в середине четвертой строки, благодаря чему два ударных слога звучат рядом, создавая дополнительный акцент (*clear mirror*);

2) в последней строке появляется дополнительное ударение на слове *oh*, так как в обычной речи это междометие произносится с ударением и было бы неправильно нарушить это правило здесь;

3) в строках 1, 2 и 4 ямб предполагает ударение на словах, которые в нормальной английской речи в подобном контексте не имеют акцента, — *thy*, *is*, *of*.

Соблюдая ударения, отмеченные в первом и втором случаях — ими отмечены знаменательные части речи и это не противоречит правилам английской грамматики, — мы должны отказаться от акцентированного произнесения служебных слов, упомянутых в третьем случае. Их акцентированность, на наш взгляд, не связана с воплощением замысла автора и, к тому же, она приведет к нарушению правила, по которому в английской стихотворной строке должно быть четное количество ударных слогов [Abercrombie 1965: 23].

Рассмотрим еще один пример, который позволит продемонстрировать прием так называемого «обманутого ожидания».

O, that the slave had forty thousand lives!
One is too poor, too weak for my revenge.
Now do I see 'tis true. Look here, Iago;
All my fond love thus do I blow to heaven:
'Tis gone.

Это отступление от поэтической формы, заданной в предыдущих строках, — использование укороченной строки — имеет очевидное художественное значение: тем самым поэт подчеркивает перелом в сознании Отелло, эта как бы оборванная строка отмечает новый этап в его психологическом развитии [Leech 1977: 120].

Следующий пример — из монолога Генриха¹:

In peace there's nothing so becomes a man
As modest stillness and humility:
But when the blast of war blows in our ears,
Then imitate the action of the tiger;

W. Shakespeare. «Henry V»

Мы слышим, как ускоряется темп в последней строке этого отрывка — из-за пропуска ударений, ожидаемых на последнем слоге глагола *imitate* и на предлоге *of* увеличивается количество безударных слогов между акцентными слогами, и в соответствии с правилом изохронности английского ритма они произносятся в более быстром темпе.

Еще один пример из того же монолога, демонстрирующий обратный эффект — замедление темпа, обусловленное отсутствием безударных слогов в промежутках между ударными *which, I, doubt, not*:

...let us swear
That you are worth your breeding: which I doubt not.

Здесь мы наблюдаем не только эффект замедления темпа, но и усиление весомости слов, произносимых Генрихом перед боем для повышения патриотического духа воинов.

Иногда мы встречаем случаи использования поэтами дополнительного, ненормативного — условно назовем его так — ударения в словах для подчеркивания эффекта рифмы. Рифма в стихосложении — не изолированный элемент, а часть сложного комплекса звуковых и семантических средств [Левый 1974: 283]. Способ образования созвучий зависит, как известно, от строения словаря рифм, и в аналитическом языке, каковым является английский, этот словарь небогат. Поэтому в английском стихосложении, как отмечает И. Левый, многократная рифмовка отнюдь не свидетельствует об изощренности автора. Один из возможных способов компенсации отсутствия богатого словаря рифм, кото-

¹ Анализируемый вариант прочтения — в исполнении Лоуренса Оливье в фильме «Генрих V».

рое мы встречаем в английской поэзии, — использование звуковых совпадений — аллитерации, ассонанса и консонанса.

Интересным примером этого, на наш взгляд, является стихотворение У. Одена «That Night When Joy Began» (цит. по: [Perrine 1987]):

That night when joy began
Our narrowest veins to flush,
We waited for the flash
Of morning's leveled gun.

But morning let us pass,
And day by day relief
Outgrows his nervous laugh,
Grown credulous of peace,

As mile by mile is seen
No trespasser's reproach,
And love's best glasses reach
No fields but are his own.

Проанализировав слова, завершающие строки в этом стихотворении, мы видим, как используемые автором ассонанс, консонанс и аллитерация создают изысканное, истинно поэтическое звучание произведения: в 1-й и 3-й, 2-й и 4-й строках каждой строфы используются одинаковые гласные, а в 1-й и 4-й, 2-й и 3-й строках используются одинаковые согласные в конце слов; добавим к этому аллитерацию — повторение согласных в начале ударных слогов везде, кроме, пожалуй, последней строки. Своеобразное переплетение звуковых повторов рождает неповторимое поэтическое очарование, но это своеобразие должно быть увидено и затем воспроизведено при чтении, чтобы быть оцененным и понятым в полной мере.

Другой способ компенсации отсутствия поэтической рифмы, который можно найти в английских стихотворных произведениях, — это использование метрического ударения на обычно неударных конечных слогах слов, завершающих поэтическую строку.

I wandered lonely as a cloud
That floats on high o'er vales and hills,
When all at once I saw a crowd,
A host, of golden daffodils;

W. Wordsworth

В прочтении этого фрагмента стихотворения профессиональными чтецами мы внятно слышим акцент на последнем слоге слова *daffodils* — это ударение, не присущее слову в нормальной

Это отступление от поэтической формы, заданной в предыдущих строках, — использование укороченной строки — имеет очевидное художественное значение: тем самым поэт подчеркивает перелом в сознании Отелло, эта как бы оборванная строка отмечает новый этап в его психологическом развитии [Leech 1977: 120].

Следующий пример — из монолога Генриха¹:

In peace there's nothing so becomes a man
As modest stillness and humility:
But when the blast of war blows in our ears,
Then imitate the action of the tiger;

W. Shakespeare. «Henry V»

Мы слышим, как ускоряется темп в последней строке этого отрывка — из-за пропуска ударений, ожидаемых на последнем слоге глагола *imitate* и на предлоге *of* увеличивается количество безударных слогов между акцентными слогами, и в соответствии с правилом изохронности английского ритма они произносятся в более быстром темпе.

Еще один пример из того же монолога, демонстрирующий обратный эффект — замедление темпа, обусловленное отсутствием безударных слогов в промежутках между ударными *which, I, doubt, not*:

...let us swear
That you are worth your breeding: which I doubt not.

Здесь мы наблюдаем не только эффект замедления темпа, но и усиление весомости слов, произносимых Генрихом перед боем для повышения патриотического духа воинов.

Иногда мы встречаем случаи использования поэтами дополнительного, ненормативного — условно назовем его так — ударения в словах для подчеркивания эффекта рифмы. Рифма в стихосложении — не изолированный элемент, а часть сложного комплекса звуковых и семантических средств [Левый 1974: 283]. Способ образования созвучий зависит, как известно, от строения словаря рифм, и в аналитическом языке, каковым является английский, этот словарь небогат. Поэтому в английском стихосложении, как отмечает И. Левый, многократная рифмовка отнюдь не свидетельствует об изощренности автора. Один из возможных способов компенсации отсутствия богатого словаря рифм, кото-

¹ Анализируемый вариант прочтения — в исполнении Лоуренса Оливье в фильме «Генрих V».

рое мы встречаем в английской поэзии, — использование звуковых совпадений — аллитерации, ассонанса и консонанса.

Интересным примером этого, на наш взгляд, является стихотворение У. Одена «That Night When Joy Began» (цит. по: [Perrine 1987]):

That night when joy began
Our narrowest veins to flush,
We waited for the flash
Of morning's leveled gun.

But morning let us pass,
And day by day relief
Outgrows his nervous laugh,
Grown credulous of peace,

As mile by mile is seen
No trespasser's reproach,
And love's best glasses reach
No fields but are his own.

Проанализировав слова, завершающие строки в этом стихотворении, мы видим, как используемые автором ассонанс, консонанс и аллитерация создают изысканное, истинно поэтическое звучание произведения: в 1-й и 3-й, 2-й и 4-й строках каждой строфы используются одинаковые гласные, а в 1-й и 4-й, 2-й и 3-й строках используются одинаковые согласные в конце слов; добавим к этому аллитерацию — повторение согласных в начале ударных слогов везде, кроме, пожалуй, последней строки. Своеобразное переплетение звуковых повторов рождает неповторимое поэтическое очарование, но это своеобразие должно быть увидено и затем воспроизведено при чтении, чтобы быть оцененным и понятым в полной мере.

Другой способ компенсации отсутствия поэтической рифмы, который можно найти в английских стихотворных произведениях, — это использование метрического ударения на обычно неударных конечных слогах слов, завершающих поэтическую строку.

I wandered lonely as a cloud
That floats on high o'er vales and hills,
When all at once I saw a crowd,
A host, of golden daffodils;

W. Wordsworth

В прочтении этого фрагмента стихотворения профессиональными чтецами мы внятно слышим акцент на последнем слоге слова *daffodils* — это ударение, не присущее слову в нормальной

речи, но звучащее в стихотворной строке, подчиняясь заданному размером ритму, рифмует 3-ю и 4-ю строку.

Еще пример — из Т. С. Элиота:

In the room the women come and go
Talking of Michelangelo.

J. Alfred Prufrock. «The Love Song»

Ненормативное акцентирование последнего слога в слове *Michelangelo* позволяет воспринять ассонанс — *go — lo*, который наверняка потерялся бы, если бы слог остался безударным².

Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что звуковая сторона поэзии (особенно лирической поэзии) является важным элементом общей структуры. Поэзия привлекает внимание различными средствами, такими как размер, рифма, ассонанс, аллитерация, использование последовательных сочетаний гласных и согласных, которые используются поэтами, с одной стороны, в соответствии с определенными, типичными для языка данного конкретного произведения законами, а с другой стороны — авторы поэтических произведений стремятся к разнообразию используемых ими языковых средств с целью достижения максимального экспрессивного эффекта. Силлабика как наука о том, как и с какой целью слоги выделяются в речи, оказывается способной помочь раскрыть замысел автора.

Звуковые явления речи, и поэтической речи в частности, реализуются на уровне слога. Как мы можем убедиться, слоги получают дополнительную степень выделенности или оказываются фонетически ослабленными в соответствии с законами стихосложения конкретного языка и в соответствии с содержанием намерением автора произведения. Чтение стихов — индивидуально, но оно всегда отражает то, что подразумевает текст [Wellek, Warren 1978: 150]. Нужно признать, что всегда существует вероятность нескольких вариантов прочтения одного и того же произведения. Стихотворение может быть прочитано «правильно» или «неправильно», но даже если это «правильное» прочтение, это лишь одна из версий.

² Интересно заметить, что Андрей Сергеев в переводе стихов Т. С. Элиота на русский язык не только сохраняет акцент на последнем слоге слова *Микеланджело*, но и, на наш взгляд, подчеркивает его рифмой со словом *тяжело*:

В гостинной дамы тяжело
Беседуют о Микеланджело.

(Элиот Т. С. Стихотворения и поэмы
в переводах Андрея Сергеева. М., 2000).

ЛИТЕРАТУРА

- Дечева 1998 — *Дечева С. В.* Когнитивная силлабика. М., 1998.
- Задорнова 1992 — *Задорнова В. Я.* Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингво-поэтического исследования: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992.
- Левый 1974 — *Левый И.* Искусство перевода. М., 1974.
- Поливанов 1963 — *Поливанов Е. Д.* Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 93–112.
- Томашевский 1996 — *Томашевский Б. В.* Поэтика. М., 1996.
- Abercrombie 1965 — *Abercrombie D.* Studies in Phonetics and Linguistics. Oxford Univ. Press, 1965.
- Bolinger, Sears 1981 — *Bolinger D., Sears D.* Aspects of Language. New York, 1981.
- O'Connor, Trim 1953 — *O'Connor J. D., Trim J. L.* Vowel, Consonant and Syllable — a Phonological Definition // Word. 1953. Vol. 9. № 2. P. 81–89.
- Gross 1965 — *Gross H.* Sound and Form in Modern Poetry. Ann Arbor, 1965.
- Leech 1977 — *Leech G. N.* A Linguistic Guide to English Poetry. London, 1977.
- Perrine 1987 — *Perrine L.* Sound and Sense: An Introduction to Poetry. Orlando. Florida, 1987.
- Wellek, Warren 1978 — *Wellek R., Warren A.* Theory of Literature. Peregrine Books, 1978.

ПОРОЖДЕНИЕ ТЕКСТА КАК ВЫХОД ИЗ ХАОСА *

Вербализация, облачение мысли в словесную форму может интерпретироваться как своего рода выход, избавление от неотчетливости, смутности некоего предварительного неоформленного знания, которое имеется у субъекта речевой деятельности. Хаос, в том числе интеллектуальный, интуитивно мыслится как скопление каких-либо разнородных, возможно дефектных или неопределенных элементов, с отсутствием (или нарушением) связей, порядка их расположения, т. е. с дефектом общей формы. Текст уже сам по себе есть форма и потому может быть противопоставлен довербальному интеллектуальному Хаосу. Как известно, Хаос (уже как философский термин) допускает двоякую интерпретацию: с одной стороны, это «беспредельная изначальная масса» (БСЭ. Т. 28: 192), из которой затем возникает нечто, с другой стороны — это беспорядок, не связанный с идеей времени. Ситуация порождения текста ассоциируется больше с первым, «фазисным» пониманием данной сущности.

Идея преодоления Хаоса создаваемым Текстом слышится у А. А. Ахматовой:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

На проясняющей, «противохаотической» функции текста основан, например, известный дидактический прием — ученику, не понимающему изучаемый вопрос, говорят: «Скажи, сформулируй, что именно тебе непонятно» [и это само по себе уже будет шагом к пониманию]. Или другой, шуточный педагогический контекст: *так объяснял нечто [неспособному] ученику, что даже сам понял* [а он, мол, все не понимает].

В глагольной лексике процесс вербализации, «рождения формы» более или менее выпукло отражается некоторыми речевыми актами (словами или отдельными их значениями), такими, какие бывают у *сформулировать, выразить (мысль, просьбу, надежду и т. п.), изложить, пересказать, перефразировать, назвать* (в смысле 'наделить пациенс именем'), *выразиться* (создать не-

* Исследование выполняется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект РГНФ № 02-04-00294а.

который текст), *прозвать*, *сочинить* (стихотворение), *слагать* (стихи), *составить* (письмо), *описать* (картинку), *состричь*, *объяснить* (урок ученику) и некоторыми другими.

Глаголам речи посвящены многие языковедческие исследования. Такие глаголы систематизированно описаны в известных работах [Wierzbicka 1987] и [Гловинская 1993]; важные результаты получены и другими авторами, в частности представителями Московской семантической школы (некоторые работы указаны в библиографии к данной статье). Отражены эти глаголы и в базе данных «Лексикограф», разрабатывающейся под руководством Е. В. Падучевой [Падучева, Кустова 94], и мы при дальнейшем изложении в основном будем придерживаться идеологии именно этой системы.

В принципе, идея генерации текста присутствует в семантике почти всякого речевого акта (РА): *сказал* (*попросил*, *пожаловался* и т. п.) — значит, реализуя некоторое намерение, создал (придумал) и произнес (либо написал — регулярно производное для РА действие) некоторый текст. (Исключение составляют глаголы дословного воспроизведения: *процитировал*, *продекламировал*, *прочитал наизусть*, *списал* и др., для которых произносимый или записываемый текст заранее задан.) У большинства РА текстовый компонент не акцентирован, в значении довлеют другие компоненты — собственно содержание высказывания, т. е. сама передаваемая адресату информация (этот компонент, например, четко доминирует в глаголе *сообщил*: *сообщил, что семинар отменяется*), цель высказывания (например, воздействие на адресата в глаголе *приказал*), социальные статусы агенса и адресата (ср. *приказал* и *попросил*), физические аспекты речи (скажем, громкость для *прокричал*), «предыстория» РА: *посетовал* (на что-л. неприятное, случившееся к моменту речи) и другие. Участник «Содержание» — стандартный участник для РА — фактически вбирает в себя текстовый компонент. Собственно текстовая составляющая может характеризоваться не самим глаголом, а, например, некоторым обстоятельственным контекстом: *витиевато*, *сбивчиво*, *уклончиво попросил*; *говорил косноязычно* или, наоборот, *тщательно подбирая слова*.

Глаголы с акцентированным компонентом генерации текста так «высвечивают» речевую ситуацию, что в ней становится важным именно план выражения, и это каким-то образом должно фиксироваться в толкованиях. Вот, например, как учитывается план выражения в толковании глагола *ругать* в [Апресян, Гловинская 1999]: «РУГАТЬ 1 = 'считая действия или свойства какого-л. лица

или объекта плохими, высказывать свое недовольство этим лицом или объектом, *используя для этого более резкую форму выражения, чем в нейтральной речи*» (курсив наш).

Во многих случаях решение о том, акцентирован или нет в речевом глаголе текстовый компонент и должен ли он вноситься в толкование в явном виде, автор словарного описания принимает, опираясь на свое языковое чутье. В этом плане интересно сопоставить толкования близких по смыслу глагольных лексем, предлагавшиеся ранее специалистами в области семантики.

Сравним для примера толкования двух глаголов в словаре [Wierzbicka 1987] — *to persuade 1* (в примерном значении 'убедить кого-л. сделать что-л.') и *to ask 1* ('попросить кого-л. сделать что-л.'); обе лексемы автор относит к одному и тому же подклассу РА — подклассу просьб. У *persuade 1* (1a) автор усматривает текстовую составляющую, которая в формализованном толковании обозначается многоточием в скобках — *I say: (...) [т.е. я, агенс, убеждая, много и пылко говорю «на заданную тему»]*, и это многоточие — фактически отдельный участник ситуации. А в случае с *ask 1* (1b) автор легко обходится без такого участника и описывает РА стандартной формулой с участником «Содержание» (*I say: I want you to do X*), фактически перефразируя на языке примитивов и переменных содержание высказывания.

persuade 1:

- (1a) I think that you should do X; I know that you don't want to do it; I think I can say things which will cause you to think about it in a different way; I want you to come to think about it in a different way; I want to say why I think that you should do it; I say: (...);
I say this, in this way, because I want to cause you to come to think that you should do X, and do it.

ask 1:

- (1b) I say: I want you to do X; I think of it as something that will be good for me; I assume that you don't have to do it;
I don't know whether you will do it; I say this because I want to cause you to do it.

В тех случаях, когда, как для *ask 1* или для русского *попросить 1* (*попросить соседа по купе закрыть окно*), содержание РА удовлетворительно описывается стандартными пропозициями *I say: P; I say that P; сказал, что P; сказал, чтобы P*, вводить в толкование «текстового» участника, скорее всего, не понадобится.

Другой пример. В работе [Зализняк 1991], где толкуется глагол *говорить* в ряде исходных его значений, например в значении 'сообщить' (*Она говорила брату, что собирается поехать в Крым*), используется толковательная формула (2а):

(2а) Человек X [1-й участник] произносит созданный им текст, содержащий смысл Z [2-й участник], для того, чтобы Y воспринял смысл Z.

Тем самым факт генерации текста упоминается, но участником (Z) считается не текст, а смысл. Участником у данного автора текст становится в более дальних употреблениях *говорить* (например, в таком: *Он говорил ей комплименты по-французски*):

(2б) Человек X произносит создаваемый им и обращенный к Y-у текст на языке L, обозначаемый как Z, чтобы сделать доступным восприятию Y-а его смысл.

То есть, когда появляется участник «Язык» (в данном случае французский), становится недостаточным оперировать лишь со смыслом; конкретный язык связан с планом выражения.

В структурированных описаниях «Лексикографа» у глаголов с выраженным компонентом текстопорождения типа *сформулировать* или *изложить* наряду с участником «Содержание» используется и участник «Текст». У глаголов *назвать*, *прозвать*, *окрестить* данная семантическая роль трансформируется в «Имя», для глаголов *убедить*, *доказать* (например, в значении 'убедить кого-л. сделать что-л.') используется фактически тоже текстовый участник «Аргументы» — т. е. такой текст (прототипически связанный и состоящий более чем из одного высказывания), который либо позволит Адресату выстроить нужную для Агенса логическую цепочку, приводящую к желаемому выводу, либо просто воздействует «в нужном направлении» на эмоциональную сферу Адресата.

Компонент текстопорождения ощущается в разной мере у разных значений глаголов (см. процитированные выше толкования разных лексем *говорить*). Можно проследить также за некоторыми типами употреблений глаголов *назвать* и *сформулировать* (эти глаголы принадлежат к числу ядерных по интересующему нас признаку генерации текста). Для ряда употреблений, особенно близких к исходному, текстовый компонент представляется выраженным; при этом варьируются некоторые другие семантические и коммуникативные аспекты, среди которых мера творческой активности агенса, глубина его интеллектуальных усилий, его социальный статус, интенции. Для некоторых более

периферийных употреблений такой компонент ослабевает или исчезает вовсе. Используемая ниже нумерация употреблений является условной; «оцифровка» удобна для нас прежде всего при слежении за компонентом порождения текста; полного исчисления значений мы не приводим.

Итак, у глагола *назвать* компонент создания текста, так сказать, творчества ярко выражен в исходном употреблении, когда речь идет о «рождении» имени: *Одну из малых планет назвали в честь Зои Космодемьянской; Молодежное политическое движение названо «Идущие вместе»* и т. п. Обозначим это употребление через *назвать 1.1*. *Назвать 1.1* — значит придумать и впервые высказать (обладая на это определенными правами) имя для какого-то нового объекта — небесного тела, политической организации, литературного произведения, научного понятия и др. — т. е. выделить это имя из «Хаоса возможных имен», руководствуясь собственными знаниями, ассоциациями, эстетическими представлениями, а также опираясь на существующие традиции (или, наоборот, вопреки им). Новизна паценса называния может пониматься по-разному: он может быть только что возникшим, обнаруженным либо открывшимся в каком-то новом ракурсе.

Меньший Хаос приходится преодолевать субъекту *назвать 1.2* (новорожденного ребенка): *Мальчика назвали Петром: он родился в начале июля*. Данное паценсу имя уже не в той мере является предметом творчества; как правило, оно выбирается из определенного перечня, а не изобретается. Это употребление весьма близко к исходному, хотя оно несколько транспонировано (десемантизировано) по сравнению с 1.1 — снижена произвольность выбора.

Типы 1.1 и 1.2 важны для последующих коммуникативных актов, связанных с названным объектом, — объект получает «законную» и обычно уникальную денотацию.

Употребление *назвать 2* означает 'обнаружить и продекларировать сходство' («породить метафору»); оно близко к изобретению прозвища:

- (3) Когда она [одна из героинь фильма «Начало»]... горделиво поворачивает свою тщательно ухоженную головку и произносит: «А меня мой муж Нефертити назвал», то думаешь, справедливо назвал, правда, похожа [Сб. «Актеры советского кино»].

Такая номинация — акт творческий, но в силу того, что Говорящий не обладает правом уникального «называния», социально менее значимый, как бы факультативный.

В других употреблениях *назвать* акцент на генерации текста уже не просматривается; на передний план выходит собственно информационный компонент РА. В качестве примеров можно указать

— *назвать 2.1* (причислить к некоторому классу):

- (4) Политическое явление может быть названо светлым, если... [пример из МАС];

— *назвать 2.2* (продекларировать некоторое социально-значимое отношение Говорящего к Адресату):

- (5) В этой шали я с ним повстречалась,
И любимой меня он назвал [Старинный романе].

Можно выделить и группу довольно близких друг к другу параметрических употреблений, в которых также не просматривается компонент рождения текста:

— *назвать 3.1* (установить и сообщить Адресату значение параметра/признака) — т. е. прежде всего решить нетривиальную интеллектуальную задачу: *Мисс Марпл назвала имя убийцы* (установила и сделала достоянием гласности);

— *назвать 3.2* (сообщить значения параметра/признака, когда установление значения параметра не считается отдельной сложной задачей): *Назовите дату Вашего отъезда; Назовите вашу цену* (Говорящий торгуется с Контрагентом);

— *назвать 3.3* (перечислить представителей некоторого класса: *Назовите известные вам притоки Волги*).

Отдельно в «нетворческой» группе можно привести и производное употребление *назвать 4* (сообщить / путем произнесения / имя / свое или другого лица): *Звонивший так и не назвал себя*.

Таковы основные типы употребления *назвать* в совершенном виде, который в системе «Лексикограф» считается исходным. А для НСВ к тому же имеется нюанс, связанный с тем, что название, единожды высказанное, может подойти, а может и не подойти к объекту. И это коррелирует (правда, нежестко) с видовыми значениями. Если употребление НСВ итеративное, то название, скорее всего, стало постоянным, тяготеет к этому: *Меня называли Орленком в отряде, враги называют Орлом* [Я. З. Шведов] (т. е. герой фактически имеет такое имя/прозвище), а НСВ, понимаемое как перфектное состояние, может означать и одноразовое, не привившееся (пока или вообще) название: *Автор в статье поче-*

му-то называет (возможно, только один раз назвал) информатику информაციологией.

У глагола *сформулировать* компонент творчества тоже проявляется по-разному. Исходным, по-видимому, можно считать «научное» употребление, связанное не только с получением нового текста, но и нового знания — смутного или даже вовсе неизвестного для социума до совершения агентом РА: *сформулировать 1.1* — новую теорию или гипотезу. «Научная новизна» проявляется и в параметрических «аналитических» контекстах *сформулировать 1.1* → *причины* некоторого явления или, скажем, → *стратегию* развития какого-л. сложного объекта: *сформулировать причины явления* означает, прежде всего, понять, в чем причины состоят.

Другой, хотя и близкий тип употребления данного глагола (*сформулировать 1.2*) — это вербализация Говорящим своих представлений о сущности, смутно осознаваемой и, в принципе, не представляющей собой новое. Но при этом рождение текста требует интеллектуальных усилий. Например, *сформулировать 1.2* → *обвинение* (предположим, известно, что совершил обвиняемый, но Говорящему нужно создать текст, «подпадающий» под статью УК). Или *сформулировать 1.2* → *толкование слова* (собственно, изнурительная работа лексикографа лежит как раз в этой сфере — смысл слова вроде бы ясен, а толкование дается непросто, и лингвист вынужден вести свое тихое единоборство с Хаосом).

Рангом ниже по части борьбы с Хаосом стоит *сформулировать 1.3* — вербализация конкретной интенции Говорящего: *вопроса, предложения, требований* и т. п., когда усилия по получению словесной формы менее акцентированы и с текстопорождающим компонентом лексемы весомо конкурирует компонент прагматический, целевой.

Конечно, много случаев контекстнообусловленных, случаев промежуточных — скажем, *сформулировать ответ* (на некий вопрос) — это может быть и предъявление социуму нового знания, и банальная канцелярская отписка; конкретная интерпретация зависит от контекста.

И, наконец, возможно употребление *сформулировать 2* — десемантизированное, представляющее собой аналог экзаменационного вопроса [Падучева 1981], когда, например, школьнику говорят: *Сформулируй, пожалуйста, теорему Пифагора*, и ученик, в ответ на требование учителя, «формулирует» нечто заученное, идя по проторенной дорожке, причем зачастую не только в вос-

произведении смысла, но и в воспроизведении текста. Здесь компонент речевого творчества резко ослаблен.

Кстати, контексты *сформулировать* показывают, что участник-пациенс может, в зависимости от диатезы, выражаться параметрически: *сформулировать 1.1 причины явления* (т. е. в чем они состоят), и в предикативной форме — косвенным вопросом: *сформулировать (1.1 или 1.2?), что такое подвиг*.

Речепорождающая направленность данного глагола может акцентироваться и специальным участником ситуации — языком результирующего текста: *сформулировать теорему → в терминах теории множеств*.

Из примеров видно также, что *назвать* и *сформулировать* (особенно в исходных употреблениях) различаются по таксономии пациенса, и это влечет различия в грамматической форме сгенерированного текста — результата речевого акта. *Называют* обычно сущность, мыслимую как предметную, и название имеет статус именной группы. (Бывает, правда, что объектом называния выступает ситуация, описание которой включает предикативную основу. Например, ребенку, заигравшемуся на компьютере, застав его за этим занятием, говорят: *Это называется «Он делает уроки!»*. Но именуют при этом, все же, ситуацию в целом, которая концептуализуется как некая специфическая предметная сущность.) *Формулируют* же мысль, знание, намерение, самим актом текстопорождения «конвертируемые» в высказывания с предикативной основой.

В употреблениях более периферийных грань между номинативностью/предикативностью объекта может стираться. Например, при ведении переговоров одна из сторон может практически синонимично предложить другой: *Сформулируйте ваши условия* или *Назовите ваши условия*. В последнем случае параметрическое употребление *назвать* (*назвать 3.3*) сочетается с именами сущностей (*условий*), в норме выражаемых текстом с предикативной основой.

Ситуации, обозначаемые разными глагольными лексемами с компонентом текстопорождения, различаются по целому ряду параметров. Проведем еще некоторые сопоставления среди глагольных групп и пар.

1. Можно выделить различие по линии онтологической природы вербализуемого объекта. *Формулируют* обычно ментальное, «внутреннее», как выше мы видели на примерах, а, скажем, *пересказывают* нечто относительно «внешнее», являющее собой

материализованный информационный объект — некий текст, т. е. артефакт, созданный ранее в какой-то другой форме: *разговор, книгу* (и некоторые зрелища — *спектакль, фильм*). При этом произведения, способные стать объектами пересказов, по-видимому, обязательно содержат вербальный компонент; вряд ли можно пересказать *футбольный матч* или *балет* — «чистые» зрелища.

2. Глаголы различаются по прототипической длительности обозначаемого действия; можно сравнить разворачивающиеся во времени действия — референты глаголов *изложить, пересказать*, которые предполагают генерацию достаточно длинного связного текста, и прототипически моментальные акты, обозначаемые глаголами *сформулировать, назвать, выразить* (просьбу). В «Лексикографе» противопоставление длительности и моментальности регулярно отражается самим форматом толкования [Кустова, Падучева 1994]. Различия в длительности, естественно, влияют на сочетаемость глаголов. Так, *теорему* (в норме — одно высказывание) *формулируют*, а *теорию* (совокупность высказываний), скорее, *излагают*.

3. Может быть усмотрена оппозиция и по степени мотивированности высказанного текста, зависимости текста от воли Говорящего. Например, так можно сопоставить *назвать* и *прозвать*. *Назвать 1* (наделить именем; наречь) — это полностью агентивное, волевое действие. (Правда, глагол имеет валентность на мотивировку: *назвать ребенка* → *в честь деда* или → *по святым*, и мотивировка все же как-то ограничивает произвольность выбора имени). А глагол *прозвать* в определенном смысле близок к происшествию: некоторый объект получил прозвище, потому что «так сложилось», и лицо, с чьей «легкой руки» некоторый текст стал прозвищем, обычно не является полноценным, целеполагающим агенсом. Автор прозвища вообще часто бывает неизвестным. Обезличенная форма, выражаемая множественным числом субъекта (и при отсутствии, и при наличии подлежащего) и констатирующая, скорее, не авторство (или не столько авторство), а имеющееся положение вещей (*Его прозвали Бирюком; Соседи прозвали его Бирюком*), вероятно, является более естественной и первичной формой, чем определено-личная, связанная исходно с единственным числом субъекта (*Я прозвал его Бирюком*).

4. У глаголов прослеживается разная степень соответствия текста довербальному знанию. (Если верить поэту, соответствие (при нетривиальном содержании) никогда не бывает совершенным: «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. И. Тютчев).) Оценка такому соответствию явственно выражается наречиями *точно/неточно*,

которые, впрочем, избирательно сочетаются с глаголами создания текста.

Для *назвать 1* (включая 1.1 и 1.2, т. е. 'наделить именем') полного соответствия и не предполагается; объект и его имя имеют слишком разную онтологическую природу. При номинации действуют разнообразные и необязательно точные ассоциативные механизмы, и вряд ли можно сказать, например, что *планету* или *новорожденного ребенка* называли **неточно*. Релевантность называния выражается более смягченными и аморфными аксиологическими оценками, например, *назвать 1* можно *удачно* или *неудачно*.

Для *сформулировать* соответствие прототипически близко к полноте; его нарушение естественным образом маркируется контекстом: *неточно сформулировал*. В данном случае при оценке соответствия сопоставляются объекты, более или менее близкие, имеющие относительно общую, информационную, природу. Это предварительное, неотчетливое знание (о таком знании см., например, [Урысон 1999]) и смысл результирующего «отчетливого» текста.

В значение *пересказать* *a priori* заложено несовпадение форм; итоговый текст должен отличаться от первичного. Вполне применимая оценка *точно/неточно пересказал* выражает сопоставление онтологически однородных объектов — смыслов этих двух текстов.

У *прозвать* степень соответствия в норме должна быть большой и само соответствие несколько мистично: прозвище — это почти литературное произведение, и автор удачного прозвища, по выражению Н. В. Гоголя, «награждая кого-либо словом», уподобляется поэту и лишь «озвучивает», как бы выхватывая из Хаоса, то, что ощущается при восприятии пациенса многими людьми.

Как и у *назвать 1*, для этого глагола показатель *точно/неточно* малопригоден, ср. более мягкий аксиологический контекст *справедливо* в примере (3) [*справедливо назвал жену Нефертити*], где фактически речь идет о прозвище.

5. Дифференцирующим параметром при сравнении разных глаголов может служить и роль Адресата, а именно значимость/незначимость Адресата в ситуации рождения текста.

Так, *изложить*, *пересказать* предполагают наличие адресата, стандартным образом синтаксически выраженного дативом: *изложить, пересказать что-л. кому-л.*; эти глаголы «нацелены» на конкретного слушателя / конкретную аудиторию.

Правда, у них, как и у *сформулировать* (см. выше), возможно экзаменационное употребление, когда «экзаменатору» важно убедиться в умении субъекта излагать и пересказывать. Соответствующий диатетический сдвиг — уход участника [Падучева 1999] — можно видеть в следующих «школьных» контекстах, где «уходит» Адресат: *Ученики пишут изложение; Кто ясно мыслит, тот ясно излагает; Упражнение № 5* [на иностранном языке] — *к следующему уроку — читать и пересказывать*.

Глагол *назвать* 1 валентности на Адресата вообще не имеет: *назвать ребенка* → *кому? Называют новый объект сначала про себя, выбирая имя, а затем — как бы сразу для всех, для социума (и для самого объекта, чтобы можно было говорить о нем, а если это одушевленное существо, способное к коммуникации, то еще и чтобы можно было обращаться к нему). Конкретный адресат, как показывает язык, в ситуации такого называния неуместен.

У *сформулировать* адресат тоже требуется не во всех употреблениях: *сформулировать* 1.3 → *свою просьбу* → *начальнику* звучит лучше, «прототипичнее», чем, например, *впервые сформулировать* 1.1 → *научную гипотезу* → ?*соседу*. Новое нетривиальное знание *формулируют* тоже, как правило, сначала для себя, создавая Текст, а потом уже «для мира», озвучивая или публикуя Текст. При этом мир понимается широко, чуть ли не в масштабах человечества и истории и, как подобает универсуму, не выражается обычно эксплицитно в виде актанта.

Изначальная внутренняя сосредоточенность, внимание прежде всего к получению текста проявляется, соответственно, и в рефлексивной сочетаемости *назвать* и *сформулировать*: *сформулировать что-л. для себя / про себя* воспринимается нормально, *назвать что-л. как-л. для себя / про себя* тоже допустимо, а вот ?*изложить что-л. для себя / про себя* можно только в некоторой специальной ситуации, например, готовясь к ответственному разговору); акт изложения как бы изначально «экстравертен», направлен вовне. (Правда, *назвать* и *сформулировать* тоже нельзя считать «интравертами» — ведь *называют* объект прежде всего для дальнейших коммуникаций; наедине сам с собой, в размышлениях о некотором объекте, человек может порой обходиться невербализованными образами, например визуальными, и называние — это так или иначе выход в мир.)

Важность первичной внутренней речи для *назвать* 1.1 можно видеть на таком примере: *Первое из значений прилагательного разный я называю интенциональным...* (фрагмент выступления с научным докладом). Произнося в этом контексте глагол *назвать*,

автор доклада фактически показывает, что искомый термин вначале возник в его внутренней речи, некоторое время проходил мысленную «обкатку» и лишь затем, «утвердившись» в его сознании, посредством формально-перформативного употребления *назвать* предоставляется на суд научной общественности.

В «Лексикографе» при выстраивании повременной, пошаговой декомпозиции той ситуации, что выражается речевым глаголом, возникает проблема выбора глагольного примитива (или более сложного метаслова), обозначающего саму текстопорождающую операцию. Например, для *сформулировать 1.1* (гипотезу): как субъект заполучил искомый текст — *создал* ли он его? *придумал*? *нашел*? *выбрал*? В настоящей версии базы данных используется метаслово *придумал* («Имея целью донести до Адресата некоторое Содержание (Смысл), Сб придумал и сказал/написал Текст»). С одной стороны, этим словом подчеркивается ментальная суть операции, с другой стороны, импонирует некоторая его неопределенность в способе обретения результата: то ли этот глагол обозначает удачное происшествие, то ли — как конатив — ожидаемый итог вдумчивой работы. В толкованиях может применяться и дизъюнкция альтернативных пониманий *придумал* — *придумал 1* (конатив) или *придумал 2* (происшествие); кстати, родовое для всего класса РА метаслово *сказал* тоже имеет номер — *сказал 2* («произнес»).

Неопределенность «ментального» метаслова в какой-то мере отражает индивидуальный характер мыслительной деятельности, связанной с рождением текста, индивидуальную стратегию субъекта — то, как Сб обращается (и управляет) с собственным довербальным знанием — «Хаосом». Например, что происходит с Субъектом перед тем, как он сообщает аудитории нечто новое и оригинальное? Накапливает ли он много «хаотических» знаний вначале, а затем уже «формулирует»; либо структурирует свою мысль постепенно, помогая себе при этом словом; совершает ли осознанно перебор вариантов и каким образом устанавливает меру соответствия мысли и Текста. Эти вопросы составляют предмет для других наук, в частности когнитивной психологии, и в существенной мере выходят за рамки лексической семантики.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян, Гловинская 1999 — *Апресян Ю.Д., Гловинская М.Я.* Статья слова РУГАТЬ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1999. Вып. 1. С. 345–351.

- Гловинская 1993 — *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // *Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект.* М., 1993. С. 158–218.
- Wierzbicka 1987 — *Wierzbicka A.* English Speech Act Verbs: A semantic Dictionary. Sydney etc., 1987.
- Зализняк 1991 — *Зализняк Анна А.* Словарная статья глагола ГОВОРИТЬ // *Семиотика и информатика.* М., 1991. Вып. 32. С. 71–83.
- Кустова, Падучева 1994 — *Кустова Г. И., Падучева Е. В.* Словарь как лексическая база данных // *Вопросы языкознания.* 1994. № 3. С. 96–105.
- Падучева 1981 — *Падучева Е. В.* Вопросительные местоимения и семантика вопроса // *Разработка формальной модели естественного языка.* Новосибирск, 1981. С. 80–105.
- Падучева 1999 — *Падучева Е. В.* О роли метонимии в концептуальных структурах // *Труды Международного семинара «Диалог-99» по компьютерной лингвистике и ее приложениям.* Таруса, 1999. Т. 1. С. 215–225.
- Урысон 1999 — *Урысон Е. В.* Статья слова ПРЕДЧУВСТВИЕ // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* М., 1999. Вып. 1. С. 272–276.

ГАРМОНИЯ: СЛОВО В ПОЭТИЧЕСКОМ ГИПЕРТЕКСТЕ И ОТДЕЛЬНОМ СТИХОТВОРЕНИИ

Слово *гармония*, входящее в концептуальное поле порядка, относится к пласту отвлеченной лексики русского языка иноязычного (греческого) происхождения. Пришедшее в русский язык через посредство, по разным данным, французского, немецкого, польского языков, слово впервые было зафиксировано в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Вейсмanna в 1731 г. (в виде *гармония*) и затем отмечалось многочисленными словарями, как общими толковыми, так и частными. Наиболее полно семантическая структура этого существительного развернута в Словаре Даля. *Гармония* — это, по Далю, «соответствие, созвучие, соразмерность, равновесие, равномерность, равнозвучие, взаимность, соотношение, согласие, согласность, соглас, стройность, благостройность; соразмерное отношение частей целого; правильное отношение одновременных или современных звуков, аккорд; самая наука о созвучиях» [Даль 1989: 344].

Слово *гармония* никогда не принадлежало и не принадлежит к частотной лексике русского языка (как, впрочем, и других языков). Объективная основа этого понятна: она заключается в том, что гармония — состояние желаемое, но трудно достигаемое и далеко не всегда достижимое человеком, редко наблюдаемое, отмечаемое в природе, мире. По данным «Частотного словаря русского языка» [Засорина 1977: 133], общая частота употребления слова по всей выборке — 10 (эта же частота характерна, например, для слов: *аналогия, бессонница, венок, вечность, гипотеза, декорация, истечение, помеха, пучина* и др.); частота по подвыборкам, т. е. по жанровым группам текстов, такова: 1) газетно-журнальные тексты — 4; 2) драматургия — 1; 3) научные и публицистические тексты — 2; 4) художественная проза — 3. (При этом общая частота употребления прилагательного *гармонический* — 12, а совокупная частота исходного слова гнезда и его ближайших производных — 30.) Как видно, частотность слова в художественных текстах ниже, чем в нехудожественных. В словаре нет отдельных данных по поэтическому языку, но, даже не имея их, можно предположить, что они будут такого же порядка, что и данные по прозе и драматургии.

Обращение к языку русской поэзии разных периодов показывает, что в творчестве большинства поэтов слово *гармония* — лексическая единица редкого свойства. Отдельные примеры находим в поэзии XVIII в., например у Николева: *Крылатых [птиц] нежна гармония, / Восторгом мой возносит дух*. В творчестве поэтов XIX в. также немногочисленны случаи употребления слова, причем в основном в связи с темами природы и человека. Ср.: Батюшков — 2, Баратынский — 3, Лермонтов — 3 (общее число по всем произведениям — 7), Тютчев — 4, Фет — 2 и т. д. (данные приводятся по частотным поэтическим словарям, а также по текстам, имеющимся в базе данных отдела Машинного фонда ИРЯ РАН). Наибольшая частотность слова — 10 — отмечается в поэтических произведениях Пушкина (общая частота — 34). Его классические строки, содержащие слово *гармония*, используются в качестве примеров в больших толковых словарях и, разумеется, в «Словаре языка Пушкина»: *Порой опять гармонией упьюсь, / Над вымыслом слезами обольюсь* («Безумных лет угасшее веселье...»); *...поверил / Я алгеброй гармонию* («Моцарт и Сальери»); *Все в ней гармония, все диво* («Красавица»). Заметим, что невысокая частота употребления именно данного слова у поэтов, конечно, не означает отсутствия в их творчестве идеи гармонии, порядка как таковой. Она может выражаться в использовании синонимичных слов (*созвучие, соразмерность* и под.). Ср. у Баратынского: *И соразмерностей прекрасных / В душе носил я идеал* («В дни безграничных увлечений...»).

Характер употребления слова в поэзии XX в., в особенности его начала, демонстрируют материалы «Словаря языка русской поэзии XX века», который может быть рассмотрен как образец поэтического гипертекста.

Термин гипертекст используется в настоящее время в разных значениях. Данная работа строится на понимании гипертекста преимущественно как модели текста, которая выявляет нелинейные отношения составляющих его единиц. (Когда речь идет о модели текста, имеется в виду и один текст автора, и ряд его текстов, и все его тексты, и совокупный текст ряда авторов и т. д.) Такое понимание гипертекста идет от работ Д. Энгельгардта и Т. Нельсона, предложивших в 1967 г. машинный вариант техники создания и чтения нелинейного письма. Примером гипертекста является словарь-конкорданс, в котором все контексты употребления слова (находящиеся в разных точках текстового пространства) собраны воедино и доступны обозрению. Конкордансы, включающие обычно и частотные показатели, дают доступ к

слову во всей совокупности его употреблений, что позволяет обнаруживать его семантические девиации, синтагматические свойства, образность и т. д., выявлять лексику, особо значимую в передаче мировидения, мировосприятия автора, в сводных конкордансах — лексику, в употреблении которой авторы обнаруживают сходство или различие. Конкордансы, как это неоднократно отмечалось, являют собой объекты для лингвистического осмысления, предваряют собственно исследовательскую, интерпретационную работу.

«Словарь языка русской поэзии XX века» — это справочник конкордансного типа. Составлением его занимается группа сотрудников ИРЯ под руководством В. П. Григорьева. В 1998 г. вышел «Пробный выпуск» словаря, в 2001 г. — 1-й том (А–В) [Словарь 2001]. Основные принципы составления Словаря уже излагались в разных работах его авторов и редакторов, поэтому ограничимся указанием на два момента: словарь основывается на материале творчества 10 поэтов (от Анненского до Хлебникова); в словарной статье обязательны зоны заголовочного слова, контекстов, шифров авторов и произведений. Хронологический порядок расположения контекстов позволяет проследить динамику употребления того или иного слова на определенном временном срезе.

Выбранная для анализа статья ГАРМОНИЯ (она войдет во II том словаря) включает 13 контекстов, относится к числу статей среднего объема (стремящегося скорее к малому, чем к большому: в словаре отмечаются статьи на знаменательные слова, содержащие 300 и более контекстов). Невысокая частотность использования слова в поэтическом языке эпохи отражает характер его употребления в общем языке и сопоставима с частотностью в поэтических произведениях других периодов.

Статья ГАРМОНИЯ содержит контексты лишь четырех из десяти поэтов: Анненского, Блока, Кузмина, Мандельштама. Наибольшее число контекстов — 9 — принадлежит Блоку (причем в основном раннему), 2 контекста — Мандельштаму (один контекст — строки из варианта «Грифельной оды»), по 1 — Анненскому и Кузмину. Хронологические границы контекстов охватывают небольшой период — в 20 лет: самый конец XIX в. (1898 г.) — конец 10-х гг. XX в. (1918 г.). Вторая дата, безусловно, значима: она может быть истолкована как рубеж, граница, на которой будто завершается гармония — в мире, природе, в бытии человека. (Заметим, что в статьях большого объема крайней точкой употребления слова может быть начало 60-х гг.; ср. в статье АЛЛЕЯ: первый контекст относится к 1899 г., последний — к 1964 г.)

12 контекстов статьи — это фрагменты стихотворений, 1 контекст — заглавие стихотворения Анненского. Нет случаев употребления слова в составе эпиграфа или цитаты другого типа, в сильной позиции рифмы. Не отмечается написание существительного с прописной буквы; этого нет даже в строках Блока, склонного, как известно, к повышению ранга многих слов, особенно с абстрактной семантикой. Кстати, написание с большой буквы *Гармония* (как апеллятив, а не мифологическое имя собственное: Гармония — в древнегреческой мифологии — супруга царя Кадма из Фив, дочь Ареса и Афродиты) встречается у Тютчева в стихотворениях «Уrania» (1820) и «Весна» (<1821>, <1828>): *Гармонии сыны* здесь — перифрастическое обозначение поэтов.

Обращение к расширенным контекстам показывает, что слово неоднократно употребляется в составе первой строки, выступающей вариантом заглавия, тем самым оказываясь в сильной текстовой позиции, задавая тему стихотворения: «Мою гармонию больную...» (Блок, 1899), «Не нарушай гармонии моей...» (Блок, 1900), «Часто в мысли гармония спит...» (Блок, 1901), «Отзвучала гармония дня...» (Блок, 1901). На значимость слова в текстовом пространстве указывает и его повторяемость, например, в двух стихотворениях Блока 1899 г. — «Надежды трепетной моей...» (*Моей гармонии сердечной* <...> *И без гармонии терзаться*) и «Мою гармонию больную...» (*Мую гармонию больную* <...> *Моей гармонией нарушу...*).

Интерпретация статьи ГАРМОНИЯ, состоящей преимущественно из стихотворных строк Блока, сводится прежде всего к анализу именно этих контекстов.

Слово *гармония* реализуется в блоковских стихах в разных смыслах, некоторые из этих смыслов находим и в строках других поэтов. Гармония как согласованность, соразмерность, внутренняя цельность соотносится прежде всего с человеком, его внутренним миром, его действиями. Это состояние может быть присуще и лирическому герою, и героине (обычно абстрактной) — слово часто сопровождается притяжательным местоимением (*моя гармония, твоя гармония*). В рамках стихотворения нередко возникает противопоставление, организуемое парой существительных и согласуемыми с ними притяжательными местоимениями. Контрастными по отношению к слову *гармония* выступают такие слова, как *душа, сердце, страсть*: *Моей гармонией сердечной / Твоею страстью не развей*. Такого рода пары могут конкретизироваться также контрастными эпитетами: *Но с ясною гармонией Твоей / Моя душа больная не рассталась*. Гармония у Блока —

это светлое состояние: *Не нарушай гармонии моей — / В ней все светло и все духовно*, — отсутствие которого мучительно: *Когда я буду тосковать / И без гармонии терзаться* (в связи с последним фрагментом следует напомнить комментарий самого поэта к стихотворению «Надежды трепетной моей...»: «Важно отнош^ение к иск^усству» [Блок 1960: 655]; имеется в виду, полагаем, внутренняя гармония как предпосылка истинного творчества; ср. также в контексте темы творчества такие строки: *Часто в мыслях гармония спит, / И не льется словесной волною*). Но гармония приобретает под пером поэта и безрадостный, темный ореол: *Мою гармонию больную / Прими, у сердца схорони*. В таком олицетворенном виде гармония оборачивается дисгармонией.

У Блока гармония — это не просто временное, но хрупкое состояние, которое может быть нарушено, разрушено; однако и сама гармония может нести в себе разрушительное начало. Ср., с одной стороны: *Не нарушай гармонии моей; Моей гармонии сердечной / Твоею страстью не развей*, с другой — *Моей гармонией нарушу, / Быть может, строй души твоей*.

Амбивалентность гармонии, гармония на грани с дисгармонией, переход ее в противоположное состояние — это Блок наиболее явно выразил в стихотворении 1903 г. «Никто не умирал. Никто не хочет жить...»: *Там — в темной глубине — такое же томленье / Таких же нищих душ и безобразных тел: / Гармонии безрадостный предел*.

В блоковском материале отмечаются также случаи употребления слова *гармония* как состояния согласованности, равновесия в окружающем мире: *Отзвучала гармония дня* (здесь проступает музыкальная сторона гармонии), а также согласованного сочетания, взаимного соответствия элементов космоса: *...часть души вселенской / Рыдает, исходя гармонией светил*. Именно в таком употреблении рассматриваемого слова сближаются поэты. У Кузмина находим: *Семинебесных сфер / Кристальная гармония меня оглушила*; у Мандельштама: *Не воплощает ли природа / Гармонию высоких чисел?* Последний контекст из раннего стихотворения Мандельштама «В смиренномудрых высотах...» вызывает ассоциации с древним учением о числовых соотношениях между планетами, развитым пифагорейцами, протягивает нить к хлебниковским числам.

Приводившиеся примеры показывают, что отвлеченное сущностное *гармония* часто становится единицей образных поэтических контекстов. Оно сопровождается эпитетами, в том числе метафорическими: *ясная, сердечная, больная, кристальная*;

сочетается с глаголами: *отзвучала* гармония, гармония *спит*, гармония *оглушила*. В некоторых случаях подобного рода употребления довольно трудно трактовать. Например, строки Мандельштама: *Какая мука выжимать / Чужих гармоний водоросли* (в которых слово встречается в малоупотребительной форме множественного числа) — следует интерпретировать с учетом ряда факторов. Во-первых, «Грифельная ода», по мнению Н. И. Харджиева, — это «новый этап в развитии поэтического метода Мандельштама, характеризующийся внедрением в предметную структуру стиха принципов сложных смысловых ходов, отчасти идущих от Хлебникова» [Мандельштам 1990: 498], во-вторых, сюжет оды может быть прочитан, согласно Д. И. Черашней, как история творчества и как смена форм выражения авторского сознания [Там же]. Возможно, здесь речь идет о том, насколько трудно отказаться от достигнутой в творчестве писавших ранее гармонии и не пытаться повторить ее.

Из примеров, составляющих статью ГАРМОНИЯ, выделяется контекст с пометой *Загл.* (заглавие), принадлежащий Анненскому. Стихотворение Иннокентия Анненского «Гармония» — пример того, каким образом разрабатывается тема порядка/беспорядка в мире в рамках отдельного произведения:

В тумане волн и брызги серебра,
И стертые эмалевые краски...
Я так люблю осенние утра
За нежную невозвратимость ласки!

И пену я люблю на берегу,
Когда она белеет беспокойно...
Я жадно здесь, покуда небо знойно,
Остаток дней туманных берегу.

А где-то там мятутся средь огня
Такие ж я, без счета и названья,
И чье-то молодое за меня
Кончается в тоске существованье¹.

Приведенное стихотворение Анненского точно не датировано; оно входит в раздел «Разметанные листы» книги «Кипарисовый ларец», которая «в своей архитектонике подчинена своеобразной логике соответствий и взаимосоответствий, сопоставлений и противопоставлений» [Федоров 1984: 155]. Заглавие «Гармония», взятое вне связи с текстом стихотворения, можно определить как

¹ Стихотворения И. Анненского цитируются по изданию: [Анненский 1990].

не вполне типичное для Анненского. Более характерны для поэта (и об этом писали В. О. Перцов, А. В. Федоров) заглавия, семантически и эмоционально связанные с идеей неблагополучия бытия (с отображением его теневых сторон), зыбкости и обманчивости счастья. Показательны в этом смысле стихотворения, «в заглавия которых входит слово *тоска*: в «Тихих песнях» это «Тоска возврата», «Тоска» («По бледно-розовым овалам...»), в «Кипарисовом ларце» — «Тоска мимолетности», целый цикл-триптих «Трилистник тоски» (в который входят «Тоска отшумевшей грозы», «Тоска припоминания», «Тоска белого камня»), далее — «Тоска вокзала», «Тоска маятника», «Моя тоска», в посмертно изданных стихах — «Тоска кануна», «Тоска синевы», «Тоска миража» [Федоров 1984: 96]. С этими заглавиями перекликаются такие, как «Третий мучительный сонет», «Трилистник обреченности», «Трилистник кошмарный», «Трилистник проклятья», «Трилистник траурный», «Трилистник одиночества», «Сумрачные слова». Заметим также, что в разделе «Разметанные листы» из 22 стихотворений значительная часть имеет заглавия с «нерадостной» семантикой («Невозможно», «Тоска медленных капель», «Нервы», «Второй мучительный сонет» и др.).

Как видно, в общей системе стихотворных заглавий Анненского заглавие «Гармония» выделяется своей положительной семантикой и окраской. Однако рассмотрение его в связи с содержанием самого стихотворения, т. е. как модели темы и ее реализации, предтекста в связи с текстом вносит в это представление существенные уточнения.

Стихотворение-монолог состоит из трех строф, причем идейно-композиционная граница проходит между 2-й и 3-й строфами: 1-я и 2-я строфы объединены повествовательно-смысловым и эмоциональным началами. Тема, заданная заглавием, раскрывается в первых двух строфах через восприятие осеннего дня лирическим героем, находящимся (или воображающим себя) на берегу, по-видимому, морском (*Я так люблю осенние утра... И пену я люблю на берегу*), т. е. пространственно-временная ситуация вполне определенная, и субъект повествования обозначен личным местоимением *я*, чрезвычайно характерным для Анненского. Гармония, которая может возникать в природе из сочетания самых разных и неожиданных ее проявлений, способна вызвать в человеке созвучное ей состояние («соглас», как пишет Даль в статье на слово *гармония*). Отклик героя на видимое, наблюдаемое в природе, ощущаемое при встрече с ней передается глаголами *люблю* (повторяется дважды), *берегу* (сохраняю как что-то ценное), причем усиленными частицей *так* и наречием *жадно*. Выражению

полноты чувств героя способствует и пунктуация: многоточия обозначают паузу именно перед фразами с усилением. 1-я и 2-я строфы заметно метафоризованы: *туман волн*, рождаемые волнами *брызги серебра*, *стертые эмалевые краски*, одухотворенные осенние утра с их *нежной невозвратимостью ласки* и *пена*, которая *белеет беспокойно*. В строфах доминирует светлое настроение, акцентирована лексика с положительной окраской: *люблю, нежную, ласки, берегу*. Грустную ноту привносит мысль о преходящести, недолговечности того в природном мире, созерцание чего дает человеку наслаждение.

Интересно, что первые две строфы носят в совокупности вполне законченный характер: тема гармонии как созвучности, взаимного соответствия человека и природы прозвучала; 1-я и 2-я строфы соотносены: вторая не просто развивает линию первой, но конец ее связывается корневым лексическим повтором с началом первой: *В тумане волн — Остаток дней туманных берегу*.

В книге «Кипарисовый ларец» наглядно действуют контрасты разного рода, в том числе внутритекстовые. В нашем стихотворении 3-я строфа выступает явным контрастом по отношению к начальным четверостишиям. Здесь природа сменяется сферой бытия человека, гармонию сменяет дисгармония. Последняя строфа содержательно и стилистически типична для поэзии Анненского. А. В. Федоров, говоря о том, что значительная часть лирики поэта пронизана чувством глубокой, неподдельной тревоги за то, что совершается вокруг (не только тревоги, но и, добавим, вины), в качестве одного из примеров приводит 3-ю строфу нашего стихотворения [Федоров 1984: 88]. С этой строфой перекликаются строки некоторых стихотворений того же раздела; ср.: *Но... бывают такие минуты, / Когда страшно и пусто в груди... / Я тяжел — и немой и согнутый... / Я хочу быть один... уходи!* («Canzone», приведена последняя — 3-я строфа), *Ну, а те, что терпят боль, / У кого как нитки руки... / Люди! Братья! Не за то ль / И покой наш только в муке...* («Дети», цитируется также последняя — 5-я строфа).

Контраст 3-й строфы по отношению к 1-й и 2-й обозначается сразу и резко — противительным союзом *А* и наречием *там*, характерно символистски противопоставленным наречию *здесь* (третья строка 2-й строфы). Причем сочетание слова *там* с неопределенным наречием *где-то* задает общую неопределенность, размытость границ пространства, в котором протекает действие. Семантика неопределенности заключена также в словах *что-то*... существование, значение неопределенной множественности, безымянности — в образе *такие ж я, без счета и названья*. Местоимение *я*

этой строфы объединяется с троекратным *я* предыдущих строф, но и отделяется от него, что Анненский подчеркивает курсивным написанием местоимения. («Но это собственное „я“, — замечает А. В. Федоров, — вместе с тем одно из многих „я“, существующих вокруг и за которые поэт чувствует себя ответственным. И нет при этом никакого эгоцентризма, прикованности к самому себе, тем более — самолюбования или противопоставления себя другим» [Федоров 1984: 112]). Неопределенность, распространяемая на пространство, пребывающих в нем «я», как будто расширяет рамки дисгармонии бытия, темная, разрушительная суть которой подчеркивается лексически: *мятутся средь огня* (*огонь* здесь не связан с традиционно-поэтическим «любовь»); это, скорее, символ мучений, страданий, печали, невзгод и т. п.), *кончается в тоске существование*.

Стихотворение, посвященное гармонии, содержит это слово только в предтекстовой части — в заглавии. При соотнесении заглавия с текстом проясняется смысл первого: гармония неразрывно связана со своим противоположным началом, гармония предполагает дисгармонию. Такое прочтение заглавия, возникающее при движении от текста к заглавию, если и не перемещает его в ряд приводившихся выше примеров-заглавий Анненского с «темной» семантикой, то, во всяком случае, заметно сближает его с ними.

Анализ и интерпретация фрагмента поэтического гипертекста со словом *гармония* показывает, что это, малочастотное в языке поэзии начала XX века, слово связано преимущественно с поэзией символизма. Доминирующим оказывается восприятие, понимание гармонии в соотнесенности, в единстве с дисгармонией. Это не кажется случайным: основу символистского «мифа о мире» (термин З. Г. Минц) составляют миф Творения, Хаос и Космос, Тьма и Свет, Земное и Небесное в их сопряжении, тесной и таинственной связи.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненский 1990 — Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. (Б-ка поэта. Большая сер.). Л., 1990.
- Блок 1960 — Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 1.
- Даль 1989 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989. Т. 1.
- Засорина 1977 — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

- Мандельштам 1990 — Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. М., 1990.
- Словарь 2001 — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1: А–В / Сост. В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова, В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М., 2001.
- Федоров 1984 — Федоров А. В. Иннокентий Анненский: Личность и творчество. Л., 1984.

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК В ДИЛОГИИ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ»

Романы «В лесах» и «На горах» обрели популярность прежде всего благодаря богатству этнографической основы. Даже не любивший их автора М. Е. Салтыков-Щедрин считал эту дилогию настольной книгой для исследователей русской народности [Салтыков-Щедрин 1968: 440]. Соответственно, ее язык может дать материал для исследования русской языковой картины мира.

В романах прослеживаются два синонимических ряда, один из которых формируется концептом порядка (*благочиние — завет — закон — канон — обряд — обрядня — обычай — порядок — правило — ряд — устав — чин*), другой — концептом беспорядка (*бесчинство — содом — сумятица*). Первый явно преобладает не только по числу образующих его лексем, но и по их частотности в тексте. Это закономерно: в центре изображения — традиционный уклад жизни, где на все свой устав.

Быт персонажей строго регламентирован. «Поставив на стол кулебяку, сотворила мать Таисея семипоклонный уставный начál. А с ней творили тот обряд и приезжие гости» [Мельников-Печерский 1963: III, 345]¹; «Чин чином справили свой праздник Бояркины» (III, 334) и т. д. Особенно значимы обряды, связанные с рождением и смертью человека, а также с началом супружеской жизни; они показаны наиболее подробно. Похороны Насти совершаются «чинно и стройно, по уставу, изустно передаваемому из рода в род»; «то древняя обрядня» (II, 559). Во время сватовства Самоквасова все присутствовавшие «положили семипоклонный начál», затем «обычным порядком благословили жениха с невестой»; при этом старший из персонажей руководит молодыми: «Теперь, по дедовскому и прадедовскому завету, следует вам поцеловаться...» (V, 440). Связь обрядов с идеей преемственности поколений, чрезвычайно ценимой в художественном мире писателя, подчеркнута и в других эпизодах. На крестильном обеде повитуха заставляя отца ребенка через силу есть соленую кашу:

¹ В дальнейшем отсылки к тексту дилогии будут даваться в круглых скобках с указанием тома и страницы по [Мельников-Печерский 1963].

«Старый отецкий устав не смей нарушать — исстари так дедами-прадедами уложено...» (V, 215). Устав определяет поведение персонажей и в повседневных ситуациях. Вернувшись из деловой поездки, Чапурин здоровается со своей семьей по ритуалу: «Чин чинном: помолился... перед иконами» и «стал... целовать сначала жену, потом дочерей по старшинству. Всё по-писаному, по-наученному, по-уставному» (II, 446).

Порядок обладает в глазах героев дилогии огромной, почти сакральной ценностью. За праздничным обедом Чапурин говорит приглашенным: «Сами знаете, что по старому святому завету гость хозяину не указчик — что поставят перед ним, то и кушай...» (V, 208). Святым заветом, как видно, именуется всего лишь элемент застольного этикета. Авторитет устава настолько велик, что его соблюдение интуитивно воспринимается как гарантия нравственного достоинства человека. Вопреки фактам Чапурин долго не верит в аморальность отца Михаила, так как пленен безупречным порядком в его богослужении и хозяйстве. Следование чину — лучшая поддержка репутации. Моральный авторитет Чапурина был подкреплён тем, как прошли похороны Насти: все в округе «похваляли и возносили» его за то, что он «справил всё... по-заветному», «по всем порядкам устроил душу своей дочери» (II, 565). Порядок осознаётся как своего рода духовная ценность, но ценность эта нередко измеряется деньгами. Например, растущее восхищение Чапурина чинностью и стройностью службы в Красноярском скиту вызывает в его сознании рост пожертвования отцу Михаилу от ста рублей до четырехсот пятидесяти. В другом эпизоде мать Таисея предлагает приезжим насладиться красотой панихид в ее скиту; для гостей очевиден ее расчет на то, что эта красота обеспечит обители щедрые вклады. «Та же лавка», — хохочет один из них (III, 344). Так этическое и эстетическое значение обряда согласуются с материальной выгодой. В этом проявляется особый практицизм, характерный для персонажей дилогии.

Почтение к исстари заведенному порядку побуждает соблюдать его даже там, где для этого нет никаких рациональных оснований. Например, о свадьбе уже все решено, но родители ищут сваху: «Без свахи нельзя — старозаветный обычай соблюсти необходимо» (II, 387). Во время болезни Смолокурова городничий приказал застелить его улицу соломой: «без соломы нельзя, это для порядка требуется» (V, 204). Покой больному обеспечен и без соломы (улица поросла травой, по ней почти никто не ездит), но неписанный закон выше логики.

Герои дилогии наделены сильными страстями. Но ради соблюдения устава они обуздывают свои душевные бури. «В невозмутимом покое», «по чину, по ряду и в очередь» встречает игуменья Манефа богомольцев, избежавших гибели в лесном пожаре (III, 328). Пунктуально соблюдая ритуал, героиня подавляет свое глубокое волнение: она до последней минуты не знала, жива ли ее обожаемая дочь Фленушка. Встретившись после разлуки, Алексей и Марья Гавриловна также сдерживают свою страсть: «Чин чином, прежде всего сотворил он уставные поклоны перед иконами, а потом, молодецки встряхнув кудрями, степенно отдал поклон... хозяйке. Сдержанно ответила она ему малым поклоном» (III, 210). Только после этих чинных телодвижений влюбленные могут дать волю своим чувствам; они тут же бросаются друг другу на шею.

Обряд не всегда противостоит душевному порыву; в иных случаях они созвучны. Так, целуя своих дочерей «по-наученному, по-уставному», Чапурин действительно любит старшую (ту, которую он целует первой) больше, чем младшую. Чувство героя и уставная форма его выражения полностью соответствуют друг другу. Так же обстоит дело и с предсвадебной поездкой Дуни на могилы родителей; поступок девушки продиктован одновременно и «старым обычаем», и «сердечною необходимостью» (V, 508). Потрясение стариков Чапуриных скоропостижной смертью любимой дочери не мешает им тщательно соблюдать все стародавние обычаи во время прощания с ней; ритуальность действий не воспринимается ими как нечто противостоящее их глубокому горю. Напротив, именно соблюдение векового порядка смягчает это горе, гармонизирует душевную боль.

Поэтому герои следуют уставу, как правило, без всякого принуждения, просто в силу своей принадлежности к данной культурной среде. Но если кто-то забывает соблюсти порядок, от старшего немедленно следует строгое замечание. Например, когда пожилая монахиня «поспешно и весело влетела в келью» к игуменье, та была разгневана таким отступлением от устава: «Можно разве преставлять старые обычаи?...» Во внимание не приняты ни почтенный возраст провинившейся, ни отсутствие свидетелей ее вины, ни формальность самого преступления: «...нарушения чина я не забуду — поклоны за тобой!» (III, 358). И старушка принимает кару как должное. С той же легкостью принимает власть устава подавляющее большинство героев дилогии. Им неведом тот конфликт между чувством и ритуальной формой его выражения, который мучает, например, героиню «Грозы» А. Н. Островского в сцене ее прощания с мужем.

Сказанное подтверждает справедливость давнего суждения: романы Мельникова-Печерского свидетельствуют, «как велика в народе потребность строгого житейского уклада, который, за отсутствием регуляторов более духовного, нравственного порядка, служил бы уздою» [Авсеенко 1874: 375]. В крепости обряда герои писателя ищут укрытия от самих себя, инстинктивно чувствуя в жизни «по-наученному, по-установному» противовес своим разгульным наклонностям. Нарушить порядок, установленный предками — значит жить по своей воле. Но персонажи высказывают убеждение, что вольная жизнь не пойдет им на пользу. Пример тому — доверительный разговор матери и дочери. Фленушка рыдает: «Душно в обители, простору хочет душа, воли!» Манефа «тихо и нежно» отвечает: «Неволя только крушит, а воля человека губит...» (III, 466). Иначе говоря, самый тягостный порядок предпочтительней воли: жизнь на просторе, по убеждению Манефы, приводит душу к гибели. Героиня согласна скорее «сокрушить» себя, изнасиловать свою природу. Заметим, что слова Манефы противостоят русской языковой картине мира, где *простор*, по которому гуляет *широкая русская душа*, является одной из главных ценностей: «Без простора нет покоя, без простора — душная теснота. Только на просторе человек может быть самим собой» [Левонтина, Шмелев 2000: 340]. Отвержение этих ценностей некоторыми персонажами дилогии связано, на наш взгляд, с их принадлежностью к расколу — традиции, противостоящей магистральному пути русской культуры. И Манефа, и Фленушка обладают достаточной силой характера, чтобы отречься от простора и воли, навеки надеть на себя вериги строжайшего устава. В результате обе ощущают себя раздвоенными, перестают быть самими собой. Между тем сюжет романа «На горах» говорит о том, что именно привычка к жесткому внешнему порядку делает душу беззащитной перед соблазном: Дуня Смолокурова, воспитанная в скиту Манефы, легко стала жертвой сектантской пропаганды.

Мельников-Печерский изображает разные социально-культурные группы, и критерии порядка в них различны. То, что одним сообществом оценивается как *бесчинство*, другим воспринимается как *святой обряд*. Именно такое столкновение оценок возникает при участии Дуни в радениях хлыстов. Тайные обряды сопровождаются звуковым хаосом. Например: «Дикие крики, резкий визг, неистовые вопли и стенанья... нестройные песни сливаются в один зычный потрясающий рев»; «с безумным хохотом голоса во всю мочь вертящиеся женщины» (V, 102). Лейтмотивами в описании радений становятся *судорога*, *неистовство*, *ис-*

ступление. Именно этот шокирующий беспорядок, а не богословское содержание ритуала пробуждает у героини сомнения в новой вере: «не думала Дуня, что это будет так дико, неистово» (V, 110). Героиня пытается узнать у подруг по секте, зачем они «кричат так бесчинно» (V, 115). Но это бесчиние — неотъемлемая часть определенного порядка. Пытаясь обесчестить Дуню, Денисов говорит ей, что это «святой обряд» (V, 342).

Разница в представлениях о порядке приводит к неудачам в межкультурной коммуникации. Пример тому — диалог о *канонах* и *правилах*. Любознательный англичанин, изучающий русские нравы, спрашивает у Алексея Лохматого, в чем отличие «старой веры» от государственной религии. Тот начинает перечислять: «в два пёрста молиться», «в церкву не ходить», «табаку не курить» и т. д.

«— Вы мне рассказываете обряды, но я желаю знать правила вашей русской старой веры... Правила... Понимаете?»

— Правила! Как не понимать!.. Это понимать завсегда можем!.. — невпопад догадался Алексей. — У мирских правила не полагаются... Это у старцев только да у стариц... Так и зовется у них «келейное правило». Великим постом земных поклонов сот по восьми на день этого правила закатывают...

— Это вы... также рассказываете обряды старой веры, — толковал свое англичанин, — а я желаю знать правила веры, то есть ее каноны. <...>

— Каноны! Как не понимать!.. — ответил Алексей. — Мало ли их у нас, канонов-то... На каждый праздник свой канон полагается, на Рождество ли Христово, на Троицу ли... Куда такую пропасть на памяти держать!.. По книгам их читают...» (III, 76–78).

Очевидно, что для англичанина *правила* и *каноны* — это основания вероисповедания. Для Алексея же *канон* — это церковное песнопение, посвященное празднику, а *правило* — совокупность молитв и поклонов, обязательная для монашествующих. Примечательно, что в словаре В. И. Даля (друга П. И. Мельникова-Печерского) оба значения слова «канон» стоят рядом, но в языке диалогии они противопоставлены. Молодой купец не понимает собеседника в силу своей принадлежности к старообрядческой субкультуре, где обряд, по сути дела, заменил собой богословие.

Особое место в романах занимают эпизоды, которые можно интерпретировать как законное нарушение порядка. Например, после чинной трапезы в скиту Чапурин объявляет игуменье, что устроит здесь и собственную пирушку, не по уставу: «У тебя пойдет собор, а у нас содом» (III, 398). Но в рамках другого сложившегося порядка «сodom» Чапурина — это «честной пир»: его компания

справляет «древнюю, но забытую братчину-петровщину на том самом месте, где скитская обрядность ее вконец загубила» (III, 420). Чапурин указывает сотрапезникам, какой обычай старого обряда надо соблюсти, а какой можно и нарушить. Примечательно, что Манефа, строгая блюстительница скитского устава, сама посылает загулявшим купцам посуду для заведенного на их пирушках битья об пол. Тем самым негласно признается законность оглушительного «содома», его право занять свое место в общем порядке жизни. Ограниченность этого места бесспорна и для самих нарушителей спокойствия: наутро они уже «чинно, степенно» обсуждают свои торговые дела (III, 443). Когда мать Таисея предлагает Самоквасову опохмелиться, тот встречает ее «чин чином», а свое вчерашнее буйство оправдывает тем, что нельзя было отставать от старших: «Старших почитать велено, во всем слушаться». Тем самым «содом» предстает как следование закону послушания, с чем монахиня полностью соглашается (III, 478–479). Разгул оценивается как уважение к старым порядкам и в другом эпизоде. Мужики справляют Петров день — сначала «чинно, степенно», потом с «шумной потехой», «пьяным весельем»; это «спокон веку водилось» (III, 385–386). По их мнению, праздник должен отмечаться именно так, потому что это «дедовский обычай», «заветное слово» предков (III, 389).

Законные нарушения устава обозначаются в диалогии как *проказы*, *шалости*, *озорство*. Как синонимы слова *проказы* встречаются *забавы* и *затеи* (IV, 393, 395). Проказы — это такие нарушения порядка, которые никому не приносят вреда. Внося в повседневную динамику жизни сумятицу и даже хаос, они не преступают определенного им временного, эстетического и нравственного предела, а потому противопоставляются греху. Нарушая скитский устав, Фленушка и Самоквасов «проказничали только, баловались, до греха не доходили» (IV, 398). Проказы соответствуют правилам более глобального порядка и даже известному канону. Таково изображение *свадьбы уходом*, при которой жених выкрадывает невесту с ее согласия, а родня пытается ее догнать и отбить. Автор указывает, что свадьба уходом в изображаемой среде не редкость; подчас ее имитируют, чтобы не тратиться на обычную свадьбу: «При этом, однако ж, весь обряд чин чином соблюдается: и погоня во все стороны, и брань с проклятиями при встрече, и топанье ногами, и битье плетью и ухватом на глазах сбежавшейся деревни: всё как следует» (II, 75). Устраивая свадьбу уходом, Фленушка предвкушает удовольствие от всеобщего переполоха («содом подыдем»), но спохватывается: «Невесту-то

величать позабыли!.. Без того не складно будет, не по чину, не по обряду» (III, 508–509). Она же требует, чтобы невеста отдала жениху кольцо и ленту: «Нельзя без того... Надо обряд соблюсти» (III, 510). Очевидно, что проказа, надолго взбаламутившая округу, сама по себе строго регламентирована. В соответствии с тем же ритуалом ведет себя Чапурин. Его дочь выбрала именно того мужа, которого он ей желал. Однако испокон века положено, чтобы отец беглянки сердился, и герой разыгрывает своего рода театральный спектакль. В притворном гневе он кричит на молодых и даже слегка бьет плеткой: «Обряд справлял Патап Максимыч» (III, 576).

Проказы рисуются как дань молодости, особенность небольшого временного промежутка, по истечении которого жизнь человека входит в колею порядка. Писатель воспроизводит здесь одну из закономерностей традиционной народной культуры, допускающей молодежные развлечения, выходящие (в определенных рамках) за пределы обычных этических норм [Громыко 1986: 179, 212]. «Молода еще — кровь во мне ходит», — говорит Фленушка о своих разгульных наклонностях (III, 466). Озорство Самоквасова также объясняется тем, что кровь «еще не совсем уходилась в нем» (V, 402). Такая закономерность определяется ролью *крови* в русской языковой картине мира: «В юности у человека бывает *горячая кровь*, она *кипит*, *играет*, *горит*, вследствие чего человек ощущает в себе избыток энергии, жизненных сил, жажду активной деятельности, любовных приключений» [Шмелев 2002: 32]. Эти жизненные силы и толкают героев дилогии на шалости. Как граница между проказами и степенностью воспринимается брак; по убеждению Чапурина, в озорстве Самоквасова нет особого вреда, но подлинное благо он приобретет после женитьбы: «остепенится, и... чистое золото выйдет из него» (V, 403).

Для Фленушки, в поведении которой также преобладали «озорные шалости и затейные проказы» (IV, 430), подобной границей становится монашеский постриг. Он изменяет героиню до неузнаваемости: бывшая забавница превращается в суровую блюстительницу порядка. Фленушка решается на постриг без малейшей склонности к монашескому служению, единственно ради матери: обычай запрещает скитским девицам выходить замуж «честью», а свадьба «уходом», согласно тому же закону, навсегда разлучила бы игуменью Манефу с дочерью. Никто из окружающих не догадывается, как тяжело героине ломать себя: на людях молодая монахиня бесстрастна и величава, а без свидетелей горько рыдает над своей судьбой. Соблюденный такой ценой устав обретает небывалую до того жесткость: «слова громко сказать не смей, улыб-

нуться не смей», «и все эти строгости завела Фленушка» (V, 502–503). Трагическая судьба самой яркой и обаятельной из героинь дилогии ставит ценность заведенного порядка под вопрос.

Но писатель уходит от обсуждения этого вопроса. Обоснование устава (чина, закона) и цена его соблюдения не становятся в дилогии предметом рефлексии или философских построений. Огромный, в некотором отношении беспрецедентный этнографический материал подан в форме наивного сказа, без характерного для русского романа интеллектуального осмысления. В то время как герои Достоевского осознают и страстно обсуждают скрытую в душе человека бездну, персонажи Мельникова-Печерского лишь инстинктивно чувствуют ее опасность и пытаются обуздать ее с помощью многочисленных правил и канонов. Укрывшись за маской бесхитростного рассказчика, автор не оценивает изображенное; он лишь сочно живописует своеобразный мир, где даже беспорядок является частью порядка.

ЛИТЕРАТУРА

- Авсеенко 1874 — А. [Авсеенко В. Г.] Художественное изучение раскола // Русский вестник. 1874. № 1.
- Громыко 1986 — Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986.
- Левонтина, Шмелев 2000 — Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы // Логический анализ языка: Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000.
- Мельников-Печерский 1963 — Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 6 т. М., 1963.
- Салтыков-Щедрин 1968 — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1968. Т. 9.
- Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.

ПОРЯДОК, МЕТР, ПРИЕМ

В статье рассматривается взаимодействие ритмического и синтаксического членения и роль концептов «метр» и «прием» при порождении отношения порядка в версифицированном тексте.

Опыт литературоведения свидетельствует о том, что не бывает поэтики, абстрагированной от поэтической практики и не опирающейся на характерные для нее жанровые формы. Это положение стало более или менее общепризнанным: неслучайно, за последнее столетие появилось немало концепций, обосновывающих замкнутость и культурное своеобразие далеких от нас традиций, которые нельзя понять, механически распространяя на них представления об авторстве, фиксированной вербальной форме, соотношении конструктивных и орнаментальных элементов текста, навеянные европейской литературой нового времени, ср. [Heusler 1942; Lord 1960; Стеблин-Каменский 1978; 1984; Смирницкая 1994; Циммерлинг 1996].

Не менее важна обратная связь: поэтика — не только рефлексия комментатора, но и нормативные представления, которых придерживаются сами поэты. Текст может быть воспроизведен лишь в том случае, если совокупность приемов, использованных для его порождения, становится предметом рефлексии. Преемственность традиции невозможна, если люди, ее продолжающие, не придерживаются вполне определенных, пусть и не декларируемых, законов жанра. Выражая ту же мысль иначе, —

(i) *не существует поэтической практики без поэтики.*

Наиболее легко осознается разбиение текста на соизмеримые ритмико-синтаксические или чисто метрические отрезки, т. е. наличие уровня членения, не совпадающего с общеязыковым. Поучительно рассмотреть в этой связи древнегерманскую систему стихосложения, основанную на корневой аллитерации¹ [Heusler 1942]. Эта система — по убеждению германистов — отражает архаическое сознание, где «метрика как мера еще не отделилась от

¹ Аллитерация в древнегерманской метрике выделяет слова с общей инициалю: аллитерируют между собой согласные одного качества, или гласные произвольного качества. Предпоследний икт в строке всегда выделен аллитерацией, а последний икт строки, напротив, никогда в ней не участвует.

языка как измеряемого материала» [Смирницкая 1994: 45]², и не имеет явного прототипа в индоевропейском поэтическом языке, моделируя собственно германские особенности просодии слова и фразы [Там же: 45, 98]. Но сколь бы уникальны ни были условия возникновения аллитерационной метрики, ее эволюция на протяжении 1-го тысячелетия н. э. направляется принципом, общим для многих стихотворных традиций, —

- (ш) *Мера субъективности сообщения определяется синтаксической законченностью строки.*

Как известно, для эпических памятников разных народов характерно полное или частичное совпадение границ элементарного предложения и строки: эта закономерность прослеживается независимо от того, что именно служит мерой длины — число словесных ударений в строке, общее число слогов, число мор или иные характеристики. Она свойственна квантитативному стиху Гомера и, в еще большей степени, — изученным М. Перри и А. Б. Лордом разновидностям силлабического южнославянского десятисложника, где предложение никогда не заканчивается посреди строки [Лорд 1994: 163].

Совпадение границ строки и предложения естественно связать с другой часто присущей устным эпическим песням чертой — их *астрофичностью и открытостью*. Действительно, отсутствие такой единицы сегментации, как строфа, легче понять в том случае, если эпический текст состоит не из строго ограниченного числа эпизодов, но из коротких синтаксически законченных сообщений, число которых может быть любым.

Еще одна черта эпоса связана с характером передаваемой информации. Предметом сообщения здесь являются *общеизвестные события прошлого* — деяния героев, легенды и мифы. Они по определению есть достояние всех членов социума. Соответственно, способность передать услышанное и продолжить эпическую традицию тоже должна быть присуща каждому члену социума. Глубинная связь между способом передачи информации в дописьменном обществе и доступностью нарративной техники была

² Существуют разные мнения о том, какой принцип построения стиховой строки был в древнегерманской аллитерационной поэзии основным. М. Л. Гаспаров признает аллитерационный стих тоническим [Гаспаров 1989: 39]. О. А. Смирницкая [1994], вслед за Э. Зиверсом и большинством германистов выделяет в нем отрезки, подобные стопам, состоящие из икта и слабой позиции, т. е. фактически трактует аллитерационный стих как силлабо-тонику. Наконец, К. Голстон и Т. Риад считают древнегерманскую метрику чисто квантитативной [Golston, Riad 1998].

вскрыта М. Перри и А. Б. Лордом на западе и М. И. Стеблин-Каменским у нас³.

Итак, складывается следующая модель. Конец предложения в нарративном эпическом тексте совпадает с концом строки, строфика отсутствует, количество строк неограничено, а сообщаемая информация — мифы и легендарные события — общедоступна: все в равной мере являются ее хранителями и никто не может претендовать на то, что является ее единственным источником.

Конечно, реальные памятники соответствуют этой модели лишь отчасти. Наивно относиться к «Илиаде», «Беовульф» или «Старшей Эдде» точно так же, как к эпическим песням, зафиксированным фольклористами нового времени. Но по особенностям системы стихосложения можно и нужно восстанавливать путь, который она могла пройти ко времени записи памятника.

Древнегерманский аллитерационный стих дошел до нас в двух вариантах — западногерманском (древнеанглийские и древнесаксонские памятники VIII–X вв.⁴) и скандинавском (древнеисландские памятники, записанные в XIII–XIV вв.). Ни один из них не соответствует выведенной идеальной модели. Это наглядно обнаруживается, если изучать соотношение метрического и синтаксического членения с помощью трех параметров:

- (iii) *Текст делится на ряд коротких сообщений, каждое из которых не длиннее строки.*
- (iv) *Элементарное предложение не кончается и не начинается посреди строки эпического стиха, занос предложения на следующую строку (enjambement) отсутствует.*
- (v) *Разбиение текста на строфы отсутствует.*

Параметры (iii), (iv), (v) не всегда сопутствуют друг другу, что часто упускается из вида.

³ В то же время выдвигаемые в данных концепциях гипотезы о том, что именно обеспечивает сохранение ключевой информации при текучести текста — некие «эпические формулы», т. е. ритмико-синтаксические шаблоны (Перри — Лорд) или феномен «неосознанного авторства» (Стеблин-Каменский), спорны. Нет уверенности в том, что формулы, связанные с передачей некоторого весьма общего содержания, не могут быть найдены в европейской поэзии нового времени, ср. обсуждение в [Смирницкая 1994: 208–226; Гвоздецкая 1995: 48–50]. Кроме того, неосознанное изменение текста при его воспроизведении едва ли специфично для средневековых обществ (ср. хотя бы варьирование анекдотов в современной культуре).

⁴ Сохранились две эпические песни, записанные аллитерационным стихом на древненемецких диалектах («Песнь о Хилтибранте» и «Муспилли»), но их стих расшатан и не дает полного представления о метрическом каноне.

В западногерманском варианте аллитерационного стиха конец предложения регулярно приходится на середину строки (enjambement). Средняя длина предложения превышает две смежные строки и составляет $n = 2^{1/2}, 3^{1/2}, 4^{1/2} \dots k^{1/2}$. Деления на строфы в древнеанглийских и древнесаксонских поэмах нет.

В скандинавском варианте аллитерационного стиха конец предложения обычно совпадает с концом строки. Полной синтаксической законченностью строка не обладает и здесь, так как предложение регулярно захватывает большое число целых строк: $n = 2, 3, 4 \dots k$. В нарративных песнях «Старшей Эдды» могут быть выделены примитивные строфы, но их длина не фиксирована даже в пределах одной песни, и они лишены собственных метрических свойств: правил аллитерации, рифмовки и т. п., специфичных для комплекса строк, нет. Ориентиром для эддической строфы служит синтаксическое членение, а не наоборот: строфа кончается там, где кончается предложение (после 3-й, 4-й, 7-й, 9-й строки и т. д.).

	Идеальный эпический стих (прагерманское состояние ?)	Западногерман- ский стих	Скандинав- ский стих
Границы предложения и строки совпадают	+	—	—
Enjambement	—	+	(—)
Строфика	—	—	+

Оба варианта аллитерационного стиха проделали значительный путь в сторону усложнения и удлинения предложения. В результате синтаксическая законченность строки снижена. Западногерманский вариант генерализует занос (enjambement), а скандинавский вариант, где предложение захватывает несколько целых строк, эволюционирует в сторону строфики. И то, и другое является отступлением от реконструируемого исходного состояния.

Между западногерманским и скандинавским вариантами аллитерационного стиха есть и другие различия. Одни из них, как, например, разное число слогов, допускающееся в спадах стиха, скорее всего, объясняются особенностями языкового материала: древнеисландские знаменательные слова в среднем на один-два слога короче древнеанглийских и древнесаксонских. Другие, как

можно думать, проистекают из особенностей самой метрики: строфичные песни «Старшей Эдды» значительно короче астрофичных древнеанглийских и древнесаксонских поэм.

Можно спорить о том, какие из древнегерманских текстов, сложенных аллитерационным стихом, более архаичны или менее затронуты книжной культурой. В одном отношении, однако, древнескандинавская языческая поэзия ближе к европейской, нежели христианская древнеанглийская и древнесаксонская поэзия, — она предоставляет поэту *возможность выбора между разными размерами в зависимости от коммуникативного предназначения текста*. Наряду с основным общегерманским размером, скандинавское название которого — *форнюрдислаг* (*fornyrðislag*), букв. 'размер древних сказаний' — подчеркивает его связь с эпосом, в «Старшей Эдде» есть и другие — *льодахатт* (*ljóðahátt*), букв. 'размер напевов' и *малахатт* (*málahátt*), букв. 'размер речей'. Эти размеры используются, если текст не носит нарративного характера или повествование не является единственной коммуникативной задачей. Особенно показателен размер льодахатт, который используется для гномических сентенций, выражающих житейскую мудрость, ср. пассаж из самой известной песни, сложенной льодахаттом, — «Речей Высокого»:

Meiyar orðom scyli manngi trúa

pé því er kveðr kona (Háv. 84, 1–2).

Девы словам никто верить не должен

Ни тому, что говорит женщина.

Министрофа льодахатта из двух парных строк и одной непарной представляет собой модификацию общегерманского аллитерационного стиха, где к двум парным двухударным кратким строкам (в цитированном примере они строятся по схеме $\acute{x} \acute{x} / x x \acute{\acute{x}}$, аллитерация связывает третий икт с первым) добавлена непарная трехударная строка (в цитированном примере она имеет схему $x \acute{x} \acute{\acute{x}}$). Преемственность льодахатта и общегерманского метра налицо. Вместе с тем строфика льодахатта, как доказал К. фон Зее [Von See 1981], заимствована германцами из соответствующей латинской формы, так наз. элегического дистиха⁵, вместе с гномическим содержанием образца — античных эпиграмм и элегий. Похоже, что выход за рамки традиционного метра вообще невозможен без толчка извне, сколь бы замкнутой стихотворная традиция ни была.

⁵ Об элегическом дистихе см. [Гаспаров 1989: 79].

В древней Англии помимо эпических песен тоже были короткие тексты гномического и элегического содержания, но они сложены тем же основным общегерманским размером, который остается единственным. Тем самым, эпический метр превратился на английской почве в универсальный версификационный код, с помощью которого можно было строить тексты любого содержания.

До сих пор речь в статье шла о традиционных, т.е. неавторских или по крайней мере анонимных, текстах, само содержание которых — эпические сказания или собрание житейской мудрости — не позволяло никому претендовать на индивидуальное авторство. Уникальность ситуации, сложившейся в древней Скандинавии в IX–XII вв., в том, что в бесписьменном обществе параллельно традиционной эпической поэзии широко практиковалась авторская поэзия скальдов, предполагавшая индивидуальное творчество и фиксированную вербальную форму, — тексты скальдов должны были запоминаться и воспроизводиться буквально.

Скальдические размеры тоже являются ответвлением общегерманского аллитерационного стиха, что детально показано О. А. Смирницкой [Смирницкая 1994: 335–422]. В поэзии скальдов метрическое членение окончательно побеждает синтаксическое. Деформации, вносимые скальдической метрикой в линейное развертывание предложений, столь значительны, что отдельно взятая строка не только не обладает синтаксической законченностью, но и нередко оказывается лишена какой бы то ни было семантической интерпретации: связность — синтаксическая и семантическая — восстанавливается только на уровне строфы (четверостишия).

В формальном плане почти все скальдические размеры могут быть определены как «аллитерационная строфика с обязательной рифмой в концовке стиха». Под это определение не подходит только один размер, которым слагались авторские тексты — *квидухатт* (*kviðuhátt*), букв. 'размер песен'. Ряд комментаторов оценивает квидухатт как размер, переходный между эдическими⁶ и собственно скальдическими. Этот вывод подтверждается тем, что из всех применявшихся скальдами размеров лишь квидухатт имеет четкое коммуникативное предназначение: он используется в генеалогических перечнях и поминальных песнях⁷. Квидухатт — строфичный слогосчитающий размер с неравносложными двух-

⁶ То есть размерами, которыми сложены анонимные песни «Старшей Эдды» и более поздние тексты, близкие к ним по стилистике.

⁷ Наиболее известным текстом в размере квидухатт является «Перечень Инглингов», сочиненный норвежцем Тьёдольвом из Хвинира (начало IX в.).

ударными строками. В нечетной строке ровно три слога, а в четной четыре или пять, ср.: $\acute{x} \text{ } \acute{x} / x \text{ } \acute{x} \text{ } \acute{x}$ Fjölnis niðr / við Fýri brann (*YngT*) «Фьёлльнира сын / у Фюри сгорел». Внутренние ресурсы развития аллитерационного стиха, использованные в квидухатте — это, во-первых, а) жесткий счет слогов, во вторых, б) сокращение стиховой строки за счет безударных слогов (их число, как нетрудно подсчитать, уступает числу ударных), в третьих, с) неравносложность строк и появление строфики. В силу всего этого метрика квидухатта накладывает жесткие ограничения на отбор языкового материала.

Все прочие скальдические размеры безусловно нарративны и не привносят коммуникативных ограничений. Обязательная эпическая дистанция отсутствует: характер сообщаемого может быть любым — от текущей ситуации до давнопрошедших событий.

Большинство скальдических размеров имеют соответствия или образцы в европейской (латинской) поэзии своего времени. Неизвестно лишь, какая негерманская традиция повлияла на становление главного скальдического размера — *дротткветта* (*dróttkvætt*), букв. 'дружинный сказ'. В строке дротткветта три ударения (икта) и обязательная ударная концовка: предконечный слог всегда ударный и долгий, а конечный — безударный. Место двух первых иктов и количество слогов, их разделяющих, не фиксировано, что заставляет считать стих тоническим, а не силлаботоническим. От трехстопного хорея шестисложный дротткветт отличается главным образом тем, что второй икт регулярно попадает не на третий, а на второй слог, что особенно характерно для строк, первая половина которых заполнена композитом с односложной первой основой, ср. *línbundin — för þína; gangfögr liðir hanga*⁸.

Основная функция аллитерации в дротткветте — объединять две соседние строки. В нечетной строке должно быть два (не менее двух) аллитерирующих слова, ударный слог концовки обязательно включается в аллитерацию. Следующая четная строка должна начинаться со слова, поддерживающего аллитерацию предыдущей нечетной строки, ср.: *Hvert hafið, Gerðr of görva, / gangfögr liðar hanga*. Главной функцией корневой рифмы является упорядочение звукового материала в пределах строки. Нечетные и четные строки сохраняют формальные отличия. В нечетной строке рифма должна быть неполной, т. е. воспроизводить сегмент корня с некоторой вариацией (обычно сводящейся к за-

⁸ Здесь и далее корневая рифма выделена курсивом, а аллитерирующие звуки — полужирным шрифтом.

мене гласного, ср. *Gerðr of görva*). Такая рифма называется *скотхендингом*, т. е. 'опорным созвучием'. В четной строке рифма должна быть полной, ср. точное повторение сегмента *[ang]* в строке *gangfögr liðir hanga*. Такая рифма называется *адальхендингом*, т. е. «главным созвучием». Как полная, так и неполная рифма всегда приходится на концовку: последний икт дротткветного стиха обязательно соединен рифмой с одним из двух предыдущих. Обычно рифма не распространяется на начальный согласный, но охватывает ядро слога и его финаль (иногда не всю).

Как отдельные строки дротткветта (скрепленные рифмой), так и двустипия (скрепленные аллитерацией) могут представлять собой бессвязный набор словоформ. Это возможно в силу трех причин: а) переплетения предложений внутри строфы (*тмессиса*); б) дистантного расположения частей скальдических перифраз (так наз. *кеннингов*⁹); с) нарушению нейтрального порядка слов. Ср. четверостишие из висы Лейкнира:

Hvert hafið, *Gerðr of görva*,
gangfögr liðar hanga.
ljúg vætr at mér — leygjar,
línbundin — för þína.

Куда торишь, Герд, готовый,
 прекрасная-в-ходьбе, кисти поддержки,
 не лги мне — огня,
 одетая в лён, — путь свой.

Если неискушенный читатель попытается восстановить общезыковой порядок, то ему потребуется немало усилий, чтобы понять, что элементы *Gerðr... liðar hanga... leygjar* («Герд... кисти поддержки... огня») — части общего сложного именованного (кеннинга), что эпитет *línbundin* ('одетая в лён') в начале четвертой строки относится к имени *Герд*, произнесенному уже в первой строке, а прилагательное *görva* 'готовый', из той же строки, отсылает к словам *för þína* 'путь свой', помещенными в конец четвертой строки.

Стих дротткветта знаменует собой предел демотивации первоначально столь прозрачного синтаксически аллитерационного стиха. Этот предел не перекрыт и вряд ли будет перекрыт в истории европейского стиха. Наряду с дротткветтом скальды практиковали и другие строфические размеры, имеющие больше точек пересечения со средневековой латинской метрикой.

⁹ О скальдических кеннингах существует обширная литература, см. обзор в [Гуревич, Матюшина 2000: 17–81; Циммерлинг 2000].

Один из них — *хрюнхент* (*hrynhent*), букв. 'низвергающийся размер', в современной перспективе может быть охарактеризован как четырехстопный хорей, а на фоне латинской поэзии своего времени — как амброзианский восьмисложник, пересаженный на скандинавскую почву и под влиянием дротткветта сменивший дактилическую концовку на женскую. Ср. фрагмент припева «Драпы об Ароне»¹⁰ Тормода Олафссона (XIV в.).

Aron gekk, því óðisk ekki,
ærit fram böðgerð ramma.

Шел Арон, в бою не дрогнув,
Духом яр, на дело брани.

Стихотворения в *хрюнхенте* появляются с конца X в. Заметим, что латинские восьмисложные стихи с женской рифмой, на первый взгляд, более близкие к *хрюнхенту*, нежели амброзианский стих, ср.: *Dies irae, dies illa / Solvet saeculum in favilla* или *Stabat mater dolorosa / Iuxta crucem lacrimosa*, получают широкое распространение в Европе позже *хрюнхента* — в XII–XIII вв. [Гаспаров 1989: 104–105]. Тем самым, уместно говорить о параллельном развитии латинской и германской метрики в сторону силлаботоники. Для скандинавского стиха основная линия выглядит так:

(vi) *Прото-силлаботоника* (общегерманский аллитерационный стих) → *скальдическая тоника* (дротткветт) → *скальдическая силлаботоника* (*хрюнхент*).

Для латинского стиха линия развития, по М. Л. Гаспарову [1989], такова:

(vii) *Античная количественная строфика* (ямбический диметр, трохаический тетраметр) → *средневековая латинская силлабика* (амброзианский стих, пятнадцатисложник 8 + 7) → *силлаботоника*.

С X в. скальды экспериментируют с конечной рифмой; такие стихи известны под сборным названием *рунхент* или *рунхенда* (*runhent, runhenda*), букв. 'рядный размер'. На самом деле, речь должна идти о нескольких размерах с разным числом иктов (двух-, трех-, четырехударные стихи), разной рифмой (мужская, женская) и разной организацией строфы — парная (*aabb*), реже перекрестная (*abab*) рифмовка. Германским источником *рунхента* был не столько дротткветт, сколько эпический аллитерацион-

¹⁰ Имеется в виду Арон Хьёрлейвссон (ок. 1205–1255 гг.), видный исландец XIII в.

ный стих. В ранних образцах рунхента, таких как поэма «Выкуп головы» Эгиля Скаллагримссона (ок. 948 г.), конечная мужская рифма, приходящаяся на односложные слова, одновременно является корневой. Более того, ее можно считать внутристрочной, если трактовать двустипшие рунхента как единую строку аллитерационного стиха. Такой анализ оправдан, поскольку рифма в стихе Эгиля не нарушает традиционной схемы аллитерации, а лишь подчеркивает связь последнего, 4-го икта, по канонам эпического стиха не затрагиваемого аллитерацией, со 2-м иктом, ср. первую строфу поэмы:

	Строки	Схема аллитерации (икты)	Схема рифмы (икты)
1-2	Vestr fórk of ver, en ek Viðris ber <div> <div>— x</div> <div>— x —</div> <div>x x — x —</div> </div>	1-2-3	2-4
3-4	Munstrandar mar, Svás mitt of far <div> <div>— —</div> <div>x —</div> <div>— — x —</div> </div>	1-2-3	2-4

По данному фрагменту видно, что поэт ввел новое метрическое ограничение, искусственно усилив при помощи рифмы последнюю, четвертую вершину стиха ¹¹. Тем самым, просодия стиховой строки перестала соответствовать просодии фразы: древнегерманские языки, скорее всего, не знали генерализованного фразового ударения на последнем слове предложения [Tarlinskaja 1976]. Зато данное новшество позволило преодолеть диктат эпического стиха, разбить четырехударную строку на две короткие двухударные и создать строфику нового типа, построенную на повторе финали, а не инициали слова. Прием был быстро освоен и нашел себе применение в текстах с разным коммуникативным предназначением — от хвалебных песен до сатир, сочиняемых на злобу дня ¹².

¹¹ Характерно, что в рунхенте Эгиля мужская рифма в концовке может попадать на краткий слог, что в основном скальдическом размере — дротткветте — запрещено.

¹² Первый случай сочинения цикла хулительных стихов с конечной рифмой засвидетельствован в начале XI в. В Исландии XIII в. были популярны короткие тексты в рунхенте. Так, когда некто Ллофт был вынужден бежать на острова, а его покровитель Сэмунд не пришел ему на помощь, население откликнулось строфой: *Loftr er í eyjum, / bítr lundabeln, / Sæmundr er á heidum/ ok etr berin eln.* В вольном переводе: «Ллофт сел на шхерах, / пташек дерёт, / Сэмунд в карьерах / и ягоды жрёт».

Эксперименты скальдов с метрикой велись в X–XIII вв. и в других направлениях. Сохранившиеся образцы стихов в редких размерах — *tæglaǵe* (*tøglag*), *хальвхнепте* (*hálfhneppt*) и *хадарлаге* (*haðarlag*) интересны тем, что показывают разные способы преобразования аллитерационного стиха. Здесь не место описывать эти размеры подробно. Укажем, что все они тонические. Тёглаг и хальвхнепт пошли по пути сокращения строки и увеличения ее плотности. Четыре слога строки тёллага заполняются двух-трехударными словами, ср. *Sá skal ráða / ríkr, Súðavík* «Сей будет править/могуч, Судавиком» — х — х / — — х —. На 6 слогов хальвхнепта приходится 3–4 ударных знаменательных слова. Компенсацией за плотность строки является отказ от ударной концовки дротткветта, что позволяет более свободно располагать икты. Тем самым, данные размеры пытаются генерализовать такой параметр, как *нормальная длина слова* (измеряемая числом слогов). Напротив, размер хадарлаг генерализует *обобщенный контур фразы*, делая константой стиха *место словораздела*. В пятисложной строке хадарлага главная схема словораздела 2 + 3 слога, а побочная — 3 + 2. При этом просодия реальных трехсложных словоформ служит ритмическим шаблоном для синтагм вида 1 + 2 слога, так группа *ungr sigri* (— — х) в примере ниже стоит в той же позиции, что и надежная группа *folkraeki* (— — х)¹³:

*Fekk enn folkraeki,
framðisk ungr sigri,
Snorri sár-orra
sverði gnógs verðar.*

букв. «Дал еще владыка,
сподобился, млад, победы,
Снорри, тетереву-ран,
мечом обильную пищу¹⁴».

В большинстве скальдических размеров переплетение предложений в строфе встречается реже, чем в дротткветте, или не встречается вовсе, а синтаксическая законченность строки в итоге оказывается выше, чем в дротткветте. Правда, достигается это за счет сокращения, а не удлинения строки (исключением служит хрюххент), поэтому строка обычно заполняется все-таки не целыми предложениями, но блоками из 2–4 слов, объединенных

¹³ Реконструкция на второй основе сложного слова *folk-rakki* главного, а не второстепенного ударения оправдана тем, что она участвует в рифме.

¹⁴ Смысл: «Воин накормил ворона падалью, убив врагов».

синтаксической связью, — ср. приведенную в предыдущем абзаце строфу хадарлага. Строфа из коротких строк, где каждая новая строка начинает новое предложение, имеет в описываемой стихотворной культуре маркированное, нередко комическое звучание (ср. иллюстрацию в примеч. 12).

Подытожим изложенное. Расподобление метрического и синтаксического членения текста может идти двумя путями. В одном случае движущей силой является полное нарушение линейности речи, что демонстрирует канон дротткветта; просодия строки при этом сама по себе не устанавливает жестких ограничений на отбор материала. В другом случае, который демонстрируют прочие скальдические размеры, движущей силой является введение новых просодических условий, что ограничивает возможное наполнение строки и опять-таки ведет к парцелляции предложения на группы слов, объединенных прежде всего метрикой, и лишь потом — синтаксисом. Второй путь для европейской поэзии типичен: неслучайно многие скандинавские размеры, включая эддический льодахатт, являются продуктом взаимодействия общегерманского аллитерационного стиха и латинской метрики. Развитие в первом направлении могло осуществиться лишь при наличии специальных условий (изучение которых лежит вне компетенции метрики и синтаксиса), обеспечивших массовое распространение эзотерической по своей природе поэзии скальдов в бесписьменном скандинавском обществе. Примечательно, однако, что разработка аллитерационного стиха в обоих направлениях потребовала развития подлинной строфики из строк с неодинаковыми метрическими свойствами: в становлении строфики подобного типа, чуждой эпическому аллитерационному стиху, ключевую роль сыграла рифма.

Скальдическая поэзия существовала достаточно долго для того, чтобы принципы, на которых она основана, отразились в трактатах по поэтике, написанных самими скальдами. Но даже если бы эти трактаты до нашего времени не дошли, вряд ли можно было бы сомневаться, что опыты скальдов свидетельствуют не просто о ресурсах развития стиха (т. е. о «внутренней логике системы», о которой любят говорить лингвисты), но и о *рефлексии поэтов* над звуковым и синтаксическим строем в тех формах стиха, которые достались им в *готовом виде*. Стремление изменить эти формы — для создания текстов с заданной коммуникативной направленностью (льодахатт, отчасти рунхент), для придания метрике большей регулярности по сравнению с синтаксисом (хрюнхент), наконец, для имитации естественного ритмического членения фразы (ха-

дарлаг), — является следствием *ситуации выбора*, в которой оказывается поэт и художник на определенной стадии развития общества [В. Циммерлинг 1999: 49]. А такая ситуация возникает лишь при столкновении нескольких культурных традиций — устной и письменной, автохтонной и заимствованной. Возникла такая ситуация и в бесписьменном изоляционистском древнескандинавском обществе, упорно державшемся своих традиций, в том числе, в области метрики — неслучайно новые формы стиха, опирающиеся на рифму, не смогли вытеснить аллитерационный эпический стих полностью, а лишь ограничили сферу его употребления!

И здесь, видимо, стоит сделать последний вывод — пока в виде гипотезы:

(viii) *Системы стихосложения не развиваются в замкнутом культурном пространстве. Становление нескольких размеров на основе одного общего всегда происходит благодаря толчку извне и путем контролируемой поэтами рефлексии над стихом. Мнение о самодостаточности внутренних ресурсов метра — корпоративный миф, насаждаемый специалистами, настаивающими на уникальности исследуемого материала.*

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров 1989 — Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989.
- Гвоздецкая 1995 — Гвоздецкая Н. Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново, 1995.
- Гуревич, Матюшина 2000 — Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М., 2000.
- Лорд 1994 — Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994.
- Стеблин-Каменский 1978 — Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. Л., 1978.
- Стеблин-Каменский 1984 — Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.
- Смирницкая 1994 — Смирницкая О. А. Язык и стих древнегерманской поэзии. М., 1994.
- Циммерлинг 1996 — Циммерлинг А. В. В поисках устного текста // Atlantica: Записки по исторической поэтике. Вып. 2. 1996.
- Циммерлинг 2000 — Циммерлинг А. В. Исландские скальды и их аудитория // Исландские саги / Пер. с древнеисл., общ. ред. и комм. А. В. Циммерлинга. М., 2000.

- В. Циммерлинг 1999 — *Циммерлинг В. И. Канон и модель // Да и нет не говорите.* М., 1999. С. 46–50.
- Golston, Riad 1998 — *Golston C., Riad T. Äldre Germansk Vers Är Kvantifierande // Meter, Mål, Medel / Ed. M. Nordman (= Proceedings of the University of Vaasa. 1998. Reports. 30. P. 52–70.*
- Heusler 1942 — *Heusler A. Die Altgermanische Dichtung.* Potsdam, 1942.
- Lord 1960 — *Lord A. B. The Singer of Tales.* Cambridge: Mass, 1960. Рус. пер.: Лорд 1994.
- Von See 1981 — *See K. von. Disticha Catonis und Hávámál // Edda, Saga, Skaldendichtung: Aufsätze zur skandinavischen Literatur des Mittelalters.* Heidelberg, 1981. S. 27–44.
- Tarlinskaja 1976 — *Tarlinskaja M. English Verse: Theory and History.* The Hague; Paris, 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ. <i>Н. Д. Арутюнова</i> . О движении, заблуждении и восхождении	3
<i>Г. Х. фон Вригт</i> (Хельсинки). Психо-физическое взаимодействие и замкнутость физического миропорядка	11

ХАОС И КОСМОС ВО ВСЕЛЕННОЙ

<i>Н. Г. Брагина</i> . Мифологический Хаос (культурный след в языке)	18
<i>Е. М. Верецагин</i> . Благодать: хаотичный космос?	32
<i>Н. Б. Мечковская</i> (Минск). О недоверии к красоте и влечении к хаосу (по лингво-семиотическим данным)	41
<i>А. Д. Шмелев</i> . В поисках мира и лада	54

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК В ЛИЧНОМ И СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ

<i>Н. Д. Арутюнова</i> . Воля и свобода	73
<i>Н. В. Гатинская</i> . Грамматика эмоций в «русском космосе»	100
<i>О. П. Ермакова</i> (Калуга). Концепт «безумие» с точки зрения языка ..	108
<i>Г. Е. Крейдлин, М. В. Самохин</i> . Слухи, сплетни, молва — гармония и беспорядок	117
<i>Н. К. Рябцева</i> . Любопытство как организующая и как дезорганизующая сила	158
<i>Е. Я. Шмелева</i> . Семейный миропорядок сквозь призму русского анекдота	191

ХАОС И КОСМОС В МЕНТАЛЬНОМ МИРЕ

<i>Е. Г. Веденова</i> . Роль бесконечности в формировании концепта порядка (в контексте современного естественнонаучного знания)	201
<i>И. А. Герасимова</i> . «Образцы порядка» в творческом мышлении	210
<i>А. Левин-Штайнманн</i> (Лейпциг). Некоторые соображения о методологии определения «картины мира» (на примере стереотипов «порядок—Ordnung» в русском и немецком языках)	221
<i>Е. Д. Смирнова</i> . Логика и порядок в ментальном мире	232

ЯЗЫК: ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК

<i>А. В. Вдовиченко.</i> Хаос в лингвистическом материале как проблема метода. Актуализация вербального феномена	248
<i>В. И. Гаврилова.</i> Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей	256
<i>В. Г. Гак.</i> От хаоса к порядку и от порядка к хаосу («Анархия мать порядка, порядок отец анархии»)	286
<i>Ю. П. Князев</i> (Новгород). Порядок и контроль: способы понижения агентивности в русском языке	294
<i>С. А. Крылов.</i> Порядок и беспорядок с металингвистической точки зрения	302
<i>Б. Тошович</i> (Грац). Корреляционный (бес)порядок	320

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

<i>О. Ю. Богуславская.</i> Прилагательные, определяющие место в последовательности	332
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.</i> Компактность vs. рассеяние в метафорическом пространстве русского языка	345
<i>Э. Керо-Хервилья</i> (Гранада). Словообразовательные особенности глаголов физического преобразования в русском языке ...	356
<i>Т. Крылова.</i> Понятия чистоты и порядка в названиях человеческих свойств: специфика слов с положительным и отрицательным значением	366
<i>Г. И. Кустова.</i> Семантические модели иерархизации и интерпретации в непредметной сфере (на примере прилагательных <i>важный</i> и <i>серьезный</i>)	376
<i>И. Б. Левонтина.</i> Сплошь и рядом	388
<i>И. И. Макеева.</i> Семантика глаголов беспорядочного движения	395
<i>Л. Г. Панова.</i> Слово <i>Бог</i> и его значения: от иерархии небесной — к иерархиям земным	405
<i>Е. В. Рахилина.</i> <i>Ползти</i> : путь к хаосу	415
<i>В. М. Труб</i> (Киев). О функционировании оценок в значениях лексических единиц	431

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

<i>О. А. Казакевич.</i> Порядок в мире и порядок в тексте (на материале селькупского фольклора)	448
<i>Е. Ю. Кукушкина.</i> Порядок и беспорядок в русской свадьбе	461

<i>С. Е. Никитина. О законе, обряде и порядке</i> в народных религиозных текстах.....	471
<i>А. А. Соколова (Санкт-Петербург). Между алданом и урманом:</i> земной космос забайкальского крестьянина	486
<i>Тань Аошуан. Загадка иероглифа luap — беспорядок или порядок?</i>	499

ХАОС И КОСМОС В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРАХ

<i>В. П. Григорьев. Образы порядка и беспорядка у В. Хлебникова.....</i>	504
<i>А. Г. Грек. Дионисийский аспект хаоса</i> в творчестве Вячеслава Иванова.....	519
<i>С. В. Кодзасов. Просодический космос русского стиха.....</i>	537
<i>М. Ю. Михеев. Статистический пробег по метафизическим</i> константам (к созданию тезауруса языка писателя).....	560
<i>И. Ф. Рагозина (Дубна). Достоевский и Сартр: хаос и гармония.....</i>	572
<i>Е. И. Ражева (Дубна). Некоторые случаи отступления от нормы</i> в чтении английской поэзии.....	583
<i>С. Ю. Семенова. Порождение Текста как выход из Хаоса.....</i>	590
<i>Л. Л. Шестакова. Гармония: слово в поэтическом гипертексте</i> и отдельном стихотворении.....	603
<i>С. В. Шешунова (Дубна). Порядок и беспорядок в дилогии</i> П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах»	613
<i>А. В. Циммерлинг. Порядок, метр, прием.....</i>	621

Научное издание

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

КОСМОС И ХАОС:

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ ПОРЯДКА И БЕСПОРЯДКА

Редактор — А. И. Рыко

Оригинал-макет — Л. Е. Коритысская

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

e-mail: indric@mail.ru

or by tel./fax: +7 095 938 57 15

**Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5**

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

**Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
40,0 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 7971**

**Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».**

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

**Книги издательства «Индрик»
можно приобрести
в книжной галерее «НИНА» по адресу:
ул. Б. Якиманка, д. 6
тел. 238-02-69**